

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Забайкальский государственный университет»
Факультет филологии и массовых коммуникаций
Кафедра русского языка и методики его преподавания
Научно-исследовательская лаборатория
«Лингвистическое краеведение Забайкалья»
Научно-исследовательская лаборатория
«Лингводидактические инновации»

ЯЗЫК В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ КОММУНИКАЦИИ

Материалы международной научной конференции
г. Чита, 25–26 сентября 2014 г.

Чита
Забайкальский государственный университет
2014

УДК 811
ББК 81.0я43
ББК Ш10я43
Я 41

Рекомендовано к изданию советом по научной и инновационной деятельности
Забайкальского государственного университета

Редактор

Т. Ю. Игнатович, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и методики его преподавания
Забайкальского государственного университета

Редакционная коллегия:

Ю. В. Биктимирова, кандидат филологических наук, доцент
А. В. Иванова, кандидат филологических наук, доцент
Л. В. Черепанова, доктор педагогических наук, профессор
Ю. В. Щурина, кандидат филологических наук, доцент

Я 41

Язык в различных сферах коммуникации: материалы международной научной конференции / под ред. Т. Ю. Игнатович; Забайкал. гос. ун-т.– Чита: ЗабГУ, 2014. – 308 с.

ISBN 978-5-9293-1216-8

В сборнике представлены статьи, посвящённые актуальным проблемам современной лингвистики и лингводидактики. Особое внимание уделяется особенностям функционирования языка в различных сферах коммуникации, в том числе межкультурного характера. Освещаются языковые трансформации в условиях динамических процессов общения.

Для языковедов и специалистов в области гуманитарного знания.

**УДК 811
ББК 81.0я43
ББК Ш10я43**

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ	
<i>Норман Б. Ю.</i> Неполнота парадигмы: дефект или достоинство?.....	10
<i>Демиденко А. Г.</i> Вербализация позитивных эмоций в украинской паралингвистической фразеологии: этнокультурный аспект.....	15
<i>Дзюба Е. В.</i> Репрезентация интеллектуальной градуированности в русском языке	19
<i>Жамсаранова Р. Г.</i> Дискурсивно-когнитивные уровни значения имени (vs. <i>opoma</i>)	22
<i>Калинин С. С.</i> Фреймовая структура гештальтной системы абстрактного концепта (на примере концепта «женское божество» в эддической песне «Речи Высокого»).....	26
<i>Камедина Л. В.</i> Можно ли менять язык церковного богослужения?	30
<i>Копытов О. Н.</i> Концепция модуса текста и ее возможности для исследования различных сфер речи.....	36
<i>Косович О. В.</i> Усечения-инновации в современном французском языке в аспекте частеречной принадлежности.....	39
<i>Макарук Л. Л.</i> Симбиоз вербальных и невербальных средств в современном англоязычном коммуникативном пространстве.....	43
<i>Михайлова Т. В.</i> Категории оценочности и эвиденциальности в древнерусских текстах XVI века.....	46
<i>Павлова Т. М.</i> Языковая личность как субъект социокультурной жизни	51
<i>Сабирова Г. Б.</i> Декодирование вербализации эмоций	54
<i>Федотова Т. В.</i> Прагматическая актуализация антропонима в коммуникативной ситуации	56
<i>Филинкова Е. О.</i> Графические выразительные средства рекламного текста	59
<i>Тукбаева М. Б.</i> Основные факторы, влияющие на глубину текста.....	63
<i>Хабирова Е. И.</i> Метафора как когнитивный механизм образования фразеологических единиц в языке профессиональной коммуникации	64
<i>Шукуров Н. Н.</i> Интерпретация концептов «жизнь» и «смерть».....	66
II. ЯЗЫК СОВРЕМЕННОГО МЕДИА И ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА	
<i>Бабенко Е. В.</i> Коммуникативные жанры виртуального дискурса: язык блогосферы.....	69
<i>Багаутдинов А. А., Сагдатуллин А. М.</i> Мультимедийный журнал и межкультурная коммуникация.....	72
<i>Ерофеева И. В.</i> Языковые доминанты современного медиатекста	73
<i>Иванова А. В.</i> Коммуникативный потенциал демотиваторов	77
<i>Лобанова Т. Н.</i> Особенности политического медиадискурса КНР в конфронтации с США.....	80
<i>Мележик К. А.</i> Деловая коммуникация на английском лингва франка как процесс и дискурс	84
<i>Михайлов А. В.</i> Сервильность современного российского медиадискурса как его организующее начало	88
<i>Наказная Е. В.</i> Репрезентация идеи политкорректности в учебной литературе по деловому английскому языку.....	92
<i>Петров В. Е.</i> Публицистическая риторика в первые годы экспонирования кинематографа в США.....	95
<i>Смирнова В. А.</i> Тактики манипулятивного речевого воздействия в рекламном дискурсе	99
<i>Щурина Ю. В.</i> Интернет-мем как прецедентный феномен.....	102
III. ЯЗЫК ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА	
<i>Азибалова Т. Н.</i> Лингвализация античной культуры в драматических поэмах Леси Украинки.....	109
<i>Баранова О. Ю.</i> Тема двуязычия в творчестве русскоязычных бурятских поэтов	112
<i>Глухова О. П.</i> Функционирование дискурсивных слов со значением достоверности в современной прозе	116
<i>Зензера И. В.</i> Лексико-грамматические парадигмы обращённости в поэзии Бориса Пастернака	119
<i>Кузмичева И. В.</i> Интертекстуальное пространство образа Лузгаева из романа Б. Акунина «Ф. М.»	122
<i>Лерман И. В.</i> Ироническая оценка в современной художественной прозе	125
<i>Морозова А. Ю.</i> Языковое отображение сюжетного конфликта в повести Д. И. Рубиной «На Верхней Масловке».....	128

IV. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

<i>Абросимова О. Л.</i> К вопросу о существовании русского языка и русских культурных традиций в китайском Трёхречье.....	132
<i>Антошкина А. А.</i> Морфонологические явления в топонимии Забайкалья.....	134
<i>Атсанавонг С. Г.</i> Заимствованная лексика в языке бурятской версии «Субхашиты».....	137
<i>Биктимирова Ю. В.</i> Проблемы подготовки к публикации скорописных памятников регионального делопроизводства XVII – XVIII вв.	142
<i>Герасименко Н. В., Соколянский А. А.</i> Гласный в первой позиции после твердых парных согласных на месте фонем /o/ и /a/.....	145
<i>Игнатович Т. Ю.</i> Исследования восточнозбайкальского варианта русского национального языка: достижения, перспективы	149
<i>Любимова Л. М.</i> Региональные памятники письменности в лингвоантропологическом аспекте	154
<i>Майоров А. П.</i> Письменные памятники как источник «Словаря русского языка XVIII в.: Восточная Сибирь. Забайкалье».....	156
<i>Оглезнева Е. А.</i> Дальневосточный региолект: к вопросу о языковой специфике	160
<i>Пляскина Е. И.</i> Фамильярные обращения в романе К. Ф. Седых «Даурия»	163
<i>Шипановская Л. М.</i> Топонимическая «окраска» одного из регионов Приамурья	169
<i>Цыдендамбаева Ц. Р.</i> Специфика освоения русским языком бурятских заимствований	173

V. СОВРЕМЕННЫЕ НАУЧНЫЕ ПАРАДИГМЫ И ПРОБЛЕМЫ ВУЗОВСКОГО И ШКОЛЬНОГО ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Борисенко Н. О, Журнова В. А., Сибирцева В. Г.</i> Формирование словообразовательной компетенции на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному.....	177
<i>Глинкина Г. В.</i> Структурирование знаний студентов как способ повышения качества филологического образования.....	181
<i>Васильева Е. А.</i> Формирование у школьников познавательных УУД при обучении разным видам чтения учебно-научных текстов на уроках русского языка	185
<i>Васильева Н. В.</i> К вопросу о теоретических основах формирования культуроведческой компетенции школьников при изучении фразеологизмов	187
<i>Воронова Л. В.</i> Основы межкультурного образования средствами русского языка как иностранного и русского языка как неродного в полиэтническом трансграничном регионе	190
<i>Димитриева В. Н.</i> Роль дискурсного подхода в личностно-профессиональном становлении студентов – будущих учителей русского языка и литературы.....	193
<i>Кудрина Т. В.</i> Развитие научной речи учащихся через освоение понятийно-терминологического лингвистического аппарата при обучении русскому языку	197
<i>Муравьёв А. В.</i> Учёт языковых особенностей официально-делового стиля при обучении русскому языку как иностранному	199
<i>Плотникова Г. Г.</i> Основы формирования профессионального ратора	202
<i>Сачкова А. П.</i> Методика работы над репродукцией текста в русле текстоцентрического подхода на уроках русского языка	206
<i>Тарасова Е. В.</i> Cross-культурный принцип преподавания зарубежной литературы в школе	209
<i>Тайшаева Б. А.</i> Технологический подход в использовании интерактивных методов	211
<i>Трофимова О. В.</i> К вопросу о формировании профессиональных компетенций у магистрантов направления «Педагогическое образование» (на примере учебной дисциплины «Современные системы оценки качества образования»).....	213
<i>Фильцова М. С.</i> Об обучении иноговорящих студентов связной научной речи	216
<i>Халявина Д. В.</i> Использование анекдота при обучении русскому языку как иностранному	220
<i>Черепанова Л. В.</i> Научные парадигмы как фактор развития современной лингводидактики и школьного лингвистического образования	222
<i>Шестакова Е. А.</i> Использование рефлексивного вопроса и рефлексивной задачи при обучении учащихся устному развернутому ответу на уроках русского языка	227

VI. ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ

<i>Зайцев Д. М.</i> Традиция брани и сквернословия у белорусов.....	231
<i>Калинина Т. Л., Щечокчихина С. В.</i> Особенности перевода парадоксов на материале перевода пьес О. Уайльда.....	233

<i>Кузнецова А. Ю.</i> Методика формирования профессиональных компетенций в процессе подготовки лингвистов-переводчиков	236
<i>Павлова Л. П.</i> Профессиональная подготовка будущих экономистов средствами иностранного языка	239
<i>Савельева Е. Б., Торопова Е. С.</i> Франкоязычный комикс и его использование в практическом курсе изучения языка	243
<i>Сиддиков Г. Ю.</i> Неадаптированные тексты в системе методики преподавания основ межкультурной коммуникации	246
<i>Усова И. В.</i> Возможности передачи лексической окраски слов при переводе художественного текста	248
<i>Устинина Г. Ф., Валева Р. З.</i> Креативно-деятельностный подход в обучении иностранному языку как средство формирования навыков межкультурной коммуникации	251

VII. ЯЗЫК СКВОЗЬ ПРИЗМУ РАЗНЫХ НАУК: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АСПЕКТ

<i>Багаутдинов А. А.</i> Некоторые лингвофилософские аспекты формирования личности	255
<i>Дробная Е. В.</i> Язык символов иконы на фреске П. Рыженко «Страшный суд»	258
<i>Дугаржапова Т. М.</i> О поэзии Д. Улзытуева	262
<i>Ильин И. В.</i> «Язык» газет Британии и США о бренд-городе Бурнвилль братьев Кэдбери в конце XIX – начале XX вв.	267
<i>Кабановская Е. Ю.</i> Язык и этнический характер славян	270
<i>Казакова Е. Ю.</i> Значение категории «молчание» в изучении семиотической модели культуры	272
<i>Кречетова О. В.</i> Заметки о концептуальном коде «культ предков» русской волшебной сказки (на материале русской волшебной сказки Забайкалья)	276
<i>Литвинова Т. А.</i> Данные нейропсихолингвистики в решении задач диагностирования личности по письменному тексту	279
<i>Мартынец М. С.</i> Естественные и искусственные языки: общее, особенное и единичное	281
<i>Мейкшане Т. В.</i> Лингвистический анализ правовых документов (на примере законов Российской Федерации и Республики Беларусь)	285
<i>Морозов И. В.</i> Прологомены к теории лингвистической абсолютности	288
<i>Романов И. А.</i> Тенденции современной русской литературы	291
<i>Тарасенко Т. В.</i> Семантическая ситуация как объект междисциплинарного исследования	295
<i>Шипановская М. Ю.</i> Микротопонимы Пекина как реалии языка и культуры. Диахронический аспект	299
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	303

CONTENTS

INTRODUCTION.....	9
I. ESSENTIAL PROBLEMS OF MODERN LINGUISTICS	
<i>Norman B. Ju.</i> Incompleteness of the paradigm: defect or merit?.....	10
<i>Demidenko A. G.</i> Positive emotions verbalization in Ukrainian paralinguistic phraseology: ethno-cultural aspect.....	15
<i>Dzyuba E. V.</i> Representation of intellectual calibration in the Russian language.....	19
<i>Zhamsaranova R. G.</i> Diskursivno-kognitivnye levels of value of a name (vs. onoma).....	22
<i>Kalinin S. S.</i> The framework of the general concept's gestalt system (on the basis of the concept "goddess" of eddaic verse "the sayings of the high one").....	26
<i>Kamedina L. V.</i> Is it possible to change the language of church services?.....	30
<i>Kopytov O. N.</i> The concept modus of text and its potential for the study of various areas of speech.....	36
<i>Kosovych O. V.</i> New abbreviations in modern French language in the aspect of parts of speech belonging.....	40
<i>Makaruk L. L.</i> Symbiosis of Verbal and Non-Verbal Devices in Modern English Communicative Space.....	43
<i>Mikhaylova T. V.</i> Categories of evaluation and evidentiality in ancient Russian texts of the sixteenth century.....	47
<i>Pavlova T. M.</i> Linguistic personality as a subject of socio-cultural life.....	51
<i>Sabirova G. B.</i> Decoding the verbalization of emotions abstract.....	54
<i>Fedotova T. V.</i> Antroponim's pragmatical updating in the communicative.....	56
<i>Filinkova E. O.</i> Graphic expressive means of the advertising text.....	59
<i>Tukbayeva M. N.</i> The main influencing factors on the depth of the text.....	63
<i>Khabirova E. I.</i> Metaphor as a cognitive mechanism of formation of phraseological units in the language of professional communication.....	64
<i>Shukurov N. N.</i> Interpretation of the concepts "life" and "death".....	66
II. THE LANGUAGE OF MODERN MEDIA AND BUSINESS DISCOURSE	
<i>Babenko E. V.</i> Communicative genres of virtual discourse: a language of blogosphere.....	69
<i>Bagautdinov A. A., Sagdatullin A. M.</i> Multimedia journal and intercultural communication.....	72
<i>Erofeeva I. V.</i> Linguistic dominants in modern media text.....	73
<i>Ivanova A. V.</i> The communicative potential of demotivators.....	77
<i>Lobanova T. N.</i> Some features of Chinese political media discourse in confrontation with the United States.....	80
<i>Melezhik K. A.</i> Business communication in English lingua franca as process and discourse.....	85
<i>Mikhaylov A. V.</i> Servility of the Russian modern media discourse as its organizing principle.....	88
<i>Nakaznaya E. V.</i> Representing political correctness in Business English textbooks.....	92
<i>Petrov V. E.</i> Publicist rhetoric in the first years of cinematograph exhibition in USA.....	96
<i>Smirnova V. A.</i> Speech manipulative tactics in the commercial advertising discourse.....	99
<i>Shchurina Yu. V.</i> Internet meme as a precedent phenomenon.....	102
III. THE LANGUAGE OF FICTION DISCOURSE	
<i>Agibalova T. M.</i> The Lingualization of Antique Culture in Lesya Ukrainka's Dramatic Poems.....	109
<i>Baranova O. Yu.</i> Topic of bilingualism in the works of Russian-language poets of the Buryat.....	112
<i>Glukhova O. P.</i> Function of discursive words with lexical meaning of reliability in modern literature.....	116
<i>Zenzerja I. V.</i> Lexical and grammatical paradigms converted into poetry of Boris Pasternak.....	119
<i>Kuzmicheva I. V.</i> Intertextual space in the image of Luzgaev from the novel «F. M.» by B. Akunin.....	122
<i>Lerman I. V.</i> The ironical assessment in modern artistic prose.....	125
<i>Morozova A. Y.</i> Language tools display the story of the conflict in the novel «Na Verkhney Maslovke» by D. I. Rubina.....	128
IV. REGIONAL VARIANTS OF NATIONAL LANGUAGES IN HISTORY AND MODERNITY	
<i>Abrosimova O. L.</i> To a question of existence of Russian and the Russian cultural traditions in the Chinese Tryokhrechye.....	132
<i>Antoshkina A. A.</i> The morphological conditions in toponyms of the Transbaikalian region.....	134
<i>Atsanavong S. G.</i> The borrowed lexicon in language of the Buryat version of «Subkhashita».....	137

<i>Biktimirova Yu. V.</i> The problems of the preparation for the publication skoropisnykh of monuments of regional office-work of the XVII–XVIII centuries.....	142
<i>Gerasimenko N. V., Sokolyanskiy A. A.</i> Vowel in the first position after hard paired consonants on a place of phonemes /o/ and /a/.....	146
<i>Ignatovich T. Yu.</i> Researches of East Transbaikal variant of the Russian national language: achievements, prospects.....	149
<i>Lubimova L. M.</i> Regional literary texts in linguistic and anthropological aspect	154
<i>Mayorov A. P.</i> Written monuments as source» Dictionary of Russian yazyka XVIII century: Eastern Siberia. Transbaikalia».....	156
<i>Oglezneva E. A.</i> The Far Eastern Regional Varieties of the Russian Language: the linguistic specific.....	160
<i>Plyaskina E. I.</i> Familiar addresses in the novel K. F. Sedykh of «Dauriya»	164
<i>Shipanovskaya L. M.</i> Toponymical «marking» of one of the Amur River regions	169
<i>Tsydendambaeva Ts. R.</i> Specifics of Buryat Borrowings' Application in the Russian Language	173

V. MODERN SCIENTIFIC PARADIGMS AND PROBLEMS OF UNIVERSITY AND SCHOOL PHILOLOGICAL EDUCATION

<i>Borisenko N. O., Zhirnova V. A., Sibirtseva V. G.</i> Skill of word-formation at the elementary stage of learning Russian as a foreign language	177
<i>Glinkina G. V.</i> Structuring of Students' Knowledge as a Way to Improve Quality of Philological Education	181
<i>Vasileva E. A.</i> Developing cognitive study skills through reading educational scientific texts at the lessons of the Russian language.....	185
<i>Vasilyeva N. V.</i> To the question about the theoretical foundations of cultural competence of the pupils in the study of phraseological units	187
<i>Voronova L. V.</i> Bases of cross-cultural education by means of Russian as foreign and Russian as nonnative in the multiethnic cross-border region.....	190
<i>Dimitrieva V. N.</i> The role of the discursive approach in personal and professional development of students – future teachers of Russian Language and Literature	194
<i>Kudrina T. V.</i> Development of the scientific speech of pupils through development of the conceptual and terminological linguistic device when training in Russian.....	197
<i>Muraviov A. V.</i> Account of the Language Peculiarities of Official Style in Teaching Russian as a Foreign Language	199
<i>Plotnikova G. G.</i> Basis for the formation of professional rhetorician.....	203
<i>Sachkova A. P.</i> The technique of work on a text's reproduction in line with tekstotsentrichesky approach at Russian lessons.....	206
<i>Tarasova E. V.</i> Cross-cultural principle of teaching foreign literature in school	209
<i>Tashbayeva B. A.</i> Technological approach in use of interactive methods.....	211
<i>Trofimova O. V.</i> To a question of formation of professional competencies Undergraduates in the direction of «Teacher education» (by the example of discipline «Modern systems of education quality assessment»)	214
<i>Filtsova M. S.</i> About the teaching of foreign students the connected scientific speech.....	216
<i>Khalyavina D. V.</i> Using anecdote in teaching Russian as a foreign language	220
<i>Cherepanova L. V.</i> Scientific paradigms as a development factor for Linguistic didactics and linguistic school education.....	222
<i>Shestakova E. A.</i> The use of reflective questions and reflective tasks at training students interpretation detailed response to the Russian language lessons.....	227

VI. PROBLEMS OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND TEACHING LANGUAGES

<i>Zaitsev D. M.</i> The tradition of abuse and swearing among Belarusians	231
<i>Kalinina T. L., Schecochihina S. V.</i> Particular qualities of paradox translating on the translation material of O. Wilde's plays.....	233
<i>Kuznetsova A. Yu.</i> Methods of forming professional competences in the process of interpreters training	236
<i>Pavlova L. P.</i> Vocational training of future economists by means of a foreign language	239
<i>Savelyeva E. P., Toropova E. S.</i> French comics and its usage in the language learning process.....	243
<i>Siddikov G. Yu.</i> Authentic texts in the system of teaching the basics of intercultural communication	246
<i>Usova I. V.</i> The possibilities of words lexical color transmission during the translation of literary texts	248
<i>Ustinina G. F., Valeeva R. Z.</i> Creativity in foreign languages teaching as a means of cross-cultural communication.....	252

**VII. THE LANGUAGE THROUGH THE PRISM OF DIFFERENT SCIENCES:
INTERDISCIPLINARY ASPECT**

<i>Bagautdinov A.</i> Sociocultural linguafluctuations	255
<i>Drobny E. V.</i> Language of symbols of an icon on P. Ryzhenko's fresco «Last Judgement»	258
<i>Dugarzhapova T. M.</i> About D. Ulzytuyev's poetry	262
<i>Ilyin I. V.</i> «Language» of Britain and USA newspapers about the brand-town of Bournville of Cadbury brothers in the late XIX – early XX centuries	267
<i>Kabanovskaya T. Yu.</i> Language and ethnic character of Slavs	270
<i>Kazakova E. Y.</i> The meaning of semiotic category “silence” in the study of the model of culture	272
<i>Krechetova O. V.</i> Some Notes on the Conceptual Codes of the Russian Fairy-Tale (on example of Transbaikal Russian fairy-tale).....	276
<i>Litvinova T. A.</i> Neuropsycholinguistics Data in Author Profiling	279
<i>Martynets M. S.</i> Natural and artificial languages: general, special and particular	281
<i>Meikshane T.</i> Linguistic analysis of legal documents (on the basis of laws of Russian Federation and Republic of Belarus)	285
<i>Morozov I. V.</i> Prolegomena to a theory of linguistic absoluteness.....	288
<i>Romanov I. A.</i> Trends in contemporary Russian literature	291
<i>Tarasenko T. V.</i> A Semantic Situation as an Object of Interdisciplinary Research	295
<i>Shipanovskaya M. Y.</i> Microtoponyms of Beijing as the realities of language and culture. Diachronic aspect.....	299
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	303

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сборнике представлены материалы докладов международной научной конференции «Язык в различных сферах коммуникации» (25–26 сентября 2014 г.), которая состоялась в Забайкальском государственном университете (г. Чита). Статьи посвящены функционированию языка в поливариантной коммуникативной среде.

В настоящее время коммуникативное пространство стремительно развивается: обновляются, появляются новые сферы общения, усложняются формы, приспосабливаясь к изменениям жизни, развитию средств связи и информации. Язык, являясь универсальным средством коммуникации, не остаётся в стороне от динамических процессов коммуникации. Значимым становится изучение тех трансформаций, которые в нём происходят.

В сборнике доклады представлены в семи разделах.

Первый раздел «Актуальные проблемы современной лингвистики» по тематике получился весьма разнообразным, поскольку включает доклады, в которых представлены результаты исследований, выполненных в различных лингвистических направлениях: системно-структурном, когнитивно-дискурсивном, прагмалингвистическом, этнолингвистическом и др.

Во втором разделе «Язык медиа и делового дискурса» представлены доклады, рассматривающие языковые средства и приёмы коммуникативной актуализации в русской и зарубежной медиа и деловой сфере общения.

Третий раздел «Язык литературно-художественного дискурса» объединяет работы, в которых исследуется языковой мир художественных произведений разных времён и литератур, рассматривается его динамика в контексте творческих позиций и мировидения автора, интертекстуальных связей.

Четвёртый раздел «Региональные варианты национальных языков в истории и современности» включает доклады, в которых освещаются результаты исследования современного состояния региональных вариантов национальных языков, в том числе в условиях межъязыковых и междиалектных контактов, обуславливающих формирование региолектов.

Имеются также доклады, посвящённые проблемам публикации скорописных памятников регионального делопроизводства и лексикографической обработки их данных.

Пятый раздел «Современные научные парадигмы и проблемы вузовского и школьного филологического образования» объединяет доклады в русле наиболее актуальных направлений современного школьного и вузовского обучения. В статьях представлены современные приёмы и методы образования: компетентностный подход при изучении русского как родного и русского как иностранного, дискурсивный и текстоцентрический подходы в школе и вузе, кросс-культурный принцип обучения, проблемный метод и т. п.

В шестом разделе «Проблемы межкультурной коммуникации и преподавания языков» в докладах рассматриваются и сопоставляются особенности языков в ситуации трансграничья, а также технологии их преподавания в рамках межкультурного диалога.

Седьмой раздел «Язык сквозь призму разных наук: междисциплинарный аспект» предлагает взгляд на лингвистические вопросы с позиций разных гуманитарных дисциплин – философии, культурологии, литературоведения и др.

Оргкомитет выражает признательность учёным, аспирантам, магистрантам и студентам, принявшим участие в нашей конференции.

Редакционная коллегия

I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81–114.2
ББК 81.2

Б. Ю. Норман
г. Минск (Беларусь)

Неполнота парадигмы: дефект или достоинство?

Словоформа как представитель грамматического значения слова входит в словоизменительную парадигму. Однако типовая (основная) синтаксическая функция словоформы создает основания для ее «сепаратизации». Данный процесс, называемый в лингвистике лексикализацией, демонстрируется в статье с помощью русских форм типа *без обиняков, с прискорбием, во всеоружии*. Показывается внутренняя конфронтация между всей парадигмой и отдельной словоформой. В результате полнота парадигмы определяется как виртуальный, относительный признак. А неполнота ее служит средством (инструментом) экспликации, формального закрепления лексического значения.

Ключевые слова: парадигма, словоизменение, грамматическое значение, лексикализация, падеж, число.

B. Ju. Norman
Minsk (Byelorussia)

Incompleteness of the paradigm: defect or merit?

The word form as a representative of the word's grammatical meaning is a part of the word's inflexional paradigm. However, the typical (main) syntactic function of the word form enables its "separatization". This process known as "lexicalization" in linguistics, is illustrated in the paper with Russian examples such as *без обиняков, с прискорбием, во всеоружии*. An inherent confrontation between the whole paradigm and a separate word form is thereby showed. As a result, the completeness of inflexional paradigm is defined as a virtual, relative feature, while its incompleteness serves as a tool for explicating, formal fixation of lexical meaning.

Key words: paradigm, inflexion, grammatical meaning, lexicalization, case, number.

Слово типа *лай* отличается от слова *стол* только тем, что у него крайне редко употребляются словоформы множественного числа.

А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение

Для языков с развитым словоизменением наглядным проявлением взаимосвязи лексического и грамматического значений служит парадигма слова. В данной статье мы будем опираться на факты словоизменения (преимущественно именного) в русском языке, однако думается, что к аналогичным выводам можно прийти и исследуя материал любого другого языка синтетического строя.

Системный характер языка и принципиальная бесконечность текста гарантируют слову реализацию всей его парадигмы. Однако довольно часто встречаются случаи, когда парадигма конкретного слова оказывается неполной: та или иная ее «клеточка» ничем не заполнена. Это проявляется, в частности, в «запрете» на отдельные словоформы. Например, у слов *мечта* и *мольба* в русском языке нет форм родительного падежа множественного числа: нельзя сказать «мечт» и «мольб»; у глаголов *победить, дудеть, очутиться* отсутствует форма 1-го лица единственного числа настоящего времени; от глаголов вроде *петь, пить, бить, рвать* не образуется деепричастие и т. п. [см. подробнее: 7, с. 152].

Иногда в парадигме отсутствует целый ряд форм, объединенных грамматическим значением. Иными словами, какая-то граммема в составе парадигмы не реализуется (самый яркий пример – классы существительных *singularia tantum* и *pluralia tantum*). Эту дефектность можно попытаться

мотивировать семантически. Другой пример: от ряда русских прилагательных цветовой семантики (в частности, обозначающих цвет через отношение к предмету – *сиреневый, шоколадный, салатный, кремовый* и др.) не образуется краткая форма. И эти случаи дефектности нуждаются в семантическом объяснении.

Естественно, о неполноте парадигмы уместно говорить применительно только к словоизменительной категории – в условиях максимально регулярного выражения грамматического признака (в таких случаях, как падеж, число, лицо, время ...). Значительно меньше оснований применять данное понятие к категориям, в которых грамматическое значение тесно связано, переплетено с лексическим (таким, как род существительного или вид глагола в русском языке).

Нередко неполноту парадигмы трактуют как какую-то болезнь или уродство (бытуют даже определения «ущербная», или «дефектная», парадигма). Эти отклонения возникают, как считают многие ученые, из-за столкновения фонетических, морфологических и иных факторов, см.: [10, с. 24–25]; можно видеть в подобных случаях и проявление своего рода «капризов» языка [8, с. 121]. Однако думается, что названные факты заслуживают более глубокого рассмотрения в свете общей лингвистической теории.

Оговоримся еще, что неполная парадигма может быть сопоставлена не только с полной, но и с так называемой пустой парадигмой. Имеется в виду функционирование в русском языке неизменяемых существительных типа *атташе* или *кенгуру*, все грамматические значения которых выражаются только аналитическим способом. Однако онтологической ценностью обладает именно оппозиция «полная – неполная парадигма», так как слова с «пустой» парадигмой – действительно исключения, «уродцы» на общем фоне. Конечно, можно вспомнить слова В. В. Виноградова: «В русском языке нет бесформенных слов, так как лексическое значение всякого слова подводится под ту или иную грамматическую категорию...» [2, с. 33], и всё же на несклоняемые имена можно в данном случае закрыть глаза: они не делают погоды в русской грамматике.

А вот что касается неполной парадигмы, когда речь идет об отдельном слове, то понятно, что она обнаруживается лишь на фоне полной парадигмы всего грамматического класса (части речи и т. п.). Не заполненную по тем или иным причинам «клеточку» матрицы носитель языка вправе соотнести с заполненными «клеточками» у других слов: системный характер языка позволяет ему сделать это.

Более того, развитие русского языка демонстрирует реальные случаи, когда носители языка «исправляют несправедливость», дополняя неполную парадигму до «идеального» состояния. Так, симптоматичны факты регуляризации числовой оппозиции в среде существительных, традиционно употреблявшихся только в единственном или только во множественном числе. В частности, существительное *валюта* долгие годы использовалось в собирательном значении и множественного числа не имело. В последние годы, однако, все чаще встречается сочетание *обмен валют*: слово становится двучисловым. Похоже, подобное внутреннее перерождение испытывают и слова *риск* и *бизнес*, появляясь в контекстах вроде *финансовые риски* или *новые бизнесы*, [см.: 4, с. 249–250]. Реже встречаются случаи, когда существительное, традиционно используемое как *pluralia tantum*, приобретает значение и форму единственного числа. Таковы новшества, касающиеся в русском языке слов *боеприпасы, водоросли, ботфорты* и др.

При этом парадигму имени существительного мы рассматриваем широко, включая в нее не только падежные формы, но и формы, образующиеся с участием предлога. Это естественно, так как в составе предложно-падежной формы служебное слово и флексия теряют свое собственное (отдельное) значение. Так, значение комитатива (совместности) в типичном случае выражается словоформой «с + имя в творительном падеже» (*Петя с Машей*), при том, что ни сама по себе форма творительного падежа (ср.: *карандашом, берегом, Машей* и т. п.), ни предлог *с* (ср.: *с крыши, со страху* и т. п.) данного значения не выражают.

Падежным, а особенно предложно-падежным, формам существительного свойственно со временем лексикализироваться. Это значит – они выпадают из парадигмы исходного слова, образуя самостоятельную лексему. Например, от существительного *путь*, обладающего полной парадигмой, отщепилась словоформа *путем* в значении ‘надлежащим образом’ (*сделать всё путём*), а также *путём* в функции предлога (*решить проблему путем переговоров*). Понятно, что перед нами новые и при этом неизменяемые слова.

Точно так же от существительного *пора* (*зимняя пора, с той поры, с некоторых пор* и т. п.) отделилась словоформа *порой*, ставшая наречием (*порой мы думаем, что...*). По пути лексикализации идет и словоформа *Пора!* в особом, экспрессивно-побудительном значении (фактически она превращается в междометие и, конечно, тоже утрачивает словоизменение).

Подобные примеры многочисленны и естественны. Если рассматривать языковую систему в движении, в эволюции, то неполнота парадигмы служит диагностирующим признаком, позволяющим установить факт расщепления слова на две единицы, на два лексико-семантических варианта. Вспомним известные примеры: слово *средство* только в форме множественного числа имеет значение 'деньги', а слово *капля* только во множественном числе означает 'жидкое лекарство'. Различаются своими значениями двучисловое существительное *осадок* (*осадки в пробирках, осадок на душе*) и *pluralia tantum осадки* (*на завтра обещали осадки*), склоняющееся к единственному числу существительное *выбор* (*у тебя есть выбор*) и *pluralia tantum выборы* (*в марте выборы президента*). Полнота / неполнота парадигмы – действенный инструмент лексико-семантической дивергенции: развитие разных значений подтверждается формированием разного набора форм. Существуют и примеры регулярной (т. е. системной) лексикализации, осуществляемой с помощью грамматических средств. В частности, переход существительного из разряда нарицательных в разряд собственных практически сводит его парадигму к одному из чисел (ср. фамилии типа *Медведь* или *Казак*, топонимы типа *Орёл* или *Набережные Челны*).

Изменения, происходящие в парадигме слова, очень наглядны на примере лексикализуемых предложно-падежных форм. Скажем, в русском языке есть такое устойчивое выражение *с кондачка* со значением 'не вникнув в существо дела, с наскоку, кое-как'. Можно сказать: *Не стоит решать с кондачка; Такие дела с кондачка не делаются* и т. п. Выражение не имеет других вариантов, оно застыло в этой форме и, кстати, этимологически остается неясным. Нельзя сказать ни «кондачком», ни «по кондачку»... Тем не менее, составители словарей, в частности [БТСРЯ], реконструируют парадигму этого слова и фиксируют исходную форму именительного падежа: *кондачок*. На каком основании это делается? По-видимому, лексикографы соотносят данное выражение с другими ему подобными (ср.: *с наскоку* – исходная форма *наскок*, *с разбега* – исходная форма *разбег*, *с испуга* – исходная форма *испуг*, так и *с кондачка* – исходная форма *кондачок*).

Точно так же словарь [БТСРЯ] дает в качестве исходных (лемматизированных) единиц словоформы *всеоружие* (ср. узуальное: *во всеоружии*), *охотка* (ср.: *в охотку*), *спуд* (ср.: *под спудом*), *упад* (ср.: *до упаду*) и т. п. Конечно, можно было бы упрекнуть лексикографов в консерватизме, в отставании от реальности. Но «усыхание» парадигмы конкретного существительного, ведущее к адвербиализации отдельных ее членов, – это путь развития многих предложно-падежных словосочетаний в русском языке, ср.: *без обиняков, в сердцах, до отвала, для острастки, понаслышке, наизготовку, вразвалку, вприкуску, впросак, напропалую, исподтишка, за глаза, под стать, намертво, засветло* и т. п. Независимо от того, пишутся ли эти единицы слитно или раздельно и появились ли какие-то из них действительно из слияния предлога с существительным или же возникли по словообразовательной аналогии с уже готовыми наречными образованиями, перед нами – яркие примеры лексикализации.

Однако системный характер языка позволяет человеку по одной словоформе восстановить всю парадигму. Отдельная словоформа – это тот «черепок», по которому носитель языка реконструирует всю амфору. Зачастую это делается с особым эстетическим заданием, ср. примеры: ***Наслышка***. ...Блок впервые прочитал Ницше в 1906, а до этого всё было понаслышке (М. Л. Гаспаров. Записи и выписки).

Очень всё справедливо и поучительно, но где лукавство, где обиняк, где меткость, выразительность и юмор? (Н. Ильина. Белогорская крепость).

Любопытно, что по отношению к словам, употребляющимся, как правило, во множественном числе и приближающимся в этом отношении к *pluralia tantum*, носитель языка испытывает трудности, когда возникает необходимость определить их грамматический род (в единственном числе). Так, существительное *надолбы* 'противотанковое заграждение из бревен, металлических, железобетонных балок или камней, врытых в землю', дается в словарях как *надолб* или *надолба* [БТСРЯ]. Оба варианта, очевидно, с равным правом «выводятся» из словоформы *надолбы*.

Таким образом, **полнота словоизменительной парадигмы – это потенциальное, виртуальное свойство, вытекающее из системного характера языка.** В то же время в сознании человека слово существует не только в связи с идеальной моделью его словоизменения, но и в виде набора реально употребляемых словоформ. Процитируем Р. Лангаккера, одного из создателей когнитивистской «модели, основанной на языковом употреблении» (usage-based model): «Существование в пределах грамматики общих схем и конкретных примеров предоставляет говорящему альтернативные пути для достижения составного регулярного выражения, имеющего статус единицы: можно обратиться к нему «напрямую», но можно и вывести его по схеме» [5, с. 164]. С этих позиций, самому слову полная парадигма не нужна: ему для реализации в какой-то форме достаточно опоры на прецедент, на «конкретный пример». Соответственно, полнота парадигмы слова выступает как **относительный признак**, а неполнота оказывается инструментом, «шифрующим» лексическое значение, помогающим закрепить его в сознании носителя языка.

А. Л. Шарандин, разрабатывающий принципы «лексической грамматики», указывает на особую значимость дефектности парадигмы для этого вида лингвистического описания. Причем, процитируем, «в онтологическом аспекте семантическая дефектность не есть собственно дефектность. Уникальность знакового содержания, представленного лексическим значением, в том и состоит, что слово стремится иметь только свойственный ему набор грамматических форм» [10, с. 25]. Иное дело – та же дефектность в гносеологическом аспекте. Она оказывается важнейшим инструментом для изучения и описания лексической семантики: исследователь использует состав грамматических форм, свойственный одному слову, «в сравнении с набором (составом) форм, присущих другим языковым знакам. В результате обнаруживаются различия в этих наборах и возникает возможность, опираясь на формальный признак, выявить и описать лексическую семантику слов, имеющих различный состав парадигм и их форм» [10, с. 25].

И всё же остается вопрос: происходит ли это с опорой на парадигму всей части речи как чистую абстракцию («матрицу» словоизменения) или же по аналогии с конкретными образцами склонения, уже заложенными в нашей памяти? Причем в случае второго решения следует признать, что для такого – фрагментарного – представления грамматической системы достаточно было бы очень небольшого количества словоизменительных «прототипов».

Ю. Н. Караулов, поставивший своей целью на материале ассоциативного словаря «восстановить всю систему грамматических форм, т. е. всю русскую грамматику» [3, с. 9], пришёл к выводу, что даже ограниченный список из 12 разнородных в частеречном отношении стимулов «показал практически 100-процентное заполнение типовых клеток, т. е. засвидетельствовал наличие в этом небольшом фрагменте АВС (ассоциативно-вербальной сети – *Б. Н.*) всех грамматических фактов для имени существительного в русском языке» [3, с. 18]. Однако при этом оказалось, что поведение испытуемых очень неравномерно «разносит» грамматику по отдельным словам-реакциям. Иными словами, «грамматика, которая находится в распоряжении стихийного носителя языка, вся сплошь лексикализована, привязана к отдельным лексемам, как бы распределена между ними» [3, с. 6–7].

Однако если речевая деятельность носителя языка легко выбирает из всего множества конкретных словоформ нужные в данный момент аналоги, образцы, то спрашивается, о какой полной парадигме может идти речь? Парадигма отдельного слова «имеет право» быть неполной, более того – это ее естественное состояние! Действительно, именно к такому выводу приходит Ю. Н. Караулов: свойством ассоциативно-вербальной сети «следовало бы считать принципиальную неполноту парадигмы для каждой лексем; ... не существует такого ассоциативного словаря или тезауруса, который содержал бы в качестве реакций полную парадигму хотя бы одной лексем; полная парадигма в АВС может быть представлена только в диссипированном виде» [3, с. 188–189].

Разорванность, «разлитость» грамматики по отдельным лексемам, «лексикализация» грамматической формы – явление, может быть, неудобное для лингвиста, но не приносящее никаких затруднений самому носителю языка. В то же время, если у слова реально отсутствует в текстах та или иная грамматическая форма, то это, можно сказать, идет ему на пользу.

Ещё до появления корпусных исследований представление о реальной стоимости грамматических репрезентантов слова можно было составить по традиционным (или «классическим»)

лексикографическим источникам. Как известно, в Словаре языка Пушкина [СЯП] каждая лексема сопровождается не только примерами словоупотребления, но и статистикой словоформ. Весьма показательны для многих слов соотношения форм единственного и множественного числа. Так, для лексемы *слеза* из 281 употребления, зафиксированного в пушкинских текстах, 274 имеют форму множественного числа и только 7 – единственного. Для слова *глаз* из 341 употребления 323 представлены формами множественного числа и лишь 18 – формами единственного. Для лексемы *волос*, дающей в сумме 59 словоупотреблений, соотношение форм множественного и единственного числа выглядит как 54 к 5 и т. д. Из 8 словоупотреблений лексемы *ноздря* все восемь – во множественном числе. Конечно, никто не скажет, что *слеза* или *ноздря* в русском языке – существительные *pluralia tantum*. Но речевая действительность наглядно демонстрирует **неравновесность** отдельных «клеточек» парадигмы у этих слов. Понятно, данный факт обусловлен жизненной практикой носителя языка и его коммуникативными потребностями: слезы или волосы чаще существуют «во множестве», так же, как глаза и ноздри – парами.

Не менее характерны количественные показатели употребления падежных форм. Возьмем для примера слово *паперть* – место перед входом в церковь, где просят подаяние и т. п. В текстах это типичный локатив, словоформа *на паперти* составляет основную массу употреблений данной лексемы (у Пушкина, в частности, из 12 словоупотреблений 9 – именно *на паперти*). Само собой, это не значит, что у существительного *паперть* неполная парадигма. Теоретически возможны и *паперти* (родительный, дательный, предложный падежи единственного числа), и *папертью* (творительный единственного), и *папертями* (творительный множественного), и т. д. Но человеческий опыт, очевидно, не использует *паперть* ни как адресат (а потому дательный падеж от этого слова неупотребителен), ни как инструмент (а потому неупотребителен творительный). Разумеется, парадигма существительного в русском языке, парадигма «как таковая», при необходимости смогла бы (и сможет) представить *паперть* в этих сегодня не востребованных функциях. Но речевая данность очерчивает реальный круг когнитивных и коммуникативных потребностей человека.

С момента появления корпусов текстов лингвистическое решение данной проблемы значительно упростилось. Исследователь может проверить на большом фактическом материале, как реализуется в устной или письменной речи парадигма того или иного слова.

Еще один пример. В русском языке существует существительное *прискорбие* со значением ‘скорбь, печаль, горестное сожаление’ [БТСРЯ]. Национальный корпус русского языка [НКРЯ] фиксирует на это слово 327 вхождений. Среди приводимых контекстов есть и такие, как *Я – само прискорбие*, и *Вообразите мое прискорбие...* и т. п. Однако абсолютное большинство словоупотреблений представлено всего двумя словоформами: *с прискорбием* и *к прискорбию*. Опять-таки никто не говорит об ущербности парадигмы слова *прискорбие*, но в речи, оказывается, «жизнь» этой лексемы сводится буквально к считанным, можно сказать – штучным, формам.

Точно так же русская лексема *ощушь* существует в основном в виде двух словоформ – *ощушью* и *на ощушь*, лексема *эгида* – в виде *под эгидой* и *из-под эгиды* и т. д. Сегодня лингвисты, изучая подобные факты, говорят о специфических «грамматических профилях» слова, см., например: [11; 12].

Таким образом, речевая неполнота парадигмы отдельных слов – совершенно естественное явление, мотивированное самой природой языка как средства познания и общения. С одной стороны, неполнота парадигмы фиксирует, «шифрует» лексическое значение, позволяет ему формально выделиться на фоне других значений. Это – гносеологический аспект рассматриваемого явления. А с точки зрения онтологии, неполнота парадигмы того или иного слова отражает состояние языковой картины мира, закрепляет результат когнитивного и коммуникативного «освоения действительности», достигнутый в настоящий момент.

По сути, мы приходим к выводу о необходимости различать неполноту парадигмы как **языковое явление** (именно оно и отражено в начале статьи) и неполноту парадигмы как **речевое явление**, охватывающее огромное количество случаев – а фактически всю лексику. В первых случаях (типа *мечта*) неполнота парадигмы фиксируется нормой литературного языка, а во вторых (типа *паперть*) – узусом. Но, с нашей точки зрения, непреодолимой преграды между этими феноменами нет, как не может ее быть между самими языком и речью.

Список литературы

1. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М. – Л.: Учпедгиз, 1947.
3. Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 1993.
4. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. СПб.: Златоуст, 1999.
5. Лангакер Р. В. Модель, основанная на языковом употреблении // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1997. № 4. С. 160–174.
6. НКРЯ – www.ruscorpora.ru
7. Норман Б. Полнота / неполнота парадигмы как признак слова // Грамматика и лексика у словенским језицима. Зборник радова с Међународног симпозијума / Гл. уредник: С. Танасић. Нови Сад – Београд: Матица Српска, 2011. С. 149–162.
8. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука – Школа «ЯРК», 1999.
9. СЯП: Словарь языка Пушкина в 4 томах. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956 – 1961.
10. Шарандин А. Л. Методология лексической грамматики // Взаимодействие лексики и грамматики в русском языке: проблемы, итоги и перспективы: сб. мат. Всероссийской научной конференции (21 октября – 4 ноября 2009 г.) / отв. ред. А. Л. Шарандин. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С 13–28.
11. Gries S.Th., Divjak D. Behavioral profiles: A corpus-based approach to cognitive semantic analysis // *New Directions in Cognitive Linguistics* / Ed. by V. Evans and S. Pourcel. John Benjamins Publishing Company, 2009. Pp. 57–75.
12. Janda L. A., Lyashevskaya O. Grammatical profiles and the interaction of the lexicon with aspect, tense, and mood in Russian // *Cognitive Linguistics*, 22. (2011). № 4. Pp. 719–763.

УДК 811.161.2'373.7+159.942

ББК 81.2 Укр-3:65.5

А. Г. Демиденко
г. Кривой Рог (Украина)

Вербализация позитивных эмоций в украинской паралингвистической фразеологии: этнокультурный аспект

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся этнокультурных особенностей фразеологизмов, которые иллюстрируют невербальное поведение носителей языка. Прослеживается отображение мировоззренческих позиций украинского народа, особенности переживания и вербализации позитивных эмоций, в частности и путем сопоставления с фраземами русского и белорусского языков.

Ключевые слова: *паралингвистический фразеологизм, этнокультура, позитивная эмоция, невербальное поведение.*

А. Г. Демиденко
Krivoy Rog (Ukraine)

Positive emotions verbalization in Ukrainian paralinguistic phraseology: ethno-cultural aspect

This article reveals the ethnic and cultural features of idioms exemplifying native speakers non verbal behavior. The paper also traces Ukrainian people world view, ways of feeling and verbalizing positive emotions in particular comparison with Russian and Belarusian idioms.

Key words: *paralinguistic idiom, ethnic culture, positive emotion, nonverbal behavior.*

Современная лингвистика в своем методологическом основании стремится к сопряжению вербального и невербального факторов коммуникации, что выражается в том числе и в активизации исследований, связанных с языком тела. Выразительные движения тела в их косвенно-метафорическом осмыслении выступают не просто как сопровождение определенных психических состояний, а как способ их невербальной репрезентации, основанной на тех же стереотипах, что и вербальные. Такие коммуникативно существенные движения эксплицируются в языке.

Фразеологизация эмоций является не менее важной, чем лексическая номинация эмоциональных реакций, поскольку «сквозь фразеологию проходит не вся человеческая жизнь, а только некоторые ее грани, которые вторично отображаются через выпуклое зеркало чувств, восприятий и оценок» [7, с. 24]. **Фразеологическая система характеризуется значительным количеством единиц, обозначающих эмоциональные состояния и переживания.**

С точки зрения современной лингвистики эмоций группа фразеологизмов, отражающих паравербальную сторону общения, долгое время попадала в поле зрения ученых лишь фрагментарно, в контексте изучения эмоциональных процессов и состояний (А. Эмирова, Ю. Прадид, М. Охрименко, Д. Романов, И. Кушнир, Е. Левченко, Н. Луговая, Е. Селиванова, О. Лящинская, В. Станкевич-Иванова и др.). Потому лингвистическая и экстралингвистическая природа таких фразеологических единиц (ФЕ) определена недостаточно.

Цель работы состоит в рассмотрении группы фразеологизмов, которые являются внешними репрезентантами внутреннего психического состояния жестикулирующего человека и его отношения к партнеру по коммуникации, ситуации взаимодействия в целом, т. е. обозначают эмоциональную сферу жизнедеятельности человека. Такие устойчивые словосочетания играют важную роль в определении национально-культурных особенностей, отражают в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают культурные установки и стереотипы. Последний аспект является центральным в нашем исследовании.

В предлагаемом научном труде вводится понятие и термин «паралингвистический фразеологизм» (от «паралингвистика» – совокупность невербальных средств общения; раздел языкознания, их изучающий). Под паралингвистическими фразеологизмами понимаются устойчивые выражения, вербально эстетизирующие оптико-кинетическую парадигму знаков: жесты, мимику, пантомимику, вокализацию и т. д. Такие фразеологизмы рассматриваются нами как источник информации о тактиках невербального поведения носителей определенной языковой культуры, а невербальный компонент, находящийся в структуре или значении ФЕ, способен передавать дополнительную информацию ментального характера.

С точки зрения психологического комфорта позитивные эмоции являются определенными сигналами возвращения потерянного благополучия, поэтому они не требуют срочной мобилизации сил, действий с целью сохранения полноценного функционирования систем организма. Во время таких переживаний сигналу для эмоционального реагирования нет необходимости звучать долго, поэтому эмоциональная адаптация к хорошему наступает быстро. В целом позитивные переживания способствуют конструктивному взаимодействию коммуникаторов. Семантический диапазон паралингвистических ФЕ (ПФЕ), которые демонстрируют позитивные эмоциональные переживания, позволил распределить их на группы в соответствии с теми состояниями, которые они вербализуют: 1) радость; 2) любовь; 3) восхищение (восторг).

Паралингвистические фразеологизмы, обозначающие *радость*, иллюстрируют «психическое состояние повышенной позитивно окрашенной эмоциональной возвышенности» [4, с. 152]. Согласно исследованиям В. Лабунской, радость на 55 % передается мимическими моделями реагирования (сюда включена и зрительная активность). Среди ПФЕ, которые демонстрируют радость, удовольствие, что-то приятное, большинство связаны с метафорическим лингвомоделированием функции органов зрения. Например: *очі запалили* [СФУМ, с. 476]; *бісики грають (стрибають, іскряться) в очах* [СФУМ, с. 33]; *очі засвітили (заіскрили, засвітилися)* [СФУМ, с. 476]; *очі горять (палають)* [СФУМ, с. 476]; *очі грають* [СФУМ, с. 476]; *очі [так і] світяться* [СФУМ, с. 478]; *очі розгоряються* [СФУМ, с. 478]. Представление о подвижности глаза формируется в наивно-анатомической картине этноса впечатлениями о способности глаз излучать свет, становится экспрессивным обозначением психоэмоциональных состояний человека в зависимости от коннотации глаголов или спектра знаков огня, света [6, с. 95].

Отдельного комментария заслуживает ФЕ *тримати (держати) хвіст (хвоста) трубою (бубликом)*, которая вербализует образ осанки человека, удовлетворенного собой. Лексическое значение этой языковой единицы традиционно зафиксировано во фразеологических словарях таким образом: «1) не сокрушаться, сохранять чувство оптимизма; быть уверенным в себе; 2) быть слишком самоуверенным; пыжиться» [СФУМ, с. 722]. Зато в белорусском языке встречается фразеологизм *трымаць (насіць) хвост трубою (дудой, абаранкам, пістолетам)* – «трымацца

ўпэўнена, з гонарам, не баючыся, не сумуючы» [СФБМ, Т.2, с. 733–734], подобный украинскому выражению по своей грамматической структуре, однако имеющий отличия в семантике. В таком ключе следует рассматривать и устойчивое выражение русского языка *держи хвост трубой* [*ни-столебом*] [ФСРЯ, с. 139] – «не унывай, не робей, держись уверенно». В указанной лингвоединице отсутствуют вариативные компоненты украинской ПФЕ, глагольные элементы имеют разную форму, зафиксированную словарем.

В украинской лингвокультуре существуют и такие ПФЕ, которые вербализуют чувство *любови*, а именно: *вішатися* (*кидатися, чіплятися*) *на шию* [СФУМ, с. 114]; *брати за душу* (*за серце*) [СФУМ, с. 40]; *держати* (*тримати*) *в [своїх] лаптах* [СФУМ, с. 192]; *вхопити за серце* (*за душу*) [СФУМ, с. 143]; *носити на руках* [СФУМ, с. 440] и т. п. Любовь традиционно понимают как «высокое моральное чувство со стойкой, самоотверженной и сознательной благосклонностью человека к кому-то или чему-то, обусловленную признанием достоинств объекта любви или общими убеждениями, жизненными целями и интересами людей» [4, с. 86].

Очень часто лингвистическое воплощение названного чувства трудно разграничить с симпатией – «устойчивое позитивное отношение к кому– или чему-либо (других людей, групп, социальных явлений), которые проявляются в приветливости, доброжелательности, увлечении, побуждении к общению, проявлению внимания, помощи (альтруизма)» [2, с. 313].

Принимая во внимание позитивную динамику эмоций любви и радости, можем констатировать доминирование ФЕ, обозначающих зрительное поведение носителей языка. Например: *пускати бісики* [*очима (оком)*] [СФУМ, с. 584]; *пускати гудзики* [*очима (оком)*] [СФУМ, с. 584]; *го-стрити очі* [СФУМ, с. 164]; *зривати очі* [СФУМ, с. 272]; *рвати очі* [СФУМ, с. 595]; *обдарувати поглядом* [СФУМ, с. 446]. Фактический материал доказывает, что источником «возникновения любви» в украинской фразеологии является соматизм *глаза*, поскольку это древняя мифологема, которая характеризует не только физические, но и духовные способности человека в сфере восприятия им каких-либо явлений [3, с. 132–133].

В частности в ПФЕ *обіймати* (*обнімати*) *поглядом* (*оком, очима*) энергичность движения глаз обозначается глаголами *обсипати, обіймати*, которые указывают на интенсивность взгляда и в первую очередь означают «осматривать кого-, что-либо, смотреть на кого-то, на что-то, проявляя чувство симпатии, любви, нежности и т. д.» [ФСУМ, с. 452]; *стріляти очима* – «поглядывать на кого-, что-либо, выражая определенные чувства, эмоции; кокетство, игриво смотреть на кого-то, пленившись кем-то» [СФУМ, с. 698]. Проанализированные ФЕ указывают на разную оценку и отношения к объекту симпатии. В условиях прототипической ситуации общения вербализация таких зрительно-эмоциональных сигналов требовала первичного экспрессивного выражения глазами чувства нежности в первом случае и заинтересованности – во втором.

Результаты наших исследований позволяют утверждать, что в украинском языке кокетство как поведенческая реакция может быть представлена рядом ПФЕ: *посилати бісики* [СФУМ, с. 547]; *пускати бісики* [*очима (оком)*] [СФУМ, с. 584]; *пускати гудзики* [*очима (оком)*] [СФУМ, с. 584]; *пускати гедзики* [СФУМ, с. 584]. Для русского коммуникативного взаимодействия, связанного с приятностью и благосклонностью к другому человеку, свойственна ФЕ *строить* [*делать*] *глазки* [ФСРЯ, с. 461] со значением «игриво, кокетливо поглядывать на кого-либо, кокетничать с кем-либо». Культурно-национальные особенности названных лингвоединиц видим также и в наличии специфических лексем (*гудзик, гедзь, бісик*) в составе паралингвистических фразем.

Богатство фразеологического материала украинского языка, и соответственно, невербального поведения влюбленных людей демонстрирует лексема *гудзик* – «предмет, преимущественно круглой формы, который служит застёжкой на одежде или используется как украшение» [ВТССУМ, с. 270]. Он обозначает предметно-костюмный субкод культуры, который связан с предметами одежды, аксессуарами, тканями [5, с. 122]. Можно предположить: именно округлость формы привела к ассоциативным связям между зрительными органами, в частности зрачками, способными расширяться, и средством застегивания одежды. Отдельные признаки кокетливого взгляда выражает и компонент *гедзь* – «большая муха, от укусов которой зверь кидается со стороны в сторону, вредничая; символизирует интригу» [1, с. 165].

Некоторые ПФЕ, обозначающие прежде всего внимание как проявление симпатии, имеют разные вариации, количественное преимущество. Например: укр. *обіймати поглядом* [СФУМ,

с. 448]; *закидати оком* [СФУМ, с. 244]; *покласти око* [СФУМ, с. 535]; *грати очима* [СФУМ, с. 167] и рус. *играть глазами* – «бросать выразительные взгляды, стремясь обратить на себя внимание, пробудить к себе интерес в ком-либо» [ФСРЯ, с. 179].

Лингвистическая иллюстрация другой позитивной эмоции – *увлечение* – представлена очень скромно. Это психическое состояние предусматривает «значительное поглощение работой, игрой, творчеством; высокий уровень приверженности к определенному лицу» [4, с. 61]. Среди всего разнообразия паралингвистических фразеологизмов приведем в качестве примера те, которые, по нашему мнению, имеют этнокультурные особенности. В украинском языке фиксируем ФЕ *пальчики облизувати* – «1) быть очень довольным чем-либо (пищей, напитками); быть в восхищении от кого-либо, чего-либо» [СФУМ, с. 452]; *очі розгоряються* – «1) чей-нибудь взгляд, вид выражает чувство удовлетворения, увлечения; кто-то радуется, возбуждается; 2) кто-то с интересом рассматривает кого-, что-либо» [СФУМ, с. 825].

В белорусском языке названным ФЕ соответствуют такие: *паціраць рукі* – «адчуваць, перажываць вялікае задавальненне ад поспеху ў якой-н. справе» [СФБМ, с. 272]; в русском языке используется выражение *пальчики оближешь* – «1) очень вкусен, аппетитен, доставляет огромное удовольствие (о пище, питье); 2) очень красив, хорош, интересен, приводит в восхищение» [ФСРЯ, с. 291].

В данной работе мы рассматривали паралингвистические ФЕ, которые обозначают позитивную эмоциональную сферу жизнедеятельности человека. Система невербальных единиц, лежащих в основе внутренней формы этих фразеологизмов, является аккумуляцией мироощущения представителей разных этносов. Определенные компоненты, а также само значение ФЕ определяют этнокультурные особенности конструктивной ситуации общения между представителями одного лингвоколлектива.

Список литературы

1. Жайворонок В. В. Знаки української етнокulturи. К.: Довіра, 2006. 703 с.
2. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. 752 с.
3. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
4. Психологічний словник / за ред. В. І. Войтка. К.: Вища школа, 1982. 216 с.
5. Савченко Л. В. Феномен етнокодів духовної культури у фразеології української мови: етимологічний та етнолінгвістичний аспекти. Сімферополь: Доля, 2013. 600 с.
6. Селіванова О. О. Нариси з української фразеології (психологнітивний та етнокультурний аспекти). К. – Черкаси: Брама, 2004. 276 с.
7. Ужченко В. Д. Фразеологія сучасної української мови. К.: Знання, 2007. 494 с.

Список сокращений

- ВТССУМ – Великий тлумачний словник сучасної української мови / ред. В. Т. Бусел. К.–Ірпінь: ВТФ Перун, 2009. 1736 с.
- СФУМ – Словник фразеологізмів української мови // уклад. В. М. Білоноженко та ін. К.: Наукова думка, 2003. 1104 с.
- ФСБМ – Лепешаў І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы: у 2-х т. Мінськ: Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. Т. 1. 672 с.; Т. 2. 704 с.
- ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / под. ред. А. И. Молоткова. 2-е изд., стереот. М.: Советская энциклопедия, 1968. 543 с.

*Е. В. Дзюба**г. Екатеринбург (Россия)*

Репрезентация интеллектуальной градуированности в русском языке

Статья посвящена описанию средств вербальной репрезентации феномена *интеллект* как градуированной категории. В работе рассматриваются единицы всех языковых уровней, репрезентирующие признак интеллектуальной градуированности, которые в виде «смысловых узлов» располагаются на шкале интеллекта в соответствии с тремя сферами: сферой собственно ментальных способностей, сферой прагматики и сферой креативности.

Ключевые слова: *когнитивная лингвистика, категория, язык, мышление, национальное сознание.*

*Е. V. Dzyuba**Ekaterinburg (Russia)*

Representation of intellectual calibration in the russian language

The article describes the means of verbal representation of the phenomenon of intellect as a graded category. In this paper the units of all language levels representing a sign of intellectual grading are placed on the scale of intelligence (in the form of “semantic units”) according to a three-sphere ramie: the actual area of mental abilities, pragmatic sphere and the sphere of creativity efficiency.

Key words: *cognitive linguistics, category, language, thought, national consciousness.*

Когнитивная лингвистика традиционно изучает процессы получения и систематизации знаний, помогающие человеку существовать и ориентироваться в упорядоченном силами своего сознания мире. Процесс распределения нового знания по тем или иным рубрикам (категориям), существующим в сознании человека и часто задаваемым категориями языка, носителем которого этот человек является, называют категоризацией.

Данное исследование посвящено изучению средств репрезентации категории *интеллект* в русском языке с опорой на материалы «Русской грамматики» [1].

Категория интеллекта среди своих членов имеет противоположности, что реализуется в языке с помощью частицы *не* или предлога *без*, часто выступающих в виде приставок отрицательного значения, ср.: *умный – неумный / безумный, глупый – неглупый, талантливый – неталантливый / бесталанный, способный – неспособный, сообразительный – несообразительный, разумный – неразумный, смывленный – несмысленный, даровитый – бездарный, рассудительный – безрассудный, мозговитый – безмозглый, головастый – безголовый* (аналоги: *без головы, без царя в голове, толковый – бестолковый* и др.

При рассмотрении языковых средств выражения интеллектуальной градуированности важно учесть, что градация прослеживается уже на уровне семантики единиц смыслового поля «Интеллект», ср. градационный ряд по признаку наличия / отсутствия интеллекта и степени выраженности данного признака: *дебил (разг.) – дурак – тупой – глупый – неразумный – разумный – толковый – образованный – способный – умный – мудрый*. Однако в русском языке существуют другие средства актуализации признака интеллектуальной градуированности. Ключевые точки данной градации вербализуются единицами разных уровней: словообразовательного, морфологического, лексико-фразеологического и синтаксического. Важно отметить, что категория интеллекта градуированная, поэтому названные единицы можно распределить как минимум по двум группам в зависимости от степени актуализации признака интеллектуальности – 1) маркеры актуализации признака интеллектуальности в меньшей (легкой) или большей степени, 2) маркеры актуализации признака интеллектуальности в высшей или низшей степени.

1. Языковые средства актуализации признака интеллектуальности в меньшей (легкой) или большей степени.

1.1. Словообразовательные средства. Одним из способов выражения значения ‘проявление признака интеллектуальности в незначительной (легкой) степени’ является присоединение

к интересующим нас производящим корням суффикса *-оват-* в значении ‘слабое проявление признака’, ср.: *дураковатый, глуповатый, туповатый, дубоватый, дурковатый, придурковатый, простоватый*. Смысловой компонент ‘слабое проявление признака интеллектуальности’ закономерно свидетельствует о недостатке интеллектуальных способностей, данный суффикс присоединяется к корням лишь отрицательного значения, не используются формы **умноватый, мудроватый* и под. Другим способом выражения названного значения является присоединение префикса *недо-* со значением ‘недостаток чего-либо, неполная степень проявления признака’, ср.: *недоумок, недоделанный, недоструганный* (данные единицы носят исключительно разговорный характер).

1.2. Морфологические средства. Очевидным способом реализации градуированности категории *интеллект* являются компаративные формы прилагательных – простые (образованные с помощью суффиксов *-ее / -ей*, ср.: *мудрее, умнее, разумнее, рассудительнее, глупее, тупее*) и сложные (образованные с помощью частиц *более / менее*, ср.: *более / менее умный, более / менее разумный, более / менее глупый*).

Другим способом реализации градуированности категории *интеллект* является присоединение наречий степени, которые означают характер интенсивности признака. В данном случае используются такие наречия, которые актуализируют значение недостаточности проявления признака (*не очень, не слишком, недостаточно, сравнительно, относительно, не совсем, не настолько, едва, чуть-чуть, немного, несколько, много (более), гораздо (менее / более), вдвое, вкратце* и под., *капельку* (разг.), *крошечку* (разг.) и др.

1.3. Лексико-фразеологические средства. Среди фразем смыслового поля «Интеллект» следует отметить выражения с семантикой недостаточности чего-либо или наличие каких-либо ограничений (как правило, внутренних) для осуществления умственной деятельности, ср.: *шариков (клёпок / винтиков / извилин) не хватает, выше своего носа (своей головы) не прыгнешь* и под. В целом, количество фразеологизмов (в т. ч. паремий) с указанным значением невелико: вероятно, в русской традиции ум, глупость или мудрость воспринимаются уже как предельные, неградуированные понятия (ср.: *Если дурак, уж неважно, пожалуй, большой или малый*).

1.4. Синтаксические средства. К собственно синтаксическим средствам актуализации признака интеллектуальности в меньшей или большей степени следует отнести сравнительные обороты с союзами *как, будто* и под., конструкции со значением сравнения *быть похожим на кого-либо, быть подобным кому-либо*, конструкции со сравнительно-сопоставительными предлогами: *вроде бы, типа, наподобие* и др., имеющими условно-предположительное значение, ср.: *И притом вроде бы умный политик, а такую глупость говорит... Глупость заключается в том, что Беларусь и Лукашенко не имеют таких ресурсов* (<http://www.news.yandex.ru>).

2. Языковые средства актуализации признака интеллектуальности в наибольшей (наивысшей) или наименьшей степени.

2.1. Словообразовательные средства. Одним из способов актуализации признака в наивысшей степени является присоединение к прилагательному префикса *пре-* в значении ‘очень, в крайней степени’ (ср.: *преумный, преглупый, премудрый*). Следует отметить специфику употребления данных единиц, которые носят устаревший характер. Прилагательные *преумный* и *преглупый* являются частотными, это объясняется их участием в структуре устойчивых выражений *умный-преумный* и *глупый-преглупый* (ср.: *И мы, такие «умные-преумные», искали ошибки: не так написали, не так сверстали, не здесь разместили* (<http://www.pressball.by>). Важно уточнить, что, помимо значения префикса *-пре*, сам лексический повтор (*умный-преумный, глупый-преглупый* и под.) служит усилению, интенсификации признака интеллектуальности.

Прилагательное *премудрый* используется главным образом в речах служителей церкви и в устойчивых выражениях – именах собственных (ср.: *...Премудрым смотрением Божиим в течение многих лет Вам довелось созидать и благоуукрашать храмы Новосибирской и Владимирской епархий* (<http://www.orthodox-newspaper.ru>).

Еще одной словообразовательной единицей, актуальной в данном контексте, является суффикс *-ан* в значении ‘название кого-либо по выдающемуся признаку’, ср.: *мозган, голован*. Так в разговорной речи называют человека, который отличается интеллектуальными способностями.

2.2. Морфологические средства. Простые и сложные формы превосходной степени также являются средством актуализации признака в наибольшей степени, простые формы образуются с помощью суффиксов *-айш-* / *-ейш-* (ср.: *умнейший, мудрейший, разумнейший, глупейший*), но не *тупейший* (из 550 контекстов с использованием форм слова *тупой* не встретилось ни одного, в котором употреблялась бы форма *тупейший*). Показатели сложной формы превосходной степени – частицы *самый, наиболее, наименее* (ср.: *самый / наиболее / наименее умный, самый / наиболее / наименее разумный, самый / наиболее / наименее рассудительный*).

Другим способом выражения значения максимальной реализации признака интеллектуальности является присоединение наречий *очень, страшно, удивительно, исключительно, слишком, прямо, абсолютно, совершенно, чересчур, крайне, необычно, весьма, совсем, настолько* и др. Для выражения указанного значения также может использоваться сложение основ – опорного слова и основы наречия / прилагательного со значением интенсивности проявления признака, ср.: *многоумный, многомудрый, многодумный, большелобый (широколобый), большеголовый, быстроум* и др.

Интересно, что крайняя степень проявления признака интеллектуальности или его отсутствия в русской лингвокультуре оценивается одинаково негативно: и к предельной глупости, и к чрезмерному мудрствованию (умничанью, зауми и под.) русские относятся одинаково настороженно и часто даже пренебрежительно, ср.: *Боюсь только, что излишние мудрствования на тему «вне игры» запутывают не только простых болельщиков, но даже представителей футбольной Фемиды* (<http://www.news.yandex.ru>).

2.3. Лексико-фразеологические средства. Значение максимальной интенсивности проявления признака интеллектуальности может быть выражено как лексическими средствами с семантикой предельности (ср.: *Там дебилы живут. От Перми до Екатеринбурга – это население дебильное. Оно, может быть, здоровое, но если взять его по интеллекту – он тупой, до упора* (<http://www.e1.ru>), так и фразеологическими средствами, ср.: *ума не занимать; быть мудрым не по годам; человек большого ума; семи пядей во лбу; ума палата – с одной стороны; иметь одну извилину, и та – пунктиром; глуп совсем, кто не знает ни с кем и под. – с другой стороны.* Предельная степень мудрости реализуется также с помощью метафорических сравнений: *мудрый яко змий; мудр, как сама жизнь* и др. (ср.: *Смешны эти оправдания мудрой, как змий, Европы – её незнанием, наивностью и легковерием, будто об институтке дело идёт* (<http://www.stoletie.ru>); *Стихи и песни Ю. Шевчука многое вобрали в себя в нашем земном и небесном мире... Исступленные, пронзительные, иногда озорные строки. И мудрые – как сама жизнь* (<http://www.portamur.ru>). Для выражения предельной глупости в русском языке часто используются сравнения с домашними животными, не отличающимися сообразительностью (ср.: *глуп, как пара купеческих лошадей; глуп как сивый мерин; глуп как осел; осел на осле – дурак на дураке*), или с деревом (*глуп как пробка, дубинноголовый, дубина стоеросовая* и под.

2.4. Синтаксические средства. Высшая или низшая степень проявления признака интеллектуальности на синтаксическом уровне реализуется речевыми оборотами со значением наибольшего проявления признака (ср.: *более мудрого человека я не знаю, самый что ни на есть тупой* и под.). Указанное значение актуализируется также в сравнительных оборотах – конструкциях, в которых при опорном слове употребляются усилительные элементы – интенсификаторы *такой, так, до того, до такой степени*; ср.: *Медведь был до того умен, что нам иногда было непонятно, кто кого выслеживает* (<http://www.sakhalin.info>); *Евреи так умны и очень талантливы, как никто другой в мире* (<http://www.news.yandex.ru>).

Восклицательные предложения с частицами *какой, что за, вот так* также могут выражать значение предельной степени, ср.: *...Ельцин, находясь в добром расположении духа, простодушно брякал: «Посмотрите, какой у нас умный премьер-министр!» – о Егоре Гайдаре* (<http://www.pro-vincia.com.ua>); *Какая глупость говорить о конфликте между Литвой и Россией, каким нужно быть глупым, чтобы говорить, как как-то сказал один деятель, что Ивана к трубе не пустим!* (<http://www.obzor.lt>); *«Положи свое сердце у чтения...», – эти строки были написаны в одном египетском папирусе почти 6 тысяч лет тому назад, еще при зарождении письменности. Какие удивительные и мудрые слова!; Почему митинг не разрешили? Что за дурь? Что за глупость? Не собирался же никто выходить с пистолетами* (<http://news.yandex.ru>). Интересно, что в русском языке конструкции, выражающие крайнюю степень проявления интеллекта, с акси-

ологической точки зрения могут выражать прямо противоположные коннотации в зависимости от ситуации общения и интонации говорящего, при этом степень интенсивности признака будет одинаково высока (ср., например, выражение *Какой ты умный*, используемое в прямом смысле, произносится с интонацией восхищения, а в переносном (противоположном) смысле будет иметь ироническую окраску).

Итак, категория интеллекта имеет внутреннюю градацию. Доказательством этого факта является то, что в русском языке признак интеллектуальной градуированности прослеживается на всех языковых уровнях: словообразовательном, морфологическом, лексико-фразеологическом и синтаксическом. Единицы, репрезентирующие признак интеллектуальной градуированности, распределяются по двум группам в зависимости от степени интенсивности проявления данного признака: первая группа – маркеры актуализации признака интеллектуальности в меньшей (легкой) или большей степени, вторая группа – маркеры актуализации признака интеллектуальности в высшей или низшей степени.

Список литературы

1. Русская грамматика. М.: АН СССР, Институт русского языка. 1980.

УДК 81'42
ББК Ш 100.

Р. Г. Жамсаранова
г. Чита (Россия)

Дискурсивно-когнитивные уровни значения имени (vs. onoma)

Статья посвящена изучению семантического потенциала названий дней недели, представленных проприальной лексикой заведомо неродственных языков. Оказалось, что онимические единицы обнаруживают не только типологически схожие признаки концептуальной семантики, обусловленные как мифологическим сознанием, так и принципами общечеловеческого познания окружающего мира.

Ключевые слова: *дискурс, дни недели.*

R. G. Zhamsaranova
Chita (Russia)

Diskursivno-kognitivnye levels of value of a name (vs. onoma)

The article deals with discourse analysis of the names of days of the week. As it turned out these proper names through analysis can reveal three levels of meaning. These meanings are connected with one typologically based principle of nomination, which is explained by universality of human's mind. The linguistic material is the proper names as chrono-onomas of Greek, Latin, English, Slavic and Mongolian cultures.

Key words: *discourse, days of the week, implicative meaning, typology, connotative meaning, conceptual meaning, three levels of meaning.*

Названия дней недели в разных культурах представляют собой некие символные языковые знаки, дешифровка которых способствует оптимальному пониманию знаков отдельной культуры. Известно, что в традиционной культуре понятия времени и пространства являются базовыми понятиями. Традиционное языческое мировоззрение о времени представляло для сознания «наивного» человека почти то же самое, что является собой диалектика для науки. Представление и распределение времени в наивном сознании – это только один из аспектов познания окружающего мира традиционного или мифологического мировоззрения.

Мифологический тип мышления кодировал информацию посредством принятой знаковой традиции в отдельной этнокультуре. Кодирование обусловлено древнейшими космогоническими и мифологическими представлениями человека и возникало в сознании по принципу «аналогии» – соотнесения подобных или схожих предметов, объектов, существ или явлений. Основой подоб-

ного соотнесения является представление древнейшей космогонии об общей взаимосвязи всего сущего в мире, где человек представляет собой неотделимую от природы некую суть.

Познать отдельные рефлексы космогонического моделирования времени возможно посредством изучения дискурсивно-когнитивных уровней семантического и культурного значения языковой единицы, т. е. названий дней недели или хрононима. При этом следует заметить, что уровни значения хрононима качественно неравнозначны.

Первичным уровнем следует считать имплицативный потенциал значения, заключенный в денотативном значении онима. Ранее мы уже писали о типологии семантического значения названий дней недели разных лингвокультур [1]. Денотатом хрононима выступает, как правило, имя некоего божества, или персонифицированной природной силы, имеющей в своем «распоряжении» определенное время – световой день суток.

При изучении названий дней недели в разных языковых культурах оказалось, что семантика этих названий типологически сопоставима. Персонифицированное имя божества, являвшегося покровителем данного дня недели согласно древнегреческой мифологии, имеет, естественно, свои лексические вариативы. В таблице, предлагаемой ниже, даны некоторые соответствия имен собственных и дней недели в разных языках, отражающих разные этнокультуры.

Таблица 1

Имена и дни недели в разных языках

Названия дней недели (хрононим)	Английское имя	Монгольское имя / Тибетское божество / планета	Латинское Название дня недели	Римское божество	Славянское Божество (языческое)
Воскресение	Sunday	Ням / Рави-вара / Солнце	Solis dies	Зевс	Даждьбог
Понедельник	Monday	Даваа / Сома-вара / Луна	Lunae dies	Селена	Велес/Волос
Вторник	Tuesday	Мягмар / Мангала-вара / Марс	Martis dies	Марс	Сварог
Среда	Wednesday	Буд (Лхагва) / Буддха-вара / Меркурий	Mercuri dies	Меркурий	Стрибог
Четверг	Thursday	Пурэв / Брихаспати-вара (Гуру-вара) / Юпитер	Jovi dies	Юпитер	Перун
Пятница	Friday	(Солбон) Баасан / Шукра-вара / Венера	Veneris dies	Венера	Макоша
Суббота	Saturday	Бямба / Шани-вара / Сатурн	Saturni dies	Сатурн	Семаргл

Мифологический уровень значения хрононима выявляет типологически общий для всех языковых культур принцип означивания, «опредмечивания» такого временного отрезка, как световой день суток. Проявляется типологически универсальное в процессе называния объектов времени, которое мыслится как аналогичное акту «сотворения» этих вещей. Происходит одновременный акт сотворения знака в виде имени дня недели, которое совпадает с именем божества, властвующего в этот период времени, и как бы «сотворение» самого хрононима, определенного времени суток – светового дня.

Примерно так мыслится первый шаг в долгом историческом процессе освоения «враждебного» чужого пространства и присущих ему предметов с их символизацией, представляя первый этап появления традиционных космогонических и религиозных воззрений. Присвоение, связанное с означиваемостью, происходит на нескольких уровнях. Во-первых, это фонетическое означивание, дача, присвоение имени, что дает право наивному сознанию приобрести некоторую власть над этим предметом, в данном случае – над отрезком времени суток. Во-вторых, следующим шагом может быть их последующая символизация в виде графических знаков, что позволяло, в свою очередь, выделиться некоторым индивидам из общего социума, кто овладевал тайнами графики, а значит и приобретал вместе с этим знанием и некую степень власти над силами природы. В-третьих, появлялись избранные, которые имели право и могли в силу этого произносить имя, т. е. облекать их в звуковую форму, а значит, быть несколько приближенным к объекту называния.

Персонификация времени, выражающаяся в даче имени дню недели, автоматически приравнивалась в наивном сознании к покровительству конкретного божества, управлявшего одной из природных стихий. Так, например, *воскресенье* имеет ярко выраженную «солнечную» энер-

гетику. Поэтому посредством данной таблицы представляется объективным считать славянского Дажьдбога как Бога Солнца, тогда как Стрибог может быть соотнесен со стихией Ветра и соответствует древнегреческому Меркурию – Богу Ветра. Попутно заметим, что в литературе встречается довольно противоречивые мнения по поводу того, Богом какой стихии можно считать Дажьдбога. Не исключено, что этот оним представляет собой некий лексический вариатив имени Стрибог, который по своему значению в аспекте дискурса наиболее адекватно согласуется с греческим онимом, точнее, с его семантикой (т. е. с Меркурием).

В лингвистическом плане подобное суждение также может иметь обоснование. Так, латинский апеллятив *ventus* ‘ветер; буря, смятение, потрясение’ в своем лексическом составе обнаруживает ряд согласных *v(e)nt(u)s*, который сопоставим с русским рядом *в(е)т(е)р*, а также первой частью теонима Стр(и)-бог. Заметим, что при подобном сопоставлении выявляется древняя индоевропейская консонантная дихотомия *v / s* – [v/s]. Лексическое совпадение латинского *ventus* ‘ветер; буря, смятение, потрясение’ и английского *wind* ‘ветер’ дает нам основание считать английское *Wednesday* ‘днем ветра’, как и славянского Стрибога Богом ветра.

По-видимому, «ветреность» этого дня недели и позволила грекам и римлянам считать покровителем этого дня Бога Меркурия, которому «пришлось» в силу владычества над стихией ветра стать Богом торговли. Одним из языковых обоснований этого возможно является то, что в латинском языке с основой *ven (t)*– есть достаточный ряд лексем: *venīre* ‘приходить; приезжать, прибывать’; *venāgi* ‘охотиться, гоняться, ловить, домогаться’; *ventilābrum* ‘ручная веялка’; *ventilatiōnis* ‘проветривание; провеивание’; *ventilator* ‘веяльщик; фокусник, жонглер; смутьян’; *ventio/ventiōnis* ‘приход’; *ventosus* ‘ветренный, овеваемый ветрами; легкомысленный, непостоянный; пустой, бессодержательный; ничтожный, призрачный’; *ventus* ‘приход’ и пр.

Близким по значению и обнаруживающим консонантный переход к апеллятиву *ventus* ‘ветер; буря, смятение, потрясение’ может быть английское слово *tosend* ‘посылать’, также обнаруживающее в своей морфоструктуре консонантный переход [v / s].

Хотя латинское *ventus* ‘ветер’ возможно и имеет близкое значение к семантике теонима Меркурий, тем не менее, в семантическом поле с этой корневой основой *ven(t / d)*– лежат следующие латинские лексемы: *vendācis* ‘любящий продавать’; *vendibilis* ‘продажный; ходкий; популярный’; *vendidationis* ‘торгашеская крикливость, хвастливость’; *venditionis* ‘продажа; отдача на откуп’; *venditāre* ‘предлагать купить; пытаться продать; продавать; предавать; расхваливать, заискивать’; *venditōris* ‘продавец; предатель’; *vēndere* ‘продавать’. По-своему интересна нисходящая, негативная семантика лексем, номинирующих процесс продажи и предательства. Собственно лингвистический уровень, как видно, также несет семантическую нагрузку и понимается как второй уровень значения хрононима.

Третьим уровнем значения мы называем уровень, обусловленный культурно-коннотированными признаками хрононима. Известно, что названия дней недели имеют астрологическое происхождение. Еще в Древнем Вавилоне сутки делились на 24 часа и каждый час находился под покровительством планеты. Так, первый час субботы посвящался самой далекой планете – Сатурну, второй час – Юпитеру, третий – Марсу, четвертый – Солнцу, пятый – Венере, шестой – Меркурию и седьмой – Луне. По астрологическим правилам дни получали свои имена в зависимости от того, какой планете посвящался его первый час. Поэтому суббота и получила название дня Сатурна.

Остальные часы субботы были также распределены между планетами. Так, 8-й, 15-й и 22-й часы опять посвящались Сатурну, 23-й час принадлежал Юпитеру, 24-й – Марсу. Первый час следующего дня – воскресенья приходился на долю Солнца. Поэтому оно и было названо днем Солнца.

Известно, что народы Западной Европы переняли от римлян различные обычаи, а также многие слова и выражения. Поэтому в языках европейских народов – итальянцев, французов, испанцев, немцев, англичан, шведов, норвежцев, датчан, голландцев до наших дней сохранились многие названия дней недели, заимствованные у древних римлян. Так, во французском языке только воскресенье (*dimanche*) не связано с «планетными» названиями и происходит от латинских слов *dies domēnica*, означающих ‘день господень’.

В итальянском и испанском языках у пяти дней недели остались названия планет. В английском языке соответствуют планетам названия таких дней, как суббота (*Saturday* – день Сатурна),

воскресенье (Sunday – день Солнца) и понедельник (Monday – день Луны); остальные дни также носят имена планет, но они названы по именам богов скандинавской мифологии Тиу, Вотана, Тора и Фрейи, соответствующих по своей роли римским Марсу, Меркурию, Юпитеру и Венере.

В немецком языке и поныне Sonntag (день Солнца) – воскресенье и Montag (день Луны) – понедельник, и пятница (Freitag) напоминает о богине Фрее. Интересно, что у некоторых народов Азии дни недели носят названия тех же планет. В Индии дни недели именуется (на языке хинди): понедельник – Сомвар (день Луны); вторник – Мангалвар (день Марса); среда – Буддхавар (день Меркурия); четверг – Виравар (день Юпитера); пятница – Шукравар (день Венеры); суббота – Шанивар (день Сатурна); воскресенье – Равивар (день Солнца), т. е. почти совпадают с тибетскими.

В русском языке, как и в других славянских языках (украинском, белорусском, болгарском, чешском, сербскохорватском, польском), названия дней недели связаны с их порядковыми номерами и с некоторыми религиозными обычаями. Названия дней недели пришли в Древнюю Русь из Болгарии – южнославянской страны, культура которой была в то время на самом высоком уровне. Религиозные люди считают, что семидневная неделя была установлена самим богом, который шесть дней трудился, а на седьмой «почил от дел своих». Поэтому Библия строго запрещала нарушать святость субботы – дня, посвященного богу. Этот день был еженедельным праздником у христиан и евреев. Во II в. н. э. римский император Адриан запретил христианам праздновать субботу. Тогда день отдыха был перенесен на следующий день недели – день Солнца. В 321 г. римский император Константин, принявший христианство, узаконил этот день как еженедельный государственный праздник.

На Руси еженедельный праздник долго назывался седмицей или ‘неделей’ – днем, когда ‘не делают’, не работают. Понедельник означает, что он следует после ‘недели’ (т. е. воскресенья), вторник – второй день после ‘недели’, среда – средний день, четверг и пятница – четвертый и пятый; суббота же происходит от древнееврейского слова ‘саббат’ (шабаш), что означает отдых, покой.

После принятия Русью христианства воскресеньем назывался только один день года – день начала празднования Пасхи. В смысле дня недели слово ‘воскресенье’ начали употреблять только в XVI в. в память о воскресении Христа, Слово же ‘неделя’ сохранилось для всего семидневного периода вместо слова ‘седмица’.

Таким образом, очевидно, что когнитивные механизмы именованья определенного отрезка времени универсальны и, при этом, имеют разные дискурсы. Однако при дискурс-анализе отдельного хрононима становится более доступной национально-культурная специфика репрезентации действительности онимическими единицами того или иного языка. Обнаруживается общее и особенное в моделировании фрагментов языковой картины мира, обуславливаемое и средствами языка, культуры и сознания. Такого рода подходы обозначены в работах Н. Ф. Алефиренко, Т. В. Топоровой, Н. Н. Семененко и др. В данном направлении сопряжены результаты семиотики, этнолингвистики, исторического языкознания, сравнительно-сопоставительного языкознания, лингвокультурологии и ономастики.

Список литературы

1. Жамсаранова Р. Г. Названия дней недели в аспекте межкультурной коммуникации // Проблемы концептуальной систематики языка и речевой деятельности: мат-лы 5-й Всеросс. науч. конф. Иркутск: ИГЛУ, 2011. С. 354–358

**Фреймовая структура гештальной системы абстрактного концепта
(на примере концепта «женское божество» в эддической песне «Речи Высокого»)**

В работе идет речь об анализе гештальной системы абстрактного концепта, образованной из образов-символов, как фреймовой структуры. Для анализа структуры образов-символов используются методы лингвистической генетики. Материалом исследования служит одна из песен Старшей Эдды «Речи Высокого».

Ключевые слова: *фрейм, концепт, гештальт, образ-символ, концептуальные смыслы, лингвистическая генетика, Старшая Эдда, древнеисландский язык.*

S. S. Kalinin
Kemerovo (Russia)

**The framework of the general concept's gestalt system
(on the basis of the concept “goddess” of eddaic verse “the sayings of the high one”)**

The article deals with the gestalt framework of symbolic images and their conceptual analysis with help of linguistic genetics methods. The research basis is an eddaic verse named “The Sayings of the High One”.

Key words: *framework, concept, gestalt, symbolic image, conceptual contents, linguistic genetics, The Poetic Edda, Old Norse language.*

Образ является одной из наиболее важных когнитивных единиц, наряду с концептами, символами и гештальтами. По мнению Ю. Н. Караулова, образы являются одними из наиболее важных и наиболее распространенных элементов ментального лексикона («языка мысли» в терминологии Ю. Н. Караулова [8, с. 184–190]) [8, с. 189], которые характеризуются сочетанием в своей структуре наглядно-чувственной, обычно визуально полученной информации и логических элементов, восходящих к понятию. Также для образов характерны недетализированность, дискретность, известная схематичность [8, с. 189]. Образ также является многоуровневой концептуальной структурой, которая проявляется в языке также на нескольких различных семантических уровнях [13, с. 27].

Однозначно признаваемого всеми определения символа в лингвистической науке в настоящее время не выработано. Структура символа, по мнению Ю. Н. Караулова, не является самостоятельной структурой знания, а «надстраивается» над образной или же знаковой структурой [8, с. 202–203]. Н. Д. Арутюнова пишет о том, что образ и символ находятся в системных отношениях между собой, что они вступают между собой в отношения стабилизации [2, с. 314]. Также она упоминает о том, что в понятии образа обозначилась идея, идеальное представление, отделенное от материальной формы [2, с. 313].

С. С. Аверинцевым дается такое определение образа: «В широком смысле можно сказать, что символ есть образ, взятый в аспекте своей знаковости, и что он есть знак, наделенный всей органичностью и неисчерпаемостью образа. Всякий символ есть образ (и всякий образ есть, хотя бы в некоторой мере, символ); но категория символа указывает на выход образа за собственные пределы, на присутствие некоторого смысла, нераздельно слитого с образом, но ему не тождественного... Предметный образ и глубинный смысл выступают в структуре символа как два полюса, невысказанные один без другого (ибо смысл теряет вне образа свою явленность, а образ вне смысла рассыпается на свои компоненты), но и разведенные между собой и порождающие между собой напряжение, в котором и состоит сущность символа. Переходя в символ, образ становится «прозрачным»; смысл «просвечивает» сквозь него, будучи дан именно как смысловая глубина, смысловая перспектива, требующая нелегкого «вхождения» в себя» [1, с. 826–831]. А. Ф. Лосев дает следующее определение символа: символ является «идейной, образной или идейно-образной структурой», которая для некоторой другой структуры знания является неразвернутым знаком [10, с. 51].

Согласно модусно-гештальтной теории концептов, обобщенный концепт проявляет себя в виде нескольких гештальтов (конкретных реализаций абстрактного концепта) [16, с. 24–25], которыми могут являться различные структуры знания, в том числе, образы и символы. Ю. Н. Караулов считает, что гештальты являются более обобщенными структурами знания по сравнению с образами и символами. Кроме того, они являются «связующим звеном» между ментальным лексиконом, объективной реальностью и языком человека. В этом смысле модусно-гештальтная теория полностью соответствует неогумбольдтианским представлениям о взаимосвязи объективной реальности, мира языка и мира человеческой психики, в частности, теоретическим построениям Й. Л. Вайсгербера и его триаде «язык – мир – человек» [15, с. 29–34], восходящей еще к исследованиям В. фон Гумбольдта. Эта триада является одним из важнейших теоретических положений неогумбольдтианской языковой теории Л. Вайсгербера [15, с. 19–29]. При этом мир языковых и мир концептуальных структур являются взаимопроникающими и нераздельными [3, с. 454–455]; невозможно провести четкую границу между элементами ментального лексикона и структурами языка. В данном случае, так проявляется «языковое освоение действительности» (термин, введенный Л. Вайсгербером [15, с. 75–76]), в котором язык выступает не просто в качестве инструмента, передающего какую-либо определенную информацию, но как активное, наделенное энергией в гумбольдтовском смысле средство, творящее новую концептуальную реальность.

Е. И. Голованова показывает, что гештальты содержат в себе более абстрактную и менее детализированную информацию, чем образы [5, с. 123–124]. На языковом же уровне они могут являть себя в виде лексем и (или) словосочетаний, интегрирующих в себе как конкретно-чувственный, так и абстрактный компоненты. Структура и типология гештальтов различается с зависимости от типа и свойств дискурса, в котором реализуются конкретные гештальты данного концепта. В. З. Демьянков отмечает тот факт, что дискурс полностью определяется реализующимися в нем концептами [7, с. 39–77], следовательно, по отношению к дискурсу гештальты выполняют структурирующую функцию.

Удобно представить гештальтную систему объективаций какого-либо концепта в виде фреймовой структуры. В нашем случае, это объективация абстрактного концепта «женщина» в виде структуры, содержащей в себе несколько слотов с конкретными вербализациями женских образов. Данные слоты являются слотами второго порядка, т. е. вариативными структурными компонентами фрейма [12], и представляют его как многоуровневый концепт [4, с. 37]. В то же время в этих слотах второго порядка могут также находиться вариативные компоненты (например, признаки и качественные характеристики женских образов), а также другие концепты, в том числе и состоящие из нескольких уровней, которые могут объективироваться в данном типе дискурса, а, следовательно, отражать какую-либо часть языковой картины мира [4, с. 63]. Таким образом, фрейм можно считать когнитивной моделью [4, с. 63], реализующей способ концептуализации мира носителями данного языка и соответствующей лингвокультуры. В принципе, с помощью фрейма может отображаться любой фрагмент картины мира, даже, как пишет Н. Н. Болдырев [4, с. 63], необычный или нетипичный для носителей конкретного типа языкового сознания либо же нетипичный для данной лингвокультуры.

На примере одного из персонажей эддической песни «Прорицание вельвы» (дисл. *Völuspá*) рассмотрим как единый фрейм систему вербального выражения женских образов-символов божеств, упоминаемых в песни. Несмотря на относительно позднее время ее записи (XII–XIII вв.), большинство текстологических фактов указывает на ее создание еще в дохристианскую эпоху. «Прорицание вельвы» является одним из источников по мифологии древних германцев, а также по их эсхатологии (в ней рассказывается о происхождении и о завершении бытия всего сущего – Рагнарёке).

Основным анализируемым образом-символом является образ-символ богини Фрейи, фигурирующей в песне также под именами Гулльвейг и Хейд. В песне рассказывается о том, как богиня Фрейя под именем колдуньи Хейд перемещалась по мирам людей и богов, творя различное волшебство. Также она стала причиной первой в мире войны: под именем Гулльвейг ваны (группа аграрных божеств) подослали ее к асам. Асы пытались убить ее, но, несмотря на это, Гулльвейг смогла выжить.

В тексте богиня Фрейя (абстрактный концепт «женское божество») представляется с помощью следующих вербальных гештальтов (в данном случае, тип гештальта – образ-символ): Freyja, Gullveig, Heiði, völva и maer. Последняя номинация является обозначением молодой девушки и молодой женщины вообще. Имя Freyja же восходит к праиндоевропейскому корню *ргоцо– со значением «первый, впереди стоящий», к которому принадлежат также некоторые лексемы из германских языков, например, двн. frouwa «жена, женщина», да., дс. frūa «жена, женщина». В свою очередь, имя Gullveig состоит из двух компонентов, один из которых представляет собой особый интерес. Лексема veig имеет широкий спектр значений, связанных с семантикой силы, мощи и власти. Она как метафорический компонент входит в состав некоторых древнеисландских женских личных имен (например, Þórveig, Sólveig, Álmsveig, Mjǫðveig), выполняя тем самым номинативную функцию метафоры. В поэтической речи скальдов veig было обозначением пьянящего напитка на основе меда. Лексема heiði имеет значение «хитрый» и «таинственный». В Древней Исландии оно было обычным именем для волшебниц и колдуний. Völva восходит к праиндоевропейскому корню *цел– со значением «видеть».

Рассмотрим теперь генетические схемы данных образов-символов, описывающих их концептуальные смыслы. Лексема maer восходит к генетической формуле “m + вокалическое ядро + k(g)” [11, с. 143–144], к которой восходят такие семантически и типологически родственные лексемы и соответствующие им концептуальные смыслы, как др.-инд. mahila «женщина», maheyi «корова», тох. В токи «ночь», meghah «облако», латыш. makonis «облако» [11, с. 143] (М. М. Маковский упоминает о символическом сопоставлении «женщина» – «священная корова» – «звездное небо» в индоевропейских языках [11, с. 129]). Лексема heiði, в свою очередь, восходит к формуле «вокалическое ядро + d» [11, с. 122–123], к которой также относятся слова с семантикой огня (к примеру, да. ad «огонь», дирл. ide «пожар» [11, с. 122–123]) и влаги (например, латыш. udens «вода, жидкость» [11, с. 122]). С другой стороны, к этой же генетической формуле относятся некоторые лексемы, обозначающие женщин в германских языках (да. itis, двн. idis «женщина» [11, с. 123]). В древности в индоевропейских языках, по-видимому, обнаруживалось символическое сопоставление и связь значений «огонь», «вода» и «женщина». Одним из символов женщины в языческую эпоху была водная стихия. При построении генетической формулы для вербального выражения образа-символа völva (а это «вокалическое ядро + l» [11, с. 146–147]) опять обнаруживается тесная связь символики женских образов с символикой огня и воды, поскольку к этой же формуле относятся да. aelan «гореть», weallan «кипеть» [11, с. 146–147], а также современные англ. well «водоем», шв. eld «огонь» [11, с. 147]. И в данном случае видим метафорическое сопоставление женских образов с огненной и водной стихией.

Образ-символ Freyja представляет собой результат рекомбинации двух типов генетических формул «вокалическое ядро + b (p)» [11, с. 109–111] и «r + вокалическое ядро + d» [11, с. 134–135]. К первой формуле относятся многочисленные лексемы со значением «жечь», «гореть», «блестеть» (например, лат. jubar «блеск, сияние» [11, с. 111]), а также с семантикой воды и влаги (например, галл. abu «река» [11, с. 111]). Ко второй формуле относятся, например, да. wraette «украшение», др.-инд. gatham «богатый», лат. pretium «ценность», гот. aira «земля» (и как хранилище богатств, и как персонализация женщины) [11, с. 135]. В данном случае актуализируется семантика «женщина как хранительница богатства, как носительница добра». На основании первой формулы можно в очередной раз определить метафоризацию женского образа как стихии огня и воды. Генетическая формула лексемы veig, входящей в состав имени собственного Gullveig, выглядит как «вокалическое ядро + g» [11, с. 136–138]. К ней относится большой пласт индоевропейской лексики с сакральной семантикой, например, да. wah «священный, святой, красивый», wioh «святыня» [11, с. 136], гот. ahi «смысл, значение», ahma «дух» [11, с. 138]. Интересно также, что литовское слово jega, относящееся к данной формуле, полностью повторяет значения лексемы veig [11, с. 136]. Примечателен анализ в этом отношении слова «игра», также относящегося к данной формуле. По сведениям М. М. Маковского, изначально данное слово использовалось для обозначения культового действия, сопровождаемого жертвоприношением, культовыми движениями жрецов и возлияниями в честь божества [11, с. 136]. Данное слово по генетической структуре можно сопоставить с галл. erg «небо», тох. А и В yark «славить», хет. arkuḫanun «я

молюсь» и другой сакральной лексикой [11, с. 136]. Этот факт типологически сопоставим с да. lieg «огонь», но да. las «игра», laese «колдунья» [11, с. 136]. Наблюдается устойчивое метафорическое сопоставление женского образа с огнем.

Проанализированная фреймовая система образов-символов как вербализаций абстрактного многоуровневого концепта «женщина» / «женское божество» может рассматриваться как культурный код [6, с. 9], поскольку отражает на вербальном уровне с помощью языковых знаков (которые, очевидно, представляют собой семиотическую систему) определенный фрагмент культуры и лингвокультуры данного общества, а, следовательно, отражающий и картину мира данного социума. В процессе языковой концептуализации мира человек присваивает культурные смыслы элементам этих знаковых систем [6, с. 9], по словам В. В. Красных, «набрасывает на мир сетку культуры» [9, с. 232]. Изучая женские древнегерманские образы-символы, можно, как уже было сказано выше, восстановить древнегерманскую картину мира, сделать попытку реконструкции мировоззрения и миропонимания древних германцев, а также исследовать германскую ментальность.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Символ художественный // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. Т. 6. М.: Советская энциклопедия, 1971. С. 826–831.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Изд-во «Языки русской культуры», 1999. 895 с.
3. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Лео Вайсгербер в когнитивной перспективе. Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1990. Т. 49. № 5. С. 451–458.
4. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Изд. 3-е, стер. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. 123 с.
5. Голованова Е. И. Образ, понятие, гештальт как формы профессионального знания // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Филология, Искусствоведение. Выпуск 88, 2014. № 6 (335). С. 122–126.
6. Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: «Гнозис», 2007. 288 с.
7. Демьянков В. З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний. М.: ИНИОН РАН, 1992. С. 39–77.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 8-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 264 с.
9. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: «Гнозис», 2002. 283 с.
10. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Изд-во «Мысль», 2001. 558 с.
11. Маковский М. М. Лингвистическая генетика: проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 208 с.
12. Минский М. Структура для представления знаний // Психология машинного зрения. М.: Мир, 1978. С. 249–338.
13. Разумовская В. А. Художественный образ как единица перевода: булгаковская Маргарита // Вестник Челябинского государственного университета. Филология, Искусствоведение. Выпуск 88, 2014. № 6(335). С. 25–31.
14. Телия В. Н. Русская фразеология. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
15. Шарикова Л. А. Лингвистическая концепция Лео Вайсгербера. Изд. 2-е. Кемерово: ИПК «Графика», 2004. 212 с.
16. Чернейко Л. О., Долинский В. А. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник Московского государственного университета. Сер. 9. Филология, 1996. № 6. С. 20–41.

Можно ли менять язык церковного богослужения?

Статья носит проблемно-полюемический характер. Ставится вопрос о возможности или невозможности замены церковнославянского языка в богослужении Русской православной церкви на современный русский язык. Определяются основные позиции по данному вопросу, приводятся статистические данные, называются инициаторы модернизации литургического богослужения. Ответ на поставленный в статье вопрос предлагается найти в обновленческих реформах, уже бывших в истории Русской православной церкви, и в неудачах подобного опыта в зарубежных странах.

Ключевые слова: *православное богослужение, церковнославянский язык, обновленчество.*

L. V. Kamedina
Chita (Russia)

Is it possible to change the language of church services?

The article has a problem-polemical character. The question is about the possibility or impossibility of replacing the Church Slavonic language in the liturgy of the Russian Orthodox Church to the Russian modern language. The main positions, statistical data are identified on this issue, the initiators of modernization of liturgical worship are named. The answer to the question proposed in the article found in new reforms, which already were in the history of the Russian Orthodox Church and in the failures of such experiences in foreign countries.

Key words: *Orthodox liturgy, the Church Slavonic language, renovationism.*

Со времён Кирилла и Мефодия в Православной церкви установлен церковнославянский язык для богослужения, он создан по образцу древнегреческого. Это книжный язык Русской православной церкви, он неизменен.

В июне 2014 г. митрополит Иларион (Алфеев) выступил с предложением разрешить в городах с большим количеством церквей в десяти или хотя бы в трёх из них совершать богослужение на современном русском языке. Митрополит Иларион обосновал своё предложение «просьбой верующих». Мнение митрополита не является новаторским. Спор о языке богослужения ведётся с XVII в., когда впервые был поставлен вопрос о «старом» и «новом» обряде. Распространено мнение о том, что реформа XVII в. проводилась с целью исправления ошибок и опечаток в богослужебных текстах, которые накопились с течением времени. Реформе предшествовала серия так называемых подготовленных «слухов». В подготовке общественного мнения о неисправности русских богослужебных книг большую роль сыграло развёрнутое предисловие к популярной грамматике Мелетия Смотрицкого (1648 г.), в котором проводилась мысль о том, что русские церковные книги неисправны и нуждаются в немедленном исправлении. Сам Мелетий Смотрицкий, по сообщению С. А. Зеньковского, незадолго до издания его книги в Москве перешёл в католичество и из Польши уже открыто боролся с Православием [4, с. 94].

На Соборе 1654 г. было указано исправлять богослужебные книги по древним греческим и древним славянским образцам. Н. Д. Успенский доказал, что образцами для исправления служили только современные греческие богослужебные книги, изданные преимущественно в иезуитских типографиях Венеции и Парижа. Чтобы скрыть этот факт, никоновы правщики, фальсифицируя, писали в предисловиях некоторых книг, что исправление проводится согласно «с древними греческими и словенскими» образцами [15].

Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон в реформации Русской православной церкви за образец взяли современную Греческую церковь XVII в., на тот момент сильно отличавшуюся от той Греческой церкви, от которой Русь приняла веру в X в. В 1204 г. крестоносцы завоевали Константинополь. На значительной части Византии образовалась латинская империя. В Константинополь был назначен католический патриарх, православные храмы стали закрываться, народ стал насильно обращаться в «латинство», возникла уния. Свои богослужебные книги гре-

ки печатали в иезуитских типографиях за отсутствием собственных, и книги их латинизировались. Именно по таким греческим книгам предлагалось провести правку сначала на Украине – Петром Могилой, а полвека спустя и в России. Таким образом, дореформенные богослужебные книги, переведённые с древнегреческих образцов, во многом отличались от переводов с греческой униатской печати. Касаясь деятельности митрополита Петра Могилы на Украине, Георгий Флоровский пишет: «... всё пронизано чуждым латинским духом. Это была острая романизация Православия, латинская псевдоморфоза Православия. На опустевшем месте строится латинская и латинствующая школа, и латинизации подвергается не только обряд и язык, но и богословие, и мировоззрение, и самая религиозная психология. Латинизируется самая душа народа» [16, с. 49]. По мнению Георгия Флоровского, латинское влияние было глубоким, усваивались и перенимались не только отдельные схоластические мнения, но и психология. Именно от украинского барокко идёт в «малороссийском» религиозном воззрении характерная «эмоциональная нетрезвость, мечтательная возбудимость, своеобразная религиозная романтика».

Греческим справщиком у патриарха Никона стал Арсений Грек, выученник иезуитской коллегии в Риме; он неоднократно переходил из Православия в латинство и обратно, принимал на время магометанство, был униатом; при угрозе медицинского осмотра сознался, что обрезан. Ему помогали: Паисий Лигарид – «папешник, лукавый человек», католический миссионер, главный подручный царя в осуществлении «греческого проекта»; Симеон Полоцкий – выпускник польской иезуитской коллегии в Вильно, тайный униат, наставник царских детей, воспитывавший их в польско-латинском духе, «ловкий борзописец», пишущий комедии для царского театра [7].

Таким образом, «греческий проект» царя-западника Алексея Михайловича стал первой правкой литургического богослужения Русской православной церкви. Несмотря на греческий отголосок, правка была латинской. В 1987 г. профессор Ленинградской духовной академии протоиерей Иоанн Белевцев, выступая на международной церковно-научной конференции, заявил о том, что никонова реформа была «богословски не обоснованной и совершенно не нужной» [2].

Вторая попытка обновления литургического богослужения и перевода его на русский язык была предпринята в 1917 г. Борьбу за отмену церковнославянского языка начала так называемая «обновленческая церковь», создание которой было инспирировано большевиками в противовес Православной церкви. Цель этой реформы – новый церковный раскол. В 1924 г. на так называемом «соборе» союза «Церковное возрождение» была принята резолюция, в которой говорилось: «Переход на русский язык богослужения признать чрезвычайно ценным и важным приобретением культовой реформы и неуклонно проводить его как могучее оружие раскрепощения верующей массы от магизма слов и отогнания суеверного раболепства перед формулой. Живой родной и всем общий язык один даёт разумность, смысл, свежесть религиозному чувству, понижая цену и делая совсем ненужным в молитве посредника, переводчика, спеца, чародея. Русскую литургию, совершаемую в московских храмах Союза, рекомендовать к совершению и в других храмах Союза, вытесняя ею практику славянской, так называемой Златоустовой литургии...» [9, с. 580]. При переводе Литургии идёт погоня за эстетизмом, а молитва в этом не нуждается. Обновленчество в новейшей истории Русской православной церкви стало неприглядной и драматической страницей. Слово «обновленец» сделалось синонимом реформатора православного богослужения, разрушителя веры и Церкви. Обновленческие священнослужители были приверженцами русского языка в богослужении. Обновленческий епископ Антонин (Грановский) свидетельствовал о своём единомышленнике иерее Введенском, который несколько раз служил русифицированную Антонином Литургию и говорил, что эта Литургия производит на него потрясающее впечатление [5]. В одной из газет было опубликовано мнение прихожан на богослужение, которое совершал епископ Антонин (Грановский) в Заиконоспасском монастыре Москвы в 1922 г.: «Антонин в полном архиерейском облачении возвышается посреди храма в окружении прочего духовенства. Он возглашает; отвечает и поёт весь народ; никаких певчих, никакого осолобого псаломщика или чтеца... Не слышать «паки и паки», «иже», и «рече». Всё от начала до конца по-русски, вместо «живот» говорят «житие». Но и этого мало. Ектении совершенно не узнаешь. Антонин все прошения модернизировал. Алтарь открыт всё время... В будущем он обещает уничтожить алтарь и водрузить престол посреди храма» [5]. Впоследствии обновленцы вынуждены

были вернуться к церковнославянскому богослужебному языку. Причина была в том, что народ отказывался посещать храмы, где служба шла на русском языке. Доходы обновленцев падали, церкви были на грани закрытия.

Показательный пример, доказывающий, какой язык хранила и признавала Русская Православная Церковь, связан с Патриархом Тихоном: когда большевистский комиссариат потребовал от Святейшего Патриарха, чтобы на богослужениях поминалось советское правительство, то Патриарх ответил, что словосочетание «советское правительство» невозможно перевести на церковнославянский язык. Святейший Патриарх Тихон говорил о недопустимости нововведений в церковнобогослужебной практике: «Божественная красота нашего истинно назидательного в своём содержании и благодатно действенного церковного богослужения, как оно создано веками апостольской ревности, молитвенного горения, подвижнического труда святоотеческой мудрости и запечатлено Церковью в чинопоследованиях, правилах устава, должна сохраняться в Святой Православной Русской Церкви неприкосновенною как величайшее и священнейшее её достояние» [10].

В 1971 г. Поместный Собор Русской православной церкви торжественно отменил «клятвы (анафематствования) на старые обряды и на придерживающихся их». В докладе, зачитанном на Поместном Соборе, никонова реформа характеризовалась как «крутая и поспешная ломка русской церковной обрядности», предпринятая в силу ошибочного взгляда на обрядовые различия, как на различие в вере. Основания для замены двоеперстия на троеперстие объявлялись сомнительными, а воззрение на старые русские церковные обряды как еретические отвергалось, как неправильное и необоснованное [12]. Таким образом, Собор 1971 г. подвёл итог многолетней дискуссии по старому обряду и по языку, на котором должно совершаться литургическое богослужение.

В 2007 г. на епархиальном собрании московского духовенства Святейшим Патриархом Алексием II была подтверждена позиция Церкви на язык богослужения: «Никакой «подготовки литургической реформы в Церкви» нет и быть не может! Те, кто порой высказывают частные мнения о том, что нужно перевести богослужение на русский язык, о чём в свое время говорили обновленцы, или предлагают сократить богослужение, забывают, что Церковь, её уставы и правила вырабатывались тысячелетиями, и они должны свято соблюдаться. Я призываю всех вас соблюдать наши православные традиции и не смущаться частными высказываниями людей, пытающихся вернуть нас во времена *обновленчества*» [17].

Тем не менее, в последние годы всё чаще раздаются голоса внутри самой Церкви о переходе на русский язык. Среди сторонников новой церковной реформы упомянутый митрополит Иларион (Алфеев). В 2013 г. в издательстве Московской Патриархии вышла в свет его книга «Божественная литургия святителя Иоанна Златоуста с параллельным переводом на русский язык». Своё мнение митрополит Иларион обосновывает «весьма сложными, богословски насыщенными» текстами службы, которые с одного раза невозможно усвоить на слух, и тогда «требуется либо какая-то разъяснительная работа», либо, чего он не исключает, «в некоторых приходах, по благословению Священноначалия, для определённой части богослужения может использоваться русский язык, например, для чтения кафизм Псалтири» [18]. В июне 2014 г. митрополит Иларион повторил свою мысль: «В итоге должно быть найдено компромиссное решение: если, допустим, в городе 100 храмов, почему бы в десяти или в трёх из них богослужение, по просьбе верующих, хотя бы частично, не совершать на русском языке? Ведь такая возможность существует» [19]. Богослужение на современном языке в Русской православной церкви поддерживали протоиерей Александр Мень, митрополит Никодим (Ротов), по сей день на русском языке проходят службы московского священника, ректора Свято-Филаретовского института Георгия Кочеткова. Митрополит Иларион (Алфеев), ссылаясь на решения Архиерейского Собора, заявляет о том, что «славянский язык является основным языком богослужения в Русской Православной Церкви, но при этом допускается использование национальных языков, а национальные языки – это не только молдавский, украинский или белорусский, но и русский в том числе» [19]. Ему отвечает протоиерей Владимир Правдолюбов: «Почему на корякском, чукотском, китайском языке можно служить, а на современном русском богослужебном языке нельзя?.. Во-первых, современным русским богослужебным языком является именно церковнославянский язык. Точно так же совре-

менной богослужебной живописью является иконопись, а современной богослужебной музыкой являются гласы, распевы и некоторые партесы. Во-вторых, если бы существовали церковно-чукотский или церковно-китайский языки – на бытовом чукотском или бытовом китайском служить было бы нельзя. Но для создания церковно-китайского нужны века интенсивной богослужебной жизни просто китайского языка. Впрочем, апостол Японии святитель Николай (Касаткин), кажется, предпринимал (подобно свв. Кириллу и Мефодию) попытку создать церковно-японский язык». Вспоминаются и анекдотические случаи о переводе слов из великой ектеньи «о благорастворении воздушных» словами «о хорошей погоде» [13]. Так божественно-возвышенное превращается в бытовое.

Сторонники современного обновленчества выдвигают свои доводы в пользу русского языка в Церкви. Одни говорят о «непонятности церковнославянского языка», который якобы отпугивает народ от храма. Другие заявляют о том, что на Западе богослужение давно уже ведётся на современных языках и никакого раскола там не происходит. Третьи ссылаются на статистику, которую приводит Некоммерческая исследовательская служба «Среда»: в результате Всероссийского репрезентативного опроса 37 % россиян выступают за то, чтобы службы в православных храмах велись на современном русском языке, 63 % – за церковнославянский язык. При этом хотя бы изменения респонденты безработные или имеющие образование ниже среднего, а также те, которые посещают церковь по случаю, раз в год, а то и реже [20].

В первую очередь, хотелось бы коснуться проблемы «малопонятности церковнославянского языка». Для иллюстрации невразумительности православного богослужения часто выбирают отдельные фразы каких-нибудь молитв. Например, выражение из 57 псалма «Иже не услышит гласа обавающих, обаваемь обавається от премудра» может охарактеризовать эту проблему. В синодальном переводе фраза звучит так: «Не услышит голоса заклинателя самого искусного в заклинаниях» (речь идет о глухоте человеческого жестокосердия). Трудность заключается не только в том, что за объяснением слова «обавати» нужно обращаться к словарю. Переводчики три раза употребили слово «обавати» (заклинать) для перевода двух греческих слов Септуагинты «заклинать» и «чародействовать», что только затемнило смысл греческой фразы «как змея с заткнутыми ушами, жестокосердный не услышит заклинаний мудрейшего из чародеев». Из этого примера следует полезная мораль: как бы искусно ни составлялись слова молитв, глухому они не принесут пользы. Многие церковнославянские слова и выражения будут неясны тем, кто привык к лексике газет и Интернета, поэтому проблема понимания богослужения останется и после редактирования текстов. Малограмотные старушки, добросовестно посещающие храмовое богослужение, понимают его язык.

Перевод богослужения на русский язык автоматически не увеличит число прихожан, да и Церковь не должна механически увеличивать число верующих, отказываясь от своего тысячелетнего опыта. Сделать богослужение более понятным может практика раздачи прихожанам во время службы книжек с церковнославянскими текстами Литургии, где приводятся объяснения малопонятных слов. Многократное посещение служб с такими книжками снимет большую часть непонимания, остальное разъяснит священник во время проповеди. На отдельных приходах организуются воскресные школы для взрослых. Сам по себе перевод на разговорный язык литургического богослужения не делает его ни понятным, ни популярным для большинства. В Сербии, например, частично перевели богослужение с церковнославянского на сербский язык, но, по признанию самих же сербов, народ после этого в храмы не повалил. Болгары стали служить по-болгарски, и это не привело к литургическому возрождению в стране. Глава Элладской Православной Церкви, уступая предложениям «обновленцев», в качестве эксперимента позволил совершать богослужения на новогреческом языке в одном храме. Эксперимент провалился, число прихожан не увеличилось, народ не пошёл в этот храм, чтобы послушать «понятное» богослужение.

Одна из основных причин «непонятности» богослужения – неграмотность. Если человек захочет устранить её – никаких проблем с церковнославянским языком не возникнет, надо потрудиться изучить несколько незнакомых слов и конструкций. Не Церкви надо изменить свой язык для того, чтобы наш нежный слух не смущался странными словами «непщевати вины о гресех», т. е. искать оправдания собственных грехов. «В конце концов, – пишет автор информационно-

просветительского портала «Приходы» А. Зайцев, – многим подросткам непонятны целые абзацы из «Капитанской дочки» Пушкина. Не переводить же его тексты на современный русский язык, заменяя кибитку автомобилем, а овчинный тулупчик – дублёнкой» [3].

Сторонники второй позиции перевода богослужения на русский язык – западники, которые не знают русской православной культуры и не интересуются ею. Им следовало бы знать, что современный Запад захлестнула волна литургического творчества. Епископы становятся авторами божественной литургии. В Нидерландах, например, наряду с официальным «римским» переводом мессы в обращении находится и так называемый «нидерландский», содержащий не переведённые, а сочинённые молитвы. Григорианское пение стало заменяться исполнением молитв на местных языках с новой мелодией. Новые песнопения приспосабливаются к музыкальным произведениям классиков, отчего богослужение в некоторых случаях напоминает концерт. Стали сочиняться службы, ориентированные на определенную аудиторию. Для молодежи была составлена своя месса, для влюбленных на день святого Валентина, чтобы приходили парами – своя, для неверующих и сомневающихся – месса св. Фомы; обсуждается возможность особой службы для пребывающих в трауре и т. д. На фоне всех этих литургических реформ количество регулярно посещающих воскресные богослужения на Западе заметно падает. Например, если в 1950 г. в Германии их было 50 %, то в 1985 г. – 25 %, в 2005 г. – 14 %, причём люди, помнящие мессы еще дореформенного времени ходят на службы гораздо стабильнее тех, кто знает только реформированную литургию на местных языках [21].

Стремление реформаторов снизить высоту звучания богослужебного языка есть признак интеллектуальной и духовной ограниченности этих людей, которые не способны постигнуть духовное значение слова, смысл образного звучания, психологический настрой речевого ритма – всего того, что русская народная культура всегда понимала и умела ценить.

Сравнение современных литургических текстов с дореформенными (XVII в.) позволяет сделать вывод, что новые тексты значительно уступают по доброкачественности старым. К такому заключению пришли исследователи, проведшие основательную работу по сравнению текстов: А. И. Невоструев, М. Д. Муретов, Н. И. Ильминский, Н. Д. Успенский, Б. И. Сове, И. Белевцев, Б. П. Кутузов и др. Ими найдены ошибки: смешение падежей, превращение сказуемого в подлежащее, затемнение смысла, несоответствия библейским текстам; перечисляются «грехи не только против грамматики, филологии, логики, но и против истории, экзегетики, догматики» [14]. Исследователь Б. П. Кутузов находит более серьёзные ошибки, свидетельствуя, что под видом правки осуществлялась «идеологическая диверсия» [8]. В своих книгах он приводит наиболее яркие примеры «порчи» книг, например, старый текст из чина крещения гласит: «Молимся Тебе, Господи, ниже да снидет с крещающимся дух лукавый», а новый текст даёт такую трактовку: «Ниже да снидет с крещающимся, молимся тебе, дух лукавый». «Духу лукавому молятся», – говорили старообрядцы. Около 200 лет священники, крестя народ, читали эту молитву, и только в 1915 г. одумались и вернулись к дониконовскому варианту. В ектении на освящение воды в Богоявление в старом тексте было так: «О еже быти воде сей, приводящей в жизнь вечную», а в новом уже звучит по-другому: «О еже быти воде сей, скачущей в жизнь вечную». «Скачущая вода» – выражение из рубрики «нарочно не придумаетшь». Вернулись к старому варианту лишь в 1970 г. В старом тексте великопостной молитвы св. Ефрема Сирина звучит: «Господи и Владыко животу моему, дух уныния и небрежения, сребролюбия и празднословия отжени от мене». В новом изложении эта молитва получила несколько иной оттенок: «Дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми». Если словами старой молитвы человек просит, чтобы Господь очистил его от грехов, то словами новой молитвы – чтобы Господь не дал их. Меняется смысл, получается, что Бог есть податель грехов? Это не так. Ещё один пример из книг Б. П. Кутузова: «Аллилуия» в переводе на славянский язык означает «Слава Тебе Боже», и поётся в честь Святой Троицы два раза, а в третий раз поётся «Слава Тебе Боже» на славянском языке. Таким образом, получается три славословия в честь Святой Троицы: «Аллилуия, Аллилуия, Слава Тебе Боже». Когда же стали троеить Божественную песнь «Аллилуия», то в конечном итоге стало получаться не три славословия, а четыре, как будто Бог един не в трёх лицах, а в четырёх» [8, с. 378].

Идеологически неверно звучит на современном богослужении фраза «во веки веко́в». В старом варианте было – «во веки веко́м». Перемена ударения привела к серьёзным последствиям.

Наречие «вовёки» нужно произносить «вóвеки» по типу «вóвремя», если оно наречие. Например: я пришел вóвремя, то есть в своё время. Когда же оно не наречие, а имя существительное с предлогом, тогда обязательно к нему прибавляется другое существительное, и оно действительно есть: «во вёки веко́в». В таком случае оно означает лишь часть времени, часть веков, а такое исповедание о Предвечном Сыне Божиим есть ересь, арианское заблуждение. Выражение «вó веки веко́м» – цельное выражение, относящееся к Богу, означает бесконечность, безначальность, сверх всяких веков» [8, с. 275].

Иеромонах Амвросий (Тимрот) в докладе, прочитанном на Кирилло-Мефодиевских чтениях в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН приводит текст известной богородичной молитвы, переведённой «обновленцами» на русский язык. На церковнославянском языке она звучит так: «Не умолчим никогда, Богородице, / силы Твоя глаголати, недостойнии: / аще бо Ты не бы предстояла молящи, / кто бы нас избавил от толиких бед, / кто же бы сохранил до ныне свободны? / Не отступим, Владычице, от Тебе: / Твоя бо рабы спасаеши присно от всяких лютых». В переводе молитва стала понятнее, но потеряла возвышенный дух: «Мы, недостойные, никогда не перестанем говорить о могуществе Твоем, Богородица. Ибо, если бы Ты не становилась *нам* на защиту *Своими* молитвами, кто бы нас избавил от стольких бед, кто сохранил бы нас донныне свободными? Мы не отступим от Тебя, Владычица! Ибо Ты всегда спасаешь рабов Твоих от всяких бедствий» [1]. Модернизаторы называют Деву Марию «Вечной Девушкой», а на украинском языке «Невеста невестная» звучит как «Дивка несосватанная». Странно будет слышать вместо возгласа «Мир вам» – «Будьте покойны». В Германии православные немцы перевели фразу «Пророки имели предвидение» как «Пророки имели телевидение» [<http://www.nsad.ru/articles/arhiepiskop-mark-arndt-na-russkij-bogoslužhenie-perevodit-nelzya-a-na-nemeckij-mozhno-i-nuzhno>].

Исследователь славянского языка А. А. Плетнёва пишет о невозможности перевода знакомого всем ирмоса «Отверзу уста моя, и наполнятся Духа» на русский язык, это будет звучать как «Открою мой рот, и наполню его воздухом». Невозможно произнесение такого стиха во время торжественного богослужения [11, с. 67]. Профессор Литургики Московской духовной академии А. И. Георгиевский рассказывает, как в 1912 г. народ не принял новый перевод канона Андрея Критского: архиепископ Сергей (Страгородский) пять лет трудился над переводом канона на современный русский язык и в первый день Великого поста вышел читать его. Прочитав, ушёл в алтарь переоблачаться, а когда вышел в храм, то удивился, увидев много народа, который почему-то не расходился, а молча стоял. На выходе будущего Патриарха из храма кто-то из народа спросил: «Ваше Высокопреосвященство, а когда будут Канон Андрея Критского читать?» Архиепископ Сергей крякнул, расстроился и на второй день читал по-церковнославянски [6].

Говоря о возможности перевода церковнославянского богослужения, нужно принять во внимание не только зарубежные опыты, но и уроки своей собственной истории. Готовых уйти в раскол за один «аз» в Русской церкви всегда было более чем достаточно. В марте 2014 г. в Стамбуле состоялось собрание Предстоятелей Поместных Православных Церквей, на котором шёл вопрос о созыве Восьмого Вселенского Собора в Константинополе в 2016 г. Среди вопросов, которые будут решаться Патриархами мира, будет вопрос и о языке богослужения.

Старания перевести богослужение на современный язык становятся всё более настойчивыми и даже агрессивными. Модернисты не чувствуют древний язык, им нужно знать семантику слова, которая не делает понятнее тайну богослужения. Сакральный церковнославянский язык свидетельствует о другой, необычной, мистической реалии. Цели, которые преследуют новые реформаторы, это либерализация Церкви, приближение православного богослужения к католическому и протестантскому, в конечном счёте – раскол сначала Церкви, а потом и русского общества, внесение неразберихи, хаоса, гражданского неустroения в государство.

Список литературы

1. Амвросий (Тимрот), иеромонах. Опыт создания новых переводов литургических текстов на современный язык в свете славяно-русской переводческой традиции. URL: http://www.azbyka.ru/bogoslužhenie/amvrosiy_opyt_sozdaniya.shtml (дата обращения: 10.09. 2014).
2. Белевцев Иоанн, протоиерей. Русский церковный раскол в XVII столетии // Тысячелетие крещения Руси. Международная церковная научная конференция «Богословие и духовенство». М.: Изд. Московской Патриархии, 1989. Т. 2. С. 191–194.

3. Зайцев А. Церковь филологов и медиевистов, или Пара слов о церковнославянском языке. URL: <http://www.prichod.ru/aktualniye-voprosy/14829/> (дата обращения: 10.09. 2014).
4. Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. Духовные движения XVII века. М.: Церковь, 1995. 528 с.
5. Каверин Н. Кто в начале XX века отвергал опыт использования русского языка в богослужении? URL: <http://www.blagogon.ru/digest/230/> (дата обращения: 10.09. 2014).
6. Каверин Н. Церковнославянский язык – это наш язык для беседы с Богом. URL: <http://www.blagogon.ru/biblio/319/> (дата обращения: 10.09. 2014).
7. Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. М.: Книга по требованию, 2012. 616 с.
8. Кутузов Б. П. Церковная «реформа» XVII века как идеологическая диверсия и национальная катастрофа. М.: Три-Л, 2003. 574 с.
9. Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. 1922–1946. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. Кн. 9.
10. Обращение Святейшего Патриарха Тихона от 4/17 ноября 1921 года к архипастырям и пастырям Православной Российской Церкви. URL: <http://www.blagogon.ru/articles/305/> (дата обращения: 10.09. 2014).
11. Плетнёва А. А. К проблеме перевода богослужебных текстов на русский язык // Журнал Московской Патриархии. М., 1994. № 2. С. 62–67.
12. Поместный Собор Русской Православной Церкви 30 мая – 2 июня 1971 года: Документы. Материалы. Хроника. М.: Московская Патриархия, 1972. 320 с.
13. Правдолюбов Владимир, протоиерей. Вновь о реформаторах богослужения. URL: <http://www.blagogon.ru/articles/7/> (дата обращения: 10.09. 2014).
14. Сове Б. И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX–XX веках // Богословские труды. М.: Московская патриархия, 1970. № 5. С. 25–68.
15. Успенский Н. Д. Коллизия двух богословий в исправлении русских богослужебных книг в XVII веке // Богословские труды: научно-богословский журнал РПЦ. М.: Изд-во Московской Патриархии РПЦ, 1975. № 13. С. 148–171.
16. Флоровский Георгий, протоиерей. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. 601 с.
17. <http://www.blagogon.ru/articles/305/> (дата обращения: 10.09. 2014).
18. <http://www.blagogon.ru/news/313/> (дата обращения: 10.09. 2014).
19. <http://www.hilarion.ru/2014/06/01/6103> (дата обращения: 10.09. 2014).
20. <http://www.pravoslavie.ru/press/48856.htm> (дата обращения: 10.09. 2014).
21. http://www.kronsh.prihod.ru/publikacii,_doklady,_vystuplenija/view/id/1119474 (дата обращения: 10.09. 2014).

УДК 81.161.11
ББК 81

О. Н. Копытов
г. Владивосток (Россия)

Концепция модуса текста и ее возможности для исследования различных сфер речи

Автор рассказывает о концепции модуса на пространстве текста и приглашает коллег обсудить ее возможности.

Ключевые слова: *модус, текст, сферы речи.*

О. N. Kopytov
Vladivostok (Russia)

The concept modus of text and its potential for the study of various areas of speech

The author talks about the concept of a modus of the text and invites colleagues to discuss its potential.

Key words: *modus, text, areas of speech.*

Одним из организующих начал любого текста является авторская стратегия его создания, отражающая интенции автора. В нашей концепции активным участником вербального воплощения и выражения этой стратегии является модус – совокупность субъективных сторон высказывания – как эксплицированный, так и имплицитный.

Модус, трактуемый в духе Шарля Балли, – это субъективная часть смысла предложения, в ней представлен субъект сознания и речи с его отношением к сообщаемому и сообщению [1]. Модус выражается формами глаголов, изъяснительными конструкциями, вводными словами и выражениями. Например, предложение «Дождь». Само представление о дожде, представление об одном из видов осадков – это диктум. Но говорящий может придать этому представлению разные субъективные смыслы – модусы. «Вот бы дождик!»; «Сейчас не помешал бы хороший дождь»; «Надоели дожди!»; «С прошлого месяца не было дождей». Здесь модусы желательности, оценки и актуализации.

Исходное положение нашей концепции [2; 3]: модус участвует в создании цельного, связного текста определенной сферы речи и определенного жанра. При этом сфера речи и жанр задают характер модуса. В круг сфер, где текстообразующая роль модуса очень важна и развита, входят художественная, публицистическая и научная сферы речи.

Модус никак не может занять место широко обсуждаемого объекта современной лингвистики. Этому есть объективные причины. *Модус – один из самых трудноуловимых языковых феноменов*, он часто имплицитен, часто не имеет прямых соответствий плана выражения плану содержания, главное в модусе – его смыслы, не формы [4], а лингвистическое исследование традиционно начинается с плана выражения.

Нами на большом материале прозаических текстов (научных, публицистических и художественных) решается проблема модусной детерминации текстовых последовательностей. Ключевое слово к решению проблемы – *последовательность*. Модус – явление высказывания (предложения, того, что «от точки до точки»), именно на уровне высказывания выявляются все его смыслы. Но они могут распространяться по тексту в одном направлении, исходя из одних задач – автора, и решать эти задачи.

Текстоформирующие задачи автора текста, как сказано выше, детерминированы сферой и жанром. В художественном тексте разными средствами, в том числе последовательностями модусных смыслов, автор добивается решения задачи создания Образа художественного произведения. В научном тексте модусные смыслы решают задачу создания Концепции, в публицистическом тексте помогают ясно и твердо выразить Позицию автора по важной общественной проблеме.

Для обозначения вышеуказанных текстовых последовательностей и взаимоотношений между ними, для того, чтобы показать формы и механизмы выхода модуса на пространство текста, введены понятия *сложных модусных перспектив* и *сложных модусных структур*.

Один из текстообразующих механизмов модуса в том, что он способен создавать *сложные модусные перспективы* – это те логические, эмоциональные и выразительные линии, по которым из отдельного высказывания распространяются модусные смыслы на определенные дистанции текста, способствуя решению задачи воплощения авторских интенций: оценки предметов и явлений, достоверности или не достоверности с точки зрения того или иного источника информации, кроме того, вообще прочертание линий нескольких разных источников информации; изменения предметов и явлений во времени и пространстве, сравнения их действительных или возможных состояний и т. д.

Следующая текстообразующая роль модуса – создание автором *сложных модусных структур*. Они представляют собой отношение между линиями сложных модусных перспектив. Между этими линиями возникают свои смыслы (направленности), например, между положительной оценкой предмета речи и главными группами агентов (активных деятелей текста), которые разделяют или нет эту оценку.

Иногда модус на пространстве текста имеет природу поля: например, в художественном тексте изначально задано поле Образа, куда модус так же, как диктум, вкладывает свои элементарные знаки и смыслы, чтобы уже на выходе иметь Образ как нечто цельное. В научном тексте – задается поле Концепции, в публицистическом тексте – задается поле Позиции автора по важной

общественной проблеме. В публицистическом тексте могут работать имеющие природу поля **рамки модуса** – например, в первых же абзацах текста задается рамка оценки – положительной или отрицательной – предмета речи, и отдельные модусы высказываний будут в этих рамках накапливаться, усиливая иллюкутивную силу всего текста, и в конечном итоге привести к перлюкутивному эффекту, то есть полному принятию адресатом текста того, что эта оценка единственно правильная из возможных.

Текстообразующую роль может выполнять не только какой-то один модусный смысл, например, авторизации, чаще всего на пространстве текста работают **комплексы** модусных смыслов, наиболее тесно взаимодействующий – авторизационно-персуазивный. Взаимодействовать на пространстве текста могут смыслы одной категории, а могут и разных модусных категорий, например, квалификативный смысл персуазивности может работать на пространстве текста совместно с временными, локальными и персональными смыслами актуализационной модусной категории.

Определение главных текстостроительных ролей модуса на фоне сферных различий помогает понять, что эти главные роли совпадают с такими же по смыслу ролями других языковых феноменов (диктума и его видов, темы и ремы, стилистики, а также композитивных), все они создают не просто текст, а всегда текст определенного типа и жанра. При этом жанры движутся, видоизменяются, умирают и рождаются новые жанры. И отдельные авторы переходят из одного жанра в другой, часто работают не в одной, а в нескольких сферах – например, научной, публицистической и художественной. Модус помогает этим авторам, с одной стороны, сохранять единство себя как творца, в том числе и прорывом сквозь границы и запреты жанра и даже сферы. Но модус диктует таким авторам и правила, которые они нарушать не должны, то есть одна из текстостроительных ролей модуса – это сохранение основ жанров и сфер.

Модус на пространстве текста тесным образом связан с авторским началом. Авторское начало во многом и состоит из модуса, но ему не равно. Авторское начало – некая цельная, собственно текстовая категория, языковое проявление автора в своем тексте, языковая рефлексия автора о своем тексте в своем тексте. У авторского начала есть центр – сам реальный автор, творец. Модус сам по себе, модус высказывания – явление цельное. Но модус входит в главные категории текста только как один из членов неразрывной пары Модус и Диктум, представляющей собой абстракцию высшего филологического порядка, диалектическое единство. Одиноким взятый модус, рассмотренный в аспекте текста, – явление дисперсное. Модус в пространстве текста – это система дисперсных систем. Но они могут распространяться по тексту в одном направлении, исходя из одних задач – автора. Хотя в абстрактно-логическом плане он не является центром модуса, работающего на текст (в этом плане центром является Идея), но в практике порождения текста – это единственное активное начало, способное распространить смыслы отдельно взятых элементарных модусов (модус высказывания) на весь текст. Автор распространяет комплексный модус как прием по линиям определенных перспектив на какие-то части текста, иногда весь текст. Модус в тексте всегда исходит от автора, но не всегда относится к автору. Часто модус относится к другим субъектам речи, выраженным в тексте, как реальным, так и идеальным, которых может быть много: это и реальный автор, и автор-повествователь в художественном тексте, и персонажи, и оппоненты в публицистическом и научном тексте, а также субъекты солидарных мнений в нехудожественного типа тексте.

Проблема зависимости модуса от сферы и жанра решается в нашем исследовании так. Модус – с одной стороны, одно из языковых средств, при помощи которых автор способен в какой-то части проигнорировать или нарушить требования сферы и жанра, дабы сохранить презумпцию единства автора, избежать полного раздвоения личности; но, с другой стороны, он же, модус, – одно из главных средств сохранения в главных границах, чертах и особенностях сферы и жанра, то есть он же, модус, – важнейшее охранительное средство не только языка, но и культуры.

Итак, существует явление, которое можно назвать **модус на пространстве текста**. Модус на пространстве текста имеет синтагматическую природу: он складывается в тексте из модусов высказываний (элементарных модусов), из которых автор создает линии, перспективно ведущие к выражению авторской идеи (идей) о мире и об элементах мира. Последовательности элемен-

тарных модусов складываются по типу синергетических комплексов – иногда похожих, иногда – разных элементов, но ради некой единой цели, создания автором некоторого приема, способного привести к эффекту восприятия адресатом авторской идеи частично или целиком, в непосредственном чтении текста или его последующем рациональном или интуитивном обдумывании.

Модус, состоящий из множества модусов, строит не свою собственную цельность, а помогает строить цельность высшего порядка – дом текста.

Я – тоже автор, построивший дом своего текста. В данном случае – концепции (или теории) модуса на пространстве текста. И мне не хотелось бы жить в этом доме одному (*не хотелось бы* – оценочный модус, кстати). Нельзя сказать, что в моем доме не бывает гостей (достаточно посмотреть в РИНЦ или поискать в «Яндексе»). И все же эта концепция пока остается в целом теоретическим конструктом. А любой теоретический конструкт в своем роде «вещь в себе». Но использование концепции модуса на пространстве текста может решать широкий круг исследовательских задач.

При исследовании лингвистом (филологом) художественного текста эта концепция может точнее, объективнее, с меньшим авторским субъективизмом интерпретировать художественный образ. Например, Воланда или Маргариты и. т. д.» *За мной, мой читатель, и только за мной, и я покажу тебе такую любовь!*» – почему автор включает именно здесь метааспект своего присутствия в романе, да еще и актуализирует смысл оценки? И в целом – эта концепция поможет точнее посмотреть на Образ Романа «Мастер и Маргарита».

При исследовании научного текста эта концепция в некоторой части снимет субъективизм при интерпретации лингвистом чужих концепций (например, Л. Н. Гумилева: «*Поговорим об истории, ибо есть что сказать*»).

Огромную актуальность приобретает эта концепция в медиатексте. «*Воссоединение Крыма с Россией*», а некоторые пишут «*аннексия*». Выбор предиката – уже модусный прием. В данных примерах оба – явно оценочные с противоположным оператором оценки. Оба автора, так задавшие модусные рамки в начале своих статей, далее явно станут делать *определенные* вклады в свои рамки.

Создание любого дома, включая надстройки, перестройки, ремонт, – процесс вечный.

Думается, не только нам, но и коллегам стоит обратить внимание на этот дом. Концепции модуса текста.

Список литературы

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1955. 416 с.
2. Копытов О. Н. Модус на пространстве текста: монография. Хабаровск: Изд-во Хабар. гос. ин-та искусств и культуры, 2012. 248 с.
3. Копытов О. Н. Текстобразующая роль модуса на фоне сферных различий (на материале современной прозы): дис. ... д-ра филол. наук. Великий Новгород, 2014. 477 с.
4. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск: Изд-во КГУ, 2-е изд., 1994. 48 с.

УДК 811.133.1'373

ББК 81.471.1–3

О. В. Косович
г. Киев (Украина)

Усечения-инновации в современном французском языке в аспекте частеречной принадлежности

В статье изучаются инновационные процессы в языке, определяется место усечений / сокращений среди методов обновления языка, рассматриваются проблемы частеречной принадлежности усечений-неологизмов в современном французском языке. Автор считает важным предоставить определение данных понятий и продемонстрировать самым широким образом данную проблематику для правильного понимания аббревиатуры и проблем аббревиации в контексте инновацион-

ных процессов современного французского языка. Подчеркивается тот факт, что сокращение слов является сегодня особенно распространенным лингвистическим явлением.

Ключевые слова: *инновационные процессы, аббревиатура, усечение, апокопа, редукция.*

O. V. Kosovych
Kyiv (Ukraine)

New abbreviations in modern French language in the aspect of parts of speech belonging

The article deals with the innovation processes in the language, the place of reductions/abbreviated words among the methods of language renovation is determined, the problems of part of speech reference of new abbreviated words in modern French are examined. The author considers it important to present the definition of these notions and to demonstrate principally this range of problems in order to understand correctly the notion of abbreviated word and abbreviations' problems in the context of innovative processes in French language.

Key words: *innovative processes, abbreviation, truncation, apocope, reduction.*

Сокращение слов является сегодня особенно распространенным лингвистическим феноменом. Современный французский язык переполнен такими формами. Сокращенные лексемы наблюдаем в масс-медийных ресурсах, в разговорном языке, в сфере техники, науки, экономики и т. д.

Понятие *сокращение* имеет несколько дефиниций. Именно поэтому, изучая инновационные процессы в языке, определяя место усечений / **сокращений среди методов обновления языка, рассматривая** проблемы частеречной принадлежности усечений-неологизмов, бесспорно актуальным является определение, а значит, установление всех сокращенных форм, которые встречаются в современном французском языке. В этом отношении нам кажется важным дать определение данных понятий и рассмотреть данную проблематику в контексте инновационных процессов современного французского языка. Под *аббревиатурой* в широком значении понимаем комплекс результатов аббревиации, которые могут называться: *сокращения, сокращенные слова, редукции*. В узком значении мы выделяем три метода сокращения: *метод сокращения, акронимия и образование аббревиатур*, которые делают возможным появление четырех основных форм сокращения: *акронимы* (буквенные сокращения), аббревиатуры (в данную категорию входят и графические аббревиатуры), усечения. *Аббревиатура* является только графическим сокращением, *акроним* – графическим сокращением (редукцией слова к начальным буквам), которое затрагивает также сокращения в устной речи (если каждая буква произносится отдельно), *акроним* является комплексом слов, сокращенных к инициальным буквам, которые затем произносятся, как одно слово. *Усечения (слова)* является устным сокращением (удаление фонем в начале или в конце слова, иногда посередине), которое передается на письме.

Кроме того, графические аббревиатуры и акронимы (буквенные сокращения) имеют общие характеристики, они представлены буквами или группой букв для обозначения слова или выражения в объемной форме. Наоборот, усечение (слова) является результатом сокращения одного или нескольких слов одной семантической группы. Смысловое содержание остается неизменным, а материальная форма является усеченной, то есть, имеет сокращенную форму, которая даже на уровне чтения, остается сокращенной, а для графической аббревиатуры форма является сокращенной только на письме.

Примеры усеченных неологизмов, отобранных из современных масс-медийных ресурсов, свидетельствуют о доминирующей принадлежности данных аббревиаций к классу имен существительных и прилагательных.

В арго возможны и случаи усечений в категории глаголов, в частности апокопы глаголов, хотя данный способ является нечастым. Следует отметить, что глаголы – это объект сокращения в языке SMS, которые создаются с помощью специальных методов. Вместо *nepastoucher* наблюдаем употребление *pastouche*, которое является результатом глагольной редукции. Согласно мнению А.-Д. Бишад, глаголы не могут являться объектом усечения. Слова, которые сокращаются благодаря редукции, являются прилагательными и существительными, «и никогда глаголами» [1, с. 172]. Мы не разделяем данную точку зрения, поскольку в современном французском языке усечению подвергаются и глаголы. В качестве примера приведем глагол *téléphoner*, который

сокращается к *tél*, или высказывание *jere*, которое относится к глаголу *revenir* или *retourner*. С полной уверенностью можем утверждать, что усечения являются особенно распространенными именно сегодня, в связи с экспансией новых коммуникационных технологий, что приводит к экономии на письме.

С другой стороны, некоторые лингвисты говорят о тенденции «сверхусечения», которая сегодня является особенно заметной: *toxicomane*, которое было сокращенным к *toxico*, далее мы находим – *tox* или *toxe*. На самом деле, это – своеобразный источник двузначности, потому что, если количество элиминированных слогов увеличивается, тогда увеличивается и возможность омонимии.

Наблюдаем и случаи усечения наречий, особенно в речи молодежи: *exact* (*exactement*), *probab* (*probablement*), *d'acc* (*d'accord*), *texto* (*textuellement*). Следует заметить, что редукция *d'acc* может принимать форму *dak*, что относим к фонетизации базового слова *d'acc*, и очень часто данное усечение используется в языке SMS. Слово *texto* появилось благодаря сокращению *textuellement* > *text* с добавлением суффикса *-o*. Не нужно смешивать данное слово с лексемой *texto*, которая обозначает SMS.

На основе данных исследования можем утверждать, что усечения главным образом касаются имен существительных и прилагательных. Можем констатировать, что именно имена существительные среди усечений-неологизмов занимают первую позицию (*conf'* – *conférence*, *rédiac'* – *rédaction*, *intello* – *intellectuel*, *philo* – *philosophie*, *proprio* – *propriétaire*, *récré* – *récréation*), среди них 86 – имена собственные (*Seb* – *Sébastien*, *Nico* – *Nicolas*, *Sam* – *Samuel*, *Chris* – *Christophe* / *Christian*, *Hitch* – *Hitchcock*, *Lolo* – *Laurent*, *Troca* – *Trocadéro*). Образование усечений среди имен существительных является разнообразным, и допускаются случаи формации от прилагательных с помощью элипса (*bio* – *secteurbiologique*, *lacrymo* – *gazlacrymogène*): “**Conf'**derédiac': *dialogue avec Pascal Riché, directeurdelarédaction. Nous l'avons déjà évoqué ici, nous cherchons la manière la plus pertinente de vous associer à notre conférence de rédaction*” [14]; “*Le blues des jeunes cadres qui se rêvaient “intellos” et font du management*” [9]; “*La rentrée, pour les élèves de Terminale, c'est la découverte de la philo. Mais à quoi cela sert-il d'ingurgiter des connaissances philosophiques pour les recracher tant bien que mal à la première épreuve du bac?*” [7]; “*Combien de temps un proprio peut-il retenir ma “caution”?*” [12]; “*La récréation est donc un moment très important... Tout à fait. La récré, c'est la socialisation, le lieu où l'enfant peut tester la vie en collectivité loin du regard des adultes!*” [2]; “*A New York, Hitch exerce une activité aussi originale que secrète: il aide les plus timides à conquérir la femme de leur vie*” [11]; “*Au Troca, la fête a été gâchée. La célébration du titre de champion de France du PSG, ce lundi au Trocadéro à Paris, a été gâchée par certains supporters survoltés. La fête n'a duré que cinq petites minutes*” [5].

Относительно прилагательных классифицируем 134 примера усечений, которые в большинстве случаев происходят от формы-оригинала (*aristo* – *aristocratique*, *hebdo* – *hebdomadaire*, *indé* – *indépendant*, *bio* – *biologique*), встречаются случаи со вставкой / дополнением, в частности суффикса *-o* (*onano* – *onaniste*, *anarcho* – *anarchiste*): “*Edward St Aubyn: aristo, c'est trop. Edward St Aubyn reçoit à Notting Hill. Et en entrant chez lui, on s'attend à passer dans une autre dimension. Celle qu'il décrit dans ses livres: l'univers d'une certaine aristocratie britannique*” [8]; “*La Tribune en hebdo, c'est demain! Il faudra que l'hebdo crée l'évènement. Pour ce premier numéro, l'hebdo a tiré à 100 000 exemplaires*” [10]; “*The Canyons*”, *ped de nez à Hollywood... et au cinéma indé*” [13]; “*Les produits labellisés agriculture biologique sont-ils vraiment bio?*” [6].

Остальные части речи представлены в незначительном количестве среди усеченных слов. Наречия насчитывают 14 единиц, созданных простым сокращением или с помощью ресуффиксации на *-o* или *-os* (*bio* – *biologiquement*, *chrono* – *chronologiquement*, *commed'hab* / *commed'hab'* – *commed'habitude*, *éco* – *écologiquement*, *écolo* – *écologiquement*, *franco* – *franchement*, *gratos* – *gratuitement*, *grav'* – *gravement*, *moit' moit'* – *moitié moitié*, *mollo* – *mollement*, *perso* – *personnellement*, *rapido* – *rapidement*, *tradi* – *traditionnellement*: “*...alors comme d'hab on a utilisé le truc de l'art contemporain qui consiste à lier ce qu'on presente avec l'actualité...*” [7]; “*Travailler six semaines gratos pour Leclerc: j'ai craqué*” [15].

Усечения встречаются среди глаголов (*expate* – *expatrier*, *déj'* – *déjeuner*) и междометий (*ras* – *ras-le-bol*, *tain* – *putain* / *p'tain*), среди усечений наблюдаем отдельные случаи слов с такими грам-

матических категориями, также и в случае предлогов (*fo' – for*). Употребляются усеченные слова английского происхождения: “*Réalisée en partenariat avec le groupe Chèque Déjeuner, l’opération “Je **déj**” je donne” a déjà permis de réunir plus de 500.000 ^ de dons, grâce à la mobilisation de milliers de salariés à travers la France*” [4]; “***Ras** le viol! Evidemment que les femmes reproduisent les crimes masculins en pensant se défendre comme elles peuvent dans cette société*” [3]. Следующая диаграмма демонстрирует частеречную принадлежность усечений-неологизмов.

Диаграмма 1

Частеречная принадлежность усечений

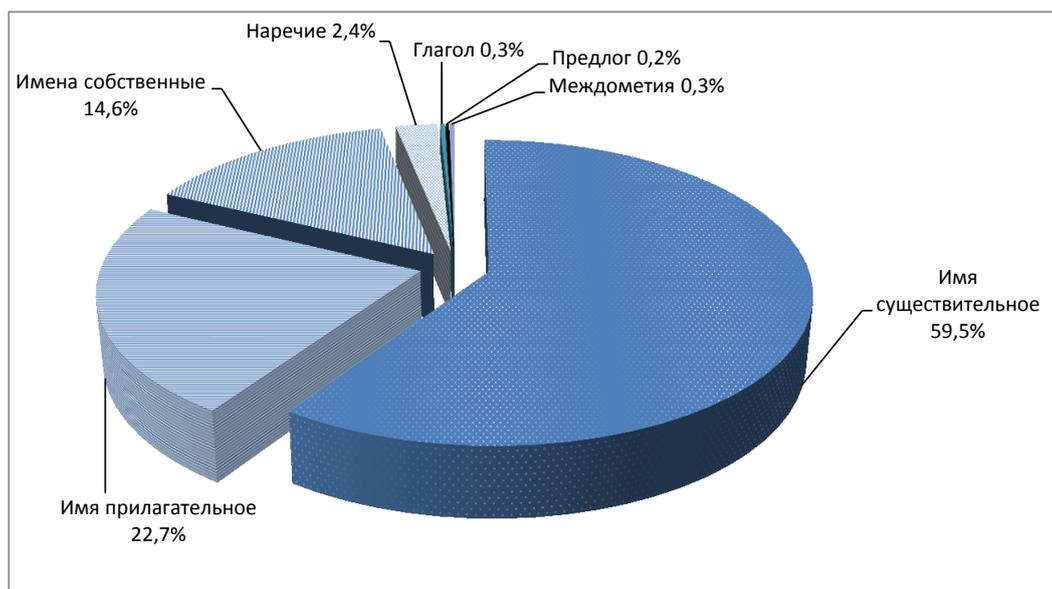

Диаграмма свидетельствует о беспрекословном доминировании имен существительных и прилагательных среди усечений. Другие части речи представлены в незначительном количестве.

Также отметим, что среди глаголов возможны усечения, хотя данная редукция может иметь свои ограничения. Если элиминируется гласная или финальные согласные в составе глагола, интерпретация фразы вызывает затруднение. Грамматические морфемы являются более сложными для усечения, поскольку они – носители лица, числа, времени и т. д. Междометия и предлоги, представленные в корпусе примеров, являются нечастыми и единичными. Даже если предлог английского происхождения, его сокращение с помощью апокопы репрезентирует тенденцию современного французского языка.

Список литературы

1. Béchade, H.-D. Phonétique et morphologie du français moderne et contemporain / H.-D.Béchade. Paris: PUF, 1992. 302 p.
2. Elle. URL: <http://www.elle.fr/Maman/Mon-enfant/A-l-ecole/Et-s-il-a-peur-de-la-recre-936253> (дата обращения: 10.09. 2014).
3. Elle. URL: <http://www.elle.fr/Societe/News/Deux-femmes-condamnees-pour-viol-collectif-2416648> (дата обращения: 10.09. 2014).
4. L’AmiHebdo. URL: <http://www.ami-hebdo.fr/actualite/«Je-dej--je-donne»-1259.html> (дата обращения: 10.09. 2014).
5. L’Équipe. URL: <http://www.lequipe.fr/Football/Actualites/Au-troca-la-fete-a-ete-gachee/370809> (дата обращения: 10.09. 2014).
6. LeHuffPost. URL: http://www.huffingtonpost.fr/2012/10/15/questce-quon-mange-quand-on-mange-produits-bio_n_1967885 (дата обращения: 10.09. 2014).
7. Le Nouvel Observateur. URL: <http://www.leplus.nouvelobs.com/contribution/907596-nouveau-timbre-poste-la-marianne-est-une-femen-beau-symbole-ou-recuperation.html> (дата обращения: 10.09. 2014).
8. LeMonde. URL: http://www.lemonde.fr/livres/article/2011/11/10/edward-st-aubyn-aristo-c-est-trop_1601759_3260.html (дата обращения: 10.09. 2014).

9. LeMonde. URL: http://www.lemonde.fr/enseignement-superieur/article/2013/06/05/le-blues-des-jeunes-cadres-qui-se-revaient-intellos-et-font-dumanagement_3424236_1473692.html (дата обращения: 10.09. 2014).

10. LePoint. URL: http://www.lepoint.fr/chroniqueurs-du-point/emmanuel-berretta/la-tribune-en-hebdo-c-est-demain-12-04-20121450733_52.php (дата обращения: 10.09. 2014).

11. Première. URL: <http://www.premiere.fr/film/Hitch-expert-en-seduction-131624> (дата обращения: 10.09. 2014).

12. Rue89. URL: <http://www.rue89.com/rue89-eco/2010/04/30/combien-de-temps-un-proprio-peut-il-retenir-ma-caution-148514> (дата обращения: 10.09. 2014).

13. Rue89. URL: <http://www.rue89.com/rue89-culture/2013/08/19/the-canyons-pied-nez-a-hollywood-cinema-inde-245030> (дата обращения: 10.09. 2014).

14. Rue89. URL: <http://www.rue89.com/2013/09/10/conf-redac-dialoguez-pascal-riche-directeur-redaction-245592> (дата обращения: 10.09. 2014).

15. Rue89. URL: <http://www.rue89.com/2013/10/05/travailler-six-semaines-gratos-leclerc-jai-craque-246275> (дата обращения: 10.09. 2014).

УДК 81'22+811.111'42
ББК 81.001.4+81.432.1

Л. Л. Макарук
г. Луцк (Украина)

Симбиоз вербальных и невербальных средств в современном англоязычном коммуникативном пространстве

В статье рассмотрена специфика паралингвальных компонентов коммуникации, проанализированы их особенности с учетом существующих классических теорий исследования знаков. Особое внимание уделено свойствам, присущим паралингвальным средствам, определены их функции и отличительные черты, охарактеризована роль невербальных средств в современном англоязычном коммуникативном пространстве.

Ключевые слова: *знак, семиотика, симбиоз, паралингвальный, вербальные и невербальные средства*

L. L. Makaruk
Lutsk (Ukraine)

Symbiosis of Verbal and Non-Verbal Devices in Modern English Communicative Space

This article deals with the peculiarities of non-verbal graphic devices. Their characteristic features have been analyzed with the respect to the existing classical theories connected with the investigation of signs. Attention has been devoted to the peculiarities of non-verbal signs. Their functions and distinctive features have been defined. The status and the role of non-verbal devices in the modern communicative space have been characterized.

Key words: *sign, semiotics, symbiosis, paralingual, verbal and non-verbal devices.*

В последнее десятилетие англоязычное коммуникативное пространство претерпело ряд существенных изменений. Традиционно принятые и длительное время казалось бы единственно возможные формы общения, подверглись значительным трансформациям. Информационная революция оказала огромное влияние на устную и письменную коммуникацию. Благодаря созданию ряда продуктов программного обеспечения, изменился формат общения, появились новые способы обмена информацией, заметно увеличился спектр средств, используемых в письменном дискурсе.

Словесные знаки длительное время играли доминирующую роль в языковедческих исследованиях. Невербальные средства, в свою очередь, функционировали в тексте, но значительно реже выступали объектом лингвистического анализа. Большинство современных текстов мультимодальные, так как состоят из вербальных и невербальных средств, это провоцирует ученых уделять внимание обеим типам знаков.

Проведенный анализ современных печатных изданий свидетельствует о том, что спектр невербальных средств достаточно широкий. Они отличаются структурой, формой, объемом, свойствами, функциями, и принадлежат к разным знаковым системам. Создание общего перечня этих графических единиц вряд ли возможно, так как технологии развиваются гипербыстро, и человеческой фантазии нет предела.

В отличие от замкнутых алфавитных знаковых систем, большинство неалфавитных – открытые, и поэтому подвергаются изменениям. В первую очередь, это касается их количества. Оно постоянно увеличивается. Важно также отметить, что корпус иллюстративного материала свидетельствует о том, что часть знаков, функционирующих в качестве коммуникативных единиц на разных языковых уровнях (фонемном, морфемном, лексическом, синтаксическом) являются составляющими невербальных знаковых систем. Из этого следует, что отличительной чертой современной письменной коммуникации является симбиоз.

Языковые и неязыковые средства сосуществуют в одном коммуникативном пространстве и формируют отдельные искусственные семиотические системы. Исследованию знаков как языковых средств посвящено много работ. Как известно, одним из основоположников семиотики (семиологии) является Ф. де Соссюр [4], который стоял у истоков формирования нового языковедческого направления, оказавшего огромное влияние на развитие лингвистической мысли XX века. Следует также упомянуть широко известные теории знаков еще двух ученых, сыгравших не менее важную роль в становлении и развитии семиотики: Чарльза Сандерса Пирса [5] и Чарльза Уильяма Морриса [3].

Язык – единственная универсальная знаковая система, дающая возможность с помощью слов описать другие знаковые системы. Как было уже отмечено выше, в современном письменном дискурсе используют и вербальные, и невербальные знаки. Проанализируем специфику невербальных средств на основании классических языковедческих парадигм.

Следует подчеркнуть, что невербальные коммуникативно значимые единицы могут быть неотъемлемой составляющей текста, если возникает необходимость наглядно продемонстрировать отдельные фрагменты того, что описано словесно, с подкреплением его визуальным элементом. Анализ фактического материала свидетельствует о том, что невербальные единицы используют вместо фонем, морфем, слов, словосочетаний, режы – предложений. В большинстве случаев, это касается рекламных текстов, для которых такой способ представления информации считают нормативным.

Приведем несколько примеров: *wholemeal – wh♥lemeal; ecodrive – eco:)rive; great – gr8; I get together – get 2 gether; two for one – two4one; I love you – I ♥ you*. Они свидетельствуют о том, что не всегда, количество замещаемых букв совпадает с количеством замещенных элементов. Их число зависит от многих обстоятельств. Кроме того, они в очередной раз свидетельствуют, что вместо букв, буквосочетаний или слов также используют различные изображения, например, пиктограммы.

Таким образом, количество замещаемых и замещенных букв варьируется. Одну букву может замещать один или несколько невербальных знаков. Установить допустимое количество единиц, которые могут заменять букву, буквосочетание или слово вряд ли удастся, так как эта замена пока не подчиняется каким-либо правилам или нормам. Но сегодня достаточно остро стоит вопрос о целесообразности создания визуальной грамматики и формирования четких синтаксических правил, в соответствии с которыми и будут создаваться мультимодальные тексты. Пока эта проблема остается открытой и возникает гораздо больше вопросов, нежели существует удовлетворяющих ответов.

Не менее важное и перспективное направление современной лингвистики, которое находится в тесной взаимосвязи с предыдущим, касается нормативности и грамотности. С одной стороны, речь идет не только о том, что нужно обладать определенными навыками, которые будут влиять на формирование мультимодальных текстов, но и возникает необходимость получения соответствующих умений и знаний, позволяющих надлежащим образом их прочитать и понять. Это позволит извлечь из мультимодального текста всю необходимую информацию, заложенную отправителем.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что неязыковые средства успешно справляются с поставленными задачами. Им удастся реализовать возложенную на них функцию. Принимая во внимание существующие теории языковых знаков, проанализируем функционирование неязыковых единиц с учетом классических теорий.

Рассмотрим несколько фундаментальных понятий, широко используемых в семиотике. Одними из таких являются понятия *план выражения* и *план содержания знака*, которые ввел в научный обиход датский лингвист Луи Ельмслев [1, с. 78]. По мнению В. Б. Кашкина, для вербального знака это – звучание и значение, для других разновидностей знаков это – внешняя оболочка знака (визуальный образ, архитектурное сооружение, жест, поступок или событие, пиктограмма и т. п.) и опять же (план содержания – *авт.*) значение [1, с. 78].

Проиллюстрированные примеры свидетельствуют о том, что план выражения вербальных и невербальных знаков разный, но план содержания, на первый взгляд, одинаковый, если не принимать во внимание то, что вербальные и невербальные средства по-разному влияют на человека.

Рассмотрим следующий пример: *ecodrive – eco:)rive*. Невербальные единицы (двоеточие и скобка) используют вместо английской буквы *d*. В плане выражения и вербальные, и невербальные знаки успешно справляются с поставленной задачей. Что касается плана содержания, то обычная фонема не может передать дополнительного значения, которое может реализовать невербальный знак.

Данный невербальный элемент придает слову особенные положительные коннотации, так как сочетание этих знаков само по себе означает улыбку. В рамках анализируемого слова его можно дешифровать по-разному, но одно значение налагается на другое, и, таким образом, невербальные единицы, в отличие от вербальных, в плане содержания передают гораздо больше дополнительной информации. Важно также учитывать, что описанные выше характеристики присущи не всем невербальным знакам. Поэтому особое внимание следует обратить на то, что каждый знак в отдельности должен подлежать подробному анализу и изучению. Впоследствии это приведет к возможности сделать определенные выводы относительно функционирования невербальных знаков, которые используют вместо вербальных единиц.

Не вызывает сомнений то, что теории знаков Чарльза Сандерса Пирса (1839 – 1914) и Чарльза Уильяма Морриса (1901 – 1979) – ключевые в семиотике. На них, без сомнения, базируются почти все семиотические исследования. Чарльз Сандерс Пирс провел четкую дифференциацию знаков, поделив их на три группы: знаки-иконы, знаки-символы и знаки-индексы. Следует обратить внимание на то, что под эту классификацию подпадает значительное количество неязыковых средств, составляющих мультимодальный текст.

В этом случае речь идет об иллюстративных компонентах (фотографиях, рисунках, пиктограммах и других элементах того же типа). Рассматриваемая проблема достаточно сложна, так как существует много невербальных единиц и не все их можно отнести к указанным категориям, но значительное количество отвечает теоретическим обоснованиям перечисленных групп.

Возьмем, например, пиктограмму-сердце. Согласно классификации Ч. Пирса, это знак-символ. Этот элемент может функционировать наряду с текстом, быть непосредственно частью предложения или словосочетания, исполняя определенную синтаксическую роль, может заменять букву в слове. Значение знака зависит от многих факторов, ключевым из которых является контекст. Не менее важную роль играет и языковый уровень (фонемный, морфемный, лексический, синтаксический), на котором использован анализируемый знак.

Очень плодотворной оказалась также теория Чарльза Морриса о том, что знак следует рассматривать в рамках семантики, прагматики и синтактики. Это три ключевых направления, благодаря которым можно дать наиболее исчерпывающие ответы на интересующие вопросы, касающиеся свойств и вербальных, и невербальных коммуникативных средств. Немецкие ученые Rayan Abdullah и Roger Hübner, кроме трех перечисленных аспектов изучения знаков, выделяют еще один – сигматику. Именно в рамках сигматики рассматривают три типа знаков (взаимоотношение означающего и означаемого), которые дифференцировал Чарльз Моррис (иконы, символы и индексы). По мнению Rayan Abdullah и Roger Hübner [6], синтактика, или синтаксис, знака

включает его форму, размер, демаркацию, цвет, иные отличительные характеристики. Также заметим, что в рамках синтактики изучают сочетаемость знаков, правила построения знаковых выражений.

Языковые и неязыковые средства сочетаются на всех уровнях, в результате чего образуется симбиоз словесных и несловесных единиц. Что касается сочетаемости знаков, то, на наш взгляд, целесообразно сказать, что синтез вербальных и невербальных средств приводит к тому, что слово, словосочетание или предложение, как и сам текст, не являются больше чисто языковым продуктом и, конечно же, не могут принадлежать к непосредственно неязыковому.

Соотношение вербальных и невербальных знаков разное. Например, в слове, состоящем из восьми букв, может быть использован один неязыковый знак. Это вовсе не значит, что превалируют буквы. Несловесный знак может быть важнее нескольких словесных, так как он полифункционален. Следует также отметить, что неязыковые знаки вступают в парадигматические отношения [2]. Собранный фактический материал свидетельствует о том, что невербальным средствам свойственна полисемия. Они также имеют ряд синонимов и антонимов.

Таким образом, англоязычному коммуникативному пространству свойствен симбиоз. Возникает потребность полиаспектного исследования неязыковых средств с учетом существующих лингвистических теорий, так как неязыковые средства образуют новые «коммуникативные продукты», успешно вписывающиеся в подходы, предложенные почти столетие назад выдающимися филологами.

Последующие работы, касающиеся невербальных средств, будут сосредоточены на установлении парадигматических отношений, выявлении их функций и роли в мультимодальных текстах. Не менее перспективными и многообещающими будут также исследования невербальных средств в рамках системно-функционального анализа, социальной и когнитивной семиотики.

Список литературы

1. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации: учеб. пособие. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. 175 с.
2. Крейдлин Г. Е. Кронгауз М. А. Семиотика, или азбука общения. М.: Флинта; Наука, 2009. 240 с.
3. Моррис Ч. Основная теория знаков // Семиотика. М.: Наука, 1983. С. 37–89.
4. Ф. де Соссюр. Курс загалной лінгвістики. К.: Основи, 1998. 324 с. С. 37–101.
5. Степанов Ю. С. Семиотика: Антология. М.: Академ. Проект; Екатеринбург: Деловая кн., 2001. 702 с.
6. Abdullah R. Pictograms, Icons @ Signs: A Guide to Information Graphics. Published by Thames @ Hudson Inc. 2007. 243 p.

УДК 81'38; 801.6; 808

ББК: 83.3

Т. В. Михайлова
г. Красноярск (Россия)

Категории оценочности и эвиденциальности в древнерусских текстах XVI века

В работе рассматривается система средств выражения семантики оценочности и эвиденциальности в древнерусских публицистических текстах XVI века. Выявлены грамматические, лексические и синтаксические уровни экспликации этих категорий. Символическое мировоззрение древнерусских книжников указывает при описании конкретных исторических ситуаций на знаки вечного и Божественного.

Ключевые слова: категория оценки, эвиденциальность, древнерусский текст, Иосиф Волоцкий, Иван Пересветов.

Categories of evaluation and evidentiality in ancient Russian texts of the sixteenth century

In this paper we consider a system of means of expression of the semantics of evaluative and evidentiality in the ancient Russian texts of the XVI century. Identified grammatical, lexical and syntactic levels for the explication of these categories. Symbolic world of ancient writers indicate in the description of the specific historical situations the signs of the eternal and divine.

Key words: *category of evaluation, evidentiality, ancient Russian texts, Iosif Volotzky, Ivan Peresvetov.*

Взаимосвязи в высказывании и тексте категорий оценочности и эвиденциальности (или авторизации, пересказательности) посвящено достаточно много современных лингвистических исследований. Эвиденциальность в данной работе понимается как одно из модусных значений, представляющее собой указание на источник сведений, выраженный в объективной части высказывания. Этот термин вводится Р. О. Якобсоном [11] и в дальнейшем используется для описания этой понятийной категории И. А. Козинцевой [4], В. А. Плунгяном [9], Р. Ницоловой [7]. Другой термин для обозначения данного понятия – авторизация – связан с именами Г. А. Золотовой [2; 3], Т. В. Шмелёвой [10] и также имеет довольно длительную традицию использования в лингвистических исследованиях. В данной работе автором по ряду причин используется термин «эвиденциальность».

Исследования различных современных языков показывают, что эвиденциальность может иметь различные способы выражения в высказывании (грамматические, лексические) и различные значения. И. А. Козинцева, описывая семантические подтипы эвиденциальности, опирается на различные способы получения информации говорящим: «информация может быть получена посредством: 1) чувственного восприятия, 2) логического умозаключения, 3) сообщения» [4, с. 92], что и создаёт определённые подтипы эвиденциальности (прямая, косвенная). Поэтому набор потенциальных значений категории эвиденциальности довольно широк: например, говорящий может сообщать о событии, основываясь на сообщении какого-либо другого лица, на снах (сведения, полученные путем откровения), на догадках (предположительные сведения), на своих собственных предположениях, на слухах и молве [4, с. 93; 8].

Видимо, поэтому семантика высказываний, передающих указание на источник информации говорящего, может включать в себя смыслы, связанные с выражением категории персуазивности, т. е. с уверенностью / неуверенностью говорящего в достоверности или недостоверности в передаваемой информации, а также и с выражением разных видов оценки диктумной информации.

Основанием для взаимодействия в модусной рамке высказывания категорий эвиденциальности и оценочности служит характеристика источника информации с точки зрения авторитетности источника информации. Оценка достоверности информации и оценка авторитетности источника информации, несомненно, взаимосвязаны друг с другом, но, что важно для нашего исследования, в разные исторические эпохи характер этой связи меняется.

Если средневековые публицистические тексты, насыщенные полемическими спорами, сравнивать с современными публицистическими текстами, то можно отметить принципиальные отличия в оценке авторитетности источника информации. С точки зрения современных участников коммуникации, наиболее достоверной, а следовательно, и наиболее авторитетной информацией является фактуальная информация. Чужая речь, или цитата, воспринимается как факт действительности, который может оцениваться говорящим как недостоверный.

Для древнерусского же публицистического дискурса, для которого характерно, по мнению чешского медиевиста С. Матхаузеровой, субстанциальное понимание текста, предполагающее наличие в самом тексте «свойств самого изображаемого предмета» [6, с. 21], слова из Священного писания обладают наибольшим авторитетом и, следовательно, наибольшей достоверностью. Автором древнерусского публицистического текста слова из священных книг воспринимаются безоговорочно как слова Высших субъектов Небесной иерархии. Степень достоверности таких слов тем больше, чем выше, по представлениям православного книжника, положение субъекта в так называемой «небесной лестнице», соединяющей Небо и Землю.

Собственно говоря, обращение к авторитетным источникам в качестве подтверждения того или иного оценочного мнения – приём, хорошо известный ещё со времён античных риторик. Использование же этого приёма в древнерусских полемических текстах нельзя считать «техническим» приёмом убеждения оппонента в споре. Православными коммуникаторами обращение к священным текстам понимается как возможность подключиться к сфере Божественного, Высшего и оказать воздействие на адресата с помощью мнений Высших Субъектов.

Таким образом, указание на «пересказательность» священных текстов воспринимается древнерусским слушателем или читателем как сильнейший интенсификатор оценочности текста. Семантика эвиденциальности является своеобразным маркером перехода с позиций «земной» человеческой оценки на позицию неземной логики и оценки всего происходящего с точки зрения Высших субъектов.

Исследователи категории эвиденциальности отмечают, что говорящий, вводя не свою информацию в высказывание, «как бы раздваивается в двух лицах – одно лицо, которое приобрело информацию, а другое, которое ее выражает [12, цит. по: 7, с. 28]. По нашим наблюдениям, в средневековом тексте субстанциального типа говорящий также представлен в двух лицах – одно лицо является каналом, по которому доводятся (напоминают, актуализируют) слова Истины, а другое – комментирует, идентифицируя и оценивая. Первое лицо в нашем исследовании называем *медиатор* (S_1), а второе – *комментатор* (S_2).

Рассмотрим примеры взаимодействия анализируемых модусных категорий – оценочности и эвиденциальности – в публицистических текстах начала XVI в., посвящённых православной церковной тематике. Полемика внутри русской церкви конца XV в. – начала XVI в. была важна для всего русского общества, т. к. способствовала выработке представлений о сущности власти православного государства. В этот период вырабатывались различные стратегии развития церкви и государства. Основной особенностью дискурса русского православного сообщества того времени было понимание того, что обсуждение происходит внутри «своих» и ради блага «своего» православного царства.

Так, оппоненты в публичном споре Иосиф Волоцкий и Нил Сорский, возглавлявшие монашеские течения «стяжателей» и «нестяжателей», были оба исихастами, оба боролись за чистоту православия и поэтому оба хорошо понимали опасность ереси жидовствующих, существующей в Новгороде в это время. В публичном дискурсе ими обсуждались способы достижения православного идеала [1, с. 154–229; 5, с. 103–137].

Главное различие между этими течениями состояло в представлении о взаимоотношениях церкви и государства в «святорусском» царстве. «Иосифлянское» направление в основном опирается на идею подчинения церковных дел православному государству, партия же так называемых «заволжских старцев», представленная в первую очередь Нилом Сорским, сосредоточилась на мысли о личном спасении каждого православного, о независимости духовной власти от правительства. Публичная полемика между этими направлениями касалась ряда конкретных проблем, в том числе обсуждался вопрос об отношении к еретикам. Иосиф Волоцкий настаивает, что дело благого правителя – наказывать вплоть до смертной казни «еретиков и отступников», а Нил Сорский считает, что раскаявшийся еретик достоин более снисходительного отношения.

Процесс взаимодействия эвиденциальности и оценочности в публичном убеждении может быть описан как набор различных речевых тактик.

«Свидетельство» как каузатор желаемого.

Прецедентная ситуация, взятая из сакрального текста, оценивается участниками полемики одинаково как образец, как идеальная модель поведения. Как известно, древнерусская культура предполагает обязательное следование христианскому образцу, причем, что важно, образец связан с идеями проявления «образа Божия» в мире земном. Образцу должно подражать, стремиться уподобляться, и на этом и конструируются оценочные смыслы в процессе обращения авторов текстов к авторитетным свидетельствам.

Императив каузирует адресата совершить нужное автору на основании образца поведения, зафиксированного в сакральном тексте. «Образец» представлен в виде ситуаций, взятых из библейских текстов и сходных, по мнению говорящего, друг с другом.

К примеру, в Ответе кирилловских старцев на послание Иосифа Волоцкого об осуждении еретиков следует набор «свидетельств» – типологически сходных ситуаций из библейских тек-

стов, которые обсуждаются оппонентами: «Моисѣй скрижали руками разбил, Илия пророкъ четыреста жрецъ закла, и Финеос братана, с мадиамлянынею блудяща, прободе, и апостоль Петръ Симона волхва молитвою разби при Неронѣ цари, и Павелъ апостоль Елиму волхва молитвою ослепи, и Левъ, епископъ катаньский, Леодора вълхва петрахилию связа и созже, и донеже Леодоръ сгорѣ, а епископъ из огня не изыде, а другаго вълхва Сидора той же епископъ молитвою созже при гречестем цари» (НС) [здесь и далее цитаты из древнерусских текстов приводятся по изданию Библиотеки древнерусской литературы, т. 9, наименования источников см. в списке источников. – Т. М.].

Субъектам Священной истории (Моисею, Илию пророку, апостолу Петру, апостолу Павлу и т. д.) соответствуют предикаты с конкретной семантикой нанесения физического ущерба, вплоть до убийства, совершённого ими: «закла», «прободе», «разби», «ослепи», «созже». Так конструируется непрямая оценка. Субъекты, обладающие высоким авторитетом в восприятии адресата, иерархически «сильнее» предикатов, в значении которых положительная оценка явно отсутствует. Соответственно, происходит влияние автора текста на адресата посредством имплицитного императива ‘делай так, как делают эти авторитетные субъекты’. Понять логику этого воздействия помогают причинные союзы «понеже» и «ради», соединяющие тезис и доводы друг с другом. Адресат «ради сих свидѣтельств», описанных в священных текстах, должен искоренить «злый плевель еретический в конец».

Заволжские старцы в своей полемике с Иосифом Волоцким используют ту же тактику конструирования не прямой оценки путём комментирования текстов Священного писания, когда желаемая, положительно оцениваемая ситуация представлена по оценке книжников (S_2) как типично-образцовая для создателей сакральных текстов (S_1). Тезис старцев «некающихся еретиковъ и непокаряющихся велѣно заточити, а кающихся еретиковъ и свою ересь проклинающих Церковь Божия приемлетъ прострѣтыма дланма» аргументируется примерами с тем же набором акторов, а иногда и ситуаций из Писания, что были использованы Иосифом Волоцким в споре: «Ноегда Богъ хотѣ погубити Израиля, поклонися тельцу, тогда Моисѣй ста въпреки Господеви и рече: «Господи, аще сих погубиши, то мене прежде сих». И Богъ не погуби Израиля Моисѣа ради» (НС); «Илия пророкъ, ревнуа по Господѣ Бозѣ Вседержители, закла четыреста жрецъ Валева, понеже не покаяшася. А инии же покаашася, сих приа на покаяние, от нихже бысть Авдѣй пророкъ, и пророческаго дара сподобленъ бысть» (НС).

Ещё примеры: «Егда убо Кунопъ в своем мѣсте живяше и никогоже от вѣрныхъ не прелъщаше, не осуженъ бысть» (ИВ); «Егда же прииде во град, иский развратити вѣрующая, тогда осуженъ бысть на смерть» (ИВ).

Нужная оценочность и скрытая в ней каузация конструируется S_2 с помощью использования условно-временных конструкций. Придаточная часть конструкции выражает семантику конкретной ситуации, взятой из Священного текста, а главная часть представляет описание некой ситуации, являющейся примером нужного для S_2 действия (осудить смертной казнью). Автор оценки, соединяя два образца, выраженные в однотипные условно-временные конструкции, в линейной последовательности друг с другом, проясняет необходимое условие для совершения потребного действия. Таким условием является цель «развратити благочестивыя и прелъстити» верующих истинною верою. S_2 соединяет акторов из текстов Священного Писания, развращающих истинно верующих, и акторов реальных, современных ему событий, – еретиков, против которых и направлен обличительный пафос его посланий. Тем самым он обуславливает необходимость совершения действия, описанного в главной части предложения, занимающего позицию второго аргумента: «тогда смертию осужается»; «тогда осуженъ бысть на смерть» (ИВ).

Такая речевая тактика, когда желаемая ситуация описывается как типичная в тексте Священного Писания, и потому образцовая, хорошо осознаётся самим S_2 : «И многа суть такова въ божественном писании, яко егда еретицы суще в себѣ ереси имущая, православнымъ пакости не твориша, тогда и святии преподобнии отцы наши сих не осужаху. Егда узрять невѣрныя жь и еретики, хотящихъ прелъстити православныя, тогда осужаху ихъ. Тако убо подобаетъ и намъ творити» (ИВ).

Логическая обусловленность событий в священном тексте как образец для повторения.

Высказывания с семантикой обусловленности способны легко выражать оценочность. Образцом является обуславливающее действие, которое и оценивается. По мнению S₂, соблюдение условия, описанного в свидетельстве S₁, логически приведёт к желаемой ситуации.

Нил Сорский описывает 2-х акторов-антагонистов «Петра апостола» и «Симона вълхва» и представляет своё видение причинно-следственной связи между действиями Петра и наказанием Симона: «*А Петръ апостоль Симона вълхва молитвою разби, понеже прозвася прелукавый злодѣй сыном Божиим при Нероне царѣ, и того ради достойны суд приать от Бога за превеликую леств и злобу*» (НС).

Автор оценочного высказывания обращается к адресату «старцу Иосифу» с призывом совершить то же самое действие, направленное на антагонистов-«еретиков», которое было совершено Петром (авторитетным актором) по отношению к Симону (негативно оцениваемому актору): «*И ты, господине старецъ Иосиф, сотвори молитву, да иже недостойни еретици да грѣшници, то земля их пожреть. Аще же приемлетъ Богъ еретика да и грѣшника на покаяние, то не услышанъ будещи*» (НС).

Как видим, категория оценочности в анализируемых текстах конструируется на основе переказа ситуаций, взятых из Священного Писания, и комментариев к ним. Категория эвиденциальности проявляется в способах включения «чужого» авторитетного слова в оценочные высказывания участников полемики, что позволяет книжнику формировать непрямую оценку.

Свидетельство как индикатор истинного православного.

Маркеры-индикаторы и маркеры-каузаторы используются в интерпретации священного текста.

Мир «невидимый», явленный в сакральных текстах, требует правильного, «истинного» понимания и истолкования. Для этого надо, по мнению S₂, внимательно всматриваться и вслушиваться в авторитетные свидетельства, являющиеся проводниками ценностных представлений Высшего мира. Видимо, поэтому S₂ использует различные маркеры к цитируемому тексту, позволяющие эксплицитно своё понимание ситуации и свою оценку. Например, маркеры истины, выраженные лексемами и словосочетаниями «истинно», «так и есть», регулярно проявляются в полемике о еретиках: «*А что, господине, старецъ Иосиф, Моисѣи скрижали руками разби, то тако и есть*» (НС); «*Тако бои святии апостоли творяху*» (ИБ); «*Тако же и святой Иоан Богословъ сотвори*» (ИБ); «*Да навикнеши, яко се истинно есть, послушай реченныхъ*» (ИБ).

Возможно, и сам глагол «есть» является маркером истинности (ср. этимологию слова *истина*). В этих примерах видно, что S₂ выражает своё отношение к тексту, созданному S₁, и тем самым каузирует адресата поступать должным образом.

Анализ полемического дискурса выявляет ещё один способ проявления не прямой оценки. Категория оценочности объединяется на основе комментариев к Писанию, включающих в себя набор различных «интенсификаторов внимания», направленных на улучшение эффективности восприятия адресатом нужной для говорящего интерпретации оцениваемой ситуации. К таким «интенсификаторам внимания» мы относим предикаты восприятия, а именно – предикаты зрения и слуха: «*Да навикнеши, яко се истинно есть, послушай реченныхъ*» (ИБ); «*Зри, яко святии пророцы и праведницы в Ветхомъ Законе отступивших от Господа Бога овѣх молитвою и благодатию, данную имъ от Бога, смерти предаваху*» (ИБ); «*И Богъ не погуби Израиля Моисѣа ради. Видиши, господине, яко любовь к согрѣшающимъ и злом превъзможе утолити гнѣвъ Божий*» (НС); «*...а сам апостоль Павел пиша: «Аз бых был анафема от Христа моего, сиречь проклят; токмо бы братья моя спаслися израильтяне». Видиши ли, господине, душу свою полагает за соблазнившуюся братью, дабы спаслися, а не молвил им, дабы их огонь пожегълъ, или земля пожерла, а могли сиа от Бога приати*» (НС).

«Заволжский» старец, убеждая Иосифа, вводит прямую речь Высшего субъекта (точка зрения S₁), затем интенсификатор внимания (в данном случае – предикат зрения), вводящий слова S₂, которые и являются собственно оценкой.

Взаимодействие категорий эвиденциальности и оценочности в рассмотренных древнерусских текстах строится на символическом мировоззрении книжников, видящем во всех конкретных исторических ситуациях знаки вечного и Божественного. Задача автора состоит в правильной кодировке либо декодировке оцениваемого на основе священных текстов.

Источники

(ИВ) – Слово об осуждении еретиков Иосифа Волоцкого (Подготовка текста и комментарии Я. С. Лурье, перевод А. А. Алексеева // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб.: Наука, 2000. Т. 9: Конец XIV – первая половина XVI века. 566 с.

(НС) – Ответ кирилловских старцев на послание Иосифа Волоцкого об осуждении (Подготовка текста и комментарии Н. А. Казаковой, перевод А. А. Алексеева) // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб.: Наука, 2000. Т. 9: Конец XIV – первая половина XVI века. 566 с.

Список литературы

1. Вальденберг В. В. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца 17 в. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 368 с.

2. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 352 с.

3. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1998. 528 с.

4. Козинцева И. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // ВЯ. 1994. № 3. С. 92–104.

5. Лурье В. М. Русское православие между Киевом и Москвой. Очерк истории русской православной традиции между XV и XX веками. М.: Три квадрата, 2009. 296 с.

6. Матхаузерова Св. Древнерусские теории искусства слова. Praha: Univerzita Karlova, 1976. 146 s. (Acta Universitatis Carolinae Philologica: Monographie; Т. 63).

7. Ницолова Р. Взаимодействие эвиденциальности и адмиративности // ВЯ. 2006. № 4. С. 27–45.

8. Осетрова Е. В. Неавторизованная информация в современной коммуникативной среде: речеведческий аспект: дис... докт. филол. наук. Красноярск: СФУ, 2010. 413 с.

9. Плунгян В. А. Общая морфология. М.: УРСС Эдиториал, 2003. 384 с.

10. Шмелева Т. В. Субъективные аспекты русского высказывания: дис. в виде науч. доклада ... докт. филол. наук. М.: МГУ, 1995. 35 с.

11. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя: сб. статей / отв. ред.: Б. А. Успенский. М.: Наука, 1972. С. 95–113.

12. Lazard J. On the grammaticalization of evidentiality // Journal of pragmatics. 2001. № 33. Pp. 359–367.

УДК 008(100)(075.8)

ББК 81.2–5я73 М31

Т. М. Павлова
г. Чита (Россия)

Языковая личность как субъект социокультурной жизни

Языковая личность – это речевая личность в контексте общения, в деятельности. Язык как путь, по которому мы проникаем не только в современный мир нации, но и в мир древних людей через пословицы, поговорки, метафоры и т. д. Человек только тогда становится человеком, когда он с детства усваивает язык, а через него культуру своего народа.

Ключевые слова: язык, языковая личность, речевое поведение, культура, коммуникация/

Т. М. Pavlova
Chita (Russia)

Linguistic personality as a subject of socio-cultural life

The language personality is a verbal personality in a communication context in activity. Language as a way by which we penetrate not only into the modern world of the nation, but also into the world of ancient people through proverbs, sayings, metaphors, etc. The person only then becomes the person when he since the childhood acquires language and through it culture of the people.

Key words: language, language personality, speech, verbal behavior, culture, communication.

Как известно, творит культуру и живет в ней человек, личность. Именно в личности на передний план выходит социальная природа человека. В центре мира стоит человек с его чувствами, мыслями, словами, поступками и эмоциями.

Человек – носитель национальной ментальности, которая может быть исследована через язык, являющийся важнейшим из средств идентификации человека. Языковая личность – это речевая личность в парадигме реального общения, в деятельности. Именно на уровне речевой личности проявляются как национально-культурная специфика языковой личности, так и национально-культурная специфика самого общения.

В содержание языковой личности обычно включаются следующие компоненты:

1. Ценностный, мировоззренческий, компонент содержания воспитания, т. е. система ценностей или жизненных смыслов. Язык при этом обеспечивает первоначальный и глубинный взгляд на мир, образует языковой образ мира, который лежит в основе формирования национального характера и реализуется в процессе языкового диалогового общения.

2. Культурологический компонент, т. е. уровень освоения культуры как эффективного средства повышения интереса к языку. Привлечение фактов культуры изучаемого языка, связанных с правилами речевого и неречевого поведения, способствует формированию навыков адекватного употребления и эффективного воздействия на партнера по коммуникации.

3. Личностный компонент – это то индивидуальное, глубинное, что есть в каждом человеке.

Языковая личность, как известно, характеризуется определенным запасом слов, имеющих ту или иную частность употребления, которая складывается в абстрактные синтаксические модели.

Если модели достаточно типичны для представителя данного языкового коллектива, то лексикон и манера говорения могут указывать на его принадлежность к определенному социуму, свидетельствовать об уровне образованности, типе характера и т. д.

Языковая личность существует в пространстве культуры, отраженной в языке, в формах общественного сознания на разных уровнях (научном, бытовом и т. д.), в поведенческих стереотипах и нормах и т. д. Определяющая роль в культуре принадлежит ценностям нации, которые являются концептами смыслов.

Культурные ценности представляют собой систему, в которой можно выделить универсальные и индивидуальные, доминантные и дополнительные смыслы. Они находят отражение в языке, точнее в значениях слов и синтаксических единиц, а также во фразеологизмах. Например, во всех культурах осуждаются такие человеческие пороки, как жадность, трусость, неуважение к старшим, лень и др., но в каждой культуре эти пороки имеют разную комбинаторику признаков.

Неслучайно образ человека запечатлен в мифе, фольклоре, фразеологии. В мифологическом сознании человек – центр мироздания, воплощение Вселенной.

Внешний облик человека, складывается из трех составляющих: 1) голова и ее части; 2) тело; 3) ноги. Как же они представлены в мифологии и языке?

Если в современном представлении *голова* – это центр переработки информации, то у древнего человека голова соотносилась с небом и его объектами – солнцем, луной, звездами. Мифологема головы – «солнце» – легла в основу фразеологических единиц, как *голова идет кругом*, *голова горит*, *голова закружилась* и т. д. Теперь же фразеологизмы со словом *голова* обозначают прежде всего интеллектуальные способности человека, его качества, физическое состояние. Например, *голова на плечах*, *голова варит*, *голова не варит*, *с царем в голове*, *голова дубовая* и т. д.

Глаза – важнейшая часть головы и лица человека. По древнейшей мифологеме, «глаз=божество». Глаза – очи – это орган-инструмент, орган – «смотрения». Поэтому мы *таращим глаза*, *отводим глаза*, *глаз наметан*, *глаз радуется*, *глаза разбегаются*, *без глаза (без призора)* и т. д.

Поскольку 80 % информации о мире приходит через глаза, они считаются важнейшим из органов, им приписывается магическая сила.

Также такие слова, как *волосы*, *нос*, *борода*, *язык*, *руки*, *ноги*, стали компонентами довольно большого количества метафор, фразеологизмов, в значении которых хорошо просматривается человек.

Не менее интересны с мифологической и современной точки зрения представления о *сердце и душе*. Наш язык показывает, что сердце есть центр не только сознания и души, но и тела, центр греховности и святости, центр сосредоточения всех эмоций и чувств, центр мышления и воли, т. е. сердце как бы абсолютный центр всего человеческого.

С помощью фразеологизмов с компонентом «сердце» можно описать почти весь мир: 1) многочисленные оттенки чувств и состояний человека – *кошки на сердце скребут, сердце замерло, камень на сердце, брать за сердце, сердце кровью обливается* и т. д.; 2) дать характеристику человеку – *доброе сердце, каменное сердце, золотое сердце* и т. д.; 3) отношение человека к объектам мира – *от чистого сердца, войти в сердце, сердце занято, находить доступ к сердцу, разбить сердце* и т. д.

Представления о душе как о дыхании, воздухе, ветре, птице, присущи различным народам: *душа вон, вдохнуть душу, камень на душе, душа не на месте, след в душе* и др.

Таким образом, представления о сердце и душе сложны, разнообразны, интересны, и это нашло полное отражение в языке, поскольку эти представления формируют картину мира человека.

Итак, языковая личность – социальное явление, но в ней есть и индивидуальный аспект. Индивидуальное в языковой личности формируется через внутреннее отношение к языку, через становление личностных языковых смыслов; но при этом не следует забывать, что языковая личность оказывает влияние на становление языковых традиций. Язык конкретной личности состоит в большей степени из общего языка и в меньшей – из индивидуальных языковых особенностей.

Иными словами, основным средством превращения индивида в языковую личность выступает его социализация, предполагающая три аспекта: 1) процесс включения человека в определенные социальные отношения; 2) активная речемыслительная деятельность по нормам и эталонам, заданным той или иной этноязыковой культурой; 3) процесс усвоения законов социальной психологии народа.

Для становления языковой личности особая роль принадлежит второму и третьему аспектам, поскольку процесс присвоения той или иной национальной культуры и формирование социальной психологии возможны только посредством языка.

Интересен вопрос о социальной природе мужских и женских языков, исследование особенностей их речевого поведения. Под речевым поведением понимают весь комплекс отношений, включенных в коммуникативный акт, т. е. вербальную и невербальную информацию, а также место и время речевого акта, обстановку, в которой этот факт происходит и т. д., следовательно, речевое поведение – это речевые поступки индивидуумов в типовых ситуациях коммуникации, отражающих специфику языкового сознания данного социума.

Поскольку мужчина и женщина принадлежат к различным социальным группам и выполняют различные социальные роли, то общество ждет от них определенных моделей речевого поведения. Мужской тип коммуникации – это менее гибкая, но более динамичная коммуникация, менее ориентированная на собеседника. Наиболее распространенный жанр коммуникации у мужчин – это беседа – информация, а у женщин – частная беседа. Женский тип коммуникации более ориентирован на собеседника, на диалог, на подчиненную роль в общении, где мужчина выбирает и меняет тему разговора.

Язык зафиксировал патриархальную установку: в нем прочно закрепились стереотипы, согласно которым женщине присущи многие пороки, поэтому сравнение с ней мужчины – всегда несет негативную окраску: болтлив, любопытен, кокетлив, капризен и т. д. Женщину же сравнение с мужчиной только украшает: мужской ум, мужской характер, мужская хватка и т. д. Все хорошее в женщине – от мужчины, таков стереотип русского человека.

Если же говорить о речевом поведении женщины, то некоторые наблюдения исследователей позволяют установить, что мужчины восприимчивее к новому в языке, в их речи больше неологизмов, терминов. Речь женщины более нейтральна, в ее лексике чаще встречаются устаревшие слова и обороты. Женская речь более эмоциональна, что выражается в более частом употреблении междометий, метафор, сравнений, эпитетов, образных слов. В ее лексиконе больше слов, описывающих чувства и эмоции, психофизиологические состояния.

В ходе изучения частоты употребления отдельных частей речи, было установлено, что в речи женщины больше сложных прилагательных, наречий и союзов, а мужчины – абстрактные, они чаще пользуются глаголами активного залога. При этом было установлено, что с повышением уровня образования различия в речи стираются.

В речевом поведении женщина ориентируется на «открытый социальный престиж», т. е. на общепризнанные нормы социального и речевого поведения, в то время как мужчина тяготеет к так называемому скрытому престижу – отклонению от установленных норм и правил общения. Поэтому в целом речь женщины является более мягкой, к тому же женщины менее категоричны в выражении и отстаивании мнений. Это делает их более подходящими для выполнения целого ряда функций в обществе, хотя женщина становится сейчас полноправным партнером во всех делах, в жизни общества.

Итак, личность должна рассматриваться в перспективе культурной традиции народа. А категории культуры – это пространство, время, судьба, право, богатство, труд, совесть, смерть и т. д. Они отражают специфику существующей системы ценностей и задают образцы социального поведения и восприятия мира. Это своеобразная система координат, которая формирует языковую личность. А личность – это совокупность социально значимых духовных и физических качеств, которые по-своему преломляются в языке.

Список литературы

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2007.
2. Клизовский А. И. Мужчина и женщина. Минск, 1996.
3. Малишевская Д. Базовые концепты в свете гендерного подхода (на примере оппозиции «Мужчина / Женщина» // Фразеология в контексте культуры. М., 2005.

УДК 801
ББК 81.0

Г. Б. Сабирова
г. Навои (Узбекистан)

Декодирование вербализации эмоций

В статье анализируется процесс вербализации эмоций. Лингвистика приобретает коммуникативную направленность. Диалогическое взаимопонимание индивидов обусловлено нормами языка, узуса, культуры. Лексика, имеющая не только денотативное, но и коннотативное значение, приобретающая имплицитную эмотивность уже в речи, требует максимум внимания и понимания дискурсивного и прагматического аспекта.

Ключевые слова: *декодирование, кодирование, вербализация, узус, культура, лексика.*

Г. В. Sabirova
Navoi (Uzbekistan)

Decoding the verbalization of emotions abstract

The article analyzes the process of verbalization of emotions. Linguistics acquires communicative approach. Dialogical understanding of individuals is calculated in relation to the norms of the language, usage, culture. Vocabulary, having not only the denotation, but also connotative value, and especially acquiring an implicit P. S. emotiveness already in speech requires maximum attention and understanding of the discursive and pragmatic aspects.

Key words: *decoding, encoding, verbalization, usage, culture, language.*

Лингвистика XXI века приобретает коммуникативную направленность, что предполагает рассмотрение диалогического взаимопонимания индивидов в соотношении с нормами языка, узуса, культуры. Лексика, имеющая не только денотативное, но и коннотативное значение, а особенно приобретающая имплицитную эмотивность уже в речи, требует максимум внимания и понимания дискурсивного и прагматического аспекта.

Актуальность исследования обосновывается направленностью на изучение психолингвистики в рамках кодирования и декодирования информации, что дает возможность увидеть язык в действии, учитывая прагматические аспекты речевой коммуникации в пределах языка оригинала и языка перевода. Процесс коммуникации, состоящий из кодирования, передачи и декодирования

ния сообщения включает следующие уровни: коммуникативный, который понимают в традиционном его плане (т. е. это спектр лексических единиц для обозначения реалий жизни, которые обогащают словарь и с помощью которых можно создать бесконечное количество сообщений), и метакоммуникативный, который представляет собой определенный жанр, определенный тип дискурса, поскольку метакоммуникативные правила обуславливают наше поведение. Таким образом, процесс коммуникации необходимо сводить не только к изучению исключительно лингвистических вопросов построения, интерпретации речи, но и учитывать психолингвистические моменты деятельности адресанта и адресата, что базируется на субъективном анализе ситуации, узуса адресантом и адресатом.

Этап порождения высказывания является многоярусным наслоением и «осуществляется от мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредованию ее во внутреннем слове, затем – в значениях внешних слов и, наконец, в словах» [2, с. 375]. Лингвисты в рамках данного этапа коммуникации называют следующие компоненты: мотив, установка, интенция, внутреннее программирование; где «мотив – это основная побудительная сила в психической деятельности, <...> познавательная-эмоциональная психологическая система, выполняющая функцию регулятора поведения» [2, с. 58]. В процессе производства речи мотив выполняет роль неосознанного стремления, которое иногда опережает последующие компоненты, в результате чего адресант использует существующие в речи шаблоны, междометия. «Well, again, we're wondering here whether or not Barack Obama in fact is the president of the United States,» Wallace mused aloud [1, с. 29]. В данном примере междометие well выполняет несколько функций: 1) заполнение речевой паузы, пока адресант пытается построить сообщение, собрав логическую цепочку и подобрал необходимый лексический код для передачи интенции; 2) выражение внутренних эмоций, переживаний (причем, имея шаблонный характер, well может выражать как позитивные, так и негативные эмоции, характер которых можно определить лишь с учетом прагматики контекста).

Использование языка осуществляется в форме отдельных высказываний, которые отображают специфические условия и цели сферы деятельности человека не только с помощью тематического и языкового стилей, т. е. посредством подбора лексических, фразеологических, грамматических единиц, а и с помощью композиционного построения, с учетом дискурсивных факторов, которые влияют на условия и качество речи. To the folks on Main Street, it means not appointing Kafkaesque committees to measure “quality-adjusted life years” but fostering a vibrant climate of scientific research and opening a wider pipeline for new medicines.

Порождение речи включает два интегрированных механизма: сознательную психическую деятельность и автоматическую бессознательную, которая использует уже готовые формулы, закрепленные в речевой памяти адресанта. Абсолютно логичным будет предположить, что любое высказывание – эмоционально, что не бывает эмоционально – нейтральной речи, поскольку когнитивно воспринимая объективную действительность, в зависимости от собственных чувств, видений, воспитания, человек будет реагировать субъективно, полагаясь на ту интеллектуальную, речевую, этическую базу, которую имеет в момент говорения.

Таким образом, внутренняя эмоциональность находит свое воплощение при подборе соответствующих лексических единиц, которые вне контекста будут оставаться эмотивно-нейтральными, но при данном их сочетании происходит передача эмотивного заряда всему высказыванию.

С другой стороны, для осуществления процесса коммуникации необходим адресат, который посредством языка, т. е. кодирования знаками определенного языка, получает и декодирует информацию. Процесс декодирования так же рассматривается психолингвистами как многокомпонентное явление: 1) непосредственное восприятие сообщения, которое представляет апперцепцию семантического смысла высказывания; 2) понимание т. е. соотношение полученной информации с собственными знаниями адресата; 3) интерпретация – вербализация принятого текста адресатом. Наличие этапа интерпретации подчеркивает отсутствие зеркального отображения авторских мыслей, поскольку сознание не дублирует говорящего, оно создает свое видение ситуации. Именно такое видение дает возможность объяснить все богатство лингвистических, психологических, эмоциональных реакций реципиента, и именно такое толкование дает возможность понять всю сложность, многогранность процесса коммуникации.

Список литературы

1. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации К.: Брама. 2004. 336 с.
2. Юнг К. Г. Психологические типы. М.: Университетская книга. 1996. 384 с.

УДК 81–114.2
ББК 81.2

Т. В. Федотова
г. Краснодар (Россия)

Прагматическая актуализация антропонима в коммуникативной ситуации

Статья посвящена анализу процесса актуализации антропонимов. Теория референции позволяет выделить основные компоненты номинативной ситуации, которые влияют на дифференциацию имен в процессе коммуникации и их актуализацию.

Ключевые слова: *антропоним, номинативная ситуация, актуализация, потенциальный, референция, рефлексия, восприятие, коннотации.*

T. V. Fedotova
Krasnodar (Russia)

Antroponim's pragmatic updating in the communicative

The article is devoted to the analysis of process of updating antroponyms. The theory of a reference allows to allocate the main components of a nominative situation which influences differentiation of names in the course of communication and their updating.

Key words: *antroponym, nominative situation, updating, potential, reference, reflection, perception, connotations.*

Функциональная неоднородность антропонимической лексики, различная степень произвольности номинации лица посредством антропонимов, многоуровневость рефлексивной реакции при восприятии имени, соотношение имени собственного с объектами действительности позиционируют имя собственное как полноценный лингвистический знак, характеризующийся специфической семантикой и разнообразной прагматикой.

Основными функциями имен собственных принято считать номинативную, идентифицирующую и дифференцирующую. Наблюдения над функционированием антропонимов в языке и речи показывают, что по особенностям реализации номинативной и идентифицирующе-дифференцирующей функций имена собственные, относящиеся к названной группе онимов, достаточно неоднородны. Наиболее ярко неоднородность антропонимов проявляется при идентификации имени в процессе коммуникации, где конкретно-речевые условия позволяют проанализировать психолингвистические свойства онима, соотношение его, с одной стороны, с фактором субъекта речи, с другой – с фактором адресата. Анализ проблемы соотношения имени собственного с объектами действительности, а именно опосредованность такого соотношения сознанием говорящих, является целью данной статьи.

Имя собственное – это знак, который соединяется в нашем сознании с представлениями об объекте. В данном случае можно говорить о референции как процессе соотношения имени собственного-антропонима с некоторым объектом действительности посредством сознания говорящих. Представители теории референции считают, что значение имени собственного обусловлено исключительно его связью с конкретным объектом, его указательной или идентифицирующей функцией (Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева, Б. Рассел). Референция обуславливает состав компонентов значения имени собственного-антропонима в языке в процессе актуализации и в речи. Но речь пойдет не о значении онима, а о кодировке информации, заложенной в антропониме, в зависимости от роли носителя имени в культурно-языковом пространстве.

Как считает Н. Д. Арутюнова, идентификация применительно к имени собственному должна рассматриваться, во-первых, как установление тождества онима всем другим кореферентным ему

дескриптивным номинациям индивида (иначе – установление соответствия имени представлению о единичном объекте, обладающем индивидуальной совокупностью признаков). Во-вторых, идентификация предполагает установление тождества объекта самому себе при употреблении имени в разных контекстах [1].

В зависимости от выполнения именем номинативной и идентифицирующе-дифференциальной функций лингвистами предлагаются различные определения и классификации антропонимов в названном аспекте: индивидуализирующие (А. А. Белецкий), воплощенные и невоплощенные (В. Д. Бондалетов), определенные и неопределенные (М. А. Кронгауз), общие и индивидуальные (П. В. Чесноков, Л. Д. Чеснокова), актуальные и потенциальные (С. Н. Смольников), пассивные потенциальные, активные реальные и активные потенциальные (А. В. Суперанская) и т. п.

Во всех определениях, данных антропонимам в зависимости от степени проявления номинативной и идентифицирующе-дифференциальной функций, просматривается зависимость момента воспроизведения имени как своеобразной границы между этапами существования имени собственного в языке и его функционирования в речи от коммуникативной ситуации, от закреплённости в сознании говорящих образа объекта (референта), от осознания признаков этого объекта как компонентов значения имени собственного и, безусловно, от целеустановки использования имени в речи.

Названные факторы позволяют более детально рассмотреть сущность семиозиса антропонима и, соответственно, глубже раскрыть характеристики и возможности имени собственного в процессе коммуникации.

Если исходить из положения о двух этапах знакообразования, утвердившихся в лингвистике (Р. Г. Пиотровский, А. А. Уфимцева), то в данном случае нам наиболее важен первичный семиозис как формирование антропонима и его функционирование в качестве средства обозначения некоторого объекта действительности в соответствии с языковым значением. Для более детального анализа функционирования имени на этом этапе возьмем за основу классификацию антропонимов на актуальные и потенциальные [2, с. 23] как наиболее точно отражающую суть явления обусловленности имени собственного связью с конкретным объектом, его указательной или идентифицирующей функцией. В соответствии с этим мы можем говорить о разной степени актуальности имени.

Как уже было отмечено, момент воспроизведения имени как своеобразной границы между этапами существования имени собственного в языке и его функционирования в речи зависит от ряда условий.

Косновополагающему условию мы относим **коммуникативную ситуацию**. Коммуникативная ситуация имеет определенную структуру, где основными составляющими являются: говорящий (адресант); слушающий (адресат); цель общения.

В момент перехода из языка в речь происходит соотнесение признаков, отраженных в сознании носителей языка и закрепленных в значении антропонима, с характеристиками реального референта. На этом этапе свою роль выполняет ассоциативная связь, которая базируется на ассоциативной памяти. **Ассоциативная память**, в свою очередь, стимулирует адресата к соотнесению имени с референтом. Первая реакция на слово-стимул – распадение на общеизвестные и нейтральные имена. Это самая естественная реакция, так как при первичном восприятии имени на первый план выходит соотнесение информации, заложенной в памяти об имени, и знаний адресата о референте. На втором плане выступают коннотации, фонетические ассоциации и т. п.

Ассоциативная память напрямую взаимодействует с **временным отрезком**, когда имя актуализировалось. Это могут быть имена, актуальные в любой период (известные всем и всегда), такие как Пушкин, Ленин, Гагарин или имена, актуальные для текущего момента в определенный период: Янукович, Ющенко, Тимошенко (в период волнений в Украине).

Временной отрезок, безусловно, опирается на **фактор адресата**, круг лиц, участвующих в коммуникации. Если популярные актуальные имена, как правило, известны всем членам коммуникации, то в отдельных случаях можно говорить об именах, которые будут актуальны только при определенном составе лиц, участвующих в коммуникации. Так для членов одной семьи всегда актуальны имена родственников, общих друзей, для студенческой группы актуальны име-

на одноклассников, для профессионального коллектива – имена коллег. Здесь ассоциативная память срабатывает исключительно в процессе коммуникации между членами определенного минисообщества.

Немаловажным компонентом фактора адресата следует, безусловно, считать **интеллектуальный фактор**, иначе говоря – уровень образованности человека. Для одних Акакий Акакиевич будет простым сочетанием имени и отчества, для других – актуализация определенного символа, отражающего коннотативный аспект антропонима.

Таким образом, процесс анализа актуализации антропонима позволяет представить стороны, задействованные в референтном отношении, в виде следующей цепочки: коммуникативная ситуация (цель + фактор времени + фактор адресата + интеллектуальный фактор) – отражаемая материальная сторона имени – психическое отражение материальной стороны имени (ассоциативная память) – представление о референте.

Совокупность компонентов процесса актуализации имени собственного дает возможность провести градацию антропонимов в соответствии со степенью их актуализации.

Так, имена собственные-антропонимы, связанные в сознании носителей языка с наиболее известными носителями (Толстой, Ленин, Сталин), можно отнести к абсолютно актуализированным. Все составляющие процесса актуализации имеют высокую степень проявления: нет ограничения во времени, известны любому адресату, ассоциативная память срабатывает даже на поверхностном (приблизительном) уровне.

Имена собственные, чья актуализация происходит в зависимости от текущего момента истории, ключевых событий в жизни страны (Гайдар, Ельцин, Чубайс – в переходную эпоху), можно обозначить как ситуативно актуализированные антропонимы.

Имена же, связанные в большей степени с фактором адресата, с ситуацией, сложившейся на ограниченном пространстве в определенный отрезок времени, соответственно могут быть определены как коммуникативно актуализированные антропонимы.

Актуальным антропонимам противопоставлены потенциальные имена собственные, не называющие конкретных людей и, соответственно, не выполняющие номинативной и идентифицирующе-дифференциальной функций, свойственных именам собственным. Это так называемые словарные имена. Так, «Словарь русских личных имен» Н. А. Петровского включает свыше 3 тыс. антропонимов. Основное назначение данных слов – служить потенциальными антропонимами, «именами вообще», пригодными для конкретно-референтной номинации лица [2, с. 24]. Потенциал таких имен заключается в их способности к виртуальной индивидуальной номинации, в них только заложена способность выполнять функцию индивидуальной номинации, которая реализуется лишь в процессе закрепления за конкретными референтами, т. е. непосредственно в контексте.

Бесспорно, данная терминология носит весьма условный характер в плане отражения основных признаков актуальности имен, но все же в некоторой степени позволяет рассматривать процесс актуализации не как обобщенный, а предполагающий определенную индивидуальную вариативность в зависимости от указанных факторов.

Таким образом, значение имени собственного-антропонима постоянно находится в подвижном состоянии. Гипотетически объем значения имени собственного может расширяться до бесконечности в зависимости от варьирования факторов коммуникативной ситуации и членов коммуникации. После закрепления имени за определенным референтом данное имя готово к последующим употреблением в речи при условии появления эмотивно-оценочного компонента значения как результата сравнения признаков вторичного референта с признаками первичного референта, что обуславливает использование имени уже в аспекте коннотативных характеристик.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
2. Смольников С. Н. Актуальная и потенциальная русская антропонимия // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 23–35.

Графические выразительные средства рекламного текста

В статье рассматриваются основные черты выразительных графических средств рекламного текста: разнообразие данных средств, особые функции, реализуемые ими в тексте, особые смыслы, выражаемые разными группами графических средств, а также превращение некоторых из данных графических средств в традиционные для современных рекламных текстов.

Ключевые слова: *графические выразительные средства, кириллица, латиница, цифры, математические символы, пунктуация, знак препинания.*

Graphic expressive means of the advertising text

The article considers the main features expressive graphic means of the advertising text: the diversity of these funds, special features implemented by them in the text, special meanings expressed by different groups of graphical tools, as well as making some of these graphical tools in traditional to modern advertising texts.

Key words: *graphic means of expression, Cyrillic, Latin alphabets, digits, mathematical symbols, punctuation, and punctuation.*

Современные рекламные тексты, в частности печатные, следует назвать особым явлением не только в практике коммуникации, но и в практике письма. Наличие нескольких важных функций у рекламных текстов в целом обуславливает использование в них различных языковых средств и приёмов, создающих особую выразительность таких текстов. В текстах же печатной (письменной) рекламы, рассчитанных на зрительное восприятие, особенно важными с точки зрения создания их выразительности становятся, наряду с прочими, графические, орфографические и пунктуационные средства. Всё это отражает современную тенденцию к визуализации общения. И действительно, фиксируемый в течение нескольких лет языковой материал показывает, что сфера рекламы демонстрирует особый способ применения письма, в котором значительно расширены возможности использования различных графических знаков, а также формируются новые, графические, средства выразительности.

Для печатной рекламы, рассчитанной на зрительное восприятие, особенности написания текста особенно важны, ведь каждый элемент рекламного сообщения должен нести максимальную «нагрузку» как в информационном, так и в экспрессивном плане. Неслучайно в этой связи создатели рекламы обратили внимание на графику и орфографию названий, торговых марок, рекламных текстов, сделав её, наряду с другими, выразительным языковым средством.

Широкое распространение и своеобразное развитие способов и приёмов использования графики в рекламных текстах сделали графические выразительные средства особым явлением в практике современного русского письма, что не может не привлекать к ним постоянного исследовательского интереса [3, 7, 1, 2, 5]. В указанных условиях функционирования используемые графические элементы приобретают особые черты. На современном этапе развития указанного явления среди таких черт следует отметить: во-первых, их значительное разнообразие, проявляющееся в использовании элементов различных графических систем (кириллицы, латиницы), цифр и математических символов, параграфемике и др.; во-вторых, особые функции, выполняемые графическими элементами, а также особые смыслы, которые они призваны выражать; в-третьих, закрепление некоторых приёмов использования выразительных графических средств, превращение их в традиционные. Рассмотрим названные черты графических выразительных средств.

Первая черта – значительное разнообразие выразительных графических элементов – в современных рекламных текстах проявляется в том, что в названной функции активно используются элементы всех групп графики: 1) буквы кириллицы; 2) буквы латиницы; 3) элементы параграфемике; 4) цифры и специальные символы; 5) знаки пунктуации.

1. Очевидно, что наиболее распространёнными («естественными»), как и для любого другого текста на русском языке, для рекламных текстов остаются буквы современного русского алфавита. Прежде всего они служат своеобразным «фоном» для других графических средств, однако и они подвергаются некоторым модификациям: буквы могут быть перевернуты, иначе ориентированы в пространстве текста. Примеры: газета-телегид «*ТЕЛЕВИЗОР*», телепередача «*РУССКИЕ СЕНСУЦИИ*» – буквы Л, А развернуты на 180° относительно горизонтальной оси; реклама фирмы «*КОМПАК*» – конечная буква К развернута на 180° относительно вертикальной оси.

Также весьма заметным графическим средством являются устаревшие буквы русского алфавита, т. е. исключённые из него в результате реформы 1917–1918 гг. или ранее: ер, ять, и десятеричное, фита, юсы. Например: торговые марки «*Аведовъ*», «*Махеевъ*», *собственныѣ хозяйства «Русскій фермѣръ»*; магазины «*Неръчинские колбасы*», «*Привозъ*», «*Копѣйка*», газета «*Забайкальские областные вѣдомости*» и др. Среди приведённых примеров имеются некорректные написания, вызванные отсутствием историко-орфографической знаний у копирайтеров, но это не мешает функционированию данного графического средства, а лишь подчёркивает, как представляется, некоторую искусственность его использования.

2. Буквы латиницы, как показывает языковой материал, являются наиболее активным графическим выразительным средством в рекламных текстах. Отмечается использование как одной буквы в составе слова, написанного кириллицей, так и отдельных слов, предложений. При этом буквами латиницы могут быть написаны не только иноязычные слова или так называемые графические интернационализмы [6], но и уже освоенные или исконно русские слова. Примеры: клуб «*ЗАЖИГАЛКА*», магазины «*ПАРТИЗАН*», «*ФОРСАЖ*», *Новый Lenor Ароматерапия, Непревзойдённая защита REXONA в новом компактном формате, Yestovolume! Notoclumps!*; шоколад «*Aljonka*», магазины «*Nina*», «*Matrjoshka*».

3. Элементы параграфематики также активно используются в рекламе, это случаи, когда рисунок (изображение) «внедряется в букву и, заменяя её, становится знаком отдельного слова или всего рекламного текста» [4, с. 69]. Примеры (в основном в рекламе на улицах города, а также в оформлении товарных знаков): магазины мебели «*Кабинет*» – буква И в виде стула, «*Мебель*» – буква М в виде кресла; магазин «*Алкомир*» – буква О в виде лимона на бокале с коктейлем; магазин «*Нахалёнок*» – буква О в виде лица человечка; магазин «*Мотылёк*» – точки над Ё в виде забавных отпечатков лап зверька и мн. др.

4. Цифры и специальные символы (математические, химические и др.) используются в рекламных текстах не только для сообщения деловой информации (адреса, цены, даты), но и как выразительные средства, особенно эта их функция заметна, например, при передаче цифрами каких-либо параметров рекламируемого товара, точное числовое значение которых сомнительно: *На 70 % более сияющий цвет лица, +124 % более сильные волосы через 3 недели, 64 % выпадения волос с 1-го применения, снижение воспаления и кровоточивости десен до 88 %*. Часто используемые математические символы (%, +, =, №) создают у читателя представление о «научности» текста, о серьёзных исследованиях, проведённых производителем товара, о привлечении новейших технологий.

5. Знаки пунктуации, кроме привычного оформления печатного текста, также становятся выразительным средством, прежде всего, при их необычном, не предусмотренном правилами, использовании. Это наиболее заметно в оформлении конца предложения, где по-разному используется точка (наличие / отсутствие, парцелляция), есть особенности в использовании восклицательного и вопросительного знаков. Примеры: *Регистрируйте промо-коды с упаковок Роллтон «Подомашнему»! Участвуй в акции! Везет по-крупному! (всего 6 предложений с восклицательным знаком); Продажа оптом и в розницу!!! Система скидок! Отсрочка платежа! Индивидуальный подход к каждому покупателю!; Будь королём секса!!!; А ты вступил в стройную жизнь?!?!*

Перейдём к рассмотрению второй из названных черт – особых функций, выполняемых графическими элементами. Помимо основной функции передачи информации они, прежде всего, создают нетривиальные, запоминающиеся написания, что способствует привлечению непровольного внимания потребителей. Кроме того, они создают положительный настрой адресата по отношению к рекламируемому товару, магазину, приятные ассоциации.

Особенно выделяется в этом отношении у графических средств функция языковой игры, которую они часто реализуют. Графическая трансформация, необычность графической формы слов придает им яркую эмоциональную окраску и смысловую двуплановость. Например: *пиво «Клинское REDКОЕ»*; *Raptika. Лучшая fishка на вашем столе*. В данных примерах актуализируются по два смысла: русского и английского слов – «редкое» и «red», «фишка» (в значении «изюминка») и fish. Указанные смыслы взаимодействуют, дополняя друг друга и создавая новую, индивидуальную семантику, которая существует только в этом тексте, характеризует только этот объект рекламы.

Различные графические элементы часто используются для языковой игры: *На100ящее качество – 100 %-ый сок*; *ИСКРЕННЕЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ* (логотип RENTV); *ЛОДКА + МОТОР = 5 % скидка* и мн. др.

Кроме того, за определёнными графическими средствами закрепляются особые смыслы, которые они призваны выражать. Как представляется, это связано с тем, что у носителей русского языка (русской культуры) уже имеется некоторое отношение к латинице (как к «чужому»), к устаревшим буквам (как к русской старине), к специальным символам (как к чему-то связанному с наукой) и т. п. Поэтому за элементами латиницы, используемыми как выразительное средство, закрепился смысл – «это относится к западному миру, к западной культуре, современным зарубежным технологиям и традициям ведения бизнеса». В связи с этим использование латиницы наблюдается в рекламе современной техники (как правило, зарубежного производства), косметики и парфюмерии, зарубежных брендов в целом. Элементы дореформенной графики и орфографии несут смысл – «это связано со старыми (досоветскими) русскими традициями производства, торговли, с традициями употребления продуктов, товаров и их высоким качеством». Поэтому устаревшие буквы используются в основном в торговых марках и рекламе продуктов питания, в названиях ресторанов. Цифры и математические символы обычно передают смысл – «это основано на современных научных исследованиях, подтверждено экспериментами, авторитетом учёных». Как следствие специальные символы используются в рекламе косметики, лекарств, витаминов, товаров для здоровья.

Третья черта выразительных графических средств – закрепление некоторых приёмов их использования, превращение ряда средств в традиционные – проявляется в некоторой привычности, повторяемости использования графических средств в одном и том же виде, значении, функции. Это касается элементов всех рассмотренных групп.

Среди букв и знаков латиницы в этой связи прежде всего следует назвать «графические интернационализмы», т. е. названия всемирно известных компаний, фирм, их товаров, которые обычно (или всегда) сохраняют свою первоначальную графическую форму: *Coca-cola, Toyota, Samsung, Kodak, L'Oreal* и др. Далее следует назвать использование аббревиатуры О. К. (от англ. наречия *okay*), которая привычно «читается» потребителем при графическом выделении в слове суффикса *-ок*: *КлубОК, ГлазОК, Блин.ОК!, Мастер ОК!*, а также *АрбузОК, ДокторОК* [Примеры И. В. Высоцкой. См.: 2, с. 472. также см.: 1, с. 180]. Похожий приём – написание конечного *-off* в реальных и специально созданных фамилиях: *Nemiroff, Smirnoff, Davidoff, Тюльпанoff, Насософф, Комарофф, Изжоговофф* [Примеры Л. П. Амири. См.: 1, с. 179]. Важно для данного приёма (особенно в искусственных фамилиях) учитывать семантику элемента *off*, соотносимую с выражением *beoff* (*убирайтесь прочь*): *OFF! Лето без клещей и комарOFF!*; если этим пренебречь, могут возникнуть нежелательные ассоциации, как, например, в названии обувного магазина «*БашичкOFF*». Также закрепился приём использования знака *&*, принадлежащего графике английского языка: *Одежда & обувь; Столы & стулья; Подушки & одеяла* и мн. др.

Среди устаревших букв традиционной в использовании стала буква «ер», поскольку для этого не требуется специальных знаний, в массовом представлении носителей языка её следует «автоматически» добавлять в конце или середине слов, отсюда некорректные написания: магазины «*ВЕЩЬ*», «*Нерьчинские колбасы*».

Имеются также ставшие традиционными приёмы использования цифр и математических символов, многие из которых, к тому же, получили особую, «рекламную» семантику. Это прежде всего цифровые сочетания «2 в 1», «3 в 1» и далее: «*Диван-кровать 5 в 1*», «*8-в-1 // крем-уход с тонирующим эффектом*». Они приобрели постоянную графическую форму, правила чтения

(«два в одном», а не иначе) и собственную семантику, которую можно попытаться определить как «богатство содержания при простоте формы». В этом же ряду сочетания 100 % и 0 %, которые приобрели семантику «в полной мере, в полном объёме, совершенно» (100 %); «нет, полностью отсутствует» (0 %): «до 100 % свободы от перхоти // 100 % готовность к встрече», «100 % силы волос // 0 % утяжеления», «0 % парабенов // 0 % силиконов // 0 % продуктов нефтехимии». Сказанное можно подтвердить примерами *100 % Made in Germany* и *100 % скидка*, которые соответствуют новой семантике этих сочетаний, нежели их математическому смыслу. Аналогично этим примерам сочетание 99,9 % (или 99 %), приобретающее семантику «почти полностью, реально достижимый»: *Убивает 99,9 % бактерий на всех поверхностях; Удаляет 99 % микробов одним нажатием; 99 % российских женщин довольны результатом его использования.*

Среди параграфемных элементов традиционно «обыгрывается» буква О, которая имеет для этого удобную форму и поэтому легко принимает вид часов, глобуса, яблока и т. п. [4, с. 75–76].

Говоря о превращении некоторых выразительных графических средств в традиционные, следует обратиться к термину «графический окказионализм», который используется в лингвистической литературе, под ним понимают «любое отступление от графической, орфографической нормы языка, ... маркирование той или иной языковой / речевой единицы при помощи различных графических средств, ведущее либо только к новой (оригинальной) визуализации лексемы, либо ещё и к созданию окказиональной лексемы с новой семантикой» [5, с. 64]. Однако, как представляется, многочисленные и разнообразные примеры устойчивого употребления графических выразительных средств говорят о том, что некоторые из них при сохранении оригинальности, необычной формы (отступления от нормы) перестают быть окказиональными, становятся воспроизводимыми, традиционными.

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что процесс формирования выразительных графических средств рекламного текста продолжается и находится в активной стадии, о чём свидетельствует обилие и разнообразие примеров как воспринимаемых носителями языка, так и фиксируемых исследователями. Многие, даже окказионально («случайно») используемые, графические средства воспринимаются в рекламе как выразительные, имеющие особую цель их использования. Наблюдение над данным активным процессом на протяжении нескольких лет дало возможность установить и описать некоторые характерные черты используемых графических выразительных средств: их разнообразие, основанное на использовании элементов различных групп графики, их особые функции и передаваемые смыслы, а также некоторую традиционность их использования. Ряд выявленных черт, конечно же, не является законченным. По мере накопления языковых фактов, их интерпретации и оценки описание черт выразительных графических средств, их конкретизация, несомненно, будут продолжены.

Список литературы

1. Амири Л. П. Графическая окказиональность как стилеобразующее средство в текстах рекламного дискурса (на материале XX–XXI вв.) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. № 27. 2012. С. 176–182.
2. Высоцкая И. В. «Свое» и «чужое», или Взаимодействие кириллицы и латиницы в современном рекламном тексте // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород. № 2 (4). 2010. С. 471–474.
3. Григорьева Т. М. Графико-орфографические приметы современности // Активные процессы конца XX века: тезисы докладов международной конференции. М., 2000. С. 47–49.
4. Григорьева Т. М. Параграфемные явления в современном русском письме // Язык, культура, коммуникация: аспекты взаимодействия. Научно-методический бюллетень. Вып. 1. Абакан, 2003. С. 68–76.
5. Грищева Е. С. Особенности тропейческой лексической и графической окказиональности в современном русском языке // Глобальный научный потенциал. Тамбов: Фонд развития науки и культуры, 2012. № 20. С. 64–66.
6. Филинкова Е. О. Особенности графического оформления рекламных текстов // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: материалы II-й Международной науч. конф. Чита: Изд-во ЗабГГПУ. 2009. С. 264–268.
7. Шмелева Т. В. Письменность городской среды // Фонетика – орфоэпия – письмо в теории и практике: межвуз. сб. науч. Трудов. Красноярск, 1997. С. 114–123.

Основные факторы, влияющие на глубину текста

В статье анализируются факторы, влияющие на глубину текста. Система вербальных образов регулируется языковыми законами и носит синтагматический характер, отражающий линейный принцип развертывания текста в акте рецепции.

Ключевые слова: *фактор, текст, образ, принцип, вербальный.*

М. N. Tukbayeva
Navoi (Uzbekistan)

The main influencing factors on the depth of the text

The article analyzes the factors on the depth of the text. The system of verbal images are governed by the language laws, and is the syntagmatic in nature, reflecting the linear principle of deployment of the text in the act of reception.

Key words: *factor, text, image, principle, verbal.*

В процессе понимания текст в сознании реципиента соотносится с действительностью, т. е. устанавливаются связи между системой вербальных образов (отражением формы слова в сознании человека) и «предметных» образов (образов явлений и ситуаций внеязыковой действительности). Система вербальных образов регулируется языковыми законами и носит синтагматический характер, отражающий линейный принцип развертывания текста в акте рецепции. Вербальные образы «порождают» на образно-понятийном уровне (уровне мышления) «предметные образы», связи между которыми носят парадигматический характер и определяются пониманием текста реципиентом. Степень «расхождения» связей на языковом и образно-понятийном уровнях определяет степень сложности понимания текста и рассматривается как его глубина.

Глубина текста является неочечной текстовой категорией. На глубину текста влияет комплекс характеристик парадигм: состав парадигмы, актуальность парадигмы, функция парадигмы, конфигурация парадигм и связи между парадигмами. Рассмотрим влияние данных характеристик парадигм на глубину текста подробнее [1, с. 97].

Состав парадигмы – система вербальных образов, генерирующая система предметных образов, образующих парадигму на образно-понятийном уровне. Если между единицами парадигм текста имеет место логическая связь (состав парадигмы является логически однородным), то глубина текста будет меньше по сравнению с теми случаями, когда элементы парадигм текста связаны ассоциативно (состав парадигмы является логически разнородным).

Степень актуальности парадигмы – степень значимости парадигмы для понимания текста. Степень актуальности парадигм варьируется от гипоактуальной (парадигмы незначительной актуальности) до гиперактуальной (парадигмы доминируют в текстах, уменьшая значимость других парадигм, их функционирование предполагает функционирование других парадигм). Идея произведения, в котором функционирует гипертекстуальная парадигма, как правило, сводится к функции этой парадигмы. Глубина текстов, в которых функционируют гипертекстуальные парадигмы, меньше по сравнению с произведениями, в которых функционируют гипертекстуальные парадигмы.

В зависимости от количества выполняемых функций парадигмы могут быть монофункциональными (выполняющими одну функцию в тексте) и полифункциональными (выполняющими несколько функций в тексте). Количество выполняемых парадигмой функции прямо пропорционально глубине текста. По характеру основной функции парадигмы можно разделить на проективные (формирующий образ) и концептуальные (определяющие понятие). Концептуальная функция парадигмы повышает глубину текста [2, с. 271].

Конфигурация парадигм – отношения между частными парадигмами, определяющие особенности их объединения в гиперпарадигму целого текста. Тексты, парадигмы которых соеди-

нены отношениями, аналогичными паратаксису (парадигмы дополняют друг друга в составе гиперпарадигм, образуя открытый образно – понятийный ряд), видимо, обладают меньшей глубиной по сравнению с текстами, парадигмы которых объединены отношениями, аналогичными гипотаксису.

Связь парадигм в тексте может осуществляться на языковом (лексические и грамматические связи) и на мыслительном уровнях (ассоциативные и логические связи), а также на обоих уровнях одновременно. Тексты, связь парадигм которых осуществляется на мыслительном уровне, обладают большей глубиной.

Список литературы

1. Шпенглер О. Закат Европы. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. 1376 с.
2. Мюллер М. и др. Языки как образ мира. СПб.: Terra Fantastica, 2003. 568с

ДК 81'276.6
ББК 81.0

Е. И. Хабирова
г. Челябинск (Россия)

Метафора как когнитивный механизм образования фразеологических единиц в языке профессиональной коммуникации

В статье рассматривается метафора как ключевой когнитивный механизм образования фразеологических единиц в языке профессиональной коммуникации. При помощи метафоры абстрактные или сложные, труднодоступные для восприятия и осмысления объекты осмысливаются через известные, конкретные предметы и явления.

Ключевые слова: *когнитивная метафора, профессионально маркированные фразеологические единицы, пространство-источник, пространство-цель.*

E. I. Khabirova
Chelyabinsk (Russia)

Metaphor as a cognitive mechanism of formation of phraseological units in the language of professional communication

The article considers metaphor as a key cognitive mechanism of formation of phraseological unit in the language of professional communication. By means of metaphor abstract and complex, difficult for perception and understanding, objects are realised through common, particular things and phenomena.

Key words: *cognitive metaphor, professionally marked phraseological units, source domain, target domain.*

Для обеспечения взаимопонимания представители определенного профессионально-корпоративного социума используют разнообразные языковые средства, совокупность которых представляет собой язык профессиональной коммуникации. Результаты восприятия и познания действительности, полученные в деятельности специалистов, находят отражение в единицах профессиональной коммуникации. Сложные с точки зрения познания, внеположенные объекты и явления профессиональной деятельности, которые не могут быть обозначены однословным наименованием, отражаются в профессионально маркированных фразеологических единицах (далее ПМФЕ).

Ключевым механизмом образования фразеологических единиц (далее ФЕ) в языке профессиональной коммуникации является метафора. Как отмечает О. К. Банкова, в основе метафор лежит внешнее или функциональное сходство, наиболее релевантное для сущностной характеристики технического объекта. При этом основная роль в процессе фразеологической номинации технических объектов и явлений отводится яркости и наглядности отображаемых признаков [3, с. 8–9].

А. В. Кунин определяет метафорическое переосмысление как «перенос наименования с одного денотата на другой, ассоциируемый с ним, на основе реального или воображаемого сходства» [6, с. 143].

Дж. Карбонелл, исследуя метафорический перенос, доказал, что он является когнитивной моделью, позволяющей сформулировать принципы отбора переносимых характеристик в виде последовательной иерархии инвариантностей [1].

Метафора – средство концептуализации, позволяющее осмыслить ту или иную область действительности в терминах понятийных структур, изначально сложившихся на базе опыта, полученного в других областях. Когнитивная метафора нацелена на формирование нового понятия с целью получения нового знания посредством сопоставления и последующего взаимодействия несмежных понятийных полей [8, с. 380].

Наиболее полное и подробное толкование термина «когнитивная метафора» приводится в «Кратком словаре когнитивных терминов» в статье Л. Г. Лузиной: «Когнитивная метафора (син. концептуальная метафора; *cognitive / conceptual metaphor*) – одна из форм концептуализации, когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания <...>. По своему источнику когнитивная метафора отвечает способности человека улавливать и создавать сходство между разными индивидами к классам объектов». При наиболее общем подходе метафора рассматривается как видение одного объекта через другой и в этом смысле является одним из способов репрезентации знания в языковой форме [5, с. 55].

Возникновение метафоры или придание нового метафорического значения ранее существовавшему образному выражению происходит с помощью комплекса определенных когнитивных операций со знанием, в результате которых формируется фактически новое или модифицированное ментальное пространство, возникающее, а в последующем и закрепляющееся, благодаря частичному заимствованию структур из различных концептуальных областей [2].

Процессы переноса знаний (информации) от одних структурированных областей знания к другим играют главную роль в процессе концептуализации. Новые знания основываются на предыдущем опыте, причем некоторые его аспекты сохраняются в новом качестве, а некоторые вообще игнорируются. Метафоризация происходит в результате когнитивных процессов, когда осмысливаются и структурируются не только отдельные образы, но и целые ситуации. Признаки, свойства, характеризующие первоначальное понимание ситуации, приобретают совершенно иной смысл. Это влечет за собой новое видение ситуации.

В нашем исследовании мы отталкиваемся от понимания метафоры как когнитивного механизма, при помощи которого абстрактные или сложные, труднодоступные для восприятия и осмысления объекты осмысливаются через известные, конкретные предметы и явления. Мы рассматриваем когнитивную метафору как один из фундаментальных приемов познания и концептуализации действительности. У метафоры по сравнению с метонимией большая свобода выбора признаков, которые отбираются сознанием специалиста при отождествлении объектов. В языке профессиональной коммуникации переосмысление по метафорическому принципу оказывается наиболее продуктивным, т. к. метафора предполагает целостное восприятие сложных объектов, в результате которого объективируется комплексная информация о профессиональных объектах, воспринятых номинатором в их нерасчлененной целостности.

Согласно Дж. Лакоффу, в метафорическом структурировании участвуют две концептуальные области: область-источник (*source*) и область-мишень (*target*) [7, с. 9]. Процесс метафоризации рассматривается здесь как процесс передачи или переноса знаний из области источника (*source domain*) в область цели (*target domain*). Область источника – это структура знаний, являющаяся основой для когнитивного отображения (переноса *mapping*) в процессе формирования метафоры. Область цели – это структура знаний, являющаяся конечным пунктом когнитивного отображения в процессе формирования метафоры. Сущность метафоризации заключается в отображении когнитивного пространства источника в когнитивном пространстве цели, или фрейма модели во фрейме объекта [4, с. 72].

Так, например, в речи профессиональных фотографов функционирует ПМФЕ *горячий баши-мак* (из англ. «*hotshoe*») – «контактное устройство для подключения электронной фотовспышки к фотоаппарату» [http://club.foto.ru/info/glossary/?cat_id=0&letter=H]. Метафора «башимак» применительно к фототехнике обозначает специальное приспособление, предназначенное для присоединения к фотокамере различных фотографических принадлежностей. «Горячим» он называется потому, что оснащен электрическими контактами, соответствующими контактам на

«баишмаке» вспышки и обеспечивающими ее включение при нажатии спусковой кнопки затвора. Когнитивная модель пространства-источника «горячий» переносится в пространство-цель «электрический». В данном случае обыденное знание, объективированное в общеупотребительном слове «горячий», накладывается на профессиональное знание (наличие электрических контактов в устройстве) при переносе ассоциативных признаков с одного объекта на другой. Противоположными характеристиками обладает *холодный баишмак* (из англ. «coldshoe»), который представляет собой «механическое крепление к фотокамере» (без электрических контактов).

Изучение когнитивных механизмов образования ФЕ в языке профессиональной коммуникации позволяет выявить закономерности фразеологической номинации как особого способа объективации обыденного и профессионального знания в языковых единицах.

Список литературы

1. Carbonell J. Towards a computational model of metaphor in commonsense reasoning // Cultural models in language and thought. Cambridge, 1988.
2. Turner M., Fauconnier G. Conceptual Integration Networks. Cognitive Science, 1998. 22 (2). P. 133–187.
3. Банкова О. К. Терминологическое значение в английской фразеологии (проблемы формирования и функционирования): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1989. 23 с.
4. Дудецкая С. Г. Метафоризация как способ терминообразования: на материале английской терминологии черепно-челюстно-лицевой хирургии и стоматологии: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 240 с.
5. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общей ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996.
6. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна, 1996. 381 с.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 1990. 256 с.
8. Мак Кормак Э. Когнитивная теория метафоры. М., 1990. 424 с.

УДК 801
ББК 81.0

Н. Н. Шукуров
г. Навои (Узбекистан)

Интерпретация концептов «жизнь» и «смерть»

Статья посвящена описанию структуры концептов «жизнь», «смерть» в текстах. Предпринята попытка выделения ценностного уровня данных концептуальных образований. Описываются идеологемы, формирующие ценностные доминанты культуры.

Ключевые слова: *жизнь, смерть, идеологема, метафора, интерпретация, рок-текст, рок-культура.*

N. N. Shukurov
Navoi (Uzbekistan)

Interpretation of the concepts “life” and “death”

The article deals with the description of concepts “life” and “death” in rock-texts. The value level of the given concepts are pointed out. The author describes the ideologems, forming value dominants of rock-culture.

Key words: *concept, life, death, ideology, metaphor, interpretation, rock the text, the rock culture.*

Эпоха антропоцентризма, повлекшая за собой попытки осмысления взаимоотношения языка и мышления в новой концептуальной парадигме, стимулировала особый интерес к изучению ключевых концептов культуры, исследование которых дает возможность выявить те аспекты национально-языкового сознания, которые не лежат на поверхности, но играют значительную роль как во внутриязыковой, так и межкультурной коммуникации.

Этап внутрикультурной селекции, результатом которого является разграничение ключевых и оперативных концептов культуры, позволяет установить внутреннюю иерархию в коцептосферах соответствующих языков. Категория экзистенциональности включает оппозиционную пару «жизнь» – «смерть», оппозитивы имеют разные коннотационные семантические поля, что находит отражение и в системе лексико-фразеологической номинации.

Исследование конкретно эмпирического материала включает результаты изучения лексико-графических источников и ассоциативного эксперимента, что дает возможность сопоставить понятийные, ценностные и образные слои в структуре данных концептов. Универсальность явления определила совпадение ряда семантических и ассоциативных связей в сопоставляемых языках, а также близость шлейфа значений, порожденных данными концептами. Наряду с универсальными (тенденция табуирования понятия «смерть» и ее замена различными синонимами, широкая стилистическая палитра, отражающая аксиологическую значимость данных концептов в системе соответствующих культур и др.) характеристиками в работе анализируются национально-специфические формы отражения понятийного значения указанных концептов.

Под термином «социальное представление» принято понимать сеть понятий, утверждений и объяснений, рождающихся в повседневной жизни в ходе межличностной коммуникации. Согласно теории социального конструирования реальности, субъективная реальность всегда зависит от специфического социального базиса и требуемых для ее поддержания процессов; следовательно, индивидуальные представления о жизни и смерти, всегда лежащие в области субъективной реальности, определяются не только личностными особенностями человека, но и специфическими эмоциональными, логическими и концептуальными особенностями культуры, в которой он находится. Наиболее важным средством поддержания социальной реальности является язык как средство коммуникации, который формирует языковую картину мира для каждого человека. Это представление включает в себя не только реальную структуру мира, но и определенные традиции, ценности и нормы конкретной культуры, которой этот язык принадлежит.

В целях выявления национальных особенностей узбекской и русской культур сравниваются результаты исследования социальных представлений о жизни и смерти на основе свободного ассоциативного эксперимента. Испытуемым нужно было дать десять ассоциаций на слова стимулы: для русских студентов мы использовали концепты «смерть» и «жизнь», для узбекских студентов – “ўлим” ва “хаёт”. Респонденты не были ограничены в выборе возможных ассоциаций. На основании особенностей структуры социальных представлений были выявлены семантические поля и семантические ядра в русской и узбекской культурах.

Надо сказать, что такой эксперимент является одним из наиболее эффективных способов изучения языка, сознания и его национальной культурой специфики, поскольку он позволяет выявить особенности образа мира, присущего представителям данных этнических групп. Основным преимуществом ассоциативного эксперимента является его простота и легкость использования, так как он может проводиться с большой группой субъектов одновременно. Сравнительный анализ социальных представлений двух групп испытуемых позволил нам выявить сходства и различия в языковой картине мира представителей российской и узбекской культур, которая детерминруется особенностями традиции, ценностей и норм этих культур, что подсознательно влияет на поведение и отношение представителей разных культур к миру.

Интерпретационное поле, в составе которого вычленяется ряд отдельных зон, представляет собой «совокупность когнитивных признаков, так или иначе интерпретирующих образ, информационный минимум и энциклопедическое содержание концепта» [1, с. 126].

Интерпретационную зону концептов «жизнь», «смерть» составляют представления, отражающие характер осмысления данных образований в рок-текстах. Ядерными составляющими компонентами интерпретационного поля анализируемых концептов являются образная и ценностная зоны. Образный компонент формируют когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании. Его составляют все наивные представления, закрепленные в языке, внутренние формы слов, устойчивые мыслительные картинки, звуковые образы и т. д.

Ценностный компонент выявляет значимость данного образования в языковой картине мира. Среди всех трёх компонентов он является основополагающим, поскольку именно благодаря ценностной стороне концепта вскрываются наиболее существенные для данной культуры смыслы,

ценностные доминанты, совокупность которых образует определённый тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке. Данные уровни взаимосвязаны, так как отражают характер осмысления выделяемых единиц в рок-культуре. Но, если образный уровень интерпретационной зоны формируют метафорические образования, поддерживающие концепт в языковом сознании, то ценностный уровень формируют смыслы, раскрывающие именно ценностную сторону анализируемых образований.

Ценностный уровень, во многом основанный на образной составляющей, составляет совокупность ценностных доминант, образующих тип рок-культуры. Смысловым наполнением ценностного уровня являются прежде всего идеологические установки, ценностные доминанты, раскрывающие особенности мировоззрения рок-поэтов.

На наш взгляд, ядерными ценностными доминантами рок-культуры, раскрывающими характер восприятия жизни и смерти, являются следующие идеологические установки: переосмысление национальной составляющей концептов «жизнь», «смерть»; преобладание мотива самоубийства; доминирование категорий абсурдности и безумия мира; выражение агрессивного отношения к мироустройству в целом; восприятие предопределённости жизни и смерти; переосмысление христианских догматов восприятия жизни и смерти.

Список литературы

1. Попова З. Д. Моделирование содержания концепта (когнитивная интерпретация результатов лингвистических исследований // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: сб. научных трудов. М., 2007. С. 322–330.

II. ЯЗЫК СОВРЕМЕННОГО МЕДИА И ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА

УДК 81' 383:811.111.

ББК 81.001.1

Б 12

Е. В. Бабенко
г. Киев (Украина)

Коммуникативные жанры виртуального дискурса: язык блогосферы

В статье рассмотрено содержание понятия «виртуальный дискурс», его структурно-стилистические особенности, выделены характерные черты дискурса, проанализирована его жанровая специфика. Материалом исследования послужили дневниковые, новостные, творческие блоги и блоги-хелперы англоязычной социальной сети MySpace.

Ключевые слова: *виртуальный дискурс, социальная сеть, блог, структурные особенности, стилистические приёмы.*

Е. V. Babenko
Kyiv (Ukraine)

Communicative genres of virtual discourse: a language of blogosphere

The article deals with the concept of “virtual discourse” and its structural and stylistic features, highlights the characteristics of discourse, analyzes its genre classification. The research is based on the data of the English social net MySpace (diary, news blogs and creative blogs, blog-helpers).

Key words: *virtual discourse, social network, blog, structural features, stylistic devices.*

Новые информационные технологии, получившие бурное развитие в конце прошлого века, способствовали развитию самобытных коммуникативных жанров, основной языковой чертой которых является синтез письменной и устной речи. Как отмечает Н. Б. Мечковская, в истории письменности еще не было такого массового потока натуральной речи, записанного («застолбленного», как бы остановленного буквами) и представленного на столь широкое обозрение [3, с. 441]. Интернет-общение привело к нейтрализации самой глубокой оппозиции типов речи – устной и письменной – и создало особый тип коммуникации – виртуальный дискурс.

Виртуальная реальность предоставляет нам возможность различных способов общения: форумы, чаты, блоги, твиттеры, сетевые конференции, гостевая книга и другие. Современная лингвистика интересуется тем, о чем говорят люди и как они говорят. Несмотря на достаточно большой интерес к данной теме, она изучена и освещена недостаточно.

Исследованием виртуального дискурса занимались такие ученые, как Тён ван Дейк, Т. М. Фуко, З. Хэррис и многие другие. Среди современных исследователей можно выделить Н. Д. Арутюнову, В. И. Карасика, М. Галичкину, О. В. Лутовинову, Д. В. Галкина, Л. Ю. Иванова, В. Ю. Нестерова, Т. М. Каменскую, С. А. Матвееву.

Цель данной статьи – рассмотреть структурно-стилистические особенности виртуального дискурса англоязычной социальной сети MySpace на примерах блогов.

Как отмечает Н. Д. Арутюнова, дискурс – это язык, погруженный в жизнь. Поэтому термин «дискурс», в отличие от «термина» текст, не применяют к древним или другим текстам, у которых нет непосредственной связи с действительностью. Понятие текста связано с отрезком языка как продуктом коммуникации [1, с. 136].

Как утверждает О. В. Лутовинова, виртуальный дискурс представляет собой текст, погруженный в ситуацию общения в виртуальной реальности, которая обладает следующими основными

свойствами (порожденность, актуальность, автономность, интерактивность, погруженность) и является видом символической реальности, созданной на основе компьютерной и некомпьютерной техники и реализующей принцип обратной связи [2, с. 5].

Широко в современной лингвистике известно определение, в котором виртуальный дискурс рассматривается как совокупность текстов, объединенных архитектоникой «Интернет» и реализованных в искусственно созданном коммуникативном пространстве, которое предусматривает дистанционное интерактивное общение виртуальных коммуникантов.

По мнению А. М. Марценюк, виртуальный дискурс обладает всем разнообразием функциональных целей, присущих дискурсу реальному. Для него характерны учебные, социализирующие, коммуникативные, игровые, психотерапевтические, манипуляционные цели. Однако, в качестве основных следует выделить третичную социализацию, сетевую инкультурацию, самопрезентацию и развлечение.

Для виртуального дискурса характерно отсутствие реальной статусной и возрастной градации.

Проанализировав работы вышеупомянутых ученых, выделяем следующие характерные черты виртуального, или компьютерного дискурса: 1) наличие электронного канала передачи; 2) опосредованность; 3) гипертекстуальность; 4) дистантность; 5) виртуальность; 6) креолизованность; 7) креативность участников; 8) анонимность участников; 9) передача эмоций и других невербальных средств при помощи «смайликов»; 10) жанровая неоднородность; 11) типичная неоднородность; 12) компьютерная этика и этикет.

К жанрам виртуального дискурса относятся электронное письмо (e-mail), форум и гостевая книга, чат, блог, жанр мгновенных сообщений, ролевая игра онлайн, твиттеры, СМС, социальные сети [4, с. 51].

MySpace – англоязычная социальная сеть, основанная в 2003 году Томасом Андерсом и Крисом Девульфом. Рассмотрим один из жанров виртуального дискурса – блоги.

Блогосфера – термин, построенный аналогично термину «ноосфера» и ему подобным, обозначающий совокупность блогов как сообщество или социальную сеть. По последним данным сегодня в мире существуют десятки миллионов блогов. Блог – это публичный сетевой дневник с комментариями. Обычный дневник мало кому показывают. Блог является открытым для чтения, более того, читатели могут оставлять там свои комментарии. Отличия блога от традиционного дневника обуславливаются средой: блоги обычно публичны и предполагают сторонних читателей, которые могут вступать в публичную полемику с автором (в комментариях к блогзаписе или в своих блогах). Характерными чертами блога являются: авторский контекст, коммуникативность, хронология, социальность.

Проанализируем структурно-стилистические особенности четырех типов блогов социальной сети MySpace. Нас интересуют дневниковые, новостные, блоги-хелперы и творческие блоги.

Дневниковый блог – это обычный дневник, в котором автор описывает ежедневные дела, мысли, события своего дня. Он может быть как регулярным, так и нерегулярным.

Блог-хелпер – это блог, который содержит полезные материалы в виде «вопрос-ответ», тематических статей.

Новостной блог – это отдельный вид блогов, который специализируется исключительно на новостях различных информационных агентств.

Творческий блог – это блог, в котором автор делится своим творчеством, здесь можно увидеть тексты, графику, фотографии, видео. Выложенный контент представляет собой полноценные произведения или их наброски.

Пример 1. (Творческий блог) [5].

Author, Allison Frederick

The Trouble with Role Models

When thinking of success many people turn to role models. How has someone else done what you want to do before? The danger with role models is that we often pick them because of their results. We may look at women's success like Jackie Joyner Kersey's athleticism, Katherine Hepburn's portfolio of movies, or Beatrix Potter's generational tale of Peter Rabbit and see them only for what they produced...

I believe our brains develop a false sense of just how long it takes to create something successful.

Before J. K. Rowling became a smashing success with Harry Potter, another Englishwoman, Beatrix Potter, drew similar fame and generated another literary legacy with her Peter Rabbit books.

I've always been under the impression that Beatrix Potter was a strong, forthright woman. Perhaps Renée Zellweger's bright, solid portrayal of Beatrix in the 2006 movie, Miss Potter, plays in my mind as I read an old biography on Beatrix Potter entitled "The Tale of Beatrix Potter" (1946).

Таблица 1

<i>Examples</i>	<i>Stylistic devices & expressive means</i>
role models (образцы для подражания)	collocation
brains develop a false sense мозг дает (развивает) ложное ощущение)	metaphor
a smashing success (сокрушительный успех)	epithet
drew similar fame (начертила в истории похожую славу)	metaphor
literary legacy (литературное наследие)	collocation
forth right woman (прямолинейная женщина)	epithet
solid portrayal(убедительный образ)	epithet

Структура блога: приветствие, архивы, информация о писателе, сайты, темы. Тема блога связана с положением женщин в обществе и их успехом. Пользователи блога могут получить удовольствие от просмотра видео. Стилистические средства – эпитеты, метафора.

Пример 2 (Блог-хелпер) [6].

Author – Mike

Tips for Your Younger Self!

In January, we asked you what advice you'd give your younger self as part of our regular. We Ask, You Answer.

There was plenty of great advice – and a lot of catharsis, it seemed – and we've collected some of the best tips for you here.

1. Don't worry about the future.
2. Follow your passion, even if it does not pay very well. If you are good at what you do and love your career choice – the money will eventually follow.
3. Now is the time to establish good habits for life in every area; they might take a lot of hard work to form, but it's worth the effort and missed television.
4. Listen more, listen better, pay attention and remember! Many people have been there and done that and can save you some headaches – but only if you listen.

В плане своей структуры блог включает презентацию, фото, тематические рубрики.

Автор блога использует разговорную лексику и выражения (tips), сокращения: we've, don't. Выбор слов создает приятную атмосферу для общения, реалистично отражает язык молодых людей.

Проанализировав четыре типа блогов, мы делаем вывод, что структура блогов, рубрики в каждом случае индивидуальны, в упрощенном варианте главная страница любого блога включает: header, main content, footer, side bar.

В плане стилистических особенностей новостные блоги относятся к публицистическому стилю. Главная функция таких блогов – информировать и инструктировать читателей. Для них характерны аббревиатуры и сокращения. Дневниковые блоги и блоги-хелперы относятся к разговорному стилю. Фразовые глаголы, сокращенные формы и разговорную лексику следует выделить именно здесь. В свою очередь творческие блоги относятся к художественному стилю. Для них характерны метафоры, эпитеты, сравнения. Группа творческих блогов – одна из наиболее интересных. Здесь можно найти стихи, фотографии, видео ролики.

В настоящее время в интернет-пространстве сложился и продолжает формироваться особый коммуникационный сегмент, обладающий характерными лингвистическими и экстралингвистическими особенностями, определяющими его уникальность. Виртуальный дискурс занимает свою нишу в языковом континууме, он тесно привязан ко времени, стремится к максимальной новизне, новые события осмысливаются и получают различные интерпретации. Поэтому виртуальный дискурс – хорошая среда для рождения новых идей и воплощения их в жизнь, что и определяет актуальность дальнейших многоаспектных и междисциплинарных исследований.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
2. Лутовинаова О. В. Лингвокультурологические особенности виртуального дискурса: автореф. дисс. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19 Теория языка. М., 2009. 39 с.
3. Мечковская Н. Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета. М.: Наука, 2009. 584 с.
4. Михайлов С. Н. Жанровая специфика электронной коммуникации // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2004 г.): труды и материалы / составители М. Л. Ремнёва, О. В. Дедова, А. А. Поликарпов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 405.
5. <http://famiss.blogspot.com/> (дата обращения: 25.05. 2014).
6. <http://blogs.myspace.com/index.cfm?fuseaction=blog> (дата обращения: 25.05. 2014).

УДК 378:004

ББК 32.973.202+88.4

А. А. Багаутдинов, А. М. Сагдатуллин
г. Альметьевск (Россия)

Мультимедийный журнал и межкультурная коммуникация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с интеграцией науки и практики, разных культурных миров и мировоззрений. В работе дается обзорное описание видения авторами особенностей современной коммуникации с учетом использования мультимедийных технологий. Дается общее описание сетевого мультимедийного проекта одного из авторов.

Ключевые слова: *коммуникация, интеграция, мультимедийные технологии, научные исследования и технологии.*

Albert A. Bagautdinov, Artur M. Sagdatullin
Almetyevsk (Russia)

Multimedia journal and intercultural communication

In the article problems of science and practice relation are given in the connection with different cultural points of view and world outlooks. There is a brief description of authors point of view on present-day communication and its` relations with multimedia technologies in the article. There are also some facts about the internet multimedia project of one author.

Key words: *communication, integration, multimedia technologies, "Research Science and Technology" (RST).*

Существующий в настоящее время тип общества нередко называется информационным обществом ввиду широкого распространения компьютерной техники и информационных технологий. Вместе с тем наблюдается процесс виртуализации социокультурного пространства с его «удвоением» в электронной сети. Образование, в целом ряд сфер общества, особенно – производственно-экономическая, все активнее вовлекаются в виртуальную реальность.

Человек – это существо общественное, творческое. Понятие «общественное», взятое для его характеристики в качестве основополагающего обозначает необходимость для человека быть в обществе, необходимость общения. Творчество – это деятельность человека по созданию нового, которая может не преследовать прагматических целей и не быть направленной на какой-либо определенный результат. Вышеуказанные характеристики с диалектически противоположными им очень активно проявляются в сфере мультимедийных технологий, в коммуникационных сетях.

Современный человек – существо очень занятое и катастрофически не успевающее сделать очень много из того, что он бы хотел сделать. Помножим эту особенную черту на жизнь в большом городе, значительная часть которой проходит в дороге с работы домой, из дома на учебу, от

знакомых и магазинов, и мы получим очень «благодатный» фон для развития электронных коммуникаций, цифровых «умных помощников» «виртуального» общения.

подавляющее число современных молодых людей практически «с пеленок» на «ты» с разнообразными «умными машинами» и проводит большое время в Интернете, общаясь, работая, отдыхая. Если рассматривать Интернет с точки зрения коммуникационной составляющей, то, по сути, сам Интернет – большая социокультурная коммуникационная сеть. Виртуальный социум в современных сетях начинает моделировать реальный [1].

Потенциально Интернет – реальность с поликультурной коммуникацией. При серьезном и обстоятельном подходе работе в Интернете человек вступает в межкультурную коммуникацию. Подобное же утверждение можно сделать и относительно любого мультимедийного проекта, в котором участвует человек, если культуры толковать расширительно. Современная нам реальность также подтверждает, что любой проект, любая организация материала в Интернете – это поликультурный проект.

Проект одного из авторов, обозначенный как журнал “Research Science and Technology” (RST) является поликультурным по своему замыслу и его конкретному воплощению. Один из авторов – инженер по образованию, занимающийся разработкой проблем автоматизации нефтяных производств и вопросами виртуалистики. Как и в академической науке, чтобы писать в журнал и его читать, нужно знание английского языка, т. к. присутствуют материалы на английском. При написании / ознакомлении с проблемой человек нередко берет актуальную информацию из «мировой паутины», в которой актуально представленная информация, как правило, присутствует на английском языке [2].

Список литературы

1. Выгонский С. Н. Обратная сторона Интернета: психология работы с компьютером и сетью. Ростов н / Д: Феникс, 2010. 316 с.
2. Сагдатуллин А. М., Шайдуллина А. Р. Сотрудничество образования и производства на основе информационных технологий // Ученые записки Альметьевского гос. нефтяного института. Том XII. Ч. 2 / гл. ред. А. А. Емекеев. Альметьевск: АГНИ, 2014. С. 131–136.

УДК 811 + 002. 703.0
ББК 80 + 76.120.8

И. В. Ерофеева
г. Чита (Россия)

Языковые доминанты современного медиатекста

В статье дана характеристика логосфере современных СМИ, выявлены основные ее черты, доминирующие языковые технологии. Показана взаимосвязь между языковой системой массмедиа, национальной моделью мира и картиной мира адресата. Создатели современного медиатекста, ориентированные на удовлетворение интересов и потребностей аудитории, выстраивают двухуровневый диалог: апелляция к чувствам и обращение к интеллекту потенциального потребителя. В процессе реализации диалоговых практик и выбора соответствующих языковых ресурсов формируется специфическая виртуальная модель мира, которую отличает гиперэмотивность, внутренний драматизм, речевая демократизация общения, редукционизм, ассоциативность, интертекстуальность.

Ключевые слова: *современный медиатекст, языковые доминанты, гиперэмотивность, редукционизм, ассоциативность, интертекстуальность.*

I. V. Erofeeva
Chita (Russia)

Linguistic dominants in modern media text

The article deals with the logosphere of modern mass media. The main characteristic features and dominant language technologies are distinguished. The interaction between the language system of mass media, the national world model and the picture of the addressee world are described. The creators of

modern media text oriented to the interests and needs of the audience make up a two-level dialogue: appeal to the feelings and address to the intelligence of a potential consumer. In the course of realization of the dialogue practices and due to the choice of the corresponding language resources a specific virtual world model is formed which is characterized by hyperemotional breadth, inner dramatic nature, speech democratization of communication, reductionism, associativeness and intercontextuality.

Key words: *modern media text, linguistic dominants, hyperemotional breadth, reductionism, associativeness, intercontextuality.*

Язык – основа индивидуального и национального бытия, позиционирующая своеобразие физического, духовного и социального в человеке. Язык средств массовой информации – живая и динамичная субстанция, особенно чувствительная к новым идеологическим веяниям, духовным переменам и модным тенденциям в той или иной общественной структуре. Именно в языке СМИ, как сквозь прозрачное увеличительное стекло, можно наблюдать обновление и модернизацию традиций, интерпретацию концептуальных моделей национального мировидения относительно конкретного историко-социального бытия общества.

Логосфера современных средств массовой информации представляет собой не столько пространство естественного функционирования языка, сколько лабораторию апробирования многочисленных языковых технологий, за которой стоят корпоративные интересы и политические приоритеты. Современный медиадискурс использует язык в качестве инструмента политической и социальной коммуникации.

Современный медиатекст – текст креолизованный, состоящий из двух негомогенных частей: вербальной и невербальной коммуникации. В виду специфики восприятия современного потребителя вербальные ресурсы активно оснащаются разнообразными иконическими средствами. Аудитория предпочитает картинку слову и вербальной коммуникации доверяет значительно меньше, чем метакоммуникативным деталям. В сложившейся ситуации языковая личность автора медиатекста находится в постоянном творческом поиске, в атмосфере стимуляции вербальных открытий и откровений. Шаблоны и штампы, некогда выступающие обязательным строительным элементом новостных текстов, сегодня становятся нечитабельным материалом – неинтересным, непродаемым. В результате уровень языкового потенциала варьируется не только относительно формата СМИ (качественные и таблоидные), но и относительно канала коммуникации. Печать («из последних сил») остается полем реализации более или менее качественного продукта. Электронные СМИ, особенно телевидение, предпочитают разговорную, легкую и неприужденную канву медиаобщения.

В эпоху рынка средства массовой информации стремятся к реализации, в первую очередь, диалоговых стратегий в общении с аудиторией. Имитация диалога разворачивается в двух направлениях: апелляция к чувствам аудитории и обращение к разуму потребителя массмедиа. Чувственная – сенсорная стратегия занимает больший объем информационного пространства, субъекты которого испытывают горячее стремление любыми способами войти в коммуникацию. Современный метатекст СМИ до предела насыщен фатикой – речью, рассчитанной на активное восприятие. Главным в процессе выстраивания диалога становится получение удовольствия от общения, а не информирование собеседника. Структурно-содержательные элементы жанра репортажа растекаются по общему тексту СМИ, заполняя собой другие жанры: от новости до очерка и эссе. «Эффект присутствия» перерастает в универсальный закон медиаповествования. Канву медиатекста образуют элементы драматизма, «поток сознания» – личные, непосредственные переживания, вербализированные от первого лица, в настоящем времени, с использованием прямой речи героев, монолога самого журналиста (например, стенд-ап как обязательный элемент телерепортажа, путевого очерка, журналистского расследования и т. д.) [подробнее см.: 13].

Современный медиатекст базируется на ярком и экспрессивном стиле изложения материала. Многие исследователи констатируют демократизацию речевой культуры: разговорная речь в публичной сфере средств информации поднимается на ранее недоступные ей уровни [3]. Гиперчувственность медиапроизведения провоцирует выбор эмотивной лексики, способной вызвать соответствующую реакцию аудитории. Авторы тяготеют к фразам, «доступным бедным» (М. Зошенко). Известно, что система суггестивных – привлекающих внимания – знаков отлича-

ется доходчивостью, простотой и экспрессией. Низовая лексика, жаргонизмы и арготизмы, популярные в СМИ (особенно в многочисленных ток-шоу и реалити-проектах) как нельзя лучше отвечают этим требованиям. Языковая эпатажность перерастает в модный тренд.

Начиная с постперестроечного периода криминальная медиатопика прочно вписывается в информационный контент, и сегодня мы наблюдаем легализацию речевой агрессии, под которой подразумевается специфическая форма речевого поведения, мотивированная агрессивным состоянием говорящего. Использование подобной лексики преследует, как минимум, две цели: привлечение внимания потребителя (ненаправленная агрессия) и дискредитация политического или коммерческого противника (направленная агрессия). При любом из указанных вариантов акцентуация внимания биологически гарантирована ввиду стимуляции агрессивного инстинкта человека. Вербальная агрессия может быть выражена в открытом призыве адресата к агрессивным действиям (*бей, накажи, надо бы повесить*), а также в скрытой форме, способствующей актуализации агрессивного состояния (описание убийства, насилия и т. д.).

Эмотивное содержание логосферы поддерживается также за счет системы образов, активно представленных в пространстве СМИ. Известно, что «масса думает образами» (З. Фрейд), следовательно, эффективный диалог возможен в системе образных координат. Сила образа заключена в его многогранности – способности передавать больше чем одну мысль, выстраивать порой параллельные коммуникативные связи с разным адресатом. Имплицитно отражая вкус автора, образ способен пробуждать внимание аудитории, вовлекать её в активное взаимодействие, вызывать некую ответную реакцию на образный стержень медиатекста: «Жизнь – дорога» (Эффект. 2014. 20 августа); «Затишье перед бурей. Через Керченскую переправу нужно перевезти еще 23 тысячи машин» (Комсомольская правда. 2014. 26 августа); «Мир спектакля и лицемерия» – о событиях в Европе и Украине (Аргументы и факты. 2014. 28 августа). Эффективность такой имманентной для человека техники обусловлена механизмом «сцепки», когда актуализация одного из образов влечет за собой пробуждение других гештальтов, что позволяет представить и лучше понять проблему или ситуацию.

В процессе кристаллизации ассоциативного ряда происходит перенос положительных или отрицательных эмоций с одного объекта на другой, рожденный коннотативно емкий образ не столько убеждает, сколько обольщает. Так, в дискурсе массмедиа активно используются вербальные средства сенсорного и интерсенсорного воздействия, иницирующие определенные запахи, звуки, вкусовые и кинестетические ощущения. Особенно ярко данный процесс с использованием метафор и метонимий протекает в рекламе: «Мой шелковый шоколад» (Dove); «Наслаждайся ощущением атласной кожи день за днем» (Гарньер); «Naturella. Почувствуй заботу природы»; «Вкус страсти сладкий и сочный» (Orbit); «Ambipur воздушный. Дышите свежим воздухом» и т. д.

В эпоху рынка медиаобразы иногда перерастают в гаджеты – «ненужная, но украшающая и радующая безделушка» – в обобщенное отражение реалий, в живое, наглядное представление лиц и событий, которые вряд ли являются полноценным информационным поводом, обогащающим картину мира аудитории: «Жена эстонского президента пустилась во все тяжкие» (Комсомольская правда. 2014. 26 августа); «Дочь Ренаты Литвиновой все больше становится похожа на маму» (Комсомольская правда. 2014. август).

Второй уровень диалоговых взаимоотношений СМИ с аудиторией протекает в сфере апелляции к интеллекту / сознанию человека. Медиаобщение является не просто процессом обмена информацией, это акт её осознания, формирования новых интерпретаций, усвоения новых смыслов. В публичной коммуникации идет активный поиск неизведанного, которое рождается в диалоге со старым. Одни и те же события, явления и артефакты наполняют информационное пространство. Интертекстуальность и прецедентность, цитатное письмо демонстрируют доминирующую тенденцию массмедиа эпохи постмодерна: «Скупой заплатит дважды»; «Таланты по осени считают»; «Он улетел и не обещал вернуться» (Эффект. 2014. 20 августа, с. 8, 10, 19).

В современном медиапроизведении возрастает роль приёма в обработке информации. Профессионально написанный текст изобилует технологиями привлечения внимания и воздействия на психику потребителя: правила создания заголовка, длина предложений, определённый лексический состав, искусный монтаж текста и др. Основная функция слова – суггесторная. В эпоху информационных войн в сферу целевых установок логосферы СМИ включена задача воз-

действия не только на сознание, но и на бессознательное коммуниканта, в результате информационные потоки всё более кодируются и усложняются дополнительным технологическим инструментарием.

Один из основных законов конструирования медиапроизведения – «правило упрощения» – позволяет быть тексту прозрачным и адекватным потребностям среднестатистического потребителя, который, как правило, стремится избежать когнитивно-сложные ситуации. Данный тезис был обоснован известным ученым У. Липпманом в 20-е г. прошлого века. Современная журналистика, согласно «правилу упрощения», декларирует жесткие содержательно-стилистические ограничения в создании произведения (длина слов, глубина высказывания и др.), которые бы соответствовали коэффициенту интеллекта ниже среднего (А. Моль). Практически беспроярванным вариантом в подобных условиях текстообразования становится медиатопика примитивного (биологического) человеческого фактора: деньги, тело, еда, комфорт и др.

Но одна из ключевых проблем логосферы СМИ – обилие лексики с отсутствием исконно русских корней, аккумулирующих национальную аксиологию. С. Кара-Мурза называет слова, лишенные русского корня, – амёбами [1, с. 85]. Амёбные формы (*киллер, ваучер, электорат, дайджест, трани, бартер, модем, маркет, бестселлер, тренд* и др.), привлекая внимание русского человека своей необычностью, не вызывают осознанной реакции. Языковое сознание формируется значением слов национального языка. Именно в корневой системе кристаллизуется народная философия, которая в благоприятных социально-политических условиях передается от поколения к поколению, что дает возможность лингвистам выделить кумулятивную функцию языка, обеспечивающую накопление и сохранение вербализованного опыта духовной и физической жизни нации. Но природа языка такова, что он способен не только транслировать исконные идеи, но и в определенных искусственно созданных условиях навязывать чуждый образ мышления. Именно поэтому в теории информационно-психологической войны формулируется единственный способ уничтожения национальной философии – нейтрализация корневой системы языка как формы генетической памяти языкового коллектива.

Исчезновение русского корня не просто обесцвечивает семантико-стилистический запас родной речи, а лишает обозначаемое истинного смысла. Лексема «продажность» преобразуется в «коррупцию», а «вымогательство» становится «рэкетом». При произнесении словосочетания «наемный убийца» мы испытываем дрожь и отвращение, а «киллер» в нашем сознании – лишь новая высокооплачиваемая профессия. Талантливый на образные определения М. Мамардашвили называл доминирование иноязычных лексем «раковой редукцией, мертвой петлей языка, языковой имитацией сознания, опытом безъязычья» [2, с. 328].

В эпоху глобальной информационно-психологической войны супердержавы тратят невероятные суммы на создание эффективных языковых технологий, трансформирующих культурное ядро нации. И данный факт не может не учитывать страна, которая заботится о будущем своего народа. В последнее время в России появились справедливые законодательные акты в области речеупотребления. Но проблема не исчерпана. Еще со школьной скамьи в нашей памяти запечатлеваются строки: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий ... ты один мне поддержка и опора...», «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется»... Известная классика в современной ситуации духовного медиаплюрализма, воплощенного в слове, звучит, как некогда ранее, актуально.

Список литературы

1. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. 736 с.
2. Мамардашвили М. К. Мой опыт нетипичен. СПб.: Азбука, 2000. 400 с.
3. Ржанова С. А. Речевая культура как феномен массовой коммуникации «переходного периода»: автореф. дисс. ... д-ра. культурол. Саранск, 2006. 38 с.
4. Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ: Центр экстремальной журналистики. URL: <http://www.gumer.info/bibliotek> (дата обращения: 12.12. 2011)
5. Язык средств массовой информации / под ред. М. Н. Володиной. М.: Академический проект; Альма Матер, 2008. 760 с.

Коммуникативный потенциал демотиваторов

Статья посвящена описанию языкового аспекта интернет-коммуникации на материале демотиваторов. Автор описывает набор языковых средств, реализующих коммуникативную функцию демотиваторов и их воздействующий потенциал. Статья не претендует на полноту исследования демотиваторов с позиции их лингвистического оформления. Работа представляет попытку описания отдельных языковых явлений, наиболее частотных в структуре демотиваторов.

Ключевые слова: *интернет-пространство, демотиватор, коммуникация, интернет-коммуникация, языковые средства.*

A. V. Ivanova
Chita (Russia)

The communicative potential of demotivators

The article is devoted to the description of the language aspect of Internet communications on the material of demotivators. The author describes a set of language tools that implement the communicative function of demotivators and their potential impact. The article is not an exhaustive study of demotivators from position of their linguistic processing. The work is an attempt to describe the individual language phenomena, the frequency structure of demotivators.

Key words: *Internet space, demotivators, communication, Internet communication, language.*

Ведущей функцией языка является коммуникативная. При этом следует отметить, что в определённых жанрах литературного языка эта функция получает своеобразную «нагрузку». Например, жанры художественного стиля «дополняют» её эстетической функцией, что приводит к появлению иного типа коммуникации – коммуникации творческого уровня. Следовательно, коммуникативная составляющая некоторых текстов претерпевает существенные трансформации, отражающие динамику общения в социуме. На наш взгляд, особый интерес вызывает коммуникативный потенциал интернет-пространства. Рассмотрим языковой аспект интернета-общения на примере жанра демотиваторов.

Несмотря на сравнительно недавнее возникновение, демотиваторы имеют свою историю и предпосылки создания. Демотиваторы впервые появились как самостоятельный жанр в противовес мотиваторам – явлению, получившему широкое распространение в СССР и США во второй половине 20 века. Причиной появления мотиваторов можно назвать производственную необходимость – стремление руководства многих предприятий мотивировать своих сотрудников к активной рабочей деятельности. Как правило, мотиватор содержал краткий запоминающийся лозунг-призыв позитивного характера и подкрепляющее смысл лозунга изображение (трудящихся с улыбкой, рабочих и т. п.). Популярность мотиваторов в обеих странах указывает на негативное отношение среднего советского или американского гражданина к труду во благо государства. Однако их появление также сигнализирует о том, что коммуникативно-прагматический потенциал подобного жанра осознавался уже тогда. Следовательно, сочетание лингвистического (текст-призыв) и нелингвистического (соответствующая картинка) факторов были признаны мощным воздействующим средством задолго до появления Интернета.

Демотиваторы, в свою очередь, были созданы с целью вызвать негативное отношение к труду и отражают скептический взгляд общества на прямолинейные методы психологического воздействия, применяемые при создании мотиваторов. Однако следует отметить, что демотиваторы, созданные в США, появились в русскоязычном пространстве значительно позднее, поскольку подобный шаг в СССР мог вызвать реакцию власти.

В настоящее время демотиваторы можно отнести к культурному явлению. Их распространение в Интернете придало этому явлению массовый характер. В настоящее время каждый пользователь Интернета является либо создателем, либо читателем демотиваторов.

Тематика демотиваторов достаточно разнообразна и не поддаётся полной классификации. Можно приблизительно выделить следующие темы: 1) социальную; 2) эмоциональную; 3) политическую (которая часто характеризуется неполиткорректностью); 4) философскую и т. д.

Функции демотиваторов также изучены в недостаточной степени, однако рассмотрение многих однотипных примеров позволяет назвать примерно следующие: 1) развлекательную; 2) презентации или формирования социокультурного мировоззрения; 3) эмоциональную; 4) функция мониторинга (ориентации на актуальные события и явления); 5) провокационную; 6) культуроформирующую (создания культурного пространства путём использования элементов интертекста)..

Последняя функция определяет выбор составляющих для демотиватора. Часто ими становятся так называемые штампы. Штампы в демотиваторах (интеграция в виртуальный дискурс) определяются как отсылки к другим текстам, воссоздающие общеизвестные культурные образы.

Рис. 1

элементов (т. е., только картинка и лозунг, который одновременно является и семантизацией, и разоблачением). Таким образом, появляется поликодовый текст, совмещающий вербальные и визуальные элементы.

Рис. 2

В силу крайнего многообразия и динамики таких образов мы не останавливаемся на их подробном перечислении (мем – прецедентное высказывание или имя, «медиавирус»; сленг отаку, анимэ-персонажи, имотиконы и др.).

Рассмотрим структуру демотиватора.

Демотиваторы, как правило, включают в свой состав 3 элемента:

1. Изображение в рамке на черном фоне (визуализация).

2. Лозунг, выполненный крупным шрифтом (семантизация).

3. Разъяснение, т. е. ироническое комментирование лозунга, основанное на противоречии (разоблачение). Однако сейчас наблюдаются и демотиваторы, состоящие из 2-х

элементов (т. е., только картинка и лозунг, который одновременно является и семантизацией, и разоблачением). Таким образом, появляется поликодовый текст, совмещающий вербальные и визуальные элементы. В настоящее время такое сочетание получило название полидискурсивность. Полидискурсивный текст характеризуется повышенным коммуникативным потенциалом.

Рассмотрим некоторые полидискурсивные тексты.

Как видим, коммуникативный замысел данного текста реализован путём использования интердискурсивного высказывания-призыва «Вегетарианство продлевает жизнь», которому противопоставляется ироническое разъяснение. Таким образом, коммуникативный посыл приобретает прямо противоположное звучание. Обратимся к следующему примеру.

В данном случае коммуникация осуществляется при использовании вопроса-обращения, который конкретизируется последующей фразой, также сигнализирующей о

наличии адресанта, в данном случае создателя демотиватора, и адресата, в роли которого выступает массовый читатель. Однако при явно массовом характере реципиента следует отметить, что языковое оформление текста апеллирует к индивидуальному прочтению, к выделению каждого потенциального читателя текста из ряда ему подобных. Это приводит к имитации межличностного общения. При этом коммуникативно-прагматический аспект демотиватора усиливает визуальная составляющая, также проясняющая смысл высказывания в целом. Следовательно, полидискурсивный текст представляет трансформацию ведущей функции языка с сохранением её примата.

Ещё один пример демотиватора.

Отметим, что в этом демотиваторе на наличие адресата указывает употребление личного местоимения «ты» и модальный характер составного именного сказуемого «должен осознавать». Следовательно, данный пример также представляет имитацию межличностного общения, при этом воздействующий характер высказывания усиливает визуализация.

Следующий пример. В данном случае мы наблюдаем прямое обращение к читателю, которое также носит квазимежличностный характер. Личная форма глагола «спишь», вопросная форма обращения и притяжательное местоимение «твоеё» выступают средствами «интимизации» такого общения. Картинка также усиливает прагматический потенциал демотиватора.

Обратимся к следующему демотиватору.

Его лаконизм также усиливает коммуникативную сторону явления. Лозунг-заглавие не конкретизируется разъяснением, поскольку эту функцию выполняет картинка. Негативный смысл такого квазимежличностного общения также усиливает его воздействие на читателя.

Как видим из приведённых примеров, демотиваторы реализуют коммуникативную функцию в рамках интернет-пространства. Эта коммуникация также получает своеобразную прагматическую «нагрузку» за счёт полидискурсивности создаваемых текстов и имитации межличностного характера взаимодействий автора и массового читателя.

Рис. 3

Рис. 4

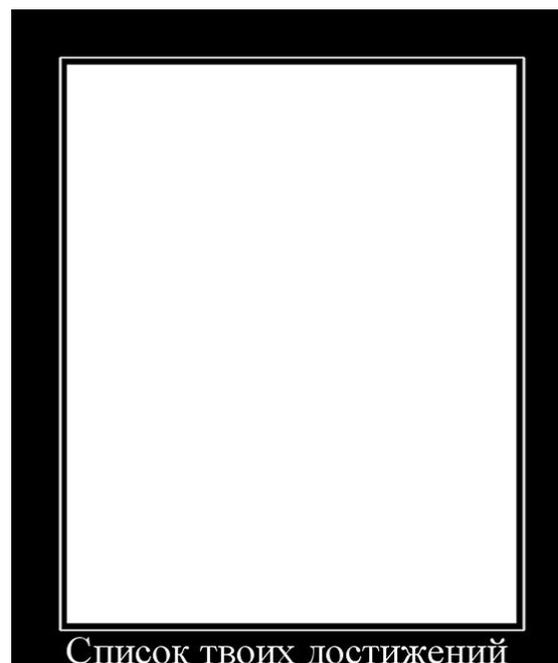

Рис. 5

Список литературы

1. Белинская Е. П., Жичкина А. Е. Современные исследования виртуальной коммуникации: проблемы, гипотезы, результаты. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 165 с.
2. <http://demotivators.to/p/883193/vegetarianstvo-prodlevaet-zhizn.htm> (дата обращения: 25.05.2014).
3. <http://demotivators.to/p/85630/uronil-pozdravlyaju-vse-etogo-zhdali.htm> (дата обращения: 25.05.2014).
4. <http://demotivators.to/p/773566/ubegaja-ot-obshchestva.htm> (дата обращения: 25.05.2014).
5. <http://demotivators.to/p/160988/spish-na-rabote.htm> (дата обращения: 25.05.2014).
6. <http://demotivators.to/p/561442/spisok-tvoih-dostizhenij.htm> (дата обращения: 25.05.2014).

УДК 811.581.11:81–13

ББК 100.3

Т. Н. Лобанова
г. Хабаровск (Россия)

Особенности политического медиадискурса КНР в конфронтации с США

В статье анализируется роль языкового воплощения в представлении геополитического объекта США в медиадискурсе КНР. Автор рассматривает и анализирует китайские политические медиатексты, в основном аналитику на предмет выявления информационно-коммуникативных технологий воздействия на читателя. Автор также рассматривает возможности применения методологии дискурс-анализа к решению задач междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: «новые медиа» КНР, политический медиадискурс, медиатекст, стратегия речевого воздействия, перевод.

Т. N. Lobanova
Khabarovsk (Russia)

Some features of Chinese political media discourse in confrontation with the United States

The author considers the role of language representation while depicting the geopolitical formation of the USA in Chinese media discourse. The author examines and analyzes the Chinese political media texts, primarily the genre of information analyst to identify information and communication technologies' impact on the reader. The author also considers the possibilities of applying discourse-analysis methodology to the solution of some interdisciplinary research.

Key words: Chinese new media, politicalmediadiscourse, media text, strategy of communicative influence, the translation process.

В настоящее время большое значение приобретают исследования в так называемой политической лингвистике, основу которой составляют методологии дискурс-анализа Н. Фэрклоу [16; 17], критического анализа дискурса Р. Водак [19], а также метафорическое моделирование и другие методики изучения языка СМИ.

Язык СМИ – живая и динамичная субстанция, особенно чувствительная к новым идеологическим установкам или общественно-политическим преобразованиям. «Именно в языке СМИ, как сквозь прозрачное увеличительное стекло, можно наблюдать обновление и модернизацию традиций, интерпретацию концептуальных моделей национального мировидения относительно конкретного историко-социального бытия общества.<...>Для каждого утверждения дискурса строится своя ментальная модель. Каждое новое утверждение добавляет новые сущности, свойства и отношения. Языковые средства медиатекстов образуют совокупность знаний об объекте и собственно субъекте в упорядоченной системе утверждений» [9].

Изучение языка СМИ приобретает актуальность в России в последнее время, в особенности в условиях так называемой информационной войны, экспортируемой нам англосаксонским и азиатским сообществами. Конференции последних лет: «Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования», «Актуальные проблемы совре-

менной медиалингвистики в России и за рубежом» (НИУ «БелГУ»), «Язык и культура» (МГУ им. Ломоносова), а также тематика конференций Национального общества прикладной лингвистики и круглые столы международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог» позволяют говорить о необходимости систематизировать опыт научного осмысления масс-медийного дискурса и политического медиадискурса учеными разных форм гуманитарного знания. В последнее время возрос интерес к проблеме языкового манипулирования и СМИ со стороны политологических факультетов российских вузов.

Распространение Интернета привело к интенсификации контактов и совместному накоплению и использованию интеллектуального капитала. Цифровая коммуникация интерактивна, виртуальна, дисперсна, гипертекстуальна, модулярна, автоматизирована, вариабельна. Основным каналом коммуникации выступают международные компьютерные сети, которые способны обеспечить практически моментальное перемещение любой информации: интернет-сервисы позволяют людям принимать участие в создании информационного универсума. Китай выходит на лидирующие позиции в сфере информационных технологий. То, что мы подразумеваем под понятием «китайская специфика» необходимо воспринимать под всепроникающим влиянием этих технологий и правил рыночной экономики. Китай научился продавать своим гражданам «бесплатный» Wifi в общественных местах и вышел в лидеры мировой торговли в Интернете еще в 2013 году. Феномен **“new media practices”** уже давно выступил предметом исследования специалистов американских университетов [18].

Изучению политического дискурса посвящены работы А. Н. Баранова, Е. Г. Казакевича, В. З. Демьянкова, Г. Я. Солганик, Е. А. Кожемякина, А. Н. Алексахина, О. Н. Морозовой, А. П. Чудинова, Э. В. Будаева, В. Е. Чернявской, В. В. Богуславской, О. Н. Паршиной, М. Р. Желтухиной, Н. А. Купиной, Е. И. Шейгал, Н. С. Рядовой, А. Н. Потсар и др. «Большинство политлингвистических исследований проводится на основе анализа медийного дискурса» [4, с. 35]; «медиадискурс обладает весьма мощной и разветвленной онлайн- и оффлайн-жанровой системой, включающей тексты различной жанровой природы, что обусловлено стратификацией глобальной коммуникативной интенции оказания речевого воздействия на ряд частных микроинтенций» [10, с. 116]. Важное положение теории медиадискурса состоит в том, что **дискретной единицей медиадискурса** является **медiateкст**, который позволяет упорядочить и структурировать движение медиапотока в условиях информационного общества [7]. Медiateкст как наиболее влиятельный канал воздействия, средство формирования национальной концептосферы и ключевой инструмент политической коммуникации зачастую выступает единицей анализа.

Особое значение имеют политологические исследования в области конфликтологии и истории китайско-американских отношений. Монографии Ю. М. Галенович, Я. М. Бергера, А. П. Девятова, А. М. Байчорова, О. А. Тимофеева, А. М. Лоханина послужили интеллектуально-контекстуальным фоном для изучения языкового воплощения о месте и роли, природе и динамике китайско-американских отношений. Тематика китайско-американских отношений и подходы Китая к актуальным международным проблемам серьезно интересуют общественность и СМИ КНР. Пекин приступил к перестройке мировых реалий в соответствии с мировыми интересами. Такая китаизация преподносится под эгидой борьбы против однополярного мира: определились и союзники КНР, главным образом, из объединения БРИКС. Основные вопросы «на повестке дня» политологов, медийщиков, лингвистов и аналитиков: лучше ли китайская гегемония американской и как Китай воспринимает Соединенные Штаты?

Современное состояние политической лингвистики не предлагает однозначного определения политического дискурса. Основным дискуссионным моментом, связанным с политическим дискурсом, является вопрос о существовании политического языка.

Отсутствие комплексного исследования современного китайского политического языка и лингвомедийных технологий КНР на фоне интенсивной медиатизации политических коммуникаций в условиях геополитических изменений, спровоцированных украинским кризисом, обуславливает актуальность. Интерес к этой междисциплинарной проблеме обусловлен тем, что СМИ являются одним из способов инициирования, предотвращения и урегулирования конфликтов. Правда, эта регуляция носит весьма противоречивый характер: с одной стороны, СМИ способны

наносить медийный удар и способствовать эскалации конфликтов, с другой – участвовать в процессе умиротворения и восстановления после завершения конфликта. Поэтому любое исследование языка СМИ будет связано с политическими событиями.

Целью статьи является анализ языка медиатекстов КНР в условиях китайско-американского противостояния с выявлением специфических китайских лингвомедийных технологий.

При изучении медиатекстов методики «традиционного» лингвостилистического анализа текста не утрачивают своей актуальности [2; 3; 8], а становятся составным компонентом критического дискурс-анализа [16; 17; 19].

Среди методов наиболее актуальны группа собственно лингвистических методов [8, с. 40] (например, синтагматический анализ, стилистический анализ, компонентный анализ) и метод лингвокультурологического анализа как отражающий связь между национальным языком и культурой; методы критической лингвистики [8, с. 42–43]; когнитивное моделирование информационного пространства с привлечением методологии лингвосоциокультурного анализа журналистских текстов [3]. Диапазон лингвомедийных технологий также необычайно широк: включает весь спектр способов формирования образа, использующих как возможности СМИ, так и средства языка. Такое сочетание лингвистических средств с медийными значительно усиливает общий эффект воздействия, способствуя запоминая ярких образов [8, с. 93]. Учитывая сложное переплетение медиа- и политических процессов, уточнение научных представлений о месте и роли медиатекстов становится возможным лишь на основании описания их как лингво-семантического, так и собственно политического содержания.

Проблема отбора материалов для анализа во многом обусловлена фактором доступности к ресурсу. Среди популярных медиатопиков, посвященных США и международной проблематике, – IT-технологии.

В нижеприведенном примере речь пойдет об имидже президента США и Америки в мире: *“乔布斯已经离开了这个世界, 比尔·盖茨也逐渐老去, 但是美国从来不乏获取成功的人才, 生育 1984 年的 Facebook 创始人扎克伯格更让人们认识到美国是一个可以让奇迹发生的地方”* – *«Стив Джобс уже покинул этот мир, Билл Гейтс постепенно устаревает, но Америка никогда не испытывала недостатка в талантливых людях: в 1984 году основатель Facebook М. Цукерберг заставил поверить в то, что Америка – это место, где способны творить чудеса»*. В статье под заголовком *“iPhone 5,苹果的危机”* говорится о существовании *«яблочной угрозы»*. Обама номинируется как *“奥巴马: 互联网总统”* – *«сетевой президент»*; *“黑马, 奥巴马”* – *«темная лошадка Обама»* и подчеркивается, что *“除了网站建设, 奥巴马还在几乎所有的 SNS 网站上都注册了自己的个人主页。Facebook、Twitter、MySpace、Digg 等等, 甚至连小众社交 Pinterst 网站, 都成为奥巴马拉选票、找资金的渠道。”* – *«Помимо создания сайта, Обама практически во всех соцсетях зарегистрировал свою страницу. Facebook, Twitter, MySpace, Digg и даже такая узко-сегментная сеть, как Pinterst, превратились в его предвыборную площадку и каналы поиска капитала»*. В вышеприведенных примерах прослеживается манипулирование номинациями, заключающееся в выборе для наименования американского президента и граждан синонимов или эпитетов, оттенки которых изменили бы отношению к самому объекту в нужную сторону.

Формирование **медийной повестки** (на этапе отбора фактов и тем для освещения), связанной с IT-технологиями США, – **информационно-коммуникативные приемы воздействия макроуровня** и мезотехнология одновременно, т. к. важно аргументировать для китайской аудитории целесообразность ограничения сети *Facebook* на территории КНР.

Не просто подача, а продажа и продвижение информации, в том числе и в электронных новых медиа-реалиях современного Китая. Так, электронное издание **“South China Morning Post”** [20] предлагает не более 5–6 публикаций для чтения в режиме онлайн без регистрации.

Э. Сноудену посвящены отдельные колонки в центральных печатных и электронных изданиях Китая; выпускается иллюстрированная литература: *“...指令显示, 奥巴马曾命令官员列出美国网络攻击的潜在海外目标。”* [с. 112] – *«...как показала директива, Б. Обама отдавал распоряжение чиновникам составлять списки зарубежных целей для кибератак»*. Находясь в Китае и имея доступ к подобной литературе и источникам, становится понятным, почему американские эксперты зачастую приравнивают данные соцсетей к данным разведки.

Актуализировался медиатопик «нарушение норм поведения в международном пространстве и водах» и «военно-политическое противостояние США и КНР» в китайских СМИ. Обратимся к примерам. В статье под названием “社评：中国侦察船要尽早出现在美国近海” [25] китайского центрального издания 《环球时报》 утверждается следующее: “美国表示没有遏制中国的计划，中国表示无意将美国势力赶出亚洲，这两句话的真实性含量差不多。因为两国都做不到相反的情况，但两国为自身安全，又在追求截然不同的力量对比形势。美国希望保持相对于中国的绝对力量优势，中国希望尽可能缩小两国实力的距离。中美的共识没有塑造机制，只能艰难磨合。” – «США заявляют, что не планируют сдерживать Китай, КНР говорит, что не намерен «выдворять» Америку из Азии. Смысл у этих заявлений схожий. У обеих стран просто нет другого выхода: для обеспечения своей безопасности они стремятся достичь совершенно разного соотношения сил. Штаты надеются сохранить абсолютное преимущество над Китаем, Китай, в свою очередь, хочет максимально сократить разницу в силе. Между Пекином и Вашингтоном нет согласия, поэтому необходимо «притереться» друг к другу».

Оценка внешнеполитической линии КНР приводится в статье “李开盛：现在不是嘲讽美国的时候” [26]: “所以，从战略层面看，目前应该是中美共同反恐的时刻，而不是嘲讽美国政策失败的时候。” – «Поэтому, если оценивать ситуацию со стратегической точки зрения, сейчас необходимо, чтобы Китай сообща с Америкой боролся с терроризмом, а не высмеивал США за политические промахи».

При переводе материалов необходимо помнить, что межкультурное недопонимание может возникать в случае буквального перевода с одного языка на другой, не учитывающего особенностей соответствующей культуры. Китайский политический медиадискурс ясно показывает борьбу КПК за удержание интеллектуального и экономического доминирования в мире в интересах своей страны и придерживается своих основополагающих принципов во внешней политике. Политический язык китайских медиа, доступных для просмотра, чтения и анализа, позволяет обнаружить примеры прямого информационно-психологического противостояния КНР и США. В политическом медиадискурсе КНР имя США выступает в значении, метонимически связанном с названием континента, и обозначает государственные и военно-политические агрессивные образования, находящиеся в США, на территории Европы и Тайваня.

Движение в сторону анализа взаимного влияния лингвистических и политических аспектов языкового манипулирования в зарубежных «новых медиа» представляется весьма перспективным вектором политической лингвистики. В аспекте инструментария сегодня как никогда важно иметь наработки или разработки в области оперативного мониторинга СМИ и соцмедиа, тем более зарубежных. Речь идет о системах, позволяющих «фильтровать» информацию и быть в курсе медиатопиков медийщикам, исследователям, аналитикам, вынужденным «прокачивать» через себя большие информационные потоки.

Список литературы

1. Байчоров А. М. Китаизация: последствия роста мощи Китая для мира в XXI веке. М.: Международные отношения, 2013. 192 с.
2. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. 592 с.
3. Богуславская В. В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов. М.: Изд-во ЛКИ, 2013. 280 с.
4. Будаев Э. В. Зарубежная политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 352 с.
5. Галенович Ю. М. Китайские сюжеты: Чем доволен и недоволен Китай. М.: Восточная книга, 2010. 480 с.
6. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии. Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. № 3. М., 2002. С. 32–43.
7. Добросклонская Т. Г. Лингвистические способы выражения идеологической модальности в медиатекстах // Вестник МГУ. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С. 85–94.
8. Добросклонская Т. Г. Язык средств массовой информации: учеб. пособие. М.: КДУ, 2012. 116 с.

9. Ерофеева И. В. Язык современных СМИ: к проблеме миромоделирования // Гуманитарный вектор. 2012. № 4 (32). С. 34–41.
10. Желтухина М. Р. Современная политическая и деловая онлайн– и оффлайн– медикоммуникация // Стилистика сегодня и завтра. Материалы конференции. Ч. 2. М.: Факультет журналистики МГУ, 2014. С. 116–121.
11. Корф О. В. Медиатекст как инструмент формирования дискурса в политическом конфликте : на примере конфликта 1994–1996 гг. в Чеченской Республике: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. 22 с.
12. Лоханин А. М. Политика США в отношении КНР (1993–2000 гг.). Проблемы военно-политической безопасности: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 24 с.
13. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: ЛЕНАНД, 2014. 200 с.
14. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. Волгоград: ИЯ РАН; Перемена, 2000. 368 с.
15. Hall, J. Christopher, Smith H. Patrick. Mapping Applied Linguistics. London and New York : Routledge, 2011. 412 p.
16. Fairclough Norman, Wodak Ruth. Critical Discourse Analysis // Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Volume 2. Discourse as Social Interaction. London: Thousand Oaks. 1996. pp. 112–119.
17. Fairclough N. Critical Discourse Analysis. London. 1995. 220 p.
18. Wallis C. New Media Practices in China: Youth Patterns, Processes, and Politics // International Journal of Communication. 5. 2011. P. 406–436.
19. Wodak R., Meyer M. Methods of Critical Discourse Analysis. London: Sage, 2001. 226 p.
20. South China Morning Post. URL: <http://www.scmp.com/frontpage/international> (дата обращения 28.08.2014).
21. 总统战：奥巴马的政治营销 [Битва за президентство: «обамамаркетинг»] / 李光斗著. — 北京：新世界出版社， 2012.11 – 56 页.
22. 总统战：奥巴马的政治营销 [Битва за президентство: «обамамаркетинг»] / 李光斗著. — 北京：新世界出版社， 2012.11 – 83 页.
23. 总统战：奥巴马的政治营销 [Битва за президентство: «обамамаркетинг»] / 李光斗著. — 北京：新世界出版社， 2012.11 – 92 页.
24. 斯诺登档案：世界最大泄密事件内幕揭秘 [Файлы Сноудена: история самого востребованного человека в мире: взгляд изнутри] / 哈丁著；何星等译. — 北京：金城出版社， 2014.3 – 272 页.
25. 社评：中国侦察船要尽早出现在美国近海 [Китайской разведке необходимо как можно скорее попасть в прибрежные воды США]. URL: <http://opinion.huanqiu.com/editorial/2014-08/5120314.html> (дата обращения: 31.08. 2014).
26. 李开盛：现在不是嘲讽美国的时候 [Не время смеяться над Америкой]. URL: http://opinion.huanqiu.com/opinion_world/2014-08/5114936.html (дата обращения: 31.08. 2014).

УДК 811.111'243:81'282.842
ББК 81.432.1 – 7

К. А. Мележик
г. Симферополь (Россия)

Деловая коммуникация на английском лингва франка как процесс и дискурс

В статье обсуждается структура межнациональной деловой коммуникации (МДК), требующей использования делового английского лингва франка (ДАЛФ). Предлагается трактовка МДК 1) как процесса в рамках языкового взаимодействия реальных и виртуальных организаций и 2) как дискурса – в профессиональном общении. Утверждается роль ДАЛФ как контактного языка, который обеспечивает равные коммуникативные права всем пользователям.

Ключевые слова: *межнациональная деловая коммуникация, деловой английский лингва франка, организация.*

Business communication in English lingua franca as process and discourse

The problem of the structure of international business communication (IBC) in English lingua franca (ELF) is discussed in the article. IBC is argued to function 1) as a process within any real or virtual organization and 2) as a discourse in professional interpersonal ELF interaction. ELF is claimed to be the contact tool providing its users with equal communication rights.

Key words: *international business communication, business English lingua franca, organization.*

Расширение тематического диапазона эмпирических исследований делового английского лингва франка (ДАЛФ) ставит перед учеными задачи междисциплинарной оценки его социальной значимости и языковой природы в условиях интенсификации и акселерации взаимодействия языков, культур и социумов. Дихотомия современного периода заключается в том, что английский лингва франка (АЛФ) получает всемирное распространение благодаря глобализации, а глобализация совершается благодаря распространению АЛФ, т. е. он является одновременно и орудием глобализации, и ее результатом – глобализованным и глобализующим феноменом.

Экспансия процессов глобализации раскрывает несостоятельность традиционного подхода, который предполагает разделение политических, экономических культурных факторов по внутренним и внешним, локальным и глобальным признакам [6, p. 2]. Таким же несостоятельным следует признать автоматический перенос традиционного раздельного подхода на сферу изучения делового взаимодействия носителей и неносителей английского языка (АЯ), взаимосвязи родного языка коммуникантов и АЛФ. Варианты АЯ не являются разделенными, независимыми феноменами, а коммуникация на АЛФ опирается не на использование определенного набора языковых норм, а на постоянно обновляющийся, смешанный лингвистический ресурс [7, p. 303].

Глобализация в контекстах межнациональных деловых контактов характеризуется непрерывной трансформацией, т. е. представляет собой пространство, в котором АЯ постоянно воспроизводится и получает новую энергию посредством экспрессивной изобретательности коммуникантов в изменяющихся условиях речевого взаимодействия [10, p. 169]. Как отмечает А. Пенникук, перспектива трансформации АЛФ в общем процессе глобализации заключается не в появлении и закреплении каких-либо гомогенных норм, а, наоборот, в расширении диапазона транскультурных процессов (*transcultural flows*), в результате влияния которых расширяется и вариативность языковых средств [10, p. 169].

Исходя из такого понимания, ДАЛФ предстает как глобализованный феномен, который постоянно локализуется в ходе бесчисленных транскультурных ситуаций общения, причем его локализация – это не географическое, а социокультурное понятие. Когда коммуникация пересекает традиционные лингвокультурные границы, языковые средства ДАЛФ локализуются в пределах сообществ практики и трансформируются в результате интерактивного взаимодействия коммуникантов.

В свою очередь, трансформации лексико-грамматических и прагматических форм АЛФ служат показателями общих трансформационных процессов современного общества [7, p. 304], которые наиболее очевидно активизируются в деятельности разного рода транснациональных организаций.

Деловая коммуникация трактуется как процесс взаимодействия деловых партнеров, направленный на организацию и оптимизацию того или иного вида предметной деятельности: производственной, научной, сервисной и т. д. [2, с. 26]. Это взаимодействие осуществляется в межнациональных профессиональных контекстах представителями различных культур, объединенными работой в международных проектах, или принадлежностью к глобальным виртуальным коллективам.

Специфику такого взаимодействия определяют ключевые характеристики организационной структуры: формальные или конвенциональные ограничения контактов участников общения, т. е. соблюдение социальных норм, следование регламентации целей и мотивов общения, способов осуществления контактов между участниками, соблюдение формально-ролевых принципов взаимодействия в соответствии с иерархичностью построения организации [1, с. 15, 16].

Эти критерии составляют основу значения трех английских терминов, как правило, используемых для обозначения различных сфер деловой коммуникации. Во-первых, это коммуникация в бизнесе – «*business communication*»: коммуникация как **процесс**, который способствует продвижению продукта, услуги или развитию **организации**, распространяет внутреннюю информацию в компании или официальную информацию, исходящую из компании [12].

Второй термин обозначает коммуникацию по месту работы – «*work place communication*», т. е. **процесс** обмена внутренней информацией, которая обеспечивает взаимодействие всех сотрудников, необходимое для достижения целей данной **организации** [11, p. 132].

Третий термин относится к коммуникации в пределах какой-либо организации, «*organizational communication*», и обозначает **процесс**, с помощью которого объединяются и координируются действия конкретного сообщества для достижения целей как его отдельных членов, так и всего коллектива [12].

Термином «организация» мы обозначаем, во-первых, **любые** объединения экономических, политических, культурных и социальных субъектов, т. е. физических или юридических лиц, занятых **любым**, объединяющим их видом деятельности. Во-вторых, мы обозначаем этим термином и виртуальные объединения по интересам, отражающим все сферы социально-культурного разнообразия.

Мы исходим из того, что именно организационная коммуникация включает, как свои разновидности, коммуникацию в бизнесе и коммуникацию по месту работы. К этим трем терминам, обозначающим деловую коммуникацию как процесс координации взаимодействия участников и распространения организационной информации, мы добавим еще один термин «*professional communication*», представляющий деловую коммуникацию как **дискурс**. В трактовке американского автора Р. Фрида, профессиональная коммуникация – это а) дискурс, направленный на группу или отдельных ее членов, и б) дискурс, исходящий от группы или отдельных ее членов, с целью оказания воздействия на их функционирование, где группа понимается как подразделение, специально организованное и/или управляемое его членами с целью выполнения определенной функции [5, p. 197–198].

По нашему мнению, отмеченная Р. Фридом цель профессионального дискурса – воздействие на функционирование группы или ее отдельных членов – сужает представление о профессиональной коммуникации. Его следует расширить, включив в сферу профессиональной коммуникации также и специализированный дискурс, исходящий от (и / или направленный на) отдельных членов какого-либо реального или виртуального сообщества, которое объединяется по интересам, отражающим специфические области технического, экономического, общественно-политического, культурного разнообразия. В таком ракурсе профессиональная коммуникация может включать дискурс, создаваемый, например, в процессе специализированного общения пользователей компьютерных технологий, представителей религиозных конфессий, адептов веганизма и т. п.

Деловая коммуникация реализуется в двух формах: организационной коммуникации как процессе и профессиональной коммуникации как дискурсе, который порождается коммуникантами, эксплицитно или имплицитно относящими себя к какой-либо одной реальной или виртуальной организации.

Профессиональная коммуникация характеризуется не только тематической регламентацией и специализацией словаря, но и особенностями функционального взаимодействия и целей их участников, уточняет диапазон коммуникативных контекстов профессиональной практики, обеспечивает междисциплинарный подход к изучению профессионального дискурса.

Финские ученые, разрабатывающие концепцию ДАЛФ, Л. Лухиала-Салминен, М. Чарльз и А. Канкаанранта предложили ставший популярным термин *Englishasa Business Lingua Franca (BELF)* для описания АЯ, на котором сотрудники интернациональных организаций общаются в своей ежедневной деятельности [9]. Они объясняют, что концепт *BELF* подчеркивает роль контактного языка в процессе бизнес-коммуникации, т. к. пользователи *BELF* находятся в общем контексте бизнеса (*the context of business – B*), владеют общим АЯ (*English – E*) и в определенной степени – дискурсивными практиками АЯ, но в то же время они разделены предшествующим знанием и опытом, связанным с их родными языками, стереотипами дискурсивных практик и имплицитно задействованными правилами коммуникации родных языков [9, p. 403–404].

Дискурсивные практики, правила и культурные предпочтения, формирующие коммуникативные стереотипы ДАЛФ, создаются всеми коммуникантами, которые в процессе профессионального взаимодействия вносят свои представления, основанные на нормах и стандартах своих родных языков [9, p. 404].

Дискурс на ДАЛФ вписывается в разработанную М. Фуко концепцию организационной регламентации осуществления дискурсивных актов, т. е. контроля над дискурсивными практиками и, в конечном счете, ограничения дискурса как такового [4, p. 69, 74]. Члены какого-либо объединения регламентируют свою коммуникативную деятельность, во-первых, путем репрезентации коллективного ментального опыта, обобщенного в когнитивных моделях, отражающих знания, отношения, идеологию, нормы, ценности организации (в социальном и культурном измерениях). Во-вторых, сами коммуниканты, основываясь на предшествующем личном опыте, интерпретируют и категоризируют свое социальное окружение (в личностном измерении) [4, p. 51, 52].

Организация, использующая ДАЛФ, становится значимой характеристикой современной коммуникации, в процессе которой реализуются мультисубъектные и субъект-субъектные трансакционные модели [3, с. 17, 36]. Объединяющим фактором указанных видов деловой, организационной и профессиональной коммуникации является интернациональный состав ее участников, предполагающий необходимость использования контактного языка, ДАЛФ, как инструмента распространения специальной внутренней и внешней информации.

Институциональная, деловая коммуникация представляет собой особый вид деятельности, который, по утверждению М. Г. Шилиной, становится новой предметной областью, равнозначной экономической, политической и культурной областям, что определяет существенный потенциал и перспективы развития данного вида деятельности [3, с. 38].

Социальное взаимодействие обеспечивает эффективность координации деятельности всех участников и распространения организационной информации в межнациональных коллективах, однако межличностная коммуникация невозможна без общего языка. Шведские исследователи англоязычной деловой коммуникации К. Лагерстром и М. Андерссон приводят слова менеджера одной из шведских компаний: «Мы все говорим на нашей собственной разновидности английского языка, а это означает, что нам надо общаться и проводить время вместе, чтобы узнать, кто как говорит. Поэтому мы должны быть заинтересованы в том, чтобы встречать и узнавать новых людей» [8, p. 91]. Выражение «наша собственная разновидность английского языка» иллюстрирует своего рода солидарность между пользователями ДАЛФ и показывает, что АЯ в качестве лингва франка – это не только нейтральный контактный язык, но и основа для взаимопонимания.

Список литературы

1. Панфилова А. П. Деловая коммуникация в профессиональной деятельности. СПб.: Знание, ИВЭСЭП, 2001. 496 с.
2. Сосновская А. М. Деловая коммуникация и переговоры: учеб. пособие / А. М. Сосновская. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2011. 180 с.
3. Шилина М. Г. Интернет-коммуникация как фактор трансформации информационной сферы: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. СПб.: СПб. гос. ун-т, 2012. 45 с.
4. Foucault M. The order of discourse // R. Young (ed.). Untying the text: a post-structuralist reader. London: Routledge, 1981. P. 48–78.
5. Freed R. C. Postmodern practice: Perspectives and prospects // L. Blyler, Ch. Thralls (eds.). Professional Communication: The Social Perspective. Newbury Park, Calif.: Sage, 1993. P. 196–214.
6. Held D., McGrew A. The great globalization debate // D. Held, A. McGrew (eds.). The global transformations reader: An introduction to the globalization debate. Oxford: Polity, 2003. P.1–50.
7. Jenkins J., Cogo A., Dewey M. Review of developments in research into English as a lingua franca / J. Jenkins, A. Cogo, M. Dewey // Language Teaching. Cambridge Univ. Press, 2011, N 44.3. P. 281–315.
8. Lagerstrom K., Andersson M. Creating and sharing knowledge within a transnational // Journal of World Business, 2003, N38. P. 84–95.
9. Louhiala-Salminen L., Charles M., Kankaanranta A. English as a lingua franca in Nordic corporate mergers. English for Specific purposes, 2005, N24. P. 401–421.
10. Pennycook A. Global Englishes and Transcultural Flows. London: Routledge, 2007. 189 p.
11. Whittaker S., et al. Informal workplace communication: what is it like and how might we support it? / S. Whittaker, et al. // Proceeding of: Conference on Human Factors in Computing Systems. Boston, Mass., USA, 1994. P. 131–137.
12. <http://www.businessdictionary.com/> (дата обращения: 20.08. 2014).

А. В. Михайлов
г. Красноярск (Россия)

Сервильность современного российского медиадискурса как его организующее начало

В работе рассмотрена трансформация российского медиадискурса в отношении набора функций СМИ. Дефицит смыслопорождения, снижение уровня кадров, интенсивная вовлеченность СМИ в силовые зоны исполнительной и законодательной власти ведут к сервильности СМИ. Это выражается в отказе авторов и редакций от претензий на формирование повестки и на уровне региона и локуса, и на уровне государства. Смыслы медиадискурса становятся подражательными.

Ключевые слова: *медиадискурс, функции СМИ, тематика медиасообщений, СМИ и общество, СМИ и власть.*

A. V. Mikhaylov
Krasnoyarsk (Russia)

Servility of the Russian modern media discourse as its organizing principle

The paper considers the transformation of the Russian media discourse in terms of a set of functions the media. A small amount of sense, reducing staff, intensive involvement of the media in the area of power of the executive and legislative branches lead to the loss of leading and independent nature of the media. This is reflected in the failure of the authors and editors of the claims on the formation of the agenda at the regional level and the locus and at the state level. Meanings of media discourse are imitative.

Key words: *media discourse, media functions, the subject of media texts, media and society, media and government.*

«... мы так много знаем о массмедиа, что не можем доверять им» [5, с. 8].

Современный медиадискурс является объектом изучения ряда научных направлений, в том числе лингвистики, что вполне объяснимо, ведь современная цивилизация стала информационно-коммуникационной благодаря развитию (или вследствие развития) медиатехнологий. Российский медиадискурс начала XXI века характеризуется рядом черт, отличающих его от «западного» (в широком смысле) и «восточного» (также в широком смысле). Среди них нами отмечаются такие: зависимость тематики текстов СМИ от государственной политики, низкая аналитичность, пропаганда гедонизма, эклектика в стратегиях и тактиках.

Необходимо отметить, что для автора данной работы побудительным мотивом к рассмотрению роли СМИ в обществе, в частности относительно постановки целей для развития, формирования ближайшей «повестки дня», явились эффекты коммуникативной неудовлетворенности от профессионального нахождения внутри медиадискурса и мультиплицирующихся обманутых ожиданий.

Очевидно, средства массовой коммуникации ожидаемым образом в коммуникативном континууме «государство (власть) – СМИ – общество» должны выступать в качестве Говорящего, иницирующего общение, со своей тематикой и языком. Этому учит российского читателя его читательский опыт, от Фаддея Булгарина и Николая Греча с их «Северной пчелой» и ее активной политикой до Алексея Суворина с его «Новым временем», но особенно опыт публицистов западнического и славянофильского лагерей, таких, как А. И. Герцен, И. С. Аксаков, М. Н. Катков, В. С. Соловьев и др.

В противовес этому опыту СМИ в России к концу XX в. становятся транслятором идей, а не генератором, а идеи могут приходиться со всех сторон, но не из СМИ.

Для человека, образованного в русле европейской культуры, очевидным и даже аксиоматичным является понимание общества как «гражданского» в идеале, а средств массовой коммуникации в нем как инструмента формирования общественных идеалов, общественного мнения, формирования «повестки дня», становления и укрепления институтов демократии. Такие взгляды подверглись множественным ударам после эпохи Просвещения, и даже в конце XX – начале XXI вв., с эпохой конвергенции СМИ и иных процессов в них и в обществе, тем не менее оста-

ются господствующими. Отдельный гражданин в системе гражданского общества оказывается вовлеченным в общественные процессы и вполне свободным быть не может. Как говорил философ М. К. Мамардашвили, «... у нас не просто есть право, но у нас есть обязанность участвовать в общественных делах, разрешать свои проблемы» [6, с. 307].

В связи со сказанным выше, средства массовой информации и их сотрудники наделяются особыми статусами в обществе, а именно – они призваны, подобно религиозным институциям или моральным авторитетам (в российской традиции к ним добавляется специфическая роль литературы и литераторов), выступать лидерами прогресса, формулировать общественные *запросы*, ставить *вопросы* и предлагать решения *проблем* [1; 15; 17].

В истории российской журналистики к ее заслугам должно отнести то, что она в лучших образцах относительно рано избавилась от сугубо развлекательной проблематики, перейдя к насущным общественным проблемам в течение конца XVIII – начала XIX вв. Среди свойств *высокой* [это определение неточно коррелирует с распространенным выражением последнего времени «качественная»] (пресса), противопоставленным, очевидно, «желтой» – *А. М.*] российской журналистики находим обращение к новым и актуальным жизненным вопросам, ср. активность религиозной, национальной, идеологической позиции в выступлениях Владимира Соловьева в российской печати в конце XIX в. [11].

Нынешняя же проблема состояния общественной жизни в том, что у российских СМИ нет *своих* проблем, *своих* тем, что вызвано не в последнюю очередь умственной ленью, стремлением к наживе и моральным релятивизмом. Как пишет С. Г. Кара-Мурза о кризисе в обществе и обществоведении, описывая черты обществознания постсоветского времени (а СМИ являются элементом системы познания общества [как и его формирования – *А. М.*]), происходит «... изменение системы отношений с “социальными заказчиками” и возникновение “интеллектуального предпринимательства” в сфере обществоведения – целью становится не достоверное знание [а в случае СМИ – выражение собственного мнения или мнения общественной группы – *А. М.*], а обоснование заказанного вывода» [3, с. 16].

Интернет-СМИ и их аналоги (сайты СМИ, интернет-радио, интернет-ТВ, блоггинг и т. п.) не решают проблемы самостоятельности СМИ и журналистов, внешне представляясь пространством гражданской свободы и инструментом ее осуществления [16].

И немецкий исследователь общества Н. Луман прав, задавая вновь и вновь риторический вопрос о том, «... как возможно, что информация о мире и об обществе признается информацией о реальности, если известно, как она производится» [5, с. 187].

Есть, однако, источники информации для российских СМИ, относительно которых нет никакого сомнения, публиковать или нет, включать в тематический ряд или нет. Речь идет о высшей власти в России. Ср. высказанные еще в XIX веке мысли из письма Ф. В. Чижову философа-эмигранта В. С. Печерина: «Пока жил Николай [имеется в виду император Николай I – *А. М.*], мне никогда и в голову не приходило думать о России. Да о чем же было тут думать? Нельзя же думать без предмета. На нет и суда нет. Какой-то солдат привез мне из Крыма два листка петербургских газет. Кроме высочайших приказов по службе тут было приторное – болгаринским слогом – описание какого-то публичного бала. Вот все, что можно было знать о России! Но лишь только воцарился Александр II, то вдруг от этой немой русской могилы повеял утренний ветерок светлого воскресенья. Что ищите живого с мертвыми? Русский народ воскрес!» [9, с. 67].

Автор полагает, что фундаментальный вопрос отношений власти и СМИ в России конца XX – начала XXI вв. решен сущностно не в пользу СМИ. Поддержка СМИ со стороны власти, о которой они запросили в конце XX в., обернулась и цензурой, и еще более жесткой самоцензурой, и диктатом.

Как региональные, так и федеральные СМИ более и более склонны к *обслуживанию* интересов «носителей силы». Наиболее четко это выражается в контенте и интонациях массовой коммуникации. Во-первых, содержание информационной составляющей задается извне, вне конкретного СМИ и журналистских предпочтений отдельных журналистов и редакций. Ср. хотя бы то, что в региональных новостных выпусках ВГТРК «Россия» количество сюжетов и их содержание задается в пользу федеральных с ущемлением региональных и локальных (соотношение примерно 3:1).

Известно, что именно новостное содержание СМИ влияет на общественное сознание наиболее сильно. Структура новостного ряда современных российских СМИ через определение порядка или внесение диссонанса в восприятие действительности через включение в ряд явно разнородных событий, см. ленты новостей (rbc.ru, lenta.ru, Gazeta.ru, Newsru.com, Vesti.ru и т. д.) [порядок перечисления интернет-СМИ здесь обусловлен рейтингом цитируемости СМИ компании «Медиалогия» «ТОП-30 самых цитируемых Интернет-ресурсов» за июль 2014 г. – А. М.], которые каждый день многократно тасуют новости из разных семантических рядов (политика, происшествия, культура, шоу-бизнес, спорт, наука и т. п.). Ср. то, как представлены новости в ленте Yandex.ru ниже, см. рис. 1.

1. Лэмпард спас «Манчестер Сити» от поражения в матче с «Челси»
2. Ополченцы и украинские военные передали друг другу по 28 пленных
3. Хэмилтон выиграл Гран-при Сингапура, Квят занял 14-е место
4. Иванов предостерег Украину от строительства стены на границе с Россией
5. В столице Сьерра-Леоне за время карантина обнаружено 70 жертв Эболы

Рис. 1. Лента новостей Yandex.ru

По форме такие «ленты» безразличны к сфере, масштабу, месту происхождения новости, очередность их организуется лишь временем поступления. При этом должно возникать ощущение объективности у читателя, но этого не происходит, так как он подозревает манипуляцию, ведь рубрикация возможна, однако не производится. Ср. также перечень «крупнейших» событий, составляемый компанией «Медиалогия» (Москва) на основе количества упоминаний о событиях в СМИ, включаемых в базу. Очевидно, что количество взаимных ссылок здесь не может быть учтено, как и источники появления в конкретном СМИ упоминаний о конкретных событиях.

Таблица 1

ТОП событий 2012 и 2013 гг. в сопоставлении (по данным компании «Медиалогия» [12; 13])

№	События 2012 г.	№	События 2013 г.
1	Конфликт в Сирии	1	Сирийский конфликт: участие российской стороны в его урегулировании
2	Президентские выборы в России, избрание Владимира Путина	2	Евромайдан в Киеве: выступление украинской оппозиции за интеграцию с ЕС
3	Митинги российской оппозиции, принятие закона о митингах	3	Предоставление политического убежища экс-сотруднику ЦРУ Эдварду Сноудену в России
4	Израильский конфликт с ХАМАС: события в секторе Газа	4	События в московском районе Бирюлево. Убийство Егора Щербакова и задержание Орхана Зейналова
5	Президентские выборы в США, избрание Барака Обамы	5	Владимир Путин подписал указ о помиловании экс-главы «ЮКОСа» Михаила Ходорковского.

Примечания: 1. Данные за 2012 и 2013 гг. совмещены автором работы сознательно, чтобы было видно, какие именно закономерности наблюдаются в ТОП-7. 2. «Медиалогия» составляет, разумеется, ТОП-20 событий, а автор здесь решил уменьшить объемы сопоставления для удобства.

Необходимо также отметить, что подавляющее большинство СМИ пользуются не собственными данными, а обращаются либо к крупнейшим информационным агентствам или агрегаторам новостей, таким, как Associated press (<http://www.ap.org/> и <http://www.aptn.com>), Thomson Reuters (<http://www.reuters.com/news/>), ИТАР-ТАСС (<http://itar-tass.com/>) и под.

С одной стороны, это удобно, а с другой стороны, порождает сильнейшую зависимость от источника постоянной информации.

В некоторых случаях и аспектах информационная зависимость СМИ становится и проблемой национальной безопасности. Профессор Т. Г. Добросклонская полагает, что у российских и британо-американских СМИ «при почти полном совпадении базового новостного формата – новости в стране, новости из-за рубежа, экономика и бизнес, комментарий и аналитика, образование, культура, спорт, погода – реальное наполнение тематических ячеек “новости в стране” и “новости из-за рубежа” заметно отличается. <...> английские и в особенности американские СМИ

уделяют гораздо меньше внимания освещению событий за рубежом, чем СМИ в России. <...>. Такая особенность соотношения содержательных категорий “homenews” и “foreignnews” в англоязычных СМИ, в частности, в американских, отмечается и самими западными журналистами. <...> дисбаланс в освещении событий в стране и за рубежом отражает стремление редакторов соответствовать интересам и ценностям самих потребителей информации. Действительно, какое американцам дело до пожаров и катастроф где-то далеко за пределами их страны?» [2, с. 66–67]. Проблема заемности «повестки дня» и последствия такого влияния не является предметом рассмотрения в настоящей работе, хотя и имеет прямые связи с ее темой.

Общество, с другой стороны, впадает в зависимость от СМИ, о чем говорит Д. Матисон, указывая на разные аспекты «медиализации» общества и управления обществом и потребителями (даже не читателями), в частности, использование комментариев к событиям как способ социальной дискриминации [8].

В оценке значимости формирования «повестки дня» специалисты далеки от благожелательной констатации состояния дел в СМИ, ср. мнение Т.И. Фроловой о серьезных недостатках российских СМИ: «... затруднено попадание в информационную повестку многих жизненно важных гуманитарных проблем, не найдены надежные коммуникативные механизмы для обретения проблемы публичной легитимности; магия публичного пространства парализует активность социальных агентов: попадание в публичное пространство видится как конечная цель в решении проблемы, медиакарьера проблемы часто не движется; дисфункциональные эффекты СМИ возникают вследствие несоответствия профессиональных действий журналистов уровню стадильности; для российской журналистики характерны стихийно складывающиеся, хаотичные, постсобытийные “стратегии”, не приводящие к завершению медиакарьеры проблем <...>; не обнаружены стратегии полного цикла, при которых внешние источники свидетельствовали бы о существенном изменении в состоянии проблемы» [14, с. 120].

Американские социологи массовой коммуникации М. МакКомбс и Д. Шоу, авторы термина «повестка дня», писали: «Из сообщений массовой коммуникации аудитория не только узнает о событиях. Аудитория также получает информацию об относительной значимости события» [18, р. 178].

Т. Г. Сазонов считает: «... СМИ публикуют те новости, которые в условиях безостановочного конвейера наиболее легко встроить в уже имеющуюся систему координат, исторический контекст. С другой стороны, на СМИ влияют и различные игроки общественно-политического поля – лоббисты и политики. Интерпретированная таким образом, повестка дня воспринимается как результат компромисса воздействующих на СМИ сил. Мнение аудитории в этом компромиссе учитывается слабо» [10].

Таким образом, сервильность российского медиадискурса коррелирует с его же игнорированием интересов аудиторий. Иначе, это служба двум господам: властям и «обыденному (оно же массовое) сознанию» [4; 7].

Проявления сервильности медиадискурса, как видим, многообразны: отсутствие личностей в СМИ, отсутствие гражданской позиции редакции и учредителей, информационная зависимость, техническое несовершенство, давление властей, лоббирование со стороны финансово-промышленных групп, отсутствие конкуренции, отсутствие внятных перспектив в условиях конвергенции СМИ (онлайн + офлайн), дигитализации ТВ и радио, уменьшение поступлений от рекламы и т. п.

Эти проявления парадоксальным образом часто являются причинами несамостоятельности и незрелости СМИ, и в чем-то они даже объективны. Технологические же проявления – падение качества контента, обеднение тематики, элиминация авторской независимой позиции и ряд других – представляются субъективными и преодолимыми при наличии воли, профессионализма и профессиональной же ответственности.

Список литературы

1. Анненкова И. В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. М.: МГУ, 2011. 392 с.
2. Добросклонская Т. Г. Лингвокультурная глобализация и способы передачи культурнозначимой информации в медиатекстах // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. М.: МАКС Пресс, 2014. Вып. 50. С. 64–70.

3. Кара-Мурза С. Г. Кризисное обществоведение. М.: Научный эксперт, 2011. 464 с.
4. Козлов С. В. Роль средств массовой коммуникации в установлении повестки дня «оранжевой революции» // Вестник Новосибир. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 6. Журналистика. С. 71–77.
5. Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Практикс, 2005. 256 с.
6. Мамардашвили М. К. Гражданское общество // Сознание и цивилизация. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2014. С. 289–308.
7. Мансурова В. Д. «Сервильная журналистика»: на грани социального // Вестник Новосибир. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2013. Т. 11. Вып. 10. Журналистика. С. 45–48.
8. Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов. М.: Гуманитарный центр, 2013. 264 с.
9. Печерин В. С. Оправдание моей жизни. Памятные записки // Наше наследие. 1989. № 1. С. 61–71.
10. Сазонов Т. Г. «Информационная повестка дня»: блоги приходят на смену традиционным СМИ? // RELGA (электронный журнал). 2010. № 15 (213). URL: <http://www.relga.ru/ Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2743&level1=main&level2=articles>. (дата обращения: 21.08. 2014).
11. Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 1. 688 с. Т. 2. 736 с.
12. ТОП-20 событий 2012 года. URL: <http://www.mlg.ru/company/pr/2273/> (дата обращения: 20.08. 2014).
13. ТОП-20 событий 2013 года. URL: <http://www.mlg.ru/ratings/research/2780/1/0/0/> (дата обращения: 20.08. 2014).
14. Фролова Т. И. Гуманитарная повестка СМИ и стратегии ее реализации // Вестник МГУ. Серия 10. Журналистика. 2013. № 6. Ноябрь – декабрь. С. 107–126.
15. Чернышова Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М.: URSS; Либроком, 2009. 290 с.
16. Шилина М. Г. Интернет-коммуникация как фактор трансформации информационной сферы: автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2012. 46 с.
17. Ширяева А. А. Участие СМИ и журналистов в становлении гражданского общества // Вестник МГУ. Серия 10. Журналистика. 2011. № 1. С. 142–154. № 2. С. 115–123.
18. McCombs M. E., Shaw D. L. The agenda-setting function of mass media // Public Opinion Quarterly (Chicago, UP). 1972. Vol. 36. Pp. 176–187.

УДК 811.111
ББК Ш 13 (Англ)

Е. В. Наказная
г. Чита (Россия)

Репрезентация идеи политкорректности в учебной литературе по деловому английскому языку

В статье анализируются современные учебники по деловому английскому языку с точки зрения соблюдения в них норм политической корректности. Политическая корректность как языковое и культурно-поведенческое явление ставит своей целью преодоление различных форм дискриминации в процессе общения. Авторы учебников по деловому английскому языку делают акцент на использовании гендерно-нейтральной лексики.

Ключевые слова: *социокультурная компетенция, политическая корректность, деловой английский, гендерно-нейтральная репрезентация.*

E. V. Nakaznaya
Chita (Russia)

Representing political correctness in Business English textbooks

The article analyzes modern Business English textbooks in terms of compliance to the norms of political correctness. Political correctness as a linguistic, cultural and behavioral phenomenon aims to overcome various forms of discrimination in the process of communication. The authors of Business English textbooks emphasize the use of gender-neutral language.

Key words: *sociocultural competence, political correctness, Business English, gender-neutral representation.*

Социокультурная компетенция, являясь составной частью формирования коммуникативных умений при обучении иностранным языкам, связана с распространением определенных умений и навыков, норм и правил речевого поведения, которые помогают обучающимся выбирать необходимые стратегии взаимодействия в динамично изменяющихся условиях поликультурного социума. Умение адекватно участвовать в межкультурной коммуникации предполагает освоение норм политкорректности. Распространение данного явления в обществе привело к смене содержания учебных материалов для обучения английскому языку, на что указывают в своих работах зарубежные и отечественные исследователи (Дж. Ли и Р. Коллинз, И. Л. Дамайанти, М. В. Сергеева и др.). Целью данной работы является выявление особенностей репрезентации идеи политической корректности в учебной литературе по деловому английскому языку.

Понятие политкорректности актуализировалось в США в начале 1980-х годов. Оно «выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т. п.» [1, с. 216]. О значимости категории политкорректности в культуре англоязычных стран свидетельствуют данные опроса, проводимого в 2010 году в США. На вопрос о том, что является приоритетом в учебниках, 28 % опрошенных ответили – точность информации, 55 % выбрали политическую корректность и 18 % затруднились ответить [5].

Идея политкорректности постоянно диктует новые правила в использовании языковых единиц. Например, если несколько лет назад идиому *arule of thumb* (рус. *эмпирическое правило*) можно было встретить во многих практических пособиях, то в 2012 году в Великобритании *Language Monitor* зафиксировал ее в числе политически некорректной лексики, т. к. этимология этого выражения связана с изречением, о том, что муж не может бить жену палкой толще своего большого пальца руки. Сторонники феминизма, напомнив обществу об истории происхождения этой идиомы, подвергли ее критике как гендерно дискриминирующую.

Сфера делового общения особенно чувствительна к политически некорректной лексике. Острая конкуренция на рынке труда требует учета межкультурных различий и соблюдения языкового такта по отношению как к деловым партнерам, так и клиентам. Употребление политически некорректных слов во время интервью при приеме на работу, в деловой переписке, на переговорах или на корпоративной встрече может привести к закрытию бизнеса или потере рабочего места, как это случилось с комиссаром полиции Робертом Коуплендом в городке Вулфборо (Нью Джерси) в мае 2014 года [6]. Одна из жительниц города стала свидетельницей частного разговора комиссара полиции в ресторане, и немедленно сообщила об услышанном властям города. История получила широкую огласку. Несмотря на прошлые заслуги и должность полицейского, жители города потребовали его отставки за употребление политически некорректного *N-word* (вместо ныне принятого *African-American*) в адрес хозяина Белого дома, обвинив Коупленда в употреблении расистски окрашенного слова.

Важность соблюдения норм политкорректности находит отражение в вопросах преподавания английского языка для делового общения. В этой работе в качестве материала для исследования был выбран пятиуровневый курс по деловому английскому *Market Leader* (Pearson / Longman, 2006–2013). Данный курс активно используются в практике обучения деловому английскому языку студентов вузов, бизнесменов и всех желающих активно участвовать в установлении и развитии деловых контактов с зарубежными партнерами. *Market Leader* включает аутентичные аудио- и видеоприложения с интервью специалистов в области бизнеса, а также документальные материалы по различным вопросам бизнеса. *Market Leader* включает специальное приложение *Market Leader: Working Across Cultures* (Pearson / Longman, 2010), в котором делается акцент на ведении международного бизнеса, участии в работе мультинациональных корпораций, особенностях деловой и корпоративной культуры в разных странах мира.

Борьба с дискриминацией по признаку пола является одной из задач, объединяющих феминизм и политическую корректность. Бизнес – традиционная сфера деятельности мужчин, в которую доступ женщин ограничен. В тексты упражнений *Market Leader* включены дискуссионные материалы о роли женщин в бизнесе, например: аудиоматериалы интервью с Максом Бенсоном,

который указывает на причины, мешающие женщинам активно участвовать в бизнесе. В визуальном плане авторы курса пытаются приблизиться к идее андрогинности: фотографии бизнесменов мужчин чередуются с фотографиями женщин в качестве деловых партнеров, хотя о полном балансе фемининности и маскулинности говорить не приходится. Например: в учебнике *Market Leader (Advanced)* 26 фотографий с изображением мужчин, 15 фотографий с изображением женщин и 8 фотографий, на которых представлены и мужчины и женщины. Причем из 15 фотографий женщин только 6 иллюстрируют работу женщин в качестве управленцев, а остальные отражают деятельность женщин в качестве потребителей он-лайн услуг, технического персонала, работниц сферы производства одежды и объектов рекламы косметических средств.

В вербальном плане в рассматриваемой учебной литературе наблюдается стремление авторов следовать правилам политкорректности. В анализируемом учебном курсе практически исчезли традиционные для мира бизнеса слова *businessman* и его вариант во множественном числе *businessmen*. Вместо этих слов в учебном курсе *Market Leader* активно употребляются гендерно-нейтральные: 1) *Last week I was in Geneva giving a talk to executives from all over the world.* [3, с. 162]; 2) *Leadership skills in an entrepreneur are more important than experience in the field.* [3, с. 100]; 3) *It is a formal event at which local dignitaries, business people and representatives of organizations will be present.* [3, с. 13]

Во всех частях вышеупомянутого курса по деловому английскому очевидна тенденция к замене сексистских морфем **-man** и **-ess** на гендерно-нейтральные: *manpower – human resources, personnel; man-made – artificial, synthetic; chairman – chairperson; spokesman – spokesperson; salesman – salesperson, sales representative; salesmen – salespeople; foreman – director, supervisor.*

Успех в деловой сфере общения во многом зависит от своевременной переписки и аккуратного ведения документации. Идея замены формы обращения к женщине без учета ее семейного статуса возникла еще в 1901 году в газете из Спрингфилда “*The Sunday Republican of Springfield – Mass.*”, и долгое время оставалось незамеченной. В 1970-е годы это слово стало активно употребляться в профессиональной сфере. А в 2010 г. Европарламент официально выступил с предложением запретить в сфере делового общения обращение *Miss* (к незамужней женщине) и *Mrs.* (по отношению к замужней женщине) и заменить их на *Ms* (т. к. является нейтральным и не подчеркивает семейный статус женщины). В анализируемых курсах по деловому английскому языку это обращение находит широкое применение, например: *Dear Ms Pfeifer* [3, с. 137], *Dear Ms Vergé* [3, с. 134].

Особое внимание авторы анализируемого курса уделяют особенностям использования местоимения *he*, как отражающего только мужскую перспективу в языке. В *Market Leader* выявлены следующие стратегии замены традиционного местоимения *he* в ситуациях, где пол не указан или не имеет значения:

1. Употребление парных местоимений *he / she, his / her, him / her, he or she*: *When a mentee is taking part in a complex mentoring programme, he / she is unable to follow additional courses* [3, с. 15]. *Give him / her your business card and ask for his / her card* [3, с. 10]. *Or he or she might be studying for an MBA, as well as working on various high-profile projects* [3, с. 163].

2. Употребление местоимений множественного числа (*they, their, themselves*) с существительным в единственном числе: *Ask the person questions about them selves* [3, с. 10]. *Think of a good communicatory ou know. Explain why they are good at communicating* [3, с. 7]. *Allow the customer to show their emotions if they are upset or angry* [3, с. 85].

3. Употребление местоимений множественного числа (*they, their, themselves*) с неопределенными местоимениями *some body, some one, everybody, nobody, each*, например: *Nobody bothered them selves asking our opinion last time* [3, с. 31]. *Each employee must know the basics of their job, and they need the right training to perform well* [2, с. 164]. *What are the things I should do, should I shake somebody's hand, should I wait for them to give me their hand first?* [2, с. 167]

Выявлены также стратегии не только замены местоимения *he* на другие местоимения, но и отказ от употребления каких бы то ни было местоимений с помощью:

1. Повтора существительного и трансформации высказывания в форму множественного числа: *<...> but the mentor can not be themen tee's direct manager or boss. Usually the mentor is some one*

who is high up in the company, who has a lot of experience and know-how, and, er, very importantly, is some one who likes teaching and, er, sharing know ledge. *Mentors* have to be excellent teachers [3, с. 163].

2. Использование артикля в местоместомимениях (*the, a, an*): *What should someone do if a lender rejects a request for a loan?* [2, с. 165]

3. Трансформация высказывания в форму второго лица: *A good team player has the key to success. Being the smartest, being the brightest, being the hardest; all of these attributes that worked so well in business in years gone by, now will not push you up the ladder quickly* [3, с. 71].

Порядок употребления женских и мужских участников делового общения также заслуживает анализа. Традиционно в английском языке в таких выражениях сначала используется слово, обозначающее мужчину, а затем женщину, например: классический пример названия пьесы У. Шекспира «Ромео и Джульетта» (за исключением устойчивых выражений *Ladies and gentlemen*, фраз с учетом возраста *Mrs. Smith and her little son* и фраз, подчеркивающих семейные роли *Mum and Dad*) [4, с. 133]. Следуя нормам политкорректности, авторы *Market Leader* стремятся восстановить равноправие и чередуют двойные обращения. Они используют то обращения, начинающиеся с мужского имени: *Dear Sir / Madam* [2, с. 134], то начинающиеся с женского имени: *Dear Caroline and Miguel* [3, с. 19], либо используют обращения без уточнения пола: *Good morning everyone and thanks for coming* [2, с.163].

Таким образом, для успешного межкультурного общения необходимо соблюдать нормы и правила речевого общения партнеров, в частности, учитывать категорию политкорректности, которая выражается в стремлении использовать политически корректные эвфемизмы и гендерно-нейтральную лексику. Анализ современного учебного курса, активно используемого в практике обучения деловому английскому языку, показывает, что авторы стремятся следовать нормам политкорректности и убирать из них все намеки на проявление в языке каких-либо форм дискриминации в сфере делового общения.

Список литературы

1. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.
2. Cotton D., Falvey D., Kent S. *Market Leader. Upper-intermediate Business English Course Book*. Pearson/Longman, 2006. 176 p.
3. Dubicka I., O’Keeffe M. *Market Leader. Advanced Business English Course Book*. Pearson / Longman, 2007. 176 p.
4. Lee, Jackie F. K. & Collins, Peter. Construction of gender: a comparison of Australian and Hong Kong English language textbooks. *Journal of Gender Studies*. Vol. 19, No. 2, June 2010, P. 121–137.
5. Schoffstall J. Poll: Majority of Americans Believe Their Kids’ Textbooks Place Political Correctness Above Accuracy. URL: <http://www.sodahead.com/united-states/political-correctness-above-accuracy-in-textbooks/blog-276841/?page=6> (дата обращения: 10.05. 2014)
6. Tuohy L. Town’s white police official calls Obama N-word <http://news.yahoo.com/towns-white-police-official-calls-obama-n-word-204931723.html> (дата обращения: 16.05. 2014)

УДК 1:3+1:93+1:8

ББК 87.6+76.0

В. Е. Петров
г. Харьков (Украина)

Публицистическая риторика в первые годы экспонирования кинематографа в США

В статье критически анализируется язык описания первых кинематографических презентаций в США в англоязычной американской прессе. Анализируются статьи из таких издательств, как «The Morning Times», «The Sun», «Evening star» и других. Выделяются несколько основных тем: жизненность и реалистичность экранных образов, документальность кинематографической съемки, научно-просветительский, развлекательный и художественный аспекты экспонирования, а также его социально-классовая ориентация. Ранние формы мифологизации и рационализации

кинематографической практики рассматриваются в качестве предпосылок дальнейшего формирования практик производства естественности в кино.

Ключевые слова: *ранний кинематограф, газеты в США, производство естественности, абсолютный реализм, движущиеся образы, дискурс.*

V. E. Petrov
Kharkov (Ukraine)

Publicist rhetoric in the first years of cinematograph exhibition in USA

In the paper acritical analysis of the first USA cinematograph representations in printed-press descriptions is undertaken. Articles from such newspapers and journals, as *TheMorningTimes*, *TheSun*, *The EveningStar* and others are analyzed. Several key themes are distinguished: screen images liveliness and realism, film documental qualities, scientific, educational, pedagogical and entertaining exhibition aspects and cinematograph social-class orientation. Early forms of of cinema practice rationalization and mythologisation are seen as preconditions of latter production of naturalness formation practices.

Key words: *early cinema, USA newspapers, production of naturalness, absolute realism, moving pictures, discourse.*

В посленовогоднем выпуске газеты «*The Morning Times*» за 1897 г., спустя несколько месяцев после первого публичного кинопоказа в США, выходит статья под лаконичным названием «Кинематограф здесь». Настойчиво рекомендуя читателям посетить кинематографическое представление, автор отмечает, что «одна из его наиболее своеобразных особенностей заключается в том, что оно с трудом поддается описанию. Это явление настолько новое, что дать ему хоть сколько-нибудь адекватное описание практически невозможно». Несмотря на нехватку слов, автор, тем не менее, предпринимает попытку дать свое «адекватное описание» увиденного зрелища, в ходе которого высказывает несколько идей, ключевых, на наш взгляд, для дальнейшего формирования публицистической риторики при описании кинематографа и установления специфического дискурса.

Так, одно из первых замечаний, следующих за кратким техническим описанием самого аппарата, касается его превосходных реалистических качеств. Автор отмечает, что в отличие от неподвижных изображений стереоптикона, «кинематографический взгляд весь живой; это практически сама природа». В качестве одного из ключевых критериев реалистичности автор указывает на то «внимание», которое уделяется в кинематографе деталям: «Не существует настолько быстрых движений и настолько малых объектов, которые не смог бы воспроизвести кинематограф». Последний может воспроизводить «королевские свадьбы, военные маневры, уличные и морские сцены, пантомимы и т. д. наиболее реалистическим способом». Особо подчёркивая объективную природу воспроизводимого образа, автор утверждает, что в кинематографе «воображению не остается ничего, кроме звука и цвета».

Далее, указывая на социальную значимость кинематографа, автор утверждает, что пропустить сеанс экспонирования этого технологического новшества, обошедшего все столицы Европы и крупные города Америки, – «значит считаться отставшим от жизни». Делая широкое социологическое обобщение, он приходит к выводу, что кинематограф, будучи «в равной степени приятным для всех классов», более подходит, тем не менее, для «интеллектуалов и элиты». Последние, очевидно, могут более осмысленно отнестись к испытываемому при просмотре эстетическому шоку и в полной мере насладиться им, осознавая при этом научную и технологическую значимость данного новшества. Косвенным указанием на именно такой способ аргументации является указание на то, что представление будет сопровождаться «исчерпывающими пояснениями и описаниями», которые, очевидно, будут представлять интерес только для достаточно образованной и цивилизованной публики [9].

Таким образом, утверждая, что кинематограф «с трудом поддается описанию», автор, тем не менее, высказывает в его адрес несколько принципиальных замечаний. Обратимся к их более подробному рассмотрению.

С одной стороны, кинематограф с большой настойчивостью ассоциируется с жизнью «как таковой» (в других изданиях эта тема также повторяется: «почти такой же, как жизнь» [8], «совершенное подражание жизни» [10] и т. п.). Кинематограф также описывается как «аппарат, по-

казывающий картинку живых и движущихся тел» [31], а образы на экране описываются как «абсолютно живые» [13]. Автор другой, менее восторженной заметки, указывает на зловещую сторону подобной мимикрии, говоря о «призрачном эффекте реальной жизни» [17]. С еще меньшим энтузиазмом описывается кинематограф в другой статье: обладающие «поразительным правдоподобием» «ожившие фотографии» производят эффект «зловещего реализма» [16]. При этом характерно, что поражая своим «зеркальным» правдоподобием [10], образы жизни на экране приобретают элемент зловещести. На киноэкране жизнь обретает своего «зеркального» двойника, «почти такого же» или даже более «совершенного», чем она (что особо проявляется на примере эффектов ускоренной или замедленной съемки, продемонстрированных широкой публике впервые в 1897 г. и вызвавших большой интерес [30]).

«Жизненность» кинообраза вплотную ассоциируется с его способностью предельно реалистично воспроизводить запечатлеваемые события с большим количеством деталей. Кинематограф неоднократно описывается как «верная реальности» машина, запечатлевающая «любую деталь с абсолютной точностью» [29] и представляющая собой «триумф фотографии» [27]. Кинематограф мыслится как наиболее беспристрастное средство контроля, позволяющее замечать значимые детали и движения, ускользающие (или преднамеренно игнорируемые) не только от описаний, но и от обычного не-механизованного взгляда. Так, например, «Iron Countyre gister» восторженно отмечает, что принц Дании, запечатленный на киноплёнку, «поднимает свою шляпу и поглаживает волосы так же, как любой обычный человек» [15]. Таким образом, замечание о том, что кинематограф способен в равной степени успешно запечатлевать «королевские свадьбы, военные маневры» приобретает особый подтекст: кинематографический взгляд позволяет увидеть «провалы достоинства» [10], а также «принять участие» в священных ритуалах и церемониях, сохраняя при этом определенную дистанцию по отношению к ним.

Научно-просветительский аспект кинематографического зрелища, акцентируемый в приведенной нами в начале текста цитате, получает особое развитие в последующие годы и становится едва ли не главной темой большинства касающихся кинематографа заметок. Будучи поначалу лишь «научным увлечением» [28], уже через год кинематограф описывается как «любопытное и поучительное» [30] зрелище, обладающее подчас «восхитительным, уникальным и наставительным воздействием» [20]. Еще через год уже утверждается, что кинематограф может оказать «ценную помощь в научных изобретениях» [19], а также может стать «средством обучения астрономии» [7]. Его способность запечатлевать «отклоняющиеся от нормы [телесные] движения», обуславливает значимость кинематографа как для медицинского [24], так и для антропологического дискурсов [32]. Наконец, к началу 1900-х кинематограф называют «одним из наиболее успешных, с научной точки зрения, образовательных инструментов» [5], имеющим «огромное практическое применение для целей обучения» [6].

Характерно, что кинематограф мыслится как пространство переплетения и гармонического совмещения научного, образовательного и развлекательного дискурсов: так, этот «полезный фактор общественного образования» [22] является в то же время «самым увлекательным [зрелищем], особенно для женщин и детей» [14]. С помощью этого «передового конферансье и инструктора», делающего близким далекие и труднодоступные места земного шара, возможно «сократить количество туристических поездок» [20]. При этом, однако, вплоть до появления никельдеонов в 1905–07 гг. кинематограф остается преимущественно развлечением «элит и интеллектуалов» или, по крайней мере, мелкобуржуазной городской публики (составляющей костяк «модной и многолюдной аудитории» [29]), достаточно образованной для того, чтобы читать газеты, и обладающей достаточным количеством средств для посещения водевилей (в программу которых обычно входили кинопоказы). Буржуазная легитимация кинематографа как познавательного развлечения, технологической «причуды» [21] к началу 20-го века начнет входить в противоречие с «низовыми» практиками его использования как дешевого увеселительного средства для низших слоев общества (рабочих, эмигрантов или переселенцев из села, т. п.) [18].

Наконец, важным аспектом публицистической риторики при описании кинематографического зрелища становится описание производимого им эстетического эффекта, связанного с полной «захваченностью» реалистичностью и жизненностью происходящего на экране. Так, в описании кинопоказа записи кулачного боя, отмечается, что фильм «рассказывает историю» [3] и позво-

ляет «присутствовать на чемпионате по борьбе без какого бы то ни было дискомфорта» [12]. «Естественность движения» персонажей религиозного фильма «Passion Play» «заставляет позабыть о существовании механизма» [23]. Настаивается даже, что движущиеся образы «более эффективны, чем описания» [11] и что в отношении сценического реализма кинематограф «лучше, чем театр», поскольку при посещении кинематографа «мысли о том, что перед тобой картина никогда не посещают голову» [26].

Слова «реализм» и «реалистический», настойчиво повторяемые в прессе с самых первых дней кинематографа, говорят о том, что изобретение киноаппарата «встроилось» в парадигматическую для капиталистического общества конца 20-го века мечту о «совершенном реализме», называемую «The Sun» «мечтой века» [25]. Достижение этой мечты благодаря техническому прогрессу позволило бы, по мысли буржуазных утопистов, устранить любые субъективные и «воображаемые» (и, как следствие, мешающие объективному познанию и социальному развитию) аспекты отношения человека к реальности. Изобретение кинематографа уже на самых ранних его этапах мыслится и мифологизируется как возникновение универсального языка, способного производить значения без непосредственного символического означивания, а также технического средства, позволяющего «преодолеть» пространственные и телесные ограничения посредством превращения пространства в запечатленный движущийся образ.

Посредством подобного иллюзорного преодоления производится эффект независимой и самодвижущейся реальности, существующей «объективно» и вне социально-пространственных отношений. Обуславливающий это возникновение процесс активизации дискурсивных и пространственных практик мы называем производством естественности. Анализ описаний раннего кинематографа в печатной прессе наглядно демонстрирует процесс производства «естественности» самого киноаппарата как онтологически «реалистического», «образовательного» и «воспитательного», т. е. выполняющего как раз те функции, которые приписывались ему в рамках капиталистического общества [1, с. 70]. Однако, одних только слов оказывается недостаточно, и через несколько лет культурные и пространственные трансформации, сопровождавшие возникновение классического кинематографа, приведут к вторичной «натурализации» экранного образа. Таким образом, «наивный» реализм ранних лет кинематографа переродится в «нарративный» реализм классических фильмов [1, с. 73], поддерживающийся не за счет предполагаемой технологической «магии» самого аппарата, но за счет комплекса художественных и пространственных техник, направленных на производство еще более полной иллюзии преодоления пространственной иллюзии поглощенности движущимся образом.

Список литературы

1. Петров В. Е. Ранний кинематограф – социальное пространство и феномен «деполитизированного взгляда». Э. Виллермо и Д. У. Гриффит // Вісник ХНУ імені В. Н. Каразіна № 1064. Серія «Філософія. Філософські перипетії». Харків, 2013. С. 70–76.
2. 100 pictures a minute // The Roanoke times. 1897. 11 декабря. С. 12.
3. Acme of realism // The Wheeling daily intelligencer. 1899. 4 августа. С. 5.
4. Amusements // The evening star. 1897. 2 января. 24 с.
5. A night condensed into two minutes // Los Angeles Herald. 1898. 20 февраля. С. 17.
6. Aside from Its purely amusement aspect... // The Saint Paul globe. 1900. 28 января. С. 7.
7. Astronomy and the Cinematograph // Deseret evening news. 1898. 25 февраля. С. 6.
8. Begin the New Year Aright // The evening star. 1896. 30 декабря. С. 12.
9. Cinematographe is here // The morning times. 1897. 1 января. С. 8.
10. H. R. C., The scientific achievement... // H. R. C., The Sun. 1896. 2 августа. С. 1.
11. Instruction by Cinematograph // The Abbeville press and banner. 1899. 9 августа. С. 3.
12. Jeffries-Fitzsimmons // Virginian-pilot. 1899. 13 июля. С. 2.
13. Last night began the second week... // The morning times. 1896. 12 января. С. 3.
14. Local matters // Alexandria gazette. 1897. 13 ноября. С. 3.
15. Note and comment // Iron County register. 1896. С. 5.
16. Novelties in the realms of science, literature and art // The San Francisco call. 1896. 12 апреля. С. 25.
17. On the midway at Paris // The Coalville times. 1900. С. 8.

18. Riemer W. The Cultural Status of Early Austrian Cinema and Film // Modern Austrian Literature. 2004. Т. 37. № 3/4. С. 1–12.
19. Scientific jottings // The Wheeling daily intelligencer. 1898. 9 апреля. С. 12.
20. Some state fair items // The Yakima herald. 1898. С. 3.
21. The century's marvel // The Sun. 1896. 9 августа. С. 9.
22. The cinematograph is developing... // The Pacific commercial advertiser. 21 апреля. С. 8.
23. The city // Bismarck daily tribune. 1900. 4 января. С. 8.
24. The field of electricity // Omaha daily bee. 1898. 19 августа. С. 7.
25. The Great Craze of the Day // The Sun. 1896. 13 июля. С. 10.
26. The Kline Show // The true northerner. 1900. 28 марта. С. 4.
27. The scientific craze // The Sun. 1896. 2 августа. С. 9.
28. The scientific craze // The Sun. 1896. 19 июля. С. 8.
29. The World's Greatest Marvel // The Sun. 1896. 5 июля. С. 10.
30. Things theatrical // The evening star. 1897. 3 июля. С. 24.
31. Topics from stageland // The Sun. 1896. 2 июля. С. 7.
32. Unexplored lands // The Argus. 1899. 21 августа. С. 3.

УДК 811.133.1
ББК 81.2 Фр

В. А. Смирнова
г. Хабаровск (Россия)

Тактики манипулятивного речевого воздействия в рекламном дискурсе

Рассматриваются манипулятивные коммуникативные тактики и особенности их речевой реализации в текстах рекламных сообщений французского Интернет-магазина. Механизм манипулятивного воздействия в рекламе описывается с опорой на понятие прототипического рекламного текста. Особое внимание уделяется анализу универсальных тактик манипулятивного речевого воздействия, демонстрируются примеры их реализации в конкретных текстах.

Ключевые слова: *рекламный дискурс, коммуникативная стратегия, манипулятивное речевое воздействие, манипулятивная тактика.*

V. A. Smirnova
Khabarovsk (Russia)

Speech manipulative tactics in the commercial advertising discourse

The paper deals with the speech manipulative tactics in the commercial advertising discourse and their realization in the commercial advertising texts of the French on-line Internet shops. The description of the mechanism of the speech manipulation is based on the notion of the prototypical commercial text. Special attention is paid to the analysis of the universal speech manipulation tactics and their realization in concrete texts.

Key words: *commercial advertising discourse, communicative strategy, speech manipulation, manipulative tactics.*

Интерес к теме манипулятивного речевого воздействия обусловлен повышенным вниманием современной лингвистической науки к изучению коммуникативно-прагматических аспектов речевой деятельности, в том числе и в области коммерческой рекламы.

Универсальным считается определение рекламы как особого вида коммуникационной деятельности, который имеет экономическую основу и сопровождает человечество на всех этапах его эволюции. В лингвистических работах, посвященных исследованию рекламы, в качестве опорных используются термины «рекламный дискурс» и «рекламный текст». Считается, что термины «дискурс» и «текст» обозначают близкие по смыслу понятия, однако «дискурс» акцентирует «динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения», а «текст», напротив, трактуется преимущественно как «статический объект, результат языковой деятельности» [1].

Понятие «рекламный текст» чрезвычайно широко, однако, несмотря на это, в научной литературе существует ряд рабочих определений данного понятия. Так, например, под текстом рекламы понимается весь комплекс языковых средств и визуального (изобразительного) ряда, который направлен на создание образа рекламируемого товара, на формирование необходимости его приобретения [2, с. 54].

Общеизвестно, что конечной целью рекламного текста считается извлечение прибыли из продажи товара или услуги. Для достижения этой цели обычно применяется манипуляция, которая трактуется преимущественно как «воздействие на человека с целью побудить его сделать что-либо (сообщить информацию, совершить поступок, изменить свое поведение) неосознанно или вопреки его собственному желанию, мнению, намерению» [3, с. 72].

Встает вопрос о способе обнаружения манипулятивного воздействия в рекламе. В исследовании Е. С. Поповой в качестве инструмента предлагается понятие прототипического рекламного текста (ПРТ), идеальной модели, представляющей структурные компоненты рекламной коммуникации: обозначение продавца, покупателя и товара/услуги (1), просьба/призыв купить товар/воспользоваться услугой (2), положительная оценка качеств товара и выгода адресата от приобретения рекламируемого объекта (3) [4].

В ПРТ непосредственная цель рекламы выражена открыто, а в манипулятивном рекламном тексте она сознательно камуфлируется создателем рекламы с помощью выбранной коммуникативной стратегии, и в связи с этим структура ПРТ изменяется. Наличие в рекламном тексте отклонений от ПРТ позволяет, по мнению Е. С. Поповой, говорить о наличии манипулятивного воздействия. Структурно механизм манипулятивного воздействия может быть представлен следующим образом: цель → стратегия → тактика → прием → перлокутивный эффект.

Манипулятивная стратегия рекламного текста направлена на преодоление отрицательного отношения потенциального покупателя к рекламируемому товару и создание положительного настроения на его приобретение. Данная стратегия реализуется набором манипулятивных тактик и приемов.

В современных рекламных текстах используются универсальные и специфические рекламные манипулятивные тактики (РМТ). К универсальным РМТ относят «Подмену целей», «Надевание маски», «Игру с мотивом».

Анализ рекламных объявлений французского Интернет-магазина позволил выявить особенности речевой реализации универсальных РМТ. В качестве **материала исследования** послужили рекламные сообщения, размещенные в рубрике *75-idées-cadeaux-pour-la-fête-des-mères (75 идей подарков к Дню матери)*, что обусловило содержательные и лексико-стилистические особенности исследуемого материала.

Известно, что **РМТ «Подмена целей»** заключается в замалчивании выгоды адресанта рекламы и переносе акцента на материальную или моральную выгоду адресата: товар представляется в лучшем свете, подчеркиваются его умеренная цена и польза от приобретения. Для реализации данной РМТ используются лексические единицы *fonctionnel, efficacité, pratique, utile, garanti à vie*, акцентирующие функциональную выгоду от приобретения товара и его долговечность, например: (1) *...voilà ce qui peut faire l'objet d'un cadeau utile!*

Словосочетание *à prix tout doux* подчеркивает доступность цены товара: (2) *Un cadeau de soin supra à prix tout doux.*

В отдельных примерах в качестве материальной выгоды обещано дополнительное бесплатное приложение к рекламируемому товару, например, к кастрюле для варки варенья прилагается книга рецептов: (3) *En plus, ce confiturier est vendu avec son livre de recettes.*

Моральная выгода адресата сводится к возможности получать удовольствие и ощущать радость от использования приобретенного товара. В имеющихся примерах моральная выгода описывается словами и словосочетаниями, в лексическом значении которых есть указание на чувства радости и удовольствия, эмоциональное состояние счастья: *faire le bonheur, ravir, faire plaisir, surprendre, donner le sourire*, например: (4) *Un appareil de beauté malin qui fera le bonheur de toutes les mamans.*

РМТ «Надевание маски» проявляется в устранении дистанции в «общении» с адресатом, стремлении к солидаризации, что находит отражение в употреблении местоимения *nous (=мы)* и

его функционального эквивалента в разговорной речи местоимения *on*: (5) *Guerlain nous propose ...*, (6) *On zappe le cuir, on change de style*.

Адресант рекламы может «надевать» разные «маски». Для каждой маски существуют свои речевые приемы реализации. Так, в роли заботливого помощника адресата выступает фирма-производитель рекламируемого товара, факт заботы выражается при помощи глагола *penser* в значении «s'occuper» (=заботиться): (7) *Swatch a pensé aux mamans et sort un coffret cadeau qui leur est dédié*.

Адресант в роли информированного собеседника пытается убедить потенциального покупателя:

– в отсутствии аналогичных предложений на рынке: (8) *Ce n'est plus la peine de chercher d'autres idées de cadeau!*

– в ограниченном количестве товара на рынке: (9) *Faites vite, c'est une édition limitée*.

– в ограничении времени продажи товара: (10) *Dépêchez-vous, il n'est disponible que 4 semaines*.

В примерах (9) и (10) использованы глаголы в повелительном наклонении, которые выражают настойчивое побуждение к действию (покупке рекламируемого товара). Данные рекламные призывы, содержащие скрытую угрозу, могут трактоваться как своеобразный шантаж покупателя и являются ярким примером манипулятивного воздействия.

«Надевая» маску советчика, адресант рекламы эмоционально призывает покупателя поспешить и совершить покупку, не раздумывая: (11) *...n'hésitez plus, c'est bientôt sa fête!* Эмоциональность высказывания подчеркивается наличием восклицательного знака в конце предложения.

Маска собеседника предполагает имитацию диалога с адресатом рекламы, что находит выражение в вопросно-ответной структуре рекламного объявления, например: (12) *Votre maman n'est pas du genre à acheter des jus de fruits et de légumes tout prêts en grande surface? Dans ce cas, vous avez trouvé LE cadeau qui devrait lui faire plaisir. Cette centrifugeuse lui permettra en effet de réaliser elle-même ses propres boissons vitaminées*. В приведенном примере рекламный текст начинается с вопроса, адресованного потенциальному покупателю товара. Готовый ответ дает сам адресант рекламы. Как в этом, так и во всех других имеющихся примерах, к адресату рекламы обращаются только на «Вы» (*vous*), что подчеркивает вежливое и уважительное отношение рекламодателя к адресату рекламы.

В диалоге с адресатом используются также и риторические вопросы как средство привлечения внимания к рекламируемому товару: (13) *Qui n'apprécierait pas ce bijou ludique qui délivre le plus doux des messages?*

Находясь в маске эмоционального лидера, рекламист использует разнообразную эмоционально-оценочную лексику с целью создания привлекательного образа товара и получения положительного эмоционального отклика адресата, например: (14) *Cette bague est ...une vraie petite merveille*.

Суть РМТ «Игра с мотивом» состоит в выделении одной потребности и выдвигании одного мотива покупки, который находит отражение в рекламном тексте. Эта непростая тактика связана с вторжением во внутренний мир адресата через обращение к его потребностям, благодаря чему достигается неосознаваемый покупателем контроль над его мыслями, чувствами, поведением, осуществляется управление отношением потребителя к рекламируемому товару.

С опорой на классификацию потребностей, предложенную А. Маслоу, принято выделять физиологические (биологические) потребности личности, потребность в безопасности, потребность в принадлежности и любви, потребность в уважении (почитании), познавательные потребности [5]. К вышеперечисленным иногда добавляют эстетические потребности и потребность в самореализации.

Хорошо ориентируясь в иерархии потребностей человека, рекламист в каждом товаре выделяет то, что могло бы мотивировать покупку рядового потребителя. Учет потребностей личности в рекламном тексте проявляется в акцентировании тех качеств товара, которые способны удовлетворить ту или иную потребность покупателя.

Например, в качестве мишени рекламы может выступать потребность в принадлежности к определенной социальной группе, своему (часто элитарному) кругу людей, объединенных опре-

деленными интересами, вкусами, стилем жизни, видами деятельности. Рекламные сообщения создают заманчивый образ потенциального потребителя товара, и у адресата рекламы создается иллюзия, что, приобретя данный товар, он войдет в круг избранных, будет в тренде. Лексическими средствами создания привлекательного образа потребителя служат словосочетания *êtredans lev-ent, être à la mode*, фамильярное *être «in»*, *tendance du moment*, *très tendancecette saison* и др., например: (15) *Pour que votre mère soit dans le vent, ...*

Таким образом, в рекламе всегда учитываются те или иные потребности адресата, именно они становятся мишенью манипулятивного воздействия.

Рассмотренные универсальные РМТ отражают оппозицию «адресант – адресат» в рекламном тексте. С помощью тактик «Надевание маски» и «Подмена целей» адресант рекламы скрывает свои личные интересы за маской заботливого помощника, советчика, который желает угодить адресату. Личность адресата, напротив, акцентируется в тексте за счет подчеркивания личной выгоды покупателя от приобретения рекламируемого товара. Хорошее знание потребностей личности позволяет рекламисту применить РМТ «Игра с мотивом» и представить товар как жизненно необходимый адресату. Мотив покупки в рекламном тексте определяется с ориентацией на определенный тип адресата. В реализации универсальных РМТ участвуют различные языковые единицы лексического и синтаксического уровней.

Список литературы

1. Кибрик А. А., Паршин П. Б. Дискурс. Электронная Энциклопедия Кругосвет. URL: <http://www.krugosvet.ru/articles/82/1008254/1008254a1.htm>, (дата обращения: 25.08. 2014)
2. Дробышева О. В. Стратегии воздействия рекламного текста с использованием символики «мужик» // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 11 (192). Филология. Искусствоведение. Вып. 42. С. 57.
3. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. 252 с.
4. Попова Е. С. Рекламный текст и проблемы манипуляции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 27 с.
5. Маслоу А. Г. Мотивация и личность. 3-е изд.; пер. с англ. СПб: Питер, 2008. 352 с.

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2–7

Ю. В. Шурина
г. Чита (Россия)

Интернет-мем как прецедентный феномен

Статья посвящена феномену интернет-мемов, активно функционирующих в современном коммуникативном пространстве Интернета. Интернет-мемы рассматриваются как особая разновидность прецедентных феноменов, единица культурной информации, передаваемая посредством интернет-коммуникации.

Ключевые слова: *интернет-мем, интернет-коммуникация, прецедентные феномены, комический эффект, речевые жанры, креолизованный текст, культурная коннотация.*

Yu. V. Shchurina
Chita (Russia)

Internet meme as a precedent phenomenon

There is covered the phenomenon of Internet memes that actively function in the present Internet communication. Internet memes are considered as a special variety of precedent phenomenon, as a unit of cultural information spreading by Internet communication.

Key words: *Internet meme, Internet communication, precedent phenomenon, comic effect, speech genre, creolized text, cultural connotation.*

Интернет рассматривается как качественно новая информационная, социальная, психологическая и лингвистическая среда, открывающая особые возможности для реализации интеллектуальных и творческих потребностей человека. Активное развитие коммуникативного пространства Интернета привело к появлению значительного количества исследований, посвященных данной проблематике. По мнению Е. И. Горошко, можно говорить о формировании особой дисциплинарной парадигмы – лингвистики Интернета [2].

Сегодня представляется очевидной необходимость новых подходов к изучению Интернета. Так, в гуманитарных исследованиях Интернет-пространства особое внимание уделяется его «социальному» измерению: культурным, языковым и психологическим особенностям взаимодействия, закономерностям формирования и функционирования виртуальных сообществ, принципам самовыражения личности, стратегиям осуществления познавательной и творческой деятельности и мн. др. Все это разнообразие в осуществлении социальных функций невозможно без функционирования языка в Сети, что является системообразующей характеристикой Интернета как глобального социального явления [3].

Существует значительное количество определений понятия «интернет-коммуникация». Наиболее удачным представляется определение И. Н. Розиной, которая рассматривает интернет-коммуникацию как использование людьми электронных сообщений (чаще мультимедийных) для формирования знаний и взаимопонимания в разнообразных средах, контекстах и культурах [9, с. 32]. Е. И. Горошко отмечает, что в этом определении учитываются такие важные составляющие процесса интернет-коммуникации, как коммуникативная цель, характер средства связи (электронный), форма представления информации (мультимедийная), антропоцентрический характер (человеческая составляющая), а также охват различных форм социальной коммуникации [3].

Можно выявить ряд сходных черт интернет-общения как своеобразной формы массовой коммуникации и всенародной карнавальной жизни средневековья в трактовке М. М. Бахтина [1]: выход за пределы официальных регламентаций и оформление особым игровым образом [12]. Игра как одна из преобладающих форм коммуникации в интернет-пространстве определяет характерные качества самого общения: неутилитарный характер, двуплановость, положительная эмотивность и др. [12].

Возможности проявления игрового компонента в общении, как правило, связаны с использованием языка как средства достижения эстетических или творческих целей, которые чаще всего реализуются в виде установки на комический эффект. Свойства интернет-коммуникации определяют возможность возникновения новых, специфических источников комизма, природа которых обусловлена действием иных, отличных от используемых в традиционных сферах общения механизмов. Одним из таких источников (активность использования которого в последнее время возрастает) будем считать интернет-мемы.

Термином «интернет-мем» обозначают возникшее в первом десятилетии XXI века явление спонтанного лавинообразного распространения в интернет-среде некоторой информации посредством разнообразных способов, а также саму эту информацию [7].

Понятие «мем» впервые было введено Р. Докинзом, предложившим концепцию репликации по отношению к социокультурным процессам [4]. В широком понимании мем можно рассматривать как некую идею, образ, объект культуры (чаще нематериальной), который перенимается многими членами сетевого сообщества [13, с. 162].

Мемы представляют собой вербальные, невербальные и гибридные образования, которые объединяет два ключевых признака: воспроизводимость и высокая скорость циркуляции в Интернете. При этом мемы постоянно обновляются, смешиваются, трансформируются, образуя все более сложный и специфичный язык интернет-сообществ.

Мем рассматривается как механизм передачи и хранения культурной информации. Очевидно, что спонтанному, неконтролируемому распространению среди интернет-пользователей некоей информации подвержена не всякая информация, а лишь та, которая каким-либо образом оставляет многих пользователей равнодушными к ней, вызывает интерес или порождает ассоциации. Мемы отражают культурные стереотипы и явления современной действительности, которые актуальны и интересны для интернет-пользователей [8]. Так, мемы-персонажи представляют собой усредненные портреты представителей определенных профессий (*Коварный переводчик, Злая*

Училка, Проницательный Психолог) или социальных слоёв (Типичный Иммигрант, Типичный Миллиардер, Провинциальный мэн); нередко мемами становятся животные или фантастические персонажи (Котэ, Собака, Гипножаба, Ктулху). Экспансия мемов, активно бытующих в блогах, чатах, на форумах, проникающих в рекламу и медиатексты, в речевую практику миллионов людей, стала мощным фактором формирования общественного мнения и шире – современной ментальности, иначе говоря, социально-культурным явлением, с которым нельзя не считаться [10].

Основные характеристики интернет-мемов позволяют рассматривать их как разновидность прецедентных феноменов. Напомним, что, согласно определению Ю. Н. Караулова, к числу «прецедентных» относятся феномены: 1) хорошо известные всем представителям данного этнолингвокультурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном плане, предполагающие некое общее и обязательное представление о них или инвариант восприятия, который и делает все апелляции к прецедентному феномену понятными, коннотативно окрашенными; 3) обращение к которым постоянно возобновляется [5].

По «степени распространенности» прецедентные феномены могут быть разделены на: 1) социумно-прецедентные – известные любому среднему представителю того или иного социума (генерационного, социального, конфессионального, профессионального и т. д.) и входящие в коллективное когнитивное пространство; 2) национально-прецедентные – известные любому среднему представителю того или иного этнолингвокультурного сообщества и входящие в национальную когнитивную базу; 3) универсально-прецедентные – известные любому среднему современному человеку и входящие в «универсальное» когнитивное пространство («универсальную» когнитивную базу) [6, с. 164].

Явление прецедентности считается одним из важнейших средств межкультурной коммуникации. Любой прецедентный элемент (текст, имя, ситуация) в сжатом виде способен передать информацию об источнике либо о целом культурном/историческом событии. Это позволяет обеспечить «узнавание» данного феномена адресатом и его последующую интерпретацию. Восстановление культурных коннотаций и определенных ассоциативных связей оказывается необходимым для достижения коммуникативного эффекта.

Использование интернет-мемов в коммуникации может преследовать разные цели: создание подтекста, актуализацию «фоновых» знаний адресата, повышение экспрессивности, включение элементов игры, усиление оценочности и пр.

Актуальным представляется, прежде всего, исследование возможностей интерпретации речевых жанров, «осложненных» присутствием в их структуре интернет-мемов. Такая интерпретация будет основана на активизации специфических средств образности и интертекстуальных взаимосвязях [8].

В целях объяснения и предупреждения коммуникативных сбоев при реализации соответствующих речевых жанров важным представляется вопрос о возможностях типологизирования интернет-мемов. В качестве основания для классификации могут быть предложены следующие критерии: 1) способ выражения мема (вербальный, невербальный или гибридный); 2) источник возникновения мема.

Первое основание позволяет выделить следующие типы активно функционирующих в современном интернет-пространстве мемов: 1) текстовый мем; 2) мем-изображение; 3) медиамем; 4) гиф; 4) креолизованный мем.

Текстовые мемы могут быть выражены посредством: а) слова: *Внезапно, Медвед, Анонимус, Упячка* и др.; б) выражения/фразы: *Аффтар жжот, Горизонт завален, Дотянулся проклятый Сталин, Йа криветко!*; в) текстовых фрагментов, начинающих или оканчивающих сообщение: *Этот неловкий момент, когда..., Мне одному кажется, что..., ...Занавес!* и т. д.

Текстовые мемы используются как в разных видах интернет-общения (на форумах, в блогах, в чатах и т. п.), так и в качестве текстового компонента различных жанров, таких как интернет-комиксы.

Мемы-изображения существуют в трех основных разновидностях: 1) узнаваемое изображение, в котором главное внимание обращено на визуальную часть, – *Ктулху, Омской птицы, Facerpalm* (человек, закрывающий лицо руками, – обозначает «стыд»); 2) обобщенный образ, воплощающий представления о персонаже: *Котэ, Собака* и др.; 3) «фотожаба» – результат творче-

ской переработки изображения при помощи графического редактора. Наиболее известные изображения, ставшие основой значительного количества «фотожаб», – *Свидетель из Фрязино*, *Толстый китайский мальчик*, *Аленка*. В «фотожабе», помимо визуальной составляющей, определенное внимание уделяется комическому переосмыслению образа или ситуации. Так, всем известный образ девочки на обертке шоколада «Аленка», претерпев трансформации, обрел популярность в виде многочисленных вариантов – например, шоколад «Арменка» с лицом Армена – персонажа телесериала «Реальные пацаны» (см. рис. 1).

Медиаемы представляют собой комические видеосюжеты, которые передаются от одного пользователя другому, широко распространяясь в Сети. Специфика их использования заключается в возможности неоднократного воспроизведения, повторного неоднократного просмотра. Примечательно, что некоторые медиаемы становятся такими неожиданно для их героя (напр., мем *Mr. Trololo*, источником которого является видеозапись выступления эстрадного певца Эдуарда Хила).

Узнаваемость медиаэма служит основой для его дальнейшего использования: так, отсылки к мему *Очки надо?* (ролик с китайцем, торгующим в автобусах смешными очками) используются в рекламе. При этом текстовая часть видеомема может подвергаться лексическим и грамматическим трансформациям. Отметим, что возможность достижения необходимого коммуникативного эффекта при таком «вторичном» использовании мемов в значительной степени зависит от совпадения элементов апперцепционной базы автора и адресата, в случае их несовпадения идентификация мема может не произойти

Гифы (гифки) представляют собой анимированные картинки, короткие невербальные зарисовки, фиксирующие, как правило, некую эмоциональную реакцию (от ужаса до восторга). Так, весьма популярны гифы, буквально демонстрирующие *фейспалм* (стыд). Источники гифов отражают культурный кругозор создающих их пользователей: зарисовки из жизни, спортивные события, ситуации с домашними животными, события из жизни известных личностей (напр., мем *Райан Гослинг отказывается есть*) и пр.

Креолизованный мем – разновидность креолизованных текстов, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной ... и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [11, с. 180]. Эти мемы представляют собой узнаваемые изображения на стандартном заданном фоне, сопровождаемые надписями. При этом изменяемой частью является надпись, а фон и изображение остаются, как правило, стандартными [8]. При прочтении сопровождающих изображение надписей возникает эффект неоправданного ожидания, что и определяет смеховую реакцию. В качестве задающей сюжет фразы могут использоваться прецедентные тексты, неожиданная концовка которых вызывает комизм. Для достижения комического эффекта необходимо узнавание адресатом соответствующих текстов (см. рис. 2).

Источники возникновения интернет-мемов могут быть весьма разнообразны, отражая интересы пользователей и те явления, которые представляются для них важными. Рассмотрим основные типы подробнее.

1. Актуальное событие, горячая новость в СМИ (*челябинский метеорит*, *папа Римский увольняется*, *упала ракета в Казахстане*). Отметим, что мемы на основе актуальных событий возникают и распространяются практически мгновенно, сразу после сообщения о них в СМИ (см. рис. 3).

Рис 1. Мем «Арменка»

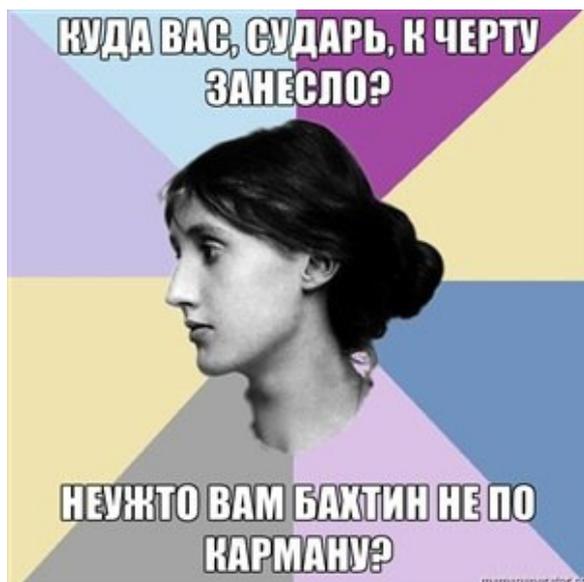

Рис. 2. Мем «Филологическая Дева»

Рис. 3. Мем «Обама»

Рис. 4. Мем «Боромир»

2. Предмет искусства или артефакт материальной культуры (*Джоконда*, «Крик» – серия картин норвежского художника-экспрессиониста Эдварда Мунка и т. д.).

3. Фразы из художественных и телевизионных фильмов (*Это Спарта!* из кинофильма «300 спартанцев», *Моя прелесть* из трилогии «Властелин колец», *Зима близко* из телесериала «Игра престолов»), персонажи аниме и кинофильмов (*Боромир*, *Железный человек*, *Халк*), телевизионных сериалов (*Армен* из сериала «Реальные пацаны»).

4. Художественные тексты, анекдоты, компьютерные игры (*Ничего ты не знаешь*, *Джон Сноу* из саги Дж. Р. Р. Мартина «Песнь льда и пламени»).

5. Интернет-жанры, как правило, объединенные комической направленностью, – комиксы, эдвайсы, демотиваторы и пр. Например, эдвайсы стали источником таких известных мемов, как *Проницательный Психолог*, *Злая Училка*, *Коварный Переводчик*, *Филологическая Дева*, *Скучающий Ботан*, *Типичный Миллиардер*, демотиваторы породили множество мемов, в частности *Кэпа*, *Котэ* и *Собаку*, огромное количество мемов пришло из комиксов.

5. Фразы отдельных пользователей или известных медийных личностей. Так, фраза про *радиоактивный пепел* телеведущего Дмитрия Киселева в течение нескольких дней стала мемом, трансформируясь в различных вариациях, включая комбинации с уже известными мемами. Например, рис. 4.

6. Источником мема может стать известная личность: чаще всего это артисты, медийные личности (например, известные американские актеры *Райан Гослинг*, *Киану Ривз*, победитель песенного конкурса «Евровидение-2014» *Кончита Вурст* и пр.).

Примером превращения в мем личности может служить прокурор *Наталья Поклонская*. В основе популярности мемов про Поклонскую лежит контраст между типичной для персонажей аниме внешностью (большие глаза, правильные черты лица, прическа) и жесткой, неженственной манерой публичных выступлений (см. рис. 5).

В целом, источники мемов отражают специфику культурной ситуации последних лет: по большей части это цитаты и персонажи из кино- и телефильмов, сериалов, а также фразы и персонажи, возникшие в рамках комических интернет-жанров. Не столь значительным по объему представляется корпус примеров, источником которых стали художественные тексты, произведения искусства или артефакты мировой культуры и т. п.

На процесс создания и репликации мемов влияют различные факторы, включая и экстралингвистические, и внутриязыковые. Степень распространенности мема зависит как от значимости происходящих событий для большинства пользователей, так и от наличия забавного или неожиданного компонента в той или иной фразе или событии, которые могут в дальнейшем многократно обыгрываться, подвергаясь все новым трансформациям.

Возможность достижения нужного коммуникативного эффекта при использовании мемов связана с определением соответствующих коннотаций, которыми они обладают. Для адекватного восприятия интернет-мемов необходимо совпадение составляющих культурного багажа автора и адресата, наличие определенных предварительных знаний, «узнавание» мема. Интернет-мемы обычно сфокусированы на той или иной социальной группе, т. е. коммуникативный эффект мема рассчитан, как правило, на определенную аудиторию, однако наиболее «успешные» из мемов становятся известны далеко за пределами интернет-пространства, в том числе и в традиционных сферах общения.

Возможность «продвижения» мема связана с включенностью адресатов в контекст. Этим обусловлена и относительная недолговечность активности мемов. На длительность циркуляции мема в коммуникации можно рассчитывать только в случае широкой известности и значимости тех событий, которые послужили основой для создания мема. Устойчивость мема определяется его потенциалом генерирования различных интернет-жанров. Создание значительного числа текстов или иных образований на основе данного мема и их последующее воспроизведение на разных сетевых площадках позволяет мему сохраниться и при благоприятных условиях вновь актуализироваться.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Творчество Ф. Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худ. литература, 1990. 541 с.
2. Горошко Е. И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орел: Картуш, 2007. Вып. 5. С. 223–237.
3. Горошко Е. И. Современная интернет-коммуникация: структура и основные параметры // Интернет–коммуникация как новая речевая формация. М.: Изд-во Наука, Изд-во Флинта, 2012. С. 9–52.
4. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Мир, 1993. 318 с.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
6. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М.: Гнозис, 2001. 270 с.
7. Ксенофонтова И. В. Специфика коммуникации в условиях анонимности: меметика, имиджборды, троллинг // Интернет и фольклор: сб. ст. М.: Гос. республ. центр русского фольклора, 2009. С. 285–294.
8. Нежура Е. А. Новые типы креолизованных текстов в коммуникативном пространстве Интернета // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 47–52.

Рис. 5. Мем «Наталья Поклонская»

9. Розина И. Н. Педагогическая компьютерно-опосредованная коммуникация: теория и практика М.: Логос, 2005. 460 с.
10. Савицкая Т. Е. Интернет-мемы как феномен массовой культуры // Культура в современном мире. 2013. № 3. URL: <http://infoculture.rsl.ru> (дата обращения: 15.08. 2014).
11. Сорокин Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180–181.
12. Сычев А. А. Юмор в интернет-коммуникации: социокультурный аспект. URL: <http://www.abc-globe.com/sichev.htm> (дата обращения: 05.05. 2013).
13. Шурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. № 3. Филология. Екатеринбург, 2012. С. 160–172.

III. ЯЗЫК ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

УДК 811.161.2'373.2

ББК 81.2 Укр-3

Т. Н. Агибалова
г. Харьков (Украина)

Лингвализация античной культуры в драматических поэмах Леси Украинки

В статье анализируются лингвостилистические особенности вербализации античного культурного пространства в языковой картине мира Леси Украинки, рассматривается роль писательницы в интеллектуализации украинского литературного языка.

Ключевые слова: лингвостилистические особенности, интеллектуализация языка, языковая картина мира, культурное пространство, вербализация.

Т. М. Agibalova
Kharkiv (Ukraine)

The Lingualization of Antique Culture in Lesya Ukrainka's Dramatic Poems

The article deals with linguostylistic peculiarities of verbalization of the Antique cultural space in Lesya Ukrainka's dramatic poems, her role in intellectualization of the Ukrainian Literary Language is under analysis.

Key words: linguostylistic peculiarities, language intellectualization, language picture of the world, cultural space, verbalization.

Антропологическая парадигма научной мысли начала нынешнего тысячелетия постулирует принципы изучения лингвальных объектов в неразрывной связи с категориями бытия, языковой личности, интеллектуализаторской функцией языка. Феноменология Гуссерля интерпретирует этот принцип в аспекте субъективной оценки: «Все относящееся к миру, все пространственно-временное бытие есть для меня, значимо для меня, именно благодаря тому, что я познаю его в опыте, воспринимаю, вспоминаю его, сужу или как-либо думаю о нём, оцениваю, желаю» [1]. Именно поэтому художественный лингватикон, вербализующий в культурных традициях этноса интеллектуальную эволюцию концептуальной картины мира, представляет собой «культурный фундамент» эстетики слова и мышления нации. В трактовке С. Ермоленко, «хотя писатель и пользуется общеупотребительным языком, но его индивидуальное мировосприятие, психология словесного творчества обуславливают сотворение особенного языкового мира» [2, с. 305]. Л. Лисиченко отмечает, что язык литературного произведения «является результатом <...> глубинных процессов селекции языкового материала, которая зависит от внутреннего мира писателя, обусловленного не только культурно-историческими и социальными факторами, но и психическими основами личности» [3, с. 172].

К сословию деятелей духовной культуры, раскрывающих глубинные основы бытия homo intellectualis, принадлежит Леся Украинка. Содержание и форма ее драматических поэм вводят в украинский язык и мировой литературный континуум конца XIX – начала XX ст. авторскую интерпретацию культурологических парадигм Египта, Древней Греции и Рима, библейскую семиосферу. Каждая поэма – оригинальная лингвопалитра столкновения и смещения спектральных границ эпох и поколений, а все вместе они, как диковинная мозаика, складываются в Словарь языковых эстетических знаков культуры.

В самом широком диапазоне драматургия Леси Украинки объективирует рациональный корпус лексики, вербализирующей античную модель бытия – от духовного наследия до артефактов эллинской эпохи. Специфика рецепции античности украинской литературной традицией анализируется в научных трудах отечественных лингвистов достаточно широко (Л. Ушкалов, А. Демченко, О. Турган, М. Майстренко, Ю. Микитенко, О. Цыганок и др.). Вместе с тем интеллектуализаторская функция языка как отражение его онтологического статуса исследована лишь фрагментарно. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью изучения интеллектуальной динамики языка художественной литературы в контексте осмысления писателем историко-философских парадигм цивилизационного процесса. Целью данной работы является анализ семантико-стилистических особенностей культурно маркированной лексики в поэмах Леси Украинки античного цикла.

Лингвоархитектоника и поэтика, глубокая философичность, трагизм и эмотивный пафос классической трагедии отвечают морально-этическому выбору эпохи. Специфика мифориторики драматических поэм заключается в том, что писательница «адаптирует» ментальные атрибуты древнегреческой и римской цивилизации к национальной среде, заполняет языковые лакуны, разрушая интеллектуальный вакуум, сложившийся в условиях социально-исторического процесса второй половины XIX в. Доказательной базой последнего утверждения является тот факт, что в текстах драматических поэм мы выделяем 14 лексико-семантических групп, объективирующих интеллектуальное осмысление автором античной культуры: 1) имена древнегреческих богов (*Меркурий, Зевс, Венера, Юпитер, Амур, Прометей*); 2) названия божеств нижнего уровня (*грации, нимфы, камни, музы, лары*); 3) имена исторических и культурных деятелей (*Август, Цезарь, Меценат, Нерон, Тулий, Сократ*); 4) географические названия (*Коринф, Танагра, Тибр, Маремма*); 5) наименования мифических существ (*менада, гидра, химера, медуза*); 6) имена для обозначения принадлежности к определенным социальным, этническим и религиозным группам (*филэллин, эллин, римлянин, плебей, раб, весталка, пифагорийцы*); 7) названия общественных объединений, понятий общественно-политической сферы и форм государственного правления (*триумвират, республика*); 8) исполнительная и судебная власть (*префект, прокуратор, тетрарх, легат*); 9) названия по роду деятельности (*ритор, мим, рапсод, панегирист, корифей, хорист*); 10) названия из сферы архитектуры (*арка, мавзолей, гинекей, портик, альков, крипта*); 11) названия предметов обихода, названия денежных единиц (*стиль, кратер, обол*); 12) названия предметов одежды (*верета, туника, тога, порфира, стола*); 13) слова сферы искусства (*прелюдия, арфа, кимвалы, панегирик, фрески, скульптура, театр*); 14) наименования праздников, обрядов, танцев, предметов и символики культа (*триумф, вакханалия, оргия, сатурналии*).

Леся Украинка активизирует интеллектуальный ресурс читателя путем использованием эстетического потенциала онимов: *Иди служи своєму Меценату, / забудь краси великі заповіти, / забудь не смертний образ Прометей, / борця проти богів, забудь і муки / Лаокоона, страдника за правду, / не згадуй героїні Антігони, / ні месниці Електри. Викинь з думки / Елладу, що, мов Андромеда скута, / покинута потворі на поталу, / з нудьгою жде Персея-оборонця. / Ти не Персей, бо ти закам'янів / перед обличчям римської Медузи* [4, с. 440].

Познавательная деятельность писателя, претворяющего в жизнь эволюционный процесс путем фиксации эмоционального в рациональном (В данном случае речь идет о концептуализации, интериоризации действительности в авторском тексте. – Т. А.), является отражением его языкового сознания, поэтому искусство *дефинирования* понятий и явлений отображает уровень владения словом. Сложившаяся из фрагментов предыдущего опыта и знаний картина мира фиксируется в художественном этнодискурсе авторским афоризмом. Афористика драматических поэм Леси Украинки органично «вписывает» античный культурный хронотоп в архетипы языкового сознания украинского этноса. На основе семантики опорного слова мы выделяем 7 таких групп, которые объективируют: 1) понятия *святости, чести*: *Я не запродав своєї Терпсіхори<...> / Чи вже й вона для храму засвята?* [5, с. 436]; *Рабам на оргії немає честі* [5, с. 438]; 2) понятие *славы* как заслуженной награды *воина чести* (самая большая группа): *Хто слави не бажає, / той не еллін* [5, с. 436]; *Та чим же вславиться сама Еллада, / коли їй діти лаврів не здобудуть?* [5, с. 437]; *Неславу дозволяють нам носити, / а славу Рим бере, немов податок* [5, с. 437]; *Хто ж то перейшов / по нас, як по містках, до храму слави / всесвітньої. Кого ж ми на собі / з безодні*

варварства на гору несли? / Чи ж не лягли ми каменем наріжним / до **мавзолея** нашим переможцям? [5, с. 439]; *Тепер в Елладі той лиш має славу, / кого похвалить Рим* [5, с. 442]; *У гречуків отих усі герої! / Хто кине в зваді миску через стіл / і в лоб сусіду влучить – вже й уславивсь* [5, с. 442]; *Бо уявіть собі, що й тії мавпи / до слави не байдужі: раз плесніть, / то потім і прогнати з кону трудно* [5, с. 447]; 3) понятие вознаграждения за добродетель: *Мені коринфськіо плески не ваблять* [5, с. 444]; *Топтати різних лаврів я не хочу. / Триумфи в Римі – то для мене ганьба* [5, с. 442]; 4) понятие свободы: *Хоч вернеться з неволі Терпсіхора, / то вже вона богинею не буде* [5, с. 438]; 5) мотив рабства: *Але й рабині часом утікають. / То не впевайся на замки* [5, с. 445]; 6) образ поета как провестника правды: *Ти се думаєш насправжки, / що Меценатспівця до себе кличе, / на оргію для дружньої балачки, / а не для співу на розривку гостям?* [5, с. 442]; *Корінф оцінить / свого співця тоді, / коли втерєє* [5, с. 442]; 7) риторические утверждения с семантической поучения: *Пам'ятай же, / що Рим ходив у Грецію до школи* [5, с. 442]; *Навчитись мовчки доброї вимови – / сього б і Демосфен не доказав* [5, с. 452]; *Музі, що сьогодні не голодна, / слід пам'ятать, що й у богів є завтра / лише тоді, коли його заслужать* [5, с. 457].

Отличительной чертой языковой конъюнктуры «античного текста» письменниці являється особая роль ремарок и авторского комментария. Это не столько пояснение, сколько широкий историко-философский контекст событий, акцент на художественной детали и способ характеристики персонажей. Именно на комбинации пространственной детали и культурно маркированной лексики базируется лингвомоделирование «высокого стиля» античной эпохи в драматических поэмах «Оргия», «Руфин и Присцилла», «Йоганна, жена Хусова»: *Велика, пишна, прибрана як для оргії світлиця, аркою переділена на дві нерівні частини: у першій, меншій (на передньому плані), поставлено триклініум для господаря Мецената і двох найпочесніших гостей – прокуратора і префекта – і вряджено невисокий примост, засланий килимами, для виступів співців, мімів та інших артистів; у другій, більшій (на задньому плані), багато столів, то з ліжками навколо – на грецький лад, то з стільцями – на римський, там сидять і лежать гості різного стану і віку, греки і римляни <...>. На примості хор панегіристів – між ними Хілон – кінчає спів* [5, с. 447]; *Атріум в домі Руфіновім: велика гарна світлиця з квадратним басейном посередині (impluvium) і такою ж великою незакритою кватиркою в стелі над ним (compluvium). Коло басейну простий хатній олтар без статуй. До світлиці притикає скільки бічних кімнат, відділених від неї не дверима, а важкими запорами з дорогих тканин; простінки межі завісами прикрашені малюванням та погруддями філософів на високих підставках <...>. В атріумі є чимало скамничок, ослонів, дзигликів, столиків, ваз на підставках, що робить світлицю оздобною та захисною, хоч вона й не надміру розкішна* [4, с. 341].

Лингво-естетическим вкладом Леси Украинки в сокровищницу мировой культуры является актуализация различных культурных хронотопов в едином языковом пространстве текста для интерпретации артефактов античной цивилизации. Например, коннотативное значение слова *ліра* («дар всемирной культуры») раскрывается в таком контексте: *Антею, смя ліра – дар всесвіта, / бо роги в неї з тура пуц германських, / слон африканський дав оздоби з кості, / край арабійський золота прислав, / а дерева – індійський ліс таємний, / мозаїка прийшла з країни снів, / найкращі в світі струни італійські / оправлено в британське ясне срібло* [5, с. 460]. Привлечение экзотичных зоонимов *слон, тур* способствует максимализации выразительных характеристик единицы художественной речи, а существительные *срібло, золото, мозаїка* передают семантику ценности музыкального инструмента.

Вывод. Анализ показал, что интеллектуальный потенциал слов со значительной историко-, лингво- и культурософской смысловой нагрузкой в драматических поэмах Леси Украинки способствовал разгерметизации национального культурного пространства, привнес в языковой континуум факты, идеи, архитектонику философско-религиозной мысли античной цивилизации. В этом заключается роль письменниці в интеллектуализации украинского литературного языка конца XIX – начала XX вв.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Картезианские размышления / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Наука: Ювента, 1998. 315 [1] с.

2. Єрмоленко С. Я. Нариси з української словесності (стилістика та культура мови). К.: Довіра, 1999. 431 с.
3. Лисиченко Л. А. Ці невичерпні глибини мови: монографія. Харків, 2011. 304, [4] с.
4. Українка Леся. Зібрання творів: у 5 т. К.: Держлітвидав, 1951–1956. Т. 2. 1951. 683 с.
5. Українка Леся. Зібрання творів: у 5 т. К.: Держлітвидав, 1951–1956. Т. 3. 1952. 802 с.

УДК 882–1
ББК Ш 5 (2=Бу)

О. Ю. Баранова
г. Чита (Россія)

Тема двуязычия в творчестве русскоязычных бурятских поэтов

В статье анализируются стихи бурятских поэтов, написанные на русском языке. Переход на язык неродной культуры становится для поэтов причиной дискомфорта, душевного и даже физического неудобства, связанных с отпадением от языка родной культуры.

Ключевые слова: *билингвизм, пограничная эстетика, языковая раздвоенность, диалог культур, культурная граница.*

О. Yu. Baranova
Chita (Russia)

Topic of bilingualism in the works of Russian-language poets of the Buryat

The article analyzes the poems Buryat poets, written in Russian. Transition to a non-native language of culture becomes for poets cause discomfort, mental and even physical inconvenience associated with the falling away from the language of their native culture

Key words: *bilingualism, border aesthetics, linguistic duality, cultural dialogue, cultural boundary.*

Одним из главных этнодифференцирующих признаков является язык. В условиях культурного пограничья он приобретает особый смысл, который проявляется, с одной стороны, в причислении себя к определенному этносу, с другой – вызывает чувство отчуждения, побуждая к вынужденному отказу как от культуры своей этнической группы, так и от культуры новой. Человек, находящийся в точке пересечения культур, попадает в особый топос, в котором «язык оказывается порождающей структурой («матрицей») социального пространства-времени и тем самым служит целям куда более серьезным, чем простая передача бытовых и производственных сообщений» [5; с. 51]. Это предположение особенно интересно в осмыслении творчества русскоязычных бурятских писателей.

Ситуация культурной границы, в которой оказался русскоязычный поэт Бурятии Намжил Нимбуев, также заставляет его искать выходы из состояния двойственности. В стихотворении «Русский язык» поэт предлагает философское осмысление значимости русского и бурятского языков для посева «ландышей мысли». Сам находясь в точке пересечения этих языков, Н. Нимбуев и текст строит как синтез бурятского стихосложения и русского гекзаметра, максимально приближая его к прозаическому жанру:

Ты голубем вьешься, воркуешь о чем-то в гортани
Моей – колокольне своей.
А рядом, как память о древних монголах,
как их осуждение блудного сына,
сидит беркутёнок в моем подъязычье. Едва он
захлопает жестким крылом – врываются в речь
мою русскую властно гортанные, хриплые,
смутные звуки, и речь моя русская пахнет [3, с. 29].

Поэт воспел средствами бурятского и русского (европейского) стихосложения гимн русскому языку. Русский язык воплощен в образе голубя, а родной – в образе беркутёнка, не дающего забыть ему язык предков. Очевидно, в этих философских иносказаниях Н. Нимбуев изложил свое

отношение к проблеме двуязычия – невозможности существования для него одного языка без другого. Но эта гармония в идеале, поскольку сам автор испытывает чувство дискомфорта, вины, неудовлетворенности всякий раз, когда ему приходится формулировать поэтическую мысль на русском языке: «О, родина. / Лишь гляну на тебя – / Моя песня умолкает смущенно» [3, с. 39].

Чувство неуверенности в способности выразить мысль на родном языке объединяет многие стихотворения Н. Нимбуева:

Будь у меня голос,
Атласный, гортанный,
Словно гарцующая
На цепочке сабля.
Пел бы я о бурятках,
Коричневых, как земля,
Об алых саранках,
Сорванных на скаку,
О пылающем солнце,
Закутавшемся в ковылях ...
Эх,
Будь у меня голос! [3, с. 40]

Несмотря на то, что автор периодически напоминает себе о своем происхождении: «Я бурят! // Я песчинка огромной оранжевой Азии, // капля охры // в ее разноцветном многообразии» («Телепатия»), «Ты ведь предков достойный потомок, // оттого голоса их живучи в тебе, // <...> говорил мне мой разум»; обращается к родине за помощью: «Ручьи моей родины! // Горло промойте мое...» («Ручьи моей родины»), он не может считать себя сыном своей земли, он уже чужой, для него многое умерло:

Умершей бабушки голосом
Шепчет *невнятно* родник.
Деда замерзшего голосом
Жалуеться тростник. [3, с. 73]

Чувство вины – устойчивый мотив в стихах русскоязычных поэтов-бурят – испытываемое лирическим героем, является результатом непривязанности к земле предков: «Царство шумных проспектов / И улиц бурливых / Русской речи меня научило, / Она – Материнской кровью во мне» [3, с. 9].

Отпадение от корней не может пройти даром для лирического героя. Можно предположить, что именно потому, что он предпочел русский язык бурятскому, не складывается у героя песня о родной земле:

Речью россиянин я. Но только,
Гордый дух сынов своих храня,
Мать родного желтого востока
Наложила табу на меня [3, с. 36]

«Я считаю, что для нерусского поэта, пишущего на русском языке, самое важное – не подражать традиции русской литературы, – еще в начале своего творческого пути констатировал Намжил Нимбуев, – а творчески манипулировать великим, всемогущим русским языком, ибо только в свободном стихе можно выразить самое национальное: лицо и душу своего народа» [4, с. 43].

Игра со словом, импровизация, «жонглирование» не родным языковым кодом приводит иногда к трагическому самоощущению, связанному с тем, что импровизация совершается на пике эмоций, на глубоком чувственном проживании момента творения. При чтении стихотворений Намжила Нимбуева возникает впечатление, что автор свободно и легко создает свои поэтические тексты. Но оно обманчиво. Часто у Н. Нимбуева главная мысль стихотворения отделена от основного текста разрядкой:

Стою на планете
Под деревом моей родины.
Играю словом –

Румяным краснощеким яблоком,
Подкидываю и ловлю его,
Подкидываю и ловлю.
И нет времени слезы вытереть... [3, с. 46].

Н. Нимбуев ищет причину таких мук. Она – в нем самом, в его пограничном сознании, рожденном в результате перехода на другой язык. Он своей личностью, своим творчеством доказывает, что является носителем двух культур, ни одной из которых он не может отдать предпочтение. Эпиграфом к одному из стихотворений Н. Нимбуева являются слова Р. Киплинга: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток...». Киплинг разводит эти понятия, говорит о невозможности их слияния. Н. Нимбуев же называет стихотворение «Метиска», тем самым вступает в спор со знаменитым писателем:

Ты соткана из света.
Дитя любви невесомой,
Одна нога на Европе,
Другая в Азии сонной.
Две разного цвета крови,
По синеватым венам.
Но красная бьется в сердце,
Обеим отчизнам верно <...>
В глазах чуть раскосых, но синих
Вместились отчизны обе [3, с. 75].

Творчество Намжила Нимбуева так же, как и всех других писателей, находящихся в точке пересечения культур, нужно рассматривать как порожденное «метисным», пограничным сознанием. Результаты этого творчества находятся в особом пространстве, или скорее межпространстве, которое не есть ни пространство бурятского, ни пространство русского сознания. Это некое третье пространство, способы анализа которого только начинают вырабатываться современным литературоведением.

Молчание – как метафора потери связи с родиной – выражается в немоте лирического героя Баира Дугарова. О маргинальном сознании русскоязычного бурятского поэта говорит М. М. Хамгушкеева, называя его «поэтом без региональных границ», «личностью маргинальной, рожденной на грани двух великих цивилизаций, являясь одновременно и мостом между ними, и проводником взаимовлияния». Молчание связано опять-таки с чувством вины, которое возникает всякий раз, когда нужно выразить мысль на родном языке: «Я с *трудом* подбираю ключи / К вечным тайнам минувших веков». «Я бы многое дал за поэму / На *забытом* степном языке...» [1, с. 174].

Метафора принудительного молчания, безголосья (обыгрывание голоса и его отсутствие в символическом и буквальном смысле становится одной из любимых метафор в «литературе пограничья») воспроизводится всякий раз, когда герой попадает домой, – он заболевает, теряет голос в буквальном смысле, т. е. теряет способность удовлетворительного самовыражения:

Язык отцов, прости за немоту,
прости, и к сердцу подступает ком.
Утраченного дара красоту
На языке восполню ли другом?! [2, с. 91].

Свою речь он называет «дикой», «неумелой»: «На севере моей души / в нелюдимой моей глуши / дикая растет трава – / первые мои слова» [2, с. 30]; «И вой, блуждающий во мне, / Я заглушаю ломкой речью» [2, с. 56].

Тема вынужденного билингвизма – одна из сквозных тем в творчестве поэта Сергея Тумурова. В беседе с переводчиком своих стихов на бурятский язык Р. Шоймардановым С. Тумуров признался, что выбор русского языка для него был скорее актом не свободного выбора, а своеобразного наказания: «<...> не знаешь родного языка, ну, и не пиши, а можешь, пожалуй, и на русском». Длительное время находясь в русскоязычной среде, создавая тексты на русском языке, будучи уверенным в том, что язык не может быть преградой в передаче собственного ощущения, мировосприятия, сроднившись с языком доминирующей культуры, С. Тумуров все-таки убеж-

ден, что его корни в двуединстве бурятской и русской культуры: сердце его принадлежит бурятской культуре, а русскоязычные тексты создаются «точно в гортани немого, взорвавшие мысли слова вырвались на чужом языке». От этого синтеза уже никуда не уйти, с ним приходится жить и творить: «Змеиной мудростью душа полна – / болит, / Язык раздвоен... / Иль двуязычный я?..» [6, с. 94]

Столкновение голосов разных культур приводит к ментальным и эмоциональным состояниям. Внутреннее напряжение рождается метисным дуализмом, причиняющим лирическому герою физическое беспокойство. Ситуация неуравновешенности невольно заставляет человека искать выход, определиться, выбрать одно из двух. Но в случае с пограничной личностью такой выбор принципиально невозможен, потому что, отдав предпочтение одному из компонентов двойственности, автоматически приходится отказываться от другого. Поэтому приходится принимать единственную устойчивую территорию – пространство «между» двух культур. Это не очень «удобная» территория для жизни, это место противоположностей, но балансирование между культурами, страх сойти с зыбкого пространства заставляет людей границы крепко держаться за свою символическую территорию, прикреплять себя к обоим полюсам «страховочными веревками», сотканными из памяти, интуиции, неожиданных откровений об обеих культурах. Со временем вырабатывается терпимость к двусмысленности, позволяющая быть многоликим, жонглировать культурами и создавать новые модели себя и своего существования. Это вырабатывает стойкий иммунитет к жизни как в биологическом, так и в эстетическом смыслах.

Практически все писатели русско-бурятского литературного пограничья (впрочем, как и другие национальные писатели, творящие на русском языке) существуют в зазоре между, по меньшей мере, двумя традициями, они как бы вынуждены быть двуликими Янусами, и этот момент необходимо учитывать. Суть такой гибридной модели транскulturации точно выразил французский писатель и философ Эдуард Глиссант в своих размышлениях о глубоких последствиях языковой креолизации, которая неизбежно ведет к креолизации сознания. Отсюда и его метафора, отрицающая привычное представление о чистоте и однозначности языка, ясно отражающего, как в зеркале, познаваемый объект. Глиссант говорит не только о «праве на различие, но и о праве на непрозрачность, понимаемую не как закрытость внутри непроницаемой авторитарической культуры, но как утверждение своей особой сущности в рамках неуничтожимой уникальности. Непрозрачности могут взаимодействовать, сосуществовать, сплетаться в разные узоры. Чтобы понять это явление, надо сосредоточиться не на фактуре сплетения, а на природе его компонентов» [7, с. 251].

Список литературы

1. История бурятской литературы в 3-х томах. ТЛИ. Современная бурятская литература (1956–1995). Улан-Удэ. БНЦ СО РАН, 1997. 285 с.
2. Дугаров Б. Лунная лань. Стихи. М., 1989. 143 с.
3. Нимбуев Н. Стихи. Улан-Удэ, 1998. 127 с.
4. Нимбуев Н. Стреленные молнии. Стихи. Проза. Улан-Удэ, 2003. 280 с.
5. Пигалев А. Культурология. Волгоград, 1999. 420 с.
6. Тумуров С. Листобой. Стихи. Улан-Удэ, 1998. 170 с.
7. Глиссант Э. Эра Агасфера, или Как сделать читателей менее счастливыми // Иностранная литература, 2003. № 1.

Функционирование дискурсивных слов со значением достоверности в современной прозе

Автор статьи поднимает проблемы, связанные с субъективной модальностью, средствами выражения которой являются дискурсивные слова. В статье рассматриваются дискурсивные слова со значением достоверности, имеющие различные дополнительные оттенки, а также авторизованные и метатекстовые слова и конструкции в прозе современного российского писателя Д. Липскерова.

Ключевые слова: субъективная модальность, дискурсивные слова, коммуникационные устремления автора, модальные оттенки, достоверность, предположение, сомнение, уверенность.

О. P. Glukhova
Naberezhnye Chelny (Russia)

Function of discursive words with lexical meaning of reliability in modern literature

The author of the article raises problems connected with subjective modality, which the means of expressing are discursive words. Function of discursive words with lexical meaning of reliability in modern literature is under consideration of the author of the article with various additional gradations and authorized and metatext words and constructions in the prose by modern Russian writer D.Lipskerova.

Key words: subjective modality, discursive words, communicative appetences of the author, modal gradations, trustworthiness, assumption, doubt, confidence.

В фокусе внимания современной лингвистики находятся проблемы, связанные с отображением мира в языке, с соотношением субъективного и объективного в наших представлениях о мире. Проблемы субъективной модальности привлекают пристальное внимание исследователей. Дискурсивные слова являются одним из средств выражения субъективной модальности, так как они выражают истинные чувства и отношения говорящего к окружающей действительности. В свете новых концепций – «человек в языке», «творящий дискурс человек» отмечается значительный интерес лингвистов, направленный на выявление коммуникативной специфики и прагматических свойств модальных (вводных) элементов. Все чаще их называют «дискурсивными словами» [2, с. 76], [3, с.135], [4, с. 267], «дискурсивными маркерами» [5, с. 23], «дискурсивными коннективами», «прагматическими маркерами», объединяющими на формальной и функциональной основе модальные (вводные) слова, модальные частицы и некоторые междометия.

Дискурсивные слова выполняют функцию выражения отношений в предложении. С помощью их говорящий человек может изъяснить свое недовольство, изумление, недоверие, сожаление и т. д. Средствами выражения субъективной модальности являются дискурсивные слова с различными значениями (сомнение, предположение, достоверность), они выражают истинные чувства и отношения говорящего к окружающей действительности. Субъективное отношение говорящего к окружающей действительности может выражаться с помощью метатекстовых, фатических и авторизованных слов и конструкций. В зависимости от контекста и ситуации данная категория слов приобретает различные оттенки: достоверность или недостоверность, предположение, сомнение, уверенность или неуверенность, сожаление, удивление и др.

Специфика субъективно-модальных значений предположения определяется коммуникационными устремлениями автора речи. Наличие в предложении лексических и синтаксических средств выражения модальности предположения показывает, что говорящее лицо субъективно оценивает достоверность сообщаемой информации. В случае с модальностью предположения говорящий не уверен в истинности сообщения, его цель – выразить неуверенность, сомнение, недоверие, скепсис и т. д., поделиться результатом собственных размышлений с адресатом речи, дать интеллектуальную оценку высказыванию. Сомнение также является одним из способов выражения субъективной модальности. Таким образом, отношение говорящего к содержанию высказывания (к действительности) выражает модальность, целостный семантический анализ

которой возможен только при учете ее функционирования в речи, коммуникации, высшей единицей которой является текст. В текстах художественной коммуникации модальная направленность определяется художественным мировидением автора, его эстетическим кредо, отношением к окружающей реальности. Субъективная модальность выражает оценку со стороны говорящего лица, степени познавательности этих связей, то есть указывает на степень достоверности мысли, отражает данную ситуацию и включает проблематическую и категорическую достоверности.

Целью нашей статьи является описание функционирования дискурсивных слов со значением достоверности в произведениях современного писателя Д. Липскерова.

В романе Д. Липскерова «Эдипов комплекс» мы выявили дискурсивные слова со значением достоверности. Главный герой, рассказывая о молодости своей матери, испытывает чувство радости за нее: *И действительно, поступив на библиотечный факультет, отписав матери, что становится интеллигентной, она познакомилась с Яшей, комсоргом института* [8, с. 78]. В этом примере дискурсивное слово приобретает оттенок удивления. В следующих предложениях дискурсивные слова со значением достоверности приобретают оттенок сомнения, недовольства, сарказма: *Я тоже, конечно, был рад, хотя на все сто процентов понимал, что мне поводить не дадут* [8, с. 134]. В данном случае речь идет о радостном событии в жизни семьи мальчика – покупке «Запорожца». Очевидно, что главный герой мальчик не испытывает должной радости от этого.

В произведении Д. Липскерова «Осени не будет никогда» были обнаружены дискурсивные слова со значением достоверности, которые выражают авторское презрение, ненависть к герою: *И полковник Грозный тоже – сволочь, выскочка с псевдонимом вместо фамилии, так в Академии говорили, а на самом деле, он не Грозный, Крышкин его фамилия настоящая, отец на заводе ячейкой партийной руководил* [7, с. 47]. *Начал он, действительно, рядовым Крышкиным, но на сверхурочной сменил фамилию, дабы благозвучной была* [7, с. 47]. В образе одного персонажа автор изображает портрет всех московских «ментов». В военной структуре царит всегда иерархия, «дедовщина», хамство и грубость, ханжество и беспорядок. Служащие милиции работают с «кислыми мордами», их уже ничего не удивляет. Однако действительно важным для них является увеличение «звездочек» на погонах. Некоторые даже готовы фамилию поменять на более звучную.

В следующем предложении дискурсивное слово со значением достоверности приобретает оттенок иронии. Автор показывает нутро российской армии: *Конечно же, он третью сотню не потянул бы, от силы еще раз двадцать, но никто и не просил такого подвига, хотя все генералы, перебивавшие на этом зрелище, оставались уверенными, что Душко может и полтыщи* [7, с. 54]. Данное событие происходит в одной из военных частей во время проверки: одного из солдат просят исполнить показательное выступление для собравшихся вокруг полковников, майоров и генералов – подтянуться на перекладине. Автор хочет тем самым сказать читателю о том, что это никому не нужно, но всё же это является неотъемлемой частью любой проверки.

В следующем произведении Д. Липскерова «Леонид обязательно умрет» были обнаружены дискурсивные слова с оттенком достоверности, имеющие весьма необычные дополнительные значения. В одном из примеров данное слово имеет оттенок констатации факта, высшей степени уверенности: *Абсолютно точно, что он никогда не полюбит горячую воду* [6, с. 27]. Речь идет об ощущениях эмбриона Леонида, который чувствует опасность, когда его мать Юля принимает горячую ванную. Перед тем как погибнуть, не родившись, Леонид обвиняет людей в их несостоятельности, высокомерности, эгоизме: *Конечно, человек – самое высокомерное существо, считающее, что его мозг – вершина Господнего творения* [6, с. 69]. Кажется, будто эмбрион в любой момент готов распрощаться с легкостью со своей жизнью, он совсем не ощущает чувство страха: *Конечно же, никакой разницы в том, что последняя мысль произойдет не сегодня* [6, с. 71].

Помимо дискурсивной лексики в текстах Липскерова удалось выявить авторизованные слова, которые связывают достоверность информации с ее источником, в определенном контексте эти слова приобретают дополнительный оттенок: *Спокойно, как все большие женщины, как все большие корабли, плыла она по волнам наслаждений, концом которых и наградой, надо полагать, стал я* [8, с. 142]. Главный герой мальчик рассказывает о первом сексуальном опыте своей матери, о своем зачатии. В данном случае вводно-модальная конструкция имеет оттенок досто-

верности, возникшей в результате логического мышления и подтвержденной конкретными фактами: *Известно, что в старину было изыском любить всяких уродцев* [8, с. 117]. Мальчик рассказывает об ухажере своей матери, карлике, артисте по профессии. Родительница героя позже увлекается прыжками с парашютом. Мальчик со слов окружающих знает, какие пируэты и сальто выделяет его мать в воздухе: *Очевидцы говорят, что если бы это были официальные соревнования, то прежний мировой не устоял бы...* [8, с. 145]. Здесь авторизованная конструкция имеет оттенок выраженной достоверности. В следующем предложении данная конструкция приобретает оттенок меньшей степени неуверенности: *Поговаривали, что Крышкин успешно приторговывает оружием...* [7, с. 231]. Речь идет о недобросовестном полковнике милиции с псевдонимом Грозный.

Следующая синтаксическая конструкция также содержит в себе авторизованную конструкцию, которая имеет оттенок достоверности, подтвержденная фактами действительности: *Однако противники абортотверждают, что зародыши даже в свою первую неделю существования абсолютно явственно чувствуют приближение экзекуции* [6, с. 21]. Неслучайно автор поднимает в своем романе данную проблему, так как она является очень актуальной в наше время. Он рассказывает о том, что уже на ранних сроках беременности матери у ребенка вслед за аналогией мысли появляется чувствительность: *Опять же непонятно каким образом, поскольку не состоялось даже зачатков нервной системы, которая, как известно, должна посредством энергетических импульсов сообщаться мозгом, которого, о чем уже было сказано, тоже не имелось и в зачатке* [6, с. 88]. Данные слова позволяют автору связать свои мысли в целостное высказывание, сделав его последовательным и выразительным.

Проза Д. Липскерова насыщена метатекстовыми словами, которые содержат в себе не только ту или иную степень уверенности в достоверности факта действительности, но и показывают порядок изложения мыслей. В романе «Эдипов комплекс» Липскерова мы обнаружили метатекстовые слова, которые приобретают в данном контексте значение обобщения высказывания путем логического рассуждения: *Она смотрит на отца и тоже плачет, и вообще, вся природа плачет сахалинским дождем* [8, с. 211]. Главный герой мальчик рассказывает, как его матери было больно от измены его отца. *Главное, чтобы лицо оставалось скучающим...* [8, с. 117].

В ходе нашего исследования мы пришли к выводу о том, что дискурсивные слова со значением достоверности в прозе Д. Липскерова приобретают самые неожиданные оттенки, имеют дополнительные оттенки высшей степени уверенности, констатации факта или неуверенности, предположения и даже сомнения, а также выражают чувства героев – удивление, сожаление, осуждение, недовольство, иронию и т. д. Кроме того, в качестве дискурсивных слов со значением достоверности в художественных текстах Д. Липскерова выступают авторизованные и метатекстовые слова и конструкции, передающие эмоциональное состояние героев – утомление, сожаление, тоску, злость, сарказм и т. д.

Список литературы

1. Виноградов В. В. О категории модальности / Модальные слова в русском языке. М.: Высшая школа, 1975. 119 с.
2. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахлина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993. С. 76–104.
3. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. 447 с.
4. Кобозева И. М. К распознаванию интенционального компонента смысла высказывания (теоретические предпосылки) // Труды международной конференции Диалог'2003 «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». М.: Наука, 2003. С. 267–271.
5. Сарафанникова Е. В. Дискурсивные маркеры соотношения сообщаемого с действительностью: На материале телевизионных новостей на русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 197 с.
6. Липскеров Д. М. Леонид обязательно умрет. М.: АСТ, Астрель, 2007. 133 с.
7. Липскеров Д. М. Осени не будет никогда. М.: Олма-Пресс, 2005. 133 с.
8. Липскеров Д. М. Эдипов комплекс. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 358 с.

И. В. Зензеря
г. Новосибирск (Россия)

Лексико-грамматические парадигмы обращённости в поэзии Бориса Пастернака

В данной статье рассматриваются основные средства категории обращённости: антропонимы, апеллятивы, личные местоимения, формы повелительного наклонения, вопросительные предложения, встречающиеся в поэзии Б. Пастернака.

Ключевые слова: категория обращённости, Борис Пастернак, обращения, антропонимы, апеллятивы, личные местоимения, формы повелительного наклонения, вопросительные предложения.

I. V. Zenzerja
Novosibirsk (Russia)

Lexical and grammatical paradigms converted into poetry of Boris Pasternak

This article discusses the basic tools converts categories: anthroponomy, appellatives, personal pronouns, forms of the imperative, interrogative sentences, found in the poetry of Boris Pasternak.

Key words: Category converted, Boris Pasternak, treatment anthroponomy, appellatives, personal pronouns, forms of the imperative, interrogative sentences.

Рассмотрим представленность в стихотворном языке Б. Пастернака центральных групп элементов обращённости. К ядру относятся номинативы-обращения прежде всего по отношению к лицу, адресату в его традиционном понимании. Остановимся на способах выражения этих участков в поэзии Б. Пастернака.

1. Антропонимы. В лирических стихотворениях Б. Пастернака антропонимы встречаются не часто, поскольку собственно-звательная функция обращения ослаблена в этих текстах. Лирический герой обращается не к конкретно стоящему перед ним собеседнику, как в разговорной речи, а к воображаемому, например: *Ах, Марина, давно уже время, / Да и труд не такой уж ахти, / Твой заброшенный прах в реквиеме / Из Елабуги перенести.*

Собственно-звательная функция «возвращается» к поэтическим антропонимам в стихотворном тексте, когда есть прямая речь: *В таких мечтах: “Ты видишь, – возгласил, / Входя, Сергей, – я не обманщик, Сашика”, / – И, сдерживаясь из последних сил, / Присел к столу и пододвинул чашку.*

Здесь форма выбранной номинации адресата оказывается предопределённой характером взаимоотношений между участниками речевого акта, а поэтому характеризует не только адресата, но и имплицитно соотнесена с адресантом.

С обращениями-антропонимами соотносятся и формы дательного посвящения (адресатное значение этого падежа – одно из главных). У Б. Пастернака есть стихотворения с названиями в форме дательного падежа: «Мейерхольдам», «Борису Пильняку», «Анне Ахматовой», «Брюсову», «Марине Цветаевой», «Елене» и др. За рамками категории обращённости остаются формы дательного адресата, типа *принёс ей цветы, написал Маше письмо, аплодировать артистам.*

В лирике значение адресата у дательного падежа расщепляется на два собственно поэтических значения, или функции: 1) дательный посвящения и 2) дательный обращения. Дательный посвящения употребляется не только в названии, но и в подзаголовке, например, в стихотворении «Пространство» есть указание на посвящение Н. Н. Вильям-Вильмону, в «Любке» – критику, литературоведу В. В. Гольцеву, в «Приближении грозы» – историку литературы Я. З. Черняку.

Как отмечает Я. И. Гин, дательный в первой функции входит или может быть включён в конструкцию «посвящение/посвящается + субстантив в дательном. Дательный в этой функции имеет при себе «к» или может быть дополнен этим предлогом. Если показателей данных нет, функция дательного устанавливается путём семантического согласования граммом падежа в заглавии лица в тексте» [1, с. 98].

2. Апеллятивы. Эта группа представлена в поэзии Б. Пастернака чаще, чем первая. В форме обращения выступают нарицательные имена существительные, называющие лицо, с указанием на:

А) пол. При этом могут использоваться такие обобщающие лексические единицы, как **девочка, мальчик, парень, женщина, мужчина**, например: *О женщина, твой вид и взгляд / Ничуть меня в тупик не ставят.*

Б) родственные отношения (*жена, кума, мать, сын, дочь* и т. д.). Когда эти обращения – часть прямой речи, это признак того, что текст посвящён конкретному лицу, и функция звательности выходит на первый план: *Во сне ты бредила, жена, / И если сон твой впрямь был страшен, / То он был там, где, шпатов пашен / Стуча, шагает тишина.*

Заметим, что не следует смешивать малоупотребительные обращения к родственнику **брат, сестра** (по крови) с дружеским или фамильярным обращением к знакомому, равному или младшему по возрасту, положению. Ср.: *Шибко бились сердца. / И одно, / Не стерпевшее боли, / Взвыло: / – Братцы! / Да что ж это!*

Особо следует выделить группу обращений к ребёнку. Как правило, для его характеристики используются уменьшительно-ласкательные суффиксы и разнообразные синонимы. Удвоение обращений в поэтическом тексте может быть связано с перифразой: *Воркуй по-голубиному, младенец, / Болтай своё на языке сивилл, / Пока тебя, миров переселенец, / Своею ложью мир не отравил.*

В) социальную среду. К этой группе можно отнести обращения по сфере деятельности и по положению в обществе. Приведём пример «профессионального» обращения: *А впрочем – на бочку! Цирюльник, воды!*

Обращения-регулятивы (по В. Е. Гольдину) достаточно широко употребляются в поэтической речи. В их качестве выступают слова **товарищ, гражданин, господин, сударь, мусье, сэр, пан** и др., например: *Поздний свет тебя тревожит? / Не заботься, господин! (М. Цветаева).* Заметим, что в начале 20-го века употребление обращения-регулятива **товарищ** являлось нормой. Часто оно встречается в творчестве В. Маяковского в различных сочетаниях: *Товарищ главврач, на мечтательность плюньте!; Товарищ хозяйственник, / время / перейти / от слов / к прениям; Товарищ сборщик, / есть у вас внуки?*

Однако в творчестве В. Маяковского использование этого обращения является и средством выражения иронии: *Товарищ солнце, – / не щерься и не ящерься!; Добьёмся урожая мы – тройне, / земля, / рожай! / Пожалте, / уважаемый / товарищ урожай!; Товарищ бог! / Меняю гнев на милость. / Видите – даже отношение к вам немного переменилось: / называю «товарищем», / а раньше – / «господин».*

3. Личные местоимения. Апеллятивная функция (побуждение слушателей к восприятию речи) местоимения **ты / вы** (по сравнению с разговорной бытовой речью) в поэзии заметно ослаблена. «Роль местоимения 2-го лица единственного числа в поэзии должна рассматриваться прежде всего из того, – пишет И. А. Ионова, что ты – это второй (после «я» лирического героя) «семантический центр» стихотворения, одно из составляющих его «сюжетной схемы» [3, с. 31]. Как и местоимение 1-го лица, **ты** несёт в лирике особую смысловую и художественную нагрузку». Исследователь выделяет «ты лирического собеседника» по отношению к читателю, создающее сферу доверительности, искренности. В таких случаях указательное местоимение соединяется в тексте с другими средствами обращенности (в её грамматикализованном центре) императивами, обращениями, формами глаголов 2-го лица изъявительного наклонения, дательным посвящения. У Б. Пастернака в таких ситуациях **вы** (обобщённо мыслимый лирический собеседник) и объединённое **нам**: *Вы помните ещё ту сухость в горле, / Когда, бряцая голой силой зла, / Навстречу нам горланили и пели, / И осень шагом испытаний шла? («Победитель»).*

И. А. Ионова [3, с. 31–51] довольно подробно рассматривает «художественную нагрузку» местоимений **ты / вы** в поэтическом языке, выделяя кроме функции лирического собеседника, следующие их роли:

- обращение лирического героя к самому себе (слияние адресата и адресанта);
- метафорическое выражение функциональных характеристик **ты** («Ты – женщина, ты – книга между книг, / Ты – свёрнутый, запечатлённый свиток...» В. Брюсов);
- субстантивация со значениями: «любимая», «избранница», «избранник». Взаимодействие функционального **я** субъекта и функционального любовного **ты** может адресовать довольно сложные смысловые эффекты (С. Кирсанов. «Я бел, любимая»; М. Цветаева. «Напрасно глазом – как гвоздём»);

– сближение с собственным именем (А. Блок. «Предчувствую тебя. Года проходят мимо»);
– употребление *ты* при метафоричных и метонимичных обращениях (развитие древних фольклорных традиций, передающих связь между человеком и природой, например: *Гиацинт, ты напомнил другой мой цветок, / Тот цветок – мой ещё не изведанный жребий; Одна она роняет слог / С тобою, золотая нива...*

Источниками выразительности замен *ты* / *вы*, например, их синонимия (...*ты*, *Серёжа*...; *Вы* ушли, как говорится, в мир иной... В. Маяковский – С. Есенину) или антонимия (*Пустое Вы* сердечным *ты* / *Она, обмолвясь, заменила*... А. Пушкин) являются:

– акцентирование одного из указанных местоимений, в связи с содержанием стихотворения;
– применение «формулы вежливости» *Вы* в нетипичных для других сфер ситуациях, например, в обращении к животным, неодушевлённым предметам: *Подождите, медведь, не ревите, / Объясните, чего Вы хотите* (К. Чуковский).

4. Формы повелительного наклонения. Обращение, обозначая адресата речи, реализует коммуникативную направленность. Общее модальное значение обращения – императивность, поскольку обращение выражает либо побуждение выслушать, либо ответить, либо действовать.

«Доказательством того, что по своему модальному значению обращение императивно, является тот факт, что в предложениях побудительного типа обращение может быть соотнесено только с предикативным ядром, включающим формы повелительного наклонения. При этом императивное значение обращения не поглощается императивно-модальным планом предложения, а взаимодействует с ним», – отмечает Л. К. Дмитриева [2, с. 167].

Значения форм повелительного наклонения в поэтической речи разнообразны и сложны. Отрицание при повелительном наклонении также не рассчитано на буквальное понимание – как нежелание, чтобы это происходило. Отрицание призвано выразить сложное и противоречивое эмоциональное отношение говорящего к тому, что совершается, например: *Не волнуйся, не плачь, не труди.* / *Сил иссякших и сердца не мучай.* Часто в поэтической строфе прямое побуждение к действию уступает место выражению желания, чтобы адресат совершил это действие. Для смягчения тона, для того, чтобы лишить просьбу оттенка категоричности, желательность выражается при помощи модальных частиц *дай, давай*, например: *Давай ронять слова, / Как сад – янтарь и цедру...*

Частный случай желательного значения – значение заклинания. «В заклинательном значении, – отмечает И. И. Ковтунова, – присутствует смысловой компонент, определяемый как вера в силу слова, желание воздействовать словом, признание его особой власти» [4, с. 125].

В стихотворении Б. Пастернака «Ночь» заклинательный смысл усиливается концентрацией повтора: *Не спи, не спи, работай.* / *Не прерывай труда,* / *Не спи, борись с дремотой,* / *Как лётчик, как звезда.* / *Не спи, не спи, художник,* / *Не предавайся сну.* / *Ты – вечности заложник / У времени в плену.*

При использовании императивов как элементов категории обращенности поэт как бы сближает эту глагольную форму с обращением, используя эмоциональное междометие «о», омонимичное эмоциональной частице «о» в пределах обращения (ср. О Волга! О Русь!): *Лодка колотится в сонной груди,* / *Ивы нависли, целуют в ключицы,* / *В локти, в уключины – о, погоди,* / *Это ведь может с каждым случиться!* / *Этим ведь в песне тешатся все.* Как указывает В. Г. Радунский [5, с. 88], прототип отрывка из книги Б. Пастернака «Сестра моя – жизнь» угадывается (и по теме, и по фонетическому оформлению) в известной народной лирической песне, с прямо выраженным обращением: *Мы на лодочке качались,* / *Золотистый, золотой.* / *Не гребли, а целовались,* / *Не качай, брат, головой.*

В некоторых случаях «помощники» обращения – глагольные формы повелительного обращения 2-го лица, а также местоимения, ориентированные на адресата, «собираются» вместе в рамках одного четверостишия: *Расколешь же душу! Всю сегодня выпень.* / *Это полдень мира.* / *Где глаза твои?* / *Видишь, в высях мысли сбились в белый кипень* / *Дятлов, туч и шишек, жара и хвои.*

5. Вопросительные предложения. В лирической поэзии существуют все разновидности вопросительных высказываний с невопросительным значением, употребляемые и в других типах речи, например, риторический вопрос как экспрессивная форма утверждения.

Как отмечает И. И. Ковтунова [4, с. 128], наиболее специфической чертой вопросительных высказываний является видимое отсутствие адресата, когда адресат не обозначен в тексте и не имплицитно содержится содержанием. Лирические вопросы большей частью не рассчитаны на ответы. Ни в одном типе речи нет такого количества вопросов с познавательной коммуникативной установкой, как в лирике. Это вопросы о сути вещей, о времени, пространстве, судьбах и т.д.: *О нищая моя страна, / Что ты для сердца значишь? / О бедная моя жена? / О чём ты горько плачешь? (А. Б.), Что мне поёт? Что мне звенит? / Иная жизнь? Глухая смерть? (А. Б.)*

Итак, введя понятие «категория обращённости», мы описали его при помощи устоявшихся терминов «адресация», «адресованность», «фактор адресата». По своей природе эта категория, имея грамматикализованный центр, лексическую и лексико-синтаксическую периферию и «контекстообусловленную адресатную значимость», сближается с функционально-семантическим полем (по А. В. Бондарко). Преломление его центральных участков в стихотворном языке соответствует следующему перечню средств адресации: обращения-антропонимы и соответствующий им дательный посвящения, разнообразные по социальной дифференциации лица – обращения-апеллятивы, личные местоимения *ты / вы*, глагольные формы 2-го лица, соотносящиеся с разными типами адресатов, в том числе и фиктивными. Большую роль в представленности адресатов в стихотворном языке играет экспрессивно значимый риторический вопрос, содержащий грамматикализованные формы адресованности.

Особенностью стихотворного слога Б. Пастернака в плане выражения «лирического собеседника» является преобладание периферийных, а не центральных средств обращённости, в чём заключается специфика его индивидуального стиля.

Список литературы

1. Гин Я. И. Проблемы поэтики грамматических категорий: Избр. работы. СПб., 1996. 224 с.
2. Дмитриева Л. К. Обращение и вводный компонент. Л., 1976. 115 с.
3. Ионова И. А. Эстетическая продуктивность морфологических средств в поэзии. Кишинёв, 1989. С. 117–122.
4. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М., 1986. 208 с.
5. Радунский В. Т. «Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?» // Русская речь. 1996. № 1. С. 8–11.

УДК 811.161.1'42 + 821.161.1–31
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

И. В. Кузмичева
г. Ярославль (Россия)

Интертекстуальное пространство образа Лузгаева из романа Б. Акунина «Ф. М.»

В статье рассматриваются интертекстуальные связи образа Лузгаева из романа Б. Акунина «Ф. М.» на основе анализа языковых единиц.

Ключевые слова: *интертекстуальное пространство, персонаж, измененная цитата, перифраз, характерологическая функция*

I. V. Kuzmicheva
Yaroslavl (Russia)

Intertextual space in the image of Luzgaev from the novel «F. M.» by B. Akunin

The author considers intertextual links in the image of Luzgaev from the novel “F. M.” by B. Akunin on the basis of analysing language units.

Key words: *intertextual space, character, amended quotation, periphrasis, characteristic function*

Существует несколько подходов к определению понятия «интертекстуальное пространство». Мы в своей работе будем использовать следующее определение: интертекстуальное пространство – это «...смысловое поле, которое формируется из совокупности общих кодов и смысловых систем всех предшествующих текстов...» [7].

Проанализируем с точки зрения смысла интертекстуальное пространство одного из персонажей романа Б. Акунина «Ф. М.», которое сформировано за счет соприсутствия в структуре персонажа интертекстуальных связей, выявляющихся на языковом уровне и отсылающих читателя к различным претекстам.

Роман Б. Акунина «Ф. М.» состоит из двух частей. В основной части Николас Фандорин разыскивает якобы утерянный вариант «Преступления и наказания» под названием «Теорийка».

Текстом-источником для романа «Ф. М.» является произведение Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», поэтому многие персонажи из «Ф. М.» интертекстуальны персонажам романа Ф. М. Достоевского.

Например, образ Лузгаева сопоставим с образами Лужина и Свидригайлова из романа Ф. М. Достоевского. Лузгаев Вениамин Павлович — коллекционер старинных документов, именно у него оказалась одна из частей «Теорийки».

На интертекстуальную связь образа Лузгаева с образом Лужина указано в тексте романа «Ф. М.»: «Метод у Филиппа Борисовича был очень простой. Поскольку он жил, весь погруженный в мир Достоевского, то людей, которые встречались ему в реальной жизни, мысленно обозначал для себя именем того или иного персонажа. Лузгаев для него – Лужин» [2].

Рассмотрим подробнее интертекстуальные связи образа Лузгаева, проявляющиеся на языковом уровне.

Фамилии Лузгаев и Лужин фонетически сходны: обе фамилии начинаются со слога «лу». Примечательной чертой во внешности как Лузгаева, так и Лужина являются бакенбарды. В «Преступлении и наказании» читаем: «Темные бакенбарды приятно осеняли его с обеих сторон, в виде двух котлет, и весьма красиво сгущались возле светловыбритого блиставшего подбородка» [5]. Внешность Лузгаева описана следующим образом: «Зализанные волосы, усы щеточкой, аккуратные бакенбарды» [2].

Интертекстуальная связь с образом Свидригайлова, проявляющаяся в описании внешности, устанавливается благодаря лексеме **маска**. О Свидригайлове читаем: «Это было какое-то странное лицо, похожее как бы на маску...» [5]. В портрете Свидригайлова лексема маска используется как метафорическое сравнение. О Лузгаеве написано: «Будучи человеком осторожным и предусмотрительным, он всегда принимал барышень в маске» [2]. Метафора буквализируется в портрете Лузгаева, и лексема **маска** начинает обозначать конкретный предмет.

Таким образом, во внешности Лузгаева присутствуют черты как Лужина, так и Свидригайлова.

Далее сравним между собой убеждения Лузгаева и Лужина. Лузгаев имеет свою экономическую теорию: «Вы знакомы с этой экономической теорией? Суть ее проста: покупай подешевле, продавай подороже» [2]. Лужин утверждает: «Стало быть, приобретая единственно и исключительно себе, я именно тем самым приобретаю как бы и всем и веду к тому, чтобы ближний получил несколько более рваного кафтана и уже не от частных, единичных щедрот, а вследствие всеобщего преуспевания» [5]. Экономическая теория Лузгаева выглядит более цинично, так как не предполагает вложения личного труда и времени, теория Лужина основана на идее о том, что нужно устроить свое дело, то есть затратить личные силы и время.

Обратимся к анализу речи Лузгаева. Для данного персонажа свойственно выражение «видите ли»: «**Видите ли**, у меня кое-какие планы на вечер...» [2]. Такое же выражение употребляет Лужин: «Я, **видите ли**, уже десять лет не посещал Петербурга» [5]. Анализ речи персонажа подтверждает наличие интертекстуальной связи между образами Лузгаева и Лужина.

Кроме того, в речи Лузгаева проявляются интертекстуальные связи с источниками, не относящимися к роману «Преступление и наказание».

Примечательны слова Лузгаева: «Купить можно любого. Ну, не за банковский перевод, так на бартер: за почет, или за спасение близких, или за успокоение совести, или за взаимность в любви. Но, между прочим, каждый из этих **борзых щенков** при желании может быть исчислен в сумме прописью» [2]. В пьесе Н. В. Гоголя «Ревизор» под «борзыми щенками» подразумевается

взятка, данная не деньгами, а вещью: «Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками» [3]. Лузгаев «борзыми щенками» называет то, что, с точки зрения порядочного человека, не может рассматриваться как предмет торговли: почет, совесть, любовь. Таким образом, использование Лузгаевым в своей речи выражения из пьесы «Ревизор», употребленной по отношению к человеческим чувствам, характеризует его как человека, для которого нет ничего, что не рассматривалось бы с точки зрения денег.

Разговаривая с Николасом Фандориным, Лузгаев произносит следующую фразу: «*Ох, покупается, yes, покупается доброе имя, талант и любовь!*» [2], являющуюся измененной цитатой из произведения Б. Окуджавы «Стать богатеем иной норовит...», в котором есть такие строки: «*Не покупаются, не покупаются – / Доброе имя, талант и любовь*» [6]. Лузгаев заменяет отрицательную частицу «не» на слова «ох» и «yes», **перестраивая данное выражение в утвердительное**, то есть меняет смысл высказывания на противоположный и утверждает, что можно купить доброе имя, талант и любовь.

Необходимо отметить, что данная фраза является отправной точкой в рассуждениях Лузгаева о добродетелях, так как он говорит о них именно в том порядке, в каком они представлены в измененной цитате. Рассмотрим данное утверждение подробнее.

По словам Лузгаева, доброе имя можно купить следующим образом: «Несколько сотен тысяч на благотворительность, да несколько миллионов на грамотный пиар – вот вам и доброе имя» [2].

Затем Лузгаев объясняет Фандорину как можно взрастить в ребенке талант, имея большие деньги: «Потом, уже зная, к какому занятию расположено от природы ваше дитяtko, **вкладываете М. в пестование этого таланта еще столько-то**, и лет через пятнадцать получаете готового гения. Ведь, как утверждает современная наука, какой-никакой *скрытый дар заложен в каждом из нас, просто нужно как следует в человеке порыться*. Про это даже роман написан, у этого, как его... забыл имя. Ладно, черт с ним» [2]. Вторая часть цитаты является перифразом речи леди Эстер из произведения Б. Акунина «Азазель»: «Я глубоко убеждена, что *каждый человек неповторимо талантлив, в каждом заложен божественный дар*.<...> Мои педагоги пытливы и терпеливо прощупывают душевное устройство каждого питомца, **отыскивая в нем божью искру, и в девяти случаях из десяти ее находят!**» [1].

Данная интертекстуальная связь, то есть автоинтертекст, выявляет цинизм Лузгаева, так как леди Эстер в романе «Азазель» считала, что талант в человеке можно раскрыть при помощи упорной работы, а Лузгаев говорит только о необходимости иметь большую сумму денег.

Лузгаев объясняет Николасу Фандорину, как можно купить любовь девушки: «Элементарно. Пример опять-таки описан в литературе. Александр Грин, повесть «Алые паруса». Вы нанимаете частное детективное агентство, чтобы выяснить, о чем конкретно грезит интересующая вас девица. Выясняем: ей нужен принц, который приплывет за ней на корабле с алыми парусами. Окей. Сколько стоит аренда корабля с командой? Сколько метров алой материи уйдет на паруса? Если очень дорого – за оптовую закупку положена скидка» [2].

Итак, мы видим, что красивую романтическую историю, рассказанную в повести А. Грина «Алые Паруса» о том, как Ассоль «уходила ночью на морской берег, где, выждав рассвет, совершенно серьезно высматривала корабль с Алыми Парусами» [4], Лузгаев пересказывает языком торговой сделки, употребляя такие характерные слова и выражения, как «аренда», «оптовая закупка», «скидка», что свидетельствует о цинизме Лузгаева.

Таким образом, проанализировав интертекстуальные связи в образе Лузгаева, мы пришли к выводу, что интертекстуальное пространство данного персонажа формируется за счет разных источников. При этом основными являются интертекстуальные элементы, отсылающие к образам Лужина и Свидригайлова из романа «Преступление и наказание», тем самым образ Лузгаева аккумулирует отрицательные качества обоих персонажей Ф. М. Достоевского.

Важную роль играют интертекстуальные связи, выявляющиеся в речи персонажа. Данный комплекс интертекстуальных отсылок выполняет характерологическую функцию, углубляя отрицательную характеристику Лузгаева, показывая его цинизм и беспринципность.

Используя интертекст, Б. Акунин создал легко узнаваемый тип нашего времени – презентабельного дельца, делающего деньги на всем и считающего, что все можно купить: «Все на све-

те имеет цену. В том числе и порядочность. Непорядочный человек от порядочного отличается только одним: первый себя ценит низко и продает задешево, а второй ценит себя высоко и соответственно продает. Желательно не оптом, а в розницу, ломтиками» [2].

Список литературы

1. Акунин Б. Азазель // Электрон. б-ка РусЛит. URL: <http://www.ruslit.net/preview.php?path.txt> (дата обращения: 21.05. 2014).
2. Акунин Б. Ф. М. // Электрон. б-ка РусЛит. URL: <http://www.ruslit.net/preview>. (дата обращения: 23.05. 2014).
4. Грин А. С. Алые паруса // Электрон. б-ка Максима Мошкова. URL: http://az.lib.ru/g/grin_a/text_0020.shtml (дата обращения: 26.05. 2014).
5. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Русская виртуальная библиотека. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. URL: <http://rvb.ru/dostoevski/01text/vol5/27.htm> (дата обращения: 20.05. 2014).
6. Окуджава Б. «Стать богатеем иной норовит...» // Сайт о поэте. URL: <http://www.bulatokudgava.ru/library/okujava/293.htm> (дата обращения: 29.05. 2014).
7. Пыхтина Ю. Г. Модель интертекстуального пространства в художественной литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. II. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2013_3-2_44.pdf (дата обращения: 12.05. 2014).

УДК 811.161.1'42 + 821.161.1-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

И. В. Лерман
г. Набережные Челны (Россия)

Ироническая оценка в современной художественной прозе

Автор статьи поднимает проблемы, связанные с категорией оценки. В статье описываются средства формирования иронической оценки в прозе современного российского писателя Ю. Полякова, демонстрируются приёмы нормативно-стилистической системы русского языка.

Ключевые слова: *категория оценки, ироническая оценка, иностилевые включения, стилистическая окрашенность*

I. V. Lerman
Naberezhnye Chelny (Russia)

The ironical assessment in modern artistis prose

The author raises problems connected with the category of assessment. The article describes the means how to form ironical assessment by the example of the prose of the contemporary writer Y. Polyakov, shows and explains the ways of standard stylistic system of the Russian language

Key words: *category of an assessment, ironical assessment, inostilevy inclusions, stylistic okrashenost*

Категория оценки – совокупность разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи [4, с. 325]. Ирония всегда содержит сему оценки происходящего, поэтому ироническое высказывание может быть оспорено, ирония предполагает равный или более высокий статус говорящего, а также субъектно-объектные отношения.

В современной лингвистике вопрос об иронии как языковом явлении является объектом исследования в работах многих учёных. Исследователи отмечают, что ирония – это понятие сложное, ёмкое и многоплановое. В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой ирония определяется следующим образом: «Ирония – троп, состоящий в употреблении слова в смысле, обратном буквальному, с целью тонкой или скрытой насмешки; насмешка, нарочито облеченная в форму положительной характеристики или восхваления [1, с. 185]. Мы солидарны с мнением

О. П. Ермаковой о том, что «ирония – это один из видов языковой манипуляции, которая заключается в употреблении слова, выражения или целого высказывания в смысле, противоречащем буквальному с целью насмешки» [3, с. 47].

Являясь формой критического, эмоционального, оценочного отражения действительности, ирония напрямую соотносится с миропониманием автора, его творческой позицией, играя ведущую роль в идиостиле писателя.

Целью работы является описание средств формирования иронической оценки в текстах современного российского писателя Ю. Полякова. Значительную роль в творчестве этого писателя играет ирония, которая становится противовесом приевшейся и наскучившей всем пафосности [2, с. 80]. Материалом исследования явились повести Ю. Полякова «Апофегей» и «Парижская любовь Кости Гуманкова».

Мы полагаем, что ироническая оценка в художественных текстах формируется на основе приема смешения стилей. Когда языковые средства контрастируют по стилю с принимающим текстом, повышается экспрессивность текста, усиливается его ироничность.

Нижеследующие примеры демонстрируют иностилевые включения, которые формируют ироническую оценку, с её помощью автором передаётся стилизация просторечности, сниженности речи персонажей, действительно не отличающихся высоким уровнем образования: – *Это ж какое здоровье надо иметь, чтоб так пить! – высказалась Пипа Суринамская. – Мой-то генерал так только до майоров хлебал. Бывало, с замполитом **напрескаются** и на танке охотиться едут... Мясо в доме никогда не переводилось...* [6, с. 70]. – *В железных, как у вас, покупать боят-ся... Бывали случаи, когда наши **впаривали** кильку с зернистой этикеточкой! ...* [6, с. 72].

Столкновение слов общеупотребительных или книжных со словами просторечными, фамильярными, включение возвышенной лексики в контекст разговорно-бытовой по своей стилистической окраске часто лежит в основе иронической оценки. В последующих примерах в контексте объединяются понятия разговорно-бытового стиля и элементов деловой или официальной речи: *Товарища Бурова за всю эту историю **поперли** с партийной работы. Он страшно переживал, запил, разошелся с женой и даже однажды забрел к нам в «Рыгалето»* [6, с. 85]. *Позвали руководство, которое в целях достижения чувства полной завершенности **досасывало** очередную бутылку из общественных фондов* [6, с. 70].

В следующих примерах в общий эмоциональный контекст включаются конкретные и абстрактные понятия, бытовые и возвышенные: *Ранний брак обременял Пеку примерно так же, как тонюсенькое обручальное кольцо на безымянном пальце, он **сибаритствовал, тцился во-влекать** в интимную близость наших алгоритмовских дам, вслед за мной называя это бескорыстной гормональной поддержкой одиноких женщин* [6, с. 6]. *Извергнув все это из недр своей алчущей справедливости души, Букин вынул из карманов побелевшие от напряжения кулаки и сел на место* [6, с. 8].

В прозе Ю. Полякова часто используется намеренное стилистическое несоответствие формы и содержания излагаемого в тех случаях, когда для передачи примитивного содержания используется торжественный стиль. Так, словосочетанию *незыблемость своего зачеса* в примере придается нарочитая серьезность, важность. Пустяковые события, ничтожные герои приобретают ложную значимость и внушительность: *В последний раз он просил меня лет семь назад: речь шла о симпатичной и веселой практиканточке, чрезвычайно ему понравившейся. Я, конечно, не стал мешать, но у него все равно ничего не вышло, потому что девушку страшно смешила ма-нера Пековского заглядывать в попутные зеркала и проверять **незыблемость своего зачеса*** [6, с. 12]. Иронически окрашено словосочетание в следующем примере, когда речь идёт о персонаже Надежде Печерниковой, которая собирается писать диссертацию об опальном историческом деятеле, автор подвергает сомнению будущность этого творения в эпоху застоя: *Потом, все еще держа новую аспирантку за руку, профессор Заславский сообщил, что писать **сия отважная девица** собирается о Петре Аркадьевиче Столыпине. Кафедральные старички с пониманием переглянулись: В молодости они тоже мечтали стать честными летописцами эпохи, но хоте-лось бы знать, что понаписал бы тот же Нестор, когда б у него за спиной дежурил сержант НКВД с наганом* [5, с. 6].

В прозе Ю. Полякова встречаются оценочные слова, которые отличаются повышенной стилистической окрашенностью, эти слова сниженного стиля являются сигналами особой эмоциональной экспрессивности: – *Снайпер!* – изумился Гегемон Толя. – *Махани с нами! А? Но офицант, наверно, по жестам поняв, о чем идет речь, только покачал головой и, поклонившись, вышел из номера* [6, с. 72]. *Это такая у них инструкция, если вместо коренного советского гражданина спецслужбы попытаются **втюхать** шпиона, говорящего по-русски с чудовищным акцентом. Но все обошлось благополучно – и на родину меня пустили...* [6, с. 82].

Писатель Ю. Поляков осмысливает стилистические возможности архаизмов в современном речевом употреблении, иронический контекст в следующем примере подчёркивается использованием архаизмов *доколе* и *возопил*, являющихся явно неуместными для персонажа Букина, который никогда не отличался смелостью в отстаивании своей позиции: – *Доколе?! – возопил Букин, сжимая в карманах кулаки. – Конкретнее! – поморщился секретарь партбюро. – Доколе, – гневно уточнил Букин, – Вы, товарищ Пековский, будете беспардонно использовать в корыстных целях свое служебное положение, занятое вами исключительно благодаря кумовству и протекционизму?!* [6, с. 7]. Следующий пример также подтверждает эту мысль: *Извергнув все это из недр своей алчущей справедливости души, Букин вынул из карманов побелевшие от напряжения кулаки и сел на место* [6, с. 8].

Формирование иронической оценки проявляется в сочетании конкретных, подчеркнута бытовых и абстрактных понятий, возвышенных и прозаических: *Он читал ей стихи, она внимала в недоуменном восхищении, бегала в бар за выпивкой, а поутру лелеяла его похмельную грусть* [6, с. 52]. *А вот Пейзанка, выросшая в колхозе с прочными питейными традициями, сызмальства приставленная к безбрежно пьющим отцу, старшему брату и крестному, играючи разобралась в недужных ритмах Поэта-метеориста, – все остальное упиралось в денежную проблему, но Машенька отнеслась к своим франкам с той же беззаботностью, с какой некогда ее мама – к облигациям государственного займа 1947 года* [6, с. 53].

В прозе Ю. Полякова наблюдается частое употребление в ином стилистическом обрамлении канцелярских штампов, что также придает текстам ироническую оценку: *Один советский гражданин внешторговского подвида, ласково разъяснявший своей малолетней дочке сюжет картины «Юдифь и Олоферн», завидев нас, поспешно увел прочь ребенка, чтобы не травмировать восприимчивую детскую психику преждевременной встречей с соотечественниками* [6, с. 58]. *На вопрос вошедшего в раж Букина я скорбно сообщил, что за рубежами Отечества не бывал ни разу. – Ни разу! – зловецким эхом повторил Букин. – Гуманков! Лучший программист! Ни разу! Где социальная справедливость?* [6, с. 8].

В прозе Ю. Полякова наблюдается смешение и переключение регистров и стилей речи, неуместность формы сообщения, излишний пафос, не соответствующий ситуации общения, что придаёт тексту иронический оттенок: *За развал работы в регионе впоследствии босса законопатели в заместители председателя Всесоюзного комитета информатики, чего Пека, естественно, предвидеть не мог, а просто ему, как всегда, повезло* [6, с. 6]. *Йогурт – к изумлению аборигенов, мы сгваздывали по три-четыре упаковки за завтрак, чтобы попробовать разные сорта – вишневый, клубничный, банановый, апельсиновый, черничный и так далее, – так вот, йогурт мы ели во враждебном молчании* [6, с. 45]. *Забавная, но в духе времени, история приключилась с Гегемоном Толей: он все-таки урыл того, кого собирался. Им оказался председатель завкома, часто выезжавший за границу, а по возвращении стращавший рабочий класс ужасами дикого Запада* [6, с. 84]. *А недавно уже в качестве заезжего фирмача он выступал по нашему телевидению и небрежно советовал нам, как **выкарабкаться** из кризиса* [6, с. 84].

Источником иронии часто служит стилистическая неоднородность, свойственная тому или иному фрагменту текста. Так, на фоне книжных слов, служащих лексической основой рассуждения на общественно значимые темы, появление языковых единиц с разговорной и просторечной окраской вызывает стилистический эффект неожиданности, который во многих случаях сопровождается иронией.

Анализ произведений Ю. Полякова позволил установить, что иронии подвергаются в его произведениях те явления, которые сам автор не приемлет. Используя такие приёмы, как нестабильность нормативно-стилистической системы русского языка (жаргонизация, вульгариза-

ция, «канцелярит»), рассогласованность элементов лексической системы, редукция высокого, идеологизация и деидеологизация русской лексики, автор иронически осмысливает этические, эстетические, идеологические, культурно-ценностные стороны современной жизни, показывает языковой конфликт культурных и ментальных понятий.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1966. 608 с.
2. Глухова О. П. Художественная деталь как средство выражения иронической авторской оценки // В мире научных открытий. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2014. № 1 (49). С. 80.
3. Ермакова О. П. Ирония и ее роль в жизни языка. М.: ФЛИНТА, 2011. 204 с.
4. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.
5. Поляков Ю. Апофегей М: Астрель, 2004. 138 с.
6. Поляков Ю. Парижская любовь Кости Гуманкова. М: Астрель, 2005. 207 с.

УДК 811.161.1'42 + 821.161.1–31

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

А. Ю. Морозова
г. Брянск (Россия)

Языковое отображение сюжетного конфликта в повести Д. И. Рубиной «На Верхней Масловке»

В статье на материале повести Д. И. Рубиной «На Верхней Масловке» описаны и проанализированы языковые средства репрезентации сюжетного конфликта с целью выявления авторской интенции.

Ключевые слова: конфликт, языковая репрезентация, антропоним, эмотивная лексика, ирония.

A. Y. Morozova
Bryansk (Russia)

Language tools display the story of the conflict in the novel «Na Verkhney Maslovke» by D. I. Rubina

The author analyses language tools display the story of the conflict in the novel «Na Verkhney Maslovke» by D. I. Rubina with the purpose of revealing the author's intentions.

Key words: conflict, linguistic representation, anthroponym, emotive language, irony.

Основу художественного произведения составляет конфликт – «острое столкновение характеров и обстоятельств, взглядов и жизненных принципов» [4]. Он является источником событий, образующих сюжетную линию произведения. Однако иногда идейный конфликт реализуется буквально, через конфликт сюжетный, то есть становится формальной категорией художественного текста, что отображается на языковом уровне.

Сюжет повести Д. И. Рубиной «На Верхней Масловке» строится на противоречии жизненных философий главных героев Анны Борисовны – скульптора, заслуженного деятеля искусств, всю жизнь «целиком отдающего себя творчеству» (с. 19), и Пети – человека, закончившего театральную школу, но так и не реализовавшегося в профессии, который живёт с ней под одной крышей вот уже пятнадцать лет и помогает ей «хоть как-то приспособиться к действительности» (с. 19), разрешающемся через «конфликт» [1, с. 81], реализующийся в постоянных скандалах, склоках, спорах, препирательствах и мучительной «грызне» (с. 45), однако «в их отношениях всё гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд» (с. 89).

Целью данной работы является рассмотрение языковых средств репрезентации сюжетного конфликта в тексте повести «На Верхней Масловке», анализ которых позволит верно интерпретировать идейную концепцию повести, то есть понять авторский замысел.

В разрешении конфликта значительную роль играет «ранг оппонентов» [1, с. 232]. В этом отношении интересен анализ антропонимов главных героев.

При обращении (описании, самохарактеристике) к Анне Борисовне чаще всего используются антропонимы «*старуха*» (более 120 раз), который указывает на солидный возраст героини (ей 95 лет), «*ядрёный нрав*» (с. 129), «*Анна Борисовна*» (более 60 раз), подчеркивающий её невозмутимость («*обладающая гибкостью швабры*» (с. 45), «*не слышит и не видит других людей*» (с. 45)) и неуязвимость, самодостаточность («*С... потрясающим эгоизмом...*» (с. 42), «*...с великолепным идиотским апломбом...*» (с. 45)) и авторитетность (она «*старейший член МОСХа*» (с. 107)).

При обращении (описании, самохарактеристике) Пети (ему более 30 лет) используются антропонимы «*Петя*» (более 180 раз), в котором реализуются с одной стороны ключевые черты характера героя (честность и порядочность), а с другой – его социальное положение («*Чинов не нажил, славы не сколотил, любви не встретил...*» (с. 197), «*приблудный пёс*» (с. 17), «*голодный общежитский щенок*» (с. 46), «*облезлый кот*» (с.164)) и «*мальчик*» (более 30 раз), отражающий его инфантильность («*с непонятной обидой неизвестно на кого*» (с. 105)) и нервный, склочный, «петушинный» характер («*Собачий характер и невероятные амбиции*» (с. 52)). Таким образом, ранг Анны Борисовны заметно выше Петиного.

Сложность и драматичность взаимоотношений Анны Борисовны и Пети репрезентуется в тексте эмотивными лексемами. Психологическое и эмоциональное состояние Пети вербализуется в следующих эмотивах: «*Нужно было пятнадцать лет потереться об этот характер, чтобы, став неврастеником, понять наконец, откуда что взялось...*» (с. 18), «*...постоянное глухое раздражение*» (с. 21), «*Спазм бешенства сдавил Пете горло ошейником*» (с. 32), «*...он зашёл к себе и с полчаса взбудораженно мотался по комнатёнке...*» (с. 33), «*Хотелось истошно мычать*» (с. 42), «*Он застонал и обхватил руками голову... Он захохотал и смеялся долго, истерично, до икоты...*» (с. 43), «*Всё внутри у него дрожало от ненависти, всё было отравлено горечью*» (с. 45), «*...шагнул к ней, глядя светлыми, неподвижными от ненависти глазами...*» (с. 46), «*Он выдохнул, чувствуя себя вконец измочаленным, вернулся к мойке и молча подпрыгивающими руками домыл посуду...*» (с. 47), «*Вид у него при этом был такой разъярённый, что Анна Борисовна заметно стухнула*» (с. 106). Психолого-эмоциональный портрет Пети крайне негативный. Петя – человек, остро чувствующий несправедливость, беспринципность и безнаказанность окружающего мира, что обуславливает его нервный, вспыльчивый, тревожный характер, который постоянно «расшатывается» в схватках со старухой, поэтому он так «*изломан*» (с. 139) и «*издёрган*» (с. 139). Все его чувства несут в себе разрушающее начало, отравляющее его самого; его нервная система настолько расшатана, что некоторые из его чувств выражаются целым комплексом лексических единиц: «*...крикнул он вдруг, бросив вилку на стол так, что она подпрыгнула и со звоном упала в тарелку*» (с. 31), «*...крикнул он так, что выстрелило в ухе и отдалось в затылок*» (с. 38), «*У него не было слов, чтобы объяснить безумной старухе, что она сделала. Он молча сцеплял и расцеплял кисти рук*» (с. 42). Некоторые из героев называют Петю психопатом, а врач, лечивший Анну Борисовну, скажет ему: «*Имейте в виду: вам необходимо лечиться. У вас полное истощение нервной системы...*» (с. 147). Однако именно эта «*надсадная жизнь*» (с. 197) под одной крышей с Анной Борисовной и нескончаемые «*страсти-мордасти*» (с. 107), делая его «*взвинченным, бодрым и злым*» (с. 136), придавая ему необходимые «*закалку и закваску*» (с. 133), придают его жизни смысл. Рядом с другими людьми, без старухи его «*начинает грызть томительная скука*» (с. 135), хоть она и думает, что «*...мальчик к ней совершенно не привязан*» (с. 55).

Эмоциональное состояние Анны Борисовны зафиксировано в тексте в следующих лексемах: «*Старуха... не откажет себе в удовольствии покуражиться...*» (с. 15), «*...с радостной ненавистью проговорила старуха*» (с. 31), «*Старуха улыбнулась с довольным видом. Она радовалась, что удалось вытянуть его на драку*» (с. 40); «*Он говорил это запальчиво, возмущенно... но старуха, откинувшись в кресле, так весело и откровенно любовалась этой вспышкой...*» (с. 46), «*...старуха развлекается!*» (с. 115), «*Старуху вообще часто забавляли недоразумения*» (с. 120), «*...сколько же в старухе энергии этой, азарта, что всё не устанет травить и в угол загонять*» (с. 126). Анна Борисовна – коренной оптимист, активный человек, полнокровный, жадно впитывает каждую минуту жизни. Ей приятно любое проявление страстей, в ней живёт невероятная

любовь к жизни («Я люблю все страдания своей жизни...» (с. 156)), поэтому ей нравится испытывать терпение («... Анна Борисовна хороший фрукт» (с. 89)), доводить до иступления людей («...она любила **жрать человечину**» (с. 41)) и любоваться достигнутым эффектом («Да, старуха груба, как пьяный патологоанатом» (с. 82)), хотя она, конечно, осознаёт, что причиняет им боль («Я обижала близких. Всю жизнь обижала их походя...» (с. 153)). А Петя для неё последние пятнадцать лет является самым близким человеком, без него она «тоскует» (с. 129).

Сюжетный конфликт отображается в языке повести и с помощью сравнений: «Ей слишком покойно было сейчас, как кулику на тихом болоте, ей хотелось это болото всколыхнуть, взбалмутить, поднять со дна удушливые газы. Старуха просто не могла без встряски, она жаждала крови» (с. 40). «Умиротворённая тишина этого вечера подёрнулась рябью, словно озеро перед непогодой. Старуха разбивала её, как от скуки разбивает камушками юный бездельник зеркальное спокойствие пруда. И уже пузырилось и поднималось со дна души потревоженное раздражение» (с. 41). Спокойное, размеренное течение жизни не удовлетворяет Анну Борисовну, для неё это вязкое болото – «топкое место, часто со стоячей водой» [3, Т. 1, с. 105], трясина и рутина. Ей постоянно нужно поддерживать творческий оскал и ожесточение.

Противоречивые и обоюдоострые отношения главных героев репрезентуются в языке повести через приём иронизирования, которым мастерски владеет Д. И. Рубина: 1) «"... А я никогда не была ханжой. Я и пила бы, и курила, но у меня всю жизнь было слабое сердце". – "Со слабым сердцем до вашего возраста не доживают", – заметил Петя едко» (с. 24) – саркастический смысл формируется здесь на логическом уровне, Анна Борисовна говорит о себе совершенно искренне (её отец-доктор всегда говорил, что она не доживёт до старости), не рисуясь, без жеманства, а Петя резко подчёркивая факт её возраста, пытается убедить окружающих, что она кокетничает; 2) «"Давайте ужинать". – Он подтащил кресло с сидящей в нём старухой к столу, пододвинул ей тарелку, нарезал хлеб. "Это что – картошка?" – Она повела носом. – "Очень своевременно и толково. Ты и масла положил?" – "Положил..." – "Удивительно. А посолить не забыл?" – "Ешьте, ради Бога, когда вам подают, и не учите меня варить картошку!"» (с. 39) – иронический подтекст создаётся за счёт ассоциации, отсылки к знаменитой фразе «Не учите меня жить» [2, с. 166] из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». Для речевого поведения Пети в целом характерна некоторая театральность, особенно в моменты раздражения, что вызывает комический эффект; Анна Борисовна, зная это, методично задевает его, спрашивая об очевидном (она сама всем говорит о том, что Петя «...с особым вдохновением занимается бабскими домашними делами» (с. 30)) и комментируя его действия, словесно выражает чувство, которого не испытывает в действительности («Удивительно»), насмехаясь над Петей таким образом; 3) «"Ну, довольно! – резко оборвал он. – ... Помолчите хотя бы сейчас". – "Хотя бы сейчас" – это накануне отброса копыт, не так ли, мальчик? Нет уж, позволь договорить именно ввиду надвигающегося бенефиса"» (с. 191) – эффект самоиронии создаётся с помощью смешения в одном контексте стилистически разных пластов языка: грубо-просторечного фразеологизма *отбросить копыта* – «издохнуть (о животных)» [5] и лексемы *бенефис* – «спектакль в честь одного из его участников как выражение признания заслуг, мастерства, значения артиста» [3, Т. 1, с. 79] (Анна Борисовна любит «поцеголять» (с. 120) своей смертью и всегда называет её «величественной кончиной» (с. 102)).

Странные отношения (другими героями повести они в разное время оцениваются и как нетерпимость, и как ненависть, и как ревность, и как любовь) главных героев повести «На Верхней Масловке» («в контрах» (с. 125)), продолжающиеся «**адовы пятнадцать лет**» (с. 198), мучительные, отравляющие, но психологически и физически необходимые («...жизнь без неё невозможна...» (с. 195), «...жизнь без него немислима» (с. 52)), полно выражены в их собственных словах через аналогии: «Я **привязана** к этому длинному...» (с. 152), «Старуха же измывалась и топтала пятнадцать лет, кромсала и плевала, но, трясясь от ненависти, сотни раз изнывая от жгучего желания задушить её, он чувствовал смертельно натянутую, тугую и крепкую, как витой шнур, **нить**, что связывала их души» (с. 189), «И Петька – последняя **привязанность**, глупейшая из всех привязанностей её жизни – смысл, боль и ненависть последних лет...» (с. 190). Ключевой в отношении героев друг к другу и к миру является лексема «**сопричастность**» (с. 159) – «причастность к чему-либо или совместная причастность» [3, Т. 4, с. 199], между героями су-

ществует прочная духовная связь. Анна Борисовна со своей искренней безусловной («могучей, необоримой» (с. 164)) Любовью к жизни («Она никогда никого не любила. Никого. Кроме собственной жизни...» (с. 200)) восхищает Петю своим «дьявольским умом и талантом» (с. 164), «агрессивной независимостью и мгновенной реакцией в любом разговоре» (с. 18), она как истинный художник всегда полна Боговдохновенной жизненной энергией, не живёт, а горит, пылает, и Петя готов отдать мощной старухе всю свою «никчёмную» (с. 195) жизнь, лишь бы быть подле неё, «питаться её драгоценной любовью к жизни» (с. 195), этой Искренностью, быть сопричастным («Все эти годы он жил за счёт её энергии, жил от электрической сети её таланта и мужества, он был древесным грибом на могучем дереве её жизни...» (с. 195), «Старая ведьма владела огнём жизни... Я – одуроченный солдат...» (с. 199)). Анна Борисовна и Петя – герои одного романа, «главное действующее и эпизодическое» (с. 153) лица.

Конфликт главных героев повести Д. И. Рубиной «На Верхней Масловке» обрывается смертью Анны Борисовны.

Парадоксальность взаимоотношений Анны Борисовны и Пети переводит их конфликт в разряд философского противоречия (диалог Любви и Ненависти как жизненных позиций главных героев), разрешение которого качественно меняет их мироощущение и в котором реализуется идейная концепция повести.

И если по жанровым признакам текст «На Верхней Масловке» определён Д. И. Рубиной как повесть, отношения Анны Борисовны и Пети могут быть охарактеризованы как роман или драма, не случайно Петя после смерти Анны Борисовны, собираясь уезжать из столицы, оглядываясь на свою жизнь, скажет: «Вполне законченная пьеса» (с. 196).

Образы Анны Борисовны и Пети и атмосфера повести гениально воплощены в фильме К. П. Худякова «На Верхней Масловке» 2004 года с А. Б. Фрейндлих и Е. В. Мироновым в главных ролях.

Примечание

При цитировании в круглых скобках указаны страницы по изданию: Рубина Д. На Верхней Масловке: роман. М.: Эксмо, 2011. 208 с.

Список литературы

1. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология: Учебник для вузов. М.: ЮНИТИ, 2000. 551 с.
2. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев: роман. М.: АСТ, 2005. 311, [9] с.
3. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988.
4. Словарь литературоведческих терминов / под ред. С. П. Белокуровой, 2005.
5. Фразеологический словарь русского литературного языка под ред. А. И. Фёдорова. М.: Астрель, АСТ, 2008.

IV. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

УДК 008
ББК 71. Оя73

О. Л. Абросимова
г. Чита (Россия)

К вопросу о существовании русского языка и русских культурных традиций в китайском Трѣхречье

В статье на примере знаменитой общины русских в китайском Трѣхречье показывается, как развивается русский язык в иноязычном окружении, как русские в Китае сохраняют православные традиции. Особо выделена проблема существования русского мира в условиях мощного влияния иной цивилизации.

Ключевые слова: *русский язык, русская культура, православные традиции*

O.L. Abrosimova
Chita (Russia)

To a question of existence of Russian and the Russian cultural traditions in the Chinese Tryokhrechye

In article on the example of the well-known community of Russians in the Chinese Tryokhrechye is shown how Russian in a foreign-language environment as Russians in China keep orthodox traditions develops. The problem of existence of the Russian world in the conditions of powerful influence of other civilization is especially allocated.

Key words: *Russian, Russian culture, orthodox traditions*

Знаменитое Трѣхречье вызывает в последнее время особый интерес историков, этнографов, культурологов [2, 3, 4]. Интересен этот район и для лингвистов. Как его жители сохраняют родной язык? Берегут ли русские культурные и языковые традиции? Поглощает ли китайская среда русское начало, в том числе языковое? На эти и многие другие вопросы хотелось бы найти ответ.

Что же представляет собой китайское Трѣхречье? Трѣхречье – одно из немногих поселений русских на территории Китая. Уезд, где живут русские, находится на правом (юго-восточном) берегу реки Аргунь на границе с Россией. В. А. Анучин в исследовании «Географические очерки Маньчжурии» писал: «Область трех рек, или Трехречье (так называют территорию бассейнов притоков р. Аргуни – Гана, Дербула и Хаула), занимает площадь примерно в 11 500 кв. км. Места эти издавна посещались забайкальцами, которые перегоняли сюда свои стада и табуны на пастьбу, заготавливали сено, охотились, а иногда и производили распашки плодородных целинных земель. Отдельные русские хутора в Трехречье появились довольно давно. До сих пор находят здесь избы поселенцев 1895–1900 гг.» [1, с. 178]. Этот же автор сообщает, что в 1944 г. в Трехречье проживало около 8 000 человек, что составляло около 80 % от общего числа местного населения [1, с. 178]. Эти сведения Анучин опубликовал в 1948 году. Сложившаяся в давние годы община продолжает существовать и сейчас. А. Самойленко, представитель МИДа в Чите, в 2008 году писал в православной газете «Благовест»: «Можно только удивляться, что после всех потрясений и трагедий прошлого века Трехречье выстояло и остается сегодня крупной русской общиной в Китае – местное русское население на территории Правоаргунского хошуна Хулунбуирского аймака Автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ), сосредоточенное в нескольких по-

селках, составляет 8 000 человек (10 процентов от общего населения хошуна). В Русском национальном уезде с центром в станице Караванная (пос. Эньхэй) его состав достигает 30 процентов. 2 500 человек (старшее поколение) крещены, остальные считают себя православными по вере. Община хранит культуру, традиции, язык и веру своей исторической Родины».

В апреле 2012 года в Китае в г. Хайлар состоялась II Международная научно-практическая конференция «Русский язык в современном Китае», организованная кафедрой русского языка как иностранного ЗабГПУ и Институтом русского языка Хулуьбуирского института. Руководство Хулуьбуирского института после пленарного и секционных заседаний в рамках конференции организовало совместную поездку русских и китайских учёных в знаменитое Трёхречье, где сначала в г. Лабдарин, а затем в деревне Эньхэ (Караванная) обсуждались вопросы распространения и сохранения русского языка в Китае. Состоялись встречи с руководством уезда Эргунэ, где находятся русские поселения. Российским и китайским учёным была предоставлена возможность посмотреть, как живут русские в Китае, как сохраняют национальные культурные традиции и родной язык. Своими наблюдениями, полученными в этой поездке, хотелось бы поделиться.

Мы прибыли в Караванную в один из дней пасхальной недели, поэтому нам удалось увидеть, как отмечают Пасху русские в Китае. Следует отметить, что в Трёхречье особенно хорошо сохранились православные традиции. Молитва, куличи, пышный хлеб, испечённый на поду в русской печи, освящённые яйца, богатое пасхальное угощение для гостей – всё это атрибуты пасхальной недели русских в Китае. Довелось нам поучаствовать и в давно забытой в России забаве – катании на старинных деревянных качелях. Старожилы рассказывали, что раньше было веселее, потому что в пасхальные дни играли ещё в городки и лапту. Пасхальные дни у русских в Китае наполнены светом и праздником, как и у всех нас в России.

Во время визита мы разговаривали со старожилами, слушали их воспоминания, рассуждения о судьбе русской культуры в Китае, удивлялись тому, что в сложных условиях инокультурного окружения жителям всё-таки удалось, хоть и не в полной мере, сохранить этот маленький очаг русской православной культуры. Разговоры со старожилами и более молодыми жителями Караванной мы записали на диктофон, чтобы проанализировать их речь и сделать определённые выводы. Увиденное и услышанное в Китае наводит на определённые размышления.

Можно предположить, что русские в Трёхречье живут в коконе иной цивилизации, внутри которого концентрируется в неизменном виде то русское национальное ядро, которое было принесено в Китай век назад. И этот кокон защищает русское начало, оторванное от российских корней, хотя бы от воздействия времени. Но это предположение не совсем верно: русский язык, русская культура в китайском Трёхречье тоже развиваются, изменяются, но изменения эти качественно другие, отличные от тех, которые происходят в России, ведь условия существования, предпосылки развития языка и культуры на этом маленьком островке русской цивилизации принципиально другие.

Русские в Китае оторваны от истоков, они не знакомы с теми культурными изменениями, которые произошли в России. Они и сейчас живут той памятью, которая передалась от предков в чистом виде. Старшее поколение русских пытается сохранить те традиции, которые были переданы предками, но иная цивилизация настолько сильна, что постепенно нивелирует всё русское, подчиняя себе. Всё, что мы видели и слышали в русском Трёхречье, отмечено влиянием этой культуры: русское традиционное убранство домов в духе 50-х годов прошлого века сочетается с традиционными бумажными китайскими цветами, русские традиционные блюда – с китайскими традиционными приправами, русская речь – с китайским акцентом.

Генетический код нации даёт сбой: многие русские в Трёхречье на этом этапе существования не ощущают себя русскими в полной мере – слишком сильное давление оказывает на них китайская цивилизация.

В Трёхречье много смешанных браков между китайцами и русскими. Потомки русских и китайцев (так называемые «полукровки») считают себя русскими, но при этом часто практически не говорят по-русски, имеют типично китайский менталитет и соблюдают китайские традиции. Русское начало постепенно стирается, утрачивается, нивелируется китайским началом. Старожилы, которые бережно хранят русские традиции, уходят, русская община постепенно теряет русские традиции, в том числе и языковые. Это подтверждает и анализ речи жителей Караванной.

Всех респондентов, с которыми мы разговаривали и речь которых была записана, мы условно разделили на три группы.

Первая группа – жители Трёхречья, которые владеют русским языком в совершенстве. В основном это старожилы, возраст которых составляет 70 лет и более. Они говорят на северорусском диалекте, который распространён в Сибири. В их речи встречаются утрата интервокального йота (*думат*), произношение постпозитивной частицы *-ся* вместо *-сь* (*улыбалася*), слово *изба* вместо *дом*. В речи некоторых женщин отчётливо слышны полумягкие (невеляризованные и непалатализованные) шипящие согласные.

Вторая группа – русские жители Трёхречья, которые родным языком считают китайский. Они часто рождены в смешанных браках, называют себя «полукровками», некоторые из них имеют славянский тип лица. На русском говорят не очень хорошо, многие знают его на элементарном уровне, говорят с акцентом. Это в основном люди среднего возраста и старше.

Третья группа – это молодое поколение, не знающее русского языка. Они учатся в китайских школах, воспитаны в китайских традициях и считают себя китайцами. В ЗабГУ на факультете филологии и массовых коммуникаций учится сейчас студент, у которого русские бабушка и дедушка, проживающие в Трёхречье, очень хорошо владеют русским языком. Мама, свободно говорящая на двух языках, вышла замуж за китайца. В смешанной семье говорили только по-китайски – русский язык оказался невостребованным. В результате в университете китайцу с русскими корнями пришлось изучать русский язык с нуля.

Всё увиденное позволяет сделать вывод, что русское начало в Трёхречье постепенно утрачивается, вытесняется. Китайский язык, китайская культура, традиции становятся доминирующими. Но вместе с тем в последние годы наметилась одна очень важная тенденция, которая может спасти ситуацию: Трёхречье стало развиваться как место для туристов, которые интересуются судьбой русских в Китае, поэтому в уезде на уровне правительства поддерживается всё, что связано с Россией и русскими. Будем надеяться, что это даст новый импульс для развития русской культуры и русского языка в этом регионе.

Список литературы

1. Анучин В. А. Географические очерки Маньчжурии. М.: Геогр. лит-ра, 1948. 300 с.
2. Аргудяева Ю. В. Русское население в Трёхречье // Россия и АТР. 2006, № 6. С. 121–134
3. Кайгородов А. М. Русские в Трёхречье (по личным воспоминаниям) // Советская этнография. 1970, № 2. С. 144–145.
4. Янков А. Г., Тарасов А. П. Русские Трёхречья: история и идентичность. Чита: Экспресс-издательство, 2012. 71 с.

УДК: 81'373.21

ББК: Ш1

А. А. Антошкина
г. Чита (Россия)

Морфонологические явления в топонимии Забайкалья

В статье охарактеризованы основные морфонологические явления в русском языке на материале топонимов Забайкалья.

Ключевые слова: *топонимы Забайкалья, морфонологические явления, чередование фонем, интерфиксация, усечение финали производящей основы, интерференция.*

А. А. Antoshkina
Chita (Russia)

The morphonological conditions in toponyms of the Transbaikalian region

This article describes the basic morphonological phenomena in Russian language on the material names Transbaikalia.

Key words: *toponyms of the Transbaikalian region, morphonological conditions, alternation of phonemes, interfixation, truncation of the end of the generating word, interference.*

Морфонологические явления – звуковые изменения, наблюдающиеся на стыке морфем и определяющиеся фонематическими особенностями сочетаемости морфем, или формальные преобразования основы мотивирующего слова в структуре мотивированного слова [1, с. 92; 7, с. 502].

Морфонологические явления ярко проявляются в топонимах.

Опираясь на материалы к концептуально-топонимическому словарю и научные публикации Т. В. Федотовой [2; 3; 4; 5; 6], мы проследили морфонологические явления в забайкальских топонимах:

1) чередование фонем:

о//а: ручей Горелый (Могочинский район), река Горелая Анушкина (Красночикойский район), гора Погорелка (Забайкальский район), гора Горелая (Сретенский район) – ручей Гаревой (Красночикойский район), река Верхняя Загарная (Красночикойский район);

г//ж: урочище Зергунский Луг (Нерчинско-Заводский район) – остров Лужки (Нерчинско-Заводский район);

д//ж: урочище Медведка (Могочинский район) – ручей Медвежий (Могочинский район), падь Медвежья (Кыринский район);

к//ч: хребет Волков (Красночикойский район) – урочище Волчий Хребет (Чернышевский район), падь Волчья-Северная (Нерчинский район);

ш//х: река Сушаниха (Оловянинский район) – река Сухая (Читинский район), падь Сухой Урулюнзуй (Краснокаменский район), река Сухая Маргарунда (Могочинский район), падь Сухая Шаранча (Александрово-Заводский район); река Большая Черёмушка (Могочинский район), ручей Черёмушный (Красночикойский район), урочище Черёмушный Луг (Красночикойский район), гора Черёмушная (Калганский район) – ручей Черёмуховый (Петровск-Забайкальский район), река Черёмуха (Красночикойский район), ручей Черёмуховый (Газимуро-Заводский район);

л//л': ключ Белый (Оловянинский район), река Белая Речка (Хилокский район), гора Белая Грива (Красночикойский район), падь Белый Камень (Александрово-Заводский район) – река Белянка Верхняя (Сретенский район);

н//н': река Осиновая (Могочинский район), гора Осиновская (Балейский район), падь Осиновка (Калганский район), хребет Осиновый (Красночикойский район) – река Осинячья (Красночикойский район);

р//р': посёлок Шерловая Гора (Борзинский район) – река Гористая (Чернышевский район) и др.

Проанализировав достаточно большое количество забайкальских топонимов, мы пришли к выводу, что чаще всего в них встречаются чередования согласных фонем.

2) интерфиксация:

-о-: река Нижние Белокопичи (Газимуро-Заводский район); озеро Благодатное (Могойтуйский район); посёлок Благодатск (Нерчинско-Заводский район); река Богодушиха (Хилокский район); падь Большая Богомолровка (Нерчинско-Заводский район);

падь Винокурная (Балейский район); падь Водопадная (Сретенский район);

гора Голомыска (Красночикойский район);

падь Золотонота (Нерчинско-Заводский район); посёлок Золотоноша (Нерчинско-Заводский район); посёлок Золотореченск (Оловянинский район);

ручей Красноармейский (Могочинский район); город Краснокаменск (Краснокаменский район); село Красноярово (Шилкинский район); село Крутогорск (Акиншинский район);

село Малоархангельск (Красночикойский район);

село Новоберёзовское (Шилкинский район); село Новоборзинское (Борзинский район); село Новоивановск (Балейский район); село Новоильинск (Чернышевский район); посёлок Новоказачинск (Акиншинский район); село Новокозловск (Калганский район); посёлок Новокручининский (Читинский район); село Новоникольское (Петровск-Забайкальский район); посёлок Новоорловск (Агинский район); село Новопавловка (Петровск-Забайкальский район); село Новосалия (Улётовский район); река Новоселиха (Петровск-Забайкальский район); перевал Новосибирцев (Каларский район); село Новотроицк (Читинский район); село Новоцурухайтуй (Приаргунский район);

урочище Луг Первосенок (Нерчинско-Заводский район);

ручей Сенокосный (Красночикойский район); хребет Солнопёк (Нерчинско-Заводский район); река Солнопечная (Красночикойский район); село Старолончаково (Сретенский район); река Сухолесная (Тунгокоченский район);

река Толстопятка (Красночикойский район);

урочище Хотогор (Акишинский район);

посёлок Черноозёрск (Забайкальский район);

посёлок Ясногорск (Оловянинский район) и др.

-и-: *река Семигривая (Красночикойский район); река Семиозёрная (Красночикойский район); посёлок Семиозёрный (Могочинский район), село Семиозёрье (Красночикойский район); река Семисотка (Красночикойский район); река Семияменная (Петровск-Забайкальский район);*

-е-: *падь Засреднехребтовая (Краснокаменский район); гора Полементная (Забайкальский район); река Солнцепечная (Могочинский район); падь Чащевитая (Сретенский район) и др.*

В основном сложные забайкальские топонимы образованы при помощи интерфикса **-о-**.

3) усечение производящей основы:

село Аблатуйский Бор (Улётовский район) – село Аблатукан (Улётовский район);

село Булактуй (Агинский район) – село Булак (Могойтуйский район);

хребет Ононский (Шилкинский район) – село Ононск (Оловянинский район) – село Онон (Шилкинский район);

хребет Перевальный (Могойтуйский район) – село Перевал (Могойтуйский район); село Посельское (Чернышевский район) – село Поселье (Карымский район);

хребет Урюмканский (Чернышевский район) – река Урюмкан (Газимуро-Заводский район) – село Урюм (Чернышевский район);

село Шоноктуй (Борзинский район) – село Шонуй (Красночикойский район) и др.

Усечение производящей основы как морфонологическое явление также встречается в топонимии Забайкалья.

4) интерференция:

[ск + ск]: *посёлок Агинское – Агинский район, посёлок Забайкальск – Забайкальский район, станция Карымская – Карымский район, город Краснокаменск – Краснокаменский район, город Нерчинск – Нерчинский район, село Нерчинский Завод – Нерчинско-Заводский район, посёлок Приаргунск – Приаргунский район, город Сретенск – Сретенский район, посёлок Чернышевск – Чернышевский район.*

Данное морфонологическое явление можно пронаблюдать на небольшом количестве топонимов Забайкальского края. Можно ошибочно полагать, что такие топонимы, как *село Новоберёзовское (Шилкинский район) или посёлок Орловский (Агинский район)*, являются примерами интерференции с наложением [овск+овск]. Но данные топонимы образованы не от слов «новоберёзовск» и «орловск», поэтому примерами наложения не являются. Явление интерференции в топонимии Забайкалья встречается только на стыке производящей основы и суффикса.

Таким образом, морфонологические явления в современном русском языке в целом и в топонимии Забайкалья в частности призваны упростить словообразовательные модели, сделать их наиболее удобными для произношения. Чаще всего их можно пронаблюдать на таких топонимах, как оронимы (горы и возвышенности), лимнонимы (озера), потамонимы (реки), микро-топонимы (ключи), астионимы (города), комонимы (сельские поселения) (по классификации А. В. Суперанской).

Список литературы

1. Гридина Т. А. Современный русский язык. Словообразование: теория, алгоритмы анализа, тренинг: учеб. пособие. М: Наука: Флинта, 2008. 160 с.
2. Федотова Т. В. Концептуальный мир топонимического пространства Забайкальского края: материалы к концептуально-топонимическому словарю. Чита: Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т., 2009. 136 с.
3. Федотова Т. В. Региональная топонимика: формирование топонимии Восточного Забайкалья: Учебное пособие. Чита: Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т., 2007. 117 с.
4. Федотова Т. В. Русская топонимия Забайкальского края: формирование, семантика, функционирование: монография. Новосибирск: Наука, 2010. 256 с.

5. Федотова, Т. В. Словарь топонимов Забайкалья. Чита: Поиск, 2003. 128 с.
6. Энциклопедия. Русский язык / Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Большая российская энциклопедия», 2008. 786 с.

УДК 811.51.512.3
ББК (Ш) 81

*С. Г. Атсанавонг
г. Чита (Россия)*

Заимствованная лексика в языке бурятской версии «Субхашиты»

Настоящая статья посвящена анализу словарного состава памятника XIX века «Эрдэниин сан субашид». В целом можем отметить, что лексический состав памятника изобилует религиозными терминами. При рассмотрении буддийской терминологии нами обнаружено больше заимствований, чем исконно монгольских слов. Основную часть терминов составляют санскритизмы, которые проникли к нам через тибетскую форму буддизма. Заимствованная лексика свидетельствует не только о том, в каких областях словарный состав памятника обогащался за счёт иноязычных средств, но и о том, каковы были контакты носителей данного языка с монгольскими народами на протяжении их истории.

Ключевые слова: *ксилограф, старописьменный монгольский памятник, бурятская версия, словарный состав, заимствованная лексика.*

*S. G. Atsanavong
Chita (Russia)*

The borrowed lexicon in language of the Buryat version of «Subkhashita»

Close contacts of the Mongolian people to the next ethnos led to enrichment of dictionary structure by the loans foreign which part got into monument lexicon. In general we noted that the lexical structure of the monument is replete with religions terms when considering the Buddhist terminology, we discovered more borrowed lexicon than native Mongolian words, the main part of the terms are sanscritism which penetrated to us through the Tibetan form of Buddhism. The borrowed lexicon testifies not only to in what areas the dictionary structure of a monument was enriched at the expense of means foreign, but also about what contacts of carriers of this language to the Mongolian people throughout their history were.

Key words: *a ksilograf, an old written Mongolian monument, the Buryat version, the dictionary structure, the borrowed lexicon.*

Как результат взаимодействия с индийской, тибетской и монгольской литературой в бурятской среде дореволюционного периода зародился такой жанр дидактической литературы как «субхашита». Оригинальность этого жанра заключается в сочетании двух начал – светского и религиозного.

«Субхашиты» – стихотворные произведения назидательного характера, разъясняющие положительные и отрицательные качества человека, пользовались большой популярностью и распространением. Они представляют собой четверостишия, состоящие из двух параллельных строф, объединённых смысловыми и грамматическими параллелями. Такой стих легко распадается на два самостоятельных элемента – тезис и подтверждающий его образный пример.

Дидактическая литература, сложившаяся сначала в Индии, а затем в Тибете и Монголии, требовала существенной адаптации к специфике бурятского общества. Д. Б. Дашиев по данному поводу писал: «Административная и политическая зависимость местного духовенства от царской административной и родовой знати, всё более усиливающееся знакомство и мирян, и духовенства с элементами европейской культуры, науки, образа жизни и хозяйствования, особенности общественно-политической ситуации того времени заставляли дацанских редакторов постоянно вносить значительные смысловые коррективы при переизданиях текстов, адресованных широкой публике, пока со всей очевидностью не встанёт проблема необходимости создания собственной национальной дидактической литературы» [4, с. 7]. Формирование жанра бурятской дидактической литературы относится ко второй половине XIX в. В то время вся литературная и издатель-

ская деятельность была сосредоточена в буддийских дацанах, поэтому авторами первых дидактических произведений стали религиозные деятели, учёные ламы, одним из ярких представителей которых является Ринчен Номтоев (1821 – 1907). Он был настоятелем одного из бурятских дацанов, но отказался от сана священнослужителя и посвятил свою жизнь педагогической и просветительской деятельности. Среди трудов Р. Номтоева значительное место занимают переводы с тибетского языка. Как писал Ц-А. Дугар-Нимаев, «его переводы познакомили бурят с произведениями Нагарджуны, Гунга-Жалцана, Подобы, с индийскими и тибетскими сказками, легендами, притчами, с отдельными сюжетами таких всемирно известных памятников, как «Панчатантра» и «Рамаيانа». Одной из крупных переводных работ Р. Номтоева является перевод «Субхашиты» Гунга-Жалцана (1182 – 1251) и составление комментариев к ней» [7, с. 77].

«Субхашита» была написана на тибетском языке ещё в начале XIII века. При изложении своего произведения Сакья-пандита основывался на индийские нитишастры – трактаты этико-дидактического содержания, в которых повествуется о добродетелях положительного и недостатках плохого человека. Как указывает Н. Д. Болсохоева, переводы индийской литературы на тибетский язык «рождали подражание и заимствование, но особого типа. Авторы использовали старые традиционные образы, раскрывали их значение, конкретизировали их, включали в состав своих произведений сведения, содержащиеся в трактатах предшественников. Это не столько недостаток, сколько отличительная черта средневековой литературы» [2, с. 108].

Каждый переводчик вносил что-то от себя. В частности, старомонгольские переводы «Субхашиты» дословно не совпадают между собой, имеют отличия друг от друга, иногда весьма существенные. Исследователи признают, что бурятская версия «Субхашиты» Ринчена Номтоева превосходит своих монгольских предшественников как по количеству сказочных сюжетов, так и по филологической культуре. Перевод бурятского учёного с полным основанием можно считать не «копией», а вполне самостоятельной работой. В его труде отчётливо прослеживается желание приспособить тибетский текст к бурятской среде. Об этом могут свидетельствовать выявленные в языке памятника лексемы, характерные только для бурятского языка. Например: *bičiqan* ‘маленький, небольшой’ > совр. бур. *бишыхан* *id.*; *bayija* ‘постояй, погоди, стоп’ > совр. бур. *байза* *id.*; *adalikiisu* ‘подобный, схожий’ > *адлишуу* *id.*; *učuγata* – ‘никак’ > совр. бур. *угтаа* *id.*; *saγari* ‘цыпки’ > совр. бур. *хаару* *id.*; *baybaγai* ‘медведь’ > совр. бур. *баабгай* *id.*; *aliba* ‘какой бы ни был, всякий, каждый, любой’ > совр. бур. *алибаа* *id.*; *irjiilγaqu* ‘щерится, ощериваться’ > *иржайлгах* *id.*; *jiiji* ‘маленький, крошечный, мелкий’ > совр. бур. *жэжэ* *id.*; *semeken* ‘незаметно, втихомолку’ > совр. бур. *хэмээхэн* *id.*; *sambaγ-a* ‘подходящий момент, удобный случай’ > совр. бур. *хамбаа* *id.*; *keγbeu-e* ‘если, ежели, в случае’ > совр. бур. *хэрбээ* *id.*

Писателем также употреблены устойчивые словосочетания, присущие разговорному языку бурят: *kedüi jerge* ‘в какой степени’ > *хэды зэргэ* *id.*; *tus tus-taγan* ‘каждый в отдельности’ > *тус тустаа* *id.*; *edüi tedüi* ‘хотя бы кое-что’ > *эды тэды* *id.*; *tedüi jirge* ‘наряду с чем’ > *тэды зэргэ* *id.*; *ab adali* ‘совсем одинаковый, тождественный, идентичный’ > *аб адли* *id.*; *üri širi* ‘долги’ > *үри ишрэ* *id.*; *üni udal ügegüi-e* ‘незадолго’ > *үни удангүй* *id.*; *qalta qultu* ‘поверхностно, бегло’ > *халта хулта* *id.*; *qayıši kereg* ‘как-нибудь, кое-как, небрежно, спустя рукава’ > *хайша хэрэг* *id.*; *yambaγ süγükei* ‘какой прекрасный, исключительный’ > *ямар хүрхэй* *id.*; *nige bay-a* ‘немного, несколько’ > *нэгэ бага* *id.*; *eyin teiγun* ‘таким образом, так, затем’ > *иин тиин* *id.*; *baγa saγ-a* ‘немного, слегка, несколько’ > *бага сага* *id.*

В «Субхашите» наблюдаются слова, изложенные под влиянием живой разговорной речи бурят. Например, в сочинении в некоторых словах наблюдается знак, обозначающий сибиллянт -s вместо знака, изображающего в старописьменном монгольском языке аффрикату -č: *busaγaqu* (11b, 7 гл) вм. *буцааqu* (ср. совр. монг. *буцаах*) – вернуть; *qaγasaqu* (10a, 1 гл) вм. *qaγačaqu* (ср. совр. монг. *хагацах*) – расставаться; *sasaluγ-a* (15 b, 8 гл) вм. *sačaluγ-a* (ср. совр. монг. *сацаа*) – насыпал; *qusaqu* (6b, 3 гл) вм. *qičaqu* (ср. совр. монг. *хуцах*) – лаять.

В исследуемом тексте используются слова, отличающиеся от соответствующих слов старописьменного языка дополнительным кратким гласным: *abuqu* (50b, 1 гл) вм. *abqu* ‘взять’; *üjegülübei* (2a, 4 гл) вместо *üjegülbei* ‘показал’; *odaqu* (36b, 1 гл) вм. *odqu* ‘идти’; *γaγaqu* (23b, 5 гл) вм. *γaγqu* ‘выходить’; *köndülebei* (31a, 1 гл) вм. *köndülbei* ‘угостил, почтил’; *tusalaqu* (12b, 4 гл) вм. *tusalqu* ‘помогать’. Это явление образования открытых слогов Д.-Н. Д. Доржиев в работе «Старобурятский язык» называет «бурятским полногласием» [6, с. 81].

В разговорном бурятском языке некоторым кратким гласным старописьменного языка соответствуют долгие гласные, что нашло отражение в памятнике «ЭС» в виде таких написаний: *niḡur-iyān irjīlḡaḡu* ‘корчить свое лицо’ (51б, 1 гл), *kiigḡlḡn ḡidamu* ‘может осветить’ (34а, 1 гл), *adalikiisu* ‘похожий, схожий’ (22б, 1), *ḡigiidegebei* ‘повелел’ (23б, 1 гл), *bḡikiilgen* ‘нагибая’ (44а, 1 гл), *nekejḡ irḡḡjei kemen sergiilejḡ* ‘боясь, что придут требовать’ (36а, 1 гл).

Приведенные примеры свидетельствуют о влиянии живого произношения бурят на практику старомонгольского письма.

Старомонгольский язык являлся общим литературно-письменным языком монгольских народов, в том числе бурят. Он выполнял роль языка-посредника, через который в бурятский язык проникло большое количество слов из восточных языков. Заимствования из санскрита и тибетского языка относятся к терминам религии и её атрибутам; обозначают понятия, связанные с космогонией и мифологией, называют драгоценности, растения. В «Субхашите» выявленные лексические элементы можно разделить на следующие тематические группы:

1) названия служителей монастыря, культовых и ритуальных предметов буддийской религии: *ubaḡi* (санскр. *urasaka*) – ‘мирянин, который принял обет соблюдения пяти заповедей буддийской морали’; *bandi* (тиб. *ban-de*, санскр. *vandya*) – ‘банди, ученик у лам’; *blam-a* – ‘лама, буддийский монах’; *bandida* (санскр. *pandi-ta*) – ‘служитель монастыря, в совершенстве владеющий пятью науками’; *arḡat* (тиб. *arhad*, санскр. *arahatna*) – ‘архат, святой’; *bodisadu* (санскр. *bodhisatva*) – ‘святой, который достиг состояния внутреннего просветления, но из-за сострадания к шести видам живых существ не становится Буддой и постоянно перерождается в сансарическом кругу, чтобы указывать живым существам путь к спасению’; *ḡindamani* – ‘волшебная драгоценность ставится на крышу храма’; *kiid* (санскр. *kḡeta*) – ‘монастырь, скит’; *gelḡng* – ‘лама, принявший на себя исполнение 253 обетов’; *adis* (санскр. *adisa*) – ‘благовоние’; *balḡng* (санскр. *bali*) – ‘особые фигурки из теста для жертвоприношения’; *raḡiyan* (санскр. *gasayana*) – ‘святая вода’; *ḡastir* (санскр. *ḡastra*) – ‘религиозное сочинение’; *vaḡir* (тиб. *ba-dzar*, санскр. *vajra*) – ‘род небольшого скипетра, ритуальный предмет тантрической ламы’; *jula* (санскр. *jvala*) – ‘лампада’; *bratikabud* – ‘отшельник, который живет в уединении, помышляет только о своем спасении и не занимается проповедью учений. Он безразличен к чужим страданиям и проходит «благородный путь» один, без последователей, с помощью собственных усилий’; *boḡda* (тиб. *bogto*) – ‘титул особо почитаемых лиц и высших лам, переводимый как «святой»’; *badir* (санскр. *patra*) – ‘жертвенная чаша’;

2) философские термины: *tamu* (санскр. *tama*) – ‘ад, преисподняя’; *nisvanis* ‘привязанность к миру, мирская суета’; *sanvar* (санскр. *samvara*) – ‘монашеские обеты, при соблюдении которых воздерживались от греховных деяний, размышляли о вере и принимали только постную пищу’; *buyan* (санскр. *punya*) – *ubadis* (санскр. *upadesa*) – ‘обучение, наставление, совет, передача вводных, начальных форм’; *tarni* (санскр. *dharani*) – ‘мистическое заклинание, магическая формула’; *baramit* (санскр. «переправа», «средство спасения») – ‘совершенство’; *aḡsan* (санскр. *ksana*) – ‘миг, мгновение’; *dayan* (санскр. *dhyana*) – ‘транс или медитация, при котором объект сосредоточения полностью овладевал сознанием’; *badir* (санскр. *badar*) – ‘подаяние, милость’; ‘добродетель, заслуга’; *niḡvan* (санскр. *niḡvana*) – ‘основной философский термин буддизма, обозначающий достижение высшей святости, полное успокоение, освобождение духа от страданий’; *maqabud* (санскр. *mahabhuta*) – ‘элемент, материя’; *sudur* (санскр. *sutra*) – ‘священное писание’; *ḡajin* (санскр. *ḡasana*) – ‘религия’; *samadi* (санскр. *samadhi*) – ‘состояние просветления, достигаемое медитацией’;

3) слова, связанные с мифологией: *manḡyḡs* – ‘мангус, в тибетской мифологии и преданиях – первопродок тибетцев. В нашем сочинении мангус – мифическая птица, которая обитает в горах и питается человеческой кровью’; *asuri-nar* (санскр. *asura*) – ‘персонажи индийской мифологии, вначале обитавшие на небесах и равные богам, а потом из-за постоянных конфликтов с богами низвергнутые на более низкие уровни Вселенной’; *yaḡḡas* – ‘зловредные демоны, которые питаются человеческим мясом и обитают в воздухе, на земле или в нижних обителях богов’; *yaḡudi* – ‘получеловек-полуптица, который является средством передвижения Вишну. Его изображают в различных формах, образы Гаруды могут ассоциироваться со змеями. В «ЭС» он ассоциируется с птицей’; *esḡu-a* – ‘демон, злой дух’; *birit* (санскр. *preta*) – ‘жители адского преддверия, за грехи мучаются голодом и составляют пятый разряд органических существ’;

4) названия некоторых драгоценностей: *čindamani* – ‘драгоценность, исполняющая желание’; *očir* – ‘алмаз’, *šür* – коралл; *šil* – ‘стекло, хрусталь’; *erdeni* – ‘драгоценность’; *bolur* – ‘хрусталь’;

5) названия слов, отражающие космогонические воззрения: *galab* (санскр. *kalpa*) – ‘мифические периоды существования Вселенной, легендарные периоды времени, каждый из которых возглавлял соответствующий Будда. Таких периодов четыре. Каждый в свою очередь состоит из двадцати периодов и все 80 периодов (калп) составляют одну великую калпу’; *jambutvib* – ‘мир, континент’; *yirtinčü* – ‘мир, вселенная’;

6) названия растений и деревьев: *badma* (тиб. *bad-ma*, санскр. *padma*) – ‘лотос’; *jandan* – ‘санда́л’; *küji* – ‘благовонное курение, курительная свечка’; *maýalınu* *čečeg* – цветок магалинга; *dindu neretü modum* – ‘дерево под названием динду’.

Как известно, одним из распространенных способов образования буддийских терминов в старописьменных текстах являлся дословный перевод санскритских и тибетских слов на монгольский язык. Так, по мнению Д. Д. Дондоковой тибетский термин *gje bcsun* ‘святой, преподобный’, буквально значащий ‘чистый господин’, переводился на монгольский язык словами *boýdo* или *aríyün ejen* (полная калька). Сравните также *qoýosun činar* (букв. *свойство пустоты*) < скр. *šunyata* ‘пустотность’ и т. д. [5, с. 105]. Терминов такого происхождения достаточно много, так как произведение Р. Номтоева является переводным с тибетского языка.

Как указывает Ц-А. Дугарнимаев, «в своей работе бурятский лама придерживался определённых принципов. Он последовательно восстанавливал бытовые, природные реальности, которые были переведены ранее общими выражениями или утрачены вовсе. Если эти реальности поддавались переводу, он их переводил, если же не оказывалось точного, адекватного слова, оставлял тибетские названия» [7, с. 112]. Например, в 15-ом стихе Р. Номтоев сохраняет тибетские названия *йонба* «куркума – растение с жёлтым корнем», *тунса* «киноварь». В переводе «Субхашиты» монгольского учёного Лубсан-Цултэма эти слова были переведены прилагательными *шар* «жёлтый» и *улаан* «красный».

По мнению многих учёных, в VIII–XIV вв. монголы были очень близки к уйгурам и в какой-то степени были подвержены их культурному влиянию. Проникновение уйгурских слов началось одновременно и с заимствованием монголами уйгурской письменности. В сочинении наблюдаются заимствования из вышеуказанного языка. Например: *nigül-tü šimnu* ‘злой дух, демон, злой искуситель’ < уйг. *šimnu*, *šimnu* ‘черт, дьявол’; ступа’ < уйг. *suburýan* ‘гробница, склеп, немусульманская могила’; *burqan* ‘бог, божество’ < уйг. *burxan id.*; *quvaray* ‘ученик, послушник ламы’ < уйг. *qovray* ‘буддийская община, сонм буддийских монахов’; *suburýan* ‘буддийский памятник.

Помимо заимствованных слов для выражения буддийских понятий и предметов в произведении используются исконно монгольские слова. Д. Д. Дондокова в своей работе «Лексика духовной культуры бурят» сюда относит следующие лексемы, которые наблюдаются и в исследуемом памятнике: *qubilýan* ‘перерожденец’ < *qubil*– ‘меняться, превращаться, перерождаться», *sakíqu* ‘хранить, защищать’ < *sakil* «соблюдение, охрана», ср. *jíquayıci* ‘астролог’ < *jíqu*– ‘чертить, рисовать, считать, вычислять» + *qai* + *či*, *mörgül* ‘поклонение, молебен’ < *mörgü* «кланяться, поклоняться» [5, с. 107].

Вообще слов собственно монгольского происхождения в тексте довольно много. Д.-Н. Д. Доржиев в своей работе «Старобурятский язык» перечисляет монголизмы, из которых некоторые лексемы отражены в нашем памятнике: *čayaja* ‘уголовное наказание’, *alban* ‘служба’, *öčüken* ‘маленький’, *ügegü* ‘бедный, нищий’, *sanamsar ügei* ‘необдуманно, неожиданно’, *joýus* ‘монета’, *budaý-a* ‘каша из круп’, *tüšimel* ‘сановник’, *jakirayci* ‘распорядитель’, *jaraycin* ‘судья’, *kindan* ‘темница, тюрьма’, *ýulir* ‘мука’, *sab* ‘сосуд’, *üleg* ‘голодный’.

Отмечены глагольные формы собственно монгольского происхождения: *tašiyarqu* ‘ошибаться, заблуждаться’, *ajíqu* ‘существовать’, *odaqu* ‘идти’, *araljıqu* ‘производить меновую торговлю’, *soyırqaqu* ‘соблаговолить, пожаловать’, *oýtalaqu* ‘отсекать, прекратить’, *qolbaydaqı* ‘связываться’, *deledkü* ‘бить, ударять’, *sayulýaqu* ‘расположить» [6, с. 143–189].

Лексический состав «Субхашиты» изобилует религиозными терминами. Буддийская терминология, входя в лексическую систему сочинения, значительно обогащает его словарный состав. В памятнике наблюдаются слова, которые отражают отвлеченные буддийские понятия. Приведем некоторые из них: *burqan-u qubilýan* – ‘нирманический бог, т. е. благодаря чудотворной йогической силе Будда Шакьямуни мог принимать приобретенное или феноменальное тело’; *ýurban*

erdeni (санскр. triratna) – ‘Будда Шакьямуни, Дхарма, монашеская община’; *yurban maγu jaγaγan* – ‘три плохие участи: перерождение в мире животных, в мире претов и в аду’; *yurban čaγ* – ‘по буддийской космогонии имеются в виду следующие три времени: прошлое (*nögčigsen čaγ*), настоящее (*edüge*), будущее (*igege edüi*). У каждого из времен есть свой Будда: Кашьяпа, Шакьямуни и Майтрея’; *arban жүг* – ‘в буддийской космологии в десять сторон света относят: восток, юго-восток, юг, юго-запад, запад, северо-запад, север, северо-восток, небо и землю’.

В языке памятника наблюдаются термины, обозначающие духовные степени и достоинства религиозных деятелей: *buγan-u qutuγ* – ‘это тот, кто постиг высшую истину, достиг нирваны и обрел достоинство Будды Шакьямуни’; *mergen šidditü* – ‘человек, достигший в результате длительного и сурового созерцания высшей мудрости и духовной мощи’; *řidi qubilγan* – ‘лама, обладающий сверхъестественными способностями. В буддизме *řidi qubilγan* – человек, достигший этих способностей посредством тарни, т. е. путем магических заклинаний и формул’; *daγini daruγsan* – ‘архат, который прошел четырехступенчатый путь духовного совершенствования и достиг его наивысшего уровня при жизни’.

В тексте наблюдаются названия, относящиеся к атрибутам духовенства, культовым предметам и постройкам: *sansar-un kördün-ü jiruγ* – ‘картина изображающая колесо жизни, в сегментах колеса показаны различные миры перерождений’; *süme* – ‘кумирня, храм небольшого размера’; *šabar körüŋi šitügen* – ‘глиняное изображение бога, глиняная божница’.

В целом можем отметить, что при рассмотрении буддийской терминологии нами обнаружено больше заимствований, чем исконно монгольских слов. Основную часть терминов составляют санскритизмы, которые проникли к нам через тибетскую форму буддизма.

В тексте единично встречаются слова греческого, арабского и иранского происхождения. Т. А. Бертагаев по поводу арабских заимствований пишет: «Арабизмов не очень много в монгольских языках, хотя монголы издавна находились в сношениях с разными представителями арабской мусульманской культуры» [2, с. 34]. Приведём несколько слов, относящихся к арабизмам: араб. *čuba* ‘платье из хлопчатобумажной ткани’ > стп.-монг. *suba* ‘плащ, епанча, капот’ > бур. *суба* ‘плащ, накидка, дождевик’, араб. *agaq* ‘испарина, испарение’ > стп.-монг. *arki* > бур. *архи* ‘водка, вино’.

В сочинении наблюдаются персидские заимствования. «Посредником при передаче монголам персидских слов был язык тибетский», – писал академик Б. Я. Владимирцов. К ним относятся: *tuγus* ‘павлин’ < перс. *taus*; *toti* ‘попугай’ < перс. *toti*; *ters* ‘еретик, последователь небуддийских учений’ < перс. *tarsa* [3, с. 33].

В языке памятника насчитывается большое количество тюркизмов. Тюркские элементы в монгольских языках, как считает Ц. Б. Цыдендамбаев, «не только довольно многочисленны, но и простираются от легко проницаемых областей лексики вплоть до трудно проницаемых и частично даже до грамматических инвентарей. Это свидетельствует о том, что тюрки и монголы, особенно тюрки и буряты, некогда находились в весьма близких отношениях» [8, с. 485].

Слова китайского происхождения в языке «Субхашиты» занимают незначительное место: кит. *san* ‘казна’ > стп.-монг. *sang id.* > бур. *хан id.*; кит. *šan* ‘награда’ > стп.-монг. *šang id.* > бур. *шан id.*; кит. *lianhua* ‘лотос’ > стп.-монг. *lingqu-a id.* > бур. *ленхобо*; кит. *deng* ‘свеча’ > стп.-монг. *deng id.* > бур. *дэн id.*; кит. *bo-li* ‘стекло’ > стп.-монг. *bolur id.* > бур. *болор id.*; кит. *hao* ‘хороший, красивый’ > стп.-монг. > *γou-a* ‘красивый, красота’, кит. *čon-qu* ‘окно’ > стп.-монг. *čongqun id.* > бур. *сонхо id.*; бур. *гое* ‘красивый’; кит. *tiitü* ‘парикмахер’ > стп.-монг. *teitü id.* > бур. *үһэ абагша id.* Китайские заимствования в монгольских языках давно прошли процесс адаптации и стали использоваться как исконная лексика.

Анализ исследуемого материала свидетельствует о том, что в сочинении отсутствуют русские заимствования, характерные для бурятских исторических летописей XVIII – XIX вв.

Список литературы

1. Бертагаев Т. А. Лексика современных монгольских литературных языков. М: Наука, 1974. 383 с.
2. Болсохоева Н. Д. О специфике творческого процесса тибетского автора XIII века (на примере «Изящных речений» Сакья-пандиты) // Исследования по культуре народов Центральной Азии. Улан-Удэ, 1980. С. 108–112.

3. Владимирцов Б. Я. Монгольский сборник рассказов Pančatantra // Собр. соч. музея Антропологии и Этнографии имени Петра Великого при АН СССР: в 5 т. Л., 1925. Т.5. Вып. 2. С. 30–39.
4. Дашиев Д. Б. Бурятская дидактическая литература: проблема жанрового состава: дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 1997. 187 с.
5. Дондокова Д. Д. Лексика духовной культуры бурят: дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2001. 187 с.
6. Доржиев Д.-Н. Д. Старобурятский язык. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1992. 244 с.
7. Дугарнимаев Ц.-А. Бурятский перевод «Субхашиты» Гунгачжалцана // Культура Монголии в средние века и в новое время. Улан-Удэ, 1986, с. 77–112.
8. Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 662 с.

УДК 81–112.2

ББК 81.411.2

Ю. В. Биктимирова
г. Чита (Россия)

Проблемы подготовки к публикации скорописных памятников регионального делопроизводства XVII – XVIII вв.

В статье рассматриваются история и проблемы лингвистического источниковедения, становление его как специальной дисциплины в XX в., оценивается вклад С. И. Коткова и его последователей в изучение памятников письменности, отмечаются актуальные проблемы лингвистического источниковедения на современном этапе его развития. Ставится проблема подготовки и публикации памятников регионального делопроизводства для дальнейшего исследования филологами.

Ключевые слова: *источник, памятники письменности, деловая письменность, лингвистическая содержательность, лингвистическая информационность, правила публикации текстов, история языка.*

Yu. V. Biktimirova
Chita (Russia)

The problems of the preparation for the publication skoropisnykh of monuments of regional office-work of the XVII-XVIII centuries

The article deals with the history of a linguistic source study, its formation as a special course in XX. The author evaluates the contribution that made S. Kotkov and his group to study of writing, and emphasizes actual problems of a linguistic source study at the present stage of its development. It's suggested to divide linguistic sources into two groups: those that reflect linguistic facts and those that need methods of text analysis of some sort. The development of these methods is one of the most important objectives of linguistic source study. The author also observes the problem of material classification.

Key words: *source, primary and secondary sources, writing monuments, business writing, linguistic pithiness, linguistic information value, rules of the publication of texts, language history.*

Впервые рукописные памятники регионального делопроизводства XVII–XVIII вв. – документы приказов и канцелярий – стали объектом научного изучения в конце XVIII–XIX вв. Историческое языкознание этого периода характеризуется последовательным изучением приказной литературы в контексте исторических изменений языка и культуры. Были привлечены к рассмотрению новые источники: стали анализироваться памятники разных регионов – новгородские, вологодские, суздальские и др. Началом такого подхода послужили труды А. А. Шахматова и его последователей, открывших научному миру многие рукописные памятники делового содержания и показавшие их лингвистическую ценность. Стараниями Б. А. Ларина, С. П. Обнорского, П. Я. Черных, А. М. Селищева и многих других известных ученых были сформированы научные школы в Москве, Ленинграде и других лингвистических центрах страны, причем эти школы специализировались на изучении памятников рукописного наследия XVI – XVIII вв.

Поиск новых форм и методов исследования рукописных памятников привел историческую лингвистику к осознанию ценности периферийных памятников – памятников, ограниченных сферой, регионом делопроизводства. Началом изучения этих памятников письменности стали работы одного из основателей нового научного направления С. И. Коткова: «Исследование истории русского языка в последние десятилетия показало, что решение основных проблем в значительной степени зависит не только от совершенствования методов изучения, но всемерного расширения круга используемых источников, а также более глубокого, специального их изучения» [7, с. 3]. С. И. Котков создал теоретическую и методологическую базу лингвистического источниковедения, что получило свое отражение в ряде монографий и исследований, таких как «Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности» (1961), «Лингвистическое источниковедение и история русского языка» (1980). Под редакцией С. И. Коткова было издано более 20 изданий памятников русского языка. Несколько монографий было посвящено региональным рукописным источникам [10]. Его важной заслугой является создание нового направления в отечественной русистике – **лингвистического источниковедения**.

Последователями научных взглядов С. И. Коткова стали такие исследователи истории языка, как Л. Ю. Астахина, Г. А. Богатова, Л. А. Глинкина, Т. М. Григорьева, Л. П. Жуковская, Н. С. Коткова, А. П. Майоров и др. Был образован ряд лингвистических школ, целью которых стало изучение рукописных памятников регионального делопроизводства XVII–XVIII вв. с точки зрения лингвистического источниковедения. Одновременно с этим стали открываться и привлекаться к изучению региональные памятники письменности, начали описываться и публиковаться рукописные документы, воспринимавшиеся до этого как свидетельства о делопроизводстве того или иного учреждения или как иллюстрации исторического развития России [2, 3, 11, 13, 14, 15, 16].

Лингвистические школы по изучению памятников регионального делопроизводства начали образовываться на базе университетов, имеющих традиции работы с памятниками письменности, или усилиями известного ученого – специалиста в области исследования деловой письменности. Возник ряд лингвистических объединений ученых, в сферу научных интересов которых входило изучение региональных памятников письменности XVII–XVIII вв. К таким центрам по изучению приказного и делового языка относятся Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Институт русского языка РАН, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербургский государственный университет. Значительный исследовательский потенциал по изучению деловой письменности сконцентрирован в региональных вузах – Новгородском, Псковском, Архангельском, Сыктывкарском, Ярославском и др. Исследователь О. Н. Никитин выделяет следующие лингвистические школы: мурманскую, тверскую, вологодскую, ярославскую, уральскую, пермскую, сибирскую, дальневосточную [9].

Причиной неравномерного (с точки зрения времени и пространства) изучения региональных памятников, а также отсутствия в научном корпусе многих региональных памятников является труднодоступность рукописных памятников деловой письменности. Как правило, материалы XVII в. хранятся в центральных архивах Москвы и Санкт-Петербурга, местные архивы подобными документами в своем большинстве не располагают. Другой причиной, сдерживающей реконструкцию состояния русского языка XVI – XVIII вв. и описание памятников письменности, является отсутствие опубликованных текстов, пригодных для всестороннего лингвистического исследования. Отдельные публикации, осуществляемые историками и архивистами, представляют собой малую часть богатейшего письменного наследия. Многие опубликованные памятники часто непригодны для лингвистического исследования ввиду упрощения текста при подготовке к изданию, что обусловлено разными задачами, стоящими перед исследователями – историками и лингвистами.

Между тем повсеместное изучение памятников письменности регионального делопроизводства необходимо. «Назрела острая необходимость систематизировать накопленный материал языка и диалектологические сведения <...>, исследовать новые территории как недостающие звенья в общей картине лингвистического описания», – пишет исследователь региональных памятников письменности Л. М. Городилова [4, с. 7].

В связи с тем, что памятники рукописного делопроизводства требуют больших интеллектуальных затрат для прочтения и расшифровки скорописи, обработки и адаптации текста к графике

современного русского языка, учёные стали организовывать работу по публикации памятников с целью вовлечения их в научный оборот и полного лингвистического исследования. В середине прошлого века правила публикации рукописных источников строились на основе запросов историков и архивистов. Печатное издание скорописных текстов сводилось к адаптированной передаче информации документов средствами современного русского языка [8, 12]. Все рекомендации относительно публикации памятников XVII–XVIII вв. сводятся к следующим правилам: текст документов воспроизводится полностью и передаётся гражданским шрифтом, с заменой букв ψ , ς , ξ , ξ , ω , τ , i соответствующими буквами современного алфавита; орфография документов сохраняется, но τ в конце слов опускается, а ψ ставится по правилам современной орфографии; членение текста на слова производится в соответствии с современными правилами; членение на абзацы и знаки препинания в публикуемых текстах расставляются по современным правилам; буквенная цифирь передаётся арабскими цифрами; повреждённые фрагменты текстов, восстанавливаемые по смыслу, приводятся в квадратных скобках; титла раскрываются и выносные буквы вносятся в строку; восстановленные под титлами буквы заключаются в круглые скобки, а выносные буквы набираются курсивом. Итогом такой конвертации скорописи XVII–XVIII вв. является текст на современном русском языке с элементами архаики, что полностью делает его непригодным для исследований филологов. Вот как об этой проблеме говорит С. Б. Веселовский: «Издание приказных актов XVII века представляет особые трудности, хорошо известные тем, кто этим занимался. Издатели придерживаются самых разнообразных приёмов передачи текстов, но нет ни одного издания, которое было бы признано образцом и не вызывало тех или иных возражений. Это объясняется тем, что нет возможности установить такие приемы издания, которые удовлетворяли бы одновременно историков и филологов и не представляли бы особых трудностей с точки зрения типографской техники. Сохранение титл и взметов и особого начертания некоторых букв осложняет задачу редактора и типографии и не нужно для историка, а всякие поновления текстов и приспособления их к современной типографской технике могут быть нежелательны с точки зрения филолога. Таким образом, приходится избирать путь компромиссов, который, конечно, всегда может вызвать возражения» [1, с. 120]. Одним из таких компромиссных решений историки и архивисты видят в публикации скорописных текстов по правилам палеографии, а для лингвистического изучения использовать фотокопии, которые и вводить в научный оборот.

Основоположник лингвистического источниковедения С. И. Котков напротив разработал и сформулировал следующие правила издания памятников для изучения и историками, и архивистами и лингвистами. Учёный включил следующие требования к публикации скорописных текстов: текст рукописей передается буква в букву; восстановление утраченных элементов исключается; сокращённые написания не раскрываются; помимо современных букв используются буквы старой письменности ψ , ς , ξ , ξ , ω , τ , i ; выносные буквы вводятся в строку и выделяются курсивом; сохраняется буквенная цифирь, все имена собственные и начала абзацев воспроизводятся с прописных букв; сохраняется пунктуация документа – современные знаки препинания не привносятся [7, 10].

Между тем и при таких правилах публикация скорописного документа XVII–XVIII вв. мало пригодна для всестороннего лингвистического исследования. Современные технологии позволяют со всей точностью конвертировать все графемы рукописей XVII–XVIII вв., включая надстрочные и строчные знаки, выносные буквы, буквы под титлом. Также для различных лингвистических исследований возможна точная передача написания прописных и строчных букв. Необходимое раннее разделение на самостоятельные и служебные части речи в сплошной скорописной строке, рекомендуемое палеографическими правилами, приводит к ошибкам и неправильной трактовке, в результате чего появляются – слова-фантомы. Исходя из этого, можно допустить слитные написания в изданиях памятников с дальнейшими комментариями и примечаниями. Современное источниковедение рекомендует как можно точнее передавать все надписи, в том числе и на полях, фиксировать зачёркивания, повторы слов и строчек, которые допускает автор документа.

В связи с этим наметился ряд изменений принципа публикаций текстов. В ожидании новых правил историками, архивистами и лингвистами проводятся круглые столы по проблемам публикации рукописных памятников [6]. Результаты дебатов неутешительны: «Нет ни одного правила издания древних текстов, которое не подвергалось бы критике со стороны специалистов и не

имело бы антонимичной пары, являющейся столь же авторитетным правилом. Иллюстрацией может служить обзор круглого стола по вопросам издания текстов, который показал, что согласие среди специалистов невозможно. Поэтому тексты в настоящее время публикуются так, как считает верным руководитель проекта...» [5, с. 40]. В настоящее время проблема публикации скорописных памятников XVII – XVIII вв., не вовлечённых в научный оборот, остаётся открытой. Все попытки создания альтернативных правил, их усложнения или упрощения не поддерживаются учёным сообществом.

Список литературы

1. Веселовский С. Б. Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. I. Акты 1587–1627 гг. Изд. ОИДР. М., 1913. С. X. С. 120–122.
2. Выхрыстюк М. С. Рукописные документы Тобольского мужского Знаменского монастыря второй половины XVIII века как лингвистический источник: монография. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2004. 168 с.
3. Городилова Л. М. Русская скоропись XVII века: учебн. пособие. Хабаровск: Хабаров. гос. пед. ин-т, 1989. 105 с.
4. Городилова Л. М. Деловая письменность Приенисейской Сибири в XVII в. и региональная историческая лексикография: дис. ... д-ра филол. наук. Хабаровск, 2004. 503 с.
5. Конявская С. В. Издание средневековых памятников письменности по рукописям // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 1 (47). С. 39–46
6. Конявская С. В. Проблемы публикации текстов. Дискуссия открыта // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 4 (10). С. 120–122.
7. Котков С. И. Источниковедческие исследования и научное издание памятников в области русского языка // Источники по истории русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1991. 200 с.
8. Методическое пособие по археографии. М., 1991. Ч. I.
9. Никитин О. В. Деловая письменность в истории русского языка (X–XVIII вв.): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 740 с.
10. Памятники деловой письменности XVII в. Владимирский край / под ред. С. И. Коткова. М., 1984. 284 с.
11. Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века / под ред. А. П. Майорова; сост. А. П. Майоров, С. В. Русанова. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2005. 260 с.
12. Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990.
13. Скоропись XVIII – начала XIX века на Южном Урале и Зауралье: лингвистика текста / отв. ред. Л. А. Глинкина. Челябинск: Полиграф-мастер, 2008. 159 с.
14. Трофимова О. В. Памятники Тюменской деловой письменности 1762 – 1796 гг. Тюмень: ТГУ, 2002. 519 с.
15. Христомсенко Г. А. Нерчинская деловая письменность XVII – XVIII вв.: учебное пособие. Чита: ЧГПИ, 1994. 86 с.
16. Челябинская старина: материалы к истории языка деловой письменности XVIII в. / сост. Н. А. Новоселова и Е. П. Злоказова. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2004. 208 с.

УДК 81.342

ББК 81.2Рус

Н. В. Герасименко, А. А. Соколянский
г. Магадан (Россия)

Гласный в первой позиции после твердых парных согласных на месте фонем /o/ и /a/

В статье анализируются различные подходы к генезису аканья, рассматривается история открытия аканья как фонетического явления. На основе анализа акустических данных делается вывод о том, что жители г. Магадана в словах типа *трава* в первом предударном слоге склонны произносить как звук типа [a³] (московская норма), так и звук типа [Λ] (петербургская норма).

Ключевые слова: аканье, интонационный контур, позиция, форманта

Vowel in the first position after hard paired consonants on a place of phonemes /o/ and /a/

This article analyses different approaches towards origin of akanye and reviews the research history of akanye as a phonetic phenomenon. Based on acoustic data analysis the conclusion is that local people of Magadan tend to pronounce both the [a^ɨ] sound (Moscow's norm) and the [ʌ] sound (St. Petersburg's norm) in the syllable before the stressed one in the words such as *trava*.

Key words: *akanye, pitch contour, position, formant*

Проблеме аканья в разных его аспектах посвящена весьма обширная лингвистическая литература. Ученые по-разному интерпретируют это явление. Следует различать диахронический и синхронический аспект в описании аканья.

Диахронический аспект предполагает рассмотрение механизма формирования аканья, а также анализ истории его отражения в письменных источниках. Целый ряд лингвистов вслед за А. А. Шахматовым исходят из того, что предпосылки формирования аканья следует искать еще в праславянской эпохе. Позднее отражение аканья в письменных памятниках (не ранее XIV в.) они объясняют отсутствием сохранившихся письменных памятников на тех территориях, где формировалось древнее аканье. Так, В. К. Журавлев рассматривал аканье как одно из следствий утраты долготных противопоставлений гласных в позднем праславянском языке.

Другие исследователи (П. С. Кузнецов, Р. И. Аванесов, Л. Л. Касаткин и др.) с большим доверием относятся к показаниям письменных памятников и считают, что аканье формируется только после падения редуцированных, то есть после XII – XIII вв. В этом случае механизм возникновения аканья связывают с ослаблением безударных слогов, которое последовало в русском языке после падения редуцированных.

В последнее время при объяснении эффекта аканья исследователи обращают внимание на интонационные контуры слова, которые по говорам русского языка могут сильно отличаться друг от друга. Первым интонационные контуры слова в русском языке описал А. А. Потебня. По сути дела, речь шла о позициях гласных относительно ударения, с определения которых начинается обучение студентов транскрипции. А. А. Потебня предложил формулу 1–1–2–3–1–1. Цифрой 3 обозначен ударный гласный, цифрой 2 – первый предударный, цифрой 1 – все другие безударные гласные. Предложенная А. А. Потебней формула не является универсальной для всех разновидностей русского языка.

Д. М. Савинов выделяет в русских говорах несколько типов ритмических контуров: «сильный центр слабая периферия» (характерный для русского литературного языка), «волнообразный контур» (наиболее древний в славянских языках и характерный для ряда европейских языков, например английского), «совмещенный» и др. [4, с. 13].

Для севернорусских говоров характерно меньшее ослабление безударных слогов, в таком случае отношения между слогами могут быть описаны формулой 2–2–3–2–2 [1, с. 58–59]. Возможны говоры, в которых редукция безударных слогов сильнее, что выражается формулой 1–1–3–1–1.

Сходство двух последних систем состоит в том, что они предполагают одну степень редукции безударных гласных без противопоставления обычной для литературного языка первой и второй позиции. Нельзя исключать, что в литературной речи ряда регионов России реализованы именно такие схемы редукции. Опыт преподавания транскрипции педагогами кафедры русского языка в нашем вузе показывает, что студенты с неохотой воспринимают противопоставление первого предударного слога всем другим слогам. Это может свидетельствовать о том, что в речи магаданцев реализуется редукционная модель типа 1–1–3–1–1 или 1–1,5–3–1–1.

Для обозначения безударного гласного в словах типа *трава, дрова* исследователи используют разные знаки, стремясь обозначить специфику гласного первого предударного слога и его отличия от ударного гласного.

В. К. Третьяковский, первым открывший аканье в московском произношении, обращал внимание на сходство между ударным гласным и безударным. Для него было важным подчеркнуть именно это.

«Все (о), во всем Российском произношении, произносятся так, как того требует звон. Но московский язык, и сим самым первенствующий из всех прочих провинциальных, произносит все (о) ударяемые силою, как (о); но которые не ударяются силою, те оный главнейший выговор произносит, как (а). Например, в сем слове ХОРОШО, понеже как будто написаны через (а) сим образом: ХАРАШО. Оно токмо третий (о) произносится в сем слове, для того что тот Он силою ударяется» [5, с. 96].

Далее В. К. Третьяковский вновь возвращается к своему наблюдению: «Однако сие надобно знать, что московский выговор все неударяемые (о) произносит как (а). Сие показывает, что московский выговор, есть всех других наших провинциальных громогласнее и выше» [5, с. 252].

Интересно, что В. К. Третьяковский приписал аканье только московской речи и не обратил внимания на то, что оно распространено и среди других русских говоров. Вопросы о различии между ударным и безударным [а] В. К. Третьяковский не поднимает. Это понятно: ему надо было обратить внимание на сходство звуков. Искать различия должны были следующие поколения ученых.

Об аканье писал в своих работах и М. В. Ломоносов, при этом он обращал внимание на неполное подобие ударного и безударного [а]: «О под ударением произносится чисто. Но когда нет на нем ударения; выговаривается как А, несколько с О смешенное: *хорошо, подобень*; выговаривают, почти: *харашо, падобень*» [2, с. 47]. Здесь интересно то, что М. В. Ломоносов считает, что [а] выговаривается как «несколько с О смешенное» и что «выговаривают почти» как [а], но, очевидно, все-таки не вполне как [а]. Трудно интерпретировать приведенное высказывание М. В. Ломоносова, так как, с одной стороны, можно решить, что М. В. Ломоносов не вполне свободен от влияния орфографии (если пишется *О*, то какие-то следы его должны остаться в произношении). С другой стороны, нельзя исключать, что М. В. Ломоносов слышал какие-то особые оттенки реализации [а] в безударном положении. Так как в его время еще не был открыт звук [ъ], то М. В. Ломоносов не мог отметить сходства безударного [а] с [ъ], именно поэтому он указал на сходство безударного [а] с [о].

В дальнейшем встал вопрос об отличиях между ударным гласным и гласным в первом предударном слоге. Некоторые исследователи исходили из тождества этих гласных, указывая иногда на то, что в первом безударном слоге произносится более краткий гласный, что, кстати, характерно для литературного языка, но часто не соответствует диалектному произношению.

Краткость звука [а] в первом предударном слоге было предложено обозначать с помощью значка краткости над буквой, то есть как [ва́да́]. Именно такие требования к транскрипции приняты в нашем университете, хотя в других вузах страны такое обозначение гласного первого предударного слога не используется.

В 20-е годы прошлого века в работах специалиста по фонетике английского языка С. Боянуса, а также английских фонетистов М. В. Трофимова и Д. Джонса было предложено обозначать гласный первого предударного слога в виде привычного для англичан знака [ʌ]. В данном случае обращалось внимание на то, что звук первого предударного слога более высокого подъема. Характеристика звука [ʌ] – заднего ряда, среднего подъема, нелабиализованный. Удобное для англичан обозначение (английский [ɹ:] из-за своей долготы еще меньше похож на русский гласный) было принято на русской почве без достаточного критического осмысления. М. В. Панов настаивал на том, что знак [ʌ] нельзя использовать как графический дублет для обозначения предударного [а]. отказался от употребления знака [ʌ], заменив его «обычным» [а]. Он писал: «Между тем существовал в 20-е годы и существует сейчас, притом очень распространен, другой вариант произношения: с гласным [а] в этих позициях; он артикулируется менее энергично, чем ударный, но это именно [а]. Уже после того как Боянус услышал [ʌ], тонкие наблюдатели русского произношения Д. Н. Ушаков, потом В. Н. Сидоров, С. С. Высотский свидетельствовали об [а] в этой позиции. Такое произношение и сейчас является наиболее распространенным. Поэтому в транскрипциях отмечаем: [ва́да́], [трава́] (считая [ва́да́], [трава́] менее распространенной разновидностью произношения)» [3, с. 160].

Л. Л. Касаткин в своих работах стремится отразить непохожесть двух гласных – ударного и безударного. Для этого сначала он предложил использовать знак [a^b], а позднее – [a^o]. Обозначение [a^b] и [a^o] синонимичны, различия заключаются в графических предпочтениях. Использование знака [a^o] обозначает то, что гласный первого предударного слога более высокого подъема, чем ударный гласный [a].

Для выявления отличий гласного ударного и предударного слогов был проведен акустический анализ произношения десяти коренных магаданцев. Для сопоставления характеристики гласного [a] в этих позициях были выбраны слова *так* и *трава*.

Известно, что артикуляционный подъем гласного на акустическом уровне соотносится с формантой F₁, а ряд – с формантой F₂. Из этого следует, что F₁ у гласного [a^o] должен быть ниже, чем у гласного [a]. В то время как F₂ должно остаться без существенных изменений, так как отличия по ряду между [a] и [a^o] отсутствуют. Это предположение было проверено с помощью эксперимента. Проведенные наблюдения отражены в таблице.

Таблица 1

Слова	Форманты	Инф. 1	Инф. 2	Инф. 3	Инф. 4	Инф. 5	Инф. 6	Инф. 7	Инф. 8	Инф. 9	Инф. 10	Ср. значение
так	FI	1031	708	883	834	800	1011	844	765	1082	846	880,4
трава	FI	689	617	804	848	723	850	786	635	831	680	746,3
так	FII	1403	1495	1497	1356	1308	1663	1461	1596	1631	1486	1489,6
трава	FII	1429	1271	1291	1440	1262	1560	1362	1490	1315	1542	1396,2

Результаты проведенных измерений подтверждают высказанные теоретические соображения. Среднее значение F₁ звука [a] в слове *так* равно 880 Гц, а в слове *трава* (первый предударный слог) – 746 Гц. Среднее различие между ними составляет 134 Гц, что, конечно, даже при небольшом количестве информантов не может быть случайным. Следовательно, гласный [a] в слове *так* по сравнению с первым гласным в слове *трава* более нижнего подъема.

Форманта F₂ у этих двух звуков отличается в меньшей степени. В одном случае имеем средний показатель 1490 Гц, в другом – 1396 Гц. Разница составляет 94 Гц, что также вряд ли имеет случайный характер. Переводя полученные данные в артикуляционные параметры, мы должны прийти к выводу, что в слове *так* гласный более переднего ряда, чем в первом слоге слова *трава*. Это возвращает нас к проблеме противопоставления [a] и [Λ]. Очевидно, что в своей речи магаданцы склонны произносить [Λ], характерное для речи Петербурга.

Итак, можно прийти к выводу, что употребление знака [a^o] для обозначения гласного первого предударного слога отражает реальную картину произношения. Некоторые данные свидетельствуют и в пользу того, что магаданцы склонны произносить в этой позиции гласный более заднего ряда, для обозначения такого произношения вполне уместно использовать знак [Λ].

Список литературы

1. Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. Ч. I. М.-Л., 1949. 336 с.
2. Ломоносов М. В. Российская грамматика. СПб., 1755. 210 с.
3. Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика: учебник для ун-тов. М., 1979. 256 с.
4. Савинов Д. М. Эволюция систем вокализма в южнорусских говорах. М., 2013. 319 с.
5. Третьяков В. К. Сочинения: В 3 т. Т. 3. СПб., 1849.

**Исследования восточнозабайкальского варианта русского
национального языка: достижения, перспективы**

В статье рассматривается история и методология изучения восточнозабайкальского варианта русского национального языка в синхроническом и диахроническом аспектах, обосновывается актуальность и перспективность дальнейших исследований данного объекта.

Ключевые слова: *исследование, аспекты, методы, русский национальный язык, Восточное Забайкалье.*

Т. Ю. Ignatovich
Chita (Russia)

**Researches of East Transbaikalian variant of the Russian
national language: achievements, prospects**

In article the history and methodology of studying of the East transbaikalian variant of the Russian national language in synchronic and diachronic aspects is considered, actuality and perspective of further researches of this object are grounded.

Key words: *research, aspects, methods, Russian national language, East Transbaikalia.*

Первые сведения самого общего характера об особенностях забайкальской народно-разговорной речи встречаются в работах лингвистов, этнографов, историков в конце XIX века (В. И. Даль, А. П. Шапов, П. А. Ровинский, Н. М. Ядринцев и др.).

В начале XX в. проявился интерес лингвистов к генезису сибирских говоров, к выявлению особенностей, отличающих или сближающих говоры Сибири с говорами Европейской части России.

По результатам исследований А. Д. Григорьева, А. М. Селищева, П. Я. Черных и А. П. Георгиевского наметилась дифференциация забайкальских диалектов на говоры севернорусского происхождения и говоры южнорусского происхождения. Данная дифференциация групп говоров с учётом генезиса сохраняется в Забайкалье и в наши дни: в центральных районах бытуют говоры севернорусского происхождения, повсеместно распространены смешанные переходные говоры, на юго-западе региона находится ареал говоров южнорусского происхождения (говоры потомков старообрядцев – семейских). Здесь же встречается русская народно-разговорная речь, проявляющая севернорусские диалектные черты (говоры «сибиряков»).

Вышеназванные исследования стали отправной точкой в последующей разработке забайкальской диалектологии.

Безусловно, исследования базировались на системно-структурном методе, потому что именно он позволяет наиболее полно описать диалектную форму языка, выявить её региональную специфику на всех языковых уровнях.

Исследования осуществлялись с учётом хронологической вертикали, то есть в синхроническом аспекте описывалось современное состояние забайкальской народно-разговорной речи, и в диахроническом аспекте – исследование забайкальских памятников письменности второй половины XVII – XVIII веков (**времен освоения Забайкалья русскими первопоселенцами**), что позволяло приемом внутренней реконструкции сравнительно-исторического метода реконструировать отражённую в текстах забайкальскую речь того времени.

Определённый вклад в исследование восточнозабайкальского варианта русского национального языка внесли учёные кафедры русского языка и методики его преподавания. Будучи представителями красноярской диалектологической школы Н. А. Цомакион Э. А. Колобова, Г. А. Христосенко, В. А. Пашенко в 70-е годы XX века основали научную диалектологическую школу в нашем вузе. В 1995 г. при кафедре русского языка Читинского государственного педаго-

гического университета была создана научно-исследовательская лаборатория «Лингвистическое краеведение Забайкалья (первый руководитель – Г. А. Христосенко., в последующем – Л. М. Любимова, с 2003 г. – Т. Ю. Игнатович).

Г. А. Христосенко проводила исследование языка региональных архивных памятников письменности конца XVII – начала XVIII вв. в аспекте выявления диалектных особенностей в речи писцов того времени. В 1973 г. издаётся «Палеографический альбом», в котором автор рассматривает особенности скорописных текстов изучаемого периода. В кандидатской диссертации (1975 г.) Г.А. Христосенко реконструирует фонетическую систему XVII – XVIII вв. по данным памятников нерчинской деловой письменности, сравнивает языковые данные нерчинских памятников с данными рукописных документов этого же периода северных территорий, с особенностями современных нерчинских говоров. В работе устанавливаются северновеликорусские истоки нерчинских говоров, в частности близость к северо-восточной части северновеликорусского наречия [21]. Особое внимание учёный уделяет лексике нерчинских памятников этого периода, она описывается в разных аспектах: с точки зрения отнесённости слова к общерусскому пласту и к диалектному, при этом устанавливается происхождение (северновеликорусское или местное); по принадлежности к собственно деловому языку и нейтральному, с точки зрения распределения по тематическим группам [22].

В настоящее время интерес к изучению региональных памятников письменности сохраняется. Так, в 2005 г. опубликована книга «Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века» под редакцией учёного из Бурятского государственного университета А. П. Майорова, куда вошли отдельные тексты Нерчинской воеводской канцелярии и Нерчинского горного правления. В 2006 г. вышла монография «Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века», в которой описывается словарный состав забайкальской деловой письменности XVIII в. с точки зрения происхождения, стилистических функций и коммуникативных установок. В докторской диссертации А. П. Майоров исследует региональные деловые бумаги с позиции их лингвистической содержательности, выявляет в отразившейся в текстах народно-разговорной речи севернорусские, южнорусские, общесибирские и забайкальские особенности [17].

Ю. В. Биктимирова продолжает традицию исследования текстов деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII – начала XVIII вв. В кандидатской диссертации (2012 г.) Ю. В. Биктимировой реконструируется морфологическая система именных частей речи в памятниках деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII – начала XVIII вв., которая соотносится с книжной традицией и региональной народно-разговорной речью на данном историческом этапе. Особенности употребления вариантных форм именных частей речи рассматриваются с точки зрения стилистической и жанровой отнесённости документов, а также в сравнении с данными исследований деловой письменности XVII – XVIII вв. других регионов [2].

Результаты исследований забайкальских историков языка Г. А. Христосенко, А. П. Майорова, Ю. В. Биктимировой свидетельствуют о наличии в забайкальских памятниках деловой письменности XVII–XVIII вв. **ярких региональных особенностей, которые проявляются в большей сохранности реликтовых форм приказного языка и отражении диалектных черт речи создателей текстов.**

Реконструкция диалектных особенностей второй половины XVII в. и XVIII в. по данным региональных письменных памятников этого периода остаётся весьма актуальной в аспекте эволюционного рассмотрения языковых явлений, выявления среди них архаичных церковнославянских и древнерусских форм, новых форм общерусского употребления и фактов, имеющих диалектную природу.

Историческая лексикография представлена изданием «Материалов к историческому словарю нерчинской деловой письменности XVII–XVIII вв.» (составители – Г. А. Христосенко и Л. М. Любимовой), на его основе вышел первый том «Исторического словаря Восточного Забайкалья (по материалам нерчинских деловых документов XVII–XVIII веков)», в котором отражена общерусская нейтральная и собственно деловая лексика XVII–XVIII вв., а также лексика территориально ограниченного употребления, имеющая разное происхождение, в том числе автхтонное [9].

В 2011 г. вышел «Словарь русского языка XVIII в.: Восточная Сибирь. Забайкалье» А. П. Майорова [16], который содержит богатый словарный материал, характеризующий региональный вариант национального языка восемнадцатого столетия. В словаре используются данные большого массива рукописных забайкальских памятников деловой письменности XVIII в., хранящихся в российских архивах, что позволило автору ввести в научный оборот значительный пласт регионализмов, которые ранее не описывались.

Синхронические исследования ориентируются на генезисную основу забайкальских диалектов: изучаются старожильческие говоры центральных районов, юго-востока (шилкинские, нерчинские, балейские, борзинские, приаргунские и т. д.) севернорусской материнской основы и говоры юго-запада (красночикоийские, петровск-забайкальские, хилокские) южнорусской основы, так называемые семейские, потомков строобрядцев.

Исследованием фонетической системы старожильческих говоров Восточного Забайкалья в 70 – 90-е гг. активно занималась Э. А. Колобова. В кандидатской диссертации была описана фонетическая система современного старожильческого говора с. Макарово Шилкинского района Читинской области [10]. Э. А. Колобова вела наблюдения над речью представителей разных возрастных групп в говорах Шилкинского, Балейского, Чернышевского районов.

В 90-е годы О. Л. Абросимова в кандидатской диссертации и в последующих работах даёт характеристику фонетической системе олонских говоров, формировавшихся в условиях межъязыкового контактирования с бурятским языком [1, с. 25].

Исследования Т. Ю. Игнатович (докторская диссертация, монографии, статьи) посвящены фонетике и морфологии русских восточнорусских говоров севернорусского происхождения. Разработана концепция современных говоров севернорусского происхождения на территории Восточного Забайкалья, представляющей их как результат исторической эволюции материнских говоров в инодиалектном и иноязычном окружении и интеграционных процессов в современных условиях. В фонетике и морфологии говоров выявляются неустойчивые и относительно устойчивые диалектные различия, определяются тенденции изменений говоров [4; 6].

Осуществляемое забайкальскими диалектологами в течение 40 лет системно-структурное описание фонетических и морфологических диалектных различий большого массива вторичных говоров севернорусского генезиса на территории Восточного Забайкалья, привлечение диахронических данных забайкальских лингвистов позволили:

- 1) выявить экстралингвистических и лингвистических факторы формирования и развития русских говоров территории первичного освоения русским населением Восточного Забайкалья;
- 2) определить в исследуемых говорах исторические изменения на основе сравнительного анализа фонетических и морфологических явлений их современного состояния с фактами реконструируемого по письменным памятникам забайкальского узуса XVII–XVIII вв.;
- 3) определить происходящие в современных забайкальских говорах активные языковые процессы и обуславливающие их факторы, выявить тенденции развития исследуемых говоров и их место в общих тенденциях развития русских говоров в целом и сибирских говоров в частности;
- 4) рассмотреть реликтовые диалектные различия, унаследованные исследуемыми забайкальскими говорами из материнских севернорусских говоров в аспекте их неустойчивости / относительной устойчивости; определить причины утраты или сохранности диалектных черт;
- 6) дифференцировать исследуемые говоры на основе разной степени сохранения / нивелирования диалектных различий и определить её причины;
- 7) определить место исследуемых забайкальских говоров в диалектном пространстве Восточного Забайкалья и Сибири в целом.

Исследованием диалектной лексической системы активно занимается Е. И. Пляскина. В кандидатской диссертации, статьях диалектолог даёт описание тематических и лексико-семантических групп слов, рассматривает синонимические отношения, интерпретирует забайкальские лексические диалектизмы в аспекте отражения региональной картины мира [20].

В работах В. А. Пащенко, посвящённых региональной фразеологии, диалектные фразеологические единицы исследуются в разных аспектах, например, с точки зрения происхождения, способов формирования коннотативного значения, вариантности [18]. Но самая большая заслуга

учёного состоит в составлении и публикации 5 выпусков «Материалов к словарю фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Читинской области» [19], в которых языковой материал расположен по тематическим блокам: 1. Характеристика человека. 2. Действия, состояния, их характеристика. 3. Характеристика ситуаций. 4. Предметы, их характеристики.

В настоящее время на основе этих материалов подготовлен к изданию «Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края» В. А. Пашенко. Тематическая подача облегчает поиск фразеологических единиц при изучении их смысловой содержательности. В ракурсе современных лингвокультурологических и этнолингвистических исследований Словарь В. А. Пашенко будет весьма востребован.

Исследования в области региональной топонимии с точки зрения происхождения и информационного потенциала проведены Т. В. Федотовой [20] и Р. Г. Жамсарановой [3]. В докторской диссертации «Русская топонимическая система Восточного Забайкалья» (2012 г.) Т. В. Федотова представила комплексное исследование русской топонимии Восточного Забайкалья, включающее историко-лингвистический, когнитивный, структурно-словообразовательный аспекты, выявила и описала источники и языковые механизмы создания русских географических названий Восточного Забайкалья как системного образования.

В монографических исследованиях Р. Г. Жамсарановой с лингвокультурологических позиций в синхронии и диахронии представлено многоаспектное системное описание топонимикона края: определяются стратиграфические пласты, описаны основные принципы номинации, выявлены типологические и специфические региональные особенности местных топонимов [3].

В 2003 г. вышел «Словарь топонимов Забайкалья» Т. В. Федотовой, в 2005 г. – «Материалы к региональному топонимическому словарю» Р. Г. Жамсарановой.

В последнее десятилетие, помимо системно-структурного описания, которое отнюдь не исчерпало себя, русисты Забайкалья проводят исследования восточнозабайкальского варианта национального языка в лингвокультурологическом, этнолингвистическом аспекте.

В этом направлении работают учёные научно-исследовательской лаборатории «Региональных лингвистических исследований» под руководством Л. М. Любимовой: кандидатская диссертация Н. А. Лихановой посвящена лексикографированию культуры на материале «Словаря русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова [12], забайкальская языковая культура исследуется в историческом аспекте [13]. Исследования в подобном ракурсе проводятся и в НИЛ «Лингвистическое краеведение Забайкалья»: региональная русская народно-разговорную речь рассматривается как средство сохранения национальных культурных традиций и отражения национальной ментальности, трансформации региональной языковой картины мира [5; 8], исследуются текстовые модели выражения категории оценки в русских говорах Восточного Забайкалья [7].

История изучения восточнозабайкальского варианта русского национального языка не завершена. Нет полного представления о его морфологической системе времён первых забайкальских памятников письменности. Актуально исследование динамики изменений, трансформации восточнозабайкальского варианта русского национального языка в сложных современных условиях глобализации.

Предпринятое дифференцированное картографирование ряда диалектных различий на основе разной степени их сохранения / нивелирования центральных районов Забайкальского края показывает перспективы дальнейшего исследования русских говоров Восточного Забайкалья в аспекте их лингвогеографического описания. Полученные результаты могут быть использованы в разработке лингвогеографической модели диалектного пространства забайкальского региона и создании Диалектологического атласа Восточного Забайкалья.

Список литературы

1. Абросимова О. Л. Фонетическая система русских говоров Читинской области: дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 201 с.
2. Биктимирова Ю. В. Морфология именных частей речи в памятниках деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII вв.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Красноярск, 2012. 219 с.
3. Жамсаранова Р. Г. Шулунова Л. В. Топонимия Восточного Забайкалья: монография. Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2003. 128 с.

4. Игнатович Т. Ю. Восточнозабайкальские говоры севернорусского происхождения в истории и современном состоянии (на материале фонетики и морфологии): монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 312 с.
5. Игнатович Т. Ю. Русская картина мира: региональные языковые реализации общенародных доминант // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Серия «Филология, история, востоковедение». 2009 № 3 (26). С. 117–121.
6. Игнатович Т. Ю. Современное состояние русских говоров севернорусского происхождения на территории Забайкальского края: фонетические особенности: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 240 с.
7. Игнатович Т. Ю. Текстовые модели выражения категории оценки в русских говорах Восточного Забайкалья // Известия Волгоградского государственного педагогического университета: научный журнал. Серия «Филологические науки». № 5, 2009. С. 105–109
8. Игнатович Т. Ю. Языковые трансформации в русской региональной языковой картине мира // Ценности культуры и творчества (Вербализация культурных смыслов в тексте): коллективная монография / отв. ред. И. В. Ерофеева. Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2011. с. 205–231.
9. Исторический словарь Восточного Забайкалья (по материалам нерчинских деловых документов XVII – XVIII вв.) / сост. Л. М. Любимова, Г. А. Христосенко. Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2003. Т. 1 (А-3). 350 с.
10. Колобова Э. А. Фонетическая система говора села Макарова Шилкинского района Читинской области: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1974. 206 с.
11. Лиханова Н. А. Диалектные словари как этнолингвистический источник (на материале лексики забайкальских говоров: монография. Чита: изд-во ЧитГУ, 2010. 172 с.
12. Лиханова Н. А. Лексикографирование культуры в региональных словарях: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Улан-Удэ, 2011. 23 с.
13. Любимова Л. М. Лексикографический фрагмент региональной картины мира // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва Магнитогорск Новосибирск, 2011. № 3 (33). С. 172–176.
14. Любимова Л. М. Лингвистическая информативность исторического регионального словаря // Проблемы комплексного изучения человека. Человек в условиях Забайкалья: материалы 2-ой региональной научно– практической конференции. Чита, 1996. С. 23–27
15. Любимова Л. М., Лиханова Н. А. Диалектная лингвокультура Забайкалья // PALAESLAVICAXIX. Cambridge. «Palaeoslavica». Massachusetts, 2011. NO. 1. С 283–291
16. Майоров А. П. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. 584 с.
17. Майоров А. П. Региональный узус деловой письменности XVIII века (по памятникам Забайкалья): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М, 2006. 471 с.
18. Пашенко В. А. Диалектные фразеологические варианты (на материале забайкальских говоров) // Сибирские говоры: Функционирование и взаимовлияние диалектной речи и литературного языка / отв. ред. Г. Г. Белоусова. Красноярск: Изд-во Красноярского государственного педагогического института, 1988. С. 115–120
- Пашенко, В. А. Материалы к словарю фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Читинской области. Чита, 1999. Ч. 1, 2. 166 с.; Чита, 2000. Ч. 3, 4. 143 с.; Чита, 2004. Ч. 5. 144 с.; Чита, 2007. Ч. 5. 143 с.; Чита, 2009. Ч. 3. 132 с.
20. Пляскина Е. И. Бытовая лексика говора села Борзинского района Читинской области: дис. ... канд. филол. наук. Чита, 2001. 205 с.
20. Федотова Т. В. Русская топонимия Забайкальского края: формирование, семантика, функционирование: монография. Новосибирск: Наука, 2010. 256 с.
21. Христосенко Г. А. Фонетическая система языка нерчинской деловой письменности второй половины XVII – первой половины XVIII веков: дис. ... канд филол. наук: 10.02.01. Красноярск, 1975. 228 с. с илл.
22. Христосенко Г. А. Характеристика лексики нерчинских памятников деловой письменности XVII – XVIII вв. // Жанровая специфика лексики русского языка XVI–XVIII вв.: Межвузовский сборник научных трудов. Красноярск, 1988. С.73–80.
23. Языковая культура Восточного Забайкалья: коллективная монография / Л. М. Любимова, Р. Г. Жамсаранова, Д. Б. Сундуева, Е. А. Валикова, С. Е. Баянова. Чита: Изд-во ЧитГУ, 2007. 135 с.

Региональные памятники письменности в лингвоантропологическом аспекте

В статье рассматриваются основные аспекты филологического антропоцентризма, которые позволяют изменить фокус лингвистического интереса историков языка при исследовании текстов старорусской письменности разных регионов России.

Ключевые слова: *памятники письменности, лингвистическая антропология, этнолингвистика, когнитивная лингвистика, языковая личность.*

L. M. Lubimova
Chita, Russia

Regional literary texts in linguistic and anthropological aspect

In this article the basic aspects of philological anthropocentrism that allow to change the focus of linguistic interest of historians of language at the study of texts of Old Russian written language from different regions of Russia are examined.

Key words: *literary texts, linguistic anthropology, ethnolinguistics, cognitive linguistics, linguistic personality.*

Оформление исторической лексикологии и лексикографии как целостной отрасли знаний невозможно без учета тех наработок, которые были достигнуты лингвистическим источниковедением. Для изучения языка прошлых эпох особо ценными являются старорусские памятники, написанные скорописью и хранящиеся в разных регионах России. Традиционно историки языка, погружаясь в тексты прошлых эпох, ориентировались на его лингвистическую содержательность, на что в свое время указывал основатель лингвистического источниковедения С. И. Котков: «Содержание источника интересует лингвиста главным образом с той стороны, в какой степени и как именно обусловлено употребление в источнике тех или иных средств языка» [3, с. 5].

Вопрос о степени проникновения в лингвистическую содержательность старорусских текстов исследователи решали по-разному, соответственно своим языковым интересам. Историка языка могли привлечь разные языковые особенности текстов: фонетические, лексические, словообразовательные, грамматические. На базе изучения источников актуализировалась и работа по созданию исторических словарей как общероссийского характера, так и регионального, которые открыли современникам необъятные просторы новых знаний, дали возможность соприкоснуться с историческим опытом народа, его культурой, постичь историко-культурный аспект универсальной единицы языка – слова.

Однако при создании лексикографических источников исторического жанра традиционно в структуру словарной статьи закладывается фонетическая, семантическая и грамматическая информация о слове, поскольку логика и нормы традиционной лингвистики требуют отражать такие знания о языке, которые располагаются между уровнями фонем и предложений, что и выражается либо в фонетических, либо в лексических, либо в грамматических понятиях и терминах. Следовательно, пользуясь материалами исторического регионального словаря, где слово представлено и реально существует в определенном типе делового текста, основываясь на характеристике лексической единицы, можно решать самые различные вопросы парадигматического и синтагматического описания слов (проблемы семантического поля слова, характеристика определенных лексико-семантических групп лексики, синонимических рядов, антонимических пар и др.).

Развитие науки о языке на рубеже веков показало, что в лингвистику пришло «осознание того, что язык не является автономной системой, рассматриваемой в самой себе и для себя» [4, с. 11]. «Мы продолжаем относиться к исследованию языка аналитически, дробя объект изучения; задача, напротив, состоит в необходимости перейти к синтезу в теоретическом и практическом изучении языка» [2, с. 8]. И это осознание изменило исследовательскую парадигму при обсуждении многочисленных проблем языка.

Изменение исследовательской парадигмы связано с тем, что в качестве метаобъекта изучения на рубеже веков все науки выбрали человека, т. е. изменили научно-познавательный ракурс в сторону антропологического направления. Кроме того, пришло осознание и того, что язык является определяющим фактором в социокультурных связях человека, а человек, в свою очередь, как социокультурное явление конденсирует в себе знания о языке как категории общественной, индивидуально-психологической и культурной. Идея антропологического изучения языка на современном этапе развития лингвистики является ключевой. По мнению лингвистов нового поколения, «антропологическая парадигма в лингвистике – это то, с чем нельзя не считаться, даже если исследователь работает в традиционной системно-структурной парадигме» [6, с. 8].

С приходом в лингвистику новой исследовательской парадигмы, как было выяснено, антропологической по своей сути, рождаются и новые метаязыки лингвистической науки, которые оформляют лингвистическую антропологию. Зона лингвоантропологических знаний простирается между познанием языка как культурного кода нации до изучения моделей речевого поведения людей определенной общности.

Наблюдения и раздумья над лингвистическими фактами региональных письменных источников позволяют отметить и иную возможную направленность деловых текстов, ту, которая нарушает логику и правила традиционной структурной лингвистики, и в свое время расценивалась как экстрадисциплинарное и с точки зрения науки о языке заведомо бессмысленное. Лексемы, выполняющие номинативную функцию языка, отраженные в словарных дефинициях и представленные в коммуникативно-информационном материале, содержат сведения и о своеобразии национальной культуры, о прошлом русского народа, о его быте, обычаях, традициях, особенностях трудовой деятельности, природной и географической среды, нравах, правовых и эстетических основах общества. «Каждое слово – есть представитель понятия, бывшего в народе: что было выражено словом, то было и в жизни; чего не было в жизни, для того не было и слова. Каждое слово для историка есть свидетель, памятник, факт жизни народа, тем более важный, чем важнее понятие, им выражаемое. Дополняя одно другое, они все вместе представляют систему понятий народа, передают быль о жизни народа» [7, с. 103].

Следовательно, описание культурной семантики номинативных знаков языка, установление их национально-культурной коннотации входит в задачу этнолингвистики, которая исследует язык человека через призму материальной и духовной культуры. В контексте данного осмысления языкового материала как текстов памятников письменности, так и исторических словарей перед исследователями возникает задача рассмотрения исторического слова с идеографических позиций, которая позволяет моделировать региональную картину мира и ее фрагменты [5]. Региональный дискурс в изучении объектов предметного мира поможет обнаружить культурные традиции региона, выявить культурно-исторические связи на данной языковой территории. Региональную картину мира в диахроническом аспекте, получившим отражение в старорусских памятниках письменности, возможно также осуществить с помощью антропологического подхода к языку – когнитивного, который призван изучить связь языка с познавательной деятельностью человека, выяснить, как человек воспринимает и концептуализирует действительность, как рождаются ментальные модели языковой картины мира. Однако при выявлении культурных констант определенного исторического периода существует и определенная трудность, о которой пишет историк языка Е. И. Зиновьева: «основная трудность при изучении ЯКМ на материале письменных памятников прошлого заключается в том, что следует учитывать наличие двух налагающихся языковых картин – современного исследователя и автора памятника – как представителей языковых личностей двух разных эпох. Применительно к XVI–XVII вв. контекстами для выявления общезыковых концептов являются синтагмы деловых памятников, отражающие складывающуюся общенациональную норму, а также тексты, фиксирующие бытовую разговорную речь с XVI–XVII вв. . . .» [1, с. 24].

Данный подход способствует раскрытию эволюционного становления региональной картины мира с описанием этапов ее формирования, с появлением и осмыслением национально-культурных констант, которые призваны характеризовать новые жизненные проявления, соответствующие законам эволюции культур, ибо каждый народ образует концепты тех фрагментов действительности, которые важны для него.

Очередной и центральный аспект филологического антропоцентризма нацелен на изучение коммуникативного поведения языковой личности. Памятники прошлых эпох могут вписать в многогранную и полиаспектную модель языковой личности и историческую языковую личность, которая способна проявляться как диалектная и просторечная с позиции формирующегося национального языка. Языковая личность писцов, оформляющих деловые документы эпохи формирования национального языка, демонстрирует разную степень речевой компетентности. Речевая манера тех, кто был способен «приложить руку» к языку делового типа, вариативна, о чем доказательно свидетельствуют архивные рукописные памятники, которые составлялись, как правило, с применением известных формул, в том числе и оформляющихся формул речевого этикета.

Таким образом, новая научная парадигма позволяет выделить ряд лингвоантропологических составляющих для научного исследования памятников древних эпох, что способствует изменению фокуса лингвистического интереса историков языка к бесценному наследию прошлого.

Список литературы

1. Зиновьева Е. И. Концепты в русской языковой картине мира: диахронический аспект (сборник научных трудов: «Язык и образование»). Великий Новгород, 2005. 90 с.
2. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». СПб, 1999. 320 с.
3. Котков С. И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1964. 293 с.
4. Кравченко А. В. Куда идет современная лингвистика? // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2000. 90–95 с.
5. Любимова Л. М. Значение исторических словарей в познании региональной картины мира (сборник: «Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии» РАН). Институт лингвистических исследований. СПб, 2005. 370 с.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
7. Срезневский И. И. Мысль об истории русского языка. М., 1959. 136 с.

УДК 811.161.1'374 (09)
ББК 81.411.2–4-0

А. П. Майоров
г. Улан-Удэ (Россия)

Письменные памятники как источник «Словаря русского языка XVIII в.: Восточная Сибирь. Забайкалье»

Статья посвящена проблеме письменных памятников, которые используются как источник лексикографического описания регионального варианта национального языка. Обсуждаются принципы отбора памятников деловой письменности. Дается краткая характеристика генетических разрядов лексики, нашедшей отражение в «Словаре русского языка XVIII в.: Восточная Сибирь. Забайкалье».

Ключевые слова: *русский язык XVIII в., памятники забайкальской деловой письменности, региональный исторический словарь*

А. P. Mayorov
Ulan-Ude (Russia)

Written monuments as source» Dictionary of Russian yazyka XVIII century: Eastern Siberia. Transbaikalia»

The article deals with written records that can be used as a source for lexicographic description of regional variant of the national language. The principles of selection of business writing's memorials are being discussed. Genetic groups of vocabulary, as reflected in the «Dictionary of Russian XVIII century. Eastern Siberia. Transbaikal region» are briefly characterized.

Key words: *Russian language in the XVIII c., memorials of transbaikalian business language, Regional Historical Dictionary*

Для изучения истории русского языка, функционирующего в Забайкалье, русистика располагает письменными памятниками разного жанра и содержания, и среди них основным источником выступают памятники деловой письменности XVII–XVIII вв.

О роли делового языка в становлении норм национального русского языка, о его тесном взаимодействии с народно-разговорным языком написано немало. Особенно пристальное внимание ученых сосредоточено на исследовании лингвистической содержательности деловых бумаг XVII–XVIII вв., созданных в различных областях Российской империи. Учет территориального варьирования русского языка и функционирования особых социально-территориальных форм общенародного языка – региолектов, позволяет представить более полную картину становления норм национального языка.

Здесь надо отметить огромную планомерную работу по изучению таких памятников, которую ведут челябинские, томские, тобольские, тюменские, бурятские и читинские ученые. В результате многолетних исследований в научный оборот введены сотни скорописных памятников, которые длительное время хранились в местных архивах и которых не касалась рука исследователя – историка языка; опубликованы документы XVII–XVIII вв., содержащие богатейший в области лексики, морфологии, синтаксиса, фонетики и орфографии языковой материал.

Между тем в исследовании истории региональных вариантов русского языка складывается определенное противоречие: при всей ценности и значимости введения в научный обиход памятников деловой письменности удивительно бедно представлено лексикографическое освещение регионального узуса XVII–XVIII вв. Можно назвать лишь немногочисленные словари, в которых представлена региональная лексика русского языка преднационального периода [1, 3, 4, 5, 6].

Редкость лексикографических трудов объясняется, на наш взгляд, слабой разработкой принципов составления регионального исторического словаря. В частности, одной из насущных лексикографических проблем является вопрос отбора круга текстов, выступающих в качестве источника словаря.

Как уж указывалось выше, для регионального исторического словаря основным типом источника являются памятники деловой письменности. Меньше и менее регулярно по объективным причинам его источниками служат произведения эпистолярного характера. Еще реже и, как правило, в качестве косвенных свидетельств регионального характера той или иной лексемы могут выступать различного рода географические описания – путевые заметки, мемуары, описания по заданию правительства отдаленных регионов страны и пр. В силу определенных экстралингвистических факторов у регионального словаря XVIII в. нет (и, скорей всего, не может быть) такой источниковой базы, как художественные тексты, произведения научно-философского, гражданско-публицистического, конфессионального характера, лексикографические издания и ряд других памятников того времени.

Чтобы по возможности максимально, с большей степенью полноты отразить богатство регионального лексикона той эпохи необходимо разрабатывать материал деловых документов самых разнообразных жанров и не менее разнообразной тематики, различной функциональной и коммуникативной направленности.

При составлении регионального словаря лингвоисториковедческий аспект имеет первостепенное значение. Для указанной эпохи это особенно актуально, поскольку в восемнадцатом столетии в результате известных петровских реформ, отразившихся и на функционировании литературного языка, была кардинально перестроена система административного аппарата и делопроизводства, а это неизбежным образом сказалось на изменении системы жанров деловой письменности, на переосмыслении ее стилиобразующих средств.

В зарождающемся, синтезировавшем в себе книжно-славянские и народно-разговорные средства канцелярском слоге все лексические единицы получили функционально-стилистическое распределение в соответствии с жанровой направленностью и коммуникативным заданием документа. В целом деловой язык XVIII в. отражал диглосный характер языковой ситуации: официально-деловая письменность (распорядительные документы типа монарших указов и указов провинциальных канцелярий, промеморий, приказов, инструкций и т. п.) использовала книжно-славянские языковые средства, традиционно свойственные литературному языку, в то

же время в частно-правовых документах (объявлениях, доношениях, прошениях, челобитных) регистрационной документации (ведомостях, описях, регистрах) широко применялись средства разговорной речи.

Памятники забайкальской деловой письменности XVIII в., хранящиеся в Национальном архиве Республики Бурятия, Государственном архиве Иркутской области, Государственном архиве Забайкальского края (ранее – Государственном архиве Читинской области), Российском государственном архиве древних актов полностью отражают эту языковую ситуацию и, соответственно, содержат уникальный языковой материал, дающий наглядное представление о забайкальском региолекте того времени. С 2000-го года автор этих строк в указанных архивах вел работу по сбору преимущественно лексического материала; ее итогом стало составление «Словаря русского языка XVIII в.: Восточная Сибирь. Забайкалье» (далее – «Словарь...»), который был опубликован в 2011 г. [2]. В данном словаре была осуществлена попытка реализовать принципы отбора круга письменных источников с тем, чтобы представить специфику регионального словарного состава, включающего генетически разнородные лексические средства – книжно-славянские, народно-разговорные слова, иноязычные слова, заимствованные из европейских языков и автохтонных языков Восточной Сибири.

Говоря о принципах отбора текстов, используемых в качестве источника регионального исторического словаря, прежде всего, требуется учитывать функциональную направленность документов, во многом предопределяющую своеобразие их лингвистической содержательности. Так, очевидное преобладание предметно-бытовой лексики в описях, ведомостях, приходо-расходных книгах и т. п. обусловлено назначением этих документов – регистрировать предметы хозяйственной деятельности (утварь, недвижимое имущество и т. п.). Соответственно, в «Словарь...» из документов этого жанра были отобраны наименования жилых, хозяйственных построек и их частей: например, *анбар* ‘амбар; склад для хранения зерна’, *жир* и *жира* ‘этаж’, *окончина* ‘оконная рама’, *творило* ‘крышка подполья’, *мост* ‘деревянный настил; пол’; названия различной хозяйственной утвари, инструментов, посуды: например, *волк* ‘железный крюк’, *квасница* ‘посуда для приготовления и хранения кваса’, *меденик* ‘медный горшок’, *межеумок* ‘вид плотничьего топора’, *ящик* ‘род сундука’; названия транспортных средств и их деталей, термины санно-тележного ремесла: например, *болок* ‘верх зимней повозки (саней) из кожи или ткани’, *избушка* ‘кузов зимней повозки с окнами и дверцами’, *палуба* ‘род зимней повозки’.

Разговорная лексика широко представлена в просительных документах (челобитных, объявлениях, доношениях, просьбах, прошениях, жалобницах). Главная цель челобитчиков, просителей – как можно убедительнее обосновать свое заявление, отсюда и детальное описание различных житейских коллизий, конфликтных ситуаций, происходящих в быту, обыденной жизни, а это в свою очередь предопределяет использование соответствующих разговорных слов. Например, в «Словарь...» вошли такие отмеченные в просительных документах слова, как *голой* ‘бедный, нищий’, *голодовать* ‘голодать’, *засыкать* ‘засучивать (рукава)’, *здухи* ‘легкие; грудь’, *ихой* ‘их, им принадлежащий’, *малесенькой* ‘очень маленький’, *мереколка* ‘помешательство, безумие’, *муроговатой* ‘о человеке, который часто моргает’, *назвище* ‘кличка (животного)’, *намаловаться* ‘намалывать в достаточном количестве’, *ненавеком* ‘в любой момент, внезапно’, *овторник* ‘вторник’, *осталица* ‘сирота’, *обуй* ‘обувь’, *огниво* ‘часть плечевого сустава у человека’, *топерво* ‘теперь’ и мн. др.

Терминология уголовного и процессуального права, дело– и судопроизводственная лексика чаще встречаются в судебно-следственных делах, предназначенных описывать характер преступной деятельности тех или иных подследственных лиц. Так, разного рода экстракты, допросные речи предоставили для «Словаря...» слова типа *доимок* ‘недоимка’, *засуждение* ‘решение, приговор’, *обревизовка* ‘проведение ревизии’, *ордировать* ‘сообщить кому-л. о чем-л. ордером’, *покормежная* ‘временный документ, разрешающий свободное передвижение для поиска работы’, *потачка* ‘потворство, пособничество’, *преступитель* ‘преступник’, *приверстать* ‘причислить к какому-л. разряду лиц в государстве для уплаты подушного налога’, *разноречие* ‘разногласие в свидетельских показаниях’, *роскладка* ‘распределение повинностей, уплаты подати на всех членов крестьянской общины’, *челобитовать* ‘обращаться к монарху или официальному лицу, наделенному полномочиями, с какой-л. просьбой’ и др.

Ориентация «Словаря ...» на отражение народно-разговорной лексики не служит препятствием к лексикографической репрезентации книжно-литературной лексики. В «Словарь ...» она отбиралась в основном из текстов распорядительных документов. В этом случае памятники данной жанровой принадлежности в подавляющем большинстве дают материал, слабо отражающий региональную специфику словарного состава: в них употребляется известная литературному языку книжно-славянская лексика (*благопочтенно* 'с большим почтением', *беззаконие* 'разврат, распутство', *внесение* 'подача (заявления, просьбы и т. п.)', *скорбеть* 'болеть' и др.) и европейские заимствования (*абшит* 'отпускное свидетельство', *бекет* 'караульный пост в пикете', *грубеньюнг* 'подмастерье в горнопромышленном производстве', *ваканция* 'вакансия', *естафет* 'вид пересылки почтовых отправок', *экзерциция* 'военные учения' и др.). Тем не менее, подобные слова включались в «Словарь ...» с целью демонстрации их общеупотребительного характера.

Примечательно то, что в деловом языке XVIII в. многие славянизмы приобретают строго терминологические значения, характеризующие суде- и делопроизводственные понятия (кстати, в исторических словарях эти значения, как правило, не фиксируются): например, глагол *благоволить*, который в литературном языке имел значение 'соизволять, удостоивать', в канцелярском узусе употребляется со значением настоятельной просьбы, рекомендации исполнения чего-л. при переписке равноправных в административном отношении лиц или учреждений.

В забайкальских памятниках встретились такие книжно-славянские лексические единицы, которые заставляют предполагать узуальный характер их функционирования. Например, существительное *исследование* выступает со значением 'передвижение откуда-л. до какого-л. пункта назначения', и это значение совершенно не свойственно его литературному эквиваленту. Можно привести другие примеры книжно-славянских слов с характерными для регионального узуса значениями: *вознаградить* 'обеспечить, снабдить; предоставить', *исследить* 'выследить по следу', *недушевно* 'не причиняя вреда, физических страданий'.

Следует также отметить наличие в упомянутых памятниках вариантов книжно-славянских слов: *каждоденно* (литер. *каждодневно*), *наипаче* (литер. *наипаче*), *нечу(в)ствие* (литер. *нечувственность*), *обсвидетельствование* (литер. *освидетельствование*) или вообще – славянизированные новообразования (возможно, представляющих собой результат творчества забайкальских канцелярских служащих): *немоцствовать*, *неявльшейся / неявшейся*, *общекупно* и др.

Наконец, еще одной отличительной особенностью языка забайкальских документов XVIII в. является устойчивое функционирование тех книжно-славянских элементов, которые в литературном языке стали архаизмами и были употребительны только в жанрах высокого стиля: например, *вельми*, *власы*, *глад*, *егда*, *паки*, *понеже*, *поелику*, *уязвить* 'ранить' и др.

Таким образом, «Словарь русского языка XVIII в.: Восточная Сибирь. Забайкалье» составлялся как словарь дифференциального типа; соответственно, он опирался на принципы дифференцированного подхода к отбору забайкальских письменных памятников, служащих главным источником словарного состава регионального варианта русского языка XVIII в. Данный подход предполагал прежде всего учет жанровой принадлежности и функциональной предназначенности документов того времени.

Список литературы

1. Исторический словарь Восточного Забайкалья (по материалам нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв.) / авторы-сост. Г. А. Христосенко, Л. М. Любимова. Т. I. Чита, 2003.
2. Майоров А. П. Словарь русского языка XVIII в.: Восточная Сибирь. Забайкалье. М.: Азбуковник, 2011.
3. Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века / сост. Е. Н. Полякова. Вып. 1–6. Пермь, 1993–2001.
4. Панин Л. Г. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII–XVIII вв. Новосибирск: Наука, 1991.
5. Региональный исторический словарь второй половины XVI–XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края) / отв. ред. Е. Н. Борисова. Смоленск, 2000.
6. Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / под ред. В. В. Палагиной и Л. А. Захаровой. Томск, 2002.

Е. А. Оглезнева
г. Благовещенск (Россия)

Дальневосточный региолект: к вопросу о языковой специфике

Статья посвящена дальневосточному региолекту русского национального языка как одному из его территориальных вариантов, обладающему собственной языковой спецификой. В работе предложена классификация региональных языковых единиц, представляющих разные уровни языковой системы.

Ключевые слова: *региональный вариант национального языка, Дальний Восток, региолект, грамматические регионализмы, фонетические регионализмы, лексические регионализмы, заимствования из китайского языка.*

Е. А. Oglezneva
Blagoveshchensk (Russia)

The Far Eastern Regional Varieties of the Russian Language: the linguistic specific

The article is targeted at the regional variant of the Russian National Language functioning in the Far East, namely in the Amur Region. The study considered phonetic, grammatical, and lexical features of this variant together with the factors that caused them.

Key words: *Regional Variant of National Language, Far East, Grammatical Regional Varieties, Phonetic Regional Varieties, Regional Vocabulary, Chinese Borrowed Words.*

Современная языковая реальность делает актуальным изучение ее региональных вариантов. Возникновение региональных вариантов национального языка обусловлено различными факторами: влиянием местных говоров, особенностями природного окружения и развитием определенных промысловых и других хозяйственных сфер жизнедеятельности, ведущих к возникновению обслуживающих их тематических групп лексики, интерферирующим воздействием языков автохтонного населения и языков соседних государств при непосредственном контакте с ними и, возможно, другими.

Проблема регионального варьирования национального языка относится к интенсивно изучаемым в последнее время, ей посвящено немало работ отечественных лингвистов [1; 2; 4; 5; 6; 8; 10; 13], что связано с явно проявляющейся в русском языке регионов территориальной специфики не всегда диалектного характера, хотя изучение регионального варьирования языка началось именно с обнаружения особенностей городской речи, обусловленных влиянием местного диалектного окружения [4; 13].

Особенно ярко региональность языкового существования проявляется на дальней периферии России, и по этой причине она не могла не привлечь исследовательский интерес.

Особого внимания заслуживают работы русистов Бурятии, которые занимались изучением языковой специфики своего регион. Так, А. П. Майоров в книге «Введение в лингвокраеведение Бурятии» (2010) рассматривает региональный вариант национального языка на примере русского языка в Бурятии, на котором говорит большая часть населения этой республики. В своей книге А. П. Майоров рассматривает региональные варианты разноуровневых языковых единиц: в области артикуляции и интонационно-ритмических структур, в области грамматики и словообразования, в области лексики (*улан-удинский – улан-удэнский (регион.)*), в частности заимствования из бурятского языка вследствие межъязыкового взаимодействия [11].

В 2010 г. вышел «Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России» Г. В. Зотова, подготовленный к печати его учениками из Северо-Восточного государственного университета (Магадан) под редакцией А. А. Соколянского. Это словарь именно региональной, а не диалектной лексики, ибо он включает слова, которые используются не только в местных говорах, но во всем регионе [7, с. 31].

Формированию восточнозбайкальского региолекта в процессе интеграции говоров с разной диалектной основой на территориях позднего славянского заселения посвящены работы Т. Ю. Игнатович [8].

Региональность в сфере городской номинации стала предметом исследования владивостокских лингвистов [12, с. 86–91].

В вышедшем недавно «Большом орфоэпическом словаре русского языка» в теоретическом разделе говорится о «территориальных разновидностях **литературного** [выделено мной – Е. О.] языка» [9, с. 938] при характеристике орфоэпических вариантов, и тем самым в общем-то снижается дискуссионность вопроса о существовании региональных вариантов языковых единиц.

Наблюдения за дальневосточной речью в течение длительного времени – на протяжении более чем ста лет – свидетельствуют о её специфике по сравнению с русской литературной речью и с русской речью в других регионах России.

Кроме экстралингвистических факторов, безусловно определяющих специфику регионального языкового существования, существенным является и собственно лингвистический фактор, связанный с возможностями самой языковой системы, которая подчас приводит к весьма своеобразной реализации ее потенциала, что может проявляться, например, в лексических новообразованиях.

Наличие языковой специфики у того или иного варианта национального языка позволяет рассматривать его в статусе именно как языкового варианта, как самостоятельного идиома.

Языковая специфика дальневосточного региолекта русского языка, как и любого другого регионального варианта языка, проявляется на разных уровнях языковой системы: фонетическом, грамматическом, лексическом.

Языковые единицы, употребление которых характеризуется региональностью (= территориальностью) своего употребления, можно обозначить как **регионализмы**, или **регионально окрашенные единицы**.

Под регионально окрашенными языковыми единицами следует понимать такие, употребление которых характерно для того или иного региона (= той или иной территории), как в городской, так и сельской местности. Эти единицы не фиксируются в современных словарях, так как не являются общерусскими. Варианты общерусских единиц, характеризующиеся региональностью своего употребления, по этой же причине не зафиксированы в современных словарях.

Среди регионализмов можно выделить **фонетические, грамматические, лексические** в зависимости от того, на каком уровне системы обнаруживается специфика в их употреблении.

Существование фонетических регионализмов, или фонетических региональных вариантов, обусловлено, как правило, диалектным влиянием [13; 4; 5; 3]. Однако современная речь жителей дальневосточных городов почти лишена диалектных черт в произношении, которые всего лишь двадцать лет назад в ней были совершенно очевидны. Яркий пример – произношение г-фрикативного вместо г-взрывного, предписываемого литературным стандартом; произношение названия реки Зея с твердым согласным [з], который не смягчается перед переднеязычным, что также не соответствует литературному произносительному стандарту. Эти произносительные особенности связаны с влиянием южно-русских и украинских говоров, носители которых в большом количестве присутствовали в регионе и способствовали распространению отмеченных произносительных вариантов.

Грамматические регионализмы, или региональные грамматические варианты, представляют собой чаще всего реализацию внутренних законов языкового развития и, изредка встречаясь в речи носителей литературной формы языка, в значительной степени присущи носителям просторечия. Ср.: *накладывать*, но *наложИть* – такие употребления соответствуют литературной норме, и *налАживать* и *налОжить* – распространенные в употреблении варианты в нашем регионе. В Бурятии отмечены такие же варианты как региональные [11, с. 15]. Другой пример: широко распространенное в регионе употребление глагола «слаживать» вместо соответствующего литературной норме «складывать», характерное практически для всех социальных и возрастных групп носителей русского языка.

Лексические регионализмы, или лексические региональные варианты демонстрируют, действительно региональное своеобразие языковой и делают очевидной региональную языковую специфику. Единицы лексического уровня – лексемы и лексико-семантические варианты общерусских лексем – характеризуются региональностью употребления, которая устанавливается по их отсутствию в современных толковых словарях русского языка.

Выделяются две основные группы лексических регионализмов:

1) **заимствованная лексика:** а) непосредственные заимствования из других языков, главным образом, из китайского: *фуюАнь*, *фУйка* – обслуживающий персонал: горничные в гостинице, официанты в ресторане и т. п., а также обращение к обслуживающему персоналу – горничным, официантам и т. п.; *кУня* – девушка, молодая женщина и обращение к девушке, молодой женщине китайской национальности на рынке или в сфере услуг (используется в городах Благовещенске и Хэйхэ (КНР); *камбЭй* – предложение выпить до дна алкогольный напиток (используется при застолье с китайцами); *мЭйо* – указание на отсутствие чего-либо: нет, отсутствует, не имеется (употр. в речи с китайцами, а также иронично или с целью языковой игры) и некот. др.; б) актуализированные общерусские заимствования – экзотизмы: *фАнза* – жилище, квартира невысокого качества; *ханА* – китайская водка; в) заимствования из русско-китайского пиджина – контактного языка, активно используемого в русско-китайском приграничье при неофициальных контактах русских и китайцев: *дрУга* – обращение к лицу китайской национальности на рынке или в сфере услуг (употр. в речи с китайцами, а также иронично или с целью языковой игры); *капитАна* – начальник и обращение к начальнику (употр. в речи с китайцами, а также иронично или с целью языковой игры); *мадАма* – женщина и обращение к женщине (употр. в речи с китайцами, а также иронично или с целью языковой игры); *хулигАна* – хулиган, разбойник (оценочное, употр. в речи с китайцами, а также иронично или с целью языковой игры) и некот. др.

2) **собственно русская лексика:** а) возникшая в результате словообразовательных процессов с использованием словообразовательных механизмов русского языка: *помогАйка* – название китайского помощника, навязчиво предлагающего свою помощь; *отсвЕтка* – ксерокопия; *китАйка* – кафе китайской кухни; *китЫ* – китайцы; *маршрутУтка* – маршрутное такси, микроавтобус; *МИкрик* – микроавтобус, используемый как маршрутное такси и некот. др.; б) возникшая в результате семантического развития исходного значения – полисемии: *кирпич* – лицо, организующее деятельность регулярных перевозчиков товаров из Китая в Россию через русско-китайскую таможню, *фонарь* – лицо, занимающееся регулярной перевозкой товаров из Китая в Россию за плату; *остров* – зона свободной торговли, располагающаяся на острове на реке Амур и некот. др.

Все лексемы, относимые нами к регионально окрашенным, характеризуются повторяемостью и разной степенью частотности в различных типах регионального дискурса. Их можно определить как общеизвестные носителям русского языка в данном регионе и не известные жителям других регионов.

Важным свойством лексических регионализмов является их реальная и потенциальная **вариативность**, обусловленная в целом теми же причинами, что и вариативность диалекта: неcodифицируемость, ненормативность, преимущественно устная форма бытования. Например, *фуюань* (варианты *фувуюань*, *фуюанька*, *фую*, *фуйка*), *чисанчи* (вариант *тисанчи*) и некот. др. Это позволяет рассматривать вариативность как важное свойство региолекта, обусловленное особенностями его возникновения и существования. В письменной речи (в СМИ, например) они присутствуют как вкрапления, отсылающие к более известным в неcodифицированной сферах языка наименованиям.

В целом проведенный анализ регионально окрашенной лексики в лексической системе русского языка дальневосточников упрочивает ее позиции в словарном составе региона и обеспечивает право быть идентификатором особого регионального варианта языка, в нашем случае – **дальневосточного региолекта**.

Современный русский язык демонстрирует множество своих региональных вариантов. В этом нет ничего необычного, если вспомнить положение дел в других языках мира, которые часто бывают представлены различными своими вариантами. Достаточно вспомнить британский английский, американский английский, австралийский английский...

Основанием для региолектного членения русского языка является наличие общих регионально маркированных языковых черт в том или ином регионе, независимо от городской или сельской языковой среды. Особый колорит дальневосточному региолекту, в частности в Приамурье, придает китайская нота, проявляющаяся в многочисленных по сравнению с общенародным языком заимствованиях из китайского языка и новообразованиях от них.

Список литературы

1. Беликов В. И. Сравнение Петербурга с Москвой и другие сообщения по социальной лексикографии // Русский язык сегодня. Вып. 3. Сб. статей / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: 2004. С. 23–38.
2. Бородина М. А. Диалекты или региональные языки? // Вопросы языкознания. 1982. № 5. С. 9–34.
3. Букринская И. А. Кармакова О. Е. Диалект – региолект – региональный вариант литературного языка // Актуальные проблемы русской диалектологии: тезисы докладов Международной конференции 27–28 октября 2012 г. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2012. С. 17–19.
4. Гердт А. С. Введение в этнолингвистику. СПб., 1995. 458 с.
5. Гердт А. С. Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // Русский язык сегодня. Вып. 1. М.: Азбуковник, 2001. С. 45–52.
6. Ерофеева Е. В. Вероятностные структуры идиомов: социолингвистический аспект. Пермь, Изд-во Перм. ун-та, 2005. 320 с.
7. Зотов Г. В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / под ред. А. А. Соколянского. Магадан, Изд-во СВГУ, 2010. 539 с.
8. Игнатович Т. Ю. Восточнозабайкальский региолект в сибирском диалектном пространстве // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 11 / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2014. С. 15–22.
9. Каленчук М. Л. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI в.: норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 1008 с. (Фундаментальные словари).
10. Майоров А. П. Безударные гласные после мягких согласных в забайкальском региолекте XVIII в. // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 5 / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2007. С. 55–61.
11. Майоров А. П. Введение в лингвокраеведение Бурятии: учеб. пособие для студентов вузов. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. 114 с.
12. Михайлюкова Н. В. Тексты городских вывесок: региональный аспект (на материале языка г. Владивостока) // Вестник Азиатско-Тихоокеанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. № 4. Владивосток, 2014. С. 86–90.
13. Трубинский В. И. Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение: межвузовский сборник научных трудов. Псков, 1991. С. 156–162.

УДК 408.7
ББК Ш141.2–5

Е. И. Пляскина
г. Чита (Россия)

Фамильярные обращения в романе К. Ф. Седых «Даурия»

В статье рассматриваются фамильярные обращения в романе К. Ф. Седых «Даурия», которые входят в тематическую группу неофициальных обращений. Анализируемые лексические единицы отражают особенности общения (традиции речевого этикета) забайкальских казаков начала 20 века, их отношение друг к другу, их говор, который относится к старожильческим говорам Сибири. Рассмотренные обращения имеют общерусский характер, но отличаются и региональным своеобразием.

Ключевые слова: *обращение, общение, тематические группы, лексические единицы, говор забайкальских казаков, диалектные (территориально ограниченные) и общерусские (территориально не ограниченные) лексические единицы, диалектизм.*

Familiar addresses in the novel K. F. Sedykh of «Dauriya»

In article familiar addresses in the novel K. F. Sedykh are considered by “Dauriya” which enter a theme group of informal addresses. The analyzed lexical units reflect features of communication (tradition of speech etiquette) of transbaikal Cossacks of the beginning of the 20th eyelid, their relation to each other, their dialect which belongs to starozhilchesky dialects of Siberia. The considered addresses have the all-Russian character, but differ also in a regional originality.

Key words: *the address, communication, theme groups, lexical units, a dialect of transbaikal Cossacks, dialect (territorially limited) and all-Russians (territorially not limited) lexical units, a dialecticism.*

Обращения, как известно, – самые употребительные этикетные знаки, функциями которых являются 1) установление контакта с адресатом речи (призыв) и 2) регулирование отношений коммуникантов в процессе общения. Выполняя первую функцию, обращения называют собеседника, выделяют его, то есть обозначают адресат речи; выполняя вторую функцию, они задают рамку общения, при этом могут демонстрировать статус (социальную роль) адресата, степень равенства и близости коммуникантов, их отношение друг к другу (связи между ними: служебные, родственные и т. д.), а также могут придавать общению определённую тональность (уважительную, почтительную, ласковую, фамильярную и т. д.). Суть обращения, по мнению Н. И. Формановской, составляют языковые формы установления контакта с собеседником при демонстрации взаимных социальных и личностных отношений [7, с. 84].

Эти языковые формы, характеризующие общение забайкальских казаков в начале XX века и зафиксированные в романе известного забайкальского писателя К. Ф. Седых «Даурия», интересны для исследователя своим разнообразием и региональной самобытностью. Как пишет литературовед Е. Макарова в статье «Константин Седых», роман «даёт широкое полотно жизни всего забайкальского казачества в предреволюционные годы и в первые годы после революции»; его обаяние заключается «в необычайной правдивости, простоте и горячей взволнованности» [4, с. 429, 431]. В центре повествования – казачий посёлок Мунгаловский, входящий в Орловскую станицу, расположенную на юго-востоке Забайкалья (в XVII – XVIII веках эта земля называлась Даурией), и несколько семей, жизнь которых является своеобразным отражением жизни России того времени в целом.

Кроме различных форм личных имён, сочетаний их полной формы с отчеством, автор романа часто использует обращения, выраженные нарицательными существительными, которые показывают всё многообразие отношений персонажей друг к другу, эмоции, испытываемые в различных ситуациях общения, традиции речевого этикета (*этикет* – установленный порядок поведения, форм обхождения где-либо [5, с. 769]) казачьей среды. Все их можно разделить на 3 тематические группы: 1) официальные обращения, 2) неофициальные обращения и 3) обращения, отражающие родственные отношения. Критериями объединения слов являются функция обращения и сфера использования: официальная, регламентируемая табелью о рангах, неофициальная, регламентируемая неписаными нравственными законами общества, и родственная.

Метод описания языкового материала по тематическим группам (ТГ) является одним из распространённых среди разнообразных методов и приёмов исследования лексико-семантической системы языка как в литературном варианте, так и в региональном. По мнению Ф. П. Филина, обосновавшего системный подход к изучению лексики русских говоров, «рассмотрение лексики в тематическом аспекте имеет то преимущество, что оно позволяет полно и всестороннее установить связь между словами и обозначаемыми ими явлениями, выяснить объём значений слов, их употребления...» [6, с. 106]. Действительно, только анализируя ТГ, можно увидеть семантическое своеобразие входящих в неё лексических единиц, поскольку семантика каждой из них отражает нечто вне языка, в реальной действительности.

Поскольку ядром лексико-семантической системы любого говора является лексика общерусская, то правомерно в ТГ включать не только территориально ограниченные лексические едини-

цы (ЛЕ), но и территориально не ограниченные. По мнению диалектологов, объектом изучения должно являться каждое слово, живущее в говорах, тем более, что, объединяясь в ТГ, они и передают своеобразие говора и своеобразие отражённой картины мира диалектоносителей.

Забайкальские русские говоры, говоры вторичного образования, вызывают особый интерес, так как сложились в результате длительного междиалектного и межъязыкового контактирования. Они неоднородны: одна часть говоров имеет севернорусскую основу (это старожильческие говоры), другая – южнорусскую (это говоры семейских). Говор казаков, живших на юго-востоке Забайкалья в начале XX века, быт которых описан в романе К. Ф. Седых, относится к старожильческим говорам, то есть в основе своей он севернорусский, хотя и испытал влияние среднерусских и южнорусских говоров (а также языков аборигенов края (бурятского и эвенкийского), что ярче всего проявилось в тематических группах названий домашних и диких животных, кушаний, одежды и немного – в других ТГ [см. 1]. В качестве обращения в романе встретилось одно диалектное заимствованное слово *гуран* (бурятское *гура/н/* – «самец косули» [2, с. 160]), которое стало и наименованием казаков-старожилы Забайкалья (а в наше время и их потомков). В эпизоде разбивки сенокосных угодий мунгаловцев на паи поселковый атаман Елисей Каргин с писарем и двумя казаками наткнулись на жителя деревни Мостовки, который «косил мунгаловский острец». Не успев ускакать, мужик, защищаясь, схватил косу.

– Брось литовку, брось, тебе говорю! – надсаживался Платон, не зная, на что решиться, и всё ещё надеясь взять мужика испугом. Но тот понял, что казак стрелять трусит, и пошёл прямо на него. В одной руке у него была литовка, другой он грозил Платону и кричал:

– На, *гад*, убивай!.. Убивай, *гуран проклятый*. [4, с. 134].

Словосочетание *гуран проклятый* является уничижительным бранным обращением, передающим сильные отрицательные чувства (вплоть до ненависти) мостовца к мунгаловцу, вызванные тем, что у казаков была привилегия на землю: угодья мунгаловцев подходили почти вплотную к деревне Мостовке).

Внутри ТГ выделяются подгруппы обращений на основании выражения ими общей эмоции (уважения, почтения, ласки, фамильярности, иронии, неодобрения, презрения, уничижения, ненависти) или её отсутствия. Наибольшей по объёму входящих в неё лексических единиц (ЛЕ) является ТГ неофициальных обращений (более 100), и в связи с этим она представляется наиболее интересной.

ТГ «Неофициальные обращения» распадается на несколько подгрупп: 1) нейтральные обращения: *посёльщики, станичники, казаки (казак), народ, мунгаловцы, низовские, низ, соседи, граждане, ребята, полчанин, брат, брательник, парень, паря, молодой человек, старик, дед, дядя, девка, няня*; 2) уважительные обращения: *отец, молодец, папаша, дружище*; 3) почтительные обращения: *господа старики, дорогие посёльщики, дорогой хозяин, дорогие гости, почтенные*; 4) ласковые обращения: *хозяйюшка, девонька, дедушка, сынок, братец, голуба, голубчик, родимый, ягодка, чёртушка, отец родной, мил человек*; 5) иронические обращения: *голубь, голубчик, голубушка, орёл, жених*; 6) фамильярные обращения: *публика, казачки, ребятки, работнички, борода, батенька, братец, тётка, дедка, девка, полуночник, надзиратель, толстосум, гусь лапчатый, голова садовая*; 7) неодобрительные обращения: *негодница, шилохвостка, вертихвостка, мельница, халда, кобыла, богохульник, леший*; 8) презрительные обращения: *дура-баба, дура, гадина, карга, паршивая, поганая, балда, гадёныш, паскудыш, щенок, молокосос, сопляк, трясунчик, варнак, вошь, окаянный, кобель, холера, иродово семя*; 9) уничижительные и бранные: *мерзавец, гнида, подлец, сука, сволочь, гад, кровосос, каторжник, гуран проклятый, сучий сын, чёрная немочь, волчья сыть, арестантская морда, каторжанский племянник*.

Первые пять подгрупп описаны автором в статье «Обращения как этикетные знаки в казачьей среде (на материале романа К. Ф. Седых «Даурия»)» [4], предметом настоящей статьи являются фамильярные обращения.

К ним относятся, на наш взгляд, такие, которые при установлении контакта с собеседником не просто называют его, но задают рамку излишне непринуждённого, бесцеремонного общения, общения несколько свысока (*фамильярный* – излишне непринуждённый, бесцеремонный (5, т. 4, с. 551). В эту подгруппу входят следующие ЛЕ: *публика, казачки, ребятки, работнички, борода, батенька, братец, тётка, девка, дедка, полуночник, надзиратель, толстосум, гусь лап-*

чатый, голова садовая. Среди них есть, по классификации В. Е. Гольдина, обращения-индексы, которые обозначают адресата и являются также наименованиями людей, и обращения-регулятивы (*батенька, гусь лапчатый, голова садовая*), для которых основной стала этикетная функция: регулирование отношений между коммуникантами [см. 3, с. 80]. В данном случае использование этих обращений даёт возможность говорящему показать своё превосходство над собеседником (собеседниками). Все обращения являются общерусскими, отражают дифференциацию по полу и возрасту.

Далее представлены отрывки из романа, иллюстрирующие использование этих обращений в различных ситуациях общения в романе с указанием страницы (в текстах некоторых из них в скобках автором статьи даны поясняющие слова и скобками же обозначен пропуск текста).

Казачки

«Морщинистое лицо его (старика-каторжника) подёргивалось, он остановился перед Семёном и, грозя обкуренным сухоньким пальцем, прохрипел:

– Подождите, *казачки*. Отольются когда-нибудь волку овечьи слёзки, ой, отольются» [4, с. 104].

Родственная ЛЕ *казак (казаки)* активно использовалась забайкальскими казаками и представителями других сословий в качестве нейтрального обращения и к группе людей, и к одному человеку только как указание на сословную принадлежность.

«– Вы это что, *казаки*? – спросил Каргин. – Вы с ума посходили? Над бабой издеваться вздумали... Герои, умники! Да отпусти ты её, Платон, а не то... – Каргин взмахнул над головой клинком» [4, с. 338].

«– Догоняйте, – откозырял ему Лазо и поехал навстречу артиллеристам, среди которых заметил знакомую фигуру Федота Муратова.

– Ну, *казак*, ужился с матросами?» [4, с. 397].

Ребятки

«Отчаянно ругаясь, отвесил он (Митроха Сахалинец – заправила в артели приискателей) каждому его пай, а потом откровенно признался:

– Ну, *ребятки*, вовремя вас бог надоумил. Хотели мы с Петрухой нынче же податься от вас вместе с золотишком, да не выгорело оно» [4, с. 120].

ЛЕ *ребята* (родственная рассматриваемой) часто употребляется в романе при обращении к группе людей для установления контакта и обозначения собеседников мужского пола, необязательно молодых (нейтральное обращение).

Северьян покосился на бутылку, обхватил колени руками и сказал со вздохом (надзирателям):

– Эх, *ребята, ребята*... Сладко едите и вволю пьёте, а не завидую я вам. [4, с. 39].

– Что же это вы, *ребята*, делаете? Как не стыдно вам! – закричал Семён, спрыгнув с коня. Он думал, что ему удастся тихо и мирно уговорить артельщиков. [4, с. 118].

Состроив лицо добродушного простака, искренне удручённого произошедшим, Каргин тронул коня, скомандовал понятием:

– Айда, *ребята*, по домам! Нечего нам здесь делать. Свобода! – и про себя добавил: «мать её в душу». [4, с. 310].

Работнички (казаки относились к крестьянам (мужикам) свысока)

«Семён насмешливо поздоровался с работниками, которые были не из Мунгаловского:

– Здорово, купцовы работнички!» [4, с. 259].

Братец (братцы) (к нижестоящему и к равному)

«Когда Улыбин появился в доме и замер навтыяжку у порога, наказный (атаман) изволил милостиво поговорить с ним, а потом небрежно, желая показать свою щедрость, подал ему две двадцатипятирублёвые бумажки:

– Вот тебе, *братец*, от меня за храбрость, – и, видя растерянность Улыбина, весело добавил:

– Бери, *братец*, не робей, рука у меня лёгкая» [4, с. 7].

«Невидящим взглядом скользнув по толпе, Нанквасин (атаман отдела) шагнул к почётному караулу:

– Здорово, *братцы*!

– Здравия желаем, ваше превосходительство! – зычно гаркнули в ответ.

– Молодцы, *братцы!*» [4, с. 60].

«Семён вошёл, помолился на засиженный мухами бронзовый образок в переднем углу и поздоровался.

– Что, *братец*, скажешь? – обратился к нему почти квадратный, с пышными усами старший писарь» [4, с. 100].

«Казак тяжело поднялся на колени и плачущим голосом спросил у своих:

– Это что же, *братцы*, деется? Китайская тварь казака ударила, а вы смотрите. Крушите их, *братцы!*» [4, с. 197].

«Сергей Ильич глубоко и шумно вздохнул, поглядел на площадь, на ясный и тёплый закат, весело сказал:

– Ну, *братцы* мои, полегчало на сердце. Может, оно и опять по-старому заживём» [4, с. 356].

«После Балябина стал говорить Кушаверов. Поправив чёрную повязку, (), он спросил:

– Ну, *братцы*, слышали, куда жизнь поворачивает?» [4, с. 377].

Обращаясь к одному человеку мужского пола, казаки активно использовали однокоренные термины родства *брат* и *брательник* (словообразовательный диалектизм, отличающийся от литературного слова морфемной структурой), в качестве нейтральных обращений, подчёркивая близкие и равные отношения, обусловленные не только симпатией, но и уровнем достатка.

«Епифан увидел в северьяновом кармане залитую сургучом головку бутылки, махнул рукой.

– А ну тебя к дьяволу с атаманом... Рвёт моё сердце. Люди в глаза тычут, насмеваются, по улице пройти совестно...

– Давай-ка лучше выпьем, да и забудем про всё, – извлёк Северьян бутылку. – Несподручно нам, *брат*, врагами жить» [4, с. 86].

«Подъезжаю к поскотине, а с другой стороны к ней партия каторжан подходит. () ...идёт по дороге ваш Василий, кандалами названивает и, глядя на меня, посмеивается. () Отвечаю ему: «Узнал, *брательник*, узнал» [4, с. 10].

Публика

«– Здорово, публика! – заорал Федотка, подходя к толпе (молодёжи)» [4, с. 33].

Дедка

«Помрачнел от его (старика) слов Семён и глухо выдавил в ответ:

– Об этом ты, *дедка*, атаманам говори, богачам, а я одного с тобой поля ягодка. Наше с тобой счастье на один аршин меряно» [4, с. 104].

Однокоренные термины родства *дед* (*деды*), *дедушка* тоже часто используются в качестве нейтрального и ласкового соответственно обращения к старому мужчине, и к знакомому, и к незнакомому, и в казачьей среде, и в крестьянской.

«Надзиратель сжалобился:

– Иди, *дед*, к огню, погрейся, а я пока с другими займусь...» [4, с. 12].

«Семён успел заметить на ближнем простенке высыпавших из щелей клопов и вскрикнул:

– Мать моя, клопов-то!.. Жарко нам, *дед*, нынче будет» [4, с. 105].

«Утром за стариком явился сторож. Он был при шашке и револьвере.

– Пойдём, *дед*, по этапу. (), так мне приказано тебя сдать конвойному начальнику» [4, с. 106].

«– Прочь с дороги, *старорежимцы проклятые!* – рявкнул тогда солдат на стоявших в дверях казаков и скомандовал своим: – Пошли отсюда, *деды!*» [4, с. 328].

Однажды, когда горевал Андрей Григорьевич на лавочке у ворот, подошёл к нему сосед Герасим Косых. Не успев поздороваться, сказал:

– Нынче я, *дедушка*, вашего Васюху видел. На каторгу его гонят. [4, с. 10].

Девка (муж жене)

«Семён тяжело опустился на лавку, глухо проговорил:

– Не вой, *девка*, не вой. Обойдётся. Это меня камнем в яме шибануло. Лучше расскажи, как жила тут, на кого горб гнула» [4, с. 121].

ЛЕ *девка* (*девки*) была обычной у казаков при обращении к девушкам (нейтральное обращение).

«Девки перестали плясать. Испуганно сгрудившись у церковной ограды, стали шептаться. Федотка направился к ним.

– Ну, *девки*, чего каши в рот набрали?» [4, с. 34].

«Аграфена развела руками:

– И кто это тебе, *девка*, голову закрутил? Да по-моему, никого в посёлке лучше Алёшки нет. [4, с. 173].

В качестве ласкового обращения употреблялась родственная ЛЕ *девонька* (*девоньки*).

«– Какое, *девоньки*, веселье, если половины народу нет, – охотно подхватила Дашутка. – И с какой стати нам, девкам-то, делиться?» [4, с. 174].

Тётка (и к незнакомой женщине, и к знакомой)

«Кто-то за калиткой спросил незнакомым голосом:

– *Тётка*, где тут у вас атаман живёт?» [4, с. 92].

«Она (Дашутка) гордо мотнула головой, выпрямилась и кинула Маланье:

– Ты, *тётка*, обо мне не заботься. Проживу, даст бог, без твоих забот» [4, с. 207].

Батенька (доктор казаку)

«Доктор развёл руками:

– Я, мой батенька, не бог. Но будем надеяться... Завтра утром придёшь справиться» [4, с. 263].

Борода

«Солдат спустился с отвала, подошёл к Андрею Григорьевичу.

– Ты зачем, *борода*, с арестантами разговариваешь?» [4, с. 12].

Толстосум

«– Эй, купец, давай золото, а не то живота решим! – крикнули из-за косматых белых кустов.

()

– Сдавайся, толстосум! – сказал уже гораздо ближе всё тот же голос» [4, с. 301].

Гусь лапчатый

Он (Семён) сразу сообразил, что убежал от него Алёха неспроста. Он прикрикнул:

– Ну, сознавайся, *гусь лапчатый*, что наделал?» [4, с. 111].

Голова садовая

«– Близо уселись (утки), – по звуку определил Никула. – Надо бы мне дробовик с собой взять! – И вдруг напустился на Романа:

– А ты чего стоишь, *голова садовая*? Я бы на твоём месте живо за ружьём сбегал да и ухлопал парочку» [4, с. 16].

«Он (Никула Лопатин) размахивал руками и говорил Романову дружку Данилке Мирсанову:

– Дело, *голова садовая*, в том, какой бой у ружья. А у моего бой надлежащий» [4, с. 24].

«Не успев ещё сесть как следует, запыхавшийся Никула снова зачистил (Северьяну):

– Теперь, паря, у нас дела пойдут.

– Какие дела?

– А с лагерем. ()

– Ну и сказал же... *Голова садовая*, лагерь-то строить надо. Заработки теперь у нас будут» [4, с. 64].

Полуночник

«Тогда он (Роман) подошёл к окну, тихо постучал в крестовину рамы.

– Кого тебе, *полуночник*, надо? – распахнув окно, спросила Данилкина мать Маланья, Романова крёстная» [4, с. 66].

Надзиратель

«Проезжая мимо улыбинского дома, Прокоп увидел на крыльце Андрея Григорьевича (). Он остановился. Сняв с головы фуражку, поздоровался.

– Здорово, здорово, *надзиратель*, – недружелюбно отозвался Андрей Григорьевич» [4, с. 54].

Рассмотренная подгруппа обращений включает 15 ЛЕ, из них 5 выступают только в этой функции: (*казачки*, *ребятки*, *братец* (*братцы*), *батенька*, *голова садовая*), другие являются и наименованиями людей; 4 ЛЕ имеют просторечный характер (*тётка*, *девка*, *толстосум*, *гусь лапчатый*), остальные – разговорный [см. 5]. Активно используются в качестве обращений к неродственникам термины родства – 3 ЛЕ (*братец*, *дедка*, *тётка*), что характерно для русских людей [см. 3, с. 89; 7, с. 101–102], причём ЛЕ *братец* является наиболее частотной в данной подгруппе; при обращении к незнакомым людям употреблены 2 ЛЕ: *борода*, *тётка*. В значении ЛЕ

тётка и *девка* актуализирована только сема «женский пол», что позволило, например, последнюю использовать в качестве обращения к жене; переносное метонимическое значение отмечено у одной ЛЕ – *борода*.

Среди представленных выделяется группа обращений, образованных по одной словообразовательной модели при помощи суффикса *-к-*: *казачки, ребятки, работнички, дедка, тётка, девка* от активно используемых в говоре ЛЕ *казаки (казак), ребята, работники (работник), дед (деды)* и не встретившихся в романе ЛЕ *тётя* и *дева*. В рассмотренных ситуациях общения эти ЛЕ утратили ласковую эмоциональную окраску, которую привнёс в значение слова суффикс *-к-* (это характерно для говоров); тот же процесс десемантизации уменьшительно-ласкательного суффикса *-ец-* произошёл и в слове *brateц*, что отмечает и МАС (то есть этот процесс имеет общерусский характер).

Таким образом, рассмотренные обращения в романе «Даурия» отражают региональное своеобразие речевого этикета забайкальских казаков, но в целом имеют общерусский характер.

Список литературы

1. Абросимова О. Л., Пляскина Е. И. Лексика коренного населения в русских говорах Читинской области. // Проблемы лингвистического краеведения. Пермь, 2004. С. 7–12 с.
2. Бурятско-русский словарь. / сост. К. М. Черемисов. М., 1973.
3. Гольдин В. Е. Этикет и речь. М., 2009. 116 с.
4. Седых К. Ф. Даурия. Иркутск, 1975. 431 с.
5. Словарь русского языка: в 4-х томах. М.: «Русский язык», 1981. Т.1–4. 696 с.
6. Филин Ф. П. О лексикализованных фонетико-морфологических вариантах слов в русских говорах // Очерки по теории языкознания. М.: Наука, 1982. С. 318–327.
7. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения. М.: Высшая школа, 1989. 159 с.

УДК 81'373.21

ББК 81.001.2

Р 326

Л. М. Шипановская
г. Благовещенск (Россия)

Топонимическая «окраска» одного из регионов Приамурья

В статье представлено лингвистическое описание современных названий населенных пунктов одного из регионов Амурской области, а именно: названий, появившихся в середине XIX века по левому берегу Амура в результате освоения Приамурья забайкальскими казаками.

Ключевые слова: *ономастика, топоним, ойконим, формант.*

L. M. Shipanovskaya
Blagoveshchensk (Russia)

Toponymical «marking» of one of the Amur River regions

The article presents a linguohistorical description of the settlements modern names of one area in Amur region, namely the names appeared in the middle of the 19th century in the result of Amur River region development by transbaikalian Cossacks.

Key words: *onomastics, a toponym, oykonym, formant.*

Топонимическая система определенной территории (в том числе и Амурской области) имеет типичные модели названий, определенный набор лексических и словообразовательных элементов, обусловленных историей, географией, культурными традициями региона и языковыми причинами.

Ойконимия русского происхождения Амурской области неоднородна хронологически и этимологически. Среди множества географических названий населенных пунктов Приамурья выделяется особая группа ойконимов по левому берегу реки Амур: Албазино, Аносово, Касаткино,

Кольцово, Пашково, Поярково, Симоново, Ушаково, Черняево и многие другие. Все они характеризуются общностью словообразовательной структуры – наличием формантов -ов (о), -ев (о), -ин (о), -ын (о). В славянской топонимии это один из древних по происхождению формантов, широкоупотребительных, возникших еще в X – XII веках. Например, уже в XI веке были известны названия сел с формантами -ов (о), -ин (о): Берестово – княжеская деревня под Киевом. Массовые названия сельских поселений на -ов (о), -ин (о) в possessивной функции представляют и берестяные грамоты XII – XV вв.: село Васильево, село Мохово, село Шадрино и многие другие. Многие лингвисты такой тип названий считают «традиционным типом сельских поселений» [8, с. 21].

Названные форманты, по мнению А. М. Селищева, использовались как средство «выражения феодальной принадлежности селений, земельных участков их владельцам» [11, с. 343].

Формант в топонимии считается одним из источников хронологической привязки и этимологического анализа. Ареалы распространения формантов способны свидетельствовать о многом, в том числе и о миграции этнических и социальных групп населения Приамурья в далеком прошлом.

Предметом исследования в настоящей статье является группа ойконимов Приамурья с формантами: -ов(о), -ев(о), -ин(о), -ын(о) в лингво-историческом аспекте.

Актуальность исследования этой группы ойконимов обусловлена хронологически. Дело в том, что становление русской ойконимии Приамурья в первую очередь связано с появлением на территории Амурской области топонимов именно этой группы. Исторические условия колонизации земель по левому берегу реки Амур в середине XIX века и сплавы по Амуру забайкальских казаков обусловили появление первых населенных пунктов именно здесь. Эта группа ойконимов является самой древней среди других названий населенных пунктов в Приамурье. С полным основанием такие ойконимы можно условно назвать «казачьими» топонимами. Именно в этой группе реализовались определенные принципы номинации, которые свойственны древним типам русской ойконимии, отмеченным и в Новгородской, и в Смоленской, и в Псковской областях и других регионах России.

Почти все названия этой группы, как свидетельствуют краеведческие материалы, имеют антропонимическое происхождение. В историческом очерке А. П. Васильева «Забайкальские казаки» отмечается, что «Н. Н. Муравьев, плывя по Амуру, сам назначал места для заселения казаков и определял их названия» [2, с. 110, 111 и др.].

«Всего в 1857 г. возникло 17 казачьих поселений: Усть-Зейское, Игнашино, Сгибнево, Албазинское, Бейтоновское, Толбузино, Ольгинское, Кузнецово, Аносово, Кумарское, Казакевическое, Корсаковское, Буссе, Бибиково, Иннокентьевское, Касаткино и Пашково» [2, с. 112]. Таким образом, в 1857 г. началось «первоначальное заселение левого берега Амура от слияния Шилки с Аргунью до Хинганского хребта» [2, с. 115].

Впоследствии, после заключения Айгуньского договора (май 1858 г.), по которому левый берег Амура отошел к России, продолжилась колонизация русским населением территории Приамурья, и был заселен «весь остальной левый берег Амура от Малого Хингана до устья реки Усури» [2, с. 128].

На территории Приамурья в 1859 – 1860-х гг. появились новые казачьи поселения. И прежние, и новые поселения стали именоваться станицами: «Покровская, Игнашина, Уруши, Ольдой, Орловская, Рейново, Албазинская, Бейтонова, Пермикино, Бекетово, Толбузино, Вагановская, Ключевская, Ольгина, Черняевская, Кузнецова, Ермаковская, Аносова (Уйминская), Кольцова, Ушакова, Кумарская, Казакевичева, Бибикова, Екатериненская, Благовещенская, Низменная, Константиновская, Сычевская, Поярковская, Куприянова, Скобельцына, Иннокентьевская, Касаткина, Загибова, Пашкова, Раддеевская, Поликарпова и другие» [2, с. 150–154].

А. П. Васильев описывает жизнь колонистов, количество изб, людей, скота, пашен, покосы, быт, занятия рыбной ловлей, охотой и многое другое. Важным фактом является указание на то, кто из казаков основал ту или иную станицу: «Албазинская станица основана казаками с Шилки, <...> станицу Бибикову основали казаки с Онона, <...> станица Пашкова была населена Горбиченскими казаками-рыболовами...» [2, с. 148–149 и др.].

Аналогично возникали станицы по р. Усури: «В то же время 1858 – 1861 гг. забайкальские пешие казаки заселяли Усури от ее устья до станицы Буссе, недалеко от устья Сунгачи, а именно: в 1856 г. 54 семейства zaloжили станицу Корсакову, Казакевичеву и Невельскую... Позже обра-

зовали станицы: Дьяченкову, Киселеву, Трехсвятительскую, Верхнеголотайскую (переименованную впоследствии в станицу Кукеля), Будагосскую, Венюкову, Кедрову, Шереметеву, Видную, Лончакову, Козлову, Покровскую, Луговую (переименованную в Пешкову), Нижнемихайловскую, Лопатину, Чупрову (переименованную в Княжескую), Красноярскую, Ильинскую, Верхне-Никольскую, Верхне-Михайловскую и Буссе» [2, с. 152].

«Все станицы были похожи друг на друга, только церковь иногда находилась на краю села, а иногда в центре», – писал географ, путешественник, исследователь Дальнего Востока Г. Е. Грум-Гржимайло [4, с. 432–433, 436].

Массовое переселение забайкальских казаков на Амур закончилось в 1863 г.

Как свидетельствуют исторические источники, форма названий казачьих населенных пунктов не была постоянной. Названия претерпели эволюцию от первоначальных названий до современных с устоявшимися формантами -ов(о), -ев(о), -ин(о), -ын(о). Эволюция формы обусловлена и хронологически, и системно-языковыми факторами. Первоначально в момент возникновения форма наименований была детерминирована родом апеллятива.

Так, самыми первыми населенными пунктами на территории Приамурья были казачьи посты по Амуру. Грамматический род апеллятива и ойконима совпадали. Ср.: в 1855 г. «подполковник Буссе, спускаясь по Амуру, основал по левому берегу реки четыре новых поста со складами провианта, а именно: Кумарский (25 человек) против устья реки Кумары, Усть-Зейский (50 человек) близ устья реки Зеи, Хинганский (24 человека) при входе в Малый Хинган и Сунгарийский (24 человека) на устье реки Сунгари» [1, с. 459].

Названия основанных постов были мужского рода и номинированы по водным или горным объектам, вблизи которых они были расположены. Такие названия принято считать ойконимами ландшафтного происхождения. Это топонимические метонимические названия, в которых наблюдается перенос наименования на основании смежности географических объектов в пространстве. Такой принцип номинации является универсальным в топонимике разных народов. Природные объекты имеют большое значение в акте номинации, так как играют важную роль в ориентации человека в пространстве. Примеров топонимической метонимии в ономастике очень много. Так, например, название реки Амур дало наименование целому ряду производных топонимов: село Амурское (Белогорский район Амурской области), Амурская область, г. Амурск (административный центр Амурского района Хабаровского края), г. Комсомольск-на-Амуре (город в Хабаровском крае, расположен на Амуре), г. Николаевск-на-Амуре (самый северный город Хабаровского края, расположенный в устье Амура), Амурский лиман (северная часть Татарского пролива между материковой Азией и островом Сахалин, соединяет Сахалинский залив Охотского моря с Татарским проливом через пролив Невельского), Амурский залив (внутренний залив у северо-западного берега залива Петра Великого (Японское море), Амуро-Балтийск (село в Зейском районе Амурской области на правом берегу р. Уркан, основано в 1907 г. переселенцами из Латвии) и т. д.

В ходе дальнейшего освоения Приамурья человеком (в данном случае забайкальскими казаками) степень участия самого человека в акте номинации значительно увеличивалась. Среди ойконимов Приамурья возрастает удельный вес мемориальных ойконимов. Об этом свидетельствуют, например, наименования первых 17 станиц, основанных забайкальскими казаками (см. выше, с. 2). Приведем некоторые комментарии к их названиям. Населенные пункты в большинстве своем названы: а) по именам сподвижников Н. Н. Муравьева-Амурского, участвовавших вместе с ним в казачьих сплавах: так, казачье поселение Бибиково названо в честь чиновника особых поручений А. И. Бибилова, Аносово – в честь геолога, горного инженера, первооткрывателя россыпей золота в Приамурье Н. П. Аносова, Касаткино – в честь врача А. И. Касаткина, Буссе – в честь первого амурского военного губернатора Н. В. Буссе, занимавшего эту должность в 1858 – 1866 гг., Иннокентьевское – в честь епископа Камчатского, Курильского и Амурского Иннокентия Вениаминова, сопровождавшего Н. Н. Муравьева в экспедиции по Приамурью и т. д.; б) по именам выдающихся деятелей прошлого – албазинских воевод: Толбузино – в честь А. Л. Толбузина, погибшего в 1685 г. во время обороны Албазинской крепости, Бейтоново – в честь А. В. Бейтона, русского военачальника, руководившего в 1686 – 1687 гг. обороной Албазинской крепости; в) по фамилии крестьян, давшим названия населенным пунктам: Игнашино – по фамилии кре-

стьянина Игнашина. Примечательно, что среди названий населенных пунктов, появившихся на Амуре в середине XIX в., нет селения, названного в честь самого Н. Н. Муравьева-Амурского. Село под названием Муравьевка появилось в Приамурье значительно позже, только в 1902 г.

Как указывалось выше, форма названий первых казачьих поселений не была устойчивой и определялась родом апеллятива-детерминатора: пост, поселение, станица, село. Ср., например: Усть-Зейский пост, Усть-Зейское поселение, Усть-Зейская станица, Благовещенская станица и, наконец, г. Благовещенск. Исторические и деловые документы того времени содержат множество примеров соотносительности рода апеллятива и рода ойконима. Примеры: «...транспорт с припасами под начальством Ушакова долго не прибывал. Наконец, Ушаков прибыл в Усть-Зейский пост»; «...часть 14-ого батальона была оставлена в Усть-Зейском...»; «В половине июля начали прибывать казаки и к Усть-Зейскому посту» [2, 111]. Вся парадигма ойконима Усть-Зейский выдержана в форме мужского рода.

Аналогичны названия и с апеллятивом станица: «Самые большие станицы были Кумарская, Усть-Зейская, Иннокентьевская»; «...на зиму... в Усть-Зейской станице водворился 14-й Сибирский линейный батальон»; «Особенные выгоды местоположения Усть-Зейской станицы»... [2, 112, 122]. Вся парадигма ойконима Усть-Зейская представлена в женском роде.

Название первых казачьих поселений на Амуре, по данным деловых документов, представлены полной формой прилагательного с формантом -ск-: Усть-Зейский пост, Усть-Зейское поселение, Усть-Зейская станица. Часто встречается и именная форма прилагательного в родительном падеже: станица Сухотина, станица Кукеля, станица Поликарпова, станица Скобельцина, станица Квашнина и многие другие.

Значительно позже (к концу XIX – началу XX вв.) в результате универсализации топонимических названий, поскольку важнейшей практической задачей топонимики является унификация названий, их стандартизация, единообразное написание, употребление и фиксация на карте, появились официальные обозначения: Аносово, Бибиково, Винниково, Касаткино, Кольцово, Черняево и др. Уже в первом топонимическом словаре Амурской области А. В. Кирилова (1894 г.) зафиксированы именно эти формы казачьих поселений, которые существуют и до сих пор [6].

Таким образом, большой ареал названий с формантами -ов(о), -ев(о), -ин(о), -ын(о) представлен в Приамурье главным образом по левому берегу реки Амур. Ареал повышенной концентрации названий населенных пунктов этого типа обусловлен исторически, а именно миграционными процессами забайкальских казаков, осваивавших среди первых территорию Приамурья.

Названия населенных пунктов на -ов(о), -ев(о), -ин(о), -ын(о), как свидетельствуют исследователи, чаще других отмечены в северных губерниях России: Новгородской, Псковской, Смоленской и других [3, 5, 7, 8, 9, 10 и др.].

В. А. Никонов выделяет две зоны на территории европейской части России с формантами у названий населенных пунктов: 1) северную, с необычайно продуктивным макротипом -ов (о) к северу от линии Брянск – Тула – Горький – Казань; 2) южную, с очень продуктивным формантом -к(а): Андреевка, Ивановка. Эта линия являлась границей Русского государства в XVI веке. В топонимии Древней Руси, по данным В. А. Никонова, основным был формант -ов (о), а с XVII в. господствующим формантом в названиях населенных пунктов стал суффикс -к (а): ср. Ивановка, Тамбовка, Покровка и многие другие. Формант характерен для территории, лежащей к югу от северных земель [9, 46].

На территории Приамурья этот формант характерен для названий населенных пунктов, которые были основаны крестьянами-переселенцами из Курской, Полтавской, Тамбовской и других губерний России.

«Волновое» заселение Приамурья (вначале забайкальскими казаками, а затем крестьянами-переселенцами) оставило заметный след в разных ареалах ойконимии Приамурья. Если по левому берегу Амура ойконимы характеризуются формантами -ов(о), -ев(о), -ин(о), -ын(о), то на территории Зейско-Буреинской равнины превалирует формант -к(а).

Лингвистический анализ названий населенных пунктов помогает выявить хронологические и языковые связи названий с участием этнических и социальных групп в акте номинации, что и обеспечило своеобразную топонимическую «окраску» этого региона Приамурья.

Факты, приведенные в настоящей статье, свидетельствуют о том, что в акте номинации первых казачьих поселений в середине XIX в. участвовали не все словообразовательные топонимические форманты, а лишь ограниченный и весьма специфический набор, характерный для забайкальский казаков, в большинстве своем выходцев из северных губерний России. В этом лингвистическое значение топонимов с формантами -ов(о), -ев(о), -ин(о), -ын(о).

Список литературы

1. Барсуков И. П. Граф Н. Н. Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (Материалы для биогра.). М., 1891. Кн. 1. IV. 672. XIII. 690.
2. Васильев А. П. Забайкальские казаки: исторический очерк в 3-х томах. Благовещенск, Изд-во: ОАО «Амурская Ярмарка». 2007 г.
3. Граудина Л. К. Норма употребления топонимов с финалями -ов(о), -ев(о), -ин(о), -ын(о) // Ономастика и норма. М.: Изд-во: Наука, 1976, 255 с.
4. Грум-Гржимайло Т. Е. Описание Амурской области. СПб., 1894. 640 с.
5. Качевская Г. А. Нужно ли склонять географические названия типа Рошино, Шувалово? // Нормы современного русского литературного словоупотребления. М. – Л.: Изд-во Наука, 1966. 152 с.
6. Кириллов А. В. Географо-статистический словарь Амурской и Приморской областей со включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран. Благовещенск: Изд-во Типография товарищества Д. О. Мокин и К°, 1894. 551 с.
7. Кривенко Б. В. Склонять или не склонять? // Русская речь. 1995. № 5.
8. Левашов Е. А. Географические названия. Словарь-справочник. СПб, 2000. 604 с.
9. Никонов В. А. Введение в топонимику. М.: Изд-во Наука, 1965, 179 с.
10. Рублева О. Л. Склонение топонимов Приморья: «местная норма» или общая тенденция? // Филология и культура. Материалы международного научного форума. Владивосток (19 – 20 октября 2004 г.). Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2006, 131–139 с.
11. Селищев А. М. Из старой и новой топонимии // Избранные труды. М.: Просвещение, 1968. 640 с.

УДК 811.161.1(571.54/55)

ББК 81.411.2(253.5)

ББК Ш 141.2(2Р54)

Ц. Р. Цыдендамбаева
г. Чита (Россия)

Специфика освоения русским языком бурятских заимствований

Этноязыковая ситуация в Забайкальском крае позволяет говорить о наличии и функционировании в регионе двух наиболее распространенных языков: русского и бурятского. В процессе длительного контактирования эти языки оказывали друг на друга интенсивное влияние.

Статья посвящена исследованию вопросов, связанных со спецификой освоения бурятских заимствований русским языком. В частности, рассматриваются особенности их графико-фонетического, грамматического освоения, во многом обусловленные тем, что русский и бурятский языки не являются родственными и относятся к различным типологическим группам языков. Материалом исследования явились образцы устной русской речи забайкальцев, а также фрагменты текстов из современной художественной литературы.

Ключевые слова: *двуязычие, влияние, бурятские заимствования, контактирование, фонетико-графическое, грамматическое, семантическое освоение.*

Ts. R. Tsydendambaeva
Chita (Russia)

Specifics of Buryat Borrowings' Application in the Russian Language

Ethnolinguistic situation in Transbaikalia reveals the fact of existing and functioning of the most wide-spread in the region languages: Russian and Buryat. In the process of long-term contact these two languages influenced each other intensively.

The article is devoted to the investigation of the questions, connected with the specifics of the application of Buryat borrowings by the Russian language. In particular, the author considers the peculiarities of their graphic-phonetic and grammatical application and distinguishes that Russian and Buryat are not kindred languages, and belong to different typological groups of languages. The research samples are the examples of oral Russian speech of people of Tansbaikalia, and text selections from contemporary fiction.

Key words: *bilingualism, influence, Buryat borrowings, contact, phonetic-graphic, grammatical, semantic application.*

Представляя собой относительно новый субъект Российской Федерации, образованный в марте 2008 года в результате объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа, Забайкальский край занимает особое место в мультикультурной и полиязыковой картине современной России. Внимания заслуживает и геополитическое положение края, позволяющее говорить о его пограничье не только с другими крупнейшими субъектами Российской Федерации (Республиками Саха и Бурятия, Иркутской и Амурской областями), но и с государствами Монголией и Китаем. Таким образом, находясь на стыке трёх стран, Забайкалье неизменно привлекает внимание учёных разных направлений: лингвистов, историков, культурологов, политиков, социологов, психологов, этнологов и т. д.

С точки зрения лингвистической отличительной особенностью Забайкальского края является функционирование двух наиболее распространённых в регионе языков: русского и бурятского. Оба языка, как и народы-носители языков, контактируют на территории Забайкалья более трёхсот лет. Уже в начальный период исторического контактирования между русскими и бурятами установились тесные экономические, социально-бытовые и общественно-культурные связи. Это, в свою очередь, закономерно обусловило взаимовлияние русского и бурятского языков, которое отразилось, в первую очередь, на их лексике.

Изучению русских заимствований в составе бурятского языка посвящено достаточное количество лингвистических исследований, где учёными тщательно рассматриваются вопросы фонетического, графического, семантического, грамматического освоения русских заимствований, причины и пути их проникновения в бурятский язык. Об этом свидетельствуют труды таких учёных, как У-Ж. Ш. Дондуков, Б-Д. Б. Батоев, Л. Д. Шагдаров, И. Д. Бураев, А. А. Дарбеева, С. Ю. Дондукова и мн. др. Относительно немного исследований посвящено изучению специфики освоения бурятизмов русским языком (работы Л. Е. Элиасова, У-Ж. Ш. Дондукова, Т. Ю. Игнатович, О. Л. Абросимовой, Е. И. Пляскиной).

В целом процесс освоения иноязычной лексики представляет собой сложное взаимодействие фонетических, грамматических, семантических систем двух и более языков. К числу основных признаков освоения каким-либо языком заимствованного компонента относятся грамматическое освоение лексемы, передача её фонетическими и графическими средствами заимствующего языка, относительная словообразовательная активность слова, достаточная частотность его использования. Наблюдения над русской разговорной речью забайкальцев позволяют выявить не только употребление в ней тех или иных бурятских заимствований, но и наличие у них названных признаков заимствования.

Вплетаясь в живую русскую речь забайкальцев, бурятские заимствования обогащают её, делают более яркой, самобытной. Бурятизмы, как выяснилось, присущи не только разговорной речи, но и в достаточной степени встречаются в текстах современной художественной литературы, например, в произведениях таких русскоязычных писателей, как И. Калашников, В. Гармаев, В. Балдоржиев. Так, для сбора необходимого лингвистического материала анализу были подвергнуты тексты произведений из цикла «Великая степь» В. Балдоржиева. Как показывают наблюдения, все приведённые ниже заимствования встречаются и в устной разговорной речи.

Рассмотрим специфику фонетико-графического освоения бурятизмов, встречающихся в анализируемом цикле произведений.

1. В настоящее время для письменной формы общения бурятами используется кириллица, которая официально была принята народом в 1939 году. Учёными были признаны значительные преимущества русской графики над существовавшими ранее старомонгольской и позднее латинской графикой. Это обстоятельство во многом облегчает фонетико-графическое освоение

бурятских заимствований русским языком. Например, лексема *хатан* (от бур. *хатан* – княгиня), часто встречающаяся в тексте анализируемых произведений, используется так же, как и в языке-источнике.

2. В бурятском языке во многих словах используются так называемые дифтонги (слияние двух звуков в один), например, в словах *айл* [a^uл] (*семья*), *нохой* [нохо^u] (*собака*), *ой* [o^u] (*лес*). По произношению напоминает русский [э], поэтому в тексте произведений нередко используются с буквой э, например, *ахэ* (от бур. *ахай* – старший брат). Эта лексема очень часто употребляется в разговорной речи в качестве обращения, иногда в паре с именем, например, *Булад ахай*.

3. Бурятский язык характеризуется отсутствием словесного ударения. Сильные позиции гласных нередко выражаются так называемыми долгими гласными, которые на письме в бурятском языке выражаются повторением гласной буквы, например, *Сагаалган* (*Белый месяц*), *ногон* (*зеленый, трава*), *баабгай* (*медведь*). В тексте анализируемых произведений встречается в трансформированном виде, с ударной гласной: *арса* (от бур. *аарса* – молочный напиток), *буза* (от бур. *бууза* – национальное бурятское блюдо: большие пельмени на пару с отверстием в верхней части).

4. Нередко наблюдается тенденция к замене в бурятских заимствованиях согласной *г* в слабой позиции (например, в конце слов) на согласную *к*, которая вообще не характерна исконно бурятским словам и в бурятском языке используется в заимствованиях. Приведём пример из текста анализируемого сборника: *тэрлик* (от бур. *тэрлиг* – вид национальной одежды: летнее платье, халат).

5. Беглые в бурятском языке гласные (они практически не произносятся) на письме в русском языке часто не пишутся в бурятских заимствованиях, например, *бухлер* (от бур. *бүхэлээр* – цельное мясо в бульоне).

6. Характерные для бурятского языка гласные *у*, *өө* в силу созвучия на письме в русском языке передаются как *у*, *о*, например, *шуля* – от бур. *шүлэн* – суп, бульон. *h* чаще всего преобразуется на письме в букву *с*, например, *Сагаан һара* → *Сагаан сара*.

Что касается особенностей грамматического освоения бурятских заимствований, следует отметить следующее:

1. Согласно типологической классификации языков, русский и бурятский языки относятся к разным группам: русский – язык флективного словоизменения, бурятский – агглютинативного. Специфика агглютинации заключается в механическом присоединении аффиксов падежа, числа, притяжания, например, *хүүгэдтээ* – (*хүүгэ+д+тэй+еэ*) – бур. досл. «со своими детьми», где последовательно присоединены аффиксы *-д* (показатель множественного числа), *-тэй* (показатель совместного падежа), *-еэ* (показатель формы личного притяжания).

2. Бурятские заимствования, подчиняясь грамматическим нормам заимствующего русского языка, нередко присоединяют аффиксы русского языка, например, слово *гутул* (от бур. *гутал* – обувь) в форме множественного числа используется в речи с характерным русскому языку окончанием *-ы* (*гутулы*).

3. В бурятском языке отсутствует грамматическая категория рода, и при использовании в русском языке многие бурятские заимствования (чаще по формальным признакам) причисляются к тому или иному роду, например, *гутул* (от бур. *гутал* – обувь) как слово, оканчивающееся на согласный, относится к мужскому роду, *буза* (от бур. *бууза*) – женского рода, *обо* (от бур. *обоо* – вершина со ступой из камней, где проводятся молебствия, призывают духов, угощают их, вымаливают удачу и счастье) используется как существительное среднего рода. Соответственно, и формоизменение подобных слов происходит по правилам заимствующего языка. Несклоняемыми, как правило, являются слова, оканчивающиеся на гласные *-э*, *-о*, например, *эрелжэ* (от бур. *эрэлжэ* – самодельная колбаса из печени).

Рассмотрим особенности применения бурятизмов в тексте анализируемых произведений В. Балдоржиева. Например, в рассказе «Силачи» встречается такое предложение: *Много людей собирается к осени в доме-трактире купца Губельмана, где работницы-бурятки готовят и подают к столам бузы, эрелжэ, убсуну, бараньи головы, арсу и айрак...* Проанализируем встречающиеся в нем бурятизмы:

Буза – бур. *бууза* (большие пельмени, сваренные на пару).

Долгое *уу* преобразуется в ударное *у*. Существительное женского рода, в контексте употреблено в форме винительного падежа, множественного числа.

Эрэлжэ – бур. *эрэлжэ* (самодельная колбаса из печени).

Долгое *еэ* → ударное *е*. Несклоняемое существительное, оканчивающееся на –э.

Убсун – бур. *үбсүүн* (баранья грудинка).

У → *у*, долгое *үү* → ударное *у*. В контексте слово мужского рода, употреблено в форме винительного падежа, множественного числа.

Арса – бур. *аарса* (молочный продукт, крепкий, утоляющий жажду напиток).

Долгое *аа* → ударная *а*. Существительное женского рода в форме винительного падежа, единственного числа, с окончанием –у.

Айрак – бур. *айраг* (кислое молоко крепости пива).

Г → *к*. Используется в контексте как вещественное существительное мужского рода, в форме винительного падежа, единственного числа.

В предложении *Еще два копы с привязанными голубыми полосами шелкового хадака лежали на земле* из романа «Последние войны волков» употреблен бурятизм *хадак*.

Хадак – от бур. *хадаг* (сложенное вдвое шелковое полотенце, подносившееся в виде приветственного дара почетным гостям).

Г → *к*. Существительное мужского рода. В контексте используется в форме родительного падежа, единственного числа (окончание –а).

В рассказе «Уодхэ» встречается такое предложение: *Там песни поют, там бранятся, брызгая слюнями, там парни и девушки ёхор водят, где-то играют на лимбе и бьют в бубны.*

Лимба – от бур. *лимбэ* (бурятский национальный музыкальный инструмент, флейта).

Э → *а*. В контексте употребляется как существительное женского рода в форме творительного падежа, единственного числа (окончание –е).

Ёхор – от бур. *ёохор* (бурятский хоровод).

Долгое *ёо* → ударное *ё*. В контексте употребляется как существительное мужского рода в форме винительного падежа, единственного числа.

– *Разжигай огонь возле обо* (из романа «Последние войны волков»).

Обо – от бур. *обоо* (вершина со ступой из камней, где проводятся молебствия, призывают духов и эзэнов, угощают их, вымаливают удачу и счастье).

Долгое *оо* → ударное *о*. Несклоняемое существительное среднего рода.

Таким образом, длительное контактирование русского и бурятского языков привело к значительному их взаимовлиянию и взаимопроникновению, причем этот процесс нельзя назвать односторонним.

Следует отметить, что особенности фонетико-графического, грамматического, семантического освоения русским языком бурятских заимствований требуют дальнейшего научного освещения. Это касается также вопросов, связанных с причинами и путями проникновения бурятских заимствований в современный русский язык, их тематической классификацией, особенностями восприятия и перевода на русский язык бурятских устойчивых сочетаний, методическими проблемами обучения русскому и бурятскому языкам в условиях двуязычия.

V. СОВРЕМЕННЫЕ НАУЧНЫЕ ПАРАДИГМЫ И ПРОБЛЕМЫ ВУЗОВСКОГО И ШКОЛЬНОГО ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 81.2–5.
ББК 81.2

Н. О. Борисенко, В. А. Жирнова, В. Г. Сибирцева
г. Нижний Новгород (Россия)

Формирование словообразовательной компетенции на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному¹

В статье рассматриваются словообразовательные модели имен существительных, представленные в учебнике по русскому языку как иностранному «Поехали!-2». В сопоставлении с данными Национального корпуса русского языка анализируются примеры существительных с суффиксами, объединенными по общему признаку «значение лица» (-тель; -чик; -ец; -ник; -анин; -ин), а также гендерное распределение существительных. На основе частотных показателей демонстрируется малая вариативность указанной группы существительных в учебных текстах.

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, суффиксы существительных, частотный анализ, словообразование.*

N. O. Borisenko, V. A. Zhirnova, V. G. Sibirtseva
Nizhny Novgorod (Russia)

Skill of word-formation at the elementary stage of learning Russian as a foreign language

The article deals with the derivational models of nouns presented in the textbooks of Russian as a foreign language “Poekhali -2!”. The article gives an analysis of nouns with suffixes which have meaning of “face value” (-tel; -chick; -EC; -nick; -anin; -in) in comparison with the data of Russian National Corpus. The text gives a valuable information on gender distribution of nouns. Much attention is given to small variability of this group of nouns in the textbook. It should be stressed that this groups of noun has small variability in the textbook.

Key words: *Russian as a foreign language, meanings of noun suffixes, frequency analyze, derivation.*

Формированию языковой компетенции в области словообразования и морфологии отводится значительное место при обучении русскому языку как иностранному. Согласно Государственному стандарту (базовый уровень), обучающиеся должны, в частности, распознавать определенное число словообразовательных моделей: «существительных: лицо по национальности с суффиксами *-ец, -анин*; лицо женского пола с суффиксами *-к(а), -иц(а), ниц(а)*; лицо по профессии с суффиксами *-ист, -тель*; действия с нулевым суффиксом; отглагольные существительные с суффиксами *-ение* и др.» [1, с. 14].

В связи с этим интересным представляется анализ учебных текстов, на базе которых должен формироваться навык распознавания словообразовательных моделей с точки зрения частотности существительных с указанными суффиксами. Базой для анализа послужил современный учебник по РКИ «Поехали!-2» [6]. Сбор необходимых данных по частоте вхождения и встречаемости осуществлялся с помощью программы AntConc, где запрос формулировался с помощью несложных регулярных выражений в виде «*искомый суффикс». В ходе анализа частотность суффиксов со-

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Адаптация языкового материала НКРЯ для электронного учебника «Русский язык как иностранный», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013 году, грант № 13–05–0031.

поставлялась с данными Национального корпуса русского языка. Результаты анализа представлены в виде таблиц: *слово* – частотность в учебных текстах – значение суффикса – частотность в НКРЯ.

Суффикс *-тель* служит для образования имён существительных со значением лица, занимающегося какой-либо деятельностью. Например, *строитель*, согласно толковому словарю С. И. Ожегова, определяется как специалист по строительству [3, с. 774].

Таблица 1

<i>писатель</i>	1	м. р., деятельность	685
<i>строитель</i>	1	м. р., деятельность	3775
<i>житель</i>	1	м. р.	1507
<i>покупатель</i>	2	м. р.	2246

Суффиксы могут быть синонимичны и выражать одинаковые или близкие значения, хотя один суффикс не может быть заменён на какой-либо другой, или же одно и то же лексическое значение быть выраженным однокоренными словами с разными суффиксами.

Важным является то, что студенты, изучающие русский язык как иностранный, могут самостоятельно определить значение представленных слов, а также классифицировать суффикс *-тель* как суффикс существительного мужского рода со значением лица, занимающегося какой-либо деятельностью (более узко – как обозначение лица по его профессии). Кроме того, разбор значений имён существительных и их словообразовательной структуры может помочь при образовании существительных со схожими категориальными значениями. Нельзя не отметить, что такой подход является одним из источников ошибок, то есть происходит смещение словообразовательной структуры. Например, возникновение такого имени существительного, как *рыбатель* – человек, занимающийся ловлей рыбы [8].

Суффикс *-тель* указывает на мужской род, тогда как в русском языке допустимо образование существительных женского рода со значением профессии. Например, *учитель* является производящим для существительного *учительница*. Указание на женский род существительного с морфологической точки зрения содержится в окончании и суффиксе *-ниц*. В учебных текстах модели такого типа не встретились. В русском языке существительные мужского рода со значением профессиональной деятельности употребляются по отношению к лицам женского пола, что обусловлено принципом экономии и выполнением определённых стилистических и коммуникативных задач.

Суффикс *-ник* чаще имеет значение предметности и средства для выполнения чего-либо, но для одушевленных существительных значение суффикса может быть определено как обозначение деятельности. Данные НКРЯ наглядно демонстрируют нам, что по отношению к лицу суффикс употребляется реже.

Таблица 2

<i>багажник</i>	1	предмет, предзнач. для ч.-л.	8024
<i>купальник</i>	1	предмет, предзнач. для ч.-л.	15169
<i>начальник</i>	1	обозначение деятельности	55
<i>художник</i>	1	обозначение деятельности	840
<i>работник</i>	2	обозначение деятельности	3238
<i>бездельник</i>	2	лицо, по отн. к занятию	390

Суффиксы *-чик*, *-щиц*, *-ник* и *-тель* служат для образования существительных со значением какой-либо профессиональной деятельности, на основе этого можно отметить синонимию их функций.

Существительные, образованные с помощью суффиксов *-чик* и *-щиц(a)*, не были найдены в учебных текстах. При проверке частотности данных суффиксов было найдено лишь одно существительное, этимологически содержащее морфему *-чик*. Изначально основа имени существительного *мальчик* состояла из корня *маль-* и суффикса *-чик*, в результате языковых процессов основа слова стала нечленимой.

Суффикс *-к(a)* можно считать синонимичным для суффиксов, рассмотренных выше. Так, с помощью данного суффикса происходит образование существительных женского рода со значением профессии (чаще всего) от существительных мужского рода.

Таблица 3

<i>пациентка</i>	2	ж. р.	16040
<i>студентка</i>	2	ж. р.	7575
<i>акробатка</i>	1	ж. р.	10
<i>вегетарианка</i>	1	ж. р.	15
<i>журналистка</i>	1	ж. р.	11531

Суффикс *-ец* служит для образования существительных со значением лица, характеризующегося родом деятельности; принадлежности к какой-либо территории или характеристики лица по какому-либо признаку.

Таблица 4

<i>продавец</i>	2	род деятельности	3000
<i>вегетарианец</i>	1	лицо, характ. каким-л. свойством	63
<i>канадец</i>	1	национальность	16237
<i>певец</i>	1	род деятельности	3784

В первом случае следует отметить синонимию с суффиксом *-тель*. Суффикс *-ец* указывает на мужской род, при этом возможно образование существительных женского рода. Например, *продащица* образована от существительного *продавец*. Необходимо отметить, что данное обозначение может быть определено как просторечное, хотя образование форм женского рода не всегда ведёт к снижению уровня лексики. Например, существительное *владелица* образовано с помощью суффикса *-иц(а)* от существительного мужского рода *владелец*; существительное женского рода *торговка* было образовано от существительного *торговец* с помощью суффикса *-к(а)*. Как можно заметить, образование форм женского рода не подчинено каким-либо закрепившимся правилам, и используются различные суффиксы. В текстах учебника встречаются только существительные женского рода с суффиксом *-к(а)*.

Образование существительных женского рода не всегда возможно от слов, характеризующих человека по какому-либо признаку. Например, существительное *вегетарианец* является производящим для существительного *вегетарианка*, но невозможно построить такую словообразовательную цепочку для существительного *мудрец*. Возможно, это зависит от происхождения слова. Так, существительное *вегетарианец* является заимствованным в русском языке. Ассимилировавшись, слово подчиняется грамматике языка и становится производящим для однокоренных слов. Существительные типа *мудрец*, *глупец*, *удалец* являются исконно русскими.

Если рассматривать такое значение суффикса *-ец* как обозначение лица по его принадлежности к какой-либо территории, то можно заметить, что образование форм женского рода нередко происходит с использованием суффикса *-к(а)*.

Суффикс *-ин* может служить для образования существительных, значение которых связано с обозначением лица по его национальности. Например, *татарин* или *грузин*. Образование существительных женского рода также происходит с помощью суффикса *-к(а)*.

В учебных текстах встретилось существительное *марсианин* с суффиксом *-ин*, что также связано с обозначением лица.

Суффикс *-ик* служит для образования существительных, обозначающих лицо по его отношению к чему-либо.

Таблица 5

<i>историк</i>	1	род деятельности	2983
<i>математик</i>	1	род деятельности	6808
<i>трудоголик</i>	1	отношение к какому-л. занятию	26
<i>большевик</i>	1	отношение к какому-л. занятию	1036
<i>алкоголик</i>	1	отношение к какому-л. занятию	422
<i>академик</i>	1	отношение к какому-л. занятию	3826

Данное значение легко проследить в таких существительных, как *историк*, *математик*, *академик*. Интересным представляется выведение значения данного суффикса на примере существительного *большевик*. Существительное этимологически связано с прилагательным *большой*,

но в своей семантике не несёт какого-либо значения, указывающего на размеры. *Большевик*, согласно толковому словарю, обозначает члена большевистской партии, приверженца идеологии большевизма [3, с. 55].

Спорным вопросом является роль морфемы *-ик* в составе существительного *трудоголик*. При морфемном анализе существительного *алкоголик -ик* однозначно классифицируется как суффикс, однако для существительного *трудоголик* словарь определяет нечленимую основу, и, возможно, данное слово представляет собой кальку с существительного *алкоголик* с соответствующим изменением смысла отдельных частей.

Важно отметить, что формы женского рода, образованные от существительных с суффиксом *-ик*, в ряде случаев обладают эмоционально-стилевой коннотацией. Например, *историк* и *историчка*; *математик* и *математичка*. Данное соотношение является верным не для всех значений представленных слов. Так, существительное *историк* является полисемом, и одно из его значений – «специалист в области истории» [3, с. 255]. Если исходить из данного понимания, то образование форм женского рода является некорректным. Эмоционально окрашенные существительные женского рода в учебнике не отмечены.

Таким образом, можно сделать ряд выводов о функциональном значении суффиксов (см. табл. 6).

Таблица 6

Мужской род	<i>-тель, -чик, -анин</i>
Женский род	<i>-к(а), -ниц(а), -щиц(а)</i>
Значение деятельности	<i>-тель, -чик, -к, -ец, -ик</i>
Предмет, предназначенный для чего-либо	<i>-ник, -к</i>
Принадлежность к какой-либо территории	<i>-ец, -ин, -анин</i>
Характеристика лица по какому-либо признаку	<i>-ец</i>

При этом образование форм женского рода от существительных мужского рода происходит не произвольным образом, а в соответствии с правилами. На основании этого можно выделить соответственно ряд пар (см. табл. 7).

Таблица 7

<i>-тель</i>	<i>-ниц(а)</i>	<i>-ник</i>	<i>-ниц(а)</i>
<i>-чик</i>	<i>-щиц(а)</i>	<i>-анин</i>	<i>-к(а)</i>
<i>-ец</i>	<i>-к(а), -щиц(а)</i>	<i>-ин</i>	<i>-к(а)</i>

Соотношение частоты употребления существительных с рассмотренными суффиксами в НКРЯ и в текстах учебника «Поехали!-2» демонстрирует нам малую вариативность иллюстративного материала учебника, овладение языковой компетенцией распознавания словообразовательных моделей в итоге превращается в самостоятельную работу обучающихся. Полагаем, что в учебниках должен быть представлен более разнообразный материал для анализа, с системным подходом к обучению. Для эффективного овладения языком представляется важным уже на начальной стадии изучения языка уделять особое внимание вопросам не только грамматики, но и словообразования.

Список литературы

1. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. М. – СПб.: Златоуст, 2001. 32 с.
2. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.08.2014).
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1994. 944 с.
4. Тихонов А. Н. Морфемно-орфографический словарь: Около 100 000 слов. М.: АСТ: Астрель, 2002. 704 с.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986. Т. 1–4.
6. Чернышов С. Поехали!-2. Русский язык для взрослых. Базовый курс в 2 т. М. – СПб.: Златоуст, 2014. 280 с.

7. Ant Conc. URL: [http:// www.antlab.sci.waseda.ac.jp/software.html](http://www.antlab.sci.waseda.ac.jp/software.html). (дата обращения: 15.08. 2014).

8. Review detector. URL: [http://www.reviewdetector.ru/index.php? showtopic=581799&st=20](http://www.reviewdetector.ru/index.php?showtopic=581799&st=20) (дата обращения: 15.08. 2014).

УДК 378.14
ББК 74.58

Г. В. Глинкина
г. Красноярск (Россия)

Структурирование знаний студентов как способ повышения качества филологического образования

В статье раскрывается актуальность развития у студентов филологических факультетов педагогических вузов умения структурировать знания, которое обеспечивает повышение качества филологического образования. Приводятся примеры способов развития данного умения с помощью применения логических операций с понятиями и посредством разработки современного дидактического инструментария познания.

Ключевые слова: *логические операции, сборник понятий, система знаний, современный дидактический инструментарий познания, структурирование знаний, универсальные учебные действия, филологическое образование.*

G. V. Glinkina
Krasnoyarsk (Russia)

Structuring of Students' Knowledge as a Way to Improve Quality of Philological Education

The paper substantiates the importance of developing the skill of structuring knowledge among students of philological departments at pedagogical institutes of higher education for improving quality of philological education. It gives some examples of how this skill can be developed by means of logical operations with concepts and by creating a modern didactical set of cognitive tools.

Key words: *logical operations, collection of concepts, knowledge system, modern didactical set of cognitive tools, structuring of knowledge, universal learning actions, philological education.*

Филология, с точки зрения языкознания, – содружество гуманитарных дисциплин (языкознания, литературоведения, текстологии, источниковедения, палеографии и др.), изучающих духовную культуру человека через языковой и стилистический анализ письменных текстов [9, с. 544], в профессиональной педагогике филология – совокупность наук, изучающих письменные памятники, тексты, по которым можно описать язык и литературу того или иного народа [1, с. 363]. В связи с этим филологическое образование принято рассматривать как систему подготовки специалистов по языкам и литературам: лингвистов, литературоведов, преподавателей и учителей, переводчиков [7]. Основы филологического образования закладываются на ступени школьного обучения, где учащиеся усваивают основные понятия (единицы языка, словесные образы, литературные жанры, стили, тексты и т. п.) и их виды, изучают конкретные художественные произведения русской и зарубежной литературы, овладевают специальными умениями, направленными на решение одной из главных человеческих задач – понять другого человека (и другую культуру, и другую эпоху) [9, с. 544]. Более глубокое филологическое образование, базирующееся на знаниях школьной программы, осуществляется в высших учебных заведениях педагогической и специальной направленности. В период внедрения ФГОС нового поколения, где дисциплине «Русский язык» отводится ведущая роль, т. к. она не только считается предметом изучения, но и является средством познания других учебных дисциплин и «орудием» педагогов – средством обучения [8, с. 8], требуется качественная профессиональная подготовка специалистов в данной области. Выпускники учреждений высшего педагогического образования должны обладать умением структурировать предметное содержание изучаемых филологических дисциплин, которое, в свою очередь, обеспечит и структурированные знания – качество филологического образова-

ния. Актуальность развития у будущих педагогов данного умения обусловлена ещё и требованием ФГОС формировать у учащихся такое же универсальное учебное действие (УУД) [8, с. 60], а для этого ещё на ступени профессионального образования им необходимо осознать сущность структурирования, овладеть приёмами и средствами развития у учащихся данного умения.

Исследуя сущность структурирования знаний, удалось прийти к выводу, что не совсем оправданно данное умение в общей системе УУД указано в качестве общеучебного познавательного действия, т. к. под структурированием в его широком смысле понимается процесс преобразования предметов, информации, материалов и т. п. на основе установления каких-либо связей с целью улучшения качества или создания благоприятных условий для их развития и применения. Структурирование знаний как универсальное учебное действие необходимо рассматривать как умение, применение которого обеспечит их преобразование посредством приведения в определённую систему на основе установления логических связей (родо-видовых, структурных, причинно-следственных и т. п.) между дидактическими единицами (понятиями, теориями, законами и др.). Следовательно, процесс структурирования знаний невозможен без логических оснований: применения законов логики, операций с понятиями (определения, деления, обобщения, ограничения) и логических приёмов (анализа, синтеза, сравнение), поэтому умение структурировать знания следовало бы отнести в группу логических универсальных действий [4, с. 24]. Однако, не зависимо от того, в какой группе познавательных УУД указано умение структурировать знания, учитель-филолог (как и другие предметники) должен будет формировать данное умение на предметном материале преподаваемых дисциплин.

Как показали результаты исследований на ступени повышения квалификации, учителя испытывают ряд затруднений как при формулировании сущности структурирования в общем его понимании и структурирования предметного содержания в частности, так и при заполнении анкет, изучающих профессиональные умения педагогов в области развития у учащихся данного умения. Указанная проблема обусловлена также и отсутствием в перечне дисциплин педагогических специальностей Госстандартов вузов (в частности, по специальностям «Теория и методика начального обучения», «Русский язык и литература») такой дисциплины, как логика, являющейся важной для подготовки будущих учителей начальных классов и учителей-филологов, т. к. логические действия как вид познавательных умений составляют основную группу универсальных учебных действий [2, с. 160]. В некоторых вузах эта проблема компенсируется введением спецкурса «Логика», но чаще всего он является спецкурсом по выбору, поэтому не все студенты овладевают логическими знаниями и умениями, актуальность которых очень высока в условиях введения ФГОС.

Педагоги, работающие в школах, восполняют пробелы в исследуемой области профессиональных знаний и умений в процессе повышения квалификации, но обсуждаемая проблема наиболее успешно может быть решена на ступени профессионального филологического образования. Для поиска путей решения данной проблемы был проведён анализ содержания Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по специальности «Русский язык и литература», где предусматривается изучение общепрофессиональных и факультативных дисциплин, а также дисциплин предметной подготовки [6]. Без сомнения, указанные дисциплины должны изучаться таким образом, чтобы знания будущих специалистов в области филологии (т. е. системообразующие знания специальности «Русский язык и литература») были структурированными. Анализ стандарта позволил выявить, что база для развития у студентов умения структурировать знания и усвоения дидактических средств формирования данного умения у учащихся в процессе профессиональной деятельности создаётся посредством включения в учебный план такой инвариантной учебной дисциплины, как «Философия», включающей важные для будущих педагогов темы: «Рациональное и иррациональное в познавательной деятельности. Действительность, мышление, логика и язык. Научное и вненаучное знание. Структура научного познания, его методы и формы» [6]. Это является несомненным достоинством содержания дисциплины, но указанные темы должны изучаться не формально, а таким образом, чтобы студенты увидели область применения знаний по этим темам в учебном процессе и конкретно в области филологических дисциплин [2, с. 160]. Аналогично и с курсом общепрофессиональной

дисциплины «Психология», в которую включены темы «Память. Мышление. Мышление и речь. Понятие учебной деятельности» [6], которые также в совокупности с философскими темами (тем более, что есть общие темы) создают основу умения структурировать знания.

Философия, психология, педагогика не должны изучаться обособленно, преподавателям вузов необходимо показать практическую интеграцию этих наук в учебный процесс: каким образом категории философии, законы логики и диалектики «работают» в филологических науках как знания о сущности и механизмах памяти, мышления и речи помогают структурированно усваивать содержание любой дисциплины.

Последующий анализ содержания дисциплин филологической направленности («Теория языка», «Современный русский литературный язык», «Филологический анализ текста», «Литературоведение» и т. п.) [6] показал, что их изучение предусматривает не только усвоение знаний о структурных и функциональных особенностях базовых понятий (звук, буква, морфема, слово, словосочетание, предложение – единицы языка, которые составляют «скелет языкознания»; словесные образы (тропы и фигуры), литературные направления и течения, виды жанров и стилей, основы стихосложения – понятия, дающие возможность постигать литературоведческую теорию), но и знакомство с конкретными текстами, созданными в различные эпохи развития человечества и отражающими особенности развития культуры. Каждая учебная дисциплина представляет собой систему понятий, которые должны быть усвоены студентами и перейти в статус системы знаний, но знания только в том случае будут системными и осознанно усвоенными, если они будут структурированы на основе логических связей. Формирование у студентов умения структурировать знания в области филологических наук можно осуществлять на всех этапах обучения и различными средствами. Целесообразно начинать осваивать приёмы структурирования при работе с содержанием (определением) филологических понятий. Для этого необходимо осознать сущность определения – логической операции, отображающей в нашем сознании совокупность свойств, признаков и отношений предметов, ядром которой являются отличительные существенные свойства, признаки и отношения [4, с. 27; 5, с. 17], овладеть умениями анализировать определения в учебниках и справочниках с точки зрения их структуры, истинности, функции, конструировать определения, выделяя их обязательные структурные компоненты (родовой и видовые признаки). Развитие данного умения у студентов актуально ещё и потому, что вузовские учебники (а ещё в большей степени школьные), к сожалению, пока далеки от совершенства и допускают нарушение логических правил определения понятий. Но этот недостаток можно использовать для анализа определений студентами и, при необходимости, их преобразования [4, с. 166; 5, с. 143].

Вторая важная для структурирования логическая операция – деление понятий (классификация), заключающееся в установлении множества (класса) предметов, каждому из которых принадлежат признаки, отражённые в содержании понятия [5, с. 18; 4, с. 22]. Использование заданий для студентов на развитие умения делить понятия обеспечивает развитие способности устанавливать объём филологических понятий, выстраивать их полную классификацию, где с необходимостью применяется структурирование знаний, устанавливающее различные логические связи между понятиями (родо-видовые, структурные, причинно-следственные). Уникальный приём структурирования, использующий операции определения и деления понятий, – построение логической схемы (классификации), которая в большей степени демонстрирует родо-видовые отношения [3, с. 122; 4, с. 171; 5, с. 56].

С целью структурирования предметного содержания, формирования у обучаемых (учащихся школ, студентов, слушателей курсов) системных знаний и умения структурировать знания в теории и технологии способа диалектического обучения (авторы: А. И. Гончарук, В. Л. Зорина) создан такой современный дидактический инструментальный познания, как сборник понятий [2, с. 161; 3, с. 72, 118, 124; 4, с. 22, 27; 5, с. 17, 22], разработанный на основе структуры самого понятия и отражающий единство противоположностей (содержание понятия и его объём), что позволяет раскрыть систему понятий (знаний) по любой теме. Сборник понятий разрабатывается на основе применения основных логических операций (определение и деление понятий) с опорой на различные издания и составляется в табличной форме (Таблица 1), графы которой соответствуют структуре понятия.

Структура сборника понятий

№	Понятие	Содержание понятия	Объём понятия

Для разработки сборника понятий применяется определённый алгоритм действий [2, с. 161; 3, с. 74; 4, с. 23; 5, с. 18]. Сначала выбирается базовое понятие учебной дисциплины (например, *предложение*). Далее подбирается разнообразная литература (учебная, справочная), содержащая информацию о данном понятии. Найденные в пособиях определения вносятся в графу «Содержание понятия», причём рекомендуется использовать разные виды определений одного и того же понятия (структурное, генетическое, функциональное), а также определения, отражающие различные подходы к изучению понятия или различные взгляды ученых в его историческом развитии.

Работа с графой «Объём понятия» строится следующим образом: сначала для установления объёма исследуемого понятия необходимо выписать все обнаруженные его виды, затем установить их родо-видовые отношения, выявив критерии (основания деления). Обязательным требованием является соблюдение логических правил деления понятия. Результат деления вносится в графу «Объём понятия» с использованием двойной нумерации: римские цифры указывают основания деления, арабские – виды, т. е. члены деления. Следующее понятие (например, *простое предложение*, а затем *сложное предложение*) выводится из объёма раскрытого (*предложение*), и все дальнейшие действия совершаются аналогично, пока не будут раскрыты все понятия (*распространённые и нераспространённые простые предложения, односоставные и двусоставные* и т. д.), составляющие объём базового понятия, приведены примеры единичных понятий (в данном случае – предложений).

Результат такой кропотливой работы с изучаемыми понятиями – структурированные знания. Описанный инструментарий с филологическим содержанием разработан и опубликован в различных пособиях по темам: «Имя существительное», «Имя прилагательное», «Морфемы», «Предложение», «Сказуемое», «Текст» [3; 4; 5]. К сожалению, из-за большого объёма сборников они не могут быть представлены в данной статье. Указанные сборники понятий могут служить студентам примером способа структурирования филологических знаний для самостоятельной работы над предметным содержанием изучаемых дисциплин, что обеспечит и повышение качества филологического образования.

Список литературы

1. Вишнякова С. М. Профессиональное образование: Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. М.: НМЦ СПО, 1999. 538 с.
2. Глинкина Г. В. Овладение умением структурировать предметное содержание изучаемых дисциплин как важная компетентность будущих учителей // Наука и культура России: матер. X Междун. науч.-пр. конф., (2013 г.) Том 1. Самара: СамГУПС, 2013. 220 с. С. 159–162.
3. Глинкина Г. В. Подготовка учителя к формированию у учащихся системных знаний. Germany, Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 232 с.
4. Глинкина Г. В., Зорина В. Л. Структурирование предметного содержания средствами Способа диалектического обучения: предложение в русском и иностранных языках. Красноярск: ККИПКиППРО, 2014. 215 с.
5. Глинкина Г. В., Мартынец М. С. Структурирование предметного содержания на примере темы «Сказуемое в русском и иностранных языках». Germany, Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 256 с.
6. ГОСТ высшего профессионального образования. Специальность 032900 «Русский язык и литература». URL: <http://www.mpgu.edu>. (дата обращения: 02.01. 2013).
7. Филологическое образование // Яндекс. Словари. БСЭ 1969 1078. URL: <http://www.slovari.yandex.ru/> (дата обращения: 29.07. 2014)
8. Фундаментальное ядро содержания общего образования. М.: Просвещение, 2011. 79 с.
9. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 688 с.

Формирование у школьников познавательных УУД при обучении разным видам чтения учебно-научных текстов на уроках русского языка

В статье описаны виды чтения: изучающее, ознакомительное, просмотровое. Обоснована необходимость обучения разным видам чтения на уроках русского языка. Представлены познавательные УУД и задания, развивающие их в разных видах чтения.

Ключевые слова: *познавательные УУД, ознакомительное, просмотровое, изучающее чтение.*

Е. А. Vasileva
Chita (Russia)

Developing cognitive study skills through reading educational scientific texts at the lessons of the Russian language

The article deals with developing reading skills: skimming, scanning and intensive reading. Special attention is given to main concepts of teaching various reading skills at the lesson of the Russian Language and to examples of educational exercises for developing study skills through different reading techniques.

Key words: *study skills, skimming, scanning, intensive reading.*

Чтение – один из видов речевой деятельности. Оно заключается в «переводе буквенного кода в звуковую, который проявляется либо во внешней, либо во внутренней речи» [1, с. 270]. С помощью чтения человек реализует возможности опосредованного общения: восприятие и понимание текста свидетельствуют о взаимодействии читателя с автором текста, о сложных мыслительных процессах, сопровождающих его сознание.

Формирование познавательных УУД на уроках русского языка при чтении учебно-научных текстов важно для того, чтобы учащиеся знали, что такое научный текст, типы научных текстов, средства выделения в научных текстах основной и второстепенной информации; умели ставить цель чтения и выделять главное, соотносить прочитанное с поставленной целью, осуществлять поиск необходимой информации и систематизировать информацию, полученную из прочитанного текста.

Восприятие учебно-научного текста и активная переработка информации – основные компоненты чтения. Следовательно, обучение чтению как одному из видов речевой деятельности должно заключаться в обучении приемам восприятия и смысловой переработке. Это – важнейшая учебная задача, которую должен решать учитель русского языка.

Если учитель ставит задачу побудить учащихся к поиску необходимой информации, к пополнению знаний (познавательная функция), то она может быть конкретизирована в следующих типах заданий:

- прочитать текст и определить, сколько условий выбора орфограммы указано в правиле;
- прочитать текст и ответить на вопросы;
- прочитать и вспомнить, что о прочитанном было известно ранее, осознать, что нового узнали;
- восстановить текст по памяти;
- прочитать учебно-научный текст, уяснить, в какой мере достигнута цель чтения [2].

Выполняя подобные задания, ученики должны действовать по-разному: либо как можно более полно понять текст, либо уяснить основное содержание читаемого, не заостряя внимания на второстепенных признаках описанных явлений, на том, что не имеет прямого отношения к достижению цели чтения [1].

Таким образом, в процессе чтения учебно-научных текстов реализуются разные виды чтения. И каждый из них формирует у школьников познавательные УУД (целеполагание, умение отбирать нужную информацию и систематизировать информацию текста).

Выделяют три вида чтения: изучающее, ознакомительное, просмотровое. В основе этой классификации лежит характер предполагаемого использования извлечённой из учебно-научного текста информации.

Если требуется максимально полное и точное понимание содержащейся в тексте информации, то читающий должен как можно полнее охватить все содержание текста, вникнуть в смысл каждого из его элементов. Одним из основных приемов, способствующих достижению этой цели, является постановка вопросов либо после прочтения текста школьниками, либо до прочтения (предварительные вопросы). Учитель должен научить школьников читать текст так, чтобы по ходу чтения они ставили перед собой вопросы, отражающие познавательную сущность текста, и с их помощью осознавали его логическую структуру, выделив в нём главное. Например, учитель читает вслух текст, делая остановки, во время которых он обращается к классу с вопросами. В последующем учащимся предлагается самостоятельно ставить вопросы после прочтения определенной части текста или после прочтения текста в целом. Эти приёмы реализуются учащимися в процессе работы с текстами параграфов, в которых излагается материал, разъясняются факты и явления лингвистического характера, излагаются правила. Такой вид чтения называется *изучающим* [1]. Он развивает у учащихся умение формулировать цель перед чтением текста.

Если перед читающим ставится задача получить самое общее представление о содержании текста в общих чертах, то такой вид чтения называется *просмотровым*. Чтобы сформировать умения данного вида чтения, необходимо в процессе чтения научить школьников анализировать заголовок текста (название параграфа), соотносить текстовый материал с невербальной информацией (таблицы, схемы), осмысливать способы обобщения сказанного в конце текста [1]. Это и есть познавательные УУД – *систематизация знаний*, т. е. умение перерабатывать и преобразовывать информацию из одной формы в другую (составлять план, таблицу, схему), осуществлять анализ и синтез научного текста.

И, наконец, *ознакомительное* чтение – это быстрый вид чтения, задачей которого является понимание основных идей каждого абзаца и текста в целом. Оно базируется на приемах общего охвата содержания, видеть ключевые, несущую, основную нагрузку слова. Приемы ознакомительного чтения реализуются в работе с текстами упражнений, содержание которых тесно связано с теоретической частью параграфа [1]. Это познавательные УУД, формирующие умение извлекать информацию, представленную в разных формах (сплошной текст; несплошной текст – иллюстрация, таблица, схема), отличать основную мысль от второстепенной (не главной).

Поэтому при чтении текста учащийся должен знать, с какой целью он читает, и, осознав эти цели и задачи, прочитать текст, используя приемы одного из названных видов чтения. Все это говорит о том, что надо учить не чтению вообще, а тому или иному виду чтения, что предполагает обучение различным приёмам осмысления текста, решению определенных мыслительных задач в процессе его восприятия.

Умение грамотно читать обеспечивает формирование и других речевых умений, создает необходимую базу для обучения школьников написанию изложений и сочинений, рефератов, конспектов, аннотаций.

Список литературы

1. Баранов М. Т., Ладыженская Т. А., Львов М. Р. Методика формирования русского языка в школе: учебник для студ. выс. пед. учеб. заведений / под ред. М. Т. Баранова. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 368 с.
2. Ладыженская Т. А. Школьная риторика: 5 класс: учебное пособие для общеобразовательной школы. В 2 ч. М.: С-инфо; Баласс, 1999. 160 с.
3. Ладыженская Т. А. Школьная риторика: 6 класс: учебное пособие для общеобразовательной школы. В 2 ч. М.: С-инфо; Баласс, 1999. 160 с.

К вопросу о теоретических основах формирования культуроведческой компетенции школьников при изучении фразеологизмов

На основе анализа целей обучения, данных в ФГОС основного общего образования, автор статьи выявляет, каковы требования к содержанию работы по формированию культуроведческой компетенции при изучении фразеологизмов. Статья содержит краткий обзор направлений исследования национально-культурной специфики данных языковых единиц в лингвистике и лингводидактике. Автор обосновывает ту точку зрения, что в основе методики формирования культуроведческой компетенции школьников при изучении фразеологизмов может лежать обучение школьников осмыслению и пониманию национально-культурной специфики данных языковых единиц на уровнях языкового менталитета.

Ключевые слова: *культуроведческая компетенция, фразеологизмы, ФГОС основного общего образования, материальная культура русского народа, духовная культура русского народа, русская история, языковой менталитет, языковая личность.*

N. V. Vasilyeva
Chita (Russia)

To the question about the theoretical foundations of cultural competence of the pupils in the study of phraseological units

The author of the article reveals, what are the requirements to the contents of the work on developing the cultural competence of the pupils in the study of phraseologisms, based on the analysis of learning objectives, which are in the Federal state educational standard for basic general education. The article contains the brief review of the approaches of research of the national-cultural peculiarity of phraseological units in linguistics and the methods of teaching the Russian language. The author asserts the point of view that teaching pupils understanding of the national-cultural peculiarity of phraseological units at the levels of language mentality may be in base of the method of developing the cultural competence in the study of phraseological units.

Key words: *cultural competence, phraseologisms, Federal state educational standard for basic general education, the material culture of the Russian people, the spiritual culture of the Russian people, Russian history, language mentality, language personality.*

В настоящее время среди всех предметных компетенций, формированию которых должна быть посвящена деятельность учителя русского языка, культуроведческой компетенции в школьной практике уделяется менее всего внимания. Это, однако, не умаляет значимости поиска оптимальных методик формирования данной компетенции. Особый интерес представляет, в частности, изучение национально-культурной специфики фразеологизмов как языковых единиц, культурная коннотация которых наиболее хорошо исследована в лингвистике и проявляется с помощью большего количества способов, чем, например, в слове. Рассмотрим, какие цели обучения в аспекте формирования культуроведческой компетенции учащихся при изучении фразеологизмов ставят перед нами современные нормативные документы.

Согласно Фундаментальному ядру содержания общего образования обучение русскому языку при формировании культуроведческой компетенции должно быть направлено, помимо иных целей, на формирование у школьников знаний о «взаимосвязи языка и культуры» [7, с. 12–13]. Данная цель уточнена в ФГОС второго поколения [6] и Примерной программе по русскому языку для 5 – 9 классов [5], где целью обучения русскому языку при формировании культуроведческой компетенции школьников названо «воспитание уважения к родному языку, сознательного отношения к нему как к явлению культуры; осмысление родного языка как <...> средства освоения морально-этических норм, принятых в обществе» [5, с. 4].

В названных выше документах определено содержание, обеспечивающее формирование культуроведческой компетенции при обучении русскому языку, которое включает знания о вза-

имосвязи языка и истории, культуры народа [5, с. 17], об отражении во фразеологизмах материальной и духовной культуры русского народа [5, с. 28], умения выявлять единицы языка с национально-культурным компонентом значения [5, с. 17].

Таким образом, для того чтобы достичь целей, поставленных в ФГОС второго поколения, необходимо, как мы полагаем, разработать такую методику формирования культуроведческой компетенции при изучении фразеологизмов, которая бы позволила рассматривать национально-культурную специфику данных языковых единиц с точки зрения отражения в них а) материальной культуры русского народа; б) духовной культуры русского народа; в) русской истории.

Для разработки такой методики необходимо определить, какая концепция может послужить её лингвистическим и лингвокультурологическим фундаментом. Поэтому, прежде всего, рассмотрим, каким образом может отражаться во фразеологизмах русская культура и история.

Сегодня имеется немало количество работ, посвящённых исследованию национально-культурной специфики фразеологизмов. Один из наиболее полных, на наш взгляд, перечней подходов к изучению национально-культурной специфики фразеологических единиц представлен в работе В. И. Зимина, А. П. Василенко. К числу данных подходов учёные относят следующие:

- исследование в структуре фразеологизмов безэквивалентного строя лексики;
- этнофразеологические исследования;
- исследование тропеических (в том числе и метафорических) оснований внутренних форм фразеологических единиц;
- исследование фреймовой семантики;
- исследование языковой картины мира, данной в языковом сознании носителей языка;
- сопоставительный анализ фразеологических единиц русского и других языков [2, с. 58].

Исследования в рамках данных подходов проводятся на базе лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Рассмотрим, какие из этих подходов нашли отражение в теории и практике формирования культуроведческой компетенции школьников при изучении фразеологизмов.

В лингводидактике при изучении национально-культурной специфики фразеологизмов в школьном курсе русского языка осуществляется работа в следующих направлениях:

- определение значения слов с культурными семами (безэквивалентной лексики) в составе фразеологизма (работы Л. И. Новиковой, Т. Ф. Новиковой, Г. В. Токарева и др.);
- изучение происхождения фразеологизмов, основанное на этнофразеологических исследованиях (работы Л. И. Новиковой, Т. Ф. Новиковой и др.);
- анализ того, как во фразеологизмах представлен тот или иной концепт (работы Н. А. Новосёловой, О. Н. Холодыревой, Н. П. Шульгиной и др.);
- исследование ценностных ориентаций народа, закреплённых во фразеологизме.

Каждое из этих направлений позволяет рассмотреть при обучении русскому языку аспект проявления национально-культурной специфики фразеологизмов, используя достижения лингвокультурологии или когнитивной лингвистики.

Мы считаем целесообразной разработку такой методики формирования культуроведческой компетенции при изучении фразеологизмов русского языка, которая позволила бы:

- а) синтезировать достижения лингвокультурологии и когнитивной лингвистики при исследовании национально-культурной специфики данных языковых единиц;
- б) формировать у школьников знания о способах проявления во фразеологизмах национально-культурной специфики в системе, представляющей в единстве и взаимосвязи особенности отражения во фразеологизмах материальной, духовной культуры русского народа и русской истории.

Синтез достижений лингвокультурологии и когнитивной лингвистики представляется нам возможным, поскольку, как указывала Е. А. Быстрова, в школьной практике допустимо использование «разных концепций, из которых отбираются <...> рациональные зерна, которые <...> обогащая традиционную теорию, не разрушают понятийно-терминологической системы школьного курса» [1, с. 12].

Изучение отражения во фразеологизмах материальной, духовной культуры русского народа и русской истории, по нашему мнению, возможно, если изучать национально-культурную специфику фразеологизмов русского языка в школе на уровнях, выделенных Т. Б. Радбилем в структуре языкового менталитета.

Т. Б. Радбиль определяет языковой менталитет как «национально-специфичный способ знакового представления знания о мире, системы ценностей и моделей поведения, воплощённый в семантической системе национального языка» [4, с. 66]. Разрабатывая модель языкового менталитета, учёный опирался на созданную Ю. Н. Карауловым модель языковой личности, вследствие чего возможно проследить взаимосвязь уровней языкового менталитета и уровней языковой личности. Рассмотрим подробнее, в чём заключается эта взаимосвязь и каковы возможности изучения национально-культурной специфики фразеологизмов на уровнях языкового менталитета.

Т. Б. Радбиль выделил в структуре языкового менталитета вербально-семантический, лингвокогнитивный, аксиологический и мотивационно-прагматический уровни [4]. Ю. Н. Караулов выделил в структуре языковой личности вербально-семантический, когнитивный и прагматический уровни [3].

Вербально-семантический уровень языкового менталитета у Т. Б. Радбиля представлен национально-культурными «конфигурациями смысла», выраженными в лексических, словообразовательных и грамматических особенностях языка [4, с. 68], вербально-семантический уровень языковой личности у Ю. Н. Караулова включает слова в грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических и ассоциативных отношениях, а также модели словосочетаний и предложений [3, с. 56].

Отметим, что на вербально-семантическом уровне возможно проследить, как отразились во фразеологизмах материальная, духовная культура русского народа и его история. При изучении национально-культурной специфики фразеологизмов на вербально-семантическом уровне возможно, на наш взгляд, использовать задания типа:

Как вы думаете, имеются ли в составе данного фразеологизма слова, которые отражают элементы русской культуры? Свою точку зрения обоснуйте.

Отражает ли происхождение данного фразеологизма элемент русской культуры / истории? Почему?

Лингвокогнитивный и аксиологический уровни у Т. Б. Радбиля соотносятся с когнитивным уровнем языковой личности у Ю. Н. Караулова, поскольку лингвокогнитивный уровень выражается в «ментальных репрезентациях, главной из которых является концепт» [4, с. 69], аксиологический уровень «воплощается в <...> совокупности ключевых ценностно значимых концептов <...> в языковых и экстралингвистических коннотациях» [4, с. 70], а когнитивный уровень языковой личности включает идеи и концепты [3, с. 56].

На этих уровнях возможно проследить отражение во фразеологизмах духовной культуры русского народа. При формировании культуроведческой компетенции учащихся, как мы полагаем, могут быть использованы задания типа:

С какими качествами характера соотносится образ волка в русской фразеологии? Какое отношение к волку зафиксировано в данных фразеологизмах?

Определите, какие ценностные ориентации русского народа отразились во фразеологизмах «вкладывать / вложить всю душу», «всеми фибрами <силами> души», «от [всей] души». Свою точку зрения обоснуйте.

Мотивационно-прагматический уровень языкового менталитета у Т. Б. Радбиля находит отражение в совокупности «жизненных установок, норм поведения <...> сфере типичных для данного этноса интенций, мотивов, целей, потребностей» [4, с. 71]. Прагматический уровень языковой личности у Ю. Н. Караулова включает деятельностно-коммуникативные потребности в различных сферах общения, коммуникативных ситуациях и коммуникативных ролях, а также образы (символы) прецедентных текстов культуры [3, с. 56].

На этом уровне возможно, на наш взгляд, использовать задания типа:

Определите, какой из приведённых фразеологизмов уместно употребить в данном тексте. Обоснуйте свою точку зрения.

Таким образом, изучение национально-культурной специфики фразеологизмов в соответствии, с одной стороны, с уровнями языкового менталитета, а с другой стороны, с уровнями языковой личности позволяет рассматривать особенности отражения материальной, духовной культуры русского народа, русской истории во фразеологизмах, что отвечает целям, поставленным

ным в ФГОС: систематизировать, упорядочить знания школьников о возможностях проявления национально-культурной специфики фразеологизмов русского языка; использовать в процессе обучения достижения как лингвокультурологии, так и когнитивной лингвистики.

Список литературы

1. Быстрова Е. А. Теоретические основы обучения русской фразеологии в национальной школе. М.: Педагогика, 1985. 136 с.
2. Зимин В. И., Василенко А. П. Основные подходы к изучению культурного содержания фразеологизмов русского языка // Русский язык в школе. 2010. № 2. С. 58–62.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: ЛКИ, 2010. 262 с.
4. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 328 с.
5. Примерные программы по учебным предметам. Русский язык. 5–9 классы: проект. 3-е изд., дораб. М.: Просвещение, 2011. 112 с. (Стандарты второго поколения).
6. ФГОС: Основное общее образование // Федеральный Государственный Образовательный стандарт. URL: <http://www.standart.edu.ru/attachment.aspx?id=447> (дата обращения: 14.04. 2013).
7. Фундаментальное ядро содержания общего образования / Рос. акад. наук, Рос. акад. образования; под ред. В. В. Козлова, А. М. Кондакова. 4-е изд., дораб. М.: Просвещение, 2011. 79 с. (Стандарты второго поколения).

УДК 371.26
ББК Ч 74

Л. В. Воронова
г. Чита (Россия)

Основы межкультурного образования средствами русского языка как иностранного и русского языка как неродного в полиэтническом трансграничном регионе

В данной статье рассматриваются основы межкультурного образования средствами русского языка как иностранного и русского языка как неродного. Анализируются усиливающие миграционные процессы в Забайкальском крае, в связи с чем высказывается мысль о необходимости развития, совершенствования в многонациональном поликультурном регионе русского языка как неродного, методики преподавания русского языка как неродного. Делается вывод о том, что только межкультурное образование может подготовить личность, способную к успешному межкультурному взаимодействию с представителями разных языковых, этнических, религиозных и социокультурных групп.

Ключевые слова: *межкультурное образование, полиэтничный Забайкальский край, русский язык как иностранный, русский язык как неродной.*

L. V. Voronova
Chita (Russia)

Bases of cross-cultural education by means of Russian as foreign and Russian as nonnative in the multiethnic cross-border region

In this article basics of cross-cultural education by means of Russian as foreign and Russian as nonnative are covered. Amplifying migratory processes in Zabaykalsky Krai in this connection the idea of need of development, improvement in the multinational polycultural region of Russian as nonnative, techniques of teaching of Russian as nonnative is introduced are analyzed. The conclusion that only cross-cultural education can prepare the personality capable to successful cross-cultural interaction with representatives of different language, ethnic, religious and sociocultural groups is drawn.

Key words: *cross-cultural education, multiethnic Zabaykalsky Krai, Russian as foreign, Russian as nonnative.*

В XXI веке мировой социум заполнили миграционные и интеграционные процессы. В 1990-х годах Россия по величине миграционного прироста уступала лишь США и Германии. В настоящее время в России отмечается значительный приток мигрантов. По данным ФМС

России, наибольшее представительство среди работающих в России трудовых мигрантов в 2008 году имели граждане Узбекистана, Таджикистана, Украины, Киргизии, Молдавии, Армении, Азербайджана. Из стран дальнего зарубежья среди иностранных работников преобладают граждане Китая, Турции, Вьетнама, КНДР, Сербии и Черногории.

Забайкалье является полиэтническим регионом, в котором проживает 134 национальности: русские, буряты, белорусы, украинцы, поляки, татары, евреи, немцы, корейцы, китайцы, вьетнамцы, представители кавказских и прибалтийских народов и т. д., действуют 12 этнических диаспор, 111 религиозных организаций. В 2013 г. и первой половине 2014 г. в Забайкальском крае значительно вырос поток мигрантов из стран СНГ, желающих найти работу или остаться на постоянное место жительства – получить гражданство РФ. Как показала практика проведения государственного тестирования по русскому языку в ЗабГУ, наибольший процент мигрантов составляют граждане Узбекистана, Азербайджана, Армении. А. С. Трухин, Д. Г. Ковыльченко в статье «Координирующая роль прокурора в противодействии незаконной миграции, экстремизму и правонарушениям в сфере федеральной безопасности» отмечают, что «ежегодно российскую границу в 8 международных пунктах пропуска на территории края пересекают до 400 тыс. иностранных граждан. В Забайкалье остаются свыше 65 тыс. мигрантов в основном для трудоустройства в строительной и лесной сферах, преимущественно граждан стран СНГ (52 %) и КНР (44 %)» [3]. Вследствие чего авторы статьи не исключают образования на территории края крупных этнических анклавов.

В настоящее время в методике преподавания русского языка ярко обозначились три направления: методика преподавания русского языка (школьная методика), методика преподавания русского языка как иностранного (РКИ) и методика преподавания русского языка как неродного (РКН). Т. М. Балыхина отмечает: «Методика обучения русскому языку как неродному в новых геополитических условиях только формируется, базируясь на наработках теории обучения (и воспитания) русскому языку как иностранному, русскому языку в национальной школе» [1, с. 4].

Все эти обстоятельства приводят к необходимости развития, совершенствования РКН, методики преподавания РКН в трансграничном многонациональном регионе.

На кафедре русского языка как иностранного (РКИ) факультета филологии и массовых коммуникаций такая работа уже ведётся. Так, в феврале 2014 года была проведена региональная площадка по апробации программ повышения квалификации преподавателей образовательных учреждений разных типов и видов по вопросам преподавания русского языка как неродного в условиях внедрения ФГОС ОО на основе использования учебно-методических комплексов «Инновационные подходы к преподаванию русского языка как неродного в условиях полиэтнической образовательной среды и внедрения ФГОС ОО» (координаторы региональной площадки – зав. кафедрой литературы В. А. Сергеева, зав. кафедрой РКИ Л. В. Воронова).

Нам думается, что пришло время для создания регионального научно-методического центра по подготовке учителей, преподавателей РКН; открытия для мигрантов-родителей и их детей семейных центров и клубов; организации вечерних курсов изучения русского языка для взрослых мигрантов; разработки программ бакалавриата, магистратуры по профилю «Русский язык как неродной». Также необходимо усилить работу регионального Центра социальной адаптации мигрантов и их детей.

Деятельность кафедры РКИ многогранна. Это обучение иностранных студентов на основных образовательных программах высшего профессионального образования: бакалавриат – магистратура – аспирантура; организация и проведение стажировок для студентов зарубежных вузов (включённое обучение); обучение русскому языку иностранных студентов всех факультетов университета; организация курсов русского языка как иностранного (начальный, средний, продвинутый этапы обучения), курсов русского языка для мигрантов, довузовского профильного обучения иностранцев; проведение Государственного тестирования иностранных граждан по русскому языку (по всем сертификационным уровням владения РКИ, для приёма в гражданство РФ, для приёма на работу в РФ (трудовые мигранты)); работа Центра русского языка и культуры; работа в Центрах русского языка и культуры под эгидой фонда «Русский мир» в вузах Китая – Маньчжурском институте университета Внутренней Монголии, Хулуьнбуирском институте, Цицикарском университете, Тяньцзиньском педагогическом университете, Шаньдунском институте технологии и бизнеса.

В связи с происходящими в лингводидактике изменениями (расширением понятий) появились термины «транснациональная и транскультурная коммуникативная компетенция», «межкультурная коммуникация» или «кросс-культурная коммуникация», «межкультурное обучение», «межкультурное образование».

Главным принципом организации учебного процесса на кафедре РКИ является обучение русскому языку через постижение культуры русского народа.

Авторы «Методики межкультурного образования средствами русского языка как иностранного» А. Л. Бердичевский, И. А. Гиниатуллин, И. П. Лысакова, Е. И. Пассов считают, что в настоящий момент уже можно говорить о посткоммуникативном этапе в методике преподавания иностранных языков (РКИ, РКН – Л. В.), о расширении целей образования. Результатом целей образования должна быть не столько коммуникативная, сколько межкультурная компетенция, формирование которой осуществляется в учебном процессе через межкультурное образование [2]. Содержанием межкультурного образования являются факты культуры, как своей собственной, так и страны изучаемого языка. Такой подход к языковому обучению говорит о необходимости формирования у иностранцев на современном этапе уже не коммуникативной, а межкультурной компетенции средствами русского языка как иностранного, русского языка как неродного.

Е. И. Пассов выделяет следующие уровни межкультурной компетенции:

- 1) когнитивный – владение знаниями об общностях и различиях в ценностях, нормах и образцах поведения в контактируемых культурах;
- 2) аффективный – владение умением вставать на позицию партнёра по межкультурному общению и идентифицировать возможный конфликт как обусловленный ценностями и нормами его культуры;
- 3) коммуникативно-поведенческий – владение умениями осуществлять конкретные действия в межкультурной ситуации [2, с. 8].

Суть межкультурного образования состоит в «обучении понимания чужого» и толерантного отношения к «чужому», в обучении взаимопониманию представителей различных культур в процессе общения и социокультурного взаимодействия.

Е. И. Пассов справедливо полагает, что «целью межкультурного образования является духовное совершенствование учащихся, студентов на базе новой культуры в её диалоге с родной» [2, с. 11].

Переход к межкультурному образованию требует изменения всей системы обучения РКИ, РКН. Изменения должны коснуться целей, задач, содержания, методов, принципов, средств, приёмов и форм обучения. В настоящее время созрела насущная необходимость в создании учебников нового поколения по русскому языку как иностранному, русскому языку как неродному, направленных на формирование у иностранных учащихся межкультурной компетенции.

Мы считаем, что при обучении всех категорий иностранных граждан русскому языку, можно представлять модель культуры носителей языка в образовательном процессе через произведения данной конкретной культуры. Такими произведениями являются: фотографии, иллюстрации, плакаты, схемы, рисунки, афиши, программы, билеты, бланки, меню, проспекты, рекламная продукция и т. п.; кинофильмы; предметы изобразительного искусства – репродукции картин, скульптур; художественная, публицистическая, научная литература; СМИ – телевидение, радио, Интернет, газеты, журналы; энциклопедии, справочники, планы, карты, путеводители и т. д.

В процессе изучения русского языка через культуру русского этноса иностранные учащиеся должны научиться правильно воспринимать факты инокультуры, уметь сравнивать свою и «чужую» культуры, видеть отличия. При этом в случае неприятия каких-либо фактов инокультуры толерантно относиться к ним, уметь адекватно вести себя в ситуациях межсоциокультурного взаимодействия.

В качестве конфликтных межкультурных ситуаций можно выделить культурные различия в следующих аспектах коммуникации: *вербальной* (лексика (в том числе безэквивалентная), тематика, социальное значение понятий в разных культурах, неодинаковое использование речевых актов, например, актов приветствия и прощания, благодарности и извинения в разных культурах); *невербальной* (различия в проксемике, телодвижениях, жестах, мимике); *паравербальной* (громкость речи, правила очередности общающихся, различия в модуляции голоса, например, при произнесении вопросительных и повествовательных предложений в разных языках).

Таким образом, в качестве компонентов содержания межкультурного образования можно выделить различные факты культуры: лексику, темы, ситуации, грамматические конструкции – речевые образцы и тексты, раскрывающие национальное своеобразие этноса; этический и эстетический компоненты, стереотипный компонент – сложившиеся стереотипы о культуре своей страны и страны изучаемого языка и рефлексивно личностный компонент – изменение у учащегося представлений, стереотипов о культуре страны изучаемого языка вследствие межкультурного образования.

В связи с вышеизложенным в систему межкультурного образования средствами русского языка как иностранного и русского языка как неродного мы можем включить:

– *цель* межкультурного образования – подготовка к контакту с другой культурой, т. е. формирование межкультурной компетенции;

– *содержание* межкультурного образования: факты культуры страны изучаемого языка в сравнении с родной;

– *единицы образования*: релевантные для межкультурного контакта тексты-дискурсы – связанные тексты в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами;

– *средства образования*: национальные варианты межкультурных учебников и мультимедийных средств (УМК), разработанные представителями других культур [2, с. 16–17].

Итак, главной миссией межкультурного образования в поликультурном социуме, как мы полагаем, является подготовка человека нового сообщества (формирование вторичной языковой личности), способного к успешному межкультурному взаимодействию с представителями разных языковых, этнических, религиозных и социокультурных групп.

Список литературы

1. Балыхина Т. М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового): учебное пособие. М.: Изд-во РУДН, 2007. 185 с.
2. Методика межкультурного образования средствами русского языка как иностранного. Книга для преподавателя / под ред. проф. А. Л. Бердичевского. М.: Русский язык. Курсы, 2011. 184 с.
3. Трухин А. С., Ковыльченко Д. Г. Координирующая роль прокуроров в противодействии незаконной миграции, экстремизму и правонарушениям в сфере федеральной безопасности. URL: <http://www.prokuratura.chita.ru/press-service/?id=42> (дата обращения: 08.07. 2014 г.).

УДК 378
ББК Ч 48

В. Н. Дмитриева
г. Чита (Россия)

Роль дискурсного подхода в личностно-профессиональном становлении студентов – будущих учителей русского языка и литературы

Дискурсный подход рассматривается в статье с позиций методологии современного образования, ориентированной на гуманитаризацию и антропологизацию процесса профессиональной подготовки учителей, вообще специалистов, и вводящего в область педагогической науки и практики понятия герменевтики – «текст», «интерпретация», «понимание», «диалог», «смысл». На стыке психологии и педагогики с филологией и эстетикой автор обнаруживает в дискурсном подходе, апеллирующем к речи, тексту, нарративу как ценностным поступкам, основания интеграции личностного и профессионального становления студентов – будущих учителей русского языка и литературы.

Ключевые слова: *дискурсный подход, личностно-профессиональное становление, студент – будущий учитель, учитель русского языка и литературы, текст, смысл, диалог, понимание.*

The role of the discursive approach in personal and professional development of students – future teachers of Russian Language and Literature

Discursive approach is considered in the article from the standpoint of the methodology of modern education. It assumes humanitarization and anthropologization of training of teachers, professionals generally, and introduces concepts of hermeneutics («text», «interpretation», «understanding», «dialogue», «meaning») in the area of pedagogical science and practice. The author discovers the basis of integration of personal and professional development of students – future teachers of Russian language and literature at the intersection of psychology and pedagogy with philology and aesthetics in the discursive approach, which appeals to speech, text, narrative as value acts.

Key words: *discursive approach, personal and professional development, student – future teacher, teacher of Russian language and literature, text, meaning, dialogue, understanding.*

Педагогический дискурс в различных его аспектах на сегодняшний день стал объектом пристального внимания исследователей. Т. В. Ежовой изучаются условия построения гуманитарного педагогического дискурса в вузе, Б. В. Пеньковой и Н. В. Шеляхиной выявляются особенности дискурсивных практик в образовательном пространстве, С. В. Сорокиной осуществлен поиск оптимальных дискурсивных стратегий педагогического общения, В. И. Слуцкий рассматривает учебный дискурс как результат коммуникации, возникающей в процессе изучения учебной темы, и как результат фиксации процессов, происходящих в обучающей среде.

Будучи, как и герменевтический подход, концептуально связанным с гуманитаризацией и антропологизацией современной педагогической методологии, дискурсивный подход во многом коррелирует с принципами герменевтики, оперирующей такими категориями, как текст, интерпретация, диалог, ценности, смыслы. Это отчетливо видно из определений, которые педагогическому дискурсу дают Т. В. Ежова («объективно существующая динамическая система *ценностно-смысловой коммуникации* субъектов образовательного процесса») [3, с. 17] и В. И. Слуцкий («вербальный слепок с некоторых сторон процесса обучения», позволяющий «зафиксировать в *тексте интерпретацию* процессов, происходящих в учебной среде») [8, с. 35] (курсив – В. Д.).

Следовательно, осуществляя дискурсивный подход к образованию, педагог рассматривает входящие в круг его профессии явления не только в координатах физического пространства и времени, но, прежде всего, в измерении субъектно-человеческом. В связи с этим актуальность дискурсивного подхода видится в том, что он позволяет педагогам, по выражению В. К. Пичугиной, конструктивно взаимодействовать с «*ситуативно-субъектным человеком*» на пути к его «*предельному образу*», поскольку, словами Г. Б. Корнетова, каждый появляющийся на свет человек принципиально *не завершен*; кроме того, благодаря дискурсивному подходу в педагогике ставится вопрос «о подготовке профессионала, имеющего *целостный* взгляд на себя и свою профессию» [5, с. 25] [4, с. 43] (курсив – В. Д.; выделены категории, соотносимые с характеристикой процесса личностного становления).

Соответственно, осуществление дискурсивного подхода в его антропологическом аспекте актуализирует принцип холизма (целостности) применительно к процессу личностно-профессионального становления студентов – будущих педагогов. Это утверждение опирается также на мысль В. И. Слободчикова о «*суммировании акцентных антропологий*» (педагогической, культурологической, философской и т. д.) в современной методологии образования [7, с. 12].

Из приведенных выше положений логически вытекает значимый вывод: дискурсивный подход стимулирует интерес педагога не только и не столько к личности учащегося как заранее заданному образцу, а к самому процессу личностного становления в связи с тем, что в нем, перефразируя И. Я. Брачули, фиксируются внутренние вибрации человеческого бытия в изменчивой среде [2, с. 130]. На наш взгляд, это свидетельствует о достаточном соответствии дискурсивного подхода самому феномену «личность», поскольку личность есть одновременно и интенция, подразумевающая процесс становления, и предполагаемый результат, ориентированный на идеал.

Из филологии и других гуманитарных наук, переживших в XX в. «нарративный поворот» (J. Brockmeier, R. Harre), в педагогику пришел термин «*нарратив*». Как отмечает В. К. Пичугина,

нарратив в современной педагогике понимается как форма дискурса, позволяющая «реконструировать и репрезентировать прошлый опыт *для себя* и для других» (D. Schiffrin) и «наделять человеческое существование особой *открытостью* и *пластичностью*» (J. Brockmeier, R. Harre) [6] (курсив В. Н. Дмитриевой; выделены категории и понятия, раскрывающие закономерности становления личностных ценностей и смыслов). Связь требований к подготовке учителя с требованиями к его личностной культуре отчетливо проявляется в том, что педагогический дискурс в значении «нарратив» служит способом понимания педагогической реальности «как речевой реальности через идентичность говорящего, которая, по мнению Ю. Хабермаса, представляет собой «длящуюся проблемность», постоянно побуждающую к объяснению». В итоге обращение к «документам души» (термин В. Г. Безрогова) перемещает акцент с человека на говорящего человека, «оберегающего ценность своего детства в современном мультикультурном мире» (В. К. Пичугина) [6]. Здесь в одной «точке» соединяются герменевтический (через категорию «понимание»), культурно-исторический (через указание на понятие идентичности и феномен мультикультурного мира) и психолого-педагогический (через понятие «ценность детства») аспекты дискурсного подхода, владение которыми в равной мере является условиями и для профессионального, и для личностного становления учителя.

Добавим, что в более широком, философско-онтологическом понимании категория «дискурс», по В. К. Пичугиной, вписывается в парадигму «дискурс – деятельность – культура». Имея в виду, что включенный в парадигму «дискурс – речь – текст» дискурс по преимуществу вербализует *событие*, а в парадигме «дискурс – деятельность – культура» выполняет функцию вербализации *культурного смысла* [6], можно утверждать: овладевая в процессе профессиональной подготовки дискурсным подходом, студент – будущий учитель оказывается в условиях, создающих предпосылки для становления его личностной культуры, так как одним из важнейших механизмов в этом процессе является *осмысление* события (*со-бытия*).

Связующее звено между профессиональной и личностной подготовкой учителя обнаруживается также, если сравнить общегуманитарный подход к дискурсу с его педагогическим толкованием. По Т. К. Пичуевой, дискурс в гуманитарных науках – это структурированная в пространстве (как в материальном, так и в идеальном понимании пространства) и длящаяся во времени совокупность событий *речи* в аспекте их реальных и потенциальных *смыслов*. Понимание дискурса в педагогике как инструмента становления конкретной языковой личности уступает место пониманию дискурса как инструмента познания, репрезентирующего особый подход к *анализу педагогических феноменов* и в равной мере опирающегося на *языковые* и *внеязыковые* характеристики педагогической реальности [6]. Выражением «анализ педагогических феноменов», «опирающийся на языковые и неязыковые характеристики», полагаем, может быть обозначено и самопознание студента в процессе освоения им психолого-педагогических и других дисциплин как предпосылка становления его личностной культуры.

В контексте заявленной темы продуктивность дискурсного подхода, понимаемого в контексте категорий «событие», «культурный смысл», «речь», подтверждается идеями М. М. Бахтина. В свете концепции целостного, нравственно-эстетического восприятия Другого (произведения искусства, человека, мира), изложенной в статье М. М. Бахтина «К философии поступка», эстетическое восприятие (эстетическое переживание, словами М. М. Бахтина) обладает нравственным *смыслом*, поскольку является *поступком* индивидуально-личностным (неповторимым, свободным) и одновременно личностно ответственным в своем бытийном измерении. Таким образом, когнитивно-познавательное (культурологическое) и экзистенциально-смысловое (воспитательное) содержание образования, для будущего учителя русского языка и литературы – литературного и языкового образования, должны быть нерасторжимы, поскольку, по М. М. Бахтину, «акт нашей деятельности, нашего переживания, как двуликий Янус, глядит в разные стороны: в объективное единство культурной области и в неповторимую единственность переживаемой жизни» [1]. Встретиться и объединиться эти две ценностно-смысловые области: общая культурная и личностная жизненная – могут только «правдой связующего нас единого и единственного *события*, в котором мы участники», что убедительно свидетельствует о необходимости создания в образовательном процессе, направленном на личностное становление, особых онтологических ситуаций личностно важных и потому глубоко переживаемых встреч-событий: встреч с текстом и, через текст, с его автором, встреч с его читателем – другим человеком.

Неповторимость восприятия (переживания) таких встреч и отклика на них как «ответственного поступка», заключающаяся в их *личностной окрашенности*, придает им характер *дискурса*. Эта мысль, а также идея наполненности дискурса как конкретного события определенным смыслом, в том числе смыслом нравственным, может быть аргументирована рассуждениями М. М. Бахтина: «Действительное поступающее мышление есть эмоционально-волевое мышление, *интонирующее* мышление. <...> Именно эмоционально-волевой тон ориентирует в единственном бытии, ориентирует в нем и действительно утверждает *смысловое содержание*. <...> Все содержательно-смысловое: бытие как некоторая содержательная определенность, ценность как в себе значимая, истина, добро, красота и пр. – все это только возможности, которые могут стать действительностью только в поступке на основе признания *единственной причастности моей*» [1] (курсив – В. Д.).

В концепции М. М. Бахтина обнаруживаются идеи, позволяющие наиболее тесно и, главное, *лично* значимо для студентов интегрировать литературу и язык в образовательном процессе. М. М. Бахтин пишет: «Неправильно будет полагать, что эта конкретная правда события, которую и видит, и слышит, и переживает, и понимает поступающий в едином акте ответственного поступка, не сказана <...> Язык гораздо более приспособлен высказывать именно ее <...>, но фактически это очень трудная задача, и полная адекватность недостижима, но всегда задана» [1]. Следовательно, одна из задач личностного становления, способствовать которому призвана педагогическая деятельность учителя русского языка и литературы – задача стимулирования и направления учащихся в их попытках достичь такого уровня владения родным языком, чтобы максимально адекватно выразить в речи, то есть дискурсно передать, переживаемую ими «правду события», увиденную в тексте как объекте литературного и языкового анализа.

Положения работы М. М. Бахтина «К философии поступка» укрепляют нас в мысли о важности нравственного осмысления события (бытия) и дискурса собственных переживаний как условий духовно-нравственного становления личности: «Не совпадает, с нашей точки зрения, причастность бытию-событию мира в его целом с безответственным самоотданием бытию, одержанием бытием, здесь односторонне выдвигается лишь пассивный момент участности и понижается активность заданная. К этому одержанию бытием (односторонняя причастность) в значительной степени сводится пафос философии Ницше, доводя ее до абсурда современного дионисийства» [1].

Наконец, принципиально значимым для предпринятого исследования является то, что дискурсный подход, обосновываемый с опорой на идеи М. М. Бахтина, позволяет «примирить» научное нерелигиозное и религиозное (христианское) отношение к воспитательному потенциалу слова и его освоению становящейся личностью. Как пишет М. М. Бахтин, единство видению придает его ценностный центр, которым является человек: «Все в этом мире приобретает значение, смысл и ценность лишь в соотношении с человеком, как человеческое». Однако «ценностное многообразие бытия как человеческого (соотнесенного с человеком) может быть дано только *любвному созерцанию*, <...> это смысл всей *христианской* нравственности, из него исходит и альтруистическая *мораль*» [1] (курсив – В. Д.).

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что педагогические исследования, в которых изучается и осуществляется дискурсный подход, дают возможность обнаружить теоретико-методологическую «скрепу», благодаря которой можно связать в единой концепции требования к профессиональной подготовке учителя и требования к процессу становления его личностной культуры. Несомненно, что филологическая и общегуманитарная компетентность учителя русского языка и литературы должна включать в себя владение категорией «дискурс», которая в лингвистике, литературоведении, а затем и в других гуманитарных дисциплинах опирается на категориальную парадигму «дискурс – речь – текст» (дискурс материализуется через речь; речь фиксируется в виде текста).

Список литературы

1. Бахтин М. М. К философии поступка. URL: http://www.lib-rar.com/lib_boks_106623.html (дата обращения: 18.04.2014).
2. Брачули И. Я. Антропологический дискурс и постсоветское пространство // Человек постсоветского пространства: сб. материалов конф. Вып. 3 / под ред. В. В. Парцвания. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2005. С. 128–131.

3. Ежова Т. В. Субъектное диалогическое взаимодействие студента и преподавателя как педагогическое условие построения гуманитарного педагогического дискурса // *Инновации в образовании*. 2008. № 11. С. 16–25.
4. Корнетов Г. Б. Педагогика: теория и история. М.: УРАО, 2003. 294 с.
5. Пичугина В. К. Антропологический дискурс в педагогике: направления развития и пути интеграции // *Ярославский педагогический вестник*. 2011. № 2. Том 2: Психолого-педагогические науки. С. 22–25.
6. Пичугина В. К. Современный антропологический дискурс в педагогике: от фрагментарности к целостности. URL: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1921&binn_rubrik_pl_articles=102 (дата обращения: 18.04. 2014.).
7. Слободчиков В. И. Концептуальные основы антропологии современного образования // *Образование и наука*. 2010. № 1 (69). С. 11–22.
8. Слуцкий В. И. Природа ребенка и воспитание: антропологический дискурс // *Ярославский педагогический вестник*. 2006. № 3. С. 65–69.

УДК 372.881.161.1
ББК Ч 426. 13

Т. В. Кудрина
г. Чита (Россия)

Развитие научной речи учащихся через освоение понятийно-терминологического лингвистического аппарата при обучении русскому языку

В статье ставится проблема необходимости освоения школьниками научных терминов и понятий как условия владения учебно-научной речью. Описаны операции с терминами и понятиями, приведены примеры заданий, развивающих умения производить операции с лингвистическими понятиями и терминами.

Ключевые слова: *научный стиль, учебно-научная речь, научные понятия, термины, операции с понятиями и терминами.*

Т. V. Kudrina
Chita (Russia)

Development of the scientific speech of pupils through development of the conceptual and terminological linguistic device when training in Russian

The article raises the problem of the need of developing students scientific terms and concepts as conditions of the educational-scientific speech. Describes operations with terms and concepts, examples of tasks, developing the ability to perform operations on linguistic concepts and terms.

Key words: *scientific style, educational-scientific speech, scientific concepts, operations with terms and concepts.*

Научный стиль речи является средством общения в области науки и учебно-научной деятельности. Каждый человек в то или иное время жизни сталкивается с текстами данного стиля, функционирующего в устной или письменной формах. Следовательно, владение научной речью является важной составной частью культуры устной и письменной речи.

К сфере употребления научного стиля относятся все случаи поиска и утверждения научной истины. Этим предопределяются две общественные функции научного стиля. Первая функция – сообщение в виде объяснения действительности. Предметом научной речи, как правило, является предмет исследования, который изучается автором текста. Вторая функция – воздействие, состоящая в попытке автора убедить всех в правильности своей точки зрения, то есть доказать ее [1, с. 64].

Хотя научный стиль реализуется преимущественно в письменной речи, с развитием средств массовой коммуникации, с ростом значимости науки в современном обществе, увеличением числа различного рода научных контактов, таких, как конференции, научные семинары, возрастает роль устной научной речи.

Учебно-научная речь является коммуникативно-стилевым типом научной речи. Данная речь характеризуется знанием правил, терминов, понятий. На уроках русского языка необходимо развивать научную речь учащихся, не допускать, чтобы упор делался только на правильное выполнение упражнений и заданий. Нужно строить работу так, чтобы ученик не только мог делать правильные выводы и обобщения, но и умел четко и доказательно излагать их в форме устной и письменной речи, ведь в средних классах он вполне способен создавать тексты как в письменной, так и в устной форме.

Невладение учащимися учебно-научной речью в первую очередь упирается на незнание понятийной и терминологической системы. Для формирования и выражения научной мысли учащиеся должны уметь оперировать терминами и понятиями.

Использование терминов и понятий является основной лексической особенностью учебно-научной речи учащихся. Термин – это «научное слово, которое представляет собой четкую дефиницию (определение) какого-либо понятия в совокупности его различных признаков» [2, с. 36]. Наличие определения и системность – необходимые качества любого термина.

Термин должен: 1) быть однозначным; 2) полно и кратко определять понятие, не противоречить его внутреннему смыслу; 3) быть кратким, удобопроизносимым; 4) обладать словообразовательными возможностями.

Понятие – это форма мышления, отражающая существенные свойства и связи явлений, это единица мышления. Под содержанием понятия понимается вся совокупность существенных признаков класса предметов и явлений, отраженных в понятии [3, с. 31].

Развитие научной речи учащихся с помощью терминов и понятий может протекать с помощью следующих операций [3, с. 33–36]:

1) ограничение понятий – логическая операция, позволяющая совершать переход от большего объема к понятию меньшего объема.

Учащимся может быть предложено следующее задание: *Расскажите, что такое второстепенные члены предложения? Какие второстепенные члены даны в предложении *Ясное небо поднималось над теплоходом*. Дайте им определения.*

2) обобщение понятий – логическая операция, обеспечивающая переход от видового понятия с меньшим объемом к понятию с большим объемом. Освоение данной операции возможно при выполнении такого задания: *глагол – это самостоятельная часть речи или служебная? Что такое самостоятельная часть речи? Дайте определение термину части речи.*

3) деление понятий – логическая операция, в результате выполнения которой раскрывается объем родового понятия, т. е. определяются его виды. Делимое понятие – это родовое понятие, а понятия, получаемые в результате деления, – виды данного рода, соподчиненные между собой. Освоение терминологического и понятийного аппарата возможно при выполнении такого задания: *По значению союзы делятся на две группы: сочинительные и подчинительные. На какие разряды по значению делятся сочинительные союзы?*

4) классификация – это логическая операция распределения понятий согласно наиболее существенным признакам. Учащимся может быть дано такое задание: *Прочитайте термины: глагол, прилагательное, существительные, наречие, числительное, местоимение. Какие относятся к именным частям речи, какие к глагольным.*

5) определение понятий – логическая операция, посредством которой либо раскрывается содержание понятия, либо устанавливается значение термина. Умение определять научное лингвистическое понятие можно развивать посредством следующего задания: *Ответьте на вопрос, что такое инфинитив? Какие глаголы называются возвратными?*

6) прием описания состоит в перечислении внешних черт предмета с целью строгого отличия его от сходных с ним предметов. Оно включает в себя как существенные, так и несущественные признаки. Данный прием может осваиваться учащимися посредством таких заданий: *Используя данные термины (обстоятельство места, обстоятельства времени, обстоятельство причины, обстоятельство цели, обстоятельство образа действия), расскажите об обстоятельстве как члене предложения.*

7) прием характеристики предполагает перечисление не всех, но некоторых существенных свойств. Пример задания: *охарактеризуйте самостоятельную часть речи, назвав ее основные грамматические признаки.*

8) прием сравнения – прием, позволяющий выяснить сходство и различие сопоставляемых предметов, явлений. Овладению операцией сравнения содействует, например, такое задание: *Ответьте, что связывает отрицательные и вопросительные местоимения?*

Таким образом, знание понятий, терминов, умение производить с ними разнообразные действия на уроках русского языка – важнейшее условие развития научной речи учащихся. Научная речь учащихся невозможна без оперирования научными лингвистическими терминами и понятиями.

Список литературы

1. Морозов В. Э. Культура письменной научной речи. М.: ИКАР, 2008. 268 с.
2. Прохорова К. В. Научный стиль: учебно-метод. пособие для студ.-журналистов. СПб, 1998.
3. Черепанова Л. В. Инновационные технологии обучения русскому языку: рефлексивное обучение. Чита: ЗабГГПУ, 2012. 127 с.

УДК 811.161.1

ББК 81.411.2

ББК Ш 141.2

А. В. Муравьев
г. Чита (Россия)

Учёт языковых особенностей официально-делового стиля при обучении русскому языку как иностранному

В статье рассматриваются особенности обучения русскому языку иностранных студентов, в частности, обучение их составлению письменных жанров официально-делового стиля. Предполагается, что наибольшую значимость в процессе обучения приобретает учёт языковых особенностей официально-делового стиля на уровне лексики, морфологии, синтаксиса. В статье также подчёркивается роль связных текстов в процессе обучения, перечисляются альтернативные методы обучения.

Ключевые слова: *стиль, официально-деловой стиль, жанр, стилевая черта, языковые особенности, метод обучения.*

A. V. Muraviov
Chita (Russia)

Account of the Language Peculiarities of Official Style in Teaching Russian as a Foreign Language

The article deals with the peculiarities of teaching Russian as a foreign language to foreign students, namely, teaching them to form written genres of the official style. It is supposed that account of language peculiarities of official style on the level of lexis, morphology and syntax is the most significant thing in the process of teaching. The author underlines the role of coherent texts in the process of teaching and enumerates alternative teaching methods.

Key words: *style, official style, genre, language peculiarities, teaching method.*

Стремительное развитие межгосударственных отношений, явление глобализации, а также высокая потребность в финансовых, экономических, исполнительных, юридических и других документах, которые представляют собой тексты официально-делового стиля, ставят задачу обязательного формирования у обучающихся языковой и коммуникативной компетентности в деловом стиле русской речи. Как показывает практика, студенты зачастую затрудняются в составлении даже самых простых текстов официально-делового стиля. В связи с этим актуальными представляются вопросы обучения иностранных студентов созданию текстов письменных жанров официально-делового стиля русского языка.

На современном этапе развития письменной формы русского языка официально-деловой стиль речи играет всё возрастающую роль, способствуя развитию межгосударственных и внутри-

государственных отношений, а также осуществлению деловых связей между различными учреждениями и частными лицами. Официально-деловой стиль, таким образом, обслуживает деловые отношения в административной и правовой сферах: в нём отражается некоторое положение дел и регулируется практическое поведение адресата речи, нацеленное на эффективное достижение планируемого результата. «Официально-деловой стиль обслуживает сугубо официальные и чрезвычайно важные сферы человеческих взаимоотношений: отношения между государственной властью и населением, между странами, между предприятиями, организациями, учреждениями, между личностью и обществом» [6, с. 137].

Из трёх важнейших общественных функций языка: общения, сообщения, воздействия – характерной для официально-делового стиля, по мнению В. В. Виноградова, является функция сообщения, определяющая и формирующая его как стилевую разновидность. Как отмечает М. Н. Кожина, «деловая речь – область, наименее исследованная в функционально-стилистическом отношении» [3, с. 120]. В самом общем плане «официально-деловой стиль – это стиль, который удовлетворяет потребности общества в документальном оформлении различных актов государственной, общественной, политической, экономической жизни, деловых отношений между государствами, организациями, а также между членами общества в официальной сфере их общения [7, с. 37].

В числе основных стилевых черт официально-деловой речи исследователи выделяют точность, логичность, ясность, полноту и объективность высказывания, лаконичность формулировок, которые определены основным назначением документов – сжато и полно информировать о беспорных и достоверных фактах. «Речевому воплощению основных функций права способствует и такая стилевая черта, как точность, не допускающая инотолкования. Точность формулировок правовых норм и необходимость абсолютной адекватности их понимания – идеал законодательных текстов, способствующий «безотказной» реализации регулировочной функции права» [3, с. 122]. Лаконичность официально-деловой речи – экономное использование средств языка, в ней не должно быть таких слов, которые ничего не прибавляют к содержанию документа. Сжатость текстов официально-делового стиля предполагает их информационную насыщенность.

Стандартизация деловой речи – одна из наиболее приметных черт официально-делового стиля речи. «В таких разновидностях письменного общения, как деловая бумага, техническая или служебно-административная инструкция, информационное сообщение в газете, даже передовая, индивидуально-стилистическое отступает перед стандартом, типической нормой или основной тенденцией привычной, установившейся формы словесного изложения» [2, с. 112]. Для удобства и экономии времени создаются стандартные типы документов, вырабатываются их речевые и композиционные модели, однако степень стандартизации для различных жанров делового стиля не одинакова. В официально-деловом стиле стандартизация затрагивает не отдельные элементы формы, как в других стилях, а весь документ в целом. «Однотипность и частая повторяемость официально-деловых ситуаций (бухгалтерские операции, зачисление на работу, обращение к руководителю с просьбой или предложением, объявление взыскания, оценка – «характеристика» – сотрудника, удостоверение личности, факта, события, отношение одного учреждения к другому и т. д.) нуждается в таком же однотипном, стандартном оформлении» [1, с. 78].

В последние десятилетия речевые штампы, шаблоны признаны неотъемлемыми составными элементами делового стиля речи, так как шаблоны в деловом документе как тексте делового стиля – ориентиры, помогающие конкретнее и лаконичнее выразить мысль. Таким образом, то, что принято называть «канцелярскими штампами», есть вполне определённая и даже необходимая примета определённой функционально-стилистической деловой речи» [5, с. 197]. Отмечая использование стандартных средств в разных стилях речи, Л. Г. Барлас высказывает мнение о том, что «документ тогда становится документом, когда он составлен и заверен по определённой, стандартной форме». Наличие соответствующих форм для документов различных жанров существенно облегчает ведение деловой переписки, предостерегает от возможных ошибок <...>. Поэтому вполне справедливо мнение, что в официально-деловом стиле штамп – не враг, а помощник» [1, с. 78].

Особое значение в официально-деловом стиле приобретает композиция текста, а композиция формируется особым развёртыванием и сцеплением композиционных блоков и коммуникативных компонентов. Официально-деловой стиль характеризуется цифровой системой и нумераци-

ей, согласно которой каждая составная часть, раздел, глава, параграф, пункт, подпункт получают свой номер. Номер каждой составной части текста включает в себя номера тех составных частей высших уровней, в которые он входит. В итоге получается представленный в цифрах план композиции. Применение такой нумерации оправдано именно высокой стандартизацией составления и прочтения текста.

Одна из важных черт официально-делового стиля – это официальность, которая отражается в обобщенно-личном характере изложения, обусловленном действием ряда экстралингвистических факторов. «В деловой речи официальность проявляется на разных уровнях – на текстовом, лексическом и грамматическом. Так, на текстовом уровне данная черта отражается в способах выражения мысли». К числу этих действий могут быть отнесены такие способы выражения мысли: описание, характеристика, толкование, аргументация, инструкция. Каждый из этих способов обладает спецификой композиционного построения, что способствует появлению другой черты официально-делового стиля – логичности. На лексическом уровне официальность создается целенаправленным отбором и применением нейтральной и книжной лексики, на грамматическом достигается за счёт широкого использования ряда языковых средств, «к числу которых относятся пассивные конструкции, причастные обороты, многочленные определительные словосочетания и др.».

Словообразовательные черты официально-делового стиля неразрывно связаны с его общими признаками. Официальность, строгость и безэмоциональность, «сухость» речи данного стиля объясняют отсутствие в деловых текстах оценочных суффиксов. К основным словообразовательным чертам официально-делового стиля можно отнести следующие особенности: 1) распространённость отглагольных существительных с суффиксами -ениј-, -ниј-, -к-: *обучение, образование, согласование, выполнение, выявление, устранение, исправление, проверка, отправка*; 2) частое употребление отглагольных существительных, прилагательных и причастий с приставкой не-: *невыполнение, несоблюдение, неиспользование; недействительный* (акт), *необоснованные* (выводы); 3) широкое употребление сложных слов, образованных безаффиксным способом.

Как известно, все стили используют общие грамматические явления языка, вследствие чего «морфологическая система представляется единой, общей для всех стилей речи» [3, с. 91]. Однако анализ текстов разных функциональных стилей показывает, что официально-деловому стилю речи присущи определённые специфические морфологические признаки. Одним из ярких лингвистических признаков данного стиля является именной характер его морфологической системы, обусловленный точностью, краткостью делового текста [3, с. 91]. По сравнению с другими функциональными стилями в официально-деловом стиле наблюдается частотность использования именных частей речи: 1) отглагольных существительных: *исполнение, образование, получение*; 2) большого количества отыменных предлогов и союзов: *в соответствии, в связи, согласно, в силу того что*; 3) кратких прилагательных модального характера: *должен, рад, обязан, необходим* и др.

К синтаксическим признакам официально-делового стиля, отмеченным сегодня в лингвистической литературе, относят частое употребление родительного падежа в приименной позиции. Распространено многократное присоединение существительных в родительном падеже – «называние родительного». «Отглагольные существительные и образованные от них устоявшиеся обороты речи (синонимичные глагольному выражению) нередко ведут за собой цепь имён в родительном падеже» [4, с. 224]. Активность сложных синтаксических конструкций (предложений и периода) и простых предложений усложнённой семантики. Специфическая черта деловой речи – точность, не допускающая инотолкования – реализуется путём использования простых предложений с прямым порядком слов; простых распространённых предложений увеличенных размеров за счёт включения средств «детализации» информативного содержания. С этой целью в простые предложения вводятся однородные и обособленные второстепенные члены, вводные слова для перечня пунктов документа и раскрытия их содержания. Простые предложения в этих случаях отличаются многословием.

В учебно-методическом комплексе дисциплины «Русская письменная речь», разработанном для иностранных студентов, обучение официально-деловому стилю заявлено в числе всех других действующих стилей русского языка. Тот факт, что основные стилевые черты официально-деловой русской речи (точность, логичность, ясность, полнота, официальность, стандартизован-

ность, безэмоциональность, объективность, лаконичность формулировок, сжатость) характерны для данного стиля и в китайском языке, в некоторой степени облегчает задачу усвоения его в русском языке. В осмыслении и в усвоении языкового материала при обучении русскому языку как иностранному велика роль связных текстов. В то же время такой подход формирует у обучающихся чувство языковой аналогии, что помогает им грамотно пользоваться в речи различными синтаксическими конструкциями. Таким образом, использование в процессе обучения методов сопоставления является одним из основных путей успешного усвоения материала студентами-иностранцами. Кроме того, нужна теоретически обоснованная, специально разработанная и экспериментально проверенная эффективная методика обучения официально-деловому стилю речи, обеспечивающая комфортные условия для овладения студентами-иностранцами умениями самостоятельного составления текстов официально-делового стиля. Построение учебных занятий по официально-деловому стилю речи целесообразно осуществлять на основе тематико-жанрового разнообразия с учётом актуальных и типичных для современного общества жанров (резюме, договор и др.).

В формирующем обучении официально-деловой русской речи можно использовать различные виды наглядности (карточки-опоры, схемы-опоры, учебный видеоклип), использовать задания ситуативного характера (сочинения-миниатюры, сочинения деловые сказки, в которых «действует» определённый жанр делового стиля; схемы развёртывания микротема будущего текста и их вычленения из готового текста). С целью достижения максимально положительных результатов в учебном процессе должны использоваться активные методы, приёмы и нетрадиционные формы обучения, способствующие овладению студентами умениями самостоятельного составления текстов официально-делового стиля.

Список литературы

1. Боженкова Р. К., Боженкова Н. А. Деловое письмо: Справочное пособие. Курск, 1997.
2. Громова. Н. М. Деловое общение на иностранном языке: методика обучения. М.: Магистр: ИНФРА-М. 2010. 286 с.
3. Кожина М. Н. О соотношении стилей языка и стилей речи с как функционирующей системы (Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях). Пермь, 1984.
4. Кожина М. Н. Стилистика русского языка: учеб. пособие для студ. пед. ин-тов. 2-е изд. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
5. Логинова К. А. Деловая речь и её стилистические изменения в советскую эпоху // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М.: Наука, 1968. С 230.
6. Солганик Г. Я. Стилистика текста: учеб. пособие. М.: Флинта, Наука, 1997. 256 с.
7. Федоровская О. А. О жанровой классификации научно-технических документов и их лингвистических особенностях (на материале русского языка) / Разновидности и жанры научной прозы. Лингвостилистические особенности / под ред. М. Я. Цвиллинг. М., 1989.

УДК 37.018.46
ББК 81.1+83.7

Г. Г. Плотникова
г. Краснодар (Россия)

Основы формирования профессионального ратора

В профессиональной деятельности режиссера коммуникативная подготовка является системообразующим компонентом, поэтому в сфере образования необходимо решать задачу формирования профессионального ратора путем создания целенаправленной системы обучения на основе концептуальных положений стилистики, культуры речи и ораторского искусства. В статье анализируется содержание речевого образования в рамках изучения дисциплин «Русский язык и культура речи», «Искусство звучащего слова».

Ключевые слова: *культура речи, стилистика, риторика, режиссура, искусство звучащего слова, коммуникативная компетентность.*

Basis for the formation of professional rhetorician

In professional activities director communicative training is a system component, so education is necessary to solve the problem of formation of professional rhetorician by creating a purposeful learning system based on the conceptual foundation of style, culture of speech and oratory. The article analyzes the content of speech education in the study of the disciplines «Russian language and culture of speech», «Art sounding word.»

Key words: *culture of speech, style, rhetoric, directing, art-sounding words, communicative competence.*

Актуальность исследования формирования культуры речи режиссера театрализованных представлений и праздников в ходе обучения в вузе обусловлена запросами личности к качеству образования в условиях профессиональной публичной деятельности; формированием особого мироощущения, которое отличается причастностью ко всему происходящему и общечеловеческим проблемам, человеколюбием, направленностью на людей; развитием таких личностных качеств, как самостоятельность и оригинальность мышления, творческое восприятие действительности, уверенность в себе, искренность, обаяние, артистичность, сильная воля и активность. Перед будущими режиссерами в области художественно-просветительской деятельности поставлены следующие профессиональные задачи [1]: 1) формирование окружающей культурной среды и художественно-эстетическое воспитание всех категорий населения в учреждениях культурно-зрелищного типа, культурно-спортивных комплексах, стадионах, Дворцах культуры, культурно-досуговых центрах различных форм собственности и других учреждениях; 2) осуществление профессиональных консультаций при подготовке творческих проектов государственными и негосударственными учреждениями в области театрализованных представлений и праздников и праздничной культуры; 3) формирование художественно-эстетических взглядов общества через средства массовой информации, образовательные учреждения и учреждения культуры, реализующие театрализованные представления, праздники и другие формы праздничной культуры.

Следовательно, в процессе профессиональной, общественной и просветительской деятельности режиссер, взаимодействуя с широкой возрастной аудиторией, представленной как частными лицами, так и различными государственными институтами и коммерческими организациями, нацелен на выполнение миссии сохранения и приумножения нематериального культурного наследия России.

Решение такого широкого спектра задач невозможно без 1) формирования всей личности человека, прежде всего его мировоззрения, идеологии, ценностных ориентаций; 2) формирования типа личности с речевым воспитанием, основанным на прозаической словесности и направленным на развитие активности, инициативности, способности эффективно отстаивать личные и профессиональные интересы с помощью речи; 3) формирования стиля жизни через стиль речи, так как в стиле речи обнаруживаются богатство или бедность мысли, вкус или безвкусица слова.

Становление основных черт личности происходит в процессе социализации – в развитии и самореализации человека на протяжении всей жизни в ходе усвоения и воспроизводства культуры общества. Культура – это то, что осваивается человеком в процессе социализации. Результат социализации – социально зрелая личность, адаптированная в широкий контекст жизни общества. В качестве одного из важнейших способов адаптации человека в социуме выступают язык и речь. Характер взаимодействия между людьми и способ их общения в значительной степени определяются тем, насколько сформирована у людей культура речи и языковая культура. В современных условиях существования общества и то, и другое требуют специальных усилий, как со стороны самой личности, так и со стороны институтов, формирующих личность. Общепризнанно, что образование – сфера не только духовного, но и общественного воспроизводства, система воспроизводства и приумножения человеческого потенциала как совокупности физических и умственных сил и способностей, знаний и умений, используемых для наращивания производительных сил общества. И если понимать под образованием процесс приобщения человека к культурно-

детерминированным путем решения тех задач, с которыми связана его жизнь, то образование становится и процессом и результатом приобретения знаний, умений, навыков и компетенций, и процессом разностороннего развития человека, осознания им самого себя в окружающем мире.

Предельно заострены и значимы вопросы общения, взаимодействия, взаимопонимания, сотрудничества и диалога между людьми в профессиональной деятельности, коммуникативная природа которой является системообразующим компонентом. Поэтому в сфере образования необходимо решать особую задачу – формирование профессионального ратора путем создания целенаправленной системы обучения. Необходимость специальной речевой подготовки режиссера в вузе обусловлена рядом причин. Во-первых, значением языкового, речевого начала в формировании структуры личности: степень овладения речевыми умениями разного плана – важный параметр в характеристике образовательного и культурного уровня человека. Во-вторых, необходимость речевой подготовки обусловлена причинами профессионального характера: речь режиссеров (как и учителей, корреспондентов, ведущих телевизионных и радиопрограмм) является образцом литературной речи для слушателей. В-третьих, необходимость речевой подготовки вызвана постоянной динамикой социальных и культурных трансформаций – изменяется мир, язык, изменяются методы и приемы его изучения, изменяется и методика преподавания. Вопрос о содержании речевого образования заключается не только в принятии коммуникативного принципа, но, прежде всего, как мы уже отмечали, в выдвигании на первый план интересов личности, ее потребностей в коммуникации.

На наш взгляд, для успешного решения задачи формирования профессионального ратора следует осуществить переход к преподаванию речеведческих дисциплин на основе концептуальных положений стилистики, культуры речи и ораторского искусства. Актуальность культурноречевой проблематики позволяет рассматривать культуру речи, стилистику и риторику как взаимосвязанные науки о языке, изучающие систему языка в аспекте закономерного функционирования ее единиц в речевой деятельности, а именно: 1) законы языковых стилей, их иерархию и нормативно-стилистическую вариантность коммуникативных качеств речи; 2) функциональные возможности средств языка и их нормативные характеристики. Вместе с тем, имея общий объект изучения – феномен функционирования языка, – риторика, стилистика и культура речи, по-разному подходят к его интерпретации, что позволяет данным дисциплинам оставаться самостоятельными, несмотря на существенную теоретическую взаимосвязь. Так, если риторика связана с определением 1) законов и правил речевого общения и 2) роли языковой личности, концепции риторического идеала, а стилистика изучает; 1) речевую системность стиля 2) стилистические ресурсы языковой системы (стилистическую нормативность), то культура речи – 1) функциональную предназначенность единиц языка; 2) систематизацию этической, коммуникативно-прагматической и системно-структурной нормативности речевого использования единиц языка. Однако, смыкаясь и пересекаясь, риторика, стилистика и культура речи не совпадают полностью и не взаимозаменяют друг друга.

Дисциплина «Русский язык и культура речи» изучается в высших учебных заведениях как составная часть цикла гуманитарных дисциплин, предназначенного для студентов всех специальностей. Курс ориентирован на углубление общих представлений о нормах современного русского литературного языка и нацелен на овладение навыками практического пользования им как средством профессионального общения с учетом необходимых для эффективной коммуникации знаний о культуре русской профессиональной и деловой речи. Следовательно, освоение курса предполагает формирование у студента способности к осуществлению речевой деятельности, требующей наличия понятийной системы (тезауруса) и понимания, определенного типа мышления, позволяющего решать возникающие проблемы и задачи в конкретной профессиональной среде. Такой подход должен ориентировать преподавателя на развитие у студента навыков профессиональной коммуникации. В результате изучения курса студент должен уметь реализовать свои коммуникативные намерения, используя средства русского языка при письменном и устном общении в тех сферах, которые связаны с будущей профессиональной деятельностью, а также владеть жанрами устной и письменной речи, которые необходимы для свободного общения в профессиональной среде. Следовательно, основное внимание в методике и технологии обучения должно отводиться, во-первых, изучению теории и практики коммуникации как специфической

формы взаимодействия людей, передаче информации от человека к человеку при помощи языка (кода – системы шифровки/дешифровки информации); во-вторых, изучению и освоению языка профессиональной коммуникации. Этот язык неоднороден по своему составу, в нем вычленяются несколько языковых страт: терминология, профессиональная лексика, профессиональные жаргонизмы, номенклатура. Ядро языка профессиональной коммуникации составляет терминология, концентрирующая в себе основные признаки и свойства языка. И, в-третьих, формированию и развитию речевого мастерства. В Большом толковом словаре мастерство трактуется как умение, владение профессией; трудовой навык, ремесло [2]. Значит, речевое мастерство специалиста (как субъектное значение культуры речи) будет проявляться в выборе и организации языковых средств, которые в ситуации профессиональной коммуникации при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволят личности обеспечить наибольший эффект в достижении профессиональных задач.

Дисциплина «Искусство звучащего слова» относится к базовой части профессионального цикла ФГОС ВПО 071400 «Режиссура театрализованных представлений и праздников», изучение которой должно обратить студентов к активной речетворческой деятельности с целью формирования их личности и профессионально-коммуникативной компетентности. Дело в том, что адресатами сообщения режиссера выступают не только члены профессионально сообщества, но и зрители, а также участники театрализованных представлений и праздников. Поэтому особое внимание в содержании курса занимает теория и практика ораторского искусства. По мнению А. А. Волкова, риторика стремится ответить на вопрос: как создать высказывание в заданных условиях? Поэтому она представляет собой скорее филологическую инженерию, чем фундаментальную науку. Вместе с тем, риторика обобщает опыт искусства аргументации и отражает реальные нормы культуры слова, сложившиеся исторически. В сложившейся к настоящему времени теории речи, риторика, исходя из классических идей европейской и отечественной культуры, опирается на принципы грамматической правильности и вместе с тем требует индивидуального творчества и мыслестилевого новаторства, чему более всего соответствует термин «изобретение». Изобретение в риторике предполагает новизну и оригинальность высказывания, без чего невозможно сформировать индивидуальный характер речевого общения, поиском которого всегда заняты участники речи. В классических учениях мы находим идеального всесторонне образованного оратора-философа, Цицерон определяет правильность как основное свойство речи и соотносит его с базовым свойством личности. Именно в риторике разрабатывались правила и рекомендации речевой педагогики как теории речевого воспитания и образования личности от младенчества до зрелого мастерства.

Для режиссера важны не только умения продуцирования и восприятия, но и анализа речи. Следовательно, цель формирования профессиональной речевой культуры должна заключаться и в том, чтобы научить слушателя анализировать речевой поток. Режиссеру необходимо владеть навыками говорения (монолог и диалог), слушания и анализа письменной речи, письма и анализа письменной речи. Профессиональная специфика коммуникативной компетентности предполагает, что учить следует не только приемам коммуникации, но и тому, как развивать и корректировать коммуникативные умения других.

Таким образом, к риторическому арсеналу подготовки специалиста можно отнести: 1) инновационные задачи творческого изобретения, создания предусмотрительной мысли, ответственной речи, выразительного и уместного слова; 2) развитие природных дарований, речевых способностей, чтение, анализ и комментарий текстов; 3) изобретение собственного стиля общения, а также композиционное построение высказываний и владение механизмами речи на основе интеллекта, культуры чувств, нравственных качеств личности, понимания аудитории, умения воздействовать на нее.

Реализация технологий и методов обучения может осуществляться как в рамках учебных дисциплин «Русский язык и культура речи», «Искусство звучащего слова», «Сценическая речь», так и на практических занятиях дисциплин профессионального цикла. Преподавание дисциплин необходимо планировать и осуществлять на основе концептуальных положений стилистики, культуры речи и ораторского искусства. Речеведческие дисциплины должны изучаться в каждом

семестре в течение всех лет обучения студентов в вузе. Сегодня это условие по ряду причин реализовать невозможно, поэтому проблема речевой подготовки студентов вузов по-прежнему актуальна.

Список литературы

1. Режиссура театрализованных представлений и праздников. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (квалификация бакалавр). Информационный сайт Единое окно доступа к образовательным ресурсам. URL: <http://window.edu.ru/resource/649/73649> (дата обращения: 20.08.2014).

2. Большой толковый словарь русского языка. / гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2009 года. URL: <http://www.gramota.ru> (дата обращения: 20.08.2014).

УДК 372.881.161.1

ББК Ч 426. 13

А. П. Сачкова
г. Чита (Россия)

Методика работы над репродукцией текста в русле текстоцентрического подхода на уроках русского языка

В статье раскрывается сущность текстоцентрического подхода при обучении русскому родному языку; определена репродукция текста как вид речевой деятельности. Представлена характеристика изложения как вида работы при обучении русскому языку, состоящего в репродукции воспринятого текста; виды заданий, обучающих репродукции текста.

Ключевые слова: *репродукция текста, текст, текстоцентрический подход, изложение.*

А. P. Sachkova
Chita (Russia)

The technique of work on a text's reproduction in line with tekstotsentrichesky approach at Russian lessons

In the article the essence of tekstotsentrichesky approach reveals by teaching the Russian native language; the text's reproduction as a type of speech activity is defined. The characteristic of expositions as a type of work by teaching the Russian language consisting in reproductions of the apprehended text, types of the tasks training text's reproduction is presented.

Key words: *text's reproduction, (the) text, tekstotsentrichesky approach, exposition.*

Репродукция текста – это вид речевой деятельности, состоящий из восприятия текста, его смысловой переработки и последующего пересказа подробно, сжато или выборочно. Текст в репродуктивной деятельности является, с одной стороны, объектом восприятия и смысловой переработки, с другой, – результатом этой деятельности.

Текст – это интегративная единица, глубокое понимание которой лежит на стыке многих наук: лингвистики, психологии, культурологии, психолингвистики, философии, истории, литературоведения и других [2, с. 124]. Изучая текст, учащиеся обогащают свой культурный багаж, формируют представления о разных сторонах жизни, разных эпохах, совершенствуют нравственное чувство. Они учатся сравнивать, логически мыслить, отстаивать собственные мнения, признавать и исправлять свои ошибки. Но главное – они овладевают богатством точной и выразительной устной и письменной речи.

Текст – это, с одной стороны, продукт деятельности письма и говорения, с другой, – объект слухового и зрительного восприятия и понимания. Текст как самостоятельная единица обладает собственными конституирующими признаками: информативностью, развернутостью, ретроспекцией, проспекцией, связностью, интеграцией, завершенностью, членимостью и др. По сути, они характеризуют разные проявления целостности (цельности) текста [6].

Научение школьников воспринимать, осмыслять, репродуцировать и осмысленно продуцировать текст на современном этапе происходит в контексте текстоцентрического подхода.

Изучение единиц и явлений языка на основе текста описано в трудах Н. А. Ипполитовой, Л. Г. Ларионовой, С. И. Львовой, Т. М. Пахновой, Н. М. Шанского, развитие речи на основе текстов-образцов – Е. С. Антоновой, Т. Н. Дорожкиной, В. И. Капинос, Е. И. Никитиной, Л. А. Ходяковой, обучение рецептивным видам речевой деятельности – Т. Е. Ембулаевой, В. А. Кудряшовой, Л. В. Черепановой и др.

Текстоцентрический подход «предполагает такую организацию обучения посредством текста, которое направлено на формирование всех видов компетенций (лингвистической, языковой, коммуникативной, культуроведческой)» [5, с. 106].

В лингводидактике текстоцентрическим называется подход, в центре которого стоит текст как основа создания на уроках русского языка не только обучающей, но и развивающей речевой среды [2, с. 127].

Текстоцентрический подход позволяет реализовать все цели обучения в их комплексе: формируется коммуникативная компетенция в единстве с языковой; развиваются универсальные способы мыслительной деятельности; воспитывается любовь к родному языку, к родине, происходит усвоение духовной культуры разных народов, ребенком уточняются его нравственные и эстетические позиции [4, с. 4–5].

Чтение, понимание, интерпретация текста – это основные общеучебные умения, благодаря которым возможно обучение вообще.

Репродуцируемый текст, требует от учащихся умения воспроизводить изученные текстовые явления на основе восприятия данного текста. В школьной практике этот вид работы находит отражение в написании изложений (репродукции текста), когда учащийся пытается воссоздать заданный текст и характер его построения по памяти.

Изложение (пересказ) – «вид работы, в основе которого лежит воспроизведение содержания высказывания, создание текста на основе данного (исходного)» [1, с. 158].

Основные характеристики изложения связаны с особенностями исходного текста (его сложностью, объемом), со способами его восприятия, задачами, которые ставятся перед воспроизведением текста, и т. д.

По отношению к объему исходного текста различаются подробные и сжатые (краткие) изложения. Задача подробного изложения – воспроизвести как можно более подробно, полно содержание исходного текста. Задача сжатого изложения – передать это содержание кратко, обобщенно. Это требует умения отбирать в исходном тексте основное (относительно частей исходного текста) и существенное, главное (внутри каждой основной части), умения производить исключение и обобщение, находить соответствующие речевые средства и умения строить сжатый текст.

По отношению к содержанию исходного текста различаются полные, выборочные изложения, а также изложения с дополнительным заданием.

В полных изложениях содержание исходного текста передается полностью (даже если это сжатое изложение). В выборочных изложениях воспроизводится какая-то одна из подтем, как правило, находящаяся в разных частях исходного текста (например, описание наступления ночи, если это описание «рассыпано» и соответствующий материал надо выбирать). В изложениях с дополнительным заданием исходный текст несколько изменяется, перерабатывается или дополняется связанным по смыслу с исходным, но самостоятельным текстом, создаваемым автором изложения.

А. Д. Дейкина и Ф. А. Новожилова указывают, что «изложение как создание вторичного текста предполагает восприятие, осмысление, понимание учащимися исходного первичного текста. При этом осмысление есть процесс анализа, а понимание – его результат, синтез, обобщение воспринятой информации, содержание которой затем должно быть воспроизведено полно, выборочно или сжато в зависимости от установки, предъявленной в данном конкретном случае» [3, с. 119].

Репродукция текста в устной форме является предметом специального обучения в начальной школе. Эта работа получает свое дальнейшее развитие в основной школе, где используются тексты более разнообразные по стилю, структуре и более сложные по своей информативной нагрузке (в том числе и тексты параграфов учебника).

На уроках русского языка необходимо проводить специальные обучающие изложения. Смысл этой работы – научить детей способам деятельности по созданию текста на основе исходного.

Основные этапы этой работы:

- 1) уточнение (учителем) речевой задачи;
- 2) вступительное слово об авторе и произведении, откуда взят текст изложения (если это необходимо);
- 3) чтение текста учителем;
- 4) определение темы и основной мысли исходного текста;
- 5) анализ его содержания и структуры (составление композиционной схемы и плана текста), словарная работа, анализ языковых особенностей текста;
- 6) повторное чтение или прослушивание текста.

Работе над исходным текстом обычно предшествует предварительная (за несколько дней) языковая подготовка (лексическая, орфографическая и т. д.), рассредоточенная во времени (рассредоточенная подготовка). Ее назначение – предупредить различного рода ошибки и недочеты, подготовить к восприятию текста.

Таким образом, можно выделить следующие умения, формируемые в деятельности репродукции текста: определять цель восприятия в соответствии с типом изложения; настраиваться на восприятие текста в соответствии с типом изложения и целью восприятия; определять действия при восприятии текста; определять действия при репродукции текста в устной или письменной форме; реализовывать непосредственную деятельность чтения / аудирования; реализовывать непосредственную деятельность репродукции речи (текста) – репродуктивного письма; контролировать деятельность чтения / аудирования; контролировать деятельность репродукции речи (текста).

Виды заданий при этом могут быть следующими:

- 1) определите, для чего вы будете воспринимать текст в соответствии с заданием учителя;
- 2) прослушайте (прочитайте) текст и определите, что и в какой последовательности необходимо сделать, чтобы написать изложение (в соответствии с типом изложения);
- 3) определите, на что необходимо обращать внимание, слушая (читая) текст;
- 4) определите порядок действий при восприятии текста (в соответствии с типом изложения);
- 5) определите порядок действий при пересказе текста;
- 6) по ходу слушания / чтения выпишите опорные слова. Приготовьтесь фиксировать информацию, получаемую при слушании / чтении;
- 7) сопоставляйте содержание воспринимаемого текста с его планом;
- 8) сопоставьте текст изложения с планом;
- 9) расскажите, как вы фиксировали информацию в ходе чтения текста;
- 10) составьте памятку, которая бы помогла при репродукции текста.

Использование текста при обучении репродукции текста позволяет научить всем видам РД, обеспечивающим общение.

Список литературы

1. Методика преподавания русского языка в школе / под ред. М. Т. Баранова. М.: Изд. Academia, 2009. 368 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006. 144 с.
3. Дейкина А. Д., Новожилова Ф. А. Тексты-миниатюры на уроках русского языка: пособие для учителя. М.: Наука, 1998. 144 с.
4. Кудрявцева Т. С. Современные подходы к обучению речи // РЯШ, 1996, № 3. С. 4–5.
5. Черепанова Л. В. Инновационные подходы в обучении русскому родному языку. Чита: ЗабГГПУ, 2012. 145 с.
6. Черепанова Л. В., Трофимова О. В. Обучение аудированию на уроках русского языка. Чита: ЗабГГПУ, 2012. 218 с.

Cross-культурный принцип преподавания зарубежной литературы в школе

В статье обобщается методический опыт преподавания зарубежной литературы в многопрофильном лицее ЗабГУ с учетом компаративистского подхода к анализу художественного произведения. На отдельных примерах изучения тем в 10 классе гуманитарного профиля демонстрируется возможность организации диалога национальных культур на уроках литературы с целью более глубокого и осмысленного освоения мирового литературного процесса.

Ключевые слова: *диалог культур, cross-культурный подход, компаративистика, национальное своеобразие, типологизация, художественный образ.*

Cross-cultural principle of teaching foreign literature in school

The article summarizes the methodological experience of teaching foreign literature in multidisciplinary Lyceum Zabaikal state University taking into account the comparative approach to the analysis of works of art. In some examples of the study in grade 10 Humanities demonstrates the possibility of organizing a dialogue of national cultures on the literature for a more deep and meaningful development of the world literary process

Key words: *the dialogue of cultures, cross-cultural approach, comparative studies, national identity, typology, artistic image.*

Традиционно материал по зарубежной литературе в большинстве школьных учебных программ включен в общий курс литературы и в результате изучается как сопутствующий материал русской литературы. Это приводит к поверхностному знакомству с лучшими образцами мировой классики лишь на отдельных уроках литературы, уроках внеклассного чтения или факультативных занятиях, что не дает учителю возможности организовать глубокий всесторонний текстуальный анализ произведения. Курс «Зарубежная литература» является систематическим в 10–11 классах гуманитарного профиля лицея ЗабГУ и направлен на формирование у школьников устойчивого представления о динамике единого мирового литературного процесса, о теснейшей взаимосвязи и прочных взаимодействиях национальных культурных и литературных традиций.

Современная школа требует широкого культурологического подхода к преподаванию литературы как предмета, способствующего формированию мировоззренческих основ учащихся. Совершенствование литературного образования возможно благодаря организации диалога национальных культур, национальных литератур, который помогает выявлению и осмыслению школьниками общечеловеческих и национально обусловленных культурно-эстетических ценностей, выработанных человечеством на различных этапах его развития и зафиксированных в лучших произведениях мировой литературы.

Таким образом, отбор и компоновка художественного материала по зарубежной литературе обуславливается **cross-культурным подходом, что дает возможность использовать при её изучении сравнительно-сопоставительный метод анализа текста, который способствует активизации мыслительной деятельности учащихся, стимулирует развитие умений аналитического характера: соотносить свое и авторское отношение к изображаемому, выделять социальную и нравственную проблематику, сравнивать, обобщать, делать выводы, находить умозрительные и художественно оформленные аналогии, сопоставлять отражение в произведениях разнонациональных литератур общечеловеческих категорий, находить и адекватно воспринимать национально обусловленные, специфические реалии истории, верований, материальной и духовной культуры иного народа.** Диалог как форма обмена национально-культурными ценностями разных народов приобщает школьников к диалогу как форме общения: способствует выработке навыка участия в дискуссиях, аналитических беседах, воспитывает уважительное и внимательное отношение к иной точке зрения, проявлению другого способа мировосприятия, вырабатывает творческие способности в оценке разных взглядов на одно явление и самостоятельность в суждениях.

При отборе произведений учитывалось, что курс «Зарубежная литература» изучается параллельно с курсом «Русская литература», во избежание перегрузки учеников для текстуального анализа предлагаются небольшие по объему произведения (повести, новеллы и др.).

Идея диалога национальных культур на уроках зарубежной литературы заложена в основу системы преподавания, что дает возможность представить школьникам не отдельные, фрагментарно представленные художественные явления отдельных эпох в отдельных европейских странах, а единый мировой литературный процесс в его динамике и многообразных взаимодействиях и взаимосвязях.

Так, в 10 классе в процессе изучения повести О. Бальзака «Гобсек» при обсуждении темы «Накопительство как начало духовной деградации человека. Мировой образ скупца – трагедия или фарс?» школьники обращаются к образу Плюшкина из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». Сравнительно-сопоставительный анализ образов данных героев дает возможность не только актуализировать остаточные знания по русской литературе, но и более глубоко исследовать способы типизации образа в творчестве французского и русского авторов.

Повесть «Гобсек» как вершина европейского критического реализма раскрывает характер во всей сложности и неоднозначности умной, незаурядной личности, чья жизненная философия и извращенная система ценностей привели к нравственному распаду и обезчеловечиванию героя. Фигура Гобсека трагична, в то время как образ Плюшкина, сознательно созданный Гоголем приемами гиперболизации, утрирования, гротеска, вызывает ощущение фарсового персонажа и представлен как безобразная карикатура, фиксирующая крайнюю степень нравственного падения человека, охваченного страстью накопительства. Сопоставительный анализ двух этих произведений дает возможность организовать на уроке подробное развернутое обсуждение не только социальной проблематики произведений, но и нравственно-этических аспектов этих текстов, что позволяет выявить типологическое сходство данных произведений и еще раз убедиться в непреходящей ценности и вечной актуальности мировой классики.

Обширную почву для организации диалога русской и французской литератур дает изучение творчества П. Мериме. Новелла «Кармен», обогатившая мировое искусство бессмертным образом страстной цыганки, изучается школьниками 10 класса в сопоставлении с поэмой А. С. Пушкина «Цыганы». Текстуальный анализ обоих произведений, осуществляемый параллельно, дает возможность проследить важнейший процесс мировой литературы 30-х гг. XIX в. – постепенное затухание романтизма (типичным образцом данного метода является поэма А. С. Пушкина) и утверждение нового художественного направления критический реализм (эта тенденция очевидно обозначена в новелле Мериме).

Новелла «Двойная ошибка» поднимает еще одну важнейшую проблему литературы XIX в. – семьи и брака в буржуазном обществе, большим достоинством данного произведения П. Мериме является глубокий психологизм в раскрытии женского образа. Сходство проблематики, близость художественного стиля, а также конкретные факты биографии писателей дают основание сопоставить содержание этой новеллы с повестями И. С. Тургенева «Дворянское гнездо», «Рудин». Общеизвестен факт долгой и близкой дружбы этих писателей, их активной переписки и постоянного личного общения, а также интенсивной переводческой деятельности Мериме, который своими талантливыми переводами произведений Пушкина, Гоголя и в первую очередь Тургенева открывает русскую литературу французскому читателю. Сам Мериме находился под сильным влиянием творческой манеры Тургенева, и черты психологического портрета «тургеневских героинь» явно прослеживаются в образе центрального женского персонажа новеллы «Двойная ошибка».

Произведение «Взятие редута» поднимает еще одну «вечную» тему мировой литературы – человек на войне. В основе сюжета новеллы Мериме – один из эпизодов Отечественной войны 1812 года – взятие Шевардинского редута накануне Бородинского сражения. Этот же эпизод войны изображен в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир». Сопоставление содержания этого фрагмента романа с новеллой французского писателя дает возможность как бы «увидеть» историю глазами противников – у Л. Толстого это охваченный патриотическим порывом Петя Ростов, готовый умереть за свободу Отечества, у Мериме это французские солдаты, воспринимающие

поход на Россию как легкую победоносную войну. Несмотря на очевидную разницу в отношении к происходящему героев произведений, оба писателя стремятся привести читателя к общему выводу: война – самое противоестественное состояние человека.

Таким образом, можно сделать вывод, что сравнение как «основа всякого понимания и всякого мышления» (К. Д. Ушинский) есть наиболее оптимальный путь активизации мыслительной деятельности учащихся в процессе анализа и сопоставления разнонационального литературного материала; соответствуя закономерностям психической деятельности, оно в наибольшей степени способствует развитию творческого мышления. В художественном тексте в равной мере важны общечеловеческое содержание литературного произведения, его национальное своеобразие и воплощение того и другого в индивидуальном творчестве писателя. Необходимым фактором для выявления этих особенностей является внимательное и уважительное отношение к культуре, нравственным и религиозным ценностям, бытовым традициям любого народа.

Список литературы

1. Ушинский К. Д. Педагогические сочинения. М. Педагогика, 1989. Т. 4.
2. Библер В. С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М. 1991.
3. Погребная Я. В. Сравнительно-историческое литературоведение: учебное пособие. М. Флинта. 2011.

УДК 378
ББК Ч 48

Б. А. Ташибаева
г. Андижан (Узбекистан)

Технологический подход в использовании интерактивных методов

В статье изложены некоторые виды интерактивных методов, используемых в обучении иностранным языкам.

Ключевые слова: *интерактив, проектирование, синквейн, жигло, дискуссия, брейнсторминг, кластер, учебный процесс, групповая работа, самостоятельная работа.*

В. А. Tashbayeva
Andijan (Uzbekistan)

Technological approach in use of interactive methods

The given article is about interactive methods used in teaching foreign languages.

Key words: *interactive, project work, cinquain, jiglo, discussion, brainstorming, clustering, teaching process, group work, independent work.*

В настоящее время в психолого-педагогической и методической литературе много пишут об интерактивных методах. Слово *интерактив* взято из английского языка (*inter* – «внутренний» и *active* – «активность»). **Интерактивные методы в основном направлены на активизацию обучаемых, что является очень важным условием эффективного обучения.**

В практике преподавания иностранных языков используются различные виды интерактивных методов. Следуют отметить, что эффективность обучения и гарантированное достижение цели обучения во многом зависят от правильного проектирования учебного занятия. Под проектированием занятия можно понимать совокупность целенаправленной деятельности обучающегося для достижения учебной цели с гарантированным результатом. В проектировании учебного занятия по иностранному языку можно выделить следующие:

1. Определение цели урока исходя из темы, а также конкретизирование цели обучения. Конкретизация цели означает такую цель, которую можно достичь к концу урока.
2. Выбор рациональной структуры урока в соответствии с целями и задачами урока.
3. Выбор соответствующих учебному материалу средств и методов обучения.

4. Чёткое планирование каждого компонента урока и соответствующих действий учителя и учащихся.

В проектировании учебных занятий по иностранному языку можно выделить следующие этапы:

Начало урока.

Опрос пройденного материала.

Презентация нового учебного материала

Тренировочные упражнения с изучаемым учебным материалом.

Использование различных учебно-речевых ситуаций для формирования речевых навыков.

Оценка знаний и деятельности обучаемых.

Определение задач для самостоятельного выполнения после занятия, т. е. домашнее задание.

Такая проектированная работа способствует чёткому определению содержания, цели, формы и методов совместной работы учителя и учащихся, продуманное использование различных виды средств обучения и упражнений, что свидетельствуют о продуманности каждой детали урока иностранного языка. Творческое отношение к планированию помогает преподавателю выбрать более эффективный метод инновационного характера для организации учебного процесса. Метод проектирования – это форма организации занятий, при которой учащиеся приобретают знания и умения в процессе планирования и выполнения постепенно усложняющихся практических заданий – проектов.

Приводим примеры использования некоторых интерактивных методов:

1. *Brainstorming* – метод мозговой атаки. Этот метод стимулирует творческую активность обучаемых при решении проблемы, вызывает непринуждённое высказывание большого количества вариантов решения задач. Здесь важно не качество, а количество идей, т.е. высказываемых предложений. Поэтому нельзя делать ограничение высказываниям обучаемых. Для этого метода также характерен строгий запрос на критику любого высказывания. Это способствует созданию непринуждённой обстановки на занятиях для выражения мысли на иностранном языке, что, безусловно, мотивирует обучающихся. В конце выделяются наиболее ценные высказанные идеи.

2. *Дискуссия* – такой вид работы сначала требует изучения учебного материала по теме. После ознакомления с учебным (лексико-грамматическим) материалом по теме можно приступить к обсуждению проблем темы. Такой метод помогает учащимся последовательно, логично и выразительно выражать свои мысли, требует приведения примеров для обоснования своих высказываний.

3. Работа в *небольших группах* способствует активизации обучаемых. Здесь каждый член группы имеет право высказывать своё мнение и участвовать в беседе.

Способы организации:

Выбор проблемы.

Обучаемые должны иметь достаточные знания, умения и навыки по выбранной проблеме.

Формирование группы. Это зависит от формы работы: если выполняется устное задания, необходимо формировать группы из 4–5 человек. В посменной форме работы каждая группа состоит из 2–3 человек. Затем даётся задание (например, описание рисунка).

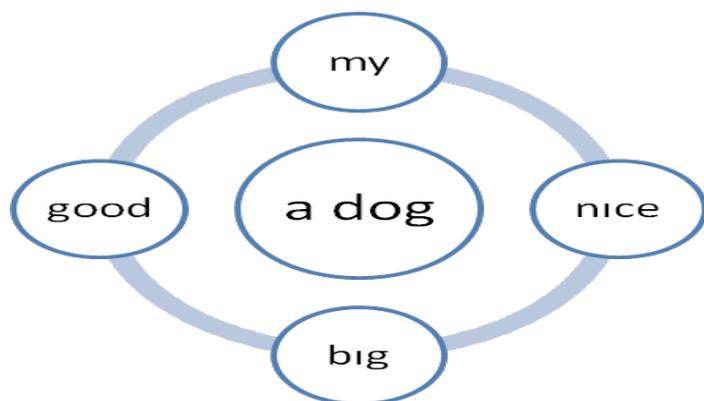

Рис. 1.

Учитель даёт инструкции и объявляет время выполнения работ.

Осуществляется контроль и также стимулирование.

В конце один из членов группы делает сообщение о выполненной задаче.

4. *Кластер* является одним из интерактивных методов. При презентации нового слова учитель пишет новые слова на доске. Затем учащиеся называют слова, которые можно связать с заданным словом (см. рис. 1).

Затем составляются фразы или словосочетания текста: *a nice dog, a small dog, my dog, it likes ets.* После этого проводится фронтальная работа и с помощью этих сочетаний слов обучаемые составляют предложения: *It's a small dog. It's a good dog. It's my dog. The dog bark. The dog likes to run ets.* Кластер очень эффективен и при формировании также монологических навыков.

5. *Жигло*. Можно использовать в групповых работах. Здесь обучаемым даётся задание восстановить текст из нарезанных и смешанных предложений.

6. *Синквейн*. Названия данного метода взято из французского языка и означает пять строк.

1. Любое слово, относящееся к существительному: a house.

2. Прибавляется прилагательное: a nice house

3. Здесь можно удвоить прилагательное: a big nice house

4. Прибавление глагола и наречия – предложение: *We live in a big nice house.*

5. Выражается своё отношение к теме: *We like our house.*

Технологический подход в использовании интерактивных методов позволяет включить обучающихся в осознанную учебную деятельность, делает более понятным каждую задачу обучения. При таком подходе повышается мотивация учащихся, целесообразно и эффективно используется каждая минута учебного времени, при этом гарантируется достижение цели обучения.

Список литературы

1. Азизходжаева Н. П. Педагогические технологии и педагогическое мастерство. Т.: ТГПУ, 2003.

2. Колеченко А. К. Энциклопедия педагогических технологий: пособие для преподавателей. СПб.: КАРО, 2005.

3. Фарберман Б. Р., Мусина Р. Г., Сафин Д. В., Турсунова З. М. Инструменты развития критического мышления и их роль в решении задачи подготовки молодежи к жизни в условиях рыночной экономики и демократического общества. Т., 2002.

4. Алимов Ш. С. Лекции по современным технологиям обучения иностранным языкам Андижан, 2010.

5. Боголюбов В. И. Перспективы развития педагогических технологий // Школьные технологии. 2005. № 3.

6. Селевко Г. К. Групповые формы учебной деятельности // Школьные технологии, 2005 № 1.

УДК: 377

ББК: Ч 70.74

О. В. Трофимова
г. Чита (Россия)

К вопросу о формировании профессиональных компетенций у магистрантов направления «Педагогическое образование» (на примере учебной дисциплины «Современные системы оценки качества образования»)

Статья посвящена вопросу формирования у магистрантов профессиональных компетенций. Автор считает, что в обучении необходимо использовать специально разработанные задания и упражнения, способствующие становлению будущих учителей. Предлагаемые автором методические приёмы вовлекают магистрантов в активную познавательную деятельность, развивают у них интерес к будущей профессии, формируют умение осмысливать педагогические процессы.

Ключевые слова: профессиональное образование, компетенция, компетентностный подход, магистрант, рефлексивная задача, педагогическая ситуация, проектирование.

**To a question of formation of professional competencies Undergraduates
in the direction of «Teacher education» (by the example of discipline
«Modern systems of education quality assessment»)**

The article is devoted to a question of formation at undergraduates of professional competencies. The author believes that the training is necessary to use special tasks and exercises that promote the formation of future teachers. Suggested by the author methodical techniques involve undergraduates in cognitive activities, develop their interest in the future profession, the ability to understand the pedagogical processes.

Key words: *a professional education, a competence, a competence treatment, a undergraduate, a reflexive task, a pedagogical situation, a projection*

Изменения в современном мире, процессы глобализации и интеграции находят своё отражение во всех сферах деятельности человека. Образование не исключение. Так, согласно новому запросу общества и государства были разработаны и утверждены Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования по направлениям подготовки бакалавров и магистров, в том числе и по направлению «Педагогическое образование» [1].

Вузы, выпускающие магистров педагогического образования, должны предоставить не просто выпускника с определённым набором знаний, умений, навыков, способностей и готовностей, позволяющих ему быть полноценным гражданином и членом общества, а специалиста-профессионала в своей области, успешную личность, готовую к реализации всех компетенций, заложенных в стандарте образования. Современные магистры педагогического образования должны иметь ряд сформированных компетенций следующих групп: ОК – общекультурные компетенции; ПК – профессиональные компетенции; ОПК – общепрофессиональные компетенции.

Таким образом, сегодня в образовательном пространстве одним из актуальных подходов к обучению стал компетентностный подход, позволяющий решить поставленные перед преподавателями задачи, соблюсти требования современных образовательных стандартов и в итоге выполнить социальный и государственный заказ.

Суть компетентностного подхода состоит в том, что результатом образования, во-первых, является способность человека действовать в разных проблемных ситуациях, а не сумма усвоенной им информации, во-вторых, выпускник, владеющий компетенциями, то есть тем, что он может делать, каким способом деятельности овладел, к чему он готов. Именно подход определяет стратегию и тактику обучения, выбор методов и приёмов для решения педагогических задач.

Во ФГОС ВПО по направлению подготовки 050100 «Педагогическое образование» (квалификация / степень «Магистр») говорится и о формах обучения, позволяющих в полной мере реализовать компетентностный подход: «Реализация компетентностного подхода должна предусматривать широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий (семинаров в диалоговом режиме, дискуссий, компьютерных симуляций, деловых и ролевых игр, разбор конкретных ситуаций, психологических и иных тренингов, групповых дискуссий, результатов работы студенческих исследовательских групп, вузовских и межвузовских телеконференций) в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования и развития профессиональных навыков обучающихся. Одной из основных активных форм обучения профессиональным компетенциям, связанных с ведением того вида (видов) деятельности, к которым готовится магистр (педагогической, научно-исследовательской, управленческой, проектной, методической и культурно-просветительской), для основной образовательной программы магистратуры является семинар» [2, с. 8].

Покажем, каким образом можно формировать профессиональные компетенции у магистрантов магистерской программы «Методические технологии в филологическом образовании» направления «Педагогическое образование» в ходе освоения ими учебной дисциплины «Современные системы оценки качества образования», реализуя на практике методы и приёмы компетентностного подхода.

Согласно учебной программе, процесс изучения данной дисциплины направлен на формирование следующих компетенций: ОК-5 – способность самостоятельно приобретать с помощью ин-

формационных технологий и использовать в практической деятельности новые знания и умения, в том числе в новых областях знаний, непосредственно не связанных со сферой деятельности; ПК-1 – способность применять современные методики и технологии организации и реализации образовательного процесса на различных образовательных ступенях в различных образовательных учреждениях; ПК-4 – способность руководить исследовательской работой обучающихся; ПК-15 – способность проектировать формы и методы контроля качества образования, а также различные виды контрольно-измерительных материалов, в том числе на основе информационных технологий и на основе применения зарубежного опыта.

Так, для работы на семинарских занятиях с целью формирования у магистрантов вышеперечисленных компетенций, кроме теоретических вопросов, можно использовать следующие задания (покажем на примере темы «Российские системы оценки качества образования по русскому языку: ЕГЭ»):

1. Изучите «Спецификацию КИМов...», «Кодификатор...» и демонстрационный вариант экзаменационной работы (на сайте ФИПИ в папке ЕГЭ «Русский язык»), ответьте на следующие вопросы:

Что необходимо знать учителю для успешной подготовки своих учеников к экзаменационному испытанию?

Нужно ли знакомить учащихся, родителей, классных руководителей с этими документами, почему? (ответ аргументируйте).

Как распределяются задания в ЕГЭ по русскому языку по степени сложности?

Какова система оценивания части С? Сравните критерии оценивания части С разных лет, найдите изменения и предположите, чем они вызваны, в чём их суть?

Какова продолжительность написания работы?

Целесообразно ли увеличение времени на ее выполнение в 2013 году и в последующие годы?

Почему ЕГЭ одинаков как для выпускников базового уровня, так и для тех, кто учился в профильных классах?

С какой целью ежегодно ФИПИ представляет демонстрационный вариант работы? Можно ли полагать, что все задания, их формулировки в режиме реального ЕГЭ будут совпадать с заданиями и формулировками, представленными в демоверсии. Почему? Докажите свою точку зрения, ссылаясь на изученные документы.

Сравните папки демонстрационных вариантов последних лет. Что изменилось, добавилось в 2014 году? С чем, как вы думаете, это может быть связано? (ОК-5).

2. Выполните демонстрационный вариант по русскому языку с соблюдением предлагаемых в документах условий проведения экзамена (времени на выполнение работы, использования бланков для занесения ответов и т. д.). Приготовьтесь рассказать, что было самым сложным, с чем вы легко справились, что показалось интересным (ОК-5, ПК-15).

3. Изучите критерии оценивания части С, приготовьтесь оценить ученическую работу (на занятии студенты получают реальные работы учащихся и пробуют себя в роли экспертов, затем обсуждаются выставленные баллы). Кроме того, магистранты проверяют написанные одноклассниками сочинения. Работа может вестись по следующему плану:

1) самостоятельная работа по проверке и оцениванию работ друг друга;

2) обсуждение полученных баллов по каждому критерию в отдельности с приведением аргументов по оценке;

3) работа над ошибками в собственном сочинении (ОК-5, ПК-1).

4. Изучите официальный информационный портал ЕГЭ и официальный сайт ФИПИ и оцените их глазами выпускника/абитуриента, родителя, учителя-предметника, эксперта. Что, на ваш взгляд, наиболее удачно, что необходимо доработать? Аргументируйте свой ответ (ОК-5, ПК-1, ПК-15).

5. Изучите банк открытых заданий на сайте ФИПИ и выберите те из них, которые можно использовать в работе с учащимися 5–9 классов. Покажите, как вы это сделаете, представив фрагмент конспекта урока, указав тему, цель, форму работы (ОК-5, ПК-1, ПК-4, ПК-15).

6. Разработайте памятку для учащихся 11 классов «Пишем сочинение (часть С)» (ПК-1, ПК-15).

7. Разработайте страницу для школьного сайта, которую можно будет использовать в работе по подготовке к ЕГЭ. На кого она будет рассчитана, какие рубрики будет содержать. Почему? (ПК-1, ПК-15).

8. Представьте, что Вы – учитель русского языка 11 класса (не классный руководитель!) и Вас пригласили на родительское собрание. Составьте план своего выступления. С чего начнёте, чем закончите, какие вопросы будут обязательными в Вашем выступлении (ПК-15).

Считаем, что использование заданий подобного рода (направленных на решение рефлексивных и ситуативных задач, разбор педагогических ситуаций, коллективное обсуждение проблемы, анализ самостоятельных работ студентов, проектирование и моделирование) позволяет не только вовлекать магистрантов в активную познавательную деятельность, но и развивать у них интерес к будущей профессии, формировать умение осмысливать педагогические процессы, реально возникающие в повседневной деятельности учителя, формирует самостоятельность и чувство ответственности в принятии педагогических решений, способствует осознанному усвоению профессиональных знаний и умений, развитию коммуникативных умений, необходимых будущему учителю.

Список литературы

1. ФГОС ВПО по направлениям подготовки. URL: <http://www.edu.ru/db/portal/spe/index.html>. (дата обращения: 15.05. 2014).

2. ФГОС ВПО по направлению подготовки 050100 Педагогическое образование (квалификация (степень) «Магистр»). URL: http://www.edu.ru/db-minobr/mo/Data/d_10/prm35-1.pdf. (дата обращения: 15.05. 2014).

УДК 81–114.2
ББК 81.1(рус)

М. С. Фильцова
г. Симферополь (Россия)

Об обучении иноговорящих студентов связной научной речи

Статья посвящена проблеме разработки лингвистических основ связной письменной и устной речи иноговорящих студентов, в том числе речи, подчинённой задачам профессионального общения. Рассматриваются типичные нарушения построения и оформления микротекста как базовой структурно-семантической единицы обучения связной речи.

Ключевые слова: *микротекст, композиционно-смысловая структура текста, редактирование текста.*

M. S. Filtsova
Simferopol (Russia)

About the teaching of foreign students the connected scientific speech

The article deals with the development of linguistic bases of coherent written language of foreign students, including speech, subordinated to tasks of professional communication. The typical mistakes of composing and shaping of microtext as a basic structural and semantic unit of teaching the connected language are considered.

Key words: *microtext, compositional semantic structure of the text, editing the text.*

Проблема обучения иностранных студентов-нефилологов связной речи в методике преподавания русского языка как иностранного изучена достаточно полно [2; 3; 4; 6; 7 и др.]. Установлено, что основой для формирования связной научной речи является текст – прежде всего учебно-научный текст, главными характеристиками которого являются логичность, структурная организованность, связность изложения, завершённость, целостность. Принципы построения текста рассматриваются с учётом закономерностей мыслительной деятельности человека, в связи с чем минимальной единицей текста, обладающей его основными свойствами, считается

микротекст (Н. С. Поспелов, Л. А. Булаховский, Г. А. Золотова, Г. Я. Солганик, Н. Д. Зарубина, О. И. Москальская, В. В. Бабайцева, В. А. Белошапкова, Л. М. Лосева). Именно микротекст является языковой единицей, наиболее системно функционирующей в рамках письменной формы литературного языка. Следовательно, именно он может быть базой для обучения иноговорящих студентов письменной и устной связной монологической речи в сфере специальности. Однако изменение состава иноязычных студентов, значительное увеличение числа двуязычных учащихся из республик бывшего СССР (Узбекистан, Азербайджан, Туркменистан), изучавших русский язык в иной, нежели собственно иностранцы, системе, возвращает этой проблеме прежнюю актуальность. Даже сравнительно свободно владеющие языком выпускники русских школ Узбекистана и Туркменистана имеют весьма смутное, на уровне интуиции, представление о природе микротекста, его композиционно-смысловой структуре, структурных элементах рассуждения, особенно рассуждения со сложной аргументацией, о текстообразующих языковых средствах и т. п., что приводит к неумению построить собственный стилистически, грамматически, композиционно, логически правильный связный монологический текст разного назначения. В существующих же пособиях по обучению письменной и устной научной речи, как отмечают исследователи, основное внимание уделяется созданию вторичных научных текстов (конспектов, аннотаций, информативных рефератов, рецензий, отзывов и т. п.), а не первичных (собственных рассуждений с целью доказательства некоторого тезиса), а также не затрагиваются многие важные аспекты содержания и оформления текста [1, с. 6].

Анализ письменных работ двуязычных студентов-медиков, окончивших национальные и русские школы в республиках бывшего СССР, позволил выделить наиболее часто встречающиеся отступления от общих норм построения связного текста (в частности, моновысказываний по теме специальности, тезисов, аннотаций, устных и письменных рефератов статей по специальности, то есть собственных рассуждений на определённую тему на основе прочитанной научной литературы). Следует отметить, что именно эти нарушения представляются нам ключевыми, коммуникативно значимыми, существенно ухудшающими восприятие и понимание речи или отдельного высказывания.

1. Понятийно-логический уровень высказывания:

а) нарушение причинно-следственных отношений: *«Можно сказать несколько слов о процессе, когда англоязычный термин заменяется на русское словосочетание, поэтому можно наблюдать замену понятий. Например, инвалиды заменяется на люди с ограниченными физическими возможностями»;*

б) соединение в одном ряду логически несовместимых понятий: *«Чудесный доктор Пирогов – небольшого роста, в тёплой шапке, меховом пальто, голос мягкий, старческий, дружелюбный, необидчивый»;*

в) нарушение логики развёртывания мысли: *«Нужно подчеркнуть, что, изучая иностранные языки, мы знакомимся с культурой страны изучаемого языка, их обычаями и традициями, литературой и искусством. Некоторые жесты одного народа могут быть непонятны другому народу. Когда мы здороваемся, то пожимаем друг другу руки. Сейчас этот жест понятен всем»;*

г) нарушения при операциях с субъектом или объектом: *«У каждого из этих учёных есть своё замечательное качество: Пирогов – умение наблюдать и анализировать, Амосов – умение видеть главное, Георгиевский – умение думать о будущем, Войно-Ясенецкий – умение сострадать. Но главное качество доминирует над ними – любовь к людям, и поэтому мы помним их».*

Следует отметить, что смешение разных понятий, отсутствие фиксированного перехода от рассмотрения одной подтемы к рассмотрению другой, невыраженность логических, в том числе причинно-следственных, отношений между элементами смысла – наиболее часто встречающиеся нарушения в речи двуязычных студентов, которая в этом случае представляет собой совокупность отдельных, не связанных между собой утверждений и фактов.

2. Конструктивный уровень высказывания:

а) неумение расчленить текст на сложные синтаксические целые и определить их микротемы; неоправданное расчленение смысловой части на несколько абзацев либо объединение в одном абзаце сложного синтаксического целого и предложения, не относящегося к теме данного высказывания;

б) обрыв предложений, свидетельствующий о незнании особенностей построения предложений с однородными членами либо незнании структуры сложного предложения; пропуск необходимых слов или части высказывания: *«У Мерцалова и его семьи много событий, играют отрицательную роль»*; *«Лечение кариеса включает общего и местного характера. Во-первых, является повышение сил организма и резистентности тканей зуба...»*; *«Биография профессора Блискунова не так длинна, но за ней очень много»*;

в) неумение установить правильные смысловые и грамматические отношения между законченными предложениями, проявляющееся в отсутствии между последними связи и логической последовательности: *«Такое непонимание можно объяснить различиями не столько в языке, сколько в культуре народов. Легко увидеть, что это затрудняет общение собеседников. Скажем, что соматический язык – это невербальный, «телесный» язык, язык жестов, мимики, движений тела»*; *«Вопрос в названии нашего доклада может считаться риторическим. Слова английского языка активно проникают в языки мира, достаточно проследить за бегущей строкой во время информационных передач»*;

г) неумение использовать для соединения предложений текста синонимическую, местоименную, глагольную, наречную, межфразовую связь: *«Мне как будущему врачу было интересно узнать, что существующий в русском языке фразеологизм «огнём и мечом» восходит к древним способам обработки ран, врач вырезал её ножом и прижигал огнём»*.

3. Грамматический уровень высказывания:

а) нарушение согласования в роде и числе субъекта и предиката в разных предложениях текста: *«Я считаю, что Родина – это когда каждый уголок напоминает о прошедших днях, которые уже нельзя вернуть. Которое ушло навсегда и остаётся только помнить о них»*;

б) нарушения видо-временной соотнесённости глагольных форм в разных предложениях текста: *«Во время Крымской войны Пирогов сделал под наркозом около 10 тысяч операций. Пирогов не раз говорит с горечью, что большая часть раненых умирает не столько от повреждений, сколько от госпитальной заразы. Пирогов раньше западных хирургов понял, что внутрибольничная инфекция остаётся опасной»*;

в) употребление деепричастного оборота вне связи с субъектом, к которому он относится: *«Есть жесты, которые стали международными, и понятны всем. Например, подняв руку – это просьба человека обратить на него внимание»*; *«Учась в медицинском университете, нам нужно понимать это очень точно»*;

г) разрыв причастного оборота или ряда однородных членов: *«Отметим следующие употребляемые англицизмы в речи...»*; *«Композиты обладали хорошими эстетическими свойствами, хорошо полировались, высокой твёрдостью и хорошим краевым прилеганием пломб»*.

Приведённые примеры дают основание утверждать, что неадекватное использование лексико-грамматических средств приводит к затруднениям при понимании главной мысли, не позволяя читателю вычленив главную информацию.

4. Стилистический уровень высказывания: неумение (и это, пожалуй, наибольшая трудность при обучении) учитывать интегративные свойства языковых единиц разных уровней для создания текста определённого стиля; недостаточное понимание того, что каждая единица языка определяет ту или иную манеру изложения – точную, объективную, конкретно-образительную, информативно-деловую, в соответствии с чем каждый функциональный стиль выбирает из литературного языка те языковые единицы, которые могут наилучшим образом выполнить внутреннюю задачу данного стиля. Студенты практически не могут назвать основные стилевые черты, находящие отражение в предлагаемых для анализа текстах, и, соответственно, не могут найти подходящие лексические, словообразовательные, морфологические, синтаксические средства для собственных письменных текстов: *«И вот встаёт профессор и спрашивает пацана: «Как вы пришли к такому выводу?»* (употребление разговорно-просторечных слов в нейтральном контексте); *«А солдаты с глубокой верой отвечают: «Ничего, господин офицер! Голову транспортируют за нами, господин Пирогов как-нибудь привяжет»* (употребление книжных слов в нейтральных и сниженных контекстах); *«Это – вершина айсберга, на которой плышет в море проблем семья Мерцалова»* (неудачные метафоры, метонимии, сравнения). К стилистическим нарушениям можно отнести также бедность и однообразие синтаксических конструкций, т. е. тексты

типа: «Подвал был ужасный. Стены были грязные, мокрые. Запах был ужасный, запах детского грязного белья и крыс...», «В 1964 г. он доказал гипотезу о новейшей бета-структуре в глобулярных белках. Выдвинул теорию проиммунитета. Научную работу Герман Васильевич соединял с преподаванием». Подобные тексты свидетельствуют, на наш взгляд, не о синтаксических сбоях, а о неумении пишущего разнообразно изложить свои мысли.

Для исправления подобных ошибок, для выработки навыка осмысленного использования каждой языковой единицы на практических занятиях, помимо традиционного объяснения функциональной роли композиционных особенностей текста / микротекста, анализа типов текстов / микротекстов, могут быть предложены следующие типы заданий, позволяющие вести активное наблюдение над языком:

- узнавание языкового явления и выделение его из ряда других, сходных и несходных (например, части речи, типы предложений, семантические группы слов);
- дифференциация языковых явлений по сходству и различию (например, род, число имён существительных, разряды местоимений, союзов, наречий);
- классификация языковых явлений по группам (по одному или нескольким признакам);
- выделение и обобщение признаков (грамматических явлений, стилистических компонентов, типовых признаков);
- сопоставление и сравнение языковых явлений (например, видов глагола, степеней сравнения прилагательных и наречий, типов предложения);
- обобщение, составление схем текста.

На занятиях могут быть использованы приёмы редактирования текста, что помогает, по нашему мнению, полнее осознать природу и основные закономерности конкретного микротекста, способствует переходу от навыков анализа готового языкового материала к навыку создания собственных высказываний. Подбор синонимов к данным языковым фактам, объяснение уместности каждого языкового явления, аргументация выбора определённой языковой единицы, распространение исходного материала, сжатие данного построения, редактирование могут использоваться на разных этапах структурно-стилистического анализа микротекста с целью преодоления стилистической разноплановости, стилистического разнообразия, которые вступают в противоречие с контекстом.

Таким образом, подробный структурно-стилистический, языковой анализ текстов / микротекстов разных функционально-семантических типов и разных стилей позволяет, с нашей точки зрения, выработать у студентов-нефилологов, для которых русский язык является иностранным либо неродным, навык аналитического отношения к любому тексту, в первую очередь – к своему, так как именно этот навык формирует собственный арсенал языковых средств для дальнейшей текстообразующей деятельности – составления текстов разных функционально-семантических типов и функциональных стилей, что обусловлено современной языковой ситуацией и социальным заказом общества.

Список литературы

1. Анисина Н. В. Методика обучения студентов негуманитарных вузов созданию научного текста: автореф. ... дис. канд. пед. наук: спец. 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования». СПбГПУ. СПб, 2002. 46 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Комкнига, 2006. 144 с.
3. Зарубина Н. Д. Методика обучения связной речи. М.: Русский язык, 1977. 48 с.
4. Зарубина Н. Д. Текст: лингвистический и методический аспект. М.: Русский язык, 1981. 112 с.
5. Кокорина С. И. Об отражении в высказывании речевых интенций говорящего и некоторых задачах прикладного описания языка // Русский язык за рубежом. 1990. № 4. С. 67–75.
6. Лосева Л. М. Как строится текст. М.: Просвещение, 1980. 94 с.
7. Москальская О. И. Грамматика текста. М.: Высш. шк., 1981. 184 с.

Использование анекдота при обучении русскому языку как иностранному

В статье рассматриваются возможности использования текстов такого «малого» жанра как анекдот на уроках русского языка как иностранного на разных уровнях обучения при изучении разных грамматических и лексических тем. Данная тема представлена на примере различных учебных пособий по русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, анекдот, иллюстративный грамматический материал*

D. V. Khalyavina
Belgorod (Russia)

Using anecdote in teaching Russian as a foreign language

The article discusses any possible using of texts of the «small» genre as an anecdote on lessons of Russian as a foreign language at different levels of different grammatical and lexical topics training. This topic is discussed on the basis of different textbooks of Russian as a foreign language.

Key words: *Russian as a foreign language, anecdote, illustrating grammatical material*

На современном этапе методика преподавания русского языка как иностранного предполагает использование различных методов обучения и форм работы с изучаемым материалом, что позволяет эффективнее реализовывать коммуникативно-познавательные задачи, стоящие перед преподавателем. Очень полезным и эффективным способом реализации данных задач является использование на уроке текстов «малой» формы, в том числе анекдотов.

Под термином «анекдот» (в частности, «бытовой анекдот») подразумевается небольшой рассказ о смешном, забавном происшествии. Его краткость, простота конструкций, диалогичность, юмористичность и разнообразие тематики способствовали тому, что тексты подобного жанра часто включаются в процесс языкового обучения.

Анекдоты встречаются во многих учебниках и учебных пособиях по РКИ (русскому языку как иностранному): в одних – эпизодически в связи с конкретной грамматической, лексической или страноведческой темой, в других – постоянно, в качестве иллюстративного материала.

На начальном этапе обучения анекдоты, как правило, сопровождают определенный грамматический материал, их чтение и заучивание закрепляет новую лексику и отработанный в упражнениях навык, помогает семантизации новой лексики. В процессе работы над анекдотом активизируются все виды речевой деятельности: аудирование, чтение, говорение, письмо. При этом один и тот же текст можно вводить несколько раз с разрывом во времени, акцентируя внимание на определенном грамматическом материале.

Например, в учебном пособии Л. Н. Булгаковой «Мои друзья падежи» первые шутки связаны с закреплением навыков спряжения глаголов и употреблением конструкций «говорить (как?)» (*по-русски и т. д.*) / «изучать – знать» (*какой язык?*):

«Маленький Сережа говорит:

– Я говорю по-русски, по-французски, по-английски и по-испански.

– Как по-французски «До свиданья»?

– Ауф Фидерзейн.

– Но это по-немецки!

– Значит, я и немецкий знаю».

В другом уроке даются простые формы русского отрицания, появляются отрицательные наречия и местоимения *нигде, ничего* с отрицательной частицей *не*:

«– Где ты работаешь?

– Нигде не работаю.

– А что ты делаешь?

– Ничего не делаю.

- *Какая хорошая работа!*
- *Да, но какая большая конкуренция».*

В учебном пособии Е. Р. Ласкаревой «Чистая грамматика» для отработки грамматического материала по теме «Родительный падеж существительных» приводится следующий текст:

«Дочь спрашивает у мамы:

– *Мама, почему у меня 2 руки, 2 ноги, 2 глаза, 2 уха и 1 язык?*

– *А это, чтобы ты больше работала, больше ходила, больше видела, больше слышала и меньше говорила».*

Анекдоты практически к каждой теме подобраны и в учебнике С. А. Хаврониной и Л. А. Харламовой. Авторы начинают вводить их со второго тематического блока, есть подборки анекдотов, в которых отрабатывается и закрепляется употребление падежных форм существительных и прилагательных, числительных, модальных глаголов, глаголов движения, времен, совершенного и несовершенного вида глаголов, сложноподчиненных предложений с различными видами придаточных, например:

«– Автомобильная катастрофа?

– *Да.*

– *Наверное, кто-то быстро ехал.*

– *Я думаю, кто-то медленно шел [с. 193].»*

«– Скажите, доктор, когда у меня кончится насморк?

– *Если вы будете принимать лекарство, то через семь дней.*

– *А если не буду?*

– *То насморк кончится через неделю [с. 477].»*

Эффективность такого способа усвоения лексики и грамматики, быстрого формирования и закрепления речевых навыков, особенно на начальном этапе, подтверждается существованием отдельной книги «Русская грамматика в анекдотах...» Г. М. Левиной и Т. В. Васильевой, где анекдот используется при изучении грамматических тем.

Более высокий уровень владения языком предполагает более сложные задания, включающие не только анализ грамматических элементов, но и эмоциональной составляющей текста. К примеру, в пособии Г. Л. Скворцовой «Глаголы движения без ошибок» почти все анекдоты собраны в одном упражнении [с. 100–102]. В нем выделены приставочные глаголы движения, требуется объяснить их употребление, осмыслить, в чем заключается юмор каждой шутки, и пересказать тексты.

Использование текстов анекдотов при обучении студентов основному (лексико-грамматическому) курсу русского языка обосновано и доказано. На наш взгляд, тексты анекдотов (в частности на медицинскую тематику) могут найти применение и при обучении «Научному стилю речи» (медико-биологический профиль) и в дальнейшем обучении профессиональному общению. Во-первых, чтение, диалогическое разыгрывание подобных анекдотов и выполнение различных заданий к ним позволяет смоделировать ситуацию общения пациента с врачом, чтобы потом легче высказать свои жалобы в реальных жизненных обстоятельствах. Во-вторых, перед будущими студентами-медиками стоят и иные задачи – расспросить пациента о самочувствии, симптомах болезни, понять своего собеседника (который в зависимости от различных факторов будет выражать свои ощущения, используя разговорную лексику и многочисленные синонимы).

Безусловно, анекдот не является источником научной лексики, но он является моделью живой разговорной речи, с которой иностранным студентам придется столкнуться в бытовом общении.

В медицинских анекдотах есть стандартные фразы начала, продолжения, окончания диалога: «*На что Вы жалуетесь?*» или «*Что Вас беспокоит?*» Знакомство с ними на ранних этапах облегчит их запоминание и дальнейшее использование в речи.

«Врач спрашивает у пациента:

– *Как Вы спите?*

– *Плохо, доктор. Вечером засыпаю рано, утром просыпаюсь поздно, зато после обеда часами ворочаюсь – не могу заснуть».*

Довольно часто в анекдотах используются видовые пары глаголов или глаголы одного вида, что также помогает лучшему усвоению грамматической темы и умению строить диалог:

«Мужчина приходит к врачу. Тот его обследует, потом выдает три упаковки таблеток:

– Вот эти – синие – съедайте по одной перед завтраком и запивайте как можно большим количеством воды. Зеленую таблетку принимайте перед обедом и тоже запивайте большим количеством воды. Одну красную принимайте перед ужином и опять запивайте большим количеством воды.

– Доктор, у меня что-то серьезное?

– У Вас обезвоживание организма».

Легкость и простота текстов, возможность понять юмор и посмеяться превращают использование анекдотов в процессе обучения в один из способов эмоциональной разгрузки.

Немалую роль играет и лингвострановедческий аспект. Анекдот дает возможность почувствовать специфику юмора, различного в каждой стране. Кроме того, понимание того, что изучаемые тексты известны многим в стране изучаемого языка, усиливает желание выучить, уметь пересказать и использовать их в своей разговорно-бытовой речи в чужой языковой среде.

Список литературы

1. Булгакова Л. Н., Захаренко И. В., Красных В. В. Мои друзья падежи: Русская грамматика в диалогах. 6-е изд., стереотип. М.: Русский язык. Курсы, 2009. 216 с.

2. Ласкарева Е. Р. Чистая грамматика. 4-е изд. СПб.: Златоуст, 2010. 336 с.

3. Левина Г. М., Васильева Т. В. Русская грамматика в анекдотах: шутки и анекдоты, диалоги и монологи, задачи и загадки, викторины и вопросы: тренажер для начинающих. 5-е изд. СПб.: Златоуст, 2006. 91 с.

4. Скворцова Г. Л. Глаголы движения – без ошибок: пособие для студентов, изучающих русский язык как иностранный. М.: Русский язык, 2004. 136 с.

5. Хавронина С. А., Харламова Л. А. Русский язык: лексико-грамматический курс для начинающих. М.: Русский язык. Медиа, 2007. 566 с.

УДК 372.881.161.1

ББК Ч 426. 13

Л. В. Черепанова

г. Чита (Россия)

Научные парадигмы как фактор развития современной лингводидактики и школьного лингвистического образования

В статье раскрывается вопрос о том, как развитие лингвистики (лингвистики текста, функционального направления, психолингвистики, теории РД, теории языковой личности) обуславливает обогащение содержания школьного курса русского языка, изменение направленности в обучении русскому языку и появлению новых подходов. Также автор показывает, как изменения в содержании школьного курса русского языка и подходы обуславливали в лингводидактике поиск эффективных форм, методов, приемов и технологий обучения.

Ключевые слова: лингводидактика, содержание обучения русскому языку, лингвистика текста, текстоцентрический подход, функциональная лингвистика, виды речевой деятельности, коммуникативно-деятельностный подход, языковая личность.

L. V. Cherepanova

Chita (Russia)

Scientific paradigms as a development factor for Linguistic didactics and linguistic school education

The article reveals how the development of Linguistics (Text Linguistics, Functional Linguistics, Psycholinguistics, the Theory of speech production, the Theory of the linguistic personality) was followed by the enrichment of the school course in the Russian language, changes in the methods of teaching the

Russian language, as well as the emergence of some new approaches in this field. Moreover, the author demonstrates how the transformation of the school course in the Russian language lead to the search for more effective new teaching forms, methods, techniques, and technologies.

Key words: *linguistic didactics, the Russian language curriculum, textual linguistics, textocentric approach, functional linguistics, types of speech production, communicative approach, linguistic personality.*

Лингвистика и лингводидактика на протяжении всех лет своего существования взаимодействовали, давая друг другу импульс для развития.

Лингвистика, являясь предметом изучения в школе, всегда определяла содержание обучения. Как известно, цели обучения русскому языку определяются:

- 1) социальным заказом;
- 2) уровнем развития лингвистики, психологии, дидактики и лингводидактики.

Остановимся на главнейших, на наш взгляд, вехах развития лингвистики и, как следствие, существенных изменениях в содержании школьного лингвистического образования, которые, в свою очередь, активизируют методические поиски.

До конца 60-х годов содержание обучения русскому языку в средней школе определяла структурная лингвистика, или лингвистика языка, накопившая к тому времени огромный запас научного лингвистического знания. Программа и учебники по русскому языку традиционно строились на изучении грамматики и ее законов, а также правописания.

Начало 70-х годов в школьном обучении русскому языку – начало поворота от грамматического изучения языка к лингвистике речи, выразившегося в появлении такого направления работы, как развитие речи. Этот поворот стал возможен в силу нескольких обстоятельств.

Во-первых, стала интенсивно развиваться лингвистика текста не только как учение о ССЦ, но и как учение о тексте как единице речи. Появились работы множества ученых: И. Р. Гальперина, Н. С. Валгиной, Н. Д. Зарубиной-Бурвиковой, Л. М. Лосевой, Т. М. Николаевой, А. Н. Новикова, Г. Я. Солганика и др., – посвященные исследованию макро- и микротекста в пропозициональном и динамическом аспектах. Сущность текста как феномена очень верно отразил В. А. Бухбиндер [1], сказав, что текст объединяет в себе языковые сущности и речевые свойства. Он одновременно единица языка и речи. Школьный курс русского языка обогатился не только определением текста, темы, основной мысли, но и целой системой текстовых категорий. Так, в учебнике русского языка 6 класса под ред. С. И. Львовой [9, с. 70] учащиеся знакомятся со следующими текстовыми категориями (признаками текста):

- единство темы;
- наличие основной мысли (идеи);
- завершенность и смысловая законченность;
- логическая связь частей текста, последовательность развития основной мысли текста;
- смысловая и грамматическая связь предложений;
- стилевое единство.

Их осмысление дает возможность современному школьнику не только понять, что такое текст, но и осуществлять разнообразные мыслительные операции (анализа, синтеза, классификации и др.), а также речевую деятельность восприятия, репродукции и продукции речи.

Текст в обучении русскому языку становится стержнем одного из важнейших подходов – текстоцентрического. Он состоит в такой организации обучения посредством текста, которое направлено на формирование всех видов компетенций (лингвистической, языковой, коммуникативной и культуроведческой). В таком обучении текст выступает как цель и средство обучения, объект и предмет изучения.

В качестве *цели обучения* текст выступает как объект смыслового восприятия и декодирования смысла, с одной стороны, и как продукт речевой деятельности школьников, с другой. Как *средство обучения* текст является:

- источником информации и, следовательно, средством приобретения, расширения, коррекции знаний и освоения терминологического и понятийного аппарата;
- средством взаимосвязанного формирования, развития и диагностики всех групп предметных и общепредметных умений, навыков и способов познавательной деятельности;

- средством формирования у учеников научно-лингвистического мировоззрения, языкового эстетического идеала, национального самосознания, ценностных ориентаций и мотивов деятельности;
- средством приобщения к национальной культуре, включения в единое культурное пространство.

В качестве *объекта и предмета изучения* текст представляет собой результат речевой деятельности, в котором воплотился авторский замысел, мысли, эмоции, чувства, выраженные языковыми средствами.

Во-вторых, развитие стилистики текста (работы О. А. Нечаевой, Г. Я. Солганика и др.) позволили обогатить речевую часть курса русского языка теорией о функционально-смысловых типах речи и построить формирование умений, связанных с восприятием, пониманием, репродукцией и продукцией текстов разного функционально-смыслового значения, на серьезной теоретической лингвистической основе. Что еще раз подтвердило тезис психолингвистов о том, что знания являются «ориентировочной основой деятельности» [7, с. 334]. Сегодня изучение повествования, описания и рассуждения, а также их разновидностей в школе сквозь призму целостной системы признаков, таких, как присущее им функционально-смысловое значение, соответствующая структура, языковые средства, наполнение «Данного» и «Нового», – это уже устоявшаяся традиция. А речеведческая теория о функционально-смысловых типах речи стала частью содержания, обеспечивающего формирование у школьников коммуникативной компетенции.

В-третьих, развитие функциональной лингвистики сделало возможным не только изучение в школьном курсе русского языка функций языковых единиц, но и определило в качестве ведущего подхода в изучении единиц языка в учебных комплексах под редакцией М. М. Разумовской и П. А. Леканта, а также С. И. Львовой функционально-семантический подход. В контексте этого подхода школьники осознают назначение слов определенной части речи, употребление разных типов сложных предложений в текстах разных стилей и жанров, смысловые отношения и средства их выражения (интонация, знаки препинания) в бессоюзных сложных предложениях и многое другое. Достижения функционального синтаксиса (Г. А. Золотова и др.) обогатило теорию о функционально-смысловых типах монологической речи. На основе ряда признаков, а именно:

- пространственно-временной позиции говорящего;
- способа восприятия (наблюдение или знание);
- коммуникативного намерения;

– рематической доминанты, под которой ученый понимает «семантико-грамматическую однородность предметных рем, скрепляющую предложения СФЕ изнутри и выделяющую его из текстового окружения» [2, с. 120], Г. А. Золотовой были выделены коммуникативные регистры как композиционные части текста, функционально различающиеся в структуре текста. Изучение речевых регистров стало предметом специального элективного курса «Коммуникативный синтаксис русского языка (Функциональный подход к изучению синтаксического строя современного русского языка)», а рематическая доминанта послужила конституционным признаком функционально-смысловых типов речи в учебниках под редакцией М. М. Разумовской и П. А. Леканта.

В-четвертых, исследование текстовосприятия и текстообразования как видов РД в рамках психолингвистики. Отправной идеей как обращения к изучению текста, так и понимания работы с текстом как текстовой деятельности послужила идея Л. В. Щербы о разных аспектах языковых явлений: языкового материала («совокупности всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или иную эпоху жизни данной общественной группы» [13, с. 26]), речевой деятельности («процессов говорения и понимания» [13, с. 24]). Научные исследования аудирования, чтения, говорения и продуктивного письма как видов РД в психолингвистике и теории РД позволили лингводидактам обосновать и разработать содержание, методики и технологии обучения этим видам РД в рамках коммуникативно-деятельностного подхода. Он предполагает, что 1) обучение видам РД должно учитывать их особенности: целенаправленную и мотивационную обусловленность, уровневый характер протекания, особенности работы речемыслительных механизмов на каждом уровне; 2) ориентировочную основу обучения видам РД составляют речеведческие понятия и сформированные на их основе знания.

В 70 – 80-е г. г. прошлого века Т. А. Ладыженской [11] и В. И. Капинос [6] были определены коммуникативные умения в разных фазах речевой деятельности говорения и письма (развития

речи), которые стали центральным звеном системы обучения связной речи как РД. Впоследствии на основе психолингвистической теории были проведены исследования и определены базовые умения в аудировании и чтении. Так сложилось содержание обучения видам РД, закрепленное сегодня в ФГОС второго поколения для основной школы по русскому языку [12].

Говоря о научных парадигмах как факторах развития современной лингводидактики и школьного лингвистического образования, нельзя не остановиться на важнейшем понятии современных лингвистических и психолингвистических парадигм – понятии языковой личности (Ю. Н. Караулов). Именно оно сегодня выступает современной моделью овладения родным языком.

Объектом пристального исследования и описания языковая личность стала сравнительно недавно. Сегодня можно выделить несколько направлений в исследовании языковой личности: лингвистическое, социолингвистическое и лингводидактическое, каждое из которых внесло свой вклад в развитие методики обучения русскому родному языку. **Лингвистическое** направление определяет языковую личность как личность, выраженную в языке (текстах) и через язык и реконструированную в основных своих чертах на базе языковых средств. В исследовании языковой личности оно опирается прежде всего на язык произведений, анализ которых позволяет описать ту личность(и), которую(ые) удалось реконструировать в результате такого анализа. Объектом изучения ученика как языковой личности с позиции лингвистического подхода являются разностилевые и разножанровые тексты, которые создает ученик в разной (официальной и неофициальной) обстановке в устной и письменной форме. В этой связи одной из актуальных проблем изучения школьника как языковой личности представляется определение номенклатуры речевых жанров, являющихся наиболее важными в жизни школьника и составляющих одну из ее характеристик. Исследование разножанровых дискурсов учеников позволяет, с одной стороны, выделить индивидуальные особенности, определяющие уникальность речевого портрета ученика, а с другой, – типизированные черты и характеристики современного школьника как языковой личности. Это позволяет вносить коррективы в содержание обучения русскому родному языку с учетом современных потребностей и целей образования.

Социолингвистическое направление, понимая языковую личность как носителя языка, формируемого и сформированного под воздействием социальных, психических и других процессов, исследует ее как вид полноценного представления личности, вмещающего в себя психический, социальный, этический, прагматический и другие компоненты, преломленные через ее язык, ее дискурс. Изучение языковой личности в данном направлении позволило ученым (Ю. Н. Караулов, Л. П. Крысин, О. Б. Сиротинина и др.) прийти к мысли о возможности языкового воздействия на формирование мировоззрения, языкового сопровождения процессов становления личности, о выработке принципов своеобразного ортолингвогенеза, обеспечивающего языковую сторону воспитания и совершенствования человека. Ученик как языковая личность является членом разных коллективов (групп): формальных и неформальных, первичных и вторичных, референтных и др. В таких группах формируется его отношение к жизни и к людям, происходит усвоение им основных нравственных норм. Принадлежность к определенной группе определяет его поведение и речь и является, следовательно, существенной составляющей характеристики школьника. Учет не только индивидуальных, но и типовых, социальных, групповых черт позволяет воссоздать наиболее полный портрет ученика как языковой личности. Помимо этого, ученик является носителем определенной культуры (элитарной, неэлитарной, фамиллярно-разговорной, жаргонизирующей (термины О. Б. Сиротининой) и др.) и формируется как языковая личность под воздействием определенных факторов. Выявление таких факторов дает возможность определить пути и средства формирования и воспитания школьника как языковой личности.

Синтез лингвистического и социолингвистического подходов составил основу концепции языковой личности Ю. Н. Караулова. Исследуя тезаурус носителей языка, ученый пришел к выводу, что тезаурус является образованием, которое формируется языковой личностью на протяжении жизни. Анализ художественных текстов, тезауруса авторской речи и художественных персонажей, позволили исследователю первоначально определить языковую личность как «личность, выраженную в языке (текстах) и через язык, личность, реконструированную в основных своих чертах на базе языковых средств» [4, с. 38], а также выделить уровни языковой личности [5, с. 5], которые определили ее структуру и легли в основу окончательного понимания Ю. Н. Карауловым языковой личности.

Структура языковой личности, по мнению ученого, может быть представлена тремя уровнями:

1) **вербально-семантическим, или лексиконом**, предполагающим для носителей языка нормальное владение естественным языком, а для исследователей – традиционное описание формальных средств выражения определенных значений;

2) **тезаурусным, или когнитивным**, охватывающим интеллектуальную сферу личности, позволяющим через язык, процессы говорения и понимания понимать и познавать человека. Единицами этого уровня являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную «картину мира», отражающую иерархию ценностей;

3) **мотивационным, или прагматическим**, который составляет прагматикон личности, т. е. цели, мотивы, интересы, установки и интенции. Этот уровень позволяет, оценив речевую деятельность языковой личности, осмыслить ее реальную деятельность в мире.

Когнитивный и прагматический уровни составляют, в свою очередь, мировоззрение, которое Ю. Н. Караулов определил как «результат соединения когнитивного уровня с прагматическим, результат взаимодействия системы ценностей личности, или «картины мира», с ее жизненными целями, поведенческими мотивами и установками, проявляющийся, в частности, в порождаемых ею текстах» [5, с. 5]. Анализ таких текстов (дискурса) позволяет реконструировать содержание мировоззрения личности.

Языковая личность на каждом уровне складывается из специфических элементов. Так, вербально-семантический уровень составляют слова, вступающие в грамматико-парадигматические, семантико-синтаксические и ассоциативные отношения. Когнитивный уровень складывается из понятий, идей, концептов, которые в совокупности являются картиной мира языковой личности. Прагматический уровень – уровень деятельностно-коммуникативных потребностей, реализуемых языковой личностью в различных сферах, ситуациях общения в разных коммуникативных ролях. Каждый уровень языковой личности представлен системой готовности, под которыми Ю. Н. Караулов понимает виды языковой способности.

В современной **лингводидактике** под языковой личностью понимается «человек, готовый производить речевые поступки, создавать и понимать произведения речи» [8, с. 269]. Поэтому ее структуру составляют языковые способности, готовности к осуществлению речевых поступков разной степени сложности, классифицируемые, с одной стороны, по видам речевой деятельности, с другой, – по уровням языка.

Введение в лингводидактику понятия языковой личности позволило:

1) выделить компоненты и уровни языковой личности в качестве аспектов и направлений работы по ее формированию;

2) конкретизировать цели каждого направления и определить содержание обучения;

3) выявить совокупность требований к языковой личности, критерии для диагностики уровня ее развития;

4) соотнести уровни и компоненты языковой личности со структурой и содержанием ведущих в обучении русскому родному языку видов компетенции и уточнить их структуру и содержание.

Таким образом, развитие лингвистических научных парадигм обуславливает обогащение содержания обучения русскому языку, поиск новых подходов, методов, приемов и технологий, направленных на освоение обновленного содержания образовательной области «Русский язык».

Список литературы

1. Бухбиндер В. А., Розанов Е. Д. О цельности и структуре текста // Вопросы языкознания. 1975. № 6. С. 73–86.
2. Золотова Г. А. Роль ремы в структурной организации и типологии текста // Синтаксис текста. М., 1979.
3. Золотова Г. А., Дручинина Г. П., Онипенко Н. К. Программа курса «Коммуникативный синтаксис русского языка (Функциональный подход к изучению синтаксического строя современного русского языка)» (8–9 классы гуманитарной специализации) // Русский язык в школе. 1993. № 2. С. 33–40.

4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: URSS, 2010. 264 с.
5. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения. Предисловие // Язык и личность. М., 1989. С. 3–8.
6. Капинос В. И. Работа по развитию речи в свете теории речевой деятельности // Русский язык в школе. 1978. № 4. С. 58–67.
7. Леонтьев А. А. Психологический статус знаний // Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. М., Воронеж, 2001, С. 334–337.
8. Львов М. Р. Словарь-справочник по методике преподавания русского языка: пособие для студ-в пед. вузов и колледжей. М.: Просвещение, 1999. 272 с.
9. Львова С. И., Львов В. В. Русский язык. 6 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений. В 3 ч. Ч 1. М.: Мнемозина, 2012. 205 с.
10. Примерные программы по учебным предметам. Русский язык. 5–9 классы: проект. М.: Просвещение, 2011. 112 с.
11. Система обучения сочинениям в 4–8 классах / под ред. Т. А. Ладыженской. М.: Просвещение, 1978. 286 с.
12. Фундаментальное ядро содержания общего образования / под ред. В. В. Козлова, А. М. Кондакова. М.: Просвещение, 2011. 59 с.
13. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Ленинград: Наука, 1974. С. 24–39.

УДК 372.8:811.611

ББК 74.268.12

***Е. А. Шестакова**
г. Чита (Россия)*

Использование рефлексивного вопроса и рефлексивной задачи при обучении учащихся устному развернутому ответу на уроках русского языка

Автор данной статьи предлагает к рассмотрению возможности использования рефлексивного вопроса и рефлексивной задачи в обучении учащихся устному развернутому ответу на лингвистическую тему. В работе рассмотрены понятия «рефлексия», «рефлексивный вопрос» и «рефлексивная задача». Автор статьи предлагает использовать рефлексивный вопрос на каждом этапе обучения школьников устному развернутому ответу, а также подчеркивает роль рефлексивной задачи в обеспечении контроля за усвоением знаний и формированием умений устного развернутого ответа на лингвистическую тему.

Ключевые слова: *устный развернутый ответ на лингвистическую тему, рефлексия, рефлексивный вопрос, рефлексивная задача, этапы деятельности*

***E. A. Shestakova**
Chita (Russia)*

The use of reflective questions and reflective tasks at training students interpretation detailed response to the Russian language lessons

The author of this article offers to consider the possibilities of using reflective task to give oral detailed answer to linguistic theme. In this work we consider such terms as: «reflection», «reflective question» and «reflective task». The author of the article offers to use the reflective question at each stage of learning pupils oral detailed answer to linguistic theme.

Key words: *oral detailed answer to linguistic theme, reflection, reflective question, reflective task, the stages of activity*

Обучение учащихся устному развернутому ответу является одним из сложных, трудоемких процессов в работе учителя-предметника, в том числе и русоведа. Научить устному развернутому ответу на лингвистическую тему сложно ещё и потому, что родным языком ребенок овладевает задолго до изучения его как учебного предмета в школе. Однако именно в школе, на уроках русского языка, учащиеся пытаются осмыслить язык как систему. «Рефлексируя над родным языком

и развивая языковое чутьё, учащиеся легче усваивают нормы языка», – отмечал А. А. Леонтьев [1, с. 448]. Считаем, что использовать способность к рефлексии можно и в процессе обучения учащихся на уроках русского языка устному развернутому ответу на лингвистическую тему.

Вопросы рефлексии и рефлексивного обучения рассматриваются многими учеными. Так, Л. В. Черепанова, рассмотрев различные точки зрения, предлагает следующие определения **рефлексии**:

- свойство личности, заключающееся в способности выделять, анализировать и соотносить с предметной ситуацией свои собственные способы деятельности;
- сам мыследеятельностный или чувственно-переживаемый процесс осознания практической деятельности (её способов, смысловых особенностей, образовательных приращений) и её результатов, являющийся важнейшим условием полноценного теоретического познания;
- психологический механизм регуляции собственных внутренних процессов и действий, переосмысление содержания сознаний в процессе развития отношений человека к себе, собственной деятельности и общению с другими людьми и изменении собственного сознания;
- деятельность [3, с. 22–23].

Рассматривая рефлексии с точки зрения учебной деятельности и урока, рефлексии понимают как:

- общеучебное умение, заключающееся в выделении, анализе, самоанализе, которые являются одновременно средством самоконтроля и саморазвития мышления;
- как этап (фазу) учебной деятельности (контроля), на котором ученик подводит итоги, делает выводы, обобщения, систематизирует полученные знания, оценивает собственные результаты;
- фазу учебного действия, сущность которого состоит в самоанализе действия, операции [4, с. 37].

Таким образом, рефлексия – это неотъемлемая часть обучения, способствующая успеху и позволяющая учащимся осуществить контроль и самоконтроль на любом этапе урока.

В обучении учащихся устному развернутому ответу на лингвистическую тему можно использовать рефлексивный вопрос, предполагающий осмысление полученных знаний.

По мнению О. Б. Соловьёва, рефлексивный вопрос можно использовать для:

- осмысления содержания и последовательности умственных действий, операций;
- использования методов и приёмов деятельности;
- осмысления возникших трудностей и их причин;
- получения новых знаний, умений и навыков;
- достижения или не достижения поставленных целей и задач на всех этапах урока [2, с. 96–97].

Покажем, как можно использовать рефлексивный вопрос в процессе обучения учащихся устному развернутому ответу на лингвистическую тему на уроках русского языка.

Так, на **этапе ориентировки** рефлексивный вопрос задается педагогом или учащимися самому себе с целью осознания цели, задач и мотивов деятельности. Например: *Для чего и зачем мне нужны знания, необходимые для построения устного развернутого ответа? Что и зачем я должен научиться делать, чтобы грамотно строить устный развернутый ответ? С какой целью я должен изучить критерии оценки устного развернутого ответа и требования к построению устного развернутого ответа?*

На **этапе планирования** устного развернутого ответа с целью осознания смысла каждого действия, последовательности действий учащимся задаются вопросы:

Что нужно делать, чтобы научиться устному развернутому ответу? Почему ты так считаешь?

В какой последовательности нужно строить устный развернутый ответ на лингвистическую тему?

Какие примеры можно взять для иллюстрации теории?

На **этапе реализации** цель рефлексивных вопросов заключается в осуществлении текущего контроля за содержанием и структурой ответа:

Что делать дальше? Почему? Зачем?

Почему не получается начать/продолжить/закончить устный развернутый ответ?

Что необходимо изменить, чтобы достичь поставленную цель и овладеть устным развернутым ответом? Почему?

На этапе **контроля** рефлексивные вопросы помогают учащимся осознать, достигнуты ли цели, задачи. Если нет, то осмыслить, почему.

Получился ли у тебя устный развернутый ответ? Почему?

Какие ошибки допустил? Почему?

Как избежать этих ошибок в следующий раз?

На каком этапе устного развернутого ответа было всего сложнее / легче? Почему?

Таким образом, рефлексивный вопрос способствует самоорганизации учащегося, помогает осуществлять контроль и самоконтроль на всех этапах деятельности.

Наряду с рефлексивным вопросом при обучении учащихся устному развернутому ответу можно использовать рефлексивную задачу. **Рефлексивная задача** – это задача, способствующая формированию у учащихся умений осмысливать и контролировать мыслительную деятельность, осуществлять поиск оснований собственных действий [5, с. 67]. Основная функция рефлексивной задачи – обратить внимание ученика на то, как он мыслит, и проверить уровень осмысления материала. В процессе решения рефлексивных задач у школьника формируются критическое мышление, навыки самоанализа, самокоррекции, а также такие когнитивные умения, как:

- критическое отношение к каждому умозаключению, решению, аргументировать их;
- умение выдвигать гипотезы и проверять их истинность или ложность;
- умение осмысленно выстраивать последовательность своих действий, умозаключений, проверяя ход собственных рассуждений;
- умение определять и аргументировать собственную позицию.

Так, следующую рефлексивную задачу можно использовать при обучении учащихся планированию устного развернутого ответа на лингвистическую тему:

– Определите, соответствует ли представленный ниже устный развернутый ответ на тему «Отличие служебных частей речи от самостоятельных» требованиям построения устного развернутого ответа? Почему? *(Разница у них есть. Потому что. Потому что служебные части речи – это предлоги, союзы, частицы. Например, **в, на, за, и, а** и другие. Самостоятельные части речи – существительные, прилагательные, числительные, местоимения, глаголы, наречия. Служебные слова не делятся по составу. Предлог **через** не делится на части. Еще пример: союз **чтобы** не делится на части. Еще пример частицы – **только**. В этих служебных словах есть только основа, самостоятельные части речи состоят... могут состоять из основы и окончания. Например, **красные шары**. Прилагательное **красные** оканчивается на –ые, окончание –ые, существительное шары – окончание –ы. Еще примеры приводить? (Нет, достаточно.) Служебные части речи отличаются..., что они членами предложения не бывают, самостоятельные части – члены предложения, главные и второстепенные. Самостоятельные называют предметы, признаки, действия. Существительное **шар** – предмет, **красный** – прилагательное, признак. Еще служебные слова не обозначают ни предметов, ни признаков, ни действия. Местоимения не называют предмет, признаки, а... Они не называют предмет, признак. **Такой** указывает на признак, предмет).*

– Составьте план устного развернутого ответа на предложенную тему.

– Найдите ошибки и исправьте недостатки данного устного ответа. Ответ аргументируйте.

При решении данной задачи учащиеся определяют, что ответ дан не по правилам. При анализе данного ответа учащиеся делали следующие выводы: *В начальном предложении следует указывать предмет речи. Местоимение **у них** в первом предложении неуместно. **Потому что...** не совсем уместно: надо не мотивировать наличие разницы между служебными и знаменательными частями речи, а раскрыть, в чем она состоит. В третьем предложении, как и в следующем, называются части речи, но не раскрываются различия между служебными и самостоятельными частями речи. Союз **потому что** здесь также неуместен. В 5 предложении довод верен, но характеристику отличия двух групп частей речи следует начинать не с него. Этот недочёт свидетельствует о неумении определять последовательность доказательства отличия служебных и знаменательных частей речи. Нарушение синтаксических конструкций, повтор,*

*неумение пользоваться такими средствами связи отдельных частей текста, как **во-первых, во-вторых** и т. д. Пропуск слов речи и части речи – нарушение терминологической точности научной речи. Разъяснение через конкретный пример недостаточно убедительно, общее положение об особенностях местоименной группы слов не сформулировано. Эта часть ответа о местоимениях не обязательна в данном высказывании.*

Таким образом, рефлексивная деятельность является компонентом организации деятельности учащегося на каждом этапе обучения устному развернутому ответу на лингвистическую тему, рефлексивный вопрос и рефлексивная задача позволяют реализовать поставленные перед учителем задачи обучения.

Список литературы

1. Леонтьев А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. Избранные психологические труды. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: МОДЭК, 2001. 448 с.
2. Соловьёв О. Б. К вопросу о способе рефлексивного осмысления объекта исследования. Н.: Лингвистика и семиотика. 2012. 241 с.
3. Черепанова Л. В. Инновационные технологии обучения русскому языку: рефлексивное обучение: учебное пособие Чита: ЗабГУ, 2014. 145 с.
4. Черепанова Л. В. Инновационные технологии обучения русскому языку: языковой портфель ученика: учебное пособие. Чита: ЗабГУ, 2013. 133с.
5. Черепанова Л. В. Методы и приемы развития у школьников рефлексии: на материале лингвистической компетенции // Русская словесность, 2004. № 4. С. 67–71.

VI. ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ

УДК 811.161.3'373.47
ББК 81.2Бел-3

Д. М. Зайцев
г. Минск (Беларусь)

Традиция брани и сквернословия у белорусов

В работе рассматривается феномен возникновения и распространения употребления бранных слов и выражений у белорусов. Обращается внимание на влияние религии на формирование традиции сквернословия. В исторической перспективе на конкретных примерах показывается, каким образом ругательства заняли свое место в народной культуре и литературе. Высказывается мнение об особенностях национальной бранной лексики.

Ключевые слова: *культура, язык, брань, ругательство, сквернословие, проклятие, белорусы, традиция*

D. M. Zaitsev
Minsk (Belarus)

The tradition of abuse and swearing among Belarusians

The paper deals with the phenomenon of the emergence and spread the use of swear words and expressions among Belarusians. It's pointed out the influence of religion on the formation of tradition swearing. In historical prospect on certain examples it is shown how the curses taken their place in popular culture and literature. The opinion about the peculiarities of national abuse vocabulary is raised.

Key words: *culture, language, swearing, abuse, foul language, curse, Belarusians, tradition*

Национальное мировоззрение и особенности народа проявляются не только в культуре, о которой написаны тысячи трудов, но и, как бы странно это не звучало, также и в антикультуре, основу которой составляют неприличные выражения, ругательства. Мы не можем отрицать их наличие, тем более что их легко обнаружить не только в просторечии, но и в классической литературе.

Анализ литературных источников показал, что история белорусских ругательств не только существует, но и имеет традицию. Эмоциональные вербальные конструкции, выражающие негатив, звучат в белорусском варианте как «лаянка».

Предки белорусов использовали брутальные выражения в ритуалах и играх в дохристианский период. Например, в «играх в покойника» на Руси псевдоумершего наряжали в белое, белили ему лицо, вставляли зубы из брюквы, укладывали в гроб или на скамью и устраивали смеховое «отпевание», которое сопровождалось отборной бранью [1, с. 223]. Смех и непристойности звучали и во время аграрных обрядов, где по традиции разыгрывалась характерная для языческого миропонимания история смерти – возрождения. Духовный «верх» и телесный «низ» менялись местами, что напоминало «веселую преисподнюю», которая «утверждала землю и низ земли как плодоносное лоно, где смерть встречается с рождением, где из смерти старого рождается новая жизнь» [2]. Ритуальный смех и непристойные слова были неким вызовом потустороннему миру, торжеством живого космоса над мертвым хаосом. Подобные архаические инсценировки встречались и в Новое время. В частности, вплоть до XX века жители ряда белорусских деревень ежегодно в начале весны выходили в поле и целый день выкрикивали непристойные выражения.

Возможно, они таким образом помогали процессу перегнивания почвы, одновременно отпугивая злых духов, но, однозначно, в данном случае мы сталкиваемся с пережитком языческих культов [3]. Традиционно сквернословие соотносится со славянским мифом о священном браке Неба и Земли, идеей ее оплодотворения с помощью громового удара.

Характерная для карнавала логика «оборотности» с проговариванием непристойных слов присутствовала и во время свадебных обрядов. Подобное девиантное поведение признавалось в данных случаях уместным, так как в нем был заложен магический смысл. Поэтому брутальность не воспринималась как грубость и пошлость, неудобство и профанация возникали, только если лексика «телесного низа» употреблялась не по назначению и вне указываемого контекста.

С приходом христианства на белорусские земли брань в адрес Божьей матери, матери сырой земли или просто матери резко осуждалась, но допускались ответные ругательства по отношению к язычникам, которые по традиции не прекращали сквернословить.

В эпоху Возрождения и Нового времени проявление скабрёзности во время обрядовости становится чертой преимущественно сельской, традиционной культуры, в городской среде это явление понемногу изживается. В этом заслуга как просвещенного христианства, так и демократических институтов, которые постепенно утверждались на белорусских землях, входивших в состав сначала Великого княжества Литовского, потом Речи Посполитой. В литературе периода барокко сюжетные перипетии наполняются эстетической формулой, для которой чужда брань.

Чуть позднее, при усилении светского начала в культуре, секуляризации в условиях отсутствия социального заказа и цензуры в литературных произведениях мы все же можем столкнуться с использованием ненормативной лексики. Зачастую она органично вписывается в художественную канву текста, являясь речевой характеристикой героев.

Созданная на народной основе поэма «Энеида навыварат» В. Ровинского свидетельствует о тесной связи белорусской литературы XIX века с устным народным творчеством. В произведении родное слово представлено как разговорно-бытовое, грубовато-комичное, отражает национальные черты белорусского селянина.

Смеховая культура и просторечие являются имманентной частью селянской культуры, которая вплоть до начала XX века вызывала интерес со стороны творческой интеллигенции. Так, в фарсе-водевиле В. Дунина-Марцинкевича «Пінская шляхта» можно встретить выражение «Хрэн табе ў вочы».

Также можно утверждать, что мужские и женские ругательства белорусов отличались тем, что прадеды предпочитали короткие емкие выражения, а прабабки – умели посылать долго и с чувством. Здесь стоит заметить, что белорусы чаще не посылают, а проклинают. Например, «Каб ты здох!» (сокращённо – «Каб ты!»), «Каб цябе трасца!» («Каб цябе!»).

В Беларуси официально два государственных языка: русский и белорусский. Соответственно, существует и два вида мата. Мат русскоязычных белорусов мало отличается от мата жителей Рязани или Владивостока, хоть и имеет свои фонетические особенности. Учитывая то, что в белорусском языке больше мягких звуков, нежели в русском, то мат и вульгаризмы, соответственно, отличаются меньшей брутальностью. В частности, можно сравнить белорусское «Ён мае котку» с русским «Он имеет кошку».

Следует отметить, что современные проклятия отражают культурные, технические, политические изменения в обществе. Сегодня нередко можно прочесть в блогах известных интеллектуалов Беларуси целые страницы изящного мата, либо услышать в молодежных тусовках такие выражения как: «Каб у цябе вінчэстэр ляснуў», «Каб у цябе флэшка згубілася», «Каб твой камп'ютар амапаўцы разбілі».

Таким образом, мы можем отметить, что традиция сквернословия и ругательств сложилась на белорусских землях в глубокой древности, в дохристианские времена. При этом корни мата все-таки славянские и связаны, в первую очередь, с языческими обрядами, игравшими заметную роль в земледельческой магии.

В период христианизации брань осуждалась, так как ассоциировалась с язычеством, колдовством, сопротивлением новой духовной власти, и сохранялась, главным образом, в фольклоре.

В восточнославянском языковом пространстве, где более половины слов похожи, особое значение приобретает произношение, которое в некотором смысле являет собой способ национальной идентичности. Особенность белорусского языка, а именно, большое количество мягких

звук широко использовали белорусские поэты, писатели, драматурги, которые с помощью мата и брани могли так передать характер героев своих произведений, что читатель чувствовал естественность повествования.

Современная белорусская молодежь редко употребляет ругательства своих прадедов, сегодня в их бранных словах и проклятиях чувствуется влияние технического прогресса, культур других народов. Мат становится разнообразнее и может выполнять простую функцию соединения слов в предложении, а не только цель кого-либо обидеть.

Список литературы

1. Батракова С. П. Дон Кихот – трагический шут нового времени // Искусствоведение. 2005. № 2 С. 203–236.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. 543 с.
3. Карский Е. Ф. Белорусы. Введение к изучению языка и народной словесности. Вильна, 1904. с. 487 с.
4. Русский Викисловарь. URL: <http://ru.wiktionary.org/wiki/%D1%85%D0%B5%D1%80>. (дата обращения: 19.03. 2014).
5. Студэнцкая Думка. URL: <http://kamunikat.org/download.php?item=2582.html&pubref=2573>. (дата обращения: 19.03. 2014).

УДК 81'225.2

ББК 81.2

Т. Л. Калинина, С. В. Щекочихина
г. Москва (Россия)

Особенности перевода парадоксов на материале перевода пьес О. Уайльда

В исследуемой теме главное внимание уделяется анализу семантического соответствия при переводе парадоксов в пьесах О. Уайльда, а также анализу переводческих трансформаций, сопровождающих перевод с английского языка на русский, в результате чего можно сделать вывод о наиболее распространенном типе эквивалентности перевода парадоксов в пьесах О. Уайльда.

Ключевые слова: *парадокс, переводческие трансформации, тип переводческой эквивалентности, перевод пьес О. Уайльда*

T. L. Kalinina, S. V. Schecochihina
Moskva (Russia)

Particular qualities of paradox translating on the translation material of O. Wilde's plays

The article is focused on the analysis of semantic matching during the paradox translation in O. Wilde's plays, as well as on the analysis of translational transformations accompanying the translation from English into Russian, whereby it is possible to draw a conclusion about the most common type of translation equivalence using in the process of paradox translating in Wilde's plays.

Key words: *paradox, translational transformations, type of translation equivalence, translating of O. Wilde's plays*

В статье рассмотрены парадоксы и афоризмы из трех наиболее популярных пьес О. Уайльда: «Веер Леди Уиндермир», «Идеальный муж» и «Как важно быть серьезным».

Рассмотрим особенности понятия «парадокс». Парадокс в общекультурном понимании – это ситуация (высказывание, утверждение, суждение или вывод), которая может существовать в реальности, но не имеет логического объяснения.

В самом широком смысле под парадоксом понимают высказывание, которое расходится с общепринятым мнением и кажется нелогичным (зачастую лишь при поверхностном понимании). Парадокс поражает неожиданностью. Например, уайльдовский «Разводы совершаются на небесах» – совершенно неожиданен в контексте незыблемого общекультурного стереотипа «Браки совершаются на небесах».

Парадокс – это всегда полуправда и это, как говорил Оскар Уайльд, «лучшее, чего мы можем достичь, потому что абсолютных правд не существует». Парадокс своей стилизованной формой напоминает афоризм. В парадоксе привычная истина рушится на глазах и даже высмеивается. Например: «Я слышал столько клеветы в Ваш адрес, что у меня нет сомнений: Вы – прекрасный человек!» («Как важно быть серьезным»); «Взаимное непонимание – самая подходящая основа для брака» («Идеальный муж»); «Непослушание является первородной добродетелью человека. Непослушание – первый шаг к прогрессу, как у отдельного человека, так и у народа» («Женщина, не стоящая внимания»); «Все мы барахтаемся в грязи, но иные созерцают оттуда звездное небо» («Веер леди Уиндермир»).

Во всех этих и во многих других афоризмах Уайльда присутствует парадоксальность мысли. Читатель как бы ждет привычных сочетаний и обыденного хода мысли, но автор предлагает ему неожиданный «сюжет» – непривычные сочетания: клевета – прекрасный человек, первородная добродетель, грязь – звездное небо.

Парадоксальность, таким образом, – это неожиданность, непривычность, оригинальность, противоречивость себе, исходным посылкам, общепринятому, традиционному взгляду или здравому смыслу по содержанию и / или по форме. Антонимом парадоксальности является ортодоксальность – проверенность, традиционность. «Ортодоксальный» – буквально «следующий господствующей традиции», но, впрочем, это не про Оскара Уайльда.

Парадокс не следует отождествлять с бессмыслицей вообще. Очевидно, что парадокс говорит о реальности в привычных понятиях, и соответствие этих понятий реальным объектам традиционно. В контексте парадокса аномальны для нашего мышления лишь связи и отношения между конкретными понятиями (конкретными объектами). Бессмыслица, как правило, возникает благодаря несоблюдению традиции соответствия между понятиями и вещами. Таково существенное отличие парадокса от бессмыслицы.

Если в иных случаях парадоксы Уайльда имеют целью показать противоречие между внешней и внутренней стороной изображаемой им лицемерной великосветской среды, то часто их назначение – показать антиномичность нашего рассудка, условность и относительность наших понятий, ненадежность нашего знания.

Рассмотрим особенности перевода парадоксов в контексте переводческих трансформаций. Как известно, семантические соответствия при переводе реализуются при передаче референциальных (денотативных) и прагматических (коннотативных) значений ИЯ в ПЯ.

По словам Л. С. Бархударова, для теории перевода первостепенное значение имеет вопрос, все ли типы значений, выражаемых в тексте подлинника, сохраняются при переводе [1, с. 130], в нашем случае, при переводе парадоксов.

В результате проведенных исследований установлено, что в процессе передачи референциальных (понятийных, денотативных) и прагматических (коннотативных, эмотивных) значений при переводе парадоксов в пьесах Уайльда переводчик весьма часто сталкивается с несовпадением круга значений смысловых единиц. В частности, нередко наблюдается частичное или даже полное отсутствие соответствия единиц перевода ИЯ в ПЯ.

Например, рассмотрим парадокс из пьесы О. Уайльда «Как важно быть серьезным» (Действие 3).

LADY BRACKNELL. ...Algernon is an extremely, I may almost say an ostentatiously, eligible young man. **He has nothing, but he looks everything.** What more can one desire?

ЛЕДИ БРЭКНЕЛЛ. ...Алджернон вполне подходящий, более того – завидный жених. У него нет ни гроша, а с виду он кажется миллионером. Чего же лучше?

В данном примере “everything” в английском тексте переведено как «миллионер». Такой перевод становится возможным только благодаря контексту, из которого становится ясно, что речь идет о материальном достатке и богатстве. Налицо частичное отсутствие соответствия единиц перевода ИЯ в ПЯ.

Другой пример:

DUMBY (with a sigh) Good heavens! **How marriage ruins a man!** It's as demoralizing as cigarettes, and far more expensive.

ДАМБИ (со вздохом). Боже правый! **Вот что значит женатая жизнь!** Действует так же разлагающе, как курение, а стоит куда дороже.

Выражение “*How marriage ruins a man!*” (Перевод: «Как же брак губит мужчину!») переведено «*Вот что значит женатая жизнь!*».

И здесь мы сталкиваемся с полным отсутствием соответствия перевода ИЯ в ПЯ, если вести анализ с точки зрения передачи референциальных значений. Но эквивалентность перевода все же присутствует, если обратиться к анализу данного лексического поля с точки зрения передачи прагматических значений.

Прагматическое значение передает субъективное отношение людей (языковых коллективов) к единицам языка, а через них и при их посредстве и к самим обозначаемым ими предметам и понятиям. Приведем пример из пьесы «Веер Леди Уиндермир»:

MRS. ERLYNNE. My dear Windermere, **manners before morals!**

МИССИС ЭРЛИН. Мой милый Уиндермир, **даже когда читаешь нотации, не мешает быть вежливым.**

Здесь мы сталкиваемся с идиоматическим выражением английского языка “...manners before morals!”, которое не имеет эквивалентов в русском языке, переводчик вынужден переводить его описательно.

Далее, проведенное исследование показало, что частое отсутствие соответствия референциальных и прагматических значений при переводе парадоксов в пьесах О.Уайльда преодолевается путем разнообразных межъязыковых преобразований – переводческих трансформаций, самыми широко используемыми из которых являются лексические замены, а именно генерализация и компенсация.

Например, в первом действии пьесы «Идеальный муж» мы встречаем вариант перевода с использованием перестановки:

LADY BASILDON. But I will come down with you **with pleasure.**

ЛАДИ БАЗИЛДОН. Но я **охотно** пройду с вами в столовую.

Перестановки как вид переводческой трансформации встречаются весьма часто, однако обычно они сочетаются с разного рода грамматическими и лексическими заменами, а именно – приемом **конкретизации**.

SIR ROBERT CHILTERN. To succeed one must have wealth.

СЭР РОБЕРТ ЧИЛТЕРН. Для того чтобы в наше время чего-нибудь добиться – положения, власти, – нужны деньги.

Прием конкретизации используется также и при передаче других слов с широким значением, а именно, “succeed” переведено как «добиться положения, власти».

В этих случаях лексическая замена (конкретизация) сопровождается грамматическими (синтактико-морфологическими) трансформациями: заменами частей речи и изменением структуры предложения.

Надо заметить, что такой тип лексической замены, как антонимический перевод, и такой прием переводческой трансформации, как дополнение, практически не встречается при переводе пьес О. Уайльда. Это, очевидно, обусловлено семантическими особенностями алогизмов и парадоксов.

Итак, переводчики при переводе выше упомянутых пьес и, в частности, парадоксов в них, достаточно часто используют перестановки, замены частей речи и лексические замены. Кроме этого, при переводе парадоксов можно встретить такие переводческие трансформации, как опущения.

При этом перечисленные выше переводческие трансформации (как видно и из самих приводимых нами примеров) в «чистом виде» встречаются редко. Как правило, разного рода трансформации осуществляются одновременно, то есть сочетаются друг с другом – перестановка сопровождается заменой, грамматическое преобразование сопровождается лексическим и т. д. Именно такой сложный, комплексный характер переводческих трансформаций и делает перевод столь сложным и трудным делом.

Анализируя типы переводческой эквивалентности, встречающейся при переводе парадоксов в пьесах Уайльда, установлено, что здесь можно найти примеры переводов, соответствующих всем пяти типам переводческой эквивалентности. Однако наиболее часто перевод парадоксов в

песах О. Уайльда осуществляется по второму и третьему типу переводческой эквивалентности, что характеризуется сохранением цели коммуникации в оригинале и переводе, а также идентификации одной и той же ситуации (2 тип), а иногда и способа описания ситуации (3 тип).

Список литературы

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Уайльд О. Парадоксы. М.: Анима, 2011. 312 с.
3. Уайльд О. Избранные произведения в 2-х т. М.: Республика, 1993. 560 с., 545 с.

УДК 372.881.111.22

ББК 74.5

А. Ю. Кузнецова
г. Москва (Россия)

Методика формирования профессиональных компетенций в процессе подготовки лингвистов-переводчиков

В статье рассматривается содержание понятия «профессиональная компетенция», его значимость в сфере лингвообразования. Для формирования данного компонента предлагается использовать лексические константы, в частности фразеологические единицы. Особое внимание уделяется вопросам презентации и актуализации зооморфных компаративов в процессе обучения немецкому языку.

Ключевые слова: *профессиональная компетенция, компетентностный подход, межкультурная коммуникация, лингвообразование, фразеологическая единица, зооним, зооморфизм, система упражнений*

A. Yu. Kuznetsova
Moscow (Russia)

Methods of forming professional competences in the process of interpreters training

The article focuses on the structure of the concept «professional competence», its importance in the sphere of linguistic education. It is suggested to use lexical constants, in particular phraseological units, to form this component. Special attention is paid to the problems of actualization and presentation of zoomorphic comparatives in the process of German teaching.

Key words: *professional competence, competence approach, cross-cultural communication, linguistic education, phraseological unit, zoonym, zoomorphism, system of exercises*

Современная система высшего образования характеризуется переходом от традиционного знаниевого подхода к новому, компетентностному. Обучение приобретает личностно-деятельностный характер, направленность на практический результат.

В соответствии с требованиями ФГОС ВПО бакалавр лингвистики должен обладать следующими профессиональными компетенциями:

- владеть системой лингвистических знаний, включающей в себя знание основных фонетических, лексических, грамматических, словообразовательных явлений и закономерностей функционирования изучаемого иностранного языка, его функциональных разновидностей;
- владеть основными дискурсивными способами реализации коммуникативных целей высказывания применительно к особенностям текущего коммуникативного контекста (время, место, цели и условия взаимодействия);
- уметь свободно выражать свои мысли, адекватно используя разнообразные языковые средства с целью выделения релевантной информации;
- обладать готовностью осуществлять межкультурный диалог в общей и профессиональной сферах общения;
- знать основные способы достижения эквивалентности в переводе и т. д. [2].

Таким образом, специфика профессионального лингвообразования предполагает овладение языком, прежде всего, как средством общения, а не только системой языковых единиц и понятий. В свете коммуникативно-деятельностного подхода учащиеся рассматриваются как представители социалингвального пространства, участники межкультурной коммуникации.

Формирование профессиональных компетенций студентов-лингвистов возможно посредством моделирования субкомпетенций: лингвистической, социалингвистической, межкультурной, дискурсивной, стратегической. Актуализация всех составляющих определяет способность и готовность реализовать себя в рамках диалога культур, т. е. в условиях межкультурной коммуникации. В связи с этим М. Л. Воловикова отмечает, что «содержательная сторона (лингвистический компонент) логично связана и организована в соответствии с намерением коммуниканта (дискурсивный компонент) в определенном контексте (социалингвистический компонент) с использованием стратегий преодоления возможных помех (стратегический компонент) и учётом межкультурных различий (межкультурный компонент)» [3, с. 41]. Указанные субкомпетенции репрезентуются в четырёх видах речевой деятельности, их становление и усовершенствование происходят в рамках целенаправленного и полифункционального развития вторичной языковой личности учащегося.

Содержательное наполнение профессиональных компетенций специалиста может осуществляться через отработку единиц различных уровней – отдельных универсальных элементов (темы, ситуации, единицы языка и речи и др.). Одним из приоритетных аспектов в рамках данной парадигмы является изучение единиц лексического уровня, в частности, фразеологизмов. Данные феномены образуют одну из семиотических подсистем, обеспечивающих процесс полноценной коммуникации в рамках конкретного лингвокультурного пространства.

Объектом исследования данной работы выступают компаративные фразеологизмы с компонентом-зоонимом. Несмотря на то, что данные феномены занимают важное место в рамках немецкого лингвокультурного пространства и представляют трудности для учащихся в силу своей специфики, их изучению не уделяется должного внимания со стороны методистов.

Зоонимы в нашем исследовании рассматриваются в широком смысле как лексемы, обозначающие в прямом значении наименования всех представителей животного мира, включая гиперонимы и гипонимы, наименования животных по гендерным и возрастным признакам, наименования пород. Под термином «зооморфизм» понимается лексико-семантический вариант зоонима, использующегося в качестве метафорической характеристики внешнего вида, качеств характера, поведения человека. Такие единицы могут быть названы зооморфными фразеологизмами (ЗФ): *schlafen wie ein Dachs – спать как супок, zwei Fliegen mit einer Klappe schlagen – убить одним ударом двух зайцев, ein weißer Rabe – белая ворона.*

Сопряжение образности из мира животных с образностью из мира человека наиболее оправданно, так как и в том, и в другом случаях денотатами являются живые существа, их образ жизни, поведения очень схож, хотя оценка этих представителей живой природы может быть далеко не объективной, зависеть от многих факторов: национально-психологических, пространственных (территориальных), временных, экономических, социальных, культурных.

Обеспечивая в речевой деятельности знакообозначение таких важнейших координат речевой ситуации, как субъект и объект, место действия и др., анималистически маркированные единицы обладают высоким коммуникативно-прагматическим потенциалом. В них проявляется также национально-языковая специфика немецкого этнолингвистического сообщества.

Сравнения ярко и образно отражают представления носителей языка об особенностях окружающего мира. Они репрезентуют то, что человеку кажется важным, значимым. Довольно часто основанием для сравнения выступают образы животных. Зооморфный культурный код активизирует в сознании образы представителей фауны, которые в составе языковых единиц репрезентуют, в первую очередь: физические качества (*Ohren wie ein Luchs haben – обладать тонким слухом*); внешний облик (*schwarz wie eine Rabe – чёрный как смоль, иссиня-чёрный*); психические качества (черты характера) (*störrisch wie ein Esel – упрямый как осёл*); эмоциональное состояние (*strahlen wie ein Maikäfer – сиять как масляный блин, улыбаться во всё лицо*); интеллект (*dumm wie ein Esel – глуп как осёл*); ощущения (*frieren wie ein Hund – замёрзнуть как собака*); повадки, умения, навыки (*sich wimmen wie eine bleierne Ernte – плавать как топор*).

Черты, которыми человек наделяет животных, могут совпадать в разных языках: *rot wie ein Krebs – красный как рак, sich fühlen wie wie ein Fisch im Wasser – чувствовать себя как рыба в воде, wie Hund und Katze leben – жить как кошка с собакой*. Но эти черты могут и заметно отличаться: *wie durch den Wolf gedreht sein – быть совершенно разбитым, Augen haben wie ein Luchs – иметь острое зрение, wie die Katze immer auf die Füße fallen – всегда выходит сухим из воды*.

Общие коннотации, основанные на наблюдениях за животными, возникают в разных языках независимо друг от друга и свидетельствуют об универсальности человеческого мышления [1]. Однако «видение мира» может быть различным у разных (особенно неродственных) народов, и тогда наименование одного и того же животного приобретает разные коннотации. Классическим примером такого расхождения служит фразеологизм с компонентом «слон», которое в немецком и русском языках стало символом неуклюжести и тяжеловесности: *sich benehmen wie ein Elefant im Porzellanladen – вести себя как слон в посудной лавке* (грубо, неуклюже), в то время как у индусов слон – символ грациозности.

Использование ЗФ в рамках профессиональной подготовки по английскому языку в вузе представляется вполне закономерным. Данные единицы отвечают следующим приоритетным лингвометодическим требованиям: частотность и продуктивность; аутентичность; соответствие возрастным особенностям учащихся; лингвострановедческая значимость и актуальность; содержание новой и интересной для учащихся информации; коммуникативная ценность; способность вызвать ответный эмоциональный отклик.

Работу над ЗФ следует осуществлять в несколько этапов. Прежде чем приступить к выполнению упражнений, направленных на формирование различных видов субкомпетенций, учащийся должен овладеть определённым объёмом лингвокультурной информации, так называемым базисом. Одним из вариантов организации данной информации выступает словарная статья, состоящая из следующих компонентов: 1) ЗФ; 2) значение; 3) перевод (в ряде случаев допускается его отсутствие); 4) этимологический комментарий; 5) пример.

Следовательно, материал словарной статьи может быть организован следующим образом: *wie von der Tarantel gestochen: sich plötzlich und heftig bewegen; wie besessen / wahnsinnig; überraschend und sehr heftig reagieren; wild mit den Armen fuchteln und herumrennen*.

Как ужасенный

Der Biss der zur Wolfsspinnenart gehörenden, in Erdhöhlen lebenden Tarantel ist zwar schmerzhaft, aber ungefährlich. Sie hat ihren Namen nach dem süditalienischen Tarent (Apulien), wo sie auch vorkommt. Als wirkungsvollstes Heilmittel gegen den Tarantelstich galt in Italien eine wilde Tanzmelodie, die Tarantella, die nach der Spinne heißt. Die Musiker kamen ins Haus des Patienten oder auf den Marktplatz und begannen zu spielen, der / die Gebissene tanzte bis zur völligen Erschöpfung, um das Gift aus dem Körper zu treiben. Dieser Heiltanz wurde später als Folge des Bisses aufgefasst und als eine Art Veitstanz angesehen.

Er sprang auf wie von der Tarantel gestochen.

С целью включения ЗФ в языковой учебный процесс целесообразно использовать лексические, коммуникативные и лингвокультурологические упражнения. Названная классификация имеет методическую направленность и не оставляет без внимания процесс формирования навыков и умений. Лексические упражнения предназначены для осмысления и запоминания структуры и значения отобранных единиц, коммуникативные упражнения направлены на понимание и адекватное употребление в речи предварительно изученных фразеологизмов и способствуют их прочному усвоению, лингвокультурологические упражнения призваны выявить и актуализировать культурно-языковую составляющую изучаемых явлений.

К лексическим упражнениям, использованным в предложенном комплексе, относятся следующие виды: распознавание единиц на слух и их вычленение из предложенных микротекстов; восстановление пропущенных компонентов; соединение фрагментов из колонок; замена синонимичными, антонимичными конструкциями, свободными словосочетаниями; исправление ошибок в употреблении и т. д.

К коммуникативным упражнениям относятся: образование предложений из отдельных слов и словосочетаний; употребление ЗФ в заданной типичной ситуации; ответы на вопросы; переводные упражнения и т. д.

Лингвокультурологические упражнения предусматривают: актуализацию информации о значении и происхождении ЗФ; сравнение иноязычных ЗФ с русскими аналогами; «идентификацию» ЗФ по описательным характеристикам; перевод лингвострановедческого комментария и т. д.

Фразеологизмы отражают многовековые наблюдения человека над внешним видом и поведением животных, передают отношение людей к «меньшим братьям», выступая культурно-информационным фоном. Интенсивное использование данных феноменов в рамках языкового учебного процесса способствует активизации ряда грамматических явлений, обогащению коммуникативно-речевого репертуара, снятию культурологического барьера, повышению мотивации к изучению немецкого языка, что, в свою очередь, является определяющим фактором для успешного формирования профессиональных компетенций студента-лингвиста.

Список литературы

1. Емельянова Е. В. Анализ фразеологических универсалий немецкого языка // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2010. № 4. С. 61–74.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 035700 Лингвистика (степень бакалавр) URL: <http://linguanet.ru/umo/Standarts-lingua/> (дата обращения: 12.08. 2014).
3. Формирование иноязычной коммуникативной компетентности лингвиста-переводчика на основе проектов ФГОС ВПО третьего поколения и общеевропейских стандартов языкового образования: кол. монография / под ред. М. Л. Воловиковой. Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2010. 176 с.

УДК 372.881.1
ББК 448–951.663

Л. П. Павлова
г. Бобруйск (Беларусь)

Профессиональная подготовка будущих экономистов средствами иностранного языка

Статья посвящена проблеме профессионально ориентированного обучения иностранному языку в экономическом вузе. На основе принципа профессиональной ориентации обучения автором разработано учебное пособие по английскому языку, в котором содержатся творческие задания, моделирующие в учебном процессе ситуации профессионального сотрудничества, вовлекающие студентов в атмосферу профессионального делового общения. В основе заданий лежат типичные для профессиональной деятельности экономиста ситуации на английском языке. Анализируются различные формы профессионально ориентированного обучения студентов иностранному языку.

Ключевые слова: *профессионально ориентированное обучение, иностранный язык, деловое иноязычное общение, профессиональные ситуации, формы обучения, экономический вуз*

L. P. Pavlova
Bobruisk (Belarus)

Vocational training of future economists by means of a foreign language

The article is devoted to some problems of professionally oriented foreign language teaching in an economic institution. A training tutorial for studying English on the basis of professional orientation is developed by the author. It contains creative tasks that simulate the situation in the educational process of professional collaboration, and involve students in an atmosphere of professional business communication. The English tasks are connected with situations that are typical for professional activities of an economist. Various forms of professionally oriented learning a foreign language are analyzed.

Key words: *professionally oriented education, foreign language, foreign business communication, professional situations, forms of education, economic institution*

Любой специалист должен освоить определенную систему умений, уровень овладения которой свидетельствует о его готовности использовать ее в профессиональной, производственной ситуации. Исходя из этого, в качестве одного из критериев оценки качества профессиональной

подготовки ученые выделяют уровень овладения умениями по той или иной дисциплине, позволяющий затем более успешно адаптироваться к требованиям, которые предъявляет к личностным и профессиональным качествам и свойствам та или иная профессия [2].

Расширение деловых отношений с зарубежными странами выдвинуло особые требования к специалистам экономического профиля. Помимо основных профессиональных умений, работодатели все чаще хотят иметь в своем штате людей, владеющих умениями иноязычного общения. В связи с этим необходимым элементом современной профессиональной подготовки будущего специалиста становится иностранный язык (далее – ИЯ).

К тому же в результате проведенного диссертационного исследования О. В. Дроновой доказано влияние ИЯ на формирование личности экономиста и обеспечение качественных профессиональных его умений как специалиста в области «Мировой экономики»; выявлена зависимость повышения эффективности профессиональной подготовки будущего специалиста от уровня его языковой подготовки [2].

Познавательный интерес в овладении ИЯ связан у студентов с их будущей профессиональной деятельностью. В связи с этим одной из целей обучения ИЯ в экономическом вузе является его практико-профессиональная ориентация. Исходя из этого, одним из требований, предъявляемых к учебным текстам, является их профессионально информативная ценность, представляющая интерес для будущего специалиста в сфере экономики. Будущий специалист должен осознать роль изучаемого языка в его профессиональной подготовке, получить необходимые сведения о том, какая именно информация на ИЯ, связанная с его специальностью, имеет значение непосредственно в предстоящей практической деятельности.

Профессионально-ориентированный подход к обучению ИЯ в вузе предусматривает формирование у студентов умений иноязычного общения в устной и письменной форме. Данные умения лежат в основе профессионально направленной иноязычной коммуникативной компетенции, под которой ученые и методисты понимают важную интегративную характеристику личности специалистов, отражающую ее способность и готовность использовать знания ИЯ, умения, навыки для решения профессиональных задач [1, с. 103].

Повысить мотивацию будущих экономистов к изучению ИЯ можно посредством использования на занятиях учебных заданий, которые отвечают профессиональным интересам студентов. Принцип профессиональной ориентации обучения способствует также стимулированию коллективной и самостоятельной работы студентов. Разработанные в соответствии с этим принципом упражнения готовят обучаемых к практическому профессионально ориентированному общению на ИЯ.

Принцип профессиональной ориентации обучения положен в основу разработанного нами учебного пособия по английскому языку, предлагающего различные по форме задания для развития коммуникативно-речевых навыков студентов. Предусматривается моделирование в учебном процессе ситуаций профессионального сотрудничества, вовлекающих студентов в атмосферу профессионального делового общения.

В основе заданий лежат типичные для профессиональной деятельности экономиста ситуации на английском языке, такие как:

- общение с сотрудниками на их рабочем месте (участие в совещаниях и встречах с коллегами, руководителями или подчиненными, получение должностных инструкций);
- телефонные деловые разговоры;
- встречи и проводы зарубежных партнеров (светские беседы во время приемов, фуршетов, банкетов и в иных ситуациях неформального общения);
- презентация компании, ее продукции и услуг;
- проведение маркетинговых исследований (товаров и услуг), составление рекламы своей компании и ее продукции;
- обсуждение с заказчиками, клиентами, поставщиками условий сделок, вопросов поставок с клиентами (форм оплаты, сроков и т. д.);
- составление бизнес-проектов (индивидуальных и групповых) и последующая их защита;
- составление контракта;
- ведение переговоров;

- проведение дискуссий с коллегами по бизнесу;
- проведение взаимных экспресс-опросов и интервью в учебной группе, обмен информацией, совместный поиск решения проблемы, координация совместных действий;
- организация «круглого стола» на тему «Конкуренция и ее разновидности» и на другие темы;
- участие в студенческих научных конференциях и конкурсах проектных работ на ИЯ.

Как показывает практика, наибольшие трудности для студентов представляют ситуации делового общения, связанные с установлением личных контактов, телефонные деловые разговоры и написание деловых писем.

Предлагаемые студентам задания имеют градуированный характер, предполагающий постепенное нарастание и активизацию речемыслительной деятельности обучаемых, формируют практические навыки студентов, которые могут пригодиться им в будущей профессиональной деятельности, способности ориентироваться в предлагаемых обстоятельствах профессионального общения.

В учебном пособии содержатся вопросы для предварительного обсуждения проблемы, небольшие образцы диалогов или полилогов, которые предназначены для последующего использования в расширенном профессионально ориентированном ролевом общении.

Прием ролевого общения поддерживает у студентов интерес к изучению ИЯ и является популярным в современной методике преподавания ИЯ. В профессионально ориентированном обучении ИЯ будущие экономисты разыгрывают различные диалоги, типичные для повседневного общения на предприятии или фирме (где они проходили ознакомительную или производственную практику), в банке, в магазине, на оптовом складе, принимая на себя роли руководителей и подчиненных, продавцов и покупателей, менеджеров и клиентов; проводят переговоры с партнерами по бизнесу, учатся вести деловую переписку и телефонные разговоры; устанавливать и поддерживать деловые контакты; рационально действовать в стандартных и измененных условиях; решают логические профессиональные задачи, разрабатывают рекламные буклеты коммерческих фирм и выпускаемой ими продукции, организуют презентации товаров новых компаний, составляют бизнес-проекты и бизнес-планы, защищают их (защита проводится в виде тендера) и т. д.

При наличии определенной проблемы ролевое общение часто переходит в дискуссионное. Наряду с сюжетом ролевой игры проблема является одним из способов организации учебного материала, когда внимание переключается с языкового материала на речевое содержание.

На занятиях используются различные формы работы со студентами:

- индивидуальная, коллективная (работа в парах, небольших подгруппах или в целой группе);
- активные и интерактивные методы и приемы обучения (ролевые игры, например, «Поиск работы, интервью при устройстве на работу», предполагается выбор студентами роли директора фирмы, секретаря, менеджера по персоналу, кандидата на должность в фирме);
- деловые игры, например, по теме «Оптовая и розничная торговля», где игра предусматривает выбор ролей оптовика, розничного торговца, менеджера, которые должны договориться о поставке товара в фирму;
- коммуникативные игры и симуляции;
- проведение опросов, мини-исследований;
- диалоги, дискуссии («Плюсы и минусы рекламы», «Женщина и бизнес?», «Защита окружающей среды – забота правительства?», «Плюсы и минусы различных форм организации бизнеса» и т. д.);
- тренинги, лично значимые для каждого студента учебные задачи, ситуации, методы проекта, в том числе применение исследовательских проектов, обучение студентов в сотрудничестве;
- подготовка реферата, сообщения, эссе, глоссария.

В процессе выполнения заданий решается единая общая речемыслительная задача, оказываются взаимная помощь и поддержка, у студентов формируются соответствующие коммуникативные и социально-психологические умения, необходимые для профессионального общения.

В ходе диалогового обучения студенты учатся критически мыслить, видеть проблему экономического характера и оформлять ее в виде задачи; решать сложные профессиональные проблемы на основе анализа обстоятельств и соответствующей информации, взвешивать альтернативные мнения, принимать продуманные решения, участвовать в дискуссиях, общаться с другими людьми.

Разработанное нами учебное пособие состоит из 8 уроков-модулей, каждый из которых тематически связан с профессиональной деятельностью экономистов (экономика Республики Беларусь, экономика страны изучаемого языка, внешнеэкономические связи Республики Беларусь и страны изучаемого языка, ярмарки, предприятия, устройство на работу, маркетинг, маркетинговые исследования, связи с общественностью, реклама, банки и биржа, деловая корреспонденция).

Актуальные аутентичные тексты учебного пособия соответствуют направлению «Экономика» и представляют различные виды заимствованных текстов на английском языке. Это отрывки из учебников по экономике, тексты из специальных словарей, журнальные тексты (интервью, комментарии, экономические новости), интернет-ресурсы.

Обучение письму осуществляется в непосредственной связи с профессионально ориентированными ситуациями, представленными в пособии. В качестве письменных заданий предлагается написать приглашение партнеру по бизнесу, деловое письмо, биографию, заявление о приеме на работу и т. п.

В конце каждого урока-модуля дается тест, с помощью которого проверяется уровень усвоения пройденного материала.

Использование творческих профессионально ориентированных заданий повышает интерес студентов к изучению ИЯ и дает им возможность использовать знания, полученные на занятиях по экономическим дисциплинам (экономике, менеджменту, маркетингу и другим), позволяет студентам выразить свои собственные идеи в удобной для них творчески продуманной форме. При этом расширяются фоновые знания студента, его кругозор и информативность, также развивается его интеллект. Кроме того, студент приобретает умения, позволяющие ему рассматривать свою страну и ее экономические достижения в кросс-культурном аспекте.

Овладение ИЯ на основе практико-направленного и профессионально ориентированного подхода позволяет выпускникам экономического вуза быть подготовленными к выполнению следующих видов профессиональной деятельности в сфере ИЯ: чтение и перевод текстов по специальности; реферирование и аннотирование текстов по специальности; деловая переписка; говорение по проблемам профессиональной деятельности.

Таким образом, ИЯ играет немаловажную роль в формировании профессионально значимой среды в образовательном процессе, в области интеллектуального продвижения специалиста, обмена профессиональной информацией, культурным потенциалом и т. д. с зарубежными партнерами по бизнесу. Это чрезвычайно важно в условиях глобализации и интернационализации современного общества, соответствует социальному заказу общества по подготовке квалифицированного специалиста, имеющего высокие профессиональные качества, позволяющие ориентироваться в условиях прогресса.

Список литературы

1. Бельтюкова Н. П. формирование профессионально-ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции у экономистов-бакалавров // Язык и культура. 2012. № 2. С. 102–109.
2. Дронова О. В. Формирование профессиональных умений будущих экономистов средствами иностранного языка в вузе: дис. ... канд. пед. наук. Пензенский гос. пед. ун-т им. В. Г. Белинского. Нижний Новгород, 2002. 168 с.

Франкоязычный комикс и его использование в практическом курсе изучения языка

В статье кратко освещается история возникновения комикса, использование его в процессе изучения французского языка. Приводится сводная таблица лексических единиц для портретного описания персонажа традиционного франкоязычного комикса.

Ключевые слова: *изучение языка, комикс, лексическая единица, персонаж, портрет*

Е. В. Savelyeva, E. S. Toropova
Orekhovo-Zuevo (Russia)

French comics and its usage in the language learning process

The article is devoted to the history of comics and to its usage in the French learning process. The article has a table of lexical units for personage portrait description of traditional French comics.

Key words: *language learning, lexical unit, personage, portrait*

Определение жанра комикса дает его первое и главное значение, исходя от английского слова *comic* (смешной) – рассказы в картинках. При этом комикс сочетает в себе черты изобразительного искусства и литературную основу.

Франкоязычные комиксы, прежде всего бельгийские и французские, называются *bande dessinée* в дословном переводе «разрисованная лента». *Bande dessinée* или сокращенно *BD* как художественное явление, так называемое «новое искусство» дебютирует в начале XX века, когда они еще не издавались отдельными книгами, но как разновидность массового чтения публиковались в газетах и журналах. Являясь «французским изобретением» по настойчивым утверждениям самих французов, комикс, тем не менее, популяризируется и модернизируется бельгийскими авторами и издателями. Очевидно поэтому, что именно бельгийские специалисты в области преподавания французского языка как родного или иностранного (*FLM, FLE*) были одними из первых, кто начал эффективно использовать *BD* в учебном процессе.

Одним из самых ранних комиксов, появившихся в Бельгии и ставших знаменитыми, считаются *BD* серии «Приключения Тинтина». (*Les aventures de Tintin*) карикатуриста Джорджеса Проспера Рени. Первая книга вышла в 1929 году и называлась «Тинтин в стране Советов» (*Tintin au pays des Soviets*). Именно благодаря Тинтину комикс из детского чтения постепенно становится самостоятельным литературным жанром. Сейчас *bandedessinée* в обеих странах – это отдельный сегмент рынка, причем самый активный в издательском бизнесе. В учебных заведениях начального и среднего этапа обучения Франции и Бельгии они официально рекомендованы в списке так называемого «круга детского чтения».

Создатели *bandedessinée* пишут не только свои авторские произведения, но и находят вдохновение в литературе, живописи, театре, кино, философии. Актуальным, если не сказать модным, направлением недавнего времени стали адаптации классических литературных произведений, как франко-бельгийских, так и зарубежных авторов, в том числе русских, в формате *bandedessinée*.

Переходя к вопросу использования комиксов в обучении французскому языку, отметим, что наиболее востребованными, как нам представляется, комиксы становятся в рамках так называемой разговорной практики. Программная устная тема, как портретизация, полное описание внешности является ключевой в практическом курсе изучения иностранного языка. Приемов и видов работы с ней множество уже на самых ранних этапах изучения языка, начиная, например, с элементарных вопросов типа: «*Commentest Michel? Est-ceque Michelestpetit?*» и заканчивая запоминанием и использованием объемного тематического словаря с «выходом» в речь, в акт коммуникации.

Каждый раз, сталкиваясь с задачей описания кого-либо, мы стараемся давать точные характеристики (друг / подруга, знакомый / незнакомый, родители / дети). Описание идет с опорой на иллюстрацию, фотографию, слайд, можно описывать героя книги, а также главное действующее лицо фильма, посмотрев видеокадр.

В связи с этим очень актуальными становятся ВД, которые в значительной степени отражают яркие образы персонажей, их характеры, порой чувства и эмоции. Чтобы дать полноценный портрет того или иного субъекта, как правило, дают два вида описаний: 1) *description physique*, 2) *description morale*. Остановимся на описании портрета человека, внешности, а также его физических данных, что ярко отражено изобразительными средствами ВД, даже, если они выполнены в черно-белом варианте. На основании собранного материала разных источников предлагаем таблицу, которая дает возможность практического применения тематических лексических единиц.

Таблица 1

Описание внешних данных / Description physique

Age	Un bébé / un nouveau – né / un nourisson / Un enfant / une petite fillette / un petit garçon / un garçonnet / Un adolescent / un jeune / Un adulte / une grande personne / une personne d'âge mur / Une personne âgée / une personne dun troisième âge / une vieille personne
Taille	Grand / de grande taille Petit / de petite taille / de taille moyenne
Corpulence	Maigre / mince / menu (petit et mince) Gras / gros / fort / rond / corpulent (large et gros) / obèse (très gros)
Visage	Forme: Mince / maigre Joufflu (avec de grosses joues) / gras Allongé / ovale / triangulaire en forme de triangle) Rond / carré Ridé (avec des rides, des petits plis dans le peau) Expression: Un visage sympathique Un visage anthipatique Un visage ouvert, expressif, laid Souriant / gai Sérieux / sévère Joyeux/ content / heureux Triste / sombre (triste et inquiet) / sinistre (très triste) Mécontent / fâché Aimable (gentil et accueillant) / amical / chaleureux (plein de gentillesse) Hostile (méchant) / haineux (qui exprime de la haine) Reposé / fatigué Teint: Pâle / blanc / clair / jaunâtre / grisâtre / mat Bronzé / basané (naturellement bronzé) Maladif (l'air malade) / avoir mauvaise mine Frais / resplendissant (qui a l'air en forme) / avoir bonne mine Type: Nordique / méditerranéen Particularités: Taches de rousseur / boutonneux / maquillage Moustache / barbe / favoris
Cheveux	Couleur: Noirs / bruns / brun foncé / brun clair / châtain / roux / blonds / gris / grisonnants / blans Longueur: Longs / mi-longs Courts / en brosse (coupés courts et droit comme les poils d'une brosse) Aspect: Raides (droits) / lisses / plats Bouclés / frisés / ondulés / crépus / épais Particularités: Décolorés / teints Chauve (ne plus de cheveux) Perruque (faux cheveux)

Cheveux	<p>Coiffure: Porter les cheveux en tresse Attacher les cheveux par une barrette Porter les cheveux détachés Porter une couette Porter une frange</p>
Front	<p>Bas / haut Bombé Plat / fuyant Etroit (petit) / large (grand et haut) Ridé / lisse</p>
Yeux	<p>Couleur: Noirs / bleus / verts / gris / bruns Clairs / foncés Forme: Grands / petits En amand (de forme allongée) / allongés / bridés (comme les Chinois) / ronds Qui louchent (avoir les deux yeux qui ne regardent pas du même côté) Avoir des yeux gonflés Taille: Grands / petits Expression: Vifs / pétillans (avec beaucoup de vie, d'expression) / brillants / luisants Froids (sans expression, sans joie) Particularités: Aveugle Borgne (un seul oeil) Lunettes</p>
Nez	<p>Petit / grand Ecrasé / aplati Fin / pointu Court / long Droit Crochu / charnu / retroussé / en trompette / aquilin</p>
Oreilles	<p>Petites Grandes Décollées (qui sont détachées de la tête)</p>
Bouche	<p>Petite Grande En coeur</p>
Lèvres	<p>Minces / étroites Epaisses / grosses Charnues / pulpeuses</p>
Dents	<p>Serrées Espacées Vilaines Cariées / plombées Fausses dents / appareil dentaire</p>
Menton	<p>Petit Long Rond Pointu / carré / en galoche</p>
Mains	<p>Courtes Allongées Maigres / sèches Potelées (petites et grosses) Moites (humides / mouillées) Froides Ongles: Longs Courts Rongés / vernis</p>

Reste du corps	Bras Jambes Torse Pieds (si ces détails importants dans les parties du corps)
Signes particuliers	Avoir / porter des lunettes Avoir / porter la barbe Avoir / porter la moustache Avoir des taches de rousseur Avoir un grain de beauté Avoir des rides Avoir du charme Avoir un beau sourire Faire son âge

В заключении хотелось бы отметить, что использование ВД – это **новотехнологичный ресурс** в процессе обучения видам речевой деятельности и в дальнейшем авторы надеются полнее раскрыть их креативный потенциал применительно к другим аспектам изучения языка, прежде всего при тренинге конструкций коммуникативной грамматики.

Список литературы

1. Le Petit LAROUSSE illustré. Paris Cedex 06, 2007. 2016 p.
2. Bellot-Mélon S. Utilisation de la BD pour l'apprentissage du français. ISLV Département de français, 2007. 20 p.
3. Иванченко А. И. Практикум по французскому языку. Сборник упражнений по устной речи для начинающих. СПб.: Союз, 2003. 320 с.

УДК 801
ББК 81.0

Г. Ю. Сиддигов
г. Навои (Узбекистан)

Неадаптированные тексты в системе методики преподавания основ межкультурной коммуникации

Наиболее актуальной в современной лингвистике остается проблема, касающаяся межкультурной коммуникации и способов устранения различных коммуникативных лакун и «шумов». Этому вопросу уделяется внимание в преподавании иностранных языков, одним из основных направлений которого является выбор материала, способствующего устранению различного рода трудностей и выработке навыков восприятия чужого текста.

Ключевые слова: *межкультурная, коммуникация, текст, понимание*

G. Yu. Siddikov
Navoi (Uzbekistan)

Authentic texts in the system of teaching the basics of intercultural communication

The most important questions in modern linguistics remains of the problems of intercultural communication and how to troubleshoot various communication gaps and noise. This issue was addressed in the teaching of foreign languages, one of the main directions of which is the choice of material, helps to eliminate various difficulties and develop skills of perception of someone else's text.

Key words: *intercultural communication, text understanding*

Наиболее актуальной в современной лингвистике остается проблема, касающаяся межкультурной коммуникации и способов устранения различных коммуникативных лакун и «шумов». Этому вопросу уделяется внимание в преподавании иностранных языков, одним из основных направлений которого является выбор материала, способствующего устранению различного рода трудностей и выработке навыков восприятия чужого текста.

Выводы, полученные в результате многолетнего анализа различных методик работы над аналитическим чтением на иностранном языке, сводятся к ряду следующих рекомендаций:

1. Необходимость привлечения к работе над языком на любом этапе его изучения текстов из неадаптированных современных популярных журналов, содержащих рубрики широкой тематической направленности, в которых широко используются стилистические приемы, создающие эстетические воздействия на читателя и его убеждения.

2. Использование комплекса упражнений, закрепляющих каждый из изученных приемов, развивающих их активное использование.

3. Изучение различных композиционно-речевых форм: повествования, рассуждения и описания с выделением синтаксических принципов построения текста, отличающихся от принципов построения текста соответствующей тематики на родном языке.

Одним из содержательных признаков рубрик популярных журналов является несбалансированность материала, представляющего собой разнооформленный текст, которому наряду с преобладающей формой «повествования» (66 %) присущи элементы других композиционно-речевых форм – описания и рассуждения. Ориентация на широкого читателя в текстах неадаптированных популярных журналов развивает способность в контрасте наблюдать разноструктурность указанных видов текстового построения. Создается синкретизм элементов научно-популярного, газетного и публицистического стилей.

Корпус статей из популярных журналов обладает большим вокабулярно-стилистическим потенциалом, отвечает целесообразности отбора данных текстов и способствует обогащению лексикона читателя, изучающего иностранный язык. К наиболее концептуально значимым стилистическим средствам, необходимым для подробной аудиторной проработки, следует отнести развернутые метафорические образы и устойчивые конструкции, работа с которыми, так же, как и с их этимологией, по мере обработки статьи способствует корректной интерпретации когнитивных факторов рассуждения адресанта, исторического контекста возникновения и использования той или иной единицы. Экспрессивные сообщения, содержащие в своей основе явление аллюзии, под которым понимается косвенная ссылка на исторический, литературный, мифический или библейский факт, широко используются в заголовках статей, апеллируя к ассоциативным характеристикам образа.

К языковым тенденциям рассматриваемых текстов можно отнести значительный процент книжно-литературной лексики, устойчивых образных выражений и страноведческих реалий, необходимых при изучении языка. Данные единицы должны сопровождаться развернутыми комментариями преподавателей. Наличие невербальных средств, к которым относятся фотографии и различного вида графические маркеры, употребляемые с целью смыслового выделения наиболее значимых фрагментов сообщения, во многом облегчает методику работы с текстом. Привлечения внимания к данным средствам может способствовать активизации фоновых знаний, что, в свою очередь, используется как потенциальный стимул для обработки дополнительной информации [1. с. 54].

Таким образом, работу с неадаптированными популярными журналами следует рассматривать как один из наиболее эффективных способов обучения иностранному языку и устранения различного рода культурных и языковых лакун. В комплексе с лексико-грамматическими, сугубо языковыми, средствами создания экспрессия невербальная репрезентация информации играет важную роль в коммуникативном оформлении рассматриваемых текстов.

Список литературы

1. Булкин А. П. Изучение иностранных языков в России. Социокультурный аспект // Иностранный язык в школе. 1998. № 6.

Возможности передачи лексической окраски слов при переводе художественного текста

История перевода художественной литературы знает ряд случаев, когда подлинник переосмыслился переводчиком или даже подвергнулся преднамеренным искажениям, фальсифицировался. Практически такое осмысление, а тем более – искажение подлинника, чаще всего затрагивавшие всю его идейно-образную структуру, проявляется и в отборе тех, а не иных конкретных средств (значений слов, их грамматической связи и т. п.). Отбор речевых средств отражает отношение переводчика прежде всего к содержанию переводимого.

Ключевые слова: *семантика слова, коннотативное значение, стилистический компонент значения*

I. V. Usova
Volgodonsk (Russia)

The possibilities of words lexical color transmission during the translation of literary texts

The history of the translation of literature knows a number of cases, when the translator not only rethinks the original text but even distorts it. Practically this understanding and distortion of the original, often involving the entire ideological-shaped structure are seen in the selection of the specific means (meanings of words, their grammatical connection, etc.) The selection of speech means reflects the attitude of the interpreter first of all to the content of the text.

Key words: *semantics of words, connotative meaning, stylistic meaning component*

Еще переводчики античного мира широко обсуждали вопрос о степени близости перевода к оригиналу. В ранних переводах Библии или других произведений, считавшихся священными или образцовыми, преобладало стремление буквального копирования оригинала, приводившее порой к неясности или даже полной непонятности перевода. Поэтому позднее некоторые переводчики пытались теоретически обосновать право переводчика на большую свободу в отношении оригинала, необходимость воспроизводить не букву, а смысл или даже общее впечатление, «очарование» оригинала. Уже в этих первых высказываниях о целях, которые должен преследовать переводчик, можно найти начало теоретических споров нашего времени о допустимости буквального или вольного перевода, о необходимости сохранить в переводе то же воздействие на читателя, которым обладает оригинал и т. п. [3, с. 43]. **Со своей стороны, сами языковеды не видели оснований включать переводческую деятельность в объект лингвистического исследования, коль скоро она не определялась лингвистическими факторами.** В центре внимания языкознания было изучение специфики языка, раскрытие его уникальной, неповторимой структуры, особенностей грамматического строя и словарного состава каждого отдельного языка, отличающих его от других языков. Все это составляло своеобразие языка, его национальный «дух» и предполагало принципиальную невозможность тождества двух текстов, написанных на разных языках. А поскольку считалось, что перевод должен исчерпывающим образом воспроизводить оригинал, то перевод оказывался принципиально невозможным по чисто лингвистическим причинам, не говоря уже о невозможности воспроизвести неповторимое своеобразие творческой манеры выдающегося поэта или писателя [4, с. 59].

Языки подлинника и перевода непосредственно несоизмеримы. Лингвистические возможности двух языков не «эквивалентны», и поэтому невозможно переводить механически. Точные значения и эстетические качества слов взаимно не перекрываются. Поэтому чем значительнее роль языка в художественной структуре текста, тем труднее перевод; естественно, эстетическому переводу присуща большая вольность и большая напряженность ткани [5, с. 25]. **В художественной литературе большую смысловую и выразительную роль играет выбор слова.** Семантика слов, входящих в высказывание, составляет важнейшую часть его содержания. Слово в качестве основной единицы языка фиксирует в своем значении сложный информативный комплекс, отража-

ющий различные признаки обозначаемых объектов (предметно-логическое значение слова), отношение к ним членов говорящего коллектива (коннотативное значение слова) и семантические связи слова с единицами словарного состава языка (внутрилингвистическое значение слова). Информация, составляющая семантику слова, неоднородна, в ней могут выделяться качественно различные компоненты. Взятый сам по себе, любой из таких компонентов может быть произведен средствами иного языка, но нередко одновременная передача в переводе всей информации, содержащейся в слове, оказывается невозможной, так как сохранение в переводе некоторых частей семантики слова может быть достигнуто лишь за счет утраты других ее частей. В этом случае эквивалентность перевода обеспечивается воспроизведением коммуникативно наиболее важных (доминантных) элементов смысла [6, с. 80].

Некоторые потери информации отмечаются в каждом из трех основных аспектов семантики слова: предметно-логическом (денотативном), коннотативном и внутрилингвистическом. Нередко оказывается, что в значениях эквивалентных слов в оригинале и переводе содержится разное число элементарных смыслов (сем), поскольку в них отражены неодинаковые признаки обозначаемого класса объектов. Прямые значения русского «ошибка» и английского *error* часто выступают в качестве эквивалентных при переводе, но *error* подразумевает отклонение от какого-либо правила, принципа или закона и этим дополнительным признаком отличается как от «ошибки», где такое ограничение отсутствует, так и от *mistake*, которое тоже значит «ошибка», но связано обычно со случайным непониманием, недоразумением или «промахом». Английские *kill, assassinate, murder, slay* эквивалентны русскому «убить», но *kill* означает прекратить существование как одушевленных, так и неодушевленных объектов (ср.: *to kill an article, a plan, injustice, war, etc*), *assassinate* предполагает предательское убийство официального лица, *murder* – убийство намеренное и с преступным мотивом, *slay* – намеренное и насильственное, но не обязательно преступное и т. п.

При назывании процесса «плавание» в английском языке при помощи глаголов *to swim* или *to sail* обязательно предполагается, что плавающий предмет самостоятельно передвигается по воде, а не просто плывет по течению, что идентично значению глагола *to float*. В русском переводе «Лодка плывет по озеру» английского *The boat is sailing in the lake* эта особенность значения английского слова утрачивается, и перевод может быть истолкован как воспроизведение английского *The boat is drifting (floating) in the lake*. При переводе с русского на английский глагола «плыть» неизбежно придется указать в переводе признак самостоятельности или несамостоятельности движения, отсутствующий в семантике русского слова. При переводе на русский язык недостающий признак обычно привносится в сообщение значением других слов. Так, в русских переводах «Он плавает стилем брасс» и «Бревно плавает, наполовину погружаясь в воду» ясно видно, что в первом случае «плавает» эквивалентно английскому *swims*, а во втором – *floats*. Дополнительные признаки, различающие описание данного явления в оригинале, с необходимостью вытекают из значений слов «стилем» и «бревно», хотя эти признаки отсутствуют в самом слове «плавает».

Закрепляя в значениях слов разные признаки обозначаемых предметов, каждый язык как бы создает свою «картину мира». Если по-английски муха «сидит» на потолке (*A fly stands on the ceiling*), то по-русски неподвижное положение мухи будет описываться уже иным образом: «Муха сидит на потолке». В результате в целом совпадающие семы в значениях слов разных языков могут различаться по характеру и числу объектов, которые обозначаются путем указания на данный признак. Русское «носить» может относиться к предметам одежды, бороде, усам, прическе и пр., но не применимо к косметическим средствам, в отличие от его английского эквивалента *to wear* (например: *She was wearing a new kind of perfume*). «Кипячеными» (*boiled*) вода и молоко могут быть и по-русски, и по-английски, а яйца – только по-английски (*boiled eggs*), по-русски же они должны именоваться «вареными».

Значение любого слова является частью семантической системы языка, и оно зависит не только от того, какие признаки обозначаемых объектов в нем непосредственно отражены, но и от наличия других слов, обозначающих те же объекты. Нередко использование ближайшего соответствия вполне возможно, но более узуальным оказывается иной вариант. В английских оригиналах обычно «моют тарелки» после еды (*wash dishes*), «скребут полы» (*scrub floors*), «моют

зубы» (*wash teeth*). Все эти сочетания возможны и в русском языке, но в русских переводах им, как правило, соответствуют более употребительные «мыть посуду», «мыть полы» и «чистить зубы».

Эквивалентность отдельных слов в оригинале и в переводе предполагает максимально возможную близость не только предметно-логического, но и коннотативного значения соотнесенных слов, отражающего характер восприятия говорящими содержащейся в слове информации. Наибольшую роль в передаче коннотативного аспекта семантики слова оригинала играют его эмоциональный, стилистический и образный компоненты [1, с. 99].

Эмоциональная характеристика значения слова может быть положительной или отрицательной. В любом языке существуют слова, совпадающие по предметно-логическому значению, но различающиеся по наличию или характеру эмоционального компонента в семантике слова. В следующих парах английских и русских слов первое слово нейтрально, а второе – эмоционально маркировано: *dog – doggie, cat – pussy, womanly – womanish, to attack – to accost, smell – fragrance*. Общий характер эмоциональности, как правило, может быть полностью сохранен при переводе. Обычно бывает возможным подобрать в практике языка слово, выражающее такое же одобрительное или неодобрительное отношение к описываемому.

Передачу эмоциональной характеристики, как и других компонентов коннотативного значения слова, облегчает тот факт, что реализация этого значения в высказывании распространяет соответствующую характеристику на все высказывание: делает высказывание эмоциональным, стилистически окрашенным или образным. Поэтому в переводе этот элемент содержания может быть воспроизведен нелокально, т. е. в другом месте высказывания, в семантике совсем другого слова [4, с. 161].

Стилистическая характеристика оригинала в переводе сохраняется посредством эквивалентности пятого типа. Воспринимая слово, пользующиеся языком оценивают его как носитель дополнительной информации об уместности использования слова в определенном типе речи: разговорной, книжной или поэтической. Значительное число слов в любом языке стилистически нейтрально, т. е. употребляется в самых различных типах речи. Нейтральная стилистическая характеристика также расценивается говорящими как компонент коннотативного значения, на основании которого слово оказывается уместным или неуместным в соответствующих высказываниях. И здесь можно найти пары слов, у которых совпадает предметно-логическое значение, но отличается стилистическая характеристика: *to end – to terminate, to begin – to commence, to go (to a place) – to repair (to a place), bloody – sanguinary, final – ultimate, wife – spouse, husband – consort*.

Наибольшая степень эквивалентности отмечается в тех случаях, когда слово в переводе, соответствующее переводимому слову по другим компонентам содержания, имеет и одинаковую стилистическую характеристику. Часто это достигается при переводе терминов, имеющих терминологические соответствия в практике языка: *radiation – радиация, cathode-ray tube – электронно-лучевая трубка, ionizing event – акт ионизации, precipitations – атмосферные осадки, feedback – обратная связь и т. д.* Однако равнозначные слова, принадлежащие к одному стилю речи, можно найти и среди общенародной лексики: *fraught with – чреватый, afore – said – вышеозначенный, bearer – предъявитель, bark – челн, to slay – сразить, to repose – покоиться, to retire – удаляться, steed – скакун, to bolt – уленеть, to showoff – пусоваться, to funk – трыснуть, gluttony – обжорство и т. д.*

Однако нередко соответствующие друг другу по основному содержанию слова двух языков принадлежат к разным типам речи, и стилистический компонент значения слова оригинала оказывается утраченным в переводе. В качестве примера можно указать на ряд англо-русских соответствий, в которых первое слово стилистически маркировано, а второе – стилистически нейтрально: *slumber – сон, torn – утпо, serge – сержант, to swap – менять; округить – to marry, скоропалительный – hasty, умеючи – skillfully и т. д.* [3, с. 59]. При использовании подобных соответствий нарушается эквивалентность стилистической характеристики слов в оригинале и переводе. Такое нарушение может быть легко компенсировано, поскольку, подобно эмоциональной характеристике, стилистический компонент значения слова окрашивает не только само слово, но и высказывание в целом как принадлежащее к определенному типу речи. Поэтому этот компонент может быть воспроизведен в переводе иного слова в пределах высказывания или даже в од-

ном из соседних высказываний, обеспечивая необходимую степень стилистической эквивалентности. К такого рода компенсации нередко прибегают переводчики художественной литературы, где особенно важно сохранить стилистические особенности оригинала [2, с. 13].

Список литературы

1. Бабахалова Л. Т. Функциональные стили и перевод. Т.: ТГУ, 1988. С. 99.
2. Булгакова А. Н. Пособие по переводу с английского языка на русский. Л.: Просвещение, 1990. С. 13.
3. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. М.: Международные отношения, 1980. 95 с.
4. Левый И. Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974. 275 с.
5. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. М.: Московский лицей, 1996. С. 25.
6. Морозов М. М. Пособие по переводу. М.: Литература на иностранном языке, 1956. 171 с.

УДК 378.1
ББК 74.00

Г. Ф. Устинина, Р. З. Валеева
г. Казань (Россия)

Креативно-деятельностный подход в обучении иностранному языку как средство формирования навыков межкультурной коммуникации

Статья рассматривает вопросы формирования навыков межкультурной коммуникации посредством творческой деятельности на занятиях иностранного языка. Основное внимание уделяется сомышлению и интеллектуальному сотрудничеству преподавателя и студентов.

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, познавательная деятельность, творчество, внеаудиторная работа, человеческие ресурсы, мотивация*

G. F. Ustinina, R. Z. Valeeva
Kazan (Russia)

Creativity in foreign languages teaching as a means of cross-cultural communication

The article considers a model for development of cross-cultural communication skills by means of extracurricular activities. The special attention is paid to co-thinking, intellectual cooperation between a teacher and students.

Key words: *cross-cultural communication, cognitive activity, creativity, extracurricular activity, motivation*

Переориентация обучения иностранным языкам в высшем учебном заведении с прагматических целей на культурологические предполагает наряду с усвоением иноязычно-речевых умений и навыков расширение культурного опыта будущего специалиста за счёт познания другой культуры и формирования ценностного отношения к ней.

В настоящее время проблема обучения иностранному языку, как средству межкультурной коммуникации в том числе, является как никогда актуальной и довольно сложной. Преподавание иностранного языка в неязыковых вузах не может полностью реализовать образовательные запросы студентов. К сожалению, в ходе аудиторных занятий до сих пор преобладают трансляционные формы работы. Современному преподавателю необходимо найти такие методы обучения, которые бы помогли задействовать на занятии всех учащихся. Таким образом, абсолютно каждый студент сможет проявить свою активность, готовность к творческой деятельности и импровизации в процессе обучения иностранным языкам.

Важным фактором, обеспечивающим мотивацию и стимулирование языковой активности студента, является умение педагога сделать работу на уроке привлекательной. Современному педагогу важно не просто передать информацию, а создать такие условия, при которых бы студент самостоятельно овладевал знаниями в процессе активной познавательной деятельности. Студент должен научиться учить самого себя. Понятно, что всякое умение не приходит к будущему спе-

циалисту без помощи преподавателя [1, с. 56]. Сотрудничество преподавателя и студента подразумевает способность педагога умело распределять и направлять самостоятельность, предоставленную студенту. Таким образом, педагог обеспечивает автоматизацию познавательной деятельности учащегося [2, с. 43]. Именно разнообразные формы внеаудиторной деятельности способствуют самореализации учащегося, формированию навыков межкультурной коммуникации, приобретению практических умений, раскрывают его творческий потенциал, позволяют студенту находить творческий подход к принятию решений поставленных задач.

Каждый человек имеет дар. Одарённость – качество любого ученика. Сегодня высшая школа не ориентирована на комплексное исследование и выявление потенциала студента. Преподаватель оказывается рабом устаревших подчас нормативных документов и традиций воспроизводства нового поколения по подобию предыдущего. Поэтому суть обучения, которое направлено на развитие одаренности, – это творчество. Для студентов участие в проводимых внеаудиторных мероприятиях – это активный выход в коммуникацию, а многообразие форм общения в той или иной ситуации, создание сценических образов с помощью языка, который не является родным, имитация его речевых особенностей [3, с. 33].

Внеаудиторная деятельность в Казанском государственном университете культуры и искусств является неотъемлемой частью образовательного процесса и рассматривается как интегративная составляющая общей системы профессиональной подготовки будущих специалистов. Как нам известно, 2014 год объявлен Перекрёстным Годом культуры России и Великобритании. В честь 450-летия со дня рождения Уильяма Шекспира ЮНЕСКО посвящает 2014 год великому английскому поэту и драматургу.

Чествование Шекспира пройдет во всех культурных центрах Европы. Большое значение придают созданию эффективного культурного и образовательного пространства и в нашем университете. «Размышляйте, создавайте, творите» – словно сами за себя говорят проводимые в университете многочисленные конкурсы, форумы, фестивали.

В апреле 2014 года Казанский государственный университет культуры и искусств наполнился духом давно прошедших дней: кафедра иностранных языков приглашала всех желающих посетить «Поэтическую гостиную», посвящённую жизни и творческому наследию самого загадочного и легендарного драматурга Великобритании.

Произведения Шекспира – одно из лучших творений человечества. Сменяются поколения, возникают и исчезают государства, а Ромео с Джульеттой каждый день воскресают на подмостках. Великий драматург поднял на новую ступень искусства изображение личности с её чувствами и страстями. Прошло почти четыреста лет со дня смерти поэта. За это время было создано великое количество изумительных произведений, но ни один автор не превзошёл этого мастера. Влияние образов, созданных Уильямом Шекспиром, на мировую литературу и культуру сложно переоценить. Гамлет, Макбет, Отелло, король Лир – эти имена давно уже стали нарицательными.

Какое же слово может сильнее выразить чувство любви и уважения к таланту величайшего поэта и драматурга? Конечно, слово поэтическое. Именно поэтому доброй традицией кафедры иностранных языков нашего вуза становится проведение литературных гостиных.

Поэтическая гостиная как одна из форм внеаудиторной работы призвана способствовать решению одной из основных задач образования – **обеспечения духовного, интеллектуального и нравственного роста** подрастающего поколения. В ходе подобных встреч во всей полноте раскрываются артистичность студентов, художественный вкус, на примере музыки и высокой поэзии воспитывается чувство прекрасного.

К числу задач, которые были поставлены организаторами мероприятия – преподавателями кафедры иностранных языков КазГУКИ, следует отнести:

- формирование навыков межкультурной коммуникации, уважительное отношения к культуре страны изучаемого языка;
- формирование коммуникативной компетенции студентов;
- совершенствование слухо-произносительных навыков в процессе чтения стихов, поэм и сонетов на иностранном языке;
- формирование навыков исследовательской работы;
- развитие у обучающихся познавательного интереса;

– формирование эстетических и психологических механизмов общения молодого человека с искусством.

Поэтическая гостиная как форма творческого сотрудничества студентов и преподавателей способствует расширению литературного образования, развитию профессиональных навыков, повышению эстетической, коммуникативной и общей культуры. Участие в подобных мероприятиях активизирует самостоятельность в исследовательской деятельности, совершенствует навыки иноязычной речи и публичных выступлений у обучающихся.

Как выяснилось, любителей творчества великого гуманиста очень много – свидетельством этому был полный зал желающих услышать поэзию гения Золотого Века. Встреча поклонников поэзии Шекспира сплотила вокруг себя не только неравнодушных и искренних учащихся нашего вуза, которые имеют большое желание творить, изучая иностранный язык, но и нашла отклик среди студентов других ведущих вузов г. Казани. Гости единодушно отметили хорошие языковые возможности и высокий уровень творческого климата в студенческом коллективе нашего вуза.

Стилистическое оформление мероприятия: портреты самого известного английского поэта и его знаменитых персонажей, выставка книг, свечи, потемневшие старинные фолианты сонетов Шекспира, – позволило всем присутствующим перенестись в атмосферу старой доброй Англии XVI века, почувствовать исторический колорит той далекой, удивительной эпохи, прикоснуться к великой поэзии величайшего поэта. Это было особенно заметно по задумчивым глазам гостей и участников мероприятия. Время необратимо, но память и творчество позволяют совершать чудеса.

Среди участников мероприятия – будущие специалисты в сфере экономики и туризма, библиотечно-информационной и социально-культурной деятельности, студенты творческих специальностей, но на собрании в «Поэтической Гостиной» они все – герои пьес Уильяма Шекспира. Прекрасные сонеты читались творческой молодежью на английском, французском, немецком и русском языках. Слушатель мог оценить оригинальный вариант и переводы, сделать выводы о мелодичности каждого языка. Хотя, безусловно, Шекспир в любом переводе остается Шекспиром, ведь язык любви понятен всем и не требует объяснений. Выступавшим студентам удалось передать присущую сонетам эмоциональность, искренность и откровенность.

Мероприятие прошло в атмосфере сотрудничества, творчества и открытости. Студенты замечательно продемонстрировали свои творческие таланты в представлении сонетов и сцен из мюзикла. Зрители по достоинству оценили как сценические, так и языковые возможности студентов. Благодаря совместному сотрудничеству, таланту и мастерству наших студентов и преподавателей получилась яркая и оригинальная встреча в «Поэтической гостиной», которая помогла заново открыть Шекспира, пережить с его героями много волнительных минут, обогатить свои эмоции прелестью неумирающих шекспировских строк.

Для нашего университета это важное событие, воплотившее творческие инициативы и обозначившее уникальный формат дружеского общения на иностранном языке. Это настоящий праздник высокой поэзии, драматургии и приобщения к прекрасному.

Необходимо отметить большую заинтересованность студентов в подготовке и проведении подобных мероприятий, их искренность и удовольствие от неформального общения с преподавателями и своими сокурсниками.

Внеаудиторная работа помогает включить студента в активную, творческую, поисково-исследовательскую, познавательную деятельность и обеспечить формирование иноязычной компетенции студента. Как нам известно, в памяти человека остаётся до 10 % того, что он слышит, до 50 % того, что он видит, и до 90 % того, что он делает [4, с. 112].

Известная пословица гласит: “Tell me and I forget, teach me and I remember, involve me and I learn” (Скажите мне, и я забуду, научите меня, и я запомню, вовлеките меня, и я выучу). Участие в творческих мероприятиях позволяет студентам убедиться в том, что изучение английского языка может быть интересным и захватывающим процессом.

Знание иностранного языка было и остается показателем культуры человека. Недаром говорят, что тот, кто знает два языка, стоит двух. Иностранный язык является тем средством, с помощью которого можно формировать культуру мира в сознании человека, развивать желание участвовать в межкультурной коммуникации, совершенствовать свою профессиональную под-

готовку. Необходимо отметить тесную связь и взаимозависимость преподавания иностранных языков и межкультурной коммуникации. Каждое занятие иностранного языка – это перекресток культур, это практика межкультурной коммуникации, потому что каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру.

В заключение важно подчеркнуть, что организация и проведение творческих программ непременно должны пользоваться заслуженным вниманием и стать частью учебного процесса, поскольку создают максимально благоприятные условия для эффективного изучения иностранного языка, формирования навыков межкультурной коммуникации, проявления творческого потенциала студентов и активной профессиональной деятельности уже с первого года обучения в вузе.

Список литературы

1. Барышникова З.А. Организация самостоятельной познавательной деятельности студентов. М., 2013. С. 56
2. Гиниатуллин И. А. Самостоятельная работа по практическому курсу иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2011. № 1. С. 43.
3. Казаренков В. И. Формирование у студентов потребности в межкультурном взаимодействии // Вестник Российского университета дружбы и народов Серия «Педагогика и психология». 2012. № 1. С.33.
4. Павлова К. Г. Пути реализации проблемного подхода в обучении иностранного языка в неязыковом вузе / отв. ред. К. Г. Павлова. М.: МГПУ, 2013. С. 112.

VII. ЯЗЫК СКВОЗЬ ПРИЗМУ РАЗНЫХ НАУК: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АСПЕКТ

УДК 130.2:8
ББК 81.2я44

А. А. Багаутдинов
г. Альметьевск (Россия)

Некоторые лингвофилософские аспекты формирования личности

В статье описываются онтологические основания социализации и инкультурации, показывается их связь с антропологией, лингвистикой, философией языка. В работе дается обзорное описание авторской лингвосинергетической теории культуры и общества, специфическое видение языка и типов личности, конструируемых средствами языка-метаконцепта.

Ключевые слова: *языковая личность, вторичная языковая личность, лингвофлуктуации, консенсус, социализация, инкультурация аксиологические основания, конструирование, метаконцепт, концепт, микроконцепт, социокультурный лингвокоммуникативный ритуал, модус, homo orationis, homo nationes, homo nationes vulgaris, homo nationes ferus, homo natiocultures, homo bi- / polilingualis, homo doctus, homo polysocioculturis*

Albert A. Bagautdinov
Almetyevsk (Russia)

Sociocultural linguafluctuations

In the article ontological bases socialization and enculturation are given in the connection with anthropology, linguistics and the philosophy of language. The author describes main ideas of his linguasyn-ergetic conception of culture and society, specific point of view on language and types of person identities constructing by means of language as metaconcept.

Key words: *linguistic personality, secondary linguistic personality, linguafluctuation, consensus, socialization, enculturation axiological basis, construction, metaconcept, concept, sociocultural lingua-communicative ritual, modus, homo orationis, homo nationes, homo nationes vulgaris, homo nationes ferus, homo natiocultures, homo bi- / polilingualis, homo doctus, homo polysocioculturis/*

Рассматривая современного нам человека, можно выделить ряд характеристик, отличающих от других живых существ: прямохождение, мышление, способность к творчеству и т. д. Среди этих сущностных черт человека разумного следует выделить также такие его черты, как способность говорить, обладание языком, с которым тесно связаны сознание и способность мыслить, наличие иерархии ценностей.

Аксиологический базис «жизненного мира» человека сложен, динамичен и многоаспектен. Он в немалой степени зависит от соотношения с теми или иными системами ценностей, идентификацией с определенной группой людей или культурной традицией. Идентифицирование человека с той или иной группой, традицией, системой ценностей имеет разнообразные социогенетические, этнические, полоролевые и иные основания и осуществляется в лоне языка, понимаемого автором целостно и обозначаемого понятием метаконцепт. Под *метаконцептом* автором понимается обобщенное философское понятие, связанное с речью и охватывающее пространство человеческого сознания. Метаконцепт фиксирует такую реальность, под которой имеется в виду онтологическое *бытие-языка-в-себе*, абстрагированное от его рефлексированности, выводимой из познавательной связи, в некоторой степени синонимическое «миру» понятие, которое в классическом толковании наименовалось бы «мир (языка)». *Метаконцепт* предельно

субъектен и направлен на другого субъекта – своего идеального слушателя или читателя, в ответах на вопросы которого актуализируются смыслы высказывания и переживания времени и пространства.

Лингвокультурологической социализации личности, формировании личностной идентичности и «конструировании» социальной реальности происходит подключение к социокультурной традиции средствами *социокультурного лингвокоммуникативного ритуала*, который определяется как *выработанный обычай или установленный по соглашению порядок совершения коммуникативных (связывающих словесных, речевых) обрядовых и иных действий, помогающих живому существу homo sapiens развиться до (языковой) личности, а личностям объединиться в какое – либо общество (семья, этнос, народ, и т. д.)*. Автор выделяет ряд ритуалов, конституирующих определенные типы личностной идентичности – «образы» человека. Эти образы называются автором по-другому – модусы личностной идентичности [4, 5]. В качестве методологического основания для данной концепции используются синергетическая методология и наработки школы синергетической антропологии [6, 7, 8, 10, 11, 12]. Модусы личностной идентичности человека – свойства, состояния, присущие только для определенных этапов становления личности, зависящие от её окружения, связей, в которых она находится, особенностей и внутреннего мира личности. Модусы подобны маскам античного актера, которые он надевал для исполнения роли, однако следует упомянуть, что, в отличие от античного театра, человек и «маска» могут «срастись». Когда человек укореняется в одном из модусов, то дальнейшее преобразование его личности может не происходить, а может и произойти. Человек может быть вытолкнутым из своей теперешней индивидуальности жизненными обстоятельствами, выйти из модуса личности, в который он «врос», «сорвать» эту социокультурную «маску».

Процесс соотнесения себя с определенными «значимыми другими» может продолжаться у человека всю его жизнь. Гносеологически первым типом личностной идентичности можно назвать *homo orationis modus* или человека говорящего. Человек подобного типа по сути – ребенок, начинающий говорить, создавать свои миры. Он только начинает осваивать окружающий мир. Подобный тип человека уже способен понимать и воспроизводить сложный мир культуры.

Поскольку культура – это не самостоятельное явление мира человека, она всегда качественно и ценностно маркирована. Поэтому следующим типом личностной идентичности становится *homo natiocultures modus*. Этот тип личности формируется при довольно приличном владении национальным языком. Личность данного типа может включать ряд подтипов. Личность *homo nationes vulgaris* – человек с простыми чувствами патриота может при обострении выродиться в человека с животным этноцентризмом – *homo nationes ferus*. Человек подобного типа может в дальнейшем «эволюционировать» до агрессивно расистски настроенного. Открытым для других людей с подвидом не их круга является *homo nationes cultures* – человек, любящий свой язык и культуру и уважительно относящийся к представителям других культур.

Вышеописанные типы личности человека, в частности, человек национальный, культурный, знающий свой язык, традиции, может начать изучать углубленно свой язык, культуру и приблизиться к пороговому модусу – *homo doctorus*, или ученый. Следует также упомянуть, что процесс «снятия-надевания» «масок-модусов» может проходить и в обратном порядке, т. е. человек может не развиваться, а деградировать. Близким к ученому типу личностной идентичности будет *homo doctus* или человек, хорошо наученный / обученный [3]. Примером *homo doctus* может служить героиня пьесы и одноименной кинокартины «Пигмалион» Г. Б. Шоу – Элайза Дулитл. Это была обычная неиспорченная девушка-цветочница из простого народа, которую профессор английской филологии Генри Хиггинс в содружестве с коллегой полковником Пиккерингом научили литературного английского языка и манерам настолько, что даже «высшее общество» не заподозрило, что она не леди [1, 2].

В случае формирования у человека национальной / культурной идентичности / компетентности он может, заинтересовавшись особенностями других людей / культур начать изучать их / другой язык / языки и культуру. При успешном освоении иных языка / языков и культуры мы получаем особый тип личностной идентичности – *homo bi -/ polilingualis* (в зависимости от количества изученных языков/культур). Неплохим примером подобного рода личности, на взгляд автора, является советский разведчик, партизан Николай Иванович Кузнецов («обер-лейтенант

Пауль Зиберт»). Обычный советский школьник 1911 г. р., увлекавшийся с детства изучением иностранных языков, начавший изучать в 7 классе эсперанто. В 1927 г. он начал самостоятельно изучать немецкий язык, обнаружив при этом незаурядные лингвистические способности.

В 1938 году весной Николай Иванович Кузнецов переезжает в Москву и поступает на службу в НКВД. «В сентябре 1941 он писал: «Последние три года я, за коротким исключением, провёл за границей, объехал все страны Европы, особенно крепко изучал Германию». Весной 1942 Кузнецов под именем немецкого офицера Пауля Зиберта вел разведывательную деятельность в оккупированном немцами г. Ровно, передавая сведения в партизанский отряд. Ему удалось узнать о подготовке фашистами наступления на Курской дуге. Он убил имперского советника генерала Геля, похитил командующего карательными войсками на Украине генерала фон Ильгена, совершал диверсии. Погиб в бою. Посмертно удостоен звания Героя Советского Союза» [9]. (Характерно, что «Пауль Зиберт» был раскрыт не из-за «неточной игры», а из-за предательства).

Научное изучение феноменов социокультурной идентификации – непростой и многоаспектный вопрос. Вышеуказанную типологию можно продолжать, но и из вышеописанного уже можно сделать вывод, что изучаемый и принимаемый человеком образ языка тесно связан с вполне определенными особенностями его личной и окружающей его культуры. Сведенные в сумме типы «языковой личности», по сути, являются лингвокультурными «модификациями» личности.

Список литературы

1. Pygmalion script // Scripts and Transcripts to Classic Movies (and others) made before 1970. URL: <http://www.aellea.com/script/pygmalion.txt> (дата обращения: 7.07. 2014).
2. Shaw G. B. Pygmalion // The Project Gutenberg EBook of Pygmalion, by George Bernard Shaw. URL: <http://www.gutenberg.org/files/3825/3825-h/3825-h.htm> (дата обращения: 7.07. 2014).
3. Багаутдинов А. А. Homo Doctus: опыт прочтения / Современные тенденции в развитии уровня образования. Материалы Республиканской научно-практической конференции АГИМС (17 декабря 2010 г.). В 3 ч.; Ч. I. Альметьевск: АГИМС, 2010. С. 14–17.
4. Багаутдинов А. А. Синергичная модель общества // IV Адлеровские социол. чтения: сб. материалов респ. конф. / отв. ред. проф. А. А. Емекеев. Альметьевск: АГНИ, 2010. С. 50–55.
5. Багаутдинов А. А. Язык и этнос: проблематика смысла // Альманах «Мировоззрение»: Будущее России. Поиски философских смыслов: сб. статей / отв. ред. И. В. Горина. Вып. 3. Сосновый Бор: Изд-во ФО «Мировоззрение», первич. орг-и СПб. филос общ., 2010. С. 54–552.
6. Басин Г. И., Басин М. А. Синергетика. Основы методологии. СПб.: Норма, 2006. С. 5.
7. Бранский В. П. Пожарский С. Д. Глобализация и синергетический историзм. СПб.: Политехника, 2004. 400 с.
8. Бранский В. П., Пожарский С. Д. Социальная синергетика и акмеология. СПб.: Политехника, 2002. 476 с.
9. Николай Иванович Кузнецов – биография. URL: <http://to-name.ru/biography/nikolaj-kuznetsov.htm> (дата обращения: 7.07. 2014).
10. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / под общ ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климотовича, Ю. В. Сачкова. М.: ЛКИ, 2008. С. 6.
11. Фонарь Диогена. Проект синергичной антропологии в современном гуманитарном контексте / отв. ред. С. С. Хоружий. М: Прогресс-Традиция, 2010. 928 с.
12. Хоружий С. С. Синергичная антропология: Томские лекции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология Политология. № 1 (2). 2008. С. 54–83.

Язык символов иконы на фреске П. Рыженко «Страшный суд»

Актуальность статьи обусловлена возрастающим интересом российского общества к вопросам веры и религии, основам культурных архетипов. Целью статьи является исследование возможности включения в культурные тексты современных православных художников элементов художественного языка иконы. Фреска П. Рыженко «Страшный суд» рассматривается с точки зрения содержания духовных смыслов иконографического канона и целостной картины мира канонической православной иконы. Рассматриваются художественный метод, образный ряд, особенности композиции и перспективы произведения, соответствие композиционно-образного ряда фрески канону иконы «Страшный суд». Делаются выводы о важности творчества современных православных художников для сохранения и преемственности культурных архетипов и инкультурации широких слоёв российского общества.

Ключевые слова: *репрезентация духовных смыслов иконы, современные православные художники, П. Рыженко, христоцентричность культурного текста, иконографический канон.*

Е. В. Дробная
Chita (Russia)

Language of symbols of an icon on P. Ryzhenko's fresco «Last Judgement»

Relevance of article is caused by increasing interest of the Russian society to belief and religion questions, bases of cultural archetypes. The purpose of article is research of possibility of inclusion in cultural texts of modern orthodox artists of elements of art language of an icon. P. Ryzhenko's fresco "Last Judgement" is considered from the point of view of the content of spiritual meanings of an iconographic canon and a complete picture of the world of an initial orthodox icon. The art method, a figurative row, features of composition and work prospect, compliance of a composite and figurative number of a fresco to an icon canon "Last Judgement" is considered. Conclusions about the importance of creativity for artists of modern orthodox conservation and continuity of cultural archetypes and inculturation broad strata of Russian society.

Key words: *representation of the spiritual meaning of the icon, the modern Orthodox artists P. Ryzhenko, Christ-cultural text, iconographic canon.*

Российская культура, традиции, народный быт всегда были проникнуты духовными смыслами, сформированными религиозными верованиями, прежде всего православием. Невозможно отрицать возрастающий интерес общества к вопросам веры, к осмыслению роли православия в формировании ценностного ядра национальной культуры, притягательной и таинственной «русской души». Сформированная за годы насильственной секуляризации светская культура, в которой искусство в значительной степени вытеснило религию, претендуя на её духовные функции, смогла сохранить внутри себя духовные смыслы культуры религиозной. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения проблемы сохранения и передачи в современных культурных текстах целостных духовных смыслов иконографического канона с целью выявления преемственности культурных архетипов и понимания современного состояния культуры как итога исторического развития.

Целью статьи является исследование языка текста современной культуры, включающего элементы иконы. Это способствует репрезентации сакральных духовных смыслов языка иконографического канона в формах, адаптированных для восприятия современниками, поскольку понимание иконы как литургического текста требует глубоких знаний и навыков, а выраженный средствами живописи духовный смысл становится более понятным современному зрителю.

В последние десятилетия в России появилось целое поколение художников, проповедующих синергическую боговдохновенность таланта, наполняющих своё творчество идеациональными смыслами. Все художественные особенности и образы созданных ими культурных текстов могут быть исследованы с помощью метода типологической экзегезы, определяющего их соотношение

с отражённым библейским прототипом [2, с. 179]. Своим творчеством современные православные художники способствуют преодолению своеобразного «раскола» в отношениях современного общества с религией и Церковью. Обращение современных православных художников в поисках духовных смыслов к языку иконы не случайно, поскольку она представляет собой не какой-либо единичный аспект православного вероучения, а выражает национальную духовность как таковую.

Семантика художественного языка древнерусской иконы во многом утрачена в силу длительного периода существования (примерно с IV в.) и постепенного обмирщения Церкви. Особенности существования религиозного компонента в современной культуре анализирует И. К. Языкова. Она сосредоточивает своё внимание на процессах возрождения иконописи, отмечая «влияние массовой культуры <...> как болезненную проблему современного иконописания», эклектичность современного церковного искусства («церковный постмодернизм»), что выражается, прежде всего, в отношении к иконописной традиции без должной богословской глубины [5]. Исходя из этого, исследователь творчества современных художников с точки зрения наличия в нём религиозной составляющей сталкивается с необходимостью выявления в конкретных текстах культуры образно-композиционных единиц иконописи, сохраняющих семантику художественного языка иконы и исходные духовные смыслы иконографического канона. Это связано с необходимостью дифференцировать подлинно православный текст, трансформирующий внешнее выражение канона ради достижения поставленной автором цели, от текста, автор которого, формально используя иконографические образы, наполняет их произвольным смыслом, то есть решить вопрос о сохранении духовных смыслов иконы в данном тексте культуры, соответствии семантики художественных образов картины сакральным смыслам репрезентируемых элементов канона.

Примером репрезентации иконографического канона, с возможностью сохранения его духовных смыслов и одновременным адаптированием их для понимания современниками, может служить фреска «Страшный суд» (2007 г.), исполненная современным художником Павлом Рыженко по благословию епископа Якутского и Ленского Зосимы для Якутского кафедрального собора. В этой работе Рыженко смог объединить реалистическую живописную технику, православное содержание и глубокое знание канона иконы.

Созданная для западной стены собора, фреска Рыженко соответствует канону расположения изображений эсхатологической тематики: запад в православии традиционно рассматривается как «сторона смерти», противоположная алтарю, восходу, месту ежедневного рождения солнца-Христа («Аз есмь Свет миру» (Ин. 8:12)), стороне света, к которой верующие обращаются в ожидании Его пришествия. Выходя из храма через западные двери, прихожанин видит икону «Страшный суд», назначение которой напомнить о неизбежном часе окончания земной жизни и ожидающем каждого Суде Божиим, о соблазнах и опасностях бурного житейского моря, от которых призван спасти его корабль-ковчег – православная Церковь.

Икона – это, прежде всего, богословское произведение и только затем – художественное. Как литургическое произведение, икона принадлежит богослужению, подобно церковному пению, облачению, архитектуре. Функции иконы – познавательная, воспитательная, коммуникативная. Коммуникативный аспект канонической иконы исключает воздействие на чувства верующего, что воплощается в лаконизме форм, линий, цвета языка древнерусской иконы. Иконопись исключает эстетическое воздействие на зрителя как противоречащее сакральности иконографического канона. Эстетическая функция вторична для иконы, она – побочный результат реализации других функций, а в высшем своем проявлении (иконы А. Рублева, Ф. Грека) – результат синергии, умного делания (исихии). «Страшный суд» Рыженко, напротив, сосредоточен на эстетическом воздействии на зрителя, направленном на рефлексию и эмоциональный отклик, свидетельствующий о важности увиденного. Отсылающий к католическому варианту христианства, культивирующему экстаз, чувственность, воображение, подобный эмоциональный отклик в православии допустим только как результат воздействия на зрителя произведений религиозной живописи. По этому признаку фреска Рыженко безусловно принадлежит к произведениям религиозной живописи.

Большую роль в восприятии художественного текста играет композиция, определяющая иерархическое подчинение всех элементов произведения цели, которую ставит перед собой автор.

Задача иконографического извода «Страшный суд» – укрепить в вере и добродетелях, дать человеку пищу для размышлений и повод обратить внимание на своё сегодняшнее существование. Работа Рыженко раскрывает перед зрителем идею реальности Страшного Суда, а каждый отдельный её фрагмент служит иллюстрацией к представлению о добродетели или грехе. Художник, изображая небесные врата на Суд, оставил несорванной одну печать, чтобы зритель мог представить себя участником происходящего и определить собственное место в эсхатологическом действе.

Композиционное решение фрески Рыженко в целом соответствует каноническому изводу иконы «Страшный суд»: в основе композиции картины лежит прямой крест, делящий пространство по вертикали и горизонтали на рай и ад, сферу земную и сферу небесную. Членение пространства подчёркивает ключевую идею Суда – идею разделения человечества на спасаемых (но погибших) и спасённых [1]. Художественный текст фрески содержит главные образы канонического извода: Христос и апостолы, которые судят мир, предстоящие Ему Божия Матерь и Иоанн Креститель; ангел с весами, символом «меры дел человеческих»; змей (образ зла), спускающийся в ад; множество ангелов, вестников Апокалипсиса, трубящих исполнение пророчества, и бесов, ожидающих души грешников в преисподней.

Обязательный образ Рая на фреске, согласно канону, располагается справа от Христа. Это Восток. Рай принял облик Святой Руси, осенённой шатровой церковью. Здесь происходит всеобщее воскресение мертвых, великое шествие к Престолу Господню, подобное крестному ходу, состоящему из русских людей разных эпох. Множество узнаваемых лиц делает фреску Рыженко повествованием о людях и событиях реальной действительности, отражает идею преемственности русской православной традиции, даёт зрителю конкретные примеры судеб, поступков, характеров, угодных Богу.

Ад – слева от Христа (в соответствии с каноническим), на Западе. Эту часть фрески автор также наполняет конкретными узнаваемыми образами. Спускающийся в преисподнюю древний змей (образ обязательный для православной иконографии Страшного Суда) несёт на своём теле перечень смертных грехов. Рыженко – мастер аллегории. Он находит детали, способные глубоко раскрыть изображаемый образ. Например, фигура блудницы, грудь которой вымазана кровью убитых ею детей. Деловой костюм и бейджик говорят зрителю, что это – карьеристка, делавшая аборт, чтобы дети не мешали её преуспеваю. Рядом с ней воскресают для того, чтобы оказаться в Геенне, ренессансный алхимик, горделивый фарисей, содомит, самоубийца.

В обязательном для извода «Страшный суд» образе грешника автор, отступив от канона анонимности иконы, изобразил самого себя, в ужасе смотрящего на весы в руках ангела, на которых чаша бесовская явно перевешивает чашу ангельскую. Судьба грешника – в руках ангела, который еще не положил на чашу весов свой последний свиток.

Художественный язык образов фрески Рыженко не является каноническими, отступая от канона в эмоциональности и узнаваемости отдельных персонажей картины. Преимущественно это касается «дольней» части огромной (5,7 x 12 м) композиции, увеличенной по размеру в сравнении с канонической иконой ради достижения поставленной цели: апеллируя прежде всего к чувствам человека, представить реальность Страшного суда, образцы добродетели и сущность греха, толерантность к которому в современном обществе достигла критического уровня.

Каноническое изображение пространственно-временного мира иконы плоско и статично, поскольку ставит перед собой задачу изображения сакрального места, исполненного света, в котором нет «вчера» и «завтра». Время иконы становится трансцендентным и обретает особые качества – недискретность, целостность и концентрированность, оно переходит в категорию вечности. Язык иконы отражает исихастское представление о преображении и обожении души, избавлении от страстей. Хронотоп фрески Рыженко, напротив, расширяет семантическое поле иконы (в соответствии с иеротопической концепцией А. М. Лидова [3]) и, выходя за границы вневременного, плоско-статичного изображения, превращается в историческое пространство, нуждающееся в современной реконструкции. «Страшный суд» Рыженко, заменяя каноническую статику онтологического текста иконы на динамику фрески, изменяет соотношение «время – действие – пространство».

Для канонической иконы характерна обратная перспектива, призванная «изобразить мир не таким, каким <...> его видят <люди>, а таким, каков он есть на самом деле» [4], опирающаяся не на опыт телесной жизни, а на догматы веры, понимание которых требует погружения в религиозное видение окружающего мира. Пространство фрески Рыженко организовано по законам линейной (прямой) перспективы, что подчинено художественной задаче включить зрителя в пространство культурного текста, сделать Страшный Суд реальным событием. Отсутствие «обратной перспективы» автор компенсирует обращёнными к зрителю взглядами основных образов фрески Рыженко (Христос, ангел с весами и Грешник). Фронтальное изображение лика на иконе подчиняется канону: иконообраз и предстоящий иконе человек, находясь лицом к лицу, воссоздают и выделяют ситуацию безмолвного диалога, исповедальности, обособленности в окружающем событийном поле. Включение зрителя, который «участвует в создании <...> пространственного образа», зрителя, «обладающего соборной и индивидуальной исторической памятью, определенным духовным опытом и знаниями, как полноправного действующего лица пространственного образа» (наряду с изображениями, светом, запахом, звуком) является принципиальной чертой византийской иеротопии [3, с. 23].

«Страшный суд» Рыженко представляет собой интерактивное, функционально сложное явление культуры, в котором репрезентируется познавательная функция иконы. Язык сакрального пространства фрески объединяет в динамическое целое многие религиозные компоненты: музыку (трубящие архангелы), одежду персонажей (текст объединяет костюмы различных эпох и народов), архитектуру (противопоставление шатровой церкви в правой, «праведной» части картины, безликим небоскрёбам, бизнес-центрам), обрядовую режиссуру (выразившуюся на фреске в изображении крестного хода российских праведников во главе с царём-страстотерпцем Николаем II), сложную драматургию цвета и пространственной среды, и пр. Художник сознательно отказывается от точного воспроизведения иконографического извода «Страшный суд», что предполагает и жанр произведения – картина на религиозную тему, а не икона. Даже опустив ряд деталей иконописного канона иконы «Страшный суд», автор смог реализовать воспитательную функцию иконы как литургического текста, сосредоточив своё внимание на теме личной ответственности перед Богом, возможности спасения и неизбежного воздаяния за грехи. Страшный суд, по замыслу Рыженко, должен происходить для зрителя «здесь и сейчас».

Теоаксиологический анализ языка фрески «Страшный суд» позволяет сделать вывод о христоцентричности этого текста: иерархической выстроенности образов и смыслов фрески, подчинённости всех его элементов задаче сохранения и трансляции целостных духовных смыслов православного канона. Объединившее основные функции иконописи (воспитательную, образовательную и коммуникативную) с эстетической функцией светского искусства, произведение П. Рыженко может быть рассмотрено как репрезентация целостной картины мира канонической православной иконы, противопоставленной современному эклектизму постмодерна. Репрезентация национальной духовности языком художественного творчества, отражая потребности социума в добре и красоте, может не только в доступном виде представить обществу традиционные аксиологические ценности, но и помочь в преодолении стереотипов о примитивности «народной» русской культуры, расширить и углубить знания о ней в широких общественных слоях, сделать их подлинными носителями русской культуры.

Список литературы

1. Давидова М. Г. Иконы «Страшного суда» XVI–XVII вв. Пространство художественного текста: URL: <http://www.portal-slovo.ru/art/35909.php> (дата обращения: 03.07. 2014).
2. Камедина Л. В. Освоение духовного смысла в русской литературе: на материалах художественной словесности. Новосибирск: Наука, 2011. 214 с.
3. Лидов А. М. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2009. 362 с.
4. Церковное искусство. Об иконе и иконописи: URL: http://www.geo.web.ru/mindraw/bibl_icon3.htm (дата обращения: 03.07. 2014)
5. Языкова И. К. Икона в духовной культуре России XX века: автореф. канд. дис. культурол. наук. Моск. пед. гос. ун-т. М., 2005. 186 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/ikona-v-duxhovnoi-kulture-rossii-xx-veka> (дата обращения: 05.07. 2014)

О поэзии Д. Улзытуева

В литературу Дондок Улзытуев вошел как выдающийся лирик. Именно в лирике выражено все, что составляет силу улзытуевского таланта. Склонность к философским обобщениям, стремление вникнуть в тайны высшего смысла бытия придают поэтическим произведениям Улзытуева широту и масштабность.

Ключевые слова: поэзия, лирика, философское обобщение, народные традиции, картина народной жизни, строй души человека, проникновенный поэт природы

Т. М. Dugarzhapova
Chita (Russia)

About D. Ulzytuyev's poetry

Dondok Ulzytuev came to literature as an outstanding poet. Everything, what composes Ulzytuev's power, is expressed in his creativity. Addiction to the philosophical generalization, aspiration to go deeply into the secret of the highest meaning of the being give breadth and immensity to Ulzytuev's works.

Key words: poetry, lyrics, philosophical generalization, folk traditions, picture of people's life, human soul structure, soulful poet of nature

В литературу Дондок Улзытуев вошел как выдающийся лирик. Именно в лирике выражено все, что составляет силу улзытуевского таланта. Как отмечал бурятский литературовед Г. О. Туденов, поэзия Улзытуева «удивительно богата и многокрасочна по своему душевному выражению, искренности чувств и драматизму, сердечной взволнованности, лаконичности и живописности образов» [2, с. 16]. А. Б. Соктоев писал об одном из стихотворений из цикла «Пятнадцать песен», что «стихотворение виртуозно и легко передает глубину человеческого чувства, тончайшие его нюансы, переходы и оттенки. Оно умеет вобрать в себя аромат степей, типичные картины народной жизни и быта и через них выразить строй души современного человека, его сокровенные чувства и настроение... Лирика эта не теряет своих связей с древними народными эпическими традициями...» [2, с. 24]. Основное качество поэзии Д. Улзытуева, на наш взгляд, тонко подметил и В. Ц. Найдаков, когда утверждал: «... о чем бы ни писал Улзытуев, какую бы форму он ни избрал, существеннейшей, характернейшей чертой его творчества всегда остается проникновенный и яркий лиризм» [1, с. 16].

Как лирик, Дондок Улзытуев – тонкий и проникновенный поэт природы:

Ползал я, ползал,
по селу с серебряной оковкой
я ползал...
Плакал я, плакал,
обжегшись зеленой крапивой,
я плакал...
Думал я, думал,
почему крапива – трава, а жжется так
больно, – долго я думал...
Вырос я, вырос
среди полевых цветов, на земле каменистой
я вырос...
Я удивился,
глядя на синее небо,
на белые горы,
на быстрые реки...
И до сих пор я живу тем удивленьем.

(«Ползал я, ползал...», пер. Ст. Куняева)

Крапива – трава, полевые цветы, синее небо, белые горы, быстрые реки... Во всем дух красоты и внутреннего очарования души поэта... Именно это глубокое очарование души... Сначала любопытство и вопрос: «... почему крапива – трава, а жжется так больно», – а далее размышление, раздумье: «... долго я думал», а в результате размышлений возникает удивление: «И до сих пор я живу тем удивленьем». С него, действительно, все и начинается. «В груди человека не живет никакого иного благородного чувства, – писал Карлейль, – нежели чувство удивления...» [3, с. 59]. Об удивлении пишут много, в частности, поэт Е. Винокуров:

Что может быть на свете лучше,
Чем быть удивленным?
(«Удивление»)

Именно это чувство «удивления» помогло Улзытуеву увидеть и ощутить необычность того, что нас окружает. Искреннее желание проникнуть в тайны мироздания, постичь самую суть Вселенной, а главное – его раздумье, размышление, а точнее, «философия удивленья» стала не только важной особенностью, но и источником его поэзии.

Природа – это важный путь лирико-философского осмысления «тайн» Вселенной. На первый взгляд, казалось бы, самая простая и не очень заметная деталь в стихах Улзытуева может иметь глубокий философский смысл. «Мир – тайна, жизнь – тайна, – писал Карлейль, – но это тайна, лежащая открытой для всех. Смотрите открытыми глазами на действительность и вы проникните глубже в эту тайну...» [3, с. 60].

Главное в стихах Улзытуева – особая душевная отзывчивость ко всему красивому, образность, огромный накал эмоциональных чувств. Будто не сама природа, а огромное впечатление от ее таинственной красоты является важным поэту:

О цветы, –
пурпурные,
синие,
как мне тайну вашу открыть?
Где вы взяли такую силу –
грусть рождать
и радость будить?
(«О цветы...», пер. Евг. Евтушенко)

Описывая природу, в то же время поэт пытается «войти» в нее, чувствуя настроение, понимая ее язык...

Я окунулся
в прозрачные чаши Туглы...
слышу напев глухариный токующий,
слышу дождя
благодатные струи,
тихо звенящие,
будто струны...
А утром,
встречаясь глазами с солнцем,
я радуюсь травам,
радуюсь соснам,
и с птицами здесь
от всего вдалеке
я говорю
на их языке...

(«Я окунулся...», пер. Евг. Евтушенко)

Поддаваясь очарованию цветов – голубых подснежников, «бамбагаа» и «линхуа», ощущая ароматный запах степей, душистого багульника – алого «первенца степей» – и благовоние «безымянного» маленького цветка, травы голубой ая-ганги и зеленых веток черемухи, слушая «закат» и «рассвет», теплое «дыхание» земли и журчанье «серебряного» ручья в таежной глуши, дуновение синего байкальского ветра и дождя «благодатные» струи, звон уздечки вороного коня и клич

каурого, трель поющего жаворонка и кукование кукушки, радуясь травам и соснам, голубизне горных озер, синеве бескрайних бурятских степей мы проникаем в стиха Улзытуева в сущность единого бытия величавой и таинственной Природы. А в центре этого «живого» мира природы – трава голубая ая-ганга, яркий образ и символ родного края...

Вы слышали когда-нибудь
о траве голубой ая-ганга?
Ее имя –
как отзвук старинного медного гонга.
У нее суховатые
колкие стебли.
От нее синеватые
наши бурятские степи...
Есть обычай такой –
обживая жилище свое,
скотовод зажигает
у входа в жилище ее.
И пока он сидит,
с гостями беседуя,
ая-ганга курится
дымом бессмертия.

Дым и горек до слез.
Дым и сладок до слез.
Посмотрите –
ая-ганга я вам принес.
По страницам
рассыпал я эту траву.

В этом запахе –
то, чем дышу и живу...

(«Вы слышали когда-нибудь...», пер. Евг. Евтушенко)

Стихи эти удивительно музыкальны и по образам, и по поэтическому языку. Описание травы ая-ганги – тоже музыка, сначала плавная и спокойная, а затем более захватывающая. Поэт как бы тихо и мелодично открывает глубины человеческого бытия, которые не увидишь обычным взором. Он заставляет думать читателя...

Голубыми камнями
Покрыты твои берега,
И поэтому ты кажешься голубою,
река.
Начало твое –
И синем небе и вечных снегах.
Может быть, это небо
Струится в твоих берегах.

(«Песня о реке», пер. Евг. Евтушенко)

Природа Улзытуева – олицетворение истины и красоты жизни. Именно «красота» развила способность поэта видеть в природе душу живую. Цветы для Улзытуева не только путь к созерцанию, они для него – живые существа. Цветы полны загадок, полны света...

О цветы, –
Голубые подснежники,
Бамбагаа и линхуа,
Где вы взяли свет,
Чтоб подсвечивать на подножьях из трав и мха?
О цветы, –

пурпурные,
синие,
как мне тайну вашу открыть?
Где вы взяли такую силу –
грусть рождать
и радость будить?

(«О цветы...», пер. Евг. Евтушенко)

Поэт вводит в ткань стиха символику света... «Где вы взяли свет, / чтоб подсвечивать?» Казалось бы, этот свет близок к концептуальной идее света Ф. Шеллинга: «Свет – есть идеальное, сияющее в природе... Свет бесконечная душа всех телесных вещей» [4, с. 212–213]. Вероятно, именно в данном символе света и заключается основной смысл «философии удивленья» Улытуева.

Для поэта и цветовая палитра – это не столько описание пейзажной гаммы цвета словом, сколько путь к постижению величайшей реальности, «таинственной» и «вечной». Поэтому каждый цвет и оттенок имеют для него эмоционально-символическое значение. Прилагательные «голубые», «пурпурные», «синие», будто бы ассоциируясь с голубизной бездонно-синего неба, особо выделяют глубоко символическое значение «бездонно-голубых» цветов. Для Улытуева палитра цвета – это не столько цветное описание, сколько выражение душевного состояния человека...

Почему мне усталость
видится в облике
этих трав пожелтевших...

(«Почему мне усталость», пер. Евг. Евтушенко)

«Усталость» поэт видит в зримом образе «трав пожелтевших». Эмоциональный настрой образов Улытуева определяется тем, что ассоциативное использование цветов у него встречается чаще: оно всегда связано с изливанием чувств человека.

Улытуеву удастся не только искусно живописать словом, но и талантливо передавать ощущение запаха, прикосновения. Такое редко кому удастся. В этом мы видим одно из специфических свойств поэтического мастерства талантливого поэта. Например, изображение словом полностью может быть передано через ощущение...

Запах навоза и теплой земли
ветры с полей принесли.
Женщине, дремлющей во дворе,
снятся горькие сны.
Ветер приносит с южных холмов
запах степных цветов.
Женщине снится сон о любви,
лучший из горьких снов.

(«Спящая», пер. Ст. Куняева)

Сон женщины, «дремлющей» во дворе, сначала воссоздается как-будто с ощущением запахов «навоза» и «теплой земли», что ветры приносят с полей, а с другой, «сон о любви», лучший из «горьких снов», воссоздается с запахом «степных цветов», что ветер приносит с «южных холмов».

В другом стихотворении художественный образ – символ травы ая-ганга создается не только из зрительного ощущения, но и из ощущения запахов:

...Ая-ганга курится
дымом бессмертия.
Дым и горек до слез,
дым и сладок до слез...

Если хочешь, мой друг,
привезу я с собой
много-много

пахучей травы голубой...
(«Вы слышали когда-нибудь», пер. Евг. Евтушенко)

Или:

В эту падь забреду, горсть травы разыщу,
ароматной и голубоватой.

(«Напев», пер. Ст. Куняева)

Трава «голубая», «голубоватая» (цвет) одновременно пахнет – «пахучая, ароматная» (запах). Ая-ганга представляется поэту внешне видимой, «бессмертной» – «курится дымом бессмертия», хотя «дым и горек до слез», «дым и сладок до слез».

Стиль Улзытуева лиричен и совмещает в себе эмоциональную содержательность с глубиной размышлений. Вернее, пейзажные зарисовки поэта даются не сами по себе, они как бы являются основой философских размышлений о Вселенной, о судьбе человека...

Род продолжив,
Живу в раздумье,
Что такое судьба земная,
О Вселенной,
О Шибертуе,
Что-то нужное сочиня.
Жить бы мне,
Как живет равнина
От зазимков до ледохода,
Чтобы жизнь была сравнима
С четырьмя временами года.

(«Жизнеописание», пер. Ст. Куняева)

В основе философской лирики Улзытуева лежат раздумье, размышление, «напряженная работа мысли», стремление к постижению загадок мироздания. А великая сила художественно-эстетической мысли поэта определяется ее четкой заданностью в отношениях «Человек – Природа – Земля – Вселенная» и, главное, – ее неумолимым движением к глубокой нравственности самого человека и космичности «живой» Природы, иначе говоря, Земли, населенной человечеством. Вопросы без ответов «неужели погаснет золотое светило?», тайны природы, загадки мироздания в форме «напряженного» философского раздумья – вот что занимает в первую очередь творческое воображение поэта...

Я спросил,
обращаясь к весенним цветам,
над которыми красное солнце всходило:
– О цветы бамбагаа,
известно ли вам,
неужели погаснет золотое светило?
Неужели отец тридцати трех планет
превратится в холодный, безжизненный камень?
Неужели исчезнут закат и рассвет
и земля в темноту и безмолвие канет? –
Бамбагаа, в молчанье склоняясь до земли,
головами под ветром спокойно качали,
подтверждали, но все-таки не отвечали.

(«Я спросил...», пер. Ст. Куняева)

Склонность к философским обобщениям, стремление проникнуть в тайны высшего смысла бытия придают поэтическим произведениям Улзытуева широту и масштабность, чего раньше не доставало бурятской поэзии.

Список литературы

1. Найдаков В. Ц. Традиции и новаторство в бурятской советской литературе. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 424 с.

2. Туденов Г. О. Об основных направлениях в бурятской советской поэзии // Советская литература и фольклор Бурятии. Улан-Удэ: БКНИИ СО АН СССР, 1962.
3. Цит. по кн. В. И. Яковенко. Томас Карлейль, его жизнь и литературная деятельность. М.; Спб., 1981.
4. Шеллинг Ф. В. Философия искусства. М.: Наука, 1966.

УДК 1:(11+114):(13+130.3+130.31)
ББК 87.6+76.0

И. В. Ильин
г. Харьков (Украина)

«Язык» газет Британии и США о бренд-городе Бурнвилль братьев Кэдбери в конце XIX – начале XX вв.

В докладе проясняется феномен бренд-города через анализ газетных заметок об одном из самых выдающихся образчиков последнего – о Бурнвилле. Отмечается, что характерными чертами лингвистической репрезентации данного феномена стали утверждения об особых отношениях между рабочими и братьями Кэдбери (образ семьи) и организации последними буржуазного устройства жизни и досуга для рабочих, а также о том, что Бурнвилль исполняет функцию идеала, модели, реализованной утопии по отношению ко всему остальному обществу.

Ключевые слова: *бренд-город, идеал, проект жизни, газета.*

I. V. Ilyin
Kharkiv (Ukraine)

«Language» of Britain and USA newspapers about the brand-town of Bournville of Cadbury brothers in the late XIX – early XX centuries

In the paper an author clears up the phenomenon of a brand-town through the analysis of newspaper notes about one of the most outstanding sample of the last – about Bournville. It is noted that the characteristic features of linguistic representation of this phenomenon: the special relations between workers and Cadbury brothers (an image of a family), and organization by them the bourgeois arrangement of life and leisure for workers and that Bournville executes a function of an ideal, the model, the realized utopia towards the rest of society are found.

Key words: *brand-town, an ideal, the project of life, newspaper.*

Бренд-город [1] братьев Ричарда и Джорджа Кэдбери под названием Бурнвилль (начало строительства – 1879 г.) является одним из наиболее выдающихся примеров данного феномена, заложившим основы социально-пространственной революции, которую мы называем бренди-зацией капитализма [2]. Бренд-город выражает стремления буржуазии, которые, прежде всего, направлены на решение противоречий капиталистического способа производства посредством коренной трансформации пространства труда и отдыха рабочих: решении жилищного вопроса, распространении мелкобуржуазных ценностей семьи, домашнего очага и любви к собственному саду, которое подчеркивалась просторным эстетическим решением домов для рабочих, а также уменьшением рабочего дня и предоставления целой совокупности социально-культурной инфраструктуры (библиотека, школа, поля для крикета, детские площадки и пр.). Все было создано для того, чтобы на уровне пространства уничтожить противоположность между классами и скрыть единственный интерес капиталиста – увеличение прибавочной стоимости. Важным следствием возникновения бренд-города стало формирование особого проекта жизни, смысл которого заключался в том, что на «жертву» капиталиста (а на деле, распределение прибавочной стоимости более равным, по отношению к рабочим, образом, но при этом для высасывания большей прибавочной стоимости у последних) рабочие должны были ответить повышенной производительностью и лояльностью, то есть своей политической «смертью». Таким образом, бренд-город – это форма политической гегемонии буржуазии, в которой происходит видимостное превращение рабочего в квази-буржуа через пространственные условия, а также достигается легитимация бур-

жуазного строя, который (как оказалось!) может нести здоровье, счастье, свободу всем людям. Бренд-город – форма организованного в идеал капитализма, существующая, по видимости, без противоречий и без классов.

Но это общая гипотеза. Задача настоящего доклада заключается в том, чтобы выяснить каким образом в газетных изданиях Британии и США XIX – XX вв. нашло свое языковое выражение «коренная трансформация социального пространства», которое мы называем брендизацией капитализма, выразившей в возникновении бренд-города.

Так, в заметке «Занятость женщин» в шотландском журнале «Aberdeen Weekly Journal» (от 23 января 1894 г.) в обзоре официального отчета о занятости женщин мисс Коллет, после описания замечательных условий жизни и труда женщин в Бурнвилле, автор отмечает, что Кэдбери «не только платят своим работникам действительный «прожиточный минимум» (livingwage), но и создают необходимые условия для их комфорта, развлечения и общего благосостояния, что напоминает о старых добрых временах, когда глава предприятия был как отец семьи (when the head of a business was like the father of a family)» [7, с. 7]. Важно обратить внимание на то, что отношения между классами (пролетарий-буржуа) замещаются семейными отношениями (дети-родители), что проясняет патерналистский характер первых бренд-городов, их «отеческую», моральную власть над подчиненными. Не зря, кстати, Кэдбери уделяли большое внимание религиозному воспитанию своих «чад», что соответствовало их собственным убеждениям (они принадлежали к движению протестантов-квакеров). В конце этой заметки помещены мысли, которые могут прояснить статус бренд-товара, созданного в бренд-городе и отражающего превращение самого социального пространства (организованного буржуазией в идеал) в товар. Автор указывает на то, что люди, употребляющие чистое и полезное какао Кэдбери, могут не волноваться за свою совесть, будучи уверенными в том, что «этот прекрасный напиток, дающий им силу для их вседневного труда, не запятнан человеческим страданием» [7, с. 7]. Таким образом, потребительская стоимость бренд-товара отныне включает в себя то пространство и связанное с ним (био) политическое устройство (проект жизни), в котором он производится.

В лондонской газете «Times» (от 25 сентября 1906 г.), в заметке «Фабрика и деревня Бурнвилль» описан приезд представителей британской прессы в город, созданный братьями Кэдбери. В ней, между прочим, указано на специфическую особенность устройства домов рабочих: «Нет двух похожих друг на друга домов» [5, с. 3], что акцентирует внимание рабочих на эстетическую форму, на эстетизацию повседневности. Как писал Пьер Бурдьё, именно внимание к форме предметов, вне зависимости от их содержания (и социальной, и природной необходимости) отличает буржуазный габитус от пролетарского [4, с. 176], а значит, Кэдбери, обустрояя дома подобным образом, пространственно включает рабочих в буржуазный габитус. Далее приводятся слова Джорджа Кэдбери: о том, что «... если мы хотим сохранить наше положение в качестве Имперской расы (Imperial race), то нужно решить проблему перенаселения и антисанитарных условий в наших больших городах» [5, с. 3]. Это замечание существенно, поскольку отмечает собственный подход Кэдбери к решению обозначенной проблемы (решение жилищного вопроса, посредством предоставления отдельных домов для каждой рабочей семьи; перенесение фабрики и домов из города в деревню; контроль за состоянием здоровья рабочих), а также представление о том, что своим примером, служащим в качестве идеала, (своим брендом, сказали бы сегодня) Кэдбери показывает то, как нужно двигаться всей британской империи.

Корреспондент газеты «Leicester Chronicle and the Leicestershire Mercury» в заметке «Бурнвилль. Город «какао»» (от 29 марта 1884 г.) отмечает особенность отношений между братьями Кэдбери и их рабочими: «... [это] маленькое сообщество, состоящее из шести сотен душ, связанное вместе благотворным влиянием умеренности, религии и разумной бдительности, то есть, связями более близкими и дорогими, чем обычная связь между работниками и капиталистами, в наиболее корыстных предприятиях нашего времени, в которых за оговоренные услуги первые получают оговоренную зарплату» [6, с. 7]. В качестве вывода автор пишет о том, что Бурнвилль является «одним из чудес Англии» [6, с. 7]. Это дает понять, что бренд-город существовал в качестве зеркальной социальной формы (наподобие функции «стадии зеркала» в кон-

цепции Жака Лакана [11, с. 93–101]), отражающей всему обществу идеальную форму (и в смысле идеала, и в смысле идеального как отношения представленности у Карла Маркса [12, с. 110]) его возможной (будущей) социальной организации.

В заметке «Окрестности современной фабрики по производству какао», помещенной «The Derby Mercury» (за 30 марта 1892 г.) автор отмечает, что эти окрестности «имеют особое очарование, отгоняющее мысль о смоге и машинах» [13, с. 8]. Эта мысль также подчеркивает элемент скрыт(н)ости пространства производства в эстетическом (и нравственном, и политическом) производстве пространства.

В американских газетах также можно найти восторженные отзывы о Бурнвилле, проясняющие моменты концепции брендизации капитализма. Так, например, в вашингтонской газете «Evening star» (от 25 сентября 1905 г.), в заметке под названием «Дома для бедных. Что сделано в Англии» автор сравнивает Бурнвилль Кэдбери с проектами Джона Паттерсона в США, Альфреда Круппа в Германии, делая вывод о том, что «они открывают путь обеспечения человеческого счастья благодаря их превосходным стараниям в создании жилья для рабочих. Их филантропия станет всемирной в своем влиянии» [10, с. 17], что опять же акцентирует характер модели, идеала того проекта жизни, который создал Кэдбюри (в том числе), для США.

В статье Джадсона Гренелля «Промышленная Европа, увиденная глазами янки. Бурнвилль как реализация идеального дома для рабочих», опубликованной в «The labor world» (от 2 июля 1904 г.), непосредственно указывается на буржуазность созданных для рабочих условий: «Здесь [в домах для рабочих в Бурнвилле – *И. И.*] «домашний комфорт» и удобства похожи на дома зажиточных (*well-to-do*) американских граждан <...>. Музыкальные инструменты, украшения, диванные подушки <...> которые редко встречаются в большинстве британских домов, населенных рабочими» [8, с. 15]. А в газете «The sun» (от 20 марта 1910 г.), в заметке под названием «Рай за 12.30 долларов в месяц», автор утверждает, что «всем, кто лелеет некоторую возвышенную идею о прославленном будущем человечества, будет интересно увидеть Бурнвилль, где отчасти реализована идея «Взгляда назад» Беллами» [9, с. 2]. Характерно упоминание данного романа-утопии, отсылающего к тому, что в обществе будущего не будет классовых различий, а потребление станет главным развлечением. Получается что, если для Бодрийера именно Америка (в одноименном произведении [3, с. 57]) является местом реализованной утопии (что парадоксально!), то в начале XX века этим местом еще пока является британский Бурнвилль.

Таким образом, в газетных изданиях Британии и США в конце XIX – начале XX вв. бренд-город Бурнвилль отразился в нескольких существенных пунктах: а) как модель социального развития, реализованная утопия («чудо», «рай»); б) как особые, «семейные» отношения между капиталистом и рабочими; в) как буржуазное устройство жизни и досуга рабочих, превращающее последних в квази-буржуа. Это обстоятельство, в свою очередь, может служить аргументом, подтверждающим нашу гипотезу о брендизации капитализма.

Список литературы

1. Ильин И. Бренд-город как гетеротопия // Сборник научных трудов SWorld. Выпуск 2. Одесса: КУПРИЕНКО, 2013. URL: <http://www.sworld.com.ua/konfer31/341.pdf> (дата обращения: 30.07. 2014).
2. Ильин И. Брендизация капитализма // Сборник научных трудов SWorld. Выпуск 3. Иваново: МАРКОВА АД, 2013. URL: <http://www.sworld.com.ua/konfer32/1052.pdf> (дата обращения: 30.07. 2014).
3. Baudrillard J. *Amérique*. Paris: Bernard Grasset, 1986. 249 с.
4. Bourdieu P. *Distinction: a social critique of the judgement*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1984. 613 с.
5. Bournville Works And Village // *Times*. 1906. 25 сентября. С. 3.
6. Bournville. The “cocoa” town // *Leicester Chronicle and the Leicestershire Mercury*. 1884. 29 марта. С. 7.
7. *Employment of women* // *Aberdeen Weekly Journal*. 1894. 23 января. С. 7.
8. Grenell J. *Industrial Europe as seen by a yankee* // *The labor world*. 1904. 2 июля. С. 15.
9. *Heaven at \$12.30 a month* // *The sun*. 2004. 20 марта. С. 2.
10. *Homes for the poor* // *Evening star*. 1905. 25 сентября. С. 17.
11. Lacan J. *Ecrits*. Paris: Seuil, 1966. 912 с.

12. Marx K. Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Erster Band. Buch I: Der Produktionsprozeß des Kapitals. Berlin.: Dietz Verlag. Marx-Engels-Werke-Ausgabe. 1962. Band 23. 11 802 с.
13. The surroundings of a modern cocoa factory // The Derby Mercury. 1892. 30 марта. С. 8.

УДК 81'37

ББК 81.0

Е. Ю. Кабановская

г. Чита (Россия)

Язык и этнический характер славян

В данной статье рассмотрены некоторые аспекты изучения этнического характера. Проведен теоретический анализ работ в области изучения этнического характера в отечественной и зарубежной этнопсихологии. Предпринят лингвистический подход к изучению этнического характера славян. Изучено ядро языкового сознания представителей русской и украинской этнических групп. Выявлены основные черты этнического характера представителей данных этнических групп.

Ключевые слова: *этнопсихология, этнос, этнический характер, языковой образ мира, языковое сознание, ядро языкового сознания.*

E. Yu. Kabanovskaya

Chita (Russia)

Language and ethnic character of Slavs

In this article some aspects of studying of ethnic character are considered. The theoretical analysis of works in the field of studying of ethnic character in domestic and foreign ethnopsychology is carried out. Linguistic approach to studying of ethnic character of Slavs is undertaken. The kernel of language consciousness of representatives of the Russian and Ukrainian ethnic groups is studied. The main lines of ethnic character of representatives of these ethnic groups are revealed.

Key words: *ethnopsychology, thnos, ethnic character, language image of the world, language consciousness, kernel of language consciousness.*

Изучение этнического характера является одним из основных аспектов этнопсихологии. Зарубежные этнопсихологи изучают проблемы «культуры и личности», «этнического характера» или «модальной личности» – абстрактного индивида, которому присущи специфические черты этноса. По определению известных этнопсихологов Х. Дайкера и Н. Фрайда, «личность принадлежит к одной этнической общности и обладает особенностями, типичными для всех представителей данной нации или этнической общности и нетипичными для представителей другой» [8, с. 8].

Среди работ отечественных ученых, посвященных проблемам этнопсихологии, заслуживают внимания труды Г. Г. Шпета «Введение в этническую психологию». Г. Г. Шпет полагает, что личность сама духовно определяет себя, относит себя к данному народу, а народ Шпет предлагает считать объектом этнической психологии как историческую категорию, включающую возникновение народа, его сознание, его переживания: «Духовный уклад индивида и есть дух его народа; каждый исторически образующийся коллектив по-своему воспринимает, воображает, оценивает, любит и ненавидит объективно текущую обстановку, условия своего бытия, само это бытие, и именно в этом его отношении ко всему, что объективно есть, выражается его «дух», или «душа», или «характер» в реальном смысле» [7, с. 153].

Идеи М. В. Ломоносова, Н. А. Данилевского, В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, Н. Г. Чернышевского и ряда других ученых имели большое значение для развития отечественной этнопсихологии в области изучения этнического характера, национальной духовности и ряда других аспектов. Так, например, В. С. Соловьев изучил сущность национального патриотизма, национальной гордости, специфику русского самосознания.

Н. А. Бердяев подробно рассмотрел особенности русского характера, подчеркивая при этом, что именно религиозность является одной из самых важных черт русского народа. В трактовке

Н. Г. Чернышевского национальный характер являет собой многослойную структуру, состоящую из умственных и нравственных качеств, качеств, связанных с разностью языка, качеств по образу жизни, по обычаям.

Впервые идея взаимосвязи этнических особенностей личности и языка была выдвинута в 18 веке. С точки зрения ряда зарубежных исследователей (В. Вундт, Г. Лебон), изучение духа народа следует изучать в языке, а дух или душа народа – это некая субстанция, которая является врожденной и неизменной, обеспечивая единство национального характера.

В. Гумбольдт считал, что человечество делится на языки и, соответственно, делится на народы. Отсюда должно следовать, что между языком и народом существует тесная связь: «... язык и духовная сила народа развиваются не отдельно друг от друга и не последовательно один за другим, а составляют исключительно и нераздельно одно и то же действие интеллектуальной способности» [2, с. 68].

Язык является как результатом, так и средством деятельности сознания этноса и представляет собой зафиксированное на различных этапах развитие сознания этноса и отраженное в языковых единицах его самосознание и миропонимание: «... язык предстает как фиксирующее на современном этапе развития сознания и выражаемое с помощью языковых единиц и взаимоотношений самосознание и миропонимание. Взаимодействие же воплощенных в языке мыслительных понятий, то есть ставших языковыми мыслительных категорий, и выражаемой с помощью языка мыслительной концептуализации субъективного и объективного мира и создает феномен языка» [6, с. 184]. Таким образом, языковое сознание выступает в качестве механизма отражения объективного мира этноса, его духовного уклада, его характера.

Сравнительный анализ лингвистических исследований показал, что введение в языковое сознание этнокультурного компонента (Г. Г. Шпетт, Е. Ф. Тарасов и другие) позволяет рассматривать языковое сознание как более объемлющее целое объективное культурное сознание, связывающее слова единством смыслового содержания со всеми другими культурными средствами. Подобной точки зрения придерживается В. С. Мазлумян, полагая, что весь багаж культурных знаний общества, определяющий в той или иной степени уровень восприятия и деятельности его членов, является проявлением языкового сознания. Языковое сознание существует для этноса прежде всего в форме значений и смыслов, так как действительность презентирована в сознании этноса как означенная действительность, объективная реальность, переведенная на язык значений. Отсутствие одинаковых этнокультур свидетельствует и об отсутствии одинаковых образов сознаний, отображающих одни и те же культурные предметы. Образ данных предметов, перенесенный из одной культуры в другую, всегда несет в себе элементы этнокультурной специфики картины мира ее представителей.

Таким образом, посредством экспериментального изучения языкового сознания возможно исследование специфики самосознания этноса, изучение его этнокультурного компонента. Проведенное автором исследование с использованием метода свободных ассоциаций позволило выявить особенности языкового сознания представителей славянских групп и определить черты их этнического характера. В качестве респондентов были выбраны представители русской и украинской этнических групп. Ядро языкового сознания представителей русской этнической группы составили такие реакции, как дружелюбный (45); смелый, добрый (42); радостный (40); сильный (38); восприимчивый (37); спокойный (33); терпеливый, оптимистичный (31); милосердный (29); надежный (25); преданный (22); открытый, правдивый (20). Ядро языкового сознания представителей украинской этнической группы составили следующие реакции: эмоційний / эмоциональный, наполегливий / **настойчивый (48)**; заповзятливий / **предприимчивый (47)**; відважний / отважный (46); стійкий / стойкий (40); скромний/скромный (39); добрий/добрый (37); діловитий / деловитый, обережний / **осторожный (27)**; організований/ **организованный (26)**; замкнутий / замкнутый (24); сміливий/смелый, добродушний / добродушный (23); цілеспрямований / целеустремленный (22). Полученные результаты исследования позволяют сделать некоторые выводы. В качестве основополагающих черт русского национального характера выступают такие черты, как доброта, сила духа, терпеливость, смелость, отзывчивость. Данные черты характера были выделены рядом других известных исследователей (Ю. А. Вьюнов, В. В. Воробьев, В. М. Соловьев, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, С. Г. Тер-Минасова). В качестве основопола-

гающих черт украинского национального характера выступают такие черты как эмоциональность, настойчивость, стойкость, упорство, замкнутость. Подобные черты характера в полной мере раскрывают особенности этнического характера украинцев, что подтверждается исследованиями, проведенными Ю. И. Липой, Д. И. Чижевским и другими исследователями.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что конструирование системы значений, сквозь призму которой происходит отражение окружающего мира этноса, восприятие других личностей – субъектов – носителей духовной культуры, позволяет рассматривать этнос как носитель определенной картины мира, субстанцию значений и смыслов, закрепленных в лингвистическом механизме – языковом сознании. Представители различных этнических общностей говорят на разных языках и, соответственно, по-разному воспринимают и постигают мир, видят его сквозь призму своего языка, отражающего культуру данной общности и являющегося средством формирования образа мышления, языковых личностей ее представителей. Межэтносовые исследования позволяют определить то особенное и универсальное, что свойственно носителям культур в зависимости от их этнической принадлежности, выявить контрастные черты культурной специфики представителей разных этнических групп, приобретая сегодня не только теоретическую значимость, но и позволяя прогнозировать многие вопросы межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. М.: МГУ, 1990. 240 с.
2. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества: избр. тр. по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 37–301.
3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры М.: Прогресс, 1985. 451 с.
4. Нуртазина М. Б. Языковая личность и культура: язык образования и образование языка. Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2000. 228 с.
5. Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания: языковое сознание и образ мира. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 24–32.
6. Фефилов А. И. Язык как результат и как средство деятельности сознания // Языковое сознание: тез. IX Всесоюз. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 30 мая – 2 июня 1988 г. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. С. 183–184.
7. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. СПб.: Алетейя, 1996. 134 с.
8. Duijker, H. C. I. National Character and National Stereotypes. Amsterdam, 1960. 25 p.

УДК 130.2
ББК 71/79

Е. Ю. Казакова
г. Чита (Россия)

Значение категории «молчание» в изучении семиотической модели культуры

В статье рассматриваются критерии выделения моделей культуры, дается определение семиотической модели культуры. По материалам М. Н. Виролайнена исследуется значение семиотической категории «молчание» в построенных автором моделях культуры.

Ключевые слова: *семиосфера, код, семиотика, категория, модель культуры, текст культуры*

Е. Y. Kazakova
Chita (Russia)

The meaning of semiotic category “silence” in the study of the model of culture

The article is about the criteria for the selection of the models of culture and definition of semiotic model of culture. According to Virolinen, this article describes the meaning of semiotic category “silence” in the models of culture creating by the author.

Key words: *semiosphera, code, semiotics, category, the model of culture, the text of culture*

Изучение культуры как информационной семиотической системы дает возможность выделить на основе особо значимых для людей категорий определенные семиотические модели, исследование которых, в свою очередь, позволяет более детально проанализировать ракурс развития социума, знаковость текстов культуры, сделать выводы о вариантах предполагаемого будущего. В основу построения моделей культуры были положены разные принципы, среди которых и выделение особо значимых для социума категорий, и уровень развития социума.

Задача данного исследования – проанализировать значимость семиотической категории «молчание» в выстраивании вида модели культуры.

Понятие «модель культуры» было описано в трудах этнологов, антропологов, культурологов.

Альфред Кребер и Клод Клакхон обобщили теорию «культурных моделей». Авторы проводили анализ входящих в понятие «культура» моделей культуры для детального познания феномена «культура». «Культура состоит из эксплицитных и имплицитных моделей поведения, которые получают символическую форму и отражают особенности различных человеческих групп, в частности, воплощаясь в артефактах. Существенная особенность культуры состоит в наличии в ней традиционных, то есть исторически выработанных и отобранных, идей, и, в первую очередь, выработанных данным народом идей-ценностей; культурная система может, с одной стороны, рассматриваться как продукт действия, а с другой, как нечто, что обуславливает последующие действия <...>. Культура – это не только поведение, а изучение культуры – это не только изучение поведения. Часть культуры состоит из поведенческих норм и стандартов. Другая ее часть состоит из идеологических суждений и рассудочных (рационализированных, пользуясь психоаналитической терминологией) объяснений некоторых форм поведения. И наконец, каждая культура включает в себя определенные общие принципы, на основе которых совершается выбор тех или иных форм поведения, их упорядочение и, таким образом складывается определенная вариативность культурных моделей» [6, с. 181, 189]. По мысли Кребера, культурные модели есть отличительные образы культур, каждый такой образ, обладая специфическими качествами: поведением, артефактами, общими принципами организации и нормами, идеями, ценностями этноса, – встраивается в общую парадигму культуры. В исторической этнологии важным стало изучение данного понятия через отношение к действию. Универсальная модель культуры представлена этнологами как каркас, на который нанизаны ценности, нормы поведения и другие составляющие культуры в определенный отрезок времени развития социума представителей этноса. «Каркас» статичен, а содержимое его меняется с изменением значимых категорий, с переозначиванием действительности, со сменой акцентов.

Идеальная модель культуры, по В. И. Каравкину, – это некая абстрактная модель культуры, соответствующая ее общечеловеческому смыслу и значению, образ реально существующего целого. При этом «идеальная» здесь употреблено автором как совокупность идей – носителей представлений о реально существующем [3, с. 11].

М. Ю. Лотман предложил в качестве критерия выделения моделей культуры считать типы коммуникации, сменяющих друг друга, т. е. в основе также принцип продолжительности культуры во времени. Модель культуры в семиотическом плане это зафиксированная в определенном топологическом, хронологическом, функциональном «срезе» социальная структура, где взаимосвязанные между собой значимые для определенного лингвокультурного сообщества категории (здесь имеются в виду совокупность текстов, подтекстов, категорий, части памяти культуры, значимой для данной модели и путей развития – механизмов порождения текстов), вступают между собой в синтагматические, парадигматические и другого вида отношения. Так, можно построить модели культуры первобытного общества, модель культуры этноса, модель культуры религиозного сообщества, модель культуры эпохи развития этноса. Моделей культуры бесконечное множество, некоторые из них построены на пересечении смыслов. Объективный анализ действительности реализуется на механизме двух и более моделей, при этом каждая неповторимая модель культуры, есть лишь определенная сторона общего познания. В процессе семиозиса категории-концепты воплощаются в определенные семиотические тексты, знаки при этом есть категории универсального типа и специфического. Универсальные категории функционируют в разных моделях культуры, однако материализоваться они в семиотические тексты могут по-разному. Специфические категории характерны для одной-двух моделей культуры. На наш взгляд, семи-

отическая категория «молчание» универсальна, отношение к данной категории воплощается в семиотических текстах разного типа. Молчание мы находим в разных сферах жизнедеятельности человеческих сообществ в живописи, кинематографе, литературе, религии, в правилах привычного поведения и др. Интересным является то, каким образом отношение к категории «молчание» меняется в разных моделях культуры.

В работе доктора филологических наук М. Н. Виролайнен молчание пронизывает все пространство речи. Две субстанции человеческого мира дополняют друг друга, прибывая в постоянном процессе взаимодействия, они (речь и молчание) создают герменевтику.

М. Н. Виролайнен исследует функционирование мифов и архетипов в русской словесности и изучение это основывает на молчании, молчании времени, молчании автора, на наш взгляд, совокупность данного можно назвать молчанием семиосферы. Культурный космос человечества автор разграничивает на культурные эпохи по принципу ценностных, смысловоразличительных ориентиров, смена которых предполагает кардинальное переустройство мира. При этом данные ориентиры могут взаимодействовать, образуя разнеуровневые типы культуры, где основная роль отводится тому или иному принципу. Это формообразующие начала, свойственные русской культуре миропорядка: *уровень канона, уровень, уровень парадигмы, уровень слова и уровень непосредственного бытия*. Молчание есть составляющая каждого из отмеченных уровней, однако отношение к молчанию на каждом уровне разное.

«Каждый текст о чем-нибудь молчит, и зона его молчания суть та область, которая взывает к усилиям герменевтическим. Ибо герменевтика – это проречение несказанного, и тем она отличается от многих других областей филологии, направленных на истолкование сказанного.

В нашем мире есть сферы, которые всегда должны пребывать в состоянии взаимодействия. Молчание и речь входят в их число так же, как хаос и космос. Прекращение обмена между такими сферами ведет к энтропии. Текст затем и молчит о многом, чтобы обмен между молчанием и речью был возможен всегда, чтобы неэнтропийная активность – в частности, активность герменевтическая, – могла разворачиваться неустанно, поддерживая фундаментальные условия нашего бытия» [1, с 15].

Таким образом, молчание здесь есть составляющее одного из четырех уровней культурного космоса, которые являются *формообразующими началами* свойственного русской культуре миропорядка, по мнению М. Н. Виролайнен. Не удивителен тот факт, что молчание упоминается именно в связи с канонами, т. к. обучение жизни человека на этом уровне идет изнутри, а молчание, в свою очередь, – внутренняя категория понимания бытия.

«Способ, каким канон обучает человека жизни в законе, подобен способу, каким ребенок познает мир. Способ этот – включение, вхождение изнутри. Он противоположен обучению человека путем ориентации его на извне предъявленные образцы, моральные нормы и своды знаний» [1, с 20, 46]. Молчание сопоставляется со словом, так, слово может быть, по мнению ученого, и конечным, воплощенным, явленным, и тогда это оно напрямую отождествляется с вещью, а может включать в себя молчание, как было это в эпоху десекуляризации, и тогда слово – посредник между бытием и канонами. Слово, обогащенное молчанием, творит действительность «... в канонической культуре связи устанавливались между непосредственным бытием и канонами, а слово выступало как один из посредников этой связи...»

В эпоху Петра, по утверждению М. Н. Виролайнен, слово старается вместить в себя мир, оно овеществляется, вытесняет составляющее в связях с космосом, хаосом его животворящее молчание. Здесь на первый план выходит парадигма. «Отличительное качество вещи заключается в том, что она всегда конечна, явлена, воплощена. <...> Слово, воплощая мир путем прямого соотношения с реальностью, тоже условно, ибо слово не есть сама реальность. <...> А между тем – и это очень важно – то, что мы принимаем за сущностную природу слова, является только одной из культурно-исторических модификаций тех связей, в которые оно в принципе способно вступить» [1, с. 20].

Слово, содержащее в себе молчание, не претендующее вместить мир, отражает особую магическую связь с плотью бытия, такую нагрузку несет слово, например в фольклоре, в обрядовой деятельности, в мироустройстве, где одним из важнейших образующих является канон. «В канонической культуре слово выступало как посредник, передающий смысл и образ начала высшего, чем оно само, но ему соприродного. В парадигмальной культуре оно подражало образцу и хра-

нило в себе образец. В силу памяти о каноне слово знает свою сакральную природу; в силу памяти о парадигме оно мыслит себя как эталон» [1, 25]. Таким образом, молчание в канонической культуре – это та важная составляющая, которая гармонизирует в жизни человека слово, обряд, бытие. Из парадигмальной структуры мироустройства молчание вытесняется овеществленным словом. В устройстве культурного космоса слова слово как часть подменяет целое, стремление к конечному удаляет от бесконечного, и вновь, по словам ученого, нарушается связь конечного и бесконечного.

На уровне непосредственного бытия на первое место выходит сама жизнь, человек приравнивает свою деятельность к творцу, авторы текстов вырывают сакральные элементы из их контекстов с тем, чтобы выстроить новый мир, по мнению М. Н. Виролайнен, в этот момент происходит перераспределение элементов бытия, слово здесь прямое отражение и, более того, порождение действительности. Утрата посредника, стремление к безвариатности в текстах культуры приводит к негативному отношению к молчанию.

«Расцветает интерес ко всякого рода эзотерике. Эклектичность, к которой ведет смешение тайных знаний, извлеченных из чужеродных традиций, почти не смущает: кажется, что в мире идет мощный процесс переразличения элементов, который все равно приведет к самым неожиданным соединениям.

Итак, переразличение культурного космоса, производимое на уровне материи и непосредственного бытия, художественные открытия и знания, выхваченные из сакральных источников, – все это служит главной задаче: строительству нового мира из магических первоэлементов. Акт творчества откровенно трактуется не только как подражание Творцу, но и как конкуренция с ним. После революции эти тенденции получили новое содержание. Теперь всем, и художникам наравне со всеми, было предложено участвовать в созидании нового мира. Это легко прочитывалось как реализация космогонического мифа в пространстве социально-историческом» [1, с. 60].

Появление в советскую эпоху нового языка, основанного на вырванных из контекстов символах, опустошенных словах, помещенных в рамки несвойственного им текста, привело к распространению ложного. М. Н. Виролайнен считает, что в указанные пространственно-временные рамки произошел ГУЛАГ слова, что слово лишилось своего денотата, а на месте денотата появилась пустота (заметим здесь, что пустота и молчание – не одно и то же, так как молчание, в отличие от пустоты, отсылает к смыслам культуры).

Вследствие данного процесса, по мнению автора, выросло «немствующее» поколение, люди, для которых жизнь разворачивается на психофизиологическом уровне (стр. 67). Ученый, чувствуя глубинные процессы в изменении действительности культурного мира, полагает, что необходимо проанализировать культурные поля, связи моделей культур и текстов для осознанного вхождения в новую эпоху.

М. Н. Виролайнен считает, что заключать мир в слово нельзя, замыкать космос в слове невозможно, слово – это код, ключ к пониманию мироустройства культурной модели.

Таким образом, молчание, к которому автор отсылает читателя на протяжении всего текста работы, является составляющей в интерпретации уровня культурного космоса (т. е. от роли молчания в модели культуры зависит определение уровня), частью сакрального, действенного слова, где сохраняется вариативность понимания, способом воплощения авторских смыслов.

В модель культуры современного социума, которую можно назвать моделью виртуального мира, вошел непрекращающийся информационный шум. Информационный шум СМИ, рекламных проектов заглушает мысль, каждый момент своего существования человек погружен в информационные потоки, при этом не успевает происходить анализ воспринимаемого. Дуализм реальности, искусственные рамки, ограничения свободы мысли, созданные путем технологизации, приводят к подмене ценностных ориентиров, к пассивной жизненной позиции представителей социума. При таком положении дел категория «молчание – осмысление действительности» необходима как «лекарственное средство для спасения индивидуальности, живущей в реальном мире». Неслучайным является то, что интерес к категории «молчание» растет в научной сфере жизнедеятельности XXI века.

Таким образом, семиотическая категория «молчание» – это одна из основополагающих категорий в выстраивании модели культуры, т. к. анализ изменения отношения представителей социума к данной категории показывает отличительные особенности моделей культуры.

Список литературы

1. Виролайнен М. Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб.: Амфора, 2003. 503 с.
2. Каравкин В. И. Идеальная модель культуры: Антропология // Новые исследования. М.: ОГИ, 2010. 375 с.
3. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб: «Искусство-СПБ», 2000. 704 с.
4. Kroeber A. L., C. Kluckhohn. Culture: A Critical Review of Concepts and Difinitions. NewYork: VintageBook, 1952. 289 с.

УДК 811.161.1.
ББК 82.3(2 Рос=Рус)

О. В. Кречетова
г. Чита (Россия)

Заметки о концептуальном коде «культ предков» русской волшебной сказки (на материале русской волшебной сказки Забайкалья)

Статья посвящена рассмотрению концептуального кода «культ предков», содержащегося в русской волшебной сказке. Предпринимается попытка анализа концептуальных кодов, которые являются компонентными знаковыми сущностями, передающими смысл базового прототипического кода «культ предков».

Ключевые слова: *концептуальный код, лингвокультурный код, концепт, знак, прототип*

О. V. Krechetova
Chita (Russia)

Some Notes on the Conceptual Codes of the Russian Fairy-Tale (on example of Transbaikal Russian fairy-tale)

The article is devoted to the conceptual code “The Ancestor Cult” in the Russian fairy-tale. The author tries to analyze conceptual codes that are considered to be sign components containing the sense of the basic prototypic code “The Ancestor Cult”.

Key words: *conceptual code, lingual-cultural code, concept, sign, prototype*

Категоризация и концептуализация окружающей действительности неизбежно фиксируется в языке, превращаясь при этом не только в языковой знак, но и культурный. Проблемы языка и культуры являются, по своей сути, предметом многих дисциплин – лингвистики, культурологии, антропологии, философии и др. Лингвиста, в отличие от культуролога или антрополога, интересуют, прежде всего, вопросы, связанные с отражением культуры в языке, вопросы, касающиеся рефлексии картины мира в языковом сознании.

Это приводит к поиску прототипических концептуальных смыслов, лежащих в основе народных мировоззрений, нашедших свое воплощение в знаковых образованиях, называемых концептуальными кодами. Поскольку подобные знаковые образования являются вторичной мировоззренческой системой и имеют разную форму выражения, они могут передаваться в форме различных лингвокультурных кодов. В этом случае уместно было бы говорить о концептуальных кодах, предложенных этнолингвистом С. М. Толстой, которая определяет их как «не только субстанционально разные наборы знаков («языки»), которые могут быть использованы для выражения того или иного содержания», но и как объединения знаков на основе их общего содержания [8, с. 334]. Концептуальный код может, таким образом, строиться на основе перекреста различных знаковых образований или концептов.

Одним из концептуальных кодов, отраженных в русской народной волшебной сказке, является код связи с предками, потусторонним миром, берущий свое начало в глубоком язычестве. Центром и агенсом, осуществляющим такую связь, как ни странно, является главный герой волшебной сказки – Иван-дурак. Связь умершего отца с младшим сыном, Иваном-дураком, особо подчеркивается, поскольку младший сын несет на себе печать юродства. Если рассмотреть опре-

деление лексемы «дурак», приведенное В. И. Далем, то можно выделить следующие определения: «1. Глупый человек, тупой, тупица, непонятливый, безрассудный. // Малоумный, безумный, юродивый» [1, с. 59] По мнению Н. И. Толстого, юродивые на Руси «... входили в систему святости, притом являли собой святость особого рода, нарочитую и во многих отношениях уникальную, можно даже сказать, некоторую «антисвятость», во всяком случае, во внешнем проявлении». Далее исследователь отмечает, что юродивый безбрачен и не имеет средств к существованию, немыт, терпит издевательства и оскорбления людей [7, с. 489–492]. Действительно, Ивана-дурака отличает особые поведенческие модели, ср.: *А Ванюшка все за печкой сидел, тараканов месил. Его и не кормили, раз глупый был, дак глупый* [4, с. 56]; ... *А сам соплями намазался, тряпицами завесился, корчагу на голову – сел на печку и сидит...* [4, с. 63]. Поведение самого Ивана-дурака строго регламентировано его положением.

Аскеза его существования днем противопоставлена его волшебному превращению ночью, когда он вступает в общение с покойным отцом. Здесь раскрывается истинный смысл его юродства: являясь «не от мира сего», его истинное предназначение – поддерживать связь с предками, «не гневить души умершего», выполнить завет, оставленный отцом. Само его положение говорит о его хтоничности, принадлежности сразу двум мирам, поэтому он не придает значения тому, что с ним происходит в «этом» мире. То, что не укладывается в норму поведения в этом мире, считается нормой в потустороннем.

Мотивы связи с загробным миром в сказочном сюжете заключены, прежде всего, в поведенческих линиях главного героя, включающих разные коды: *вербальный* – ритуальное призывание умершего предка (или хтонического животного, имеющего волшебную силу), а также ритуальные *невербальные* коды (в основном это – паралингвистические голосовые действия либо касания чего-либо, например, стук по могиле предка), ср.: ...*свистнул, гаркнул молодецким голосом, богатырским посвистом: «Встань передо мной, мой синегривый конь, на пору готов!»; ...свистнул по-молодецки, гаркнул по-богатырски...;* [4, с. 57]; для вербального кода характерен ритуальный диалог с вызываемым умершим предком, выстраиваемый по повторяющейся вопросно-ответной модели, ср.: – *Тут ли ты, батюшка?* – *Тут. Кто пришел, Данилушка?* – *Нет. – Гаврилушка?* – *Нет. – Ванюшка?* – *Я, батюшка...* [4, с. 58–59]. Для невербального кода характерен *свист* как ритуальное действие, своеобразное «призывание» нечистой силы, хтонических существ, покойников.

Пространственно-временной код подразумевает время и локализацию событий сказки, а также дает представление о способе существования на грани этого и потустороннего мира, поддержания связи главного героя с усопшими. Локализация его существования в доме на печи или за печью носит особую семантику. Печь, как известно, являлась особым центром дома, тем местом, где горит огонь, который с языческих времен имеет символическое значение. По предположению исследователя М. М. Маковского, понятия огня и горения связаны со значением «потусторонний мир», а также с понятием «наследство, наследие». Данные понятия восходят, согласно гипотезе М. М. Маковского, к языческому ритуалу, в центре которого стоял огонь [2, с. 67, 70]. Исходя из этого, можно предположить, что внутренняя локализация главного героя также важна при концептуализации Ивана-дурака как хтонического персонажа.

Во внешнем пространстве связь главного героя с потусторонним миром ассоциируется со временем полуночи, которое считается «плохим» временем, и могилой отца, который одаривает главного героя. Исследователь мотивов русской волшебной сказки В. Я. Пропп [3, с. 120] указывая на то, что связь и принятие дара от умершего отца являются отражением института посвящения и мужских домов, признает, что данные мотивы не могут быть единственным источником подобных сказочных сюжетов. Поэтому концептуальный код связи с предками, умершими родственниками, сам культ предков, который до сих пор находит отражение в толковании снов, вполне может претендовать на место одного из исходных мотивов для похожих сказок.

Другой концептуальный код – *предметно-субстанциональный* – входит в группу кодов, отражающих связь с предками, культ предков, является символическим даром усопшего предка. Дар является одним из основополагающих актов, осуществляющих связь между младшим сыном и усопшим отцом. За так называемое «сидение на могиле» – своеобразное жертвоприношение, покойный отец одаривает, как правило, сына конем. Конь, как известно, в народной мифологии

является «нечистым» животным, имеющим отношение к потустороннему миру. С другой стороны, конь как в общеславянской традиции, так и согласно данным исследований других культур, выступает как противник злых сил, оберег, символ плодородия, а в семейной обрядности конь участвовал в ритуалах перехода, в смене календарных циклов т. д. [6; 9, с. 172–174].

О мотиве коня в волшебной сказке как о подарке, который становится помощником главному герою, говорит и В. Я. Пропп: «... в религии конь некогда представлял заупокойное животное. Нам необходимо установить, отсюда ли идет сказочный конь (который исследователями не привлекался) или же он создается как-нибудь совершенно иначе...» [3, с. 144–145]. Далее исследователь предполагает, что мертвый отец дарит своего коня, некогда служившего ему самому. В. Я. Пропп прав в том, что сказка показывает архаические черты, пытаюсь найти ответ на историческое происхождение коня в сказке.

Конь, как установил известный историк и археолог Б. А. Рыбаков, был известен, согласно археологическим данным, у праславян уже в VII в. до н. э., что отразилось в характерных для восточно-славянских узоров, встречающихся до сих пор в украшении домов и вышивке: женские образы, изображающие рожаниц, Макошь, оленей, птиц и коней. Подобные мотивы и сюжеты широко представлены в вышивке свадебных нарядов, полотенец и других предметов домашнего обихода. Такие обереги, как отмечает Б. А. Рыбаков, охраняли семью от болезней и бед [5, с. 461, 465]. Кроме того, конь, как установил исследователь, в праславянской мифологии символизировал Солнце, его дневное движение, в то время как птицы были знаками ночного движения светила. Таким образом, конь, являясь элементом солярного культа, ассоциировался с богатством, плодородием, расцветом всех жизненных сил. Это положение подтверждается выводами, к которым приходит М. М. Маковский, который, анализируя ряд древнеевропейских корней, приходит к заключению, что лошадь и птица соотносились с движущимся Огнем. Огонь, по мнению ученого, также концептуализирует богатство [2, с. 66].

По этой причине конь как дар в волшебной сказке может кодировать не только помощь в испытании, но и приобретение героем новых качеств, таких, как жизненная сила, красота и т. д. Конь также может рассматриваться и как оберег (ср. сюжет о Коньке-Горбунке), и как природная стихия, ср.: *Бурка бежит – мать-сыра земля дрожит, леса ломаются, трава клонится. Зелены дуга хвостом застилает, между ног мелки реки пускат, из-под копыт головы летят, из ноздрей пал пышет, из ушей дым столбом идет* [4, с. 61].

Кратко проанализировав некоторые концептуальные коды сказки, можно заключить, что русская волшебная сказка содержит один из важных культурных концептуальных прототипических кодов – концепт «культ предков» – и связанные с ним воззрения, ритуальные и обрядовые действия, раскрывающиеся через анализ концептуальных кодов, содержащихся в нем.

При анализе концептуальных кодов очень четко прослеживаются вербальный, невербальный, пространственно-временной, предметно-субстанциональный коды, входящие в сферу данного концепта и раскрывающие его глубинные смысловые пласты. Их анализ дает основание говорить о том, что «культ предков», закодированный в русской волшебной сказке, раскрывает суть самого явления – сохранение памяти об усопших через ритуальное жертвоприношение; соблюдение связи *предок – потомок* содействовало стабильности человеческого существования, благополучию, плодородию. В целом, подобные коды отражают древнеславянские мировоззрения о сохранении жизни и бытия, гармонии с Космосом, вселенского порядка.

Список литературы

1. Даль В. И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка: современное написание. АСТ, 2010. 349 с.
2. Маковский М. М. Семиотика языческих культов (мифопоэтические этюды) // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 55–81.
3. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / науч. ред. И. В. Пешкова. Москва: Лабиринт, 2000. 336 с.
4. Русские сказки Забайкалья: сборник / подготовка текстов, статья и коммент. В. П. Зиновьева. 2-е изд. доп. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984. 464 с.
5. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука. 1994. 608 с.

6. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Том II. / коллектив авторов. Москва: Международные отношения, 1995. 422 с.
7. Толстой Н. И. Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003. 624 с.
8. Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с.
9. Элиаде М. Космос и история. Москва: Прогресс, 1987. 313 с.

УДК 81'33
ББК 81.1

Т. А. Литвинова
г. Воронеж (Россия)

Данные нейропсихолингвистики в решении задач диагностирования личности по письменному тексту

Каждый текст в неявной форме содержит информацию о личности его автора: поле, возрасте, психологических особенностях и т. д. В мировой науке активно идет поиск модели, позволяющей выявлять эту информацию, однако общепринятой точки зрения на методику диагностирования личности по тексту не существует. Вместе с тем, в настоящее время активно развивается нейропсихология индивидуальных различий, которая объясняет многие психологические особенности человека особенностями работы его мозга. В то же время известно, что в тексте как продукте речемыслительной деятельности человека также отражаются особенности работы его мозга. Автор предлагает концепцию многоуровневого анализа дискурса с целью диагностирования устойчивых характеристик личности с привлечением данных нейролингвистики и нейропсихологии индивидуальных различий.

Ключевые слова: *текст, нейропсихолингвистика, диагностирование личности по тексту, дискурс, нейробиология поведения, многоуровневый анализ дискурса*

Т. А. Litvinova
Voronezh (Russia)

Neuropsycholinguistics Data in Author Profiling

Each text contains implicit information about its author: gender, age, personality traits, etc. Scientists around the globe are seeking for models to enable them to identify this kind of information. However, there has not been an agreed method for author identification yet. Individual neuropsychology is experiencing growth and it can shed some light on some personality traits and the way the human brain works. The text as a product of language and cognitive activity is known to be indicative of ways the human brain works. The author sets forth a conception of a multi-level analysis of a discourse for the identification of stable personality traits using data of neurolinguistics and individual neuropsychology.

Key words: *text, neuropsycholinguistics, author profiling, discourse, neurobiology of behavior, multi-level analysis of discourse*

В тексте, как в зеркале, отражаются многие характеристики его автора: пол, возраст, уровень образования, психологические особенности и др., причем если одни из них определить сравнительно легко (к примеру, уровень образования), то другие (например, пол, психологические особенности) – значительно сложнее. Кроме того, необходимо помнить о том, что в некоторых случаях автор может намеренно исказить признаки письменной речи с целью выдать себя за лицо другого пола, возраста, уровня образования и пр., что еще больше усложняет анализ текста на предмет выявления информации о его авторе, причем известно, что, к примеру, лексические особенности гораздо проще поддаются имитации, чем морфологические, синтаксические и пр. В мировой науке в настоящее время активно идет поиск модели, которая бы позволила путем анализа языкового материала воссоздать облик автора текста, однако эта проблема очень далека от своего разрешения, несмотря на свою очевидную теоретическую и практическую значимость.

Несмотря на то что учеными, работающими, например, в русле проблематики описания речевого портрета группы людей, объединенных по какому-либо признаку, получены многочисленные

сведения о предпочтениях людьми того или иного возраста, пола, профессии, психологического профиля тех или иных языковых единиц (так, установлено, что в среднем женщины используют больше местоимений и отрицаний, чем мужчины и пр., обзор работ см.: [2, 3]), это в целом мало что дает при анализе конкретного текста, так как отсутствуют данные для сравнения (условно говоря, какое количество местоимений в тексте следует считать большим?). Для преодоления этой проблемы ученые (в основном зарубежные) привлекают корпуса текстов, снабженных социобиографической информацией об их авторах, извлекают численные значения параметров текста (по возможности используя методы автоматической обработки языка – различные парсеры, таггеры и пр., позволяющие облегчить и ускорить процесс разметки текста и извлечения числовых значений его параметров, выбранных исследователем). Далее с помощью методов математической статистики устанавливаются значимые корреляции между тем или иным параметром личности и числовым значением параметров текста, после чего строятся математические модели, позволяющие с определенной степенью вероятностью диагностировать те или иные характеристики личности путем подстановки в полученные уравнения численных значений параметров текстов, коррелирующих с тем или иным параметром личности. В основном такие работы выполнены на материале английского языка. Нами была предпринята попытка [4, 5, 7] построения диагностирующих моделей на материале русского языка с использованием специально создаваемого нами корпуса текстов студенческих эссе [6]. На основании анализа результатов зарубежных исследований нами изначально было выбрано 72 параметра текста, поддающихся квантификации (различные соотношения частей речи, знаков препинания, доля предложений различных типов и т. д.; а также частоты встречаемости последовательностей (биграмм) частей речи). На основе полученных корреляций были построены диагностирующие модели для пола автора и ряда его психологических характеристик, точность моделей варьировала на уровне 60–65 %.

Таким образом, на материале русского языка нами было подтверждено существование корреляций между числовыми значениями формально-грамматических характеристик текста и параметрами личности его автора, однако точность полученных моделей сравнительно невысока. На наш взгляд, основным недостатком указанного подхода, широко распространенного в современных зарубежных работах по диагностированию личности автора письменного текста, является то, что при выборе параметров (как показывает проведенный нами анализ научной литературы, в целом в современных автороведческих исследованиях используется свыше 1000 параметров текста!) исследователь руководствуется лишь своей интуицией, а также тем, что параметр текста должен обязательно поддаваться квантификации. Как правило, никакого теоретического обоснования при выборе параметра текста как предположительно коррелирующего с той или иной характеристикой личности не приводится, на что обращают внимание и сами зарубежные исследователи, отмечая, что это значительно снижает эффективность предложенного подхода.

Что же может послужить в качестве такой теории? Какой уровень текста должен быть подвергнут анализу для получения информации о личности его автора? На наш взгляд, пытаясь разработать методику диагностирования личности по тексту, необходимо не ограничиваться лишь одним языковым уровнем, а учитывать то обстоятельство, что, как доказано в современной психолингвистике, человек мыслит текстами, и анализировать текст в аспекте его порождения, в соответствии с современными представлениями и данными нейролингвистики. Как известно, в процессе порождения дискурса выделяют несколько стадий, и на каждой из этих стадий в работу вступают определенные структуры мозга. Так, известный российский психолингвист Л. В. Сахарный даже выделяет две грамматики текста – правополушарную и левополушарную [9, 10], и в зависимости от того, какое полушарие у человека доминирует при выполнении определенной деятельности, в данном случае когнитивной, в тексте будут доминировать те или иные структуры. Другой крупный психолингвист К. С. Седов даже предлагает построить типологию языковых личностей в зависимости от того, какие структуры с точки зрения мозговых механизмов их порождения преобладают в текстах [11].

Что же эти сведения могут дать для диагностирования личности по тексту? К настоящему времени в мировой науке, в том числе отечественной, активно развивается такое направление, как нейропсихология индивидуальных различий [8], которая ищет нейробиологические механизмы тех или иных свойств и состояний психики человека. Так, к настоящему времени установ-

лено, что, например, для лиц, склонных к депрессии [1, с. 119], характерен правополушарный модус решения когнитивных задач, тогда как данные нейролингвистики дают информацию о том, за какие уровни построения текста отвечает правое полушарие. Логично предположить, что, к примеру, в речи людей, склонных к депрессиям, будут преобладать структуры, за продуцирование которых отвечает правое полушарие, и пр. Таким образом, многоуровневый анализ текста с учетом данных о стадиях его порождения и мозговых механизмах продуцирования дискурса, с одной стороны, с привлечением данных нейропсихологии индивидуальных различий, с другой, как представляется, позволит по-новому взглянуть на проблему диагностирования личности по тексту и выбирать параметры для анализа не вслепую, а руководствуясь современными представлениями о мозговых механизмах речевой деятельности и поведения в целом.

Список литературы

1. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. СПб.: Питер, 2007. 368 с.
2. Литвинова Т. А. и др. Проблема диагностирования пола автора письменного текста: фактор жанра // Современные исследования социальных проблем. 2014. № 1. URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/120144> (дата обращения: 18.06. 2014)
3. Литвинова Т. А. Профилирование автора письменного текста // Язык и культура. 2013. № 3 (23). С. 64–72.
4. Литвинова Т. А. Формально-грамматические корреляты личностных особенностей автора письменного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (30). Ч. 1. С. 132–135.
5. Литвинова Т. А. Частоты встречаемости последовательностей частей речи в тексте и психофизиологические характеристики его автора: корпусное исследование / Т. А. Литвинова, О. А. Литвинова, П. В. Середин // Вестник ИГЛУ. 2014. № 2.
6. Загоровская О. В., Литвинова Т. А., Литвинова О. А. Электронный корпус студенческих эссе на русском языке и его возможности для современных гуманитарных исследований // Мир науки, культуры и образования. 2012. № 3 (34). С. 387–389.
7. Литвинова Т. А. Языковые корреляты личностных особенностей автора письменного текста: алгоритм исследования // В мире научных открытий. Серия: Проблемы науки и образования. 2012. № 9. 3 (33). С. 236–255.
8. Москвин В. А. Межполушарные асимметрии и индивидуальные различия человека. М.: Смысл, 2011. 368 с.
9. Сахарный Л. В. Человек и текст: две грамматики текста / Человек – текст – культура. Екатеринбург, 1994. С.17–20.
10. Сахарный Л. В. Язык правого полушария: миф или реальность? // XI Всероссийский симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Язык, сознание, культура, этнос: теория и прагматика». М.: Ин-т языкознания РАН, 1994. С. 48–50.
11. Седов К. Ф. Нейропсихолингвистика. М.: Лабиринт, 2007. 274 с.

УДК 101.8:811
ББК 81.29

М. С. Мартынец
г. Красноярск (Россия)

Естественные и искусственные языки: общее, особенное и единичное

В статье предпринимается попытка показать значимость практического применения философии в учебном процессе путём подведения понятий областей «Филология» – «язык», «естественный язык», «русский язык», «английский язык» и др., «Информатика и ВТ» – «искусственный язык», “Pascal”, “Basic” и др. под философские категории общего, особенного и единичного. Рассматриваются единство планов содержания (логика) и формы (грамматика), взаимосвязь и классификация единичных естественных и искусственных языков. Материал статьи может быть использован преподавателями русского и иностранных языков, информатики.

Ключевые понятия: *содержание – форма, общее – особенное – единичное, логика – грамматика, мысль – язык, естественный язык – искусственный язык*

Natural and artificial languages: general, special and particular

In the article the author tries to show the significant role of philosophy in the educational process by means of generalization of the notions from philological field – “language”, “natural language”, “Russian language”, “English language” etc.; from Computer Science field – “artificial language”, “Pascal”, “Basic” etc. to the philosophical categories of general, special and particular. The author shows the unity of plans of contents (logics) and form (grammar), ascertains the correlation, gives the classification of specific natural and artificial languages. The information given in the article can be used by teachers of Russian and foreign languages, Computer Science specialists.

Key words: *contents – form, general – specific – particular, logics – grammar, thought – language, natural language – artificial language*

Отсутствие должного внимания философии при преподавании различных учебных дисциплин резко ограничивает преподавателя в его возможностях доступно и без лишних слов объяснить материал, установить внутри- и межпредметные связи наук, сформировать целостную картину мира у студентов, воспитать научное мировоззрение. Попытаемся продемонстрировать возможности философии в процессе обучения учащихся языкам и информатике.

По происхождению все языки можно разделить на две большие группы: естественные и искусственные. Если естественные языки возникли в результате разрешения противоречия между объективной необходимостью людей выражать свои мысли и отсутствием таких средств, то искусственные языки были созданы для использования в тех областях, где применение естественного языка неэффективно или невозможно [1, с. 201]. Пока учёные трактуют определение понятия «естественный язык» через генетическое определение, а понятие «искусственный язык» – через функциональное, невозможно выйти на категории философии «общее – особенное – единичное», т. к. лишь структурное определение позволяет рассмотреть любой объект с точки зрения внутреннего единства его элементов [3, с. 39]. Поскольку всякое понятие имеет структуру, то и в любом языке можно обнаружить структуру.

Структура любого языка, будь то естественного или искусственного, состоит из двух противоположных элементов: логики и грамматики. При этом логика определяет план содержания языка, а грамматика – план его формы. Таким образом, логический строй языка является содержанием (первичное), а грамматический строй языка – формой (вторичное). Наличие двуединой структуры языков задаёт их общий признак, особенность языков – в их грамматике, единичность конкретного языка – в способе выражения содержания через его грамматическую форму посредством определённого алфавита и набора правил.

Любой естественный язык, заключая в себе план содержания и план формы, возник по обратной связи в результате преобразования сознания, общества и природы. Историческое изменение орудий труда, переход от индивидуального труда к кооперации, познание окружающего мира и его отражение в мышлении людей повлекло за собой качественные и количественные изменения в языке – развитие функций языков, увеличение числа слов и т. п.

Появление искусственного языка, состоящего из тех же структурных элементов – содержания и формы, – связано с переходом к автоматизированному производству вследствие необходимости передавать часть функций труда машинам – компьютерам. Язык для таких машин должен быть понятным по своей форме, а по содержанию – чётким и непротиворечивым. В содержании искусственных языков, таким образом, заложена формальная логика, включающая логические операции конъюнкции, дизъюнкции, импликации и т. д., а в форме – конкретный язык программирования (Pascal, C и др.).

Если работа с искусственным языком требует соблюдения всех логических и формальных законов, то применение естественного языка часто нарушает эти законы. Вследствие этого, освоение естественного языка происходит всегда дольше, затруднительнее, нежели освоение языка искусственного. Лёгкость в освоении искусственного языка привела людей к созданию таких языков не только для обслуживания машин, но и даже для межнационального общения (например, интерлингва, эсперанто и т. п.). Ряд энтузиастов в конце XX века создавали искусственные

языки для общения между народами. Однако, во-первых, эти языки не получили широкого распространения, а во-вторых, не лишены некоторых недостатков. Например, язык «Ложбан», созданный в 1987 году Группой логического языка, ориентирован на культурную нейтральность [2], что, на наш взгляд, несколько снижает его ценность, так как при любом общении неизбежно встаёт вопрос о сохранении и передаче не только знаний, но и культурного достояния народа.

Стремление людей к созданию такого языка, который бы обладал всеми достоинствами существующих естественных и искусственных языков, сохранял и передавал науку и искусство, был понятен абсолютно всем, небезосновательно. Ещё в XVI в. немецкий философ и математик Г. В. Лейбниц использовал круг для обозначения объема одного понятия, а взаиморасположение этих кругов позволяло установить логические связи между понятиями. Впоследствии эти круги были названы в честь Л.Эйлера, их – и небезосновательно – можно считать одним из первых искусственных языков. К сожалению, в настоящее время круги Эйлера используются разве что в математике и логике, однако и в гуманитарных дисциплинах им можно (и нужно) найти применение. Проиллюстрируем это на небольшом примере, обозначив ключевые понятия буквами латинского алфавита: язык – А; естественный язык – В; искусственный язык – С; русский язык – D; английский язык – Е; эсперанто – F; язык программирования «Паскаль» – G. Если каждое понятие, обозначенное буквами, расположить в круге и построить систему, отражающую отношения между понятиями, то становится видно, что все языки (А) по происхождению можно разделить на естественные (В) и искусственные (С), являющиеся друг по отношению к другу противоположностями; единичными примерами естественных языков являются русский (D) и английский (Е) языки (отношение подчинения между понятиями В – D, В – Е), а примерами искусственных языков являются Эсперанто (F) и язык программирования «Паскаль» (G). Разумеется, это упрощённая схема, отражающая только освещаемые в статье понятия.

Установив отношения между понятиями, их можно подвести под философские категории «общее – особенное – единичное». Понятие «язык» (А) становится общим для всех остальных понятий, а деление его на естественные (В) и искусственные (С) языки можно отнести к категории особенного. Понятия «русский язык», «английский язык» в таком случае расцениваются как единичные примеры естественных, а понятия Эсперанто (F) и Паскаль (G) – искусственных языков.

Рассмотрим категории общего, особенного и единичного в каждом из языков. Если план содержания естественного языка выражает мысль, а мысль может иметь только две формы – понятие [6, с. 513] и суждение [6, с. 663], то всех людей объединяет способность отражения окружающей действительности посредством понятий и суждений. Форма мышления при этом отражает категорию общего, её деление на понятие и суждение выражает категорию особенного, примеры из естественного языка, которые подводятся под категорию единичного, следующие: «Студент» – понятие; «Петя – студент» – суждение.

Поскольку все языки суть формы выражения единого содержания, то содержание понятия или суждения, выраженное с помощью средств того или иного языка, будет одинаковым. Так, для отражения единого содержания понятия «студент» в русском языке имеется слово «студент», в английском языке – “student”, во французском языке – «etudiant» и т.д. Для передачи содержания суждения «Петя есть студент» в русском языке мы используем предложение «Петя – студент», в английском языке – “Pete is a student”, во французском языке – «Pierre est l’etudiant» и т.д.

Аналогично для иллюстрации вышесказанного приведём примеры реализации одной и той же программы (алгоритм – содержание) в различных языках программирования (искусственные языки). Элементарным примером вывода на экран строки «Hello, World!» является программа, написанная на языке Basic [9]:

```
10 PRINT "Hello, World!"
```

Эта же программа на языке Pascal [11]:

```
Program HelloWorld(output);  
begin  
writeLn('Hello, World!');  
end.
```

Синтаксис реализации указанного алгоритма на языке C++ [10]:

```
#include <iostream>
int main()
{
std::cout << «Hello, World!» <<std::endl;
}

```

Как видно из примеров, содержание программ остаётся одинаковым, хотя форма записи программ меняется от одного искусственного языка к другому. Если подвести понятия под категории общего, особенного и единичного, то станет видно, что синтаксис (от греч. «порядок», «построение», «составление») для всех языков является общим, синтаксис естественных или искусственных языков – особенным, синтаксис конкретного естественного или искусственного языка – единичным.

Одним из вопросов, формулирующим нерешённую гипотезу в языкознании, является вопрос о том, почему единое содержание человеческого мышления привело к развитию такого многообразия языков? Этот же вопрос вполне применим и к информатике. Если естественных языков известно, по разным подсчётам, от 2–2,5 до 5–6 тысяч [1, с. 609; 7], то только за всю историю существования машин человеком придумано более 8,5 тысяч искусственных языков [8]. Однако из вышесказанного следует, что языки развивались не стихийно, а согласно одному из законов формальной логики, – закону сохранения исходной основы, – ведь в каждом из них, наряду с многообразным планом формы (грамматической строй), сохраняется единый план содержания (логический строй), общий для всех языков [4].

Таким образом, единство логического строя как в естественных, так и в искусственных языках, обнаруженное путём подведения понятий под категории философии «общее – особенное – единичное», что позволяет переводить текст (как и программу для ПК) с одного языка на другой, наряду с изучением любого языка, достаточно быстро и результативно.

Список литературы

1. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
2. Ложбан // Википедия – свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Ложбан> (дата обращения: 10.09. 2014).
3. Мартынец М. С. Взаимодействие лингвистических парадигм для выявления единства языков в их многообразии // Перевод и язык в свете различных научных парадигм. Материалы межрегиональной научной конференции / под общ. редакцией В. А. Дорошенкова. Краснодар, КГУКИ, 2009. С. 38–39.
4. Мартынец М. С., Зорина В. Л. Диалектика учебного процесса. Модуль «Единство языков в их многообразии»: учебное пособие. Красноярск: СибГТУ, 2007. 84 с.
5. Мартынец М. С., Глинкина Г. В., Зорина В. Л. К вопросу о единстве языков в их многообразии // «Философия образования». № 1 (18). 2007. С. 233–237.
6. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев и др. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
7. Язык // Википедия – свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Язык> (дата обращения: 10.09. 2014).
8. Язык программирования // Википедия – свободная энциклопедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Язык_программирования (дата обращения: 10.09. 2014).
9. Язык программирования Basic // Википедия – свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Basic>. (дата обращения: 10.09. 2014)
10. Язык программирования C++ // Википедия – свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/C++> (дата обращения: 10.09. 2014).
11. Язык программирования Pascal // Википедия – свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Pascal>. (дата обращения: 10.09. 2014).

**Лингвистический анализ правовых документов
(на примере законов Российской Федерации и Республики Беларусь)**

В данной статье представлен опыт сравнительного анализа российского и белорусского законов о государственной службе («О государственной гражданской службе Российской Федерации» и «О государственной службе в Республике Беларусь»), сделаны выводы об общих и различных языковых, стилистических особенностях этих текстов.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, государственная служба, государственный служащий, нормативно-правовой акт.

T. Meikshane
Minsk (Belarus)

**Linguistic analysis of legal documents (on the basis of laws of
Russian Federation and Republic of Belarus)**

The present article shows results of comparative analysis of a russian and belarussian laws about civil service («About civil service in the Republic of Belarus» and «About State civil service of Russian Federation»); linguistic and stylistic similarities and differences are being presented.

Key words: *language expertise, regulatory act, civil service, civil servant.*

Сравнительный анализ законов о госслужбе Беларуси и России проводился с целью выявления общего и различного в вышеуказанных законах и уточнения методики проведения лингвистической экспертизы нормативно-правовых актов.

Лингвистическая экспертиза нормативно-правовых актов нацелена на повышение их юридического, языкового и стилистического качества. Если в Республике Беларусь пока только обсуждается необходимость принятия нормативно-правового акта, посвященного лингвистической экспертизе, то в Российской Федерации подобный вид деятельности весьма распространён. На Украине складывается юридическая лингвистика, которая обеспечивает «развитие правоведаческой науки и усовершенствование законодательной и юридической практики» [4, с. 2]. Междисциплинарные исследования в сфере права, интегрирующие знания из философии, логики, психолингвистики, весьма востребованы в этих странах. Мы солидарны с точкой зрения российских исследователей по поводу критерия «ясность законодательного языка»: язык права – это разновидность общелитературного языка, т. к. только при абсолютной ясности языка закона субъект права может нести юридическую ответственность [1]. Точка зрения западноевропейских юристов, которые считают язык правовых актов особым языком, принципиально недоступным для неспециалистов, представляется для Беларуси неактуальной.

В ходе изучения текстов использовался разработанный в РФ и применяющийся на практике перечень языковых требований, предъявляемых к тексту проектов правовых документов. Эти критерии мы принимаем за основу при разработке Проекта проведения лингвистической экспертизы белорусских НПА. Назовём лишь некоторые из них: лаконичность, простота и ясность языковых конструкций, недопущение необоснованно усложненной стилистики при соблюдении норм официально-делового стиля; правильность, однозначность, четкость интерпретации юридических терминов (правовых норм), единство их содержания; единообразие в построении однородных логико-стилистических структур [2]. При анализе также использовались элементы контент- и интент-анализа.

Тексты соотносимых между собой законов о государственной (гражданской) службе схожи между собой по целям и содержанию. Белорусский Закон более краток, чем российский документ, весьма объемный. В целом, оба Закона изложены правильным языком, соответствующим официально-деловому стилю, однородные логико-стилистические структуры в них строятся единообразно. Структура документов аналогична, но, несмотря на ряд смысловых совпадений и пересечений, в ней зафиксированы следующие отличия. Так, в российском Законе Общие положения занимают три страницы, в белорусском им посвящено 12 страниц; статья 60 Закона РФ о

формировании кадрового состава гражданской службы отнесена в конец документа, хотя часть ее положений уже отражалась в его начале. В Общих положениях белорусского Закона определяются основные термины («госслужба», «госорган», «государственная должность», «государственный служащий»), разъясняются вопросы кадровых реестров, порядка присвоения госслужащим классов и некоторые другие позиции, которые в пространный российский Закон распределены по всему тексту.

В использовании ключевых терминов зафиксированы следующие различия: в российском Законе трактуется понятие «государственная гражданская служба», в белорусском Законе используется термин «государственная служба» [3, с. 7; 4, с. 2]. В обоих текстах дано общее представление о «гражданском служащем» (РФ) и «государственном служащем» (РБ). Так, в первом случае акцентируется тема обязательства в осуществлении профессиональной служебной деятельности: госслужащий – это тот, кто «непосредственно исполняет полномочия государственных органов субъектов Российской Федерации» [3, с. 7]. При этом суть полномочий не уточняется. Аналогичная ситуация в тексте белорусского закона: здесь «госслужащий» – тот, кто занимает в установленном законодательством порядке государственную должность, наделен соответствующими полномочиями и выполняет служебные обязанности за денежное вознаграждение из средств республиканского или местных бюджетов либо других предусмотренных законодательством источников финансирования [4, с. 2].

Общие положения закона РФ о госслужбе занимают 19 позиций, и только одна их треть определяет понятия «госслужба», «госслужащий», «госорган». В ст. 6 возникает понятие «гражданская служба», которое далее не интерпретируется. В российском Законе значительное место уделяется иерархическим отношениям между нанимателем и служащим: детально описываются условия поступления на государственную гражданскую службу РФ, условия ее прохождения, прекращения, правовой статус федерального государственного гражданского служащего. Содержание главы «Правовое положение государственной службы» во многом пересекается с рядом позиций из «Общих положений». Принципы гражданской службы в тексте российского Закона далее в тексте не конкретизируются, не совсем ясно, что именно следует понимать под «профессионализмом и компетентностью» гражданских служащих, под «стабильностью гражданской службы», кто может вмешиваться в профессиональную служебную деятельность госслужащего (ст. 4, позиции 3, 4, 6, 8). Аналогичная картина в белорусском законе: понятия «гласность», «профессионализм и компетентность», применимые к госслужбе, не разъясняются. В белорусском Законе подробно представлена процедура порядка ведения кадрового реестра. На наш взгляд, излишне многословна статья о комиссиях по присвоению классов и порядке их присвоения, в то время как квалификационных требований к госслужащему в тексте Закона также нет.

В законе РФ много внимания уделяется преференциям гражданских служащих: их правам, финансовым гарантиям, материальному и социальному обеспечению, а описанию обязанностей госслужащего отведено значительно меньше места. Показательно, что слова «граждане» и «общество» в Законе о гражданской службе единичны, они встречаются значительно реже, чем понятия «гражданский служащий» и «гражданская служба»; гражданская служба существует будто бы сама по себе, вопросы взаимодействия госслужащих с населением в тексте Закона не отражены.

Требования к служебному поведению носят, на наш взгляд, плеонастичный характер, модальность самоочевидна: «следует добросовестно исполнять обязанности», «нельзя оказывать предпочтения каким-либо объединениям или социальным группам» (механизм контроля за действиями госслужащего в данном случае не описан). Статьи 17 и 19 Закона РФ, касающиеся запретов и урегулирования конфликта интересов, также весьма самоочевидны (пп. 1, 4, 5, 8), или в них встречаются синонимичные, дублирующие друг друга положения. При этом неясно, кто несет ответственность за использование сведений о доходах, имуществе госслужащего [3, с. 12]. Стилистические совпадения отмечаются в изложении статей об обязанностях белорусского госслужащего: некоторые позиции сформулированы общо и дублируют друга (например, ст. 21, пп. 1.5, 1.6, 1.8 и 2) [4, с. 16]. Описания ограничений и запретов, касающихся госслужбы, прозрачны. Эта сфера правовых отношений представлена стилистически неопределенно, что может быть использовано для обхода этих положений (в частности, имеются в виду пункты о наличии двойного гражданства, о родственных связях среди госслужащих, о предоставлении / непредоставлении последними точных сведений о доходах).

Что касается статей законов, отражающих квалификационные требования, предъявляемые для поступления на госслужбу, то симптоматично, что в российском законе данные требования предъявляются именно «к должностям» (а не к субъектам, не к самим чиновникам) [3, с. 6]. В тексте белорусского закона субъект также не указывается – требования изложены к необозначенному субъекту права («при поступлении на государственную службу...») [4, с. 20]. Неясно также, какое именно «соответствующее / профессиональное образование» и какие именно «профессиональные знания и навыки» имеются в виду в качестве приемлемых для претендента на работу в госслужбе, хотя Закон РФ свидетельствует, что квалификационные требования к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей, устанавливаются нормативным актом государственного органа с учетом его задач и функций и включаются в должностной регламент гражданского служащего. Однако, на наш взгляд, без минимального перечня конкретных компетенций госслужащего в основном документе, регламентирующем деятельность госслужбы с точки зрения критериев эффективности её деятельности, данный раздел представляется слишком стандартизированным: в таком случае, чем отличается госслужащие от других профессий?

Неконкретность языка наблюдается, например, и в ст. 61 Закона РФ о профессиональной подготовке кадров на госслужбу: в ней всего три положения, которые в силу своей краткости не дают ответа на вопрос: где именно ведётся профессиональная подготовка кадров? [3, с. 53].

Гл. 15 посвящена органам государственного надзора и контроля за соблюдением законодательства РФ гражданской службой страны, однако непонятно, о каких именно специально уполномоченных государственных органах идёт речь в данном случае.

Отражение в документах в первую очередь процессуально-организационных, структурных вопросов государственной (гражданской) службы (порядок ведения кадровых реестров, изучение сведений о кандидатах, права и обязанности лиц, составляющих кадровый резерв, условия подписания контракта и др.) может свидетельствовать о приоритетности, предустановленности вертикальных отношений, свойственных государственной иерархии. Акцентирование процедурных моментов прохождения госслужбы может объясняться многоступенчатым характером этого процесса, поэтому в текстах неизбежно фиксируются повторы, дублирование информации, недоговорённость (так, одна из самых частотных лексем в обоих текстах – неопределённое местоимение «иной/иные/иное»: какие именно иные государственные гарантии, какие иные поощрения правительства и президента стоят за статьями 53 (п. 5) и 55 (п. 3) российского закона? В белорусском законе – «иные условия, иные акты, иные случаи использования»: «Государственный служащий <...> осуществляет в пределах своей компетенции иные функции, предусмотренные настоящей статьей и актами законодательства <...> имеет и иные права, предусмотренные законодательством Республики Беларусь»; «Иные гарантии для осуществления полномочий отдельными категориями государственных служащих, не предусмотренные настоящим Законом, могут устанавливаться законодательными актами, закрепляющими их правовой статус» (ст. 46).

Язык и стиль обоих законов соответствует нормам русского литературного языка, адекватен критериям, установленным специалистами по лингвистической экспертизе юридических текстов. Обобщенность, неконкретность, размытость как характерные черты официального стиля могут свидетельствовать о неоднозначности понятий, определенной избыточности содержания и его дублировании.

Известно, что язык концептуализирует власть, и данные лингвистического анализа языка нормативно-правовых актов проявляют необходимость реализации таких актуальных направлений модернизации государственной службы, как ограничение корпоративных интересов бюрократии, уменьшение роли вертикальной административной иерархии и развитие горизонтальных связей между различными госструктурами.

Список литературы

1. Гришенкова Ю. А. Актуальные вопросы современной юрислингвистики // Ярославский педагогический вестник. URL: http://vestnik.yspu.org/releases/novy_e_Issledovaniy/26_4/ (дата обращения: 15.08. 2013).

2. Выписка из должностного регламента старшего специалиста 1 разряда протокольной части отдела делопроизводства Правительства Пензенской области. URL: [http://www.penza.ru/files/penza.../vypiska_iz_dr_starsh_spec_1_gazryada_od\(1\).doc/](http://www.penza.ru/files/penza.../vypiska_iz_dr_starsh_spec_1_gazryada_od(1).doc/) (дата обращения: 08.04. 2013).

3. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. Закон Рос. Федерации, принят Государственной Думой 7 июля 2004 года, № 79-ФЗ. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=149158;fld=134;dst=4294967295;rnd=0.2257907772436738;from=58301-0> (дата обращения: 08.04. 2013).

4. О государственной службе в Республике Беларусь: Закон о Респ. Беларусь, 14 июня 2003 г., № 204-З; принят Палатой представителей 13 мая 2003 года // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь, 19 июня 2003 г., № 2 / 953.

5. Прайд Ю. Ф. Юридическая лингвистика в Украине: вчера, сегодня, завтра // Юридическая лингвистика. URL: <http://stud24.ru/civil-law/juridicheskaya-lingvistika-v-ukraine-vchera/481703-1840046-page1.html> 2013. (дата обращения: 02.09. 2013).

УДК 008

ББК Ш1, 81. Ч11, 71

И. В. Морозов
г. Минск (Беларусь)

Прологомены к теории лингвистической абсолютности

Современные проблемы культуры сродни проблемам затяжной, хронической болезни живого организма. И для своего разрешения они требуют обращения к сущности и состоянию языка как принципиального атрибута культуры. Наряду с теорией лингвистической относительности есть основания подвигать и теорию лингвистической абсолютности.

Ключевые слова: *культура, язык, лингвистическая относительность и абсолютность, имя, вопрошание, молитва, утверждение*

I. V. Morozov
Minsk (Belarus)

Prolegomena to a theory of linguistic absoluteness

Modern problems of culture are as the problems of the protracted, chronic illness of living organism. And for the permission they require an address to essence and state of language as a principle attribute of culture. Along with the theory of linguistic relativity there are grounds to move the theory of linguistic absoluteness.

Key words: *a culture, a language, linguistic relativity and absoluteness, a name, a questioning, a prayer, an affirmation*

То, что наша культура как духовная ипостась бытия человека-в-мире, переживает, мягко говоря, не лучшие времена – факт, хотя, впрочем, и оспоримый. Однако существует беспристрастный индикатор культурного недомогания, оптимальный, если не лучший способ отразить кризисную ситуацию – это наблюдения за изменением языка (Г.-Г. Гадамер). И наблюдение это откровенно настораживает, что само по себе обуславливает интерес к феномену языка, который «всеми тончайшими фибрами своих корней связан с народным духом» (В. Гумбольдт). И также закономерно формируется концепция лингвистической относительности (Сепира – Уорфа), многие другие исследования, исповедующие опосредованность человека языком, когда он начинает «мыслить сам», порождая уже из самого себя новые формы мыслительной деятельности, открывая себя для вольного сотворчества «человек-язык», поскольку тип и функции языка есть организм духа (В. Гумбольдт). И организм этот должен конгениальным образом выражать существо бытия человека, способного и обязанного именовать, вопрошать, молить, утверждать.

Прежде чем «изгнать» из Эдемских кущ Адама с Евой, ветхозаветный Бог удостоверился, смогут ли они не просто выжить, но быть, согласно задуманному, «как боги». Отчего он и устро-

ил «выпускной» экзамен: «образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных и привёл их к человеку, чтобы видеть, как он назовёт их, и, чтобы, как наречёт человек всякую душу живую, так и было имя ей».

Исламский Аллах, согласно Корану, был даже более последовательным, ибо, «установив на земле наместника» своего Адама, Он также принялся за его «образование»: «И научил Он Адама всем наукам, а потом их предложил ангелам <...>. Он сказал: «О, Адам, сообщи нам имена их» <...>. И вот сказали мы ангелам: “Поклонитесь Адаму!” И поклонились они...».

Господь-Аллах, очевидно, не без удовлетворения наблюдал, как исполняется его главный промысел, как человек соучаствует в Начале, дающем движение мысли, словно мать, заботливо отправляющая в житейский путь своих единокровцев. Потому как «обладающее именем – мать всех вещей» (Лао-Цзы). «*Nominasinescisperitetcognitioreorum*» («Не знать имен — не знать и вещей» (лат.)).

Имя – благовест, возвещающий об уникальных явлениях и существе, о бытии самопостигающего жития. Имя придаёт тот минимум духа, что превосходит любой максимум, заложенный в закромах безмолвной материи. Именованье – значит *пронимать* нечто смыслом, дабы *понимать* и *принимать* его вещьность, отводить всему и вся подобающее место в жизни и самому *занимать* его. Или – иметь место быть. Возвещая: «Я!», выказывая тем присущую себе замечательную инаковость в многообразии «Мы», «Они».

Закономерно, что в полнозвучном мире имен-сущностей, уникальных место-имений выжить позволила разве что изродная общительность человека, предполагала знание и собирание – созывание для своих нужд всех присущностей-имен его мира. Это их признание как обретенное знание, как самосоздание. Ведь людей создало именуемое признание, обуславливающее звательный падеж – исходный, самый первый падеж, господствующий. Поскольку он обязует задавать всему, на что направлено именованье, свою позицию в системе координат мироздания, чтобы приближаться или удаляться от него, ориентироваться и прокладывать путь. Именованье – поиск и выбор, отыскание семантической цели, центра – сущностного образа и идеи [3].

В том числе непременно и идею Бога, как абсолютную идею, идею Абсолюта. Так что в первых именах нераздельно уживались «существительные» с «глаголом». А высшему, священному действию, в котором, как частные случаи, заключены все действия нашей повседневности, с тех пор соответствует и высшее священное имя – Имя имен, Имя Бога. Таким образом, Бог – это поименованная принуждающая сила, Высшее Имя и одновременно Высший Глагол [3, с. 172].

Отсюда удостоверяемся, что в Начале действительно было Слово-Логос, которое реально означало не слово как таковое, а «силу языка», «силу именованья». Поэтому-то «в Нём была жизнь, и жизнь была свет человеков...».

Следовательно, Слово-Имя априори экстравертивно, оно глаголет, идет на общение за расширением мира имен. Именованье – достаточно властолюбиво. Отсюда назвать что-либо его именем – значит, получить над ним власть (О. Шпенглер).

Поэтому Боги, в общем-то, не утаивают свои Имена, соглашаясь, что их дают люди, одаривая богов магией и мистикой совместного со-бытия. «Бог не желает от тебя ничего большего, как чтобы ты вышел из себя самого, поскольку ты тварь, и дал бы Богу быть в тебе Богом...» (М. Экхарт).

Имена житействуют не только и даже не столько в пространстве, сколько во Времени, в котором также приходится и ориентироваться, и отыскивать свое место-предназначение. «Судьба имён – сама судьба времён» (Е. Евтушенко). С помощью наших имен мы включаемся во время и оказываемся отозванными из случайного момента. Потому как имена проходят сквозь все времена, они проходят сквозь вечность, они учреждают эту вечность. [3 с. 53]. И так имена одаривают нас неисчислимыми возможностями, потенциально окунают-крестят возможностью возможностей. Иными словами, перманентно ставят перед выбором, которому сопутствует, рвется на свободу вопрошание. Мы попросту обязаны во всяком случае вопрошать о правильном подходе и дальнейшем образе действия. Вопрошания нельзя избежать [2]. Однако оно не в тягость, ибо есть наша, человека мыслящего изродная присущность, как дыхание, как спасительный, а затем творческий инстинкт.

Во-про-шать – пытаться, стремиться узнать, что следует в энигме «про»-«за» свершившейся фактологичности нашего здесь-сейчас-бытия. Проникнуться, что там за горизонтом видимости, про-смотрения, про-из-ношения, про-мысливания. То есть, в толковании М. Хайдеггера, за не только эмпирически установленным, но прежде всего априори спроектированным горизонтом «способности-быть», в котором предвосхищается и ожидается приближение будущего [4].

Так что отыскание-присвоение места-имени – первый акт самообнаружения в пространственно-временном континууме. Исходная точка опоры, из которой взрывается весь последующий и практически вселенски неограниченный спектр вопрошаний и, что особенно важно, само-вопрошаний. Во благо достаточно успешного, уверенного продвижения от одного места-имени к другому, что собственно и составляет мысль, а также представление о житии как последовательной чередой имен-событий, особым непредсказуемым пути-тексте.

Верным попутчиком человек взял здесь молитву, что бы страховка в виде наитий, предчувствий, знаний не подвела. Молитва – квинтэссенция самовопрошания.

Это наиболее истинная форма разговора с глазу на глаз. Она очищает нас от скверны, греха, заблуждения, она ориентирует нас. Молитва увлекает нас к нашему предназначению. Исходя из него, становятся ясными заповеди совместной жизни с существами, предназначение которых оказывается таким же. Молитва говорит нам не столько о том, кто мы такие есть, но – и это куда важнее – о том, кем мы предназначены быть! Имена богов – это молитвы [3].

Молясь богам, мы уверены, что они понимают нас, то есть что говорим на одном с ними языке. А он, «организм духа» обеспокоен, озабочен нашим житейским место-имением, а также тем путем-поприщем, коим мы его отсылаем во Время. Поэтому-то «Бог заставляет нас говорить», – удовлетворяя свое вопрошание и молитвы-воззвания. Заставляет мыслить-говорить всеми одаренными-обретенными языками – речью, жестом, письмом, красками, камнем...

Так Он желает уверовать, убедиться, что мы утвердились сами в себе, в своем имени-событии и следуем его предназначению. Утверждение – нерукотворное мощение своего пути-судьбы. Самоутверждение себя как место-имени в целостной со-в-местности, где свобода отзывчива, заботлива, ответственна к вопрошанию близких и дальних. Ибо путь-судьба каждого есть непрерывная частица пути-судьбы общечеловеческой. «Мы говорим для того, чтобы сказать друг другу, куда ведет путь» [3]. В этой подвижной стихии «существительное» и «глагол» различимы, но едины как событие, как заповедные попутчики.

Итак, если мы признаем, именуем Бога Абсолютом, это уже первая и верная, точнее, вверенная посылка относиться к слову-языку как тождественному Абсолюту, у которого априори должна быть некая независимая от внешних сиюминутных факторов, архетипическая, врожденная, универсальная, богоданная и боговзятая, абсолютная присущность. Она таится, точнее, явствует в каждом акте смысловыражения в качестве «глубинной грамматики» (В. Гумбольдт), «априорной грамматики» (Э. Гуссерль). Той грамматики, что более сложна, чем самые толстые учебники по стилистике или чем большинство компьютерных языковых систем, и позволяет назвать язык «хорошо отлаженным биологическим инстинктом». (С. Пинкер).

В основе всех этих «сверхсложных» «мистических» грамматик – гениальная простота, непреложно атрибутивная бинарная оппозиция-двучлен, состоящий из существительного (образ наличествующего бытия, имени) и глагола (образ диалектического свершения, вопрошания, молитвы, утверждения). В любом смысловыражении ни один из этих феноменов не может находиться, торить свой путь без реального или даже подразумеваемого соучастия другого «попутчика». В результате «атомарные факты» – предметность, движение, состояние, – в своем отношении-изменении образуют «атомарные предложения» (Б. Рассел). Схематично все они сводятся в качестве кванта всякой мысли-текста к универсальному грамматическому трехчлену: **Существительное – Глагол – Существительное***.

Это закономерный, естественный лингвистический эквивалент столь же универсального житнетворческого трехчлена осуществляемой, воспринимаемой и рефлекслируемой локомоции-Пути в пространстве-времени: **Место – Переход – Место***

В сфере повседневности: **Ситуация – Событие – Ситуация***

Наконец, как феноменальная формула предназначения человека, каждого его помысла, поступка и жития в целом: **Имя – Вопрошание, Молитва, Утверждение – Имя***

На этой основе видится возможность построение теории лингвистической абсолютности. В отличие от гипотезы лингвистической относительности, согласно которой реальный мир строится на основании языковых норм данной группы (Э. Сепир) и на факте того, что мы расчлняем природу в направлении, показанном нашим родным языком (Б. Л. Уорф), она воспринимает общечеловеческое общение-существование не суммой «атомарных фактов» и даже не «атомарными предложениями», но единым синергетическим феноменом бытия-становления человека-языка. Другими словами, чтобы мы ни думали-выражали, есть лингвистический акт, содержание и предназначение которого, вопрошание себя-в-мире и обмен с ним-собой оригинальной мыслью. Именно поэтому, на каком бы языке ни говорил человек, он говорит на общем языке и одновременно исключительно на своем-личностном, чем собственно и определяется его самость-самобытность.

И все современные культурные перипетии следует тогда понимать как опрятность, богатство и разнообразие языка – «дома бытия» (М. Хайдеггер). Исходя из направленности и целей имяславия и имяборчества, из содержания, озабоченности, духовной наполненности вопрошаний, молитв и утверждений – из смысла-пути Жития. Это и будет откровение-исповедь на само-вопрошание Человека-Бога-Культуры. Хотя, как знать, не означает ли знаменитое ницшеанское «Бог мертв» умирание Языка? Или запущенная хроническая болезнь его все-таки излечима? Или, наконец, пути этого Абсолюта неисповедимы и все попытки продвинуться по нему есть разве что пролегомены с их горизонтом «про»-«за», всегда предварительные рассуждения, введение? Но предваряющие же, вводящие...

Список литературы

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. 250 с.
2. Корет Э. Основы метафизики. Киев: Тандем, 1998. 248 с.
3. Розеншток-Хюсси О. Бог заставляет нас говорить. М.: Канон+, 1997. 288 с.
4. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.

УДК 882

ББК 83.3 (2)

И. А. Романов
г. Чита (Россия)

Тенденции современной русской литературы

В предлагаемой статье рассматриваются некоторые тенденции литературного процесса последних десятилетий. Выделяются черты современной поэтики: чувство зыбкости, безосновности бытия, доминирование маргинального героя, наличие образов-символов, передающих семантику транзита, стилевая игра и др.

Ключевые слова: *поэтика транзита, маргинальность, литературоцентричность, кризис вербальности*

I. A. Romanov
Chita (Russia)

Trends in contemporary Russian literature

The article deals with some tendencies of literature process of the last decades of the XX – st century in the context of special transition poetry. The features of this poetry are mentioned: the feeling of unsteadiness; unbased being; the domination of a marginal character; the presence of images– symbols; conveying the semantics of transit; stylistic play, etc.

Key words: *poetry of transit, marginality, literature centrality, the crisis of barbulesti*

Радикальные изменения в общественной, экономической, политической жизни страны, происходящиеся на конец 1980-х – 1990-е гг., не могли не отразиться на состоянии русской литературы. Крах советской идеологии, крушение соцреализма поставили литературу в положение крайней

неопределенности. Собственно, в таком же положении оказывается и российское общество, отказавшееся от прежней ценностной системы, но так и не сформировавшее новой: заданное реформами движение в будущее стало движением в неизвестность.

Развитие отечественной словесности (и культуры в целом) на рубеже XX–XXI вв. определили, как минимум, три знаковых явления.

1. Кризис коллективистского мышления. Коллективизм российское общество культивировало с незапамятных времен, меняя лишь его вербальные оболочки (соборность, общинность, коммунизм). Русская литература, при всем многообразии созданных ею образов, всегда своим персонажам давала оценку, исходя из их соответствия коллективистским ценностям – будь то православный канон у Ф. Достоевского или патриархальный деревенский быт у В. Распутина. По сути, литература создала мощный коллективистский метатекст, в который вошли лучшие произведения классики. Коллективизм давал чувство стабильности и иллюзию твердой духовной почвы (наверное, все-таки иллюзию, иначе как объяснить беспрецедентный трагизм русской истории и такой драматический накал отечественной словесности, какого не знала ни одна литература мира).

Все изменилось в конце 80-х-начале 90-х, когда на волне реформ и всевозможных разоблачений коллективистский рай был как бы «отменён», и новые вожди повели свой народ в светлые дали либерализма и рыночной экономики. Однако то ли конечный пункт этого движения не был точно намечен, то ли реальность требовала всевозможных корректировок, но российское общество с тех пор так и пребывает в движении неизвестно к чему (понятно, почему В. Пелевин назвал одну из своих книг «Диалектика переходного периода из ниоткуда в никуда»), и конца ему не видно. Транзитный характер этого движения с его неопределенностью и даже абсурдностью превосходно передаёт творчество многих современных авторов.

2. Одной из главных черт, характеризующих ситуацию в литературном пространстве 90-х, стало изменение самой роли словесности в обществе. Литературоцентричная модель, господствующая в России в течение веков, рухнула, а вместе с тем исчезло и представление о Высшей миссии писателя. В новой ситуации сложно себе представить, например, чтобы первое лицо государства пристально следило за судьбой какого-либо автора, то ли чувствуя исходящую от него опасность, то ли надеясь использовать в своих целях. Так (общеизвестные факты), император Николай I был личным цензором А. Пушкина; И. Сталин покровительствовал М. Шолохову и К. Симонову, не дал расстрелять Б. Пастернака и А. Ахматову, зато уничтожил О. Мандельштама, не простив разоблачительных стихов, И. Бабеля, Б. Пильняка, А. Веселого и многих других; «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына вряд ли увидел бы свет в своё время, если бы не поддержка Н. Хрущева. Только в литературоцентричной стране мог возникнуть поэтический бум конца 50–60-х годов, который породил целую плеяду абсолютно не похожих друг на друга авторов – от Е. Евтушенко и А. Вознесенского до Н. Рубцова и Ю. Кузнецова, от И. Бродского и А. Кушнера до Г. Сапгира и Г. Айги. Сама поэзия в это время, как и в период «золотого» пушкинского века, стала символом внутренней свободы, духовного поиска, надежды на обновление жизни.

Последний всплеск литературного центризма приходится на период перестройки, когда значение книги резко увеличивается, а громкие публикации тех лет широко обсуждаются, причем не только среди гуманитарной интеллигенции. В изданных в то время произведениях читатель искал ответы на злободневные вопросы современности, правды о событиях революции, гражданской войны, коллективизации, сталинского периода, трагедии Великой Отечественной войны. В первую очередь, он ждал нравственных оценок советского периода, надеясь на то, что шокирующие разоблачения позволят обществу преодолеть прошлое и поставить диагноз настоящему, а главное – чего литературе, к сожалению, и не удалось – сформировать приемлемый образ будущего. В этой связи публикации авторов как прежде запрещённых Русского Зарубежья и андеграунда, так и нравственно ориентированной деревенской прозы оказали влияние на общественное сознание в не меньшей степени, чем деятельность М. Горбачева и решения Политбюро. Однако подпитываемые литературой надежды в очередной раз не оправдались: вряд ли советский человек и читатель-интеллигент ожидал краха СССР и жестокие реформы 90-х. Вместе с рухнувшим государством в пропасть полетела и литература, но как не могла погибнуть страна, именуемая не-

когда СССР, а еще раньше Российская империя, так не могла исчезнуть и её литература. Правда, метаморфоза, произошедшая с ней, не менее, а скорее даже более радикальна по сравнению с изменениями общественного порядка.

Главными эмоциями в современной литературе становятся чувства зыбкости, бесосновности бытия. Прежняя, устоявшаяся аксиология уже не воспринимается как живая и подлинная по причине ее несоответствия реалиям современной действительности. Новые же ценности, ориентирующие человека на бездумное потребительство и получение от жизни как можно большего количества чувственных удовольствий, просто не вдохновляют. Подобная коллизия представлена в произведениях В. Пелевина, в романе В. Маканина «Андеграуд, или Герой нашего времени», в книгах молодых авторов – «Мачо не плачут» И. Стогова, «Головоломка» А. Гарроса и А. Евдокимова, «Духless. Повесть о ненастоящем человеке» С. Минаева. Герой современной литературы, потеряв духовную почву, в полной мере познал то, что еще в начале XX века знаменитый русский философ Л. Шестов назвал «апофеозом беспочвенности». Жизнь в реальности, представленной у многих современных писателей, кажется невыносимой, но другого места для существования просто нет. Удел героя – обживать то, что имеется.

Доминирующим героем новой прозы становится маргинальный человек, живущий в мире, лишённом четких и незабываемых духовных ориентиров, существо, которому не во что верить. «Новая русская литература засомневалась во всем без исключения: в любви, детях, вере, церкви, культуре, красоте, благородстве, материнстве, народной мудрости, а позднее и в Западе», – говорит писатель и критик В. Ерофеев [1, с.13]. В конечном счете, сомнение и есть отражение нынешней духовной ситуации в стране. Ни одна система ценностей, претендующая на сакральность, не способна сейчас объединить население России. В результате современный человек остается на распутье, без твердой духовной почвы под ногами. Литература фиксирует это мучительное состояние современного человека в зыбком, обесмысленном мире, при этом не предлагая иллюзорных рецептов спасения. Внимание к маргинальному герою, как представляется, следует искать в той парадоксальной ситуации предельной интеллектуальной эмансипации и предельного же идеологического прессинга (тоталитарно-коммунистического или буржуазно-капиталистического – не важно), которую приходилось переживать человеку в последние десятилетия. Уход на окраину стал в этой ситуации едва ли не единственной возможностью сохранить духовную свободу.

Современные писатели обращаются к специфическим художественным средствам, которые в совокупности создают особую транзитную поэтику. Во многих произведениях мы встретим образы, прямо передающие семантику транзита. В поэме прямого предтечи новейшей литературы В. Ерофеева «Москва – Петушки» большая часть действия развивается в электричке. Герой повести В. Пелевина «Желтая стрела» едет в поезде (образ поезда появляется также и в романе «Чапаев и Пустота»). Самое важное в романе С. Болмата «В воздухе» («транзитный» смысл самого названия очевиден) – встреча главных героев – происходит в зале ожидания аэропорта. В повести В. Маканина «Лаз» небольшое отверстие в земле позволяет герою передвигаться между верхним и нижним мирами. Бесконечный коридор общаги в его же романе «Андеграуд, или Герой нашего времени» становится символом современной России. Путешествовать можно не только в реальности, но и между реальностями. Мотив сна довольно часто встречается в современных текстах (В. Маканин, В. Пелевин, Ю. Кисина и др.), где иногда вообще ставится знак равенства между объективной действительностью и миром другим.

Для поэтики транзита характерен соответствующий набор эстетических установок. Транзитный текст отмечает как бы «неоформленность», «недоделанность» с точки зрения традиционной поэтики. Иногда исчезает сюжет как таковой, и текст превращается либо в подобие черновиков, набросков к так и не написанному произведению («Бесконечный тупик» Д. Галковского, «Дневник неудачника» Э. Лимонова), либо в череду рассказов из жизни самого автора (Евг. Попов), либо в длинный перечень реплик множества людей («Очередь» В. Сорокина, тексты Л. Рубинштейна). По определению А. Гениса, современный текст либо вторичен, либо дискретен. Интертекстуальность, стилистическая игра – еще один признак транзитного текста. Как и фрагментарность, когда текст как бы раскалывается на куски – эпизоды, впечатления, мысли (такой тип письма известен в России с начала XX века: «Уединенное» и «Опавшие листья» русского философа В. Розанова были написаны в такой манере и имели большой успех).

3. «Недоделанность» транзитного текста проявляется и на уровне речи писателя. Авторы зачастую сознательно допускают нарочитую небрежность, используют грубую лексику, зачастую не чураясь и мата. Вообще, литература, пожалуй, первой отразила ситуацию, сложившуюся в современном языковом пространстве. Лучшее всего ее выразил в своей повести «Блуда и МУДО» писатель А. Иванов (2), используя аббревиатуру «КВ», переводимую как «**кризис вербальности**». Речь здесь идет о том, что привычные всем понятия, выражаемые словами с их лексическим значением, уже не несут современному носителю языка тот смысл, которым они обладали когда-то. Герои романа, в частности, размышляют о том, насколько прежнее значение слова «семья» не соответствует реалиям сегодняшнего дня. Остается только слово, в котором есть означающее, но давно утрачено означаемое, привычная этикетка, в которую уже не вложить смысл. Перечень понятий, некогда определявших существование человека, а теперь растерявших свое внутреннее содержание, можно продолжать бесконечно долго: дружба, любовь, патриотизм и т. д.

Кризис вербальности на уровне общества и культуры приводит к кризису коммуникации, так как зачастую из процесса общения выпадает такой ключевой компонент, как понимание. В этом смысле бахтинская теория диалога как универсального модуса существования культуры не может не оказаться под сомнением. Об этом говорит, в частности, такой выдающийся филолог, как М. Гаспаров: «Неоправданно оптимистической кажется мне модная метафора, будто между читателем и произведением (и вообще между всем на свете) происходит диалог. Даже когда разговаривают живые люди, мы сплошь и рядом слышим не диалог, а два нашинкованных монолога. Каждый из собеседников по ходу диалога конструирует удобный ему образ собеседника. С таким же успехом он мог бы разговаривать с камнем и воображать ответы камня на свои вопросы» (3, с. 173–174). Недаром тема одиночества и разобщения становится одной из центральных в современной литературе.

Девальвация слова, отрефлексированная ещё в конце 70-х годов. С. Довлатовым в «Заповеднике» и концептуалистами, определяет очень многое в новой литературе. В подобной ситуации писателю, работающему именно со словом, чрезвычайно сложно быть современным и создавать художественные продукты, которые будут обладать безусловной эстетической ценностью. Творчество всё больше становится похожим на «языковую игру», и, как следствие, художественное пространство, которое можно понимать как некую идеальную совокупность всего, что пишется и издаётся сейчас, наполняется необозримым количеством индивидуальных смыслов, при потере Смысла универсального и сверхличностного.

Может быть, именно поэтому «транзитный» писатель **не верит** в воспитательную роль литературы, не хочет быть пророком, да и на себя и собственное творчество смотрит с достаточным смирением. Русский читатель привык, чтобы писатель, ставя в своих книгах нравственные, философские, социальные и иные проблемы, сам же их и решал, давая некие примеры внутреннего преображения человека, его духовного воскресения или гибели. На самом деле, подобные примеры оказывались весьма далеки от жизни, превратившись в художественные абстракции. Новая русская литература, принципиально отказываясь от прямолинейного дидактизма, не дает никаких односложных ответов и никаких умозрительных «примеров», она заставляет читателя думать и искать ответы самому.

Эстетическая ценность новейшей литературы неочевидна. Ее выявление – дело последующих эпох. Современный же читатель получает возможность сопоставить собственный опыт существования в один из интереснейших моментов отечественной истории с тем, что в это время было запечатлено в художественной форме.

Список литературы

1. Ерофеев В. Русские цветы зла: антология. М.: Подкова, 1998. С. 7–30.
2. Иванов А. Блуда и МУДО: роман. М.: Изд-во «АСТ», 2014. 576 с.
3. Ранчин А. История для бедных // Новый мир, 2011. № 9. С. 156–177.

Семантическая ситуация как объект междисциплинарного исследования

Семантическая ситуация как фрагмент языковой картины мира может быть объектом изучения с позиций разных подходов. Интересным представляется рассмотрение семантической ситуации с позиции семантического синтаксиса, например, ее модель и реперзентация в языке. В переводоведческом аспекте исследователь рассматривает, насколько изоморфно передается переводчиком семантическая ситуация в тексте. С позиции лингвокультурологии семантическая ситуация может быть рассмотрена как объект разных культур.

Ключевые слова: *семантическая ситуация, семантический синтаксис, переводоведение, лингвокультурология*

T. V. Tarasenko
Krasnoyarsk (Russia)

A Semantic Situation as an Object of Interdisciplinary Research

A semantic situation being a part of the language picture of the world can be treated as research object from the stand point of different approaches. The considering of a semantic situation from the perspective of semantic syntax – its model and language representation – could be very interesting. In the aspect of translation a researcher studies the isomorphic degree of conveying a semantic situation in the text. A semantic situation can be considered as an object of different cultures from the perspective of linguoculturology.

Key words: *semantic situation, semantic syntax, translation studies, linguoculturology*

Термин «семантическая ситуация» введен в отечественную науку в 70-е годы прошлого столетия, что стало следствием учения о семантике предложения. В центр внимания исследователей попала ситуация, отображаемая в предложении, и ее семантическая модель – пропозиция. С точки зрения Л. Теньера, предложение – это дерево, определяемое синтаксическими связями слов, а предикат – вершина, который связан с актантами, заполняющими его валентности [8].

В основе предложения как языкового факта лежит экстралингвистический факт, по теории лингвистики – денотат, представляющий не отдельный предмет, а событие или ситуацию. Семантическая организация предложения, ее составляющие и их репрезентанты стали объектом исследования лингвистов. В их поле зрения попали структура ситуации и ее элементы, механизмы взаимодействия между элементами ситуации. Поэтому реконструкция семантической ситуации позволяет описать ее как фрагмент обыденной и языковой картины, сопоставить языковую и научную картины мира одного языка, сравнить семантическую ситуацию и ее репрезентацию в двух и более языках. Постулируя взаимозависимость и взаимовлияние языка и культуры, можно говорить о возможности изучения феноменов материальной культуры в рамках лингвистики, теории перевода и лингвокультурологии. В качестве примеров для рассуждений стали две семантические ситуации – винопития и чаепития. Выбор этот не случаен. Обе эти ситуации входят в группу «физиологическое действие», типовая семантика которых описывается следующим образом: «Человек или живое существо совершает физиологические действия, необходимые для нормального функционирования организма, обеспечения его жизнедеятельности или как реакцию на что-л.» [6, с. 240]. Базовая модель: субъект – предикат физиологического действия – объект, основные предикаты – *есть, пить, кормить, поить, дышать, реагировать*. Ситуации объединены предикатом *пить*, а различие их в объекте питья – водка или чай. Поэтому обе эти ситуации занимают особое место в национальной картине мира. Известный историк и культуролог В. В. Похлебкин в своей книге «Чай и водка в истории России» так отвечает на вопрос о русском национальном напитке: «Русская драматургия довольно убедительно отвечает на такой извечно спорный и щекотливый для национального достоинства вопрос – что считать русским национальным напитком – чай (причем китайский чай...) или водку – свою, родную, собственного производства и изобретения? Ответ однозначен – чай. Почему? Да потому, что чай пьют во всех рус-

ских пьесах начиная с восемнадцатого века и до наших дней...» [5, с. 453]. С другой стороны, для большинства иностранцев Россия ассоциируется прежде всего с водкой. «*Что такое Россия? Ноль ответственности и океан водки!*» Так назвал журналист и блоггер Артур Соломонов свою статью о спектакле польского театра им. Моджеевской из города Легнице на московской сцене.

Рассмотрим семантическую ситуацию с позиции семантического синтаксиса, который формирует представление о смысловой устроенности высказывания. Синтаксическая семантика понимается не просто как объединение значений отдельных словоформ в совокупное значение предложения на основе синтаксической структуры, а как то содержание, которое определяется внеязыковым фактором. В этом понимании заключено кредо семантико-синтаксических исследований, ориентированных на денотативный аспект теории предложения. В основе предложения как языкового факта лежит экстралингвистический факт, по теории лингвистики – денотат, представляющий не отдельный предмет, а событие или ситуацию. Поэтому с позиции семантического синтаксиса интерес представляет ситуация как некое положение дел, с одной стороны; с другой, – языковое воплощение этого денотата – пропозиция [2, с. 31; 10; 11].

Центром пропозиции является предикат, ядро (центр), вокруг которого группируются участники ситуации – актанты и сирконстанты.

Ситуация винопития (*далее – СВ*), или распития алкогольных напитков, с точки зрения семантического синтаксиса входит в группу ситуаций «действие», является социально-физическим действием, минимальная модель которого следующая: субъект – предикат физиологического действия – объект: человек поглощает алкоголь, например: *Я пил водку крохотными глотками, и раскаленные пьяные слезы текли по щекам* (М. Елизаров «Библиотекарь»).

Ситуация винопития включает в себя не только пропозицию действия, но и пропозицию эмоционально-психологического состояния и речевого действия, может быть представлена и через предикат восприятия (зрительного и обонятельного), например: *Пищик. Видом видать, слухом слышать <...>. (Целуется с Лопахиным.) Коньячком от тебя попахивает, милый мой, душа моя* (А. Чехов «Вишневый сад»).

Стоит обратить внимание, что предикат физиологического действия *пить* является причиной последующего физического состояния *быть пьяным*, показателем чего являются фразеологические единицы, которые можно типологизировать по параметру «количество выпитого» – от малого до большого.

В ситуации винопития, как и в любой другой деятельности, наиболее значимой является фигура субъекта, без которого реализация данного процесса становится невозможной. Для его обозначения в литературном русском языке нет специального нейтрального номинатива. Соучастниками в данной ситуации становятся *друзья, приятели, товарищи, коллеги, родственники, случайные знакомые*. Лексема *собутельник* является стилистически маркированной (разговорное, сниженное), а *пьяница* обозначает человека, зависимого от алкоголя.

Образ «человека, злоупотребляющего спиртным» объективируется следующими лексемами, имеющими отрицательные коннотации: *пьяница, пьющий, пьянь, выпивоха, алкоголик, алкоголичка, пьянь, забудыга, запойный, спившийся, изрядно подвыпивший*. А также: *алконавт, агал, алик, бухарик, синяк, сквалыга, алкаш, сливарез, Кирюха, колдырь, в сосиску бухой* [9, с. 189–190]

Несложно угадать выбор объекта винопития русского человека – это водка.

Инструмент – актанты, обозначающие питейную посуду, с помощью которой осуществляется процесс винопития: бокал, кружка, рюмка, стакан, стопка, фужер.

Комитатив – «компонент, обозначающий сопровождающее действие, признак, сопутствующий предмет» [1, с. 431]. Роль комитатива в СВ выполняет закуска. Закуска (закусон, закус – просторечное) – еда, которой закусывают выпитое вино: *На закуску – икра* [7, с. 251].

Переводческий «взгляд» на семантическую ситуацию позволяет сказать, насколько изоморфно переводчик посредством перевода передал языковые и культурные особенности текста перевода. Изучение соотношения фрагментов оригинала и перевода показывает, что семантическая ситуация и репрезентирующие ее предикаты и актанты в принципе изоморфны. Одновременно с этим присутствует асимметрия при переводе, детерминированная, с одной стороны, актуализированными связями в самом тексте, когда в переводе на уровне лексем появляются добавления или опущения семантических компонентов оригинала, а с другой, – различиями культур, участвующих в процессе перевода.

Рассмотрим указанные теоретические и практические вопросы подробнее. Материалом для наших рассуждений послужил роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его перевод, выполненный Мидзуно Тадао в 1977 г. Глагол *выпить* как показатель определенного этапа СВ имеет в своем значении компонент *быстро*: например: *выпить до дна – выпить быстро и без остатка в питейной посуде; выпить залпом – выпить быстро, сразу, без передышки; осушить – выпить содержимое чего-нибудь до дна* (разг.). Мидзуно Тадао выбирает глагол «пить крепкие алкогольные напитки залпом», отчего авторские нюансы потеряны.

Например, в романе М. А. Булгакова читаем: *Маргарита покорно выпила, думая, что тут же ей и будет конец от спирта; у переводчика – Думая, что, выпив это, она точно умрет, Маргарита покорно выпила все до капли.*

Сложными для переводчика оказалось перевести слово *спирт*, для передачи которого выбирается английская лексема *alcohol*, показывающая неяпонское происхождение напитка, и японская *pozirikenopaiarikouru* «неочищенный алкоголь». Булгаковское *он совершенно перестал пить портвейн и пьет только водку, настоящую на смородиновых почках, отчего сильно поздоровел* переведено как: *Портвейн пить вообще перестал, а если и пьет, то только водку, настоящую на смородине, отчего, говорят, поправил здоровье.* Автор романа, рассказывая о судьбе Лиходеева, подчеркивает произошедшие перемены с ним: он перестал пить алкоголь (портвейн) и стал пить водочную настойку на почках смородины как лекарство. А в переводе персонаж просто «переключился» с одного алкогольного напитка на другой.

Для передачи количества выпитого используется лексема *hai* со значением «емкость для напитка», а дополнительное значение она получает в контексте: например, *hai* + водка = рюмка / стопка водки. Однако наряду с иероглифом *hai* переводчик использует в качестве синонима и английское *glass*. Поэтому трудно определить, где автор соблюдает симметрию при переводе, а где нарушает ее, так как выбор питейной посуды не всегда мотивирован. Булгаковский *лафитный стакан* передается как бокал для вина, тем самым меняется не только количество напитка, но и сам напиток.

Таким образом, можно утверждать, что при переводе СВ романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» переводчик постарался передать общий авторский замысел, но в деталях не был точен, что, во-первых, отчасти отражает общее стереотипное представление, в том числе и у переводчиков, о русских людях как сильно пьющих (среди них и женщины), пьющих крепкие напитки, пьющих не рюмками, а стаканами; во-вторых, неточность в мелочах создает иную культуру винопития, чем авторская, что, на наш взгляд, влияет на восприятие всего романа в целом.

С позиции лингвокультурологии мы хотели бы остановиться на ситуации чапития, точнее, на объекте чаепития – чае. Лексема ЧАЙ была заимствована из китайского языка русским и японским языком. Специфика «культурного пространства» ЧАЯ («cha» по-китайски; «oscha» по-японски) определена многими составляющими: *историей* (чай известен в Китае с рубежа новой эры и в качестве лекарства с VIII века). Согласно китайской легенде, открытие чая произошло около 2737 года до н. э. во времена правления императора Шен Нунга, написавшего в своем медицинском трактате: «Чай лучше, чем вино, так как не отравляет организм человека и не заставляет его говорить глупые вещи, о которых он потом, протрезвев, жалеет. Он лучше воды, так как в нем нет болезней, которые содержатся в гнилой и испорченной воде» [4]. Об этом говорят и китайские пословицы: *Лучше день без пищи, чем день без чая; После чашки чая не нужно вызывать врача.*

Япония заимствовала чай в качестве медицинского напитка из Китая во второй половине XII века. Чайная церемония, которая развилась вокруг него, является при этом чем-то уникальным для Японии. Она была изобретена в XV веке Мурата Дзюко, приверженцем жизни в гармонии с природой. В период Муромати политическая и военная элита, собираясь для дискуссий, часто пользовалась случаем для того, чтобы подать чай. Считалось утонченным удовольствием сидеть на досуге в тихой чайной комнате, огражденной от забот жизни, идущей снаружи, и внимать звукам воды, кипящей на жаровне.

В Россию чай пришел в XVII столетии (об истории чая в России см. [5]).

«Чайный стол» в России, в Китае и Японии принципиально различны: богатство и разнообразие различных закусок и добавок к чаю в русском застолье и полное их отсутствие в китай-

ском. В качестве легких закусок к чаю у японцев выступают кусочки сырой рыбы, рис на пару и суп из растертой заквашенной сои, а «сладости» из соевой пасты, муки и крахмала, совершенно несладки; значимостью ритуально составляющей культуры чаепития (гун-фу-ча – всемирно известная чайная церемония в Китае; чайная церемония в Японии); характером представленности в национальной литературе и многими другими.

Таким образом, чай в китайской, русской и японской культурах представляет собой уникальные конфигурации знаний агротехнического, технологического, кулинарного, медицинского, исторического, мифологического, эстетического, философского и литературного характера, отражая тем самым специфику бытового уклада нации и ценностные представления народа. Так, в китайском и японском языках лакунизировано русское значение «чай – чаепитие», а также отсутствуют словосочетания «чай с...» или «к чаю», например, *чай с медом*, т. к. чай в Китае пьют в процессе еды без каких-либо добавок. Носителям японского и китайского языков придется объяснять такие понятия, как *самовар, сахар, лимон, молоко, пироги, варенье; друзья и беседа*. Традиции китайского чайного застолья не связаны с долгими дружескими беседами, как это принято в России.

В русском языке лакунизировано значения китайского и японского языков «чай – вечнозеленое дерево с длинными листьями...»; из китайского – «подарок невесте при помолвке», «чайное масло», «чайный цветок», в китайском и русском языках отсутствует значение «чайная комната» японского языка, а значение «чайный домик» в китайском и японском языках наполнены разными смыслами.

Не включены в словари и существительные с суффиксами субъективной оценки, например: *чаек, чаечек, чайничек*; на русский язык невозможно дословно перевести с китайского *chaqingse* (оливковый цвет, дословно: *чайный цвет*), *chajiug* (темные очки, дословно: *чайные очки*), с японского *маття* – порошкообразный чай, который употребляется при чайной церемонии [3; 12].

Итак, итоги наших рассуждений таковы. Семантическая ситуация может стать той языковой единицей, при исследовании которой будут применимы разные междисциплинарные подходы как самой науки об языке, так и других наук. В качестве перспективы можно обозначить «исторический» подход: проследить, как менялось представление, например, о винопитии или чаепитии последние сто лет; сопоставительный подход: 1) сравнить представление о винопитии и чаепитии в разных культурах; 2) сопоставить винопитие и чаепитие как семантические ситуации, их модели и репрезентации.

Список литературы

1. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. 440 с.
2. Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 198 с.
3. Мещеряков А. Н. Книга японских символов. Книга японских обыкновений. М.: Наталис, 2003. 556 с.
4. Павловская А. В. Англия и англичане. М.: Издательство Московского университета, 2005. 270 с.
5. Похлёбкин В. В. Чай и водка в истории России. Красноярск: Красноярское книжное издательство; Новосибирское книжное издательство, 1995. 463 с.
6. Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / под общей ред. Л. Г. Бабенко. М.: Флинта: Наука, 2002. 464 с.
7. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общей ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2000. Т. 2. 670 с.
8. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
9. Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 272 с.
10. Шмелева Т. В. Предложение и ситуация в синтаксической концепции Т. П. Ломтева // Филологические науки. 1983. № 3. С. 42–48.
11. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций. Красноярск: КрГУ, 1988. 53 с.
12. Цзоу Сюэцян. Лингвокультурная специфика концепта «чай» и ее учет в обучении русскому языку китайских студентов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2007.

Микротопонимы Пекина как реалии языка и культуры. Диахронический аспект

В настоящей статье рассматриваются вопросы традиционных принципов наименования и переименования улиц китайских поселений (на примере г. Пекина)

Ключевые слова: *топоним, микротопоним, номинация, диахронический, хутун.*

М. Y. Shipanovskaya
Blagoveshchensk (Russia)

Microtoponyms of Beijing as the realities of language and culture. Diachronic aspect

This article is devoted to the main principles of traditional naming and renaming of streets in Chinese settlements (on the example of Beijing).

Key words: *toponim, mikrotoponim, nomination, diachronic, hutong.*

В процессе своей жизни человек осваивает пространство и именуется пространственные объекты. Обозначение пространственных объектов – процесс постоянный и непрерывный, который представляет собой результат длительной целенаправленной культурной и языковой деятельности людей. Роль культурной традиции в этом трудно переоценить.

В настоящей статье исследуются принципы номинации улиц г. Пекина в исторический период до 1949 г. и в настоящее время. Выбор дат не случаен, поскольку именно в 1949 г., после провозглашения нового государства Китайской Народной Республики, в Китае сменился политический строй и произошли значительные культурные, социальные и экономические изменения.

Таким образом, изучая названия урбанонимов Пекина, можно проследить влияние экстралингвистических факторов на традиции и принципы номинации городских объектов – улиц и переулков.

Вторжение в топонимику (в данном случае, в урбанонимы) экстралингвистических факторов (идеологических, мировоззренческих) приводит к тому, что «нельзя говорить об ономастическом пространстве какого-либо языка, а лишь об ономастическом пространстве человека определенной культуры», – пишет А. В. Суперанская в коллективной монографии «Теория и методика ономастических исследований» [3, 11].

Материалом для исследования урбанонимов г. Пекина послужили карты города с названиями улиц на китайском языке за 1941 и 2009 годы [1, 2].

В статье исследуется один из участков города, ограниченный улицами Внутреннего и Внешнего города г. Пекина. Внутренний город: 德勝門大街 (Deshèngmén dàjiē), 安定門大街 (Āndìngmén dàjiē), 阜成門大街 (Fùchéngmén dàjiē), 西直門大街 (Xīzhímén dàjiē), 東直門大街 (Dōngzhímén dàjiē), 朝陽門大街 (Chāoyángmén dàjiē). Внешний город: 廣安門大街 (Guǎng'ānmén dàjiē), 廣渠門大街 (Guǎngqúmén dàjiē), 左安門大街 (Zuǒ'ānmén dàjiē), 右安門大街 (Yòuānmén dàjiē), 永定門大街 (Yǒngdìngmén dàjiē).

Выбор этого участка города обусловлен тем, что до 1949 года г. Пекин представлял собой относительно небольшую территорию, в это время еще не наблюдалось массовой застройки города.

Старый город строили согласно строго установленным правилам. Его окружали мощные крепостные стены, фасады домов смотрели на юг, поперечные улицы пересекали город под прямыми углами, разделяя его на квадраты.

В прошлом Пекин был разделен на два крупных района, один из них был центром города (Внутренний город 内区), а второй являлся своего рода пригородом – Внешний город 外区. В периметре Внутреннего и Внешнего города располагалось множество пекинских кварталов, основных улиц было мало. Можно назвать главную улицу Чананьцзе (長安街 – улица Вечного мира), главную торговую улицу Ванфуцзин (王府井大街 – Колодец царской резиденции), главную площадь Пекина и Китая Тяньаньмэнь (天安門 – Врата Небесного спокойствия), 新華街 (улицу Новокитайскую), 西安門大街 (проспект Ворота западного спокойствия) и некоторые другие.

В большинстве своём кварталы пересекали переулки, которые являются характерной чертой китайской столицы.

Эти улочки называются хутуны (胡同 hútòng). На протяжении нескольких веков своего существования переулков стал установившимся архитектурным термином, обозначающим маленькие улочки в городах северного Китая. До 1949 г. в Пекине существовало значительное количество переулков, одни из них имели наименования, другие оставались безымянными вплоть до того времени, как их начали позже сносить.

В некоторых переулках в свое время жили известные и влиятельные люди. Для Китая наименования улиц именами людей не является традицией, но жители хутунов называли переулки именами известных людей. Например: 梁家胡同 (переулок Дом семьи Лян).

Иногда названия переулков давались согласно его визуальной форме. Например, один переулок смотрелся как бамбуковая палка. Поэтому он и получил название «Бамбуковая палка» 竹杆胡同. Другой – своими очертаниями напоминал нефритовый пояс, который носили гражданские чиновники в старом Китае. Поэтому переулок стал называться Нефритовый пояс 玉带胡同. Некоторые улицы и переулки назывались по внешнему облику (широкая, узкая, длинная улица): 廣渠門大街 – проспект Ворота широкой канавы.

Возможно, по причине того, что названия многим хутунам давали простые необразованные люди, некоторые наименования звучат сейчас довольно нескладно. Поэтому впоследствии они были заменены на более благозвучные. Например: Переулок Шаго Лю 砂锅刘胡同 (дословный перевод – переулок имени человека по фамилии Лю, который занимался производством горшков), теперь этот переулок назван Шаго 沙果胡同 – Переулок красных яблок.

В названиях улиц города преобладали другие культурные традиции.

Так, в названиях часто упоминаются стороны света. Подобная традиция является характерной чертой не только г. Пекина, но и прочих китайских поселений. Как правило, в названии указывается одна из сторон света – восток, запад, юг, север. Например: 北長街 – Северная длинная улица; 南長街 – Южная длинная улица и др.

В названиях улиц города отразилась хозяйственная деятельность его жителей. Так, к северу от дворца в пространстве между его стеной и северной стеной города располагался центральный рынок. В связи с этим появились улицы, названия которых непосредственно связаны с рынком, торговой деятельностью, различными ремёслами: 米市大街 – улица Рисовый рынок; 馬市大街 – улица Лошадиный рынок; 麻線胡同 – переулок Льняная нить (по названию фабрики изготовления тканей); 丁字街 – улица Тавровая (по названию завода металлопродукции).

Традиционными для китайских поселений являются названия улиц, получившие наименования по смежным объектам (мосты, административные учреждения, объекты религиозного культа и т. д.). Например: 天橋南大街 – южная улица Небесный мост (мост и район г. Пекина); 小六部口胡同 – переулок Вход в шесть маленьких министерств; 東堂子胡同 – переулок Восточный храм; 雍和宮大街 – проспект Дворец мира и согласия.

Среди наименований улиц и переулков г. Пекина встречаются названия, отражающие флору, фауну местности, т. е. мотивированные фитонимами и зоонимами, например: 松樹胡同 – переулок Сосновый.

Некоторые названия переулков и улиц могут выражать добрые народные пожелания, поэтому в названиях часто встречаются иероглифы «радость» (喜), «счастье» (福), «долголетие» (壽), «спокойствие» (安).

Благопожелания вошли, например, в состав следующих названий: 天安門 – площадь Врата небесного спокойствия; 安兒胡同 – переулок Спокойствие; 地安門大街 – улица Ворота земного спокойствия; 東長安街 – улица Восточный Вечный мир.

Кроме того, в наименованиях улиц отражена связь урбанонимов города с другими географическими названиями Китая: городами, провинциями, реками и т. д.: 文昌胡同 – переулок Вэньчан (по названию города Вэньчан, провинции Хайнань); 羊宜賓胡同 – переулок Баран Ибинь, Большой Ибинь (по названию города, провинции Сычуань); 西安門大街 – проспект Ворота Сиань (г. Сиань, провинции Шэньси).

Большинство широких проспектов города проходят через бывшие городские ворота, в их названиях присутствует слог mén (ворота), например: 正陽門大街 – улица Парадные юго-восточные ворота; 宣武門大街 – проспект Ворота провозглашения военной доблести; 安定門大街 – улица Ворота стабильного спокойствия; Аньдинмэнь.

Таким образом, в номинации улиц и переулков города Пекина в период до 1949 года прослеживаются следующие принципы, это:

названия, отражающие местоположение объекта относительно сторон света;

названия, связанные с рынком, торговой деятельностью и различными ремёслами;

наименования, мотивированные внешним обликом улицы или переулка (широкая, узкая, длинная) либо визуально напоминающие какие-либо предметы;

названия, отражающие флору, либо мотивированные фитонимами, а также мотивированные названиями животных, птиц, насекомых и рыб (фауна);

наименования, обусловленные расположенными рядом объектами градостроительства (административные учреждения, храмы, мосты, городские ворота и т. д.);

названия переулков и улиц, выражающие добрые пожелания;

наименования, в состав которых включены иероглифы, обозначающие естественный рельеф и ландшафты, т. н. «ландшафтные» урбанонимы.

Как показывает анализ наименований улиц современного Пекина (карта 2009 г.), принципы номинаций улиц города не претерпели значительных изменений. Большинство улиц сохранили свои исторические названия. Улицы и ранее безымянные переулки получили традиционные для Китая названия. Большинство «хутонов» к настоящему времени снесены либо перестроены, некоторые улицы, ранее расположенные друг за другом, объединены.

В наименованиях некоторых улиц появились раньше не использовавшиеся иероглифы: 内 – «внутренний» и 外 – «внешний». Это обусловлено активным градостроительством и стремительным расширением территории Пекина, начавшимся после 1949 г. Так, улицы, идущие внутри периметра, огороженного бывшими городскими древними стенами, содержат иероглиф 内 – «внутренний». А улицы, идущие за пределами стен, содержат иероглиф 外 – «внешний»: 宣武門內大街 – внутренний проспект Ворота провозглашения военной доблести; 永定門內大街 – внутренняя улица Ворота вечной стабильности.

Так же, как и ранее, в современных наименованиях пекинских улиц встречаются названия сторон света: 東巷胡同 – переулок Восточный закоулок.

Среди названий улиц, появившихся на картах Пекина после образования КНР, по-прежнему присутствуют наименования, связанные с рынком, торговлей, различными ремёслами, промыслами и видами производства: 鐵營胡同 – переулок Железный промысел; 鐵鳥胡同 – переулок Железная птица (возможно, название связано с предприятием, где изготавливали фигуры из железа).

На карте современного Пекина, как и на карте, датированной 1941 годом, встречаются названия, отражающие внешний облик той или иной улицы или переулка: 北竹竿胡同 – северный переулок Бамбуковая удочка.

Сохранилась традиция именовать улицы в соответствии с существующими рядом с ними объектами градостроительства: 石橋胡同 – переулок Каменный мост; 西直門大街 – улица Западные прямые ворота; 東直門大街 – улица Восточные прямые ворота; 前門大街 – улица Передние ворота; 井樓胡同 – переулок Колодезный домик.

Как и прежде встречаются названия, отражающие флору, либо мотивированные фитонимами, а также мотивированные названиями животных, птиц, насекомых и рыб (фауна): 柳罐胡同 – переулок Ивовая бадья; 小羊毛胡同 – переулок Шерсть маленького барашка.

И в современных, и исторических названиях улиц Пекина одинаково часто встречаются так называемые «благопожелательные» иероглифы: «долголетие», «счастье», «процветание», «защита», «плодородие», «гармония», «мудрость», «небо», «земля» и др. Названия переулков и улиц, выражающие добрые народные пожелания: 新開路胡同 – переулок Новый путь; 盛芳胡同 – переулок Цветущее благоухание; 興盛胡同 – переулок Расцвет.

Что касается традиционного принципа наименования улиц в честь китайских географических объектов (поселений, названий местностей и т. д.), на карте современного Пекина пред-

ставлены как исторические, сохранившие прежние наименования улицы, так и современные, появившиеся после образования КНР: 西文昌胡同 – Западный переулок Вэньчан (по названию города Вэньчан, пр. Хайнань); 大羊宜宾胡同 – переулок Большой баран Ибинь; Большой Ибинь (по названию города, пр. Сычуань); 东长安街 – улица Чанъань (г. Чанъань – прежде являлся столицей династий Цинь, Хань, Чжоу – ныне г. Сиань); 永定门外大街 – внешняя улица Ворота Юндин (уезд Юндин в округе Лунъянь, пр. Фуцзянь).

Традиция именовать улицы по именам людей не имеет в Китае широкого распространения, однако небольшой процент улиц, названных согласно данной традиции, существовал ранее и сохранён в настоящее время. В качестве примера можно указать наименования следующих переулков: отмеченный на карте 1941 г. 梁家胡同 – переулок Дом семьи Лян; Семья княжества Лян; появившийся впоследствии 前孙公园胡同 – переулок Передний парк Сунь (по имени человека, чей дом был расположен за парком).

После 1949 г. в Пекине появились улицы, в названиях которых отражается революционная и коммунистическая символика, однако количество подобных наименований относительно невелико. Примерами таких названий могут послужить следующие наименования: 建国门大街 – проспект Ворота основания государства (на карте 1941 г. данная улица отсутствует); 育劳胡同 – переулок Трудовое воспитание (на карте 1941 г. данная улица называлась 班大人胡同 – переулок Группы сановников); 红星胡同 – переулок Красная звезда (в честь флага КНР) (на карте 1941 г. данный переулок имел название 麻线胡同 – переулок Льняная нить).

Таким образом, результаты проведённого сопоставительного анализа наименований современных улиц и переулков, получивших названия до 1949 г., позволяют сделать следующие выводы:

1. Принципы номинации улиц Пекина соответствуют общепринятым традициям наименования улиц китайских поселений.
2. Принципы наименования улиц Пекина в период до 1949 г. и в современное время практически идентичны.
3. Смена государственного строя и политического режима находит достаточно слабое отражение в китайской микротопонимике.

Список литературы

1. Ван Дуаньпин. Миньго шици лао диту бэйпинши цюань ту (Карта старого Китая, периода Миньго, полная карта г. Бэйпина). Пекин: Чжунго диту чубаньшэ, 2008. 1 с. 王端平. 民国时期老地图×北平市全图. 北京: 中国地图出版社, 2008. 1页.
2. Лю Лифэнь. Бэйцзин цзяотун люёу ту (Карта туризма и путей сообщения г. Пекина). Пекин: Чжунго диту чубаньшэ, 2009. 2 с. 刘丽芬. 北京交通旅游图. 北京: 中国地图出版社, 2009. 2页.
3. Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований / отв. ред. А. П. Непокупный. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абросимова Оксана Леонидовна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Агибалова Татьяна Николаевна, канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры современных европейских языков, Харьковский институт финансов Украинского государственного университета финансов и международной торговли, г. Харьков, Украина.

Антошкина Антонина Алексеевна, методист, Читинский политехнический техникум, г. Чита, Россия.

Атсанавонг Саяна Григорьевна, канд. филол. наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Бабенко Елена Викторовна, канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германских языков и перевода, Национальный университет биоресурсов и природопользования Украины, г. Киев, Украина.

Багаутдинов Альберт Альбинович, канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарного образования и социологии, Альметьевский государственный нефтяной институт, г. Альметьевск, Россия.

Баранова Олеся Юрьевна, канд. филол. наук, доцент кафедры литературы, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Биктимирова Юлия Викторовна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Борисенко Наталья Олеговна, студентка 2 курса факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет, Высшая школа экономики, г. Нижний Новгород, Россия.

Валеева Роза Закариевна, старший преподаватель, Казанский государственный университет культуры и искусств, г. Казань, Россия.

Васильева Елена Анатольевна, магистрант 2 курса МП «Методические технологии в филологическом образовании», Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Васильева Наталья Владимировна, аспирант, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Воронова Лилиана Вячеславовна, канд. пед. наук, зав. кафедрой русского языка как иностранного, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Герасименко Надежда Владимировна, специалист по учебно-методической работе отделения подготовительных курсов, Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан, Россия.

Глинкина Галина Васильевна, канд. пед. наук, доцент кафедры общей и специальной педагогики и психологии, профессор РАЕ, Красноярский краевой институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, г. Красноярск, Россия.

Глухова Ольга Петровна, канд. филол. наук, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Татарстан, Россия.

Демиденко Анна Глебовна, канд. филол. наук, ассистент кафедры украинского языка, Криворожский педагогический институт ГВУЗ «Криворожский национальный университет», г. Кривой Рог, Украина.

Дзюба Елена Вячеславовна, канд. филол. наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия.

Димитриева Вероника Николаевна, канд. филол. наук, доцент кафедры литературы, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Дробная Елена Валериановна, аспирант, учитель СОШ № 47, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Дугаржапова Татьяна Максаровна, д-р филол. наук, зав. кафедрой монголоведения, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Ерофеева Ирина Викторовна, д-р филол. наук, зав. кафедрой журналистики и связей с общественностью, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Жамсаранова Раиса Гандыбаловна, д-р филол. наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Жирнова Валерия Александровна, студентка 2 курса факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет, Высшая школа экономики, г. Нижний Новгород, Россия.

Зайцев Дмитрий Михайлович, канд. филос. наук, профессор кафедры гуманитарных наук, Высший государственный колледж связи, г. Минск, Беларусь.

Зензерея Ирина Викторовна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, литературы и методики обучения, Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Россия.

Иванова Анастасия Викторовна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Игнатович Татьяна Юрьевна, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Ильин Илья Викторович, аспирант кафедры теоретической и практической философии, Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразин, г. Луганск, Украина.

Кабановская Елена Юрьевна, канд. психол. наук, доцент кафедры иностранных языков инженерно-технического направления, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Казакова Елена Юрьевна, старший преподаватель, Хулунбуирский университет, г. Хулунбуир, Китай, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Калинин Степан Сергеевич, магистрант факультета романо-германской филологии, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия.

Калинина Татьяна Леонидовна, канд. филос. наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Камедина Людмила Васильевна, д-р культурологии, профессор кафедры литературы, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Копытов Олег Николаевич, д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики и издательского бизнеса, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Косович Ольга Васильевна, канд. филол. наук, докторант, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченка, г. Тернополь, Украина.

Кречетова Ольга Викторовна, канд. филос. наук, доцент кафедры иностранных языков инженерно-технического направления, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Кудрина Татьяна Владимировна, магистрант 2 курса МП «Методические технологии в филологическом образовании», Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Кузмичева Ирина Владимировна, магистрант, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия.

Кузнецова Анна Юрьевна, канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков, МАТИ – Российский государственный технологический университет имени К. Э. Циолковского, г. Москва, Россия.

Лерман Ирина Викторовна, учитель русского языка и литературы высшей квалификационной категории, аспирант кафедры русского и контрастивного языкознания Казанского (Приволжского) федерального университета, лицей № 78 им. А. С. Пушкина, заслуженный учитель Республики Татарстан, г. Набережные Челны, Россия.

Литвинова Татьяна Александровна, канд. филол. наук, научный сотрудник Регионального центра русского языка, Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Россия.

Лобанова Татьяна Николаевна, канд. пед. наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск, Россия.

Любимова Людмила Михайловна, канд. филол. наук, профессор, зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Майоров Александр Петрович, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания, Бурятский государственный университет, Институт филологии и массовых коммуникаций, г. Улан-Удэ, Россия.

Макарук Лариса Леонидовна, старший преподаватель кафедры прикладной лингвистики, Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки, Институт иностранной филологии, г. Ковель, Украина.

Маргынец Михаил Сергеевич, канд. пед. наук, доцент кафедры начального образования, Красноярский краевой институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, г. Красноярск, Россия.

Мейкшане Татьяна Викторовна, научный сотрудник, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, НИИ теории и практики государственного управления, г. Минск, Беларусь.

Мележик Карина Алексеевна, канд. филол. наук, зав. кафедрой иностранных языков, Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Россия.

Михайлов Алексей Валерианович, канд. филол. наук, зав. кафедрой общественных связей, Сибирский государственный аэрокосмический университет им. акад. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия.

Михайлова Татьяна Витальевна, канд. филол. наук, доцент кафедры общественных связей, Сибирский государственный аэрокосмический университет им. акад. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия.

Морозов Игорь Вячеславович, д-р культурологии, профессор кафедры культурологии, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.

Морозова Александра Юрьевна, студентка 5 курса, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, г. Брянск, Россия.

Муравьёв Алексей Валерьевич, магистрант 2 курса МП «Методические технологии в филологическом образовании», Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Наказная Елена Викторовна, канд. филол. наук, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Норман Борис Юстинович, д-р филол. наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.

Оглезнева Елена Александровна, д-р филол. наук, зав. кафедрой русского языка, Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Россия.

Павлова Людмила Петровна, канд. пед. наук, доцент, Белорусский государственный экономический университет, Бобруйский филиал, г. Бобруйск, Беларусь.

Павлова Татьяна Михайловна, канд. филол. наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Петров Валерий Евгеньевич, аспирант, ХНУ им. В. Н. Каразина, кафедра теоретической и практической философии, г. Харьков, Украина.

Плотникова Галина Григорьевна, канд. пед. наук, старший преподаватель кафедры спортивной режиссуры, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, г. Краснодар, Россия.

Пляскина Елена Ивановна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Романов Игорь Александрович, канд. филол. наук, декан факультета филологии и массовых коммуникаций, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Сабирова Гулноза Бахриддиновна, преподаватель кафедры иностранных языков, Навоийский государственный педагогический институт, г. Навои, Узбекистан.

Савельева Елена Борисовна, старший преподаватель кафедры методики преподавания иностранных языков, Московский государственный областной гуманитарный институт, г. Орехово-Зуево, Россия.

Савельева Елена Борисовна, старший преподаватель кафедры методики преподавания иностранных языков, Московский государственный областной гуманитарный институт, г. Орехово-Зуево, Россия.

Сагдатуллин Артур Маратович, аспирант кафедры автоматизации и информационных технологий, Альметьевский государственный нефтяной институт, г. Альметьевск, Россия.

Сачкова Алина Павловна, магистрант 2 курса МП «Методические технологии в филологическом образовании», Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Сибирцева Вера Григорьевна, канд. филол. наук, доцент кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации, Высшая школа экономики, г. Нижний Новгород, Россия.

Сиддиков Гияс Юсупович, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Навоийский государственный педагогический институт, г. Навои, Узбекистан.

Смирнова Вера Анатольевна, канд. филол. наук, декан факультета филологии, переводоведения и межкультурной коммуникации, Дальневосточный государственный гуманитарный университет, г. Хабаровск, Россия.

Соколянский Александр Анатольевич, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка, Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан, Россия.

Тарасенко Татьяна Васильевна, канд. филол. наук, доцент кафедры общественных связей, Сибирский государственный аэрокосмический университет им. ак. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия.

Тарасова Елена Васильевна, канд. пед. наук, доцент кафедры литературы, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Ташбаева Барно, старший преподаватель, Андижанский государственный университет, г. Андижан, Узбекистан.

Торопова Елизавета Сергеевна, студентка 5 курса факультета иностранных языков и переводоведения, Московский государственный областной гуманитарный институт, г. Орехово-Зуево, Россия.

Трофимова Оксана Владимировна, канд. пед. наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Тукбаева Малохат Бахадировна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Навоийский государственный педагогический институт, г. Навои, Узбекистан.

Усова Ирина Викторовна, канд. филол. наук, доцент, филиал Донского государственного технического университета, г. Волгодонск, Россия.

Устинина Гульнара Фаварисовна, старший преподаватель, Казанский государственный университет культуры и искусств, г. Казань, Россия.

Федотова Татьяна Васильевна, д-р филол. наук, зав. кафедрой лингвистики и перевода, Южный институт менеджмента Высшей школы международного бизнеса, г. Краснодар, Россия.

Филинкова Елена Олеговна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Фильцова Марина Сергеевна, старший преподаватель, Крымский государственный медицинский университет имени С. И. Георгиевского, г. Симферополь, Россия.

Хабирова Евгения Игоревна, канд. филол. наук, доцент кафедры восточных и романо-германских языков, Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия.

Халявина Дарья Владимировна, канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры русского языка и профессионально-речевой коммуникации, Белгородский государственный научно-исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Цыдендамбаева Цыцык Ринчиндоржиевна, канд. пед. наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Черепанова Лариса Витальевна, д-р пед. наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Шестакова Елена Александровна, магистрант 2 курса МП «Методические технологии в филологическом образовании», Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Шипановская Людмила Михайловна, канд. филол. наук, профессор кафедры русского языка Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Россия.

Шипановская Мария Юрьевна, старший преподаватель кафедры китаеведения, Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Россия.

Шукуров Нусратулло Нарзуллаевич, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Навоийский государственный педагогический институт, г. Навои, Узбекистан.

Щекочихина Светлана Валерьевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Щурина Юлия Васильевна, канд. филол. наук, зав. кафедрой русского языка и методики его преподавания, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Научное издание

ЯЗЫК В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ КОММУНИКАЦИИ

Материалы международной научной конференции
г. Чита, 25–26 сентября 2014 г.

*Сборник издается в соответствии с материалами,
подготовленными редакционной коллегией*

Вёрстка Г. А. Зенковой.

Подписано в печать 27.11.14.
Форм. бум. 60×84 1/8. Печать офсетная.
Гарнитура Times New Roman.
Уч.-изд. л. 35,8. Усл.-печ. л. 25,7.
Тираж 500 экз. (1-й з-д 1–120). Заказ № 29014.

ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет»
672039, Чита, ул. Александро-Заводская, 30